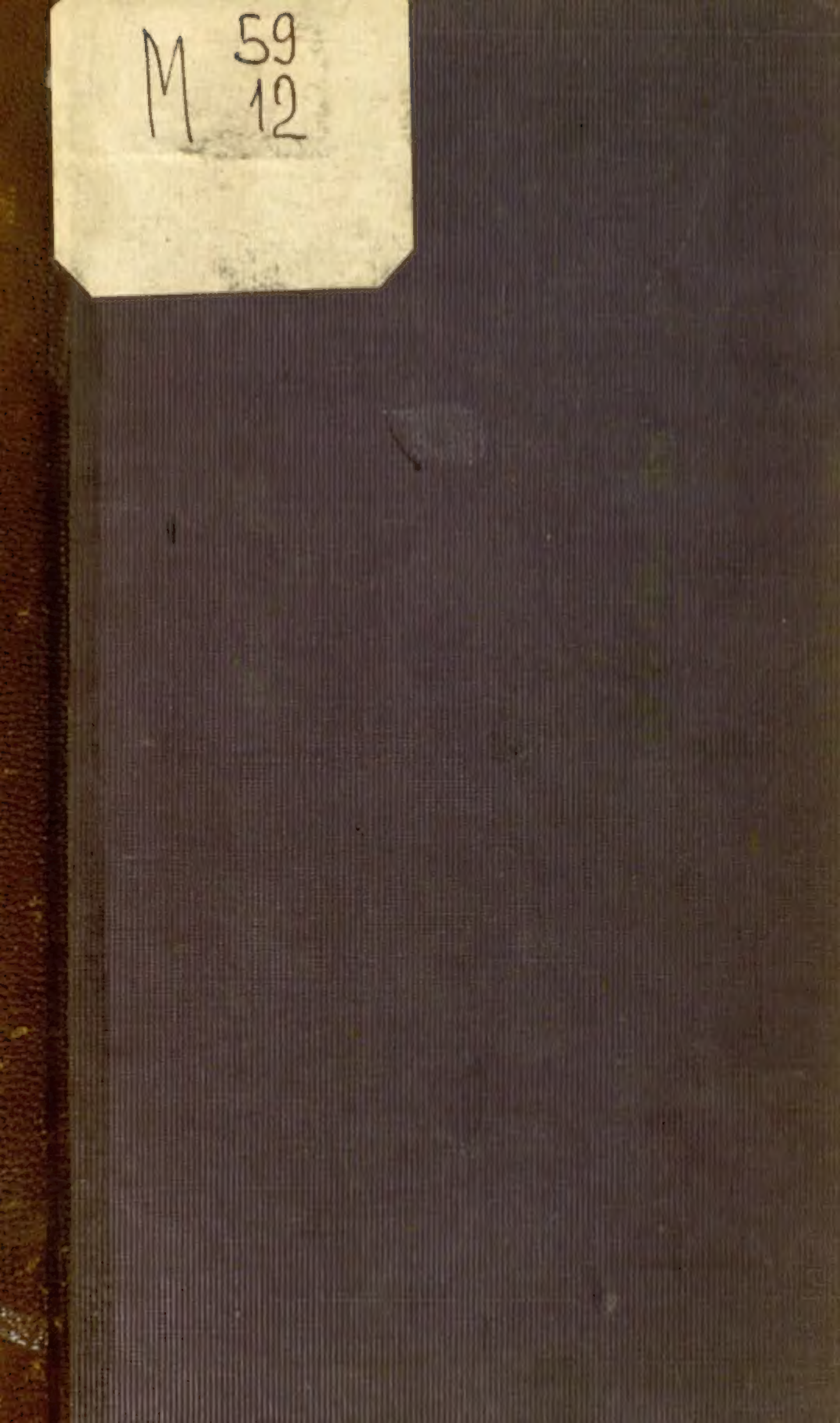

ИСТОРІЯ СУДЕБНЫХЪ ИНСТАНЦІЙ

и

ГРАЖДАНСКАГО АППЕЛЛЯЦІОННАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

отъ

СУДЕБНИКА ДО УЧРЕЖДЕНІЯ О ГУБЕРНІЯХЪ.

сочиненіе

Ѳ. ДМИТРІЕВА.

МОСКВА.

1859.

ИСТОРІЯ СУДЕБНЫХЪ ИНСТАНЦІЙ

И

ГРАЖДАНСКАГО АППЕЛЛЯЦІОННАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

ОТЪ

СУДЕБНИКА ДО УЧРЕЖДЕНІЯ О ГУБЕРНІЯХЪ.

сочиненіе

Ѳ. ДМИТРІЕВА.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1859.

По опредѣленію Юридическаго Факультета печатать позволяется. 1857 г. Ноября 25-го дня.

Деканъ Баршевъ.

Избравъ предметомъ для своего изслѣдованія три самыхъ замѣчательныхъ вѣка въ исторіи русскаго права, я не думалъ представить полную картину стариннаго судопроизводства. Для такаго труда ни юридическая литература, ни изданные до сихъ поръ источники еще не служатъ достаточнымъ пособіемъ. Мнѣ хотѣлось только прослѣдить, въ главныхъ чертахъ, тѣ перемѣны, которыя происходили въ русскомъ процессѣ, подъ вліяніемъ развитія государства, и тѣмъ опредѣлить, хотя поверхостно, сходство ихъ или различіе съ исторіею судопроизводства на Западѣ. Думаю, что подобный трудъ можетъ быть полезенъ даже своими недостатками, указывая на тѣ пробѣлы, которые предстоитъ восполнить будущимъ изслѣдованіямъ.

Желая объяснить, по возможности, постепенное образованіе нашего процесса, я обращалъ особенное вниманіе на историческую преемственность юридическихъ понятій, на причины ихъ появленія, и наконецъ на ту сферу, въ которой они возникали. Не смотря на кажующуюся однородность нашего права, есть возможность подмѣтить въ немъ послѣдовательное измѣненіе взгляда. Оставаясь народнымъ по своимъ пріемамъ, оно не всегда было имъ по способу возникновенія. Съ тою же цѣлію я старался собрать матеріалы для будущей исторіи аппелляціи. Аппелляція есть одно изъ позднѣйшихъ явленій въ жизни каждаго народа. На Западѣ она опредѣлилась подъ вліяніемъ римскаго права; у насъ ясныя понятія о ней появляются не ранѣе Петра Великаго. Но тамъ и здѣсь потребность въ обезпеченіи справедливости суда съ древнѣйшаго времени вызывала различныя средства. Въ нихъ всего болѣе выражается степень развитія народа и зрѣлость его юридическаго

быта. Къ сожалѣнію, я долженъ былъ ограничиться тѣми скудными извѣстіями, которыя заключались въ доступныхъ мнѣ источникахъ. Этотъ вопросъ не можетъ быть достаточно объясненъ прежде, чѣмъ откроются памятники областнаго суда; а они до сихъ поръ мало извѣстны.

Въ своемъ изслѣдованіи я держался господствующаго раздѣленія на эпохи, хотя для исторіи аппелляціи, можетъ быть, слѣдовало бы принять другія, и для самаго процесса первая четверть XVII вѣка едва ли не важнѣе изданія Уложенія. Но такъ какъ опредѣлить начало такъ называемаго вотчиннаго судопроизводства довольно трудно, то я не счелъ себя въ правѣ измѣнить привычнаго и болѣе легкаго дѣленія.

Говоря о судоустройствѣ, я нерѣдко долженъ былъ входить въ такія подробности, которыя не относятся прямо къ моему предмету. Не считаю нужнымъ оправдываться въ этомъ. Всякій, кто изучалъ исторію русскаго права, знаетъ, до какой степени древнее судоустройство тѣсно связано съ управленіемъ, и какъ первое трудно отдѣлить отъ послѣдняго.

ГЛАВА I.

СУДОУСТРОЙСТВО ВЪ ЭПОХУ СУДЕБНИКА.

XVI столѣтіе, столь замѣчательное въ политическомъ отношеніи, составляетъ также эпоху и въ исторіи русскаго права. Съ этихъ поръ начинается цѣлый рядъ попытокъ придать государственный характеръ хозяйственному управленію московскихъ князей. Къ тому же и старый порядокъ, вызвавшій административныя и судебныя реформы Грознаго и его преемниковъ, достигъ въ это время полнаго своего развитія и оставилъ ясные слѣды въ нашихъ историческихъ памятникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, до этой эпохи русскій юридическій бытъ извѣстенъ намъ въ формѣ самыхъ отрывочныхъ свѣдѣній. Мы не можемъ возстановить полную картину судебной старины Великаго Новгорода. «Пошлина» псковская, не смотря на драгоцѣнную судную грамоту XV вѣка, все еще, во многихъ частяхъ своихъ, остается для насъ загадкою. Одинъ московскій періодъ есть возможность возстановить въ достаточной полнотѣ и ясности. Такое положеніе дѣла нельзя приписывать однимъ случайнымъ обстоятельствамъ, и врядъ ли, при дальнѣйшей разработкѣ источниковъ, свѣдѣнія наши о древнѣйшемъ періодѣ могутъ значительно увеличиться, исключая развѣ исторію Новгорода и Пскова. Причина заключается въ цѣломъ характерѣ нашего древняго права, которое развивалось подъ исключительнымъ почти вліяніемъ обычая, и потому многаго не опредѣляло, предоставляя самой жизни опредѣленіе гражданскихъ отношеній. Законодательное движеніе у насъ не старѣе XV вѣка, но и съ этого времени и до самаго Петра Великаго отличается отсутствіемъ всякой рѣзкости, совер-

шается медленно, съ большимъ уваженіемъ къ прошедшему, нарушая его только въ виду крайней необходимости и внося даже новое въ старыя, привычныя формы.

Такимъ направленіемъ нашего законодательства объясняется важное значеніе XVI вѣка въ русской исторіи. Изъ памятниковъ этого времени мы знакомимся ближе и подробнѣе съ обычаями предшествующей эпохи, потому что, измѣняя и уничтожая ихъ, законодательство изображаетъ ихъ яснѣе, нежели отрывочныя извѣстія, уцѣлѣвшія отъ того періода, когда эти обычаи были въ полной силѣ. Сверхъ того, мы находимъ въ это время зародышъ учрежденій, вызванныхъ новыми потребностями сложившагося государства. Этимъ же объясняется и невозможность отдѣлить администрацію XVI вѣка, отъ прежней. Между двумя эпохами нельзя провести рѣзкой границы. Бросимъ поэтому взглядъ на характеръ судебной власти въ древней Россіи.

Исторія вездѣ начинается съ господства частнаго права. Человѣкъ переноситъ на зачинающееся общество уже готовыя понятія и не дѣлаетъ различія между своими частными и общественными отношеніями. Точно такъ же было и у насъ. Первое извѣстіе лѣтописи свидѣтельствуетъ о договорѣ. Князья были призваны съ опредѣленною цѣлію — для суда и расправы. Судъ составлялъ вмѣстѣ и ихъ право и обязанность. Кто же именно подлежалъ суду и какимъ образомъ онъ отправлялся? Какъ праву, которое стояло подлѣ дани и было однимъ изъ важныхъ источниковъ дохода, княжескому суду равно подлежали всѣ; но, въ практическомъ своемъ примѣненіи, это правило должно было измѣняться. Врядъ ли члены одного и того же рода, или одной и той же общины, могли часто имѣть нужду въ княжеской расправѣ. По всей вѣроятности, во взаимныхъ своихъ столкновеніяхъ, они управлялись по домашнему, своими собственными старшинами и начальниками, и только по дѣламъ съ членами другихъ родовъ и общинъ обращались къ своему князю. Кромѣ господства родоваго быта, такое заключеніе можно сдѣлать собственно изъ юридическихъ памятниковъ. Изъ напечатанныхъ правыхъ грамотъ только одна [1]) говоритъ о тяжбѣ

---

[1]) А. Ю № 2.

между крестьянами одной и той же волости. Города и волости сохраняли и при княжескихъ чиновникахъ своихъ собственныхъ старшинъ и начальниковъ, подъ именемъ: дворскихъ, старость, сотскихъ и десятскихъ, которые, вѣроятно, имѣли сначала свою долю судебной власти, потому что въ древней Россіи управленіе и судъ всегда шли рука объ руку. Что дѣйствительно эти земскіе начальники могли быть судьями въ предѣлахъ своихъ общинъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ даже и то, что въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, особенно въ Новгородѣ, тысяцкій имѣлъ право суда надъ черными людьми; но еще болѣе тѣ несудимыя грамоты XV вѣка, въ которыхъ ни слова не сказано объ устройствѣ внутренней расправы. Очевидно, что въ этомъ случаѣ община управлялась и судилась посредствомъ своихъ собственныхъ старшинъ [2]). Конечно, изъ этого нельзя еще заключить *о правѣ* общинъ судиться самимъ. Право и фактъ различаются только тогда, когда приходятъ въ столкновеніе. Но указать на это явленіе необходимо, потому что имъ объясняются многія стороны древняго юридическаго быта.—Московская аристократія сохранила въ мѣстническихъ дѣлахъ другой остатокъ старины, еще болѣе древней. Извѣстно, что, по искамъ въ отечествѣ между однородцами, правительство не рѣдко поручало рѣшеніе спора *ихъ старымъ родителямъ*. Очень вѣроятно, что въ этомъ обычаѣ сохранились слѣды внутренней родовой расправы [3]).

О первоначальномъ способѣ отправленія суда нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, за исключеніемъ Новгорода и Пскова. Но позднѣйшія извѣстія заставляютъ думать, что судъ имѣлъ основаніемъ обычай. Иначе князья вовсе не удовлетворили бы той народной потребности, которая была главною побудительною причиною ихъ приз-

---

[2]) О дворскомъ см. А. Ю. NN 7, 21, 22. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. I, стр. 441. А. А. Э. т. III, N 37. О сотскомъ: А. А. Э. т. I, NN 13, 123. А. Ю. N 15. О старостѣ: А. А. Э. т. I, NN 143, 217, А. Ю. N 21. Вездѣ упоминаются уже съ финансовымъ характеромъ.

[3]) А. А. Э. т. I, N 92: «а тысяцкому судити свой судъ». Ср. NN 147, 324. О судѣ старыхъ родителей см. Синбирскій Сборникъ, Валуева, М. 1845, стр. мв—мг; Дворцовые Разряды, т. III, стр. 302 и пр. Такихъ случаевъ много.

ванія не могли бы прекратить междоусобій. Условія, опредѣлявшія судебную власть въ двухъ вольныхъ городахъ древней Руси [4]), и отчасти самый обычай производить судъ въ присутствіи лучшихъ людей, достаточно говорятъ въ пользу этого мнѣнія. Что и въ Московскомъ государствѣ основаніемъ суда былъ сначала обычай, на это указываетъ выраженіе, которое встрѣчается почти во всѣхъ послушныхъ грамотахъ, «а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего». [5]) Само собою разумѣется, что чѣмъ сильнѣе была власть княжеская, чѣмъ слабѣе была развита община, тѣмъ чаще эта «старая пошлина» могла быть нарушаема. Но здѣсь дѣло идетъ о томъ, что составляло норму суда. Судя по старинѣ, на основаніи обычая, князь былъ въ отношеніи къ общинамъ третейскимъ судьею. Его дѣло состояло въ томъ, чтобъ, на основаніи существующаго обычая, произнести то безпристрастное рѣшеніе, на которое, лице совершенно постороннее, онъ былъ особенно способенъ. Таковъ былъ взглядъ подсудныхъ. Что касается до отношенія къ суду самаго князя, то оно было чисто финансовое. Князь получалъ доходы. Поэтому онъ не только давалъ судъ, но даже требовалъ его. Отправляясь за сборомъ дани, на полюдье, князь точно также судилъ, какъ и собиралъ дань, то есть въ его глазахъ это былъ особенный видъ подати. Этотъ взглядъ, общій всѣмъ народамъ въ началѣ юридическаго быта, сохранялся у насъ едва ли не долѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Можетъ быть, поддержанію его способствовали самыя родовыя отношенія князей. Не имѣя постояннаго интереса въ своихъ княжествахъ, они естественно должны были дорожить всякимъ, даже случайнымъ, доходомъ. Не желая вмѣшательства князя во внутреннія дѣла свои, общины такъ же

---

[4]) А. А. Э. т. I, N 92: «А посаднику судити судъ свой съ намѣстники великого князя *по старинѣ*, а безъ намѣстника великого князя посаднику *суда не кончати*». Причина двойственнаго суда очевидна. Ср. новгородскія постановленія о ненарушеніи ряда и о томъ, чтобъ князья не замышляли самосуда. С. Г. Г. т. I, NN 5 и 9.

[5]) Напримѣръ, А. И. т. I, N 110, II

откупались отъ его суда, какъ вносили оброкъ, чтобъ избавиться отъ собиранія дани [6]).

Этимъ финансовымъ взглядомъ объясняется и дальнѣйшее развитіе судоустройства. Разсылая по областямъ своихъ чиновниковъ, для сбора извѣстныхъ доходовъ, или въ пользу княжескую, или въ пользу самихъ посланныхъ, въ качествѣ жалованья, князья поручали имъ же судъ и расправу, какъ неотъемлемую часть этихъ доходовъ. Оттого древнѣйшіе источники почти не говорятъ о предѣлахъ судебной власти. Это едва ли было нужно и для самихъ общинъ. Весь интересъ ихъ сосредоточивался пока въ одномъ, — чтобы намѣстникъ, чтобы тіунъ кормился какъ можно для нихъ льготнѣе. Съ заботы объ этомъ и начинается все движеніе рускаго законодательства. Только въ XVI вѣкѣ появляется стремленіе измѣнить весь характеръ администраціи почему отъ этого времени и сохранилось такъ много извѣстій о кормленіи.

Таково было первоначальное устройство суда въ Россіи. Но когда она соединилась въ одно цѣлое, въ немъ должны были произойти нѣкоторыя измѣненія. Сначала они были почти незамѣтны. Россія примыкала къ Московскому государству постепенно, княжество за княжествомъ, и, въ соединеніи своемъ, долго сохраняла областныя особенности. Еще Татищевъ видѣлъ собраніе рязанскихъ законовъ. По его же словамъ, Василій Темный велѣлъ ростовскимъ боярамъ судить по ихъ законамъ [7]). Когда новая область примыкала къ Московскому государству, во внутреннемъ ея устройствѣ происходила одна только перемѣна: удѣльный князь замѣнялся намѣстникомъ. Но, по мѣрѣ расширенія государства, самая необходимость вынуждала московское прави-

---

[6]) На это понятіе о судѣ особенно ясно указываетъ сопоставленіе въ грамотахъ суда съ данью. Такихъ мѣстъ очень много. Напр., С. Г. Г. т. I, №№ 97, 110. Въ 3-й договорной грамотѣ Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, 1388 года, финансовый взглядъ на судъ выраженъ очень ясно. С. Г. Г. т. I, № 33. «А судовъ ти московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судити, а язъ иму московьскыи суды судити, тѣмъ ми ся съ тобою дѣлити».

[7]) Продолженіе Древней Рос. Вивліоѳики, т. I. Руская Правда съ примѣчаніями Татищева, предъизвѣщеніе, стр. 6.

тельство постепенно измѣнять свой взглядъ на управленіе. До сихъ поръ дѣло состояло только въ полученіи доходовъ. Теперь была необходимость привязать новыя области къ Москвѣ, внушить имъ предпочтеніе къ московской расправѣ [8]). Начинаются различныя ограниченія власти въ областной администраціи. Въ этомъ надобно искать источника судныхъ и жалованныхъ грамотъ. Съ другой стороны, надобно было поручить кому нибудь пріемъ и храненіе всѣхъ различныхъ доходовъ, поступавшихъ изъ области, разными путями, въ казну московскаго государя Отсюда порученіе, такъ сказать, верховнаго завѣдыванія областію одному изъ бояръ московскаго двора. По началу единства, лежавшему въ основаніи древняго русскаго управленія, тому же боярину поручалось и главное наблюденіе за отправленіемъ правосудія въ области. Къ нему шелъ докладъ, къ нему поступала жалоба на областнаго начальника. Мало по малу въ рукахъ московскихъ бояръ собралась центральная власть русской земли. Порученіе извѣстнаго рода дѣлъ, или извѣстной области, тому или другому боярину было, однако, дѣломъ случайнымъ: правильности въ распредѣленіи дѣлъ не было, да и быть не могло. Въ заботахъ о введеніи въ управленіе болѣе строгой системы проходитъ весь древній періодъ русской исторіи до конца XVII вѣка.

Ставъ центромъ для всего областнаго управленія, Москва долгое время не теряла прежняго характера, и оставалась удѣломъ московскаго государя. Оттого въ первоначальномъ судоустройствѣ, подлѣ центральныхъ московскихъ учрежденій стояли учрежденія мѣстныя. Отчасти мы находимъ и здѣсь тѣ же самыя формы управленія, которыя, гораздо долѣе, сохранились въ областномъ судоустройствѣ: здѣсь также былъ намѣстникъ, въ удѣльный періодъ ихъ было даже нѣсколько, потому что Москва дѣлилась между князьями, и каждый изъ общихъ владѣльцевъ держалъ своего намѣстника въ принадлежащей ему части. Но отдача въ кормленіе различныхъ частей управленія не стоитъ здѣсь на

---

[8]) Что дѣйствительно московское управленіе обыкновенно было льготнѣе удѣльнаго, тому важный примѣръ представляетъ исторія св. Іосифа Волоцкаго. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. XIV, стр. 177—178. Исторія Россіи, Соловьева, т. V, стр. 454—456.

первомъ планѣ. Московскіе государи управляютъ большею частію непосредственно, являясь здѣсь болѣе всего съ хозяйственнымъ характеромъ. Оттого уже въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ мы находимъ въ управленіи Москвою и ея уѣздомъ нѣкоторое отличіе отъ областнаго управленія: въ московскихъ волостяхъ были тіуны великаго князя, собиравшіе доходъ на самаго государя; въ самой Москвѣ высшимъ управленіемъ завѣдывали не столько намѣстники, сколько государевы бояре и приказные люди. Отчасти въ слѣдствіе этого особеннаго характера, отчасти въ силу того же начала единства, которое заставляло соединять иногда даже разнородныя вѣдомства, изъ желанія упростить администрацію, удѣльное управленіе наконецъ совершенно слилось съ центральнымъ: вскорѣ послѣ Судебника о московскомъ намѣстникѣ уже нигдѣ не упоминается.

Бо̀льшая часть изъ этихъ учрежденій развилась и опредѣлилась еще до появленія Судебника. Судебникъ не измѣнилъ ихъ коренныхъ основаній, но тѣмъ не менѣе составляетъ эпоху въ исторіи нашего суда.

Попытка уловить народный обычай, обобщить его и придать ему юридическую гарантію, онъ вноситъ государственный элементъ въ отношенія прежняго времени, хотя, повидимому, и мало ихъ измѣняетъ. Сохранивъ казуистическую форму закона, вышедшаго изъ сферы московской практики, онъ вскорѣ становится закономъ для всей Россіи, служа вспомогательнымъ источникомъ права для всякаго областнаго суда, для всякой уставной грамоты [9]). Это первое общее законодательство въ географическомъ смыслѣ, но только въ географическомъ. Въ немъ безпрестанно проглядываетъ порядокъ, сложившійся для одного, небольшаго удѣла и потомъ примѣненный къ цѣлому государству. Этотъ его характеръ долженъ былъ создать новую эпоху въ законодательствѣ. Мѣстные юридическіе обычаи не могли сохраниться, когда почти единственнымъ источникомъ права признавались законы московскаго удѣла. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ направленіе юридической жизни из-

---

9) «А о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указъ не написанъ, и тѣ имъ дѣла вершить по Судебнику». А. А. Э. т. I, NN 234, 242, 257; т. III, N 36; А. И. т. I, N 165.

мѣняется. Кладя преграду самовластію, обезпечивая обычную форму суда, Судебникъ не вовсе помѣшалъ дальнѣйшему развитію обычая, но перенесъ его на другую почву: онъ продолжалъ развиваться и пополняться судебною практикой приказовъ. Вся прежняя дѣятельность народа перешла въ руки дьяковъ, которыхъ значеніе все усиливалось по мѣрѣ накопленія письменныхъ законовъ. Даже древнѣйшіе русскіе города не оставили слѣдовъ въ законодательствѣ послѣ Судебника.

Изъ всего сказаннаго уже видно, какимъ образомъ слѣдуетъ смотрѣть на древнее русское судоустройство. Оно состояло изъ двухъ главныхъ вѣдомствъ: областнаго и центральнаго Каждое изъ нихъ имѣло множество различныхъ формъ, основанныхъ отчасти даже на различныхъ началахъ.

Въ областномъ судоустройствѣ лежало два главныхъ начала. Одно изъ нихъ было кормленіе, другое завѣдываніе доходами въ пользу самаго государя. По первому началу управляли разные кормленщики: намѣстники, волостели, конюшіе, дворецкіе, ловчіе, сокольничіе, слободчики, иногда прикащики и посельскіе и т. д. По второму управляли дьяки, царскіе тіуны, городовые прикащики и другіе приказные люди. Подлѣ этихъ двухъ главныхъ видовъ управленія находились другіе, основанные на жалованныхъ грамотахъ, по которымъ судъ былъ отданъ государемъ или самимъ подсуднымъ лицамъ, то есть общинамъ, или замлевладѣльцамъ. Преобразованія XVI вѣка внесли новое, выборное начало, утвердивъ и опредѣливъ уже существовавшую отчасти форму управленія.

Между кормленщиками главнымъ былъ намѣстникъ. Намѣстникъ, какъ означаетъ самое его названіе, замѣнялъ князя. Это было общее названіе для всѣхъ значительныхъ кормленщиковъ: волостели, напримѣръ, тоже назывались иногда намѣстниками. Въ тѣсномъ смыслѣ, такъ назывался начальникъ города. Обширныя княжества управлялись нѣсколькими намѣстниками, въ небольшихъ бывалъ одинъ, иногда даже вовсе его не было, и управленіе ввѣрялось начальникамъ низшаго разряда [10]). По

---

[10]) А. А. Э. т. III. №№ 36, 37. Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго, соч. Неволина, въ Журналѣ Ми-

чаще всего управленіе распредѣлялось между большимъ или меньшимъ числомъ намѣстниковъ, не въ слѣдствіе административныхъ побужденій, а по другимъ причинамъ. Такъ, если городъ принадлежалъ нѣсколькимъ князьямъ, то каждый изъ нихъ могъ держать особаго намѣстника. Отсюда названіе: «третчикъ,» то есть намѣстникъ городской трети. Есть примѣры, что, вмѣсто географическаго раздѣла, доходы съ города дѣлились по времени, и удѣльный князь получалъ право держать въ городѣ своего намѣстника на 3, 5 или 6 годъ [11]). Въ послѣдствіи причина подчиненія города двумъ намѣстникамъ состояла, большею частію, въ раздѣлѣ кормленія между двумя лицами. При этомъ принимались въ соображеніе доходы съ города. Если ихъ было недостаточно, то одного изъ бояръ сводили. Въ періодъ московскаго единовластія, намѣстникъ назначался обыкновенно для города съ уѣздомъ, но иногда къ его округу принадлежало только нѣсколько становъ, а волости управлялись особо. Если намѣстниковъ было двое, то они или дѣлили между собою судъ и управленіе, или судили и управляли вмѣстѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они всѣ пошлины получали, какъ одно лице [12]).

Намѣстнику, по правилу, были подчинены, кажется, всѣ жители его округа. По крайней мѣрѣ, въ правыхъ грамотахъ областнаго суда встрѣчаются имена лицъ, принадлежавшихъ и къ служилому сословію, и къ духовенству [13]). По общему же

нистерства Народнаго Просвѣщенія, 1844, т. XLI, генварь, отдѣленіе V, стр. 14.

[11]) С. Г. Г. т. I, NN 33, 35, 127, 144. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. I, N 48.

[12]) А. А. Э. т. I, NN 123, 143, 144, 150 и проч. А. И. т. I, N 110, II. Жалованная грамота боярину Судимонту, около 1499 года: «а тобя есми пожаловалъ, придалъ другую половину Костромы съ правдою». Судебникъ, ст. 74. «А на которомъ городѣ будутъ два намѣстника, или на волости два волостеля, *а судъ у нихъ будетъ не въ роздѣлъ:* и имъ имати пошлины по списку за одного намѣстника».

[13]) А. Ю. N 18, 19. Изъ первой правой грамоты видно, что, вопреки Неволину (въ упом. статьѣ, стр. 16), духовенство, въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ, подлежало суду мѣстной власти.

правилу, изъяты были изъ вѣдомства намѣстника только княжескіе слуги, которыхъ судилъ прикащикъ [14]). Но и это правило было, до нѣкоторой степени, подчинено торриторіальной зависимости: такъ въ духовной грамотѣ Ивана III, хотя судъ въ московскихъ селахъ меньшихъ его сыновей и отданъ ихъ прикащику, по докладъ отъ него предоставленъ намѣстнику великаго князя [15]). Въ видѣ исключенія, жалованныя грамоты освобождаютъ отъ мѣстнаго суда весьма многихъ, именно: а) духовенство, бѣлое и черное, и его земли, б) нѣкоторыя сельскія общины, и в) частныя лица съ ихъ владѣніями. Крестьяне, населявшіе эти льготныя земли, были подсудны землевладѣльцамъ [16]).

Намѣстники бывали и въ главныхъ городахъ и въ пригородахъ [17]). Въ какомъ отношеніи послѣдніе находились къ первымъ, рѣшить трудно. Судя по характеру намѣстнической власти, и по аналогіи съ другими властями древней Руси, надобно думать, что зависимости тутъ вовсе не было. Даже докладъ ямгородскаго намѣстника поступаетъ къ новгородскому не иначе, какъ въ слѣдствіе царскаго повелѣнія; а Новгородъ еще сохранялъ нѣкоторыя особенности быта, даже и въ московскую эпоху [18]).

Назначеніе намѣстника было для него жалованьемъ; [19]) его управленіе было кормленіемъ [20]). Въ челобитныхъ государю о сво-

---

[14]) С. Г. Г. т. I, N 127.

[15]) С. Г. Г. т. I, N 14.

[16]) Неволинъ, стр. 16.

[17]) А. А. Э. т. III, N 139.

[18]) Дополненія къ А. И. т. I, N 51, V; N 215.

[19]) Судебникъ, ст. 24: «намѣстники, или волостели, на жалованьѣ живучи, или съ жалованья ѣдучи».

[20]) А. И. т. I, N 110, I. «Здѣсе мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарьичь что вамъ обѣма на Костромѣ сытымъ быть не съ чего». А. Ю. N 16, ввозныя грамоты отчинникамъ Протасовымъ, XV и XVI в. Замѣчательно, что волости жалуются одному лицу подъ другимъ. Гр. IV. «подъ отцемъ его Протасьемъ Акинфовичемъ». Доп. къ А. И. т. I, N 215, II и III: «подъ Третьякомъ Шейкинымъ».

емъ опредѣленіи бояре и позже писали: «прошу пустить покормиться»; въ Москвѣ были книги съ росписью тѣхъ доходовъ, которые можно, среднимъ числомъ, получить съ управленія тѣмъ или другимъ городамъ [21]). Этимъ происхожденіемъ намѣстнической власти опредѣляется какъ первоначальный ея характеръ, такъ и вся дальнѣйшая ея исторія. Намѣстникъ собственно не управлялъ, но получалъ кормъ и судилъ. При первомъ пробужденіи административныхъ стремленій, вмѣшательство его въ дѣла общинъ не только не повелѣвается, какъ послѣ воеводамъ, но всячески и заботливо устраняется верховною властію. Уже съ XV вѣка есть жалованныя грамоты, которыми запрещаестя князьямъ, боярамъ и ѣздокамъ ѣздить въ привилегированныя земли за кормами, или попрошаямъ пріѣзжать туда изъ княжескихъ волостей — «жить просить» [22]). Точно такъ же, въ XVI вѣкѣ кормленщикамъ постоянно запрещается взыскивать свои кормы непосредственно, за ними велѣно обращатьсякъ сотскому. Поэтому и судъ скорѣе составлялъ его право, чѣмъ обязанность. Общины, правда, нуждались въ судѣ, но не внутри себя, а только съ другими общинами. Этой послѣдней потребности могли удовлетворить и московскіе бояре съ приказами, а потому въ древнѣйшую эпоху мы нигдѣ не встрѣчаемъ, чтобы общины, какъ это было послѣ, добивались областной управы, а слышимъ, напротивъ, жалобы кормленщиковъ, что волостные и посадскіе люди подъ судъ имъ не даются. Особенно ярко это выражено въ уставной грамотѣ крестьянамъ Борисоглѣбской слободы, 1584 года августа 15-го. Здѣсь, избавляя крестьянъ отъ разныхъ поборовъ, и въ томъ числѣ отъ суда яровлавскихъ намѣстниковъ, царь опредѣляетъ

---

[21]) Судебникъ, ст. 26. Въ Судебникѣ Татищева, примѣчаніе къ ст. 24.

[22]) А. А. Э. т. I, NN 65, 96, 324. С. Г. Г. т. I, NN 11, 46. — А. А. Э. т. I, N 6. Доп. къ А. И. т. I, NN 215, 87. — Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, книги второй половина первая, отдѣленіе 3-е, стр. 130. А. А. Э. т. I, NN 182, 313, А. И. т. I, N 48.

только порядокъ суда съ посторонними людьми въ Москвѣ; о внутренней расправѣ нѣтъ ни слова; а между тѣмъ въ концѣ грамоты сказано: «а коли та Борисоглѣбская слобода будетъ за кормленщики въ кормленьѣ, и кто у нихъ волостель ни будетъ, ино у нихъ ходити по сей моей грамотѣ». Очевидно, что судъ составлялъ гораздо болѣе право княжескихъ чиновниковъ, нежели потребность общинъ; иначе на время отсутствія волостеля такой важный предметъ не могъ бы остаться безъ всякаго опредѣленія. Итакъ кормленіемъ удовлетворялись не административныя потребности края, но необходимость дать служилымъ людямъ какое нибудь содержаніе или награду: нельзя не видѣть, напримѣръ, подобной цѣли въ пожалованіи волости за выѣздъ. Въ слѣдствіе этого, формы назначенія намѣстника сближаются съ формами частнаго права. Подобно вотчиннику, онъ получалъ послушную грамоту. Назначеніе могло быть сдѣлано и срочно и безсрочно, кормленье подтверждалось иногда послѣ отца за сыномъ; наконецъ, самое право свое, получать доходъ съ такихъ-то поземельныхъ участковъ, онъ могъ защищать судомъ, подобно всякому частному владѣльцу. Въ этомъ отношеніи есть очень любопытная правая гтамота XV вѣка. Изъ нея видно, что кормленіе могло принадлежать не только боярамъ, но и ихъ вдовамъ, однимъ словомъ, цѣлой семьѣ, точно такъ же, какъ всякое частное владѣніе: бояринъ тягается за себя, за брата и за невѣстку. Кормленіе почти переходило по наслѣдству. Истецъ говоритъ князю: «а та, господине, деревня, изстарины тянетъ судомъ къ намъ: еще, господине, отецъ нашъ Иванъ судилъ ту деревню и дань на ней ималъ; а послѣ, господине, отца нашего судили мы ту деревню съ своею братьею и дань на ней имали есмя». Въ прекращеніи намѣстнической власти замѣтенъ тотъ же типъ частнаго права: кормленщикъ отказывалъ городъ и сводилъ людей своихъ. Нельзя, однако, утверждать, чтобъ намѣстникъ не имѣлъ никакихъ обязанностей, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи. Новгородъ уже въ 1309 году жалуется, что княжескій намѣстникъ уѣхалъ изъ Пскова, «коли пошла рать», слѣдовательно защита города составляла его обязанность; позже въ источ-

никахъ упоминается о намѣстничьемъ дѣлѣ; но соединеніе кормленія съ какою бы то ни было должностію, кромѣ суда, едва ли въ какое время было необходимымъ и непремѣннымъ явленіемъ. Всѣ эти, правда, большею частію позднѣйшія событія доказываютъ, что мысль объ управленіи стояла на второмъ планѣ при назначеніи кормленщиковъ.

Въ извѣстіяхъ о древнѣйшей эпохѣ русскаго управленія, не смотря на многочисленныя неясности въ подробностяхъ, не трудно однако замѣтить нѣкоторую постепенность ограниченій, доказывающую, что московское правительство постоянно старалось поставить кормленіе въ должные предѣлы, ограничить возможность злоупотребленій. Едва ли самая выдача уставныхъ грамотъ не была первымъ стѣсненіемъ намѣстнической власти. Дѣйствительно долгое время мы совсѣмъ ихъ не встрѣчаемъ, и древнѣйшая изъ нихъ, Двинская, имѣетъ форму пожалованія: «се язъ князь великій Василей Дмитреевичь всеа Руси, пожаловалъ есми бояръ своихъ Двинскія земли.» [23]) Это была въ самомъ дѣлѣ жалованная грамота: в. князь давалъ общинѣ льготы, ибо опредѣлялъ количество намѣстничьихъ поборовъ и подчинялъ жителей суду одного лица, устраняя вмѣшательство прочихъ. Другое обезпеченіе противъ произвола кормленщиковъ состояло въ опредѣленіи способа принесенія на нихъ жалобы и взысканія съ нихъ. Разумѣется, эти жалобы искони существовали, и князь издревле судилъ своихъ областныхъ чиновниковъ; [24]) но если самъ господинъ В. Новгородъ не всегда могъ сладить съ намѣстниками, не всегда находилъ на нихъ немедленную управу, [25]) то для московскихъ областей организація

---

[23]) А. А. Э. т. I, N 13.

[24]) См. напр. первую духовную грамоту Василія Димитріевича, 1406 года. С. Г. Г. т. I, N 39.

[25]) С. Г. Г. т. I, N 11, Гр. отъ Новгорода в. к. Михаилу Ярославичу, 1309 года: «князь великій Андрей и весь Великій Новгородъ дали Өедору Михайловичу городъ стольный Псковъ, и онъ ѣстъ хлѣбъ, а коли пошла рать, и онъ поѣхалъ, и Новагорода и Пльскова поклона не послушалъ. Пріѣхалъ въ село, новогородскую волость пусту положилъ, братію нашу испродалъ. Тобѣ княже, не

жалобы была, разумѣется, еще важнѣе. Вотъ почему въ Двинской уставной грамотѣ помѣщено это удостовѣреніе въ управѣ на намѣстника: «а всему управу чинятъ мои намѣстницы, а надъ кѣмъ учинятъ продажу силно, а ударять ми на нихъ челомъ, и мнѣ кн. великому велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ, а не станетъ, ино на того грамота безсудная, и приставъ мой доправитъ» Обѣщаніе безсудной грамоты и немедленнаго взысканія черезъ пристава высказано въ видѣ гарантіи праваго суда, и потому кажется намъ нововведеніемъ. Оно повторено во всѣхъ послѣдующихъ уставныхъ грамотахъ. Судебники, развивая далѣе это правило, даютъ обвиненному намѣстнику право прислать за себя повѣреннаго и опредѣляютъ сроки принесенія жалобъ. [26]) На этихъ двухъ ограниченіяхъ останавливаются извѣстія XIV вѣка. Замѣчательно, что въ Двинской уставной грамотѣ опредѣлены изъ намѣстничьихъ поборовъ только случайные: виры, судебныя пошлины; о въѣзжемъ и кормѣ ни слова. Въ XV вѣкѣ и эти поборы были опредѣлены. Появляется правило, вѣроятно, образовавшееся уже во вторую половину предыдущаго столѣтія, что намѣстничій кормъ равняется помѣстью. Такъ въ переписной окладной книгѣ 1500 года сказано: «и въ Ладозѣ помѣстей не давать...; того дѣля, что на оброчные обжи положенъ намѣстнику кормъ.» Писцы опредѣляютъ, сколько на каждую платежную единицу падаетъ намѣстничьяго корма; прибыль и убыль въ людяхъ измѣняютъ это взысканіе. Въ то же время кормъ подробно опредѣляется какъ въ доходномъ или наказномъ спискѣ, который получаетъ намѣстникъ, такъ и въ уставныхъ грамотахъ. Въ древнѣйшей послушной грамотѣ 1363—1389 г., данной Димитріемъ Донскимъ Андрею Фрязину, нѣтъ ни слова о доходномъ или наказномъ спискѣ, а въ позднѣйшихъ почти всегда о немъ

кормити его новогородскимъ хлѣбомъ. А Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корѣлою, и онъ Корѣлу всю истерялъ, и за Нѣмцы загонилъ» и проч.—Куницынъ, стр. 73.

[26]) А. А. Э. т. 1, NN 13, 123, 181, 183 и проч. А. И. т. I, N 105, стр, 154. Судебникъ, ст. 75.

говорится.[27]) Самый кормъ велѣно намѣстнику сбирать не чрезъ своихъ людей, а через общинныхъ начальниковъ. Опредѣлено число тіуновъ и доводчиковъ, запрещено перемѣнять ихъ ранѣе года. Къ этому же времени относится и другая мѣра. До сихъ поръ кормленіе бывало и срочнымъ и безсрочнымъ; съ конца XV вѣка и особенно въ XVI оно сдѣлалось, кажется, непремѣнно срочнымъ. По Судебнику 1550 г., намѣстническая власть продолжается только годъ; изъ разрядныхъ книгъ видно, что далѣе трехъ лѣтъ намѣстниковъ не держали.[28])

До сихъ поръ ограниченія относились большею частію къ поборамъ и къ финансовой сторонѣ суда. Въ XV вѣкѣ появилась наконецъ такая мѣра, которой цѣль состояла въ судебномъ обезпеченіи. Законъ начинаетъ требовать, чтобъ намѣстники и волостели не судили безъ дворскаго, сотскаго и добрыхъ людей, а впослѣдствіи безъ старостъ и цѣловальниковъ. Объ участіи этихъ лицъ въ судѣ и расправѣ, какъ элементѣ старинной судебной власти, мы скажемъ ниже въ подробности.

Другое, важнѣйшее судебное ограниченіе состояло въ докладѣ. Въ древнѣйшія времена, вѣроятно, всѣ областные чиновники князя, относительно ихъ судебной власти, стояли внѣ всякаго контроля, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда на нихъ приносилась жалоба. По мѣрѣ появленія въ правительствѣ государственнаго взгляда на свое управленіе, это положеніе ихъ естественно должно было измѣняться. Само собою разумѣется, что надзоръ за областнымъ судомъ и расправою, долженъ былъ начаться съ судей низшаго разряда, ибо ограничить ихъ власть было легче: они не были первыми повѣренными лицами князя. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ правыя грамоты, гдѣ причину доклада объяснить трудно, выданы такими судьями, о которыхъ есть возможность предположить, что

---

27) А. А. Э. т. I, N 6. С. Г. Г. т. II, N 46. А. Ю. N 161. — Доп. къ А. И. т. I, N 215. Временникъ Общества Исторіи и Древн. Росс., книга 2-я, 1851, матеріалы.

28) См. вообще уставныя грамоты. Судебникъ, ст. 24. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. XIII, разряды 1556—1562 гг.

они не занимали первыхъ ступеней служебной лѣстницы. [29])

---

[29]) Что иногда было поводомъ къ докладу, безъ этого предположенія рѣшить было бы трудно. Вотъ примѣры. А. Ю. N 5. Истецъ опровергалъ городскую сотницу, въ которой была несправедливо приписана къ городу монастырская слобода, потому что тогда писцы отнимали у монастырей всѣ дворы, за исключеніемъ 30 саженъ. Онъ ссылался на жалованныя грамоты князей Ивана и Михаила Андреевичей. (У послѣдней не было печати, на что судьями обращено было вниманіе). Отвѣтчики ссылались на старожильцевъ. Старожильцы показали противъ нихъ, говоря, что спорная слобода была сначала отдана княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ Троицкому монастырю, потомъ, когда «Троицкій монастырь оскудѣлъ, игумена не стало» и деревня была пуста, то князь Иванъ Андреевичъ отдалъ ее Ѳерапонтову монастырю (истцамъ). Искъ, кажется, несомнѣнный, а докладъ все таки дѣлается. — Но тутъ по крайней мѣрѣ противъ истцевъ былъ межевой актъ, сотница; въ другихъ же правыхъ грамотахъ мы находимъ еще большее подтвержденіе нашему мнѣнію. А. Ю. N 20. Искъ монастырскаго слуги противъ волостныхъ крестьянъ. Истецъ ссылался на: а) сторожильцевъ и b) жалованную грамоту, отвѣтчики—на двухъ старожильцевъ, изъ которыхъ одного истецъ отводилъ подъ предлогомъ прикосновенности его къ дѣлу. Старожилецъ устранилъ отводъ, сказавъ, что въ отвѣтѣ не онъ, а братъ его, и былъ допущенъ къ свидѣтельству. Другой старожилецъ отговаривался незнаніемъ межи. Здѣсь, не смотря на очевидную слабость отвѣтчиковыхъ доказательствъ, дѣло рѣшается не иначе, какъ послѣ доклада.—N 21. Искъ о бѣглыхъ дѣвкахъ. Бѣглыя дѣвки сами сознались въ побѣгѣ, а потомъ отвѣтчикъ сознался въ подговорѣ. Докладъ все таки сдѣланъ. — NN 16, 22. Докладъ дѣлается тоже послѣ признанія отвѣтчиковъ. Напротивъ, подъ N 11 изложено болѣе сомнительное дѣло, а рѣшеніе постановлено немедленно самимъ судьею. Истцы здѣсь ссылались на правую грамоту, а отвѣтчики на правую же грамоту и разводные списки. При доказательствахъ почти равносильныхъ доклада не было.—Затрудненіе разрѣшается, по нашему мнѣнію, именами судей: N 20, судитъ Ѳедоръ Гнѣвашовъ сынъ Стогининъ, безъ означенія званія; N 21, судитъ великаго князя тіунъ московскій Гаврило Ондрѣевъ сынъ Тыртова; N 22, царя и великаго князя московскій тіунъ Яковъ Губинъ сынъ Моклоковъ. — Писецъ Михайло Шанкинъ, упоминаемый съ отчествомъ подъ N 5, подъ N 20 упоминается безъ отчества. Напротивъ, подъ N 11 писецъ упоминается съ именемъ, отчествомъ и фамиліей. Извѣстно

Московскій бояринъ, судившій въ Москвѣ безъ всякаго доклада государю, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самъ затруднялся рѣшеніемъ дѣла, [30]) не захотѣлъ бы судить иначе и въ области. Понятно, что для намѣстниковъ и волостелей докладъ долженъ былъ явиться поздно. Случаи его опредѣлены только Судебниками, и по второму ихъ болѣе, чѣмъ по первому. Судебникъ 1497 г., раздѣляя намѣстниковъ и волостелей на такихъ, за которыми кормленія съ боярскимъ судомъ, и такихъ, за которыми кормленіе безъ боярскаго суда, устанавливаетъ слѣдующее различие въ ихъ власти: намѣстники перваго рода не ограничены, намѣстники же втораго рода не могутъ рѣшать безъ доклада дѣлъ уголовныхъ и холопьихъ, т. е. не казнятъ татя, не даютъ отпускныхъ и не выдаютъ холопа его господину. [31]) Судебникъ Грознаго идетъ далѣе. Перенеся законъ Ивана III на всѣхъ вообще намѣстниковъ, онъ всѣмъ равно запрещаетъ безъ доклада казнить татя, давать отпускныя, правыя холопу и бѣглыя грамоты. Различіе состоитъ въ выдачѣ полныхъ и докладныхъ которыя позволено давать только намѣстникамъ съ боярскимъ судомъ. Второстепенные не имѣютъ и этого права. Судя по другимъ извѣстіямъ, намѣстники Новгорода и Пскова стояли выше и перваго разряда: они сохранили право окончательнаго суда въ дѣлахъ уголовныхъ.

Въ 1556 г., эпоху главныхъ административныхъ преобразованій, мы встрѣчаемъ важную мѣру, которая должна была совершенно измѣнить областное управленіе, если бы была вездѣ исполнена; но этого, кажется, не было. По свидѣтельству Ар-

---

значеніе имени и прозвища въ древней Россіи. На этомъ основаніи можно, кажется, предположить, особенно припомнивъ послѣдующія узаконенія, что право судить съ докладомъ или безъ доклада сообразовалось съ степенью государственнаго значенія судьи. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало правыхъ грамотъ намѣстническаго суда. Намѣстники, вѣроятно, были ограничены позже всѣхъ.

[30]) А. Ю. N 10. Нигдѣ не упоминается о случаяхъ доклада царю. Позже, въ приказахъ дѣла тоже рѣшались безъ доклада, кромѣ случаевъ сомнѣнія.

[31]) А. И. т. I, N 105, стр. 150 и 153—154.

хивной лѣтописи и указа отъ 20-го Сентября, въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ замѣнить намѣстничьи кормы денежнымъ жалованьемъ, выдаваемымъ черезъ три или четыре года. [32]) Изъ этого слѣдовало бы заключить, что срокъ управленія былъ въ это время продолженъ, или что это жалованье имѣло случайный характеръ.

Упомянемъ еще объ одномъ ограниченіи, котораго смыслъ для насъ не довольно ясенъ. Въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ жалованныхъ грамотамъ, что намѣстники получали города въ кормленіе съ правдою и безъ правды. Кажется, что это значитъ: съ судомъ уголовнымъ и безъ уголовнаго суда. Если догадка наша справедлива, то между намѣстниками съ судомъ боярскимъ и безъ боярскаго суда надобно допустить еще третью степень,— такихъ, которые судили дѣла холопьи, но дѣлъ уголовныхъ не судили.

Были, кажется, ограниченія мѣстныя. Такъ изъ одной пермской уставной грамоты видно, что нѣкоторыя лица было запрещено судить въ другіе дни, кромѣ воскресенья [33]).

---

[32]) Судебникъ, ст. 62, 63, 66, 71, 77. Флетчеръ, стр. 28. Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, томъ 8-й, примѣчаніе 490. Судебникъ Татищева, стр. 137.

[33]) А. И. т. I, N 110, I.— Дополненія къ А. И, т. I, N 215. — Что выраженіе: «правда», не можетъ означать вообще суда, доказываетъ слѣдующая грамота. Доп. къ А. И. т. I, N 215, II. «Се язъ князь велики Василей Ивановичь всеа Руси пожаловалъ семи Семена Дмитреева сына Ампиева Жылинымъ, *безъ правды*, подъ Третьякомъ Шейкинымъ: и вы всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, *а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ* потому, какъ было прежъ сего...» Догадка моя основывается на слѣдующемъ: въ приведенной грамотѣ жалуется въ кормленіе *волость*, а извѣстно, что дѣла уголовныя по большей части исключались изъ суда волостеля въ пользу намѣстника. Напротивъ, въ гр. 1 подъ тѣмъ же N, волость жалуется съ правдою: извѣстно также, что иногда уголовныя дѣла, всѣ, или нѣкоторыя, предоставлялись суду волостеля. А. А. Э. т. I, NN 150, 201. — Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ, В. Берха, Спб. 1821, стр. 126.

Изложивъ, на сколько это возможно, исторію постепенныхъ ограниченій намѣстнической власти, скажемъ теперь о такихъ явленіяхъ, которыя уже были явными признаками паденія всей системы кормленій. Выше было замѣчено, что управленіе нерѣдко отдѣлялось отъ кормленія, но приведенные нами факты относились собственно къ администраціи, а не къ суду. Судъ, какъ источникъ дохода, оставался въ этомъ случаѣ за кормленщикомъ. Но въ XV вѣкѣ встрѣчаются и другіе факты, относящіеся къ суду и расправѣ. Лица привилегированныя изъемлются иногда изъ общей подсудности намѣстнику и подчиняются царскому дьяку, присланному въ городъ собственно для управленія. Напримѣръ, еще при вел. кн. Васильѣ Ивановичѣ Лопари не были подсудны новгородскимъ намѣстникамъ: ихъ судили въ Новгородѣ царскіе дьяки. [34]) Позже дьяки завѣдывали тамъ какими-то судными дѣлами, изъятыми въ ихъ пользу изъ вѣдомства намѣстника. [35]) Въ Псковѣ тотъ же великій князь, назначивъ намѣстниковъ, поручилъ приказныя дѣла не имъ, а дьяку Мисюрю. Сверхъ того, судя по словамъ Псковской лѣтописи, дьяки имѣли даже какое-то участіе и въ управленіи, которое было въ кормленіи за намѣстникомъ. [36]) Примѣръ полной передачи дѣлъ дьякамъ встрѣчается въ Новгородѣ въ XVI столѣтіи. Въ 1555 г., когда новгородскій намѣстникъ князь На-

---

[34]) С. Г. Г., т. I. N 158. Жалов. гр. Лопарямъ в. князя Василія Ивановича, 15 Іюля 1530 г., подтв. въ Мартѣ 1549.—Продолженіе Древней Рос. Вивліоѳики, часть 5-я, N 172.—Дополненія къ А. И. т. I, N 51, XXIV.

[35]) Дополненія къ А. И. т. I, N 51, XIX. Грамота новгородскимъ дьякамъ, 1556 года: «и намѣстникъ де нашъ ивангородцкой князь Иванъ Михайловичь Троекуровъ тотъ списокъ послалъ къ докладу въ В. Новгородъ, къ бояриму и намѣстнику нашему ко князю Дмитрею Ивановичю Курлятеву, и у докладу деи оба исцы по списку такнули, и вы деи, наши дьяки, у боярина и у намѣстника нашего у князя Дмитрея Ивановича Курлятева тотъ списокъ взяли, *потому что судъ вашъ....*»

[36]) Исторія Гос. Рос., Карамзина, изд. 1819 года, т. VII, глава I, стр. 42. Исторія Россіи, Соловьева, томъ V, стр. 328.

лецкій, идя на войну противъ Шведовъ, отказалъ царское жалованье, Новгородъ, и людей своихъ свелъ оттуда, то все управленіе было поручено дьякамъ, которые и прежде тамъ были, но, кажется, не всѣмъ завѣдывали. Имъ велѣно было выбрать тіуна и поручить ему всѣ намѣстничьи дѣла. [37]) Не извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ къ дьякамъ находился этотъ тіунъ; можетъ быть онъ просто собиралъ доходы на царя, пока на этой половинѣ Новгорода не было новаго кормленщика. Подобные примѣры были въ то же время и въ той же области. Такъ въ 1556 году государь пожаловалъ Матвѣя Хлуденева половиною ямскихъ пошлинъ, и дьякамъ велѣно было исключить этотъ сборъ, которымъ они временно завѣдывали, изъ числа царскихъ доходовъ. Въ томъ же году, когда царь велѣлъ съѣхать съ своего жалованья конюшему Григорію Дмитріеву, то новгородскій конюшій путь предписано было вѣдать дьякамъ на государя. Но по отъѣздѣ Палецкаго, на этомъ дѣло не остановилось. Сдѣлана была попытка особенной организаціи суда. Въ декабрѣ государь отправилъ въ Новгородъ Ивана Жулебина, которому былъ порученъ *верхній тіунь судъ*, т. е. вѣроятно, судъ по апелляціи на прежняго, низшаго тіуна и по докладу отъ него [38]) Ревизія производилась однако не однимъ этимъ верхнимъ тіуномъ, въ ней участвовали и дьяки. Судъ у нихъ съ Жулебинымъ былъ общій, только пошлину каждый изъ судей бралъ исключительно съ дѣлъ своего вѣдомства. Замѣчательно, что тогда же въ Новгородѣ упоминается и намѣстникъ. Онъ и жилъ тамъ, но трудно рѣшить, имѣлъ ли какое участіе въ управленіи. Вѣроятнѣе, что нѣтъ, ибо всѣ распоряженія, даже въ пользу самаго намѣстника, поручались дьякамъ, и верхній тіунъ продолжалъ завѣдывать дѣлами намѣстничьяго вѣдомства. [39]) Вообще дьяки стоятъ во главѣ всего управленія. Они собираютъ пошлины, отдаютъ извѣстныя доходныя статьи въ кормленіе и потомъ принимаютъ ихъ обратно;

---

[37]) Дополненія къ А. И., т. I, N 87.

[38]) Дополненія къ А. И., т. I, N 109. Ср. N 108.

[39]) А. А. Э. т. I, NN 233, 313, Дополненія къ А. И. т. I, NN 99, 106.

наконецъ они же посылаютъ грамоту отъ имени новгородскаго намѣстника къ шведскому королю. Право суда рѣшительно не принадлежало въ это время намѣстнику, и только въ мартѣ 1556 года государь велѣлъ отдать ему весь намѣстничій доходъ половины Великаго Новагорода, т. е., какъ объяснено въ грамотѣ, пошлины верхняго и нижняго тіуня суда за цѣлый годъ Послѣдній видъ суда, вѣроятно, былъ уничтоженъ, ибо всѣ нерѣшенныя дѣла велѣно было передать намѣстнику же. [40]) Отдѣленіе царскаго жалованья отъ управленія встрѣчается не въ одномъ Новгородѣ: въ 1552 г. въ Важскомъ уѣздѣ дьякъ Истома Ноугородовъ распоряжался сборомъ посошныхъ денегъ, въ 1582 г. въ Ярославлѣ были для этого городовые прикащики. Трудно сказать, всегда ли судебная власть переходила къ этимъ лицамъ, но по аналогіи съ первыми извѣстіями о воеводахъ, вѣроятнѣе, что у. приказныхъ людей тоже судились обыкновенно только лица привилегированныя. Это было, кажется, продолженіемъ прежнихъ мѣръ, а не дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ, какъ въ Новгородѣ. Въ одно время съ приказными людьми, царь Иванъ Васильевичъ началъ вводить выборное управленіе, а нѣсколько позже появляются воеводы. Въ указѣ 20-го сентября 1556 года, онъ хотѣлъ обобщить эту мѣру, учредивъ по волостямъ земскихъ судей и губныхъ старостъ, а по городамъ приказныхъ людей изъ дьяковъ. Однако этотъ указъ никогда не былъ исполненъ. До самаго конца царствованія еще встрѣчаются кормленщики; изъ приведенной выше уставной грамоты Борисоглѣбской слободы мы въ правѣ даже заключить, что они не вездѣ были устраняемы отъ управленія. Еще въ 1577 г. Карачевъ былъ пожалованъ въ кормленіе князю Морткину, съ судомъ и со всѣми прежними привилегіями. [41]) И такъ управленіе въ городахъ было самое смѣшанное: почти рядомъ были и намѣстники, и дьяки, и городовые прикащики. О другихъ попыткахъ, сдѣланныхъ въ ту эпоху, когда уже существовало выборное управленіе, скажемъ ниже.

---

[40]) Дополненія къ А. И. т. I, NN 108, 109.

[41]) Судебникъ Татищева, стр. 131 и 135. А. А. Э. т. I, N 324, С. Г. Г. т. II, N 46.

Теперь слѣдовало бы говорить о судьяхъ, подчиненныхъ намѣстнику, но они были тѣ же, какъ и у волостеля, и потому о немъ слѣдуетъ сказать прежде.

Для того, чтобъ объяснить себѣ значеніе волостеля, надобно понять поземельное раздѣленіе древней Россіи. Это представляетъ не мало затрудненія, потому, что у насъ административный распорядокъ смѣшивался съ историческимъ, и были еще многочисленныя, мѣстныя раздѣленія, не повторявшіяся въ другихъ частяхъ государства. Въ правительственномъ отношеніи Россія дѣлилась такимъ образомъ. Каждая страна, или княжество, распадалась на города съ ихъ уѣздами. Уѣздъ не былъ однако опредѣленнымъ названіемъ: иногда онъ означалъ цѣлую страну и подраздѣлялся на нѣсколько частей, во главѣ которыхъ стояли пригороды. Эти части назывались присудами. Иногда, напротивъ, уѣздъ означалъ только округъ одного города. [42]) Уѣздъ раздѣлялся на станы, станы на околицы. Таково было самое общее дѣленіе; но сверхъ того нѣкоторые уѣзды раздѣлялись еще на *четы*, другіе на *трети*; въ иныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются погосты. До какой степени одни и тѣ же названія имѣли разное значеніе, видно особенно въ раздѣленіи на погосты: въ Новгородѣ погосты дѣлились на волости, а въ Важскомъ уѣздѣ волости на погосты. Дѣло въ томъ, что здѣсь сталкивались разнаго рода начала. Станъ былъ раздѣленіемъ административнымъ. Отъ того онъ и называется въ одномъ актѣ «роздѣломъ.» Это — мѣсто, гдѣ стоитъ тіунъ или доводчикъ. Величина стана могла измѣняться: въ духовныхъ завѣщаніяхъ московскихъ князей встрѣчается распоряженіе, чтобъ сыновья в. князя подѣлили между собою станы *на полы*; станъ могъ быть перенесенъ съ мѣста на мѣсто, и тогда измѣнялось, вѣроятно, и его пространство. По условному ихъ значенію количество и самыя названія становъ могли измѣняться. Такъ напр, въ отпискѣ дьяка Истомы Ноугородова, 1552 г,. въ Важскомъ уѣздѣ упоминается Ровдинскій станъ, а въ царской грамотѣ 1603 г. окт. 20, при полномъ изчисленіи становъ Важскаго уѣзда, этотъ станъ уже не упоминается. Впрочемъ,

---

[42]) А. И. т. II, N 66. «Пермитинъ Чердынскаго уѣзда.» Дополненія къ А. И. т. I, NN 116, 130.

такъ какъ въ основанiи всей нашей древней жизни лежалъ обычай, то и подобныя измѣненiя случались, кажется, довольно рѣдко.— Погостъ былъ раздѣленiемъ церковнымъ. Это названiе прилагалось и къ волости, и къ стану, и къ низшимъ поземельнымъ участкамъ, смотря по объему главнаго прихода.[43]) Низшiя географическiя подраздѣленiя носили разныя названiя: слободы, слободки, волостки, села, деревни и проч. — До сихъ поръ мы нарочно не говорили о волостяхъ. Къ какому же изъ поименованныхъ раздѣленiй слово «волость» относится технически? Прежде всего оно относится къ трети и чети; одни и тѣ же мѣста носятъ оба названiя. Что треть и четь не были правительственными участками, особенно ясно изъ раздѣленiя Важскаго уѣзда, гдѣ четей было, какъ ясно изъ самаго названiя, всего четыре, а становъ 12, и послѣднiе не составляли подраздѣленiй первыхъ. Между названiями становъ встрѣчаются и общiя съ четями и особенныя. Слова же: «треть» и «волость» упоминаются совершенно безразлично, замѣняя другъ друга. Иногда при этомъ треть или волость прямо раздѣлялась на станы. [44]) Потомъ волость встрѣчается въ значенiи стана, а иногда, напротивъ, ему противополагается: станомъ называется въ этомъ случаѣ округъ, приписанный къ городу для кормленiя; отсюда выраженiя: «городскiе станы.» Въ одной уставной грамотѣ XV вѣка сказано:

---

[43]) А. А. Э. т. I, N 144.—Исторiя Россiи, Соловьева, т.IV, с. 236.— Статья г. Бѣляева въ 11-й книгѣ Временника Общества Исторiи и Древн. Рос. 1851.—С. Г. Г. т, I. NN 40, 41.—А. А. Э. т. I, NN 123, 181, 233: т. II, N 25.—А. И. т. I, N 299, т. III. N 151.—А. А. Э. т. III, N 293.

[44]) А. А. Э. т. I, N 144. Уставная грамота Переяславскаго уѣзда, *Марининской трети*, Артемоновскаго стана крестьянамъ, 1506 года, Апрѣля 9. — А. И. т. I, N 138. Грамота в. князя Ивана 4-го, 1537 года, Мая 18. «Отъ великого князя Ивана Васильевича всеа Русiи, въ Переславль на посадъ и въ Переславьской уѣздъ, въ *Маринскую волость*, въ Борисоглѣбской станъ, и во весь Переславской уѣздъ, въ станы и волости.»—А. А. Э. т. I, N 181. А. И. т. 1, NN 25, 125, 163. Ср. А. Ю. N 293. А. А. Э. т. 1, N 283: «Кокшенга» (волость), т. III, N 112. «Кокшенская четь.»

«а становъ къ городу: Городецкій станъ, Напорожскій станъ, да Заозерскій станъ» Въ этомъ смыслѣ становые люди отличаются отъ волостныхъ. Впрочемъ, точное различіе врядъ ли можно сдѣлать, ибо намѣстники брали свой кормъ и на волостныхъ крестьянахъ; волости тянули къ посаду. Кажется, что различіе было слѣдующее: станомъ назывался округъ, въ которомъ жилъ чиновникъ намѣстника, это было раздѣленіе произвольное, а волость — раздѣленіе естественное. Поэтому между князьями чаще встрѣчается раздѣлъ становъ, нежели волостей; но было бы несправедливо думать, что послѣдняго никогда небыло: князья точно также дѣлятъ пополамъ и волости. Разница была въ томъ, что при этомъ не терялось сознаніе о единствѣ волости, не исчезало ея названіе.[45]) Кромѣ того волость была подраздѣленіемъ стана[46]); въ этомъ смыслѣ она упоминается рядомъ съ слободою и деревнею и содержитъ въ себѣ нѣсколько послѣднихъ [47]); въ отличіе отъ

---

[45]) А. А. Э. т. 1, N 330. «А въ замосковныхъ волостяхъ, въ Корзеневѣ, и въ Переславскомъ уѣздѣ, въ Кинелѣ и въ Верхъ-Дубенскомъ стану....» Кинель въ другихъ мѣстахъ называется попеременно то волостью, то станомъ. Тамъ же, N 46.—N 74. «Кинельскій станъ, N 182: «въ волости въ Кинелѣ.»—Тоже и въ другихъ мѣстностяхъ. А. А. Э. т. I, N 214. «Въ Масленскомъ стану.» А. И. т. I, N 163. «Масленская волость». А. А. Э. т. I, NN 72, 95, 139, 214. А. И. т. I, N 74; т. II, NN 86, 209. С. Г. Г. т. I, N 51.— Областныя Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, соч. Б. Чичерина, М, 1856, стр. 64.—С. Г. Г. т. I, N 40. Здѣсь иныя волости отдаются нераздѣльно, а другія дѣлятся: Коряково, Тошня.

[46]) А. А. Э. т. I, N 364. «И вы бъ, Калѣйского станку земскіе судьи, ...того монастырька.... берегли того *Кальйскаго станку четырми волостки....*» т. II, N 18. «Билъ намъ челомъ Бѣлозерского уѣзда, Заозерского стану, Шюбацкія волости крестьянинъ»....—N 25: «въ Важеской уѣздъ, въ Шенкурской, и въ Лецкой.... станъ, и тѣхъ становъ въ волости, погосты и деревни....» А. И. т. I, N 125. «Въ Галицкомъ уѣздѣ на Чюхломѣ:... что ихъ волость Конявино....» N 138: «въ станы и волости.» N 217: «въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ Надпорожскомъ стану, въ черныхъ волостяхъ село Николское.»

[47]) А. А. Э. т. II, N 103. «пріѣхалъ есми въ Толшемскую волость ....посылалъ меня Ѳедоръ Мичюринъ на Толшму.... 'въ деревню

обширной волости такой участокъ называется иногда волосткою. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій можно заключить, что волость есть одно изъ древнѣйшихъ раздѣленій Россіи, основанное или на племенномъ различіи, или на другой исторической причинѣ. Этимъ объясняется какъ различная величина, такъ и несовпаденіе ея ни съ какимъ административнымъ раздѣленіемъ. Волость встрѣчается во всѣхъ размѣрахъ.

Въ какія же волости назначался волостель? Въ трети и чети волостели, кажется, не посылались: это были слишкомъ большіе участки, чтобъ не дѣлиться на нѣсколько отдѣльныхъ присудовъ. [48]) Всего чаще волостели встрѣчаются въ тѣхъ волостяхъ, которыя составляли станы или равнялись имъ [49]); но

Фролову» т. I, N 166: «что ихъ деревни монастырскія въ волости Корзеневѣ.» N 330, между монастырскими деревнями село Корзенево. N 256.—А. И. т. I, N 178. «а въ уѣздѣхъ въ митрополичихъ волостяхъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ».

[48]) Это можно вывести изъ сличенія слѣд. двухъ мѣстъ. А. И. т. I, N 125. жалов. гр. 1518 г. Октября 31, Чухлома называется волостью, и упоминаются «намѣстники галицкіе и волостели чюхломскіе и усольскіе»; а въ А. А. Э. т. III, N 95, жалов. гр. 1618 г. апрѣля 17, упоминаются «намѣстники чюхломскіе, волостели и ихъ тіуны». Кажется, можно предположить, что и въ первомъ мѣстѣ волостели чухломскіе означають только волостелей, управляющихъ *въ* Чухломской волости, а не всею волостью; иначе въ Чухломѣ позже не появились бы намѣстники.—Что такихъ волостелей могло быть много въ волости въ этомъ смыслѣ, это видно изъ А. А. Э., т. III, N 243, гдѣ упоминается «Усьи и Заечьи рѣки волостели.» Эти рѣки находились въ Устьянской волости, А. А. Э. т. III, N 126, гдѣ встрѣчаемъ, кромѣ волостелей, еще и намѣстниковъ. А. А. Э. т. IV, N 250. А. И., т. I, N 147.

[49]) А. А. Э. т. I, N 214: «въ Масленскомъ стану.» N 95: «волостели Масленскіе. N 218.—А. И. т. I, N 74: «въ Кинелскомъ стану»,—«волостели Кинелскіе».—А. А. Э. т. I, N 144: «Се язъ князь великій Вас. Ив. всеа Русіи пожаловалъ есми.... *Артемоновского стану* старосту и всѣхъ крестьянъ *тое волости* черныхъ людей: кто у нихъ нашъ волостель ни будетъ. . » Волостель, управлявшій станомъ, жилъ въ одной изъ волостей этого стана и иногда назывался по ея имени. А. А. Э. т. I, N 183, бобровники Ильмехотскаго стана подчинены волостелю Кривандинской волости.

также и въ такихъ, которыя были подраздѣленіями стана и состояли изъ нѣсколькихъ черныхъ деревень. [50]) Въ слободахъ они тоже были. [51])

Назначеніе волостеля стѣсняло географически вѣдомство намѣстника, ибо всякая община, не отданная въ особое кормленіе, безъ жалованной грамоты принадлежала къ его присуду. [52]) Замѣчательно, что волостели преимущественно назначались въ такіе округи, гдѣ крестьяне занимались какимъ нибудь промысломъ.[53]) Иногда даже самое названіе волостеля замѣнялось тѣмъ чиномъ, который завѣдывалъ извѣстнымъ промысломъ. [54]) Это указываетъ на характеръ волостелей. Они назначались для однихъ черныхъ людей, и судили только тѣ лица, которыя селились на черной землѣ. [55]) Поэтому волостели служатъ отчасти переходомъ отъ кормленія съ извѣстнаго географическаго пространства къ кормленію съ доходовъ, и слѣд. отъ управленія территоріальнаго къ управленію по сословіямъ. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ актахъ «волостеля столнича пути,» [56]) что намекаетъ на зависимость отъ какаго ни-

---

[50]) А. А. Э т. I, N 170: «волостели Залубровскіе слободы». А. И, т. I, N 137. «Се язъ князь великій Иванъ Вас. всеа Русіи пожаловалъ есми *Высоцкаго села* старосту и всѣхъ крестьянъ, сельчанъ и деревеньщиковъ: кто у нихъ нашъ *волостель* ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ по сей нашей грамотѣ.»

[51]) А. А. Э. т. I, NN 143, 147, 170.

[52]) А. А. Э. т. I, N 324. Здѣсь Борисоглѣбская слобода, которая бывала и въ отдѣльномъ кормленіи, освобождается уставною грамотою отъ вмѣшательства тѣхъ намѣстниковъ и волостелей, въ округахъ которыхъ она находится.

[53] А. А. Э. т. I, N 143. Волостель въ рыболовьей слободѣ; N 183,— въ бобровничьихъ деревняхъ.

[54]) А. А. Э. т. I, N 150. Волостель называется ловчимъ.

[55]) А. А. Э. т. III, N 37. «А кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярской, или приказной человѣкъ, или митрополичь, или владычнь, или монастырской, или чей нибуди: и тѣ люди волостелю Устюженскому намѣстнику и его тіуну судимы.» Судебникъ, ст. 72. «а по волостемъ волостелемъ судити черныхъ людей.»

[56]) А. А. Э. т. I N 143.

судъ путнаго боярина. Но волостели, управлявшіе цѣлыми станами или равными имъ округами, судили, по правилу, всѣ сословія на подвѣдомственныхъ имъ земляхъ, и тогда, кажется, были совершенно тоже, что и намѣстники [57]). Къ намѣстнику волостель не находился ни въ какихъ отношеніяхъ, кромѣ того, что обязанъ былъ предоставить ему судъ надъ извѣстными преступленіями. Право уголовнаго суда въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова принадлежало исключительно намѣстникамъ. Волостель судилъ душегубство только въ случаѣ обвиненія со стороны истца, слѣд. когда дѣло начато гражданскимъ, обвинительнымъ процессомъ; когда же преступленіе очевидно, и дѣло принимаетъ слѣдственный характеръ, тогда преступникъ выдается намѣстнику. [58]) Но вѣдомый лихой человѣкъ подлежитъ иногда и суду волостелей. [59]) Вообще, въ правѣ уголовнаго суда было большое разнообразіе: нѣкоторые волостели судили всѣ уголовныя преступленія. [60]) Вѣроятно, это зависѣло отъ ко-

---

[57]) Это видно изъ несудимыхъ грамотъ.

[58]) Я вывожу это изъ двоякаго упоминовенія о душегубствѣ во всѣхъ грамотахъ, и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ. А. А. Э. т. I, № 143. Уст. гр. Переяславскимъ рыболовамъ, 1506 г. апрѣля 7. «а побьются въ пожогѣ, или въ душегубствѣ, или въ розбоѣ, или въ татбѣ, ино на убитомъ исцово доправити, а самъ убитой въ казни и въ продажѣ волостелю и его тіуну.»—Ниже: «А учинится у нихъ душегубство, а не доищутся душегубца, ино намѣстникомъ за голову виры четыре рубли, а заплатятъ виру всѣми рыболовлимы дворы; а доищутся душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ, а крестьяномъ въ томъ продажи нѣтъ.» Тоже въ NN 144, 150.

[59]) А. А. Э. т. I, N 150. Уставная грамота Дмитровскаго князя Юрія Ивановича, Каменскаго стана бобровникомъ. «А доведутъ на кого татбу, или розбой, или душегубство, или ябедничьство, или иное кокое лихое дѣло, и ловчей мой велитъ на виноватомъ истцово доправити; а виноватой въ казни и въ продажѣ ловчему и его тіуну. А которой будетъ тать, или убойца, или ябедникъ, вѣдомой лихой чаловѣкъ, и ловчей мой велитъ заплатити изъ его статковъ, а того лихого человѣка велитъ казнити смертною казнію...,»

[60]) А. А. Э. т. III, N 37, Уст. Гр. Устюжны Желѣзопольской, 1614. іюня 5.

личества предоставленныхъ имъ доходовъ. Можетъ быть, къ нимъ-то и относится то пожалованіе кормленіемъ съ правдою и безъ правды, о которомъ упомянуто выше. Такое же разнообразіе было и въ предѣлахъ гражданскаго суда. Обыкновенно о докладѣ вовсе не говорится, но въ одной уставной грамотѣ, данной бобровникамъ, докладъ требуется отъ волостеля по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія. [61]) Изъ числа гражданскихъ дѣлъ, подлежавшихъ суду волостеля, исключались еще иногда *вобчія дѣла*, [62]) т. е. вѣроятно, такія, въ которыхъ участвовали лица и намѣстническаго вѣдомства; но большею частію истцамъ изъ другихъ присудовъ предписывалось вызывать людей, подвластныхъ волостелю, на судъ въ Москву. При этомъ опредѣлялись какъ сроки вызова, такъ и приставъ. Въ томъ случаѣ, когда подсудные волостелю сами искали на подсудныхъ намѣстнику, они, вѣроятно, должны были или судиться передъ намѣстникомъ, или обращаться тоже въ Москву. Въ дѣлахъ съ подсудными другимъ волостелямъ существовалъ только послѣдній родъ суда: «вопчихъ дѣлъ» не судилъ, кажется, никакой волостель. Всѣ эти положенія выработались еще въ XV вѣкѣ. Судебники подвели ихъ подъ общее раздѣленіе кормленій.[63])

Волостели исчезаютъ въ одно время съ намѣстниками; но когда именно, нельзя сказать съ точностію Новое управленіе появлялось подлѣ стараго, не вытѣсняя его совершенно. Однако есть нѣкоторая вѣроятность, что послѣ Грознаго кормленщиковъ уже не было. Правда, о намѣстникахъ и волостеляхъ упоминается еще въ первой четверти XVII вѣка, но въ такихъ грамотахъ, которыя даны были еще прежними царями, и потомъ переписаны на имя новаго государя. [64]) Изъ актовъ подобнаго рода нельзя сдѣлать вѣрнаго заключенія. [65]).

---

[61]) А. А. Э. т. I, N 183, Уставная грамота Владимірскаго уѣзда, Ильмехотскаго стана бобровникамъ, 1537 г. іюля 16. «А безъ доклада волостелю и его тіуну бобровника не обвинити.»

[62]) А. А. Э, т. I, N 143,

[63]) А. И. т. I, N 105, стр. 153. Судебникъ, ст. 63, 66, 71.

[64]) А. А. Э. т. III, N 139. А. И. т. III, N 104.

[65]) У насъ жалованныя и судныя грамоты возобновлялись всегда буквально. Изъ возобновленныхъ актовъ никакъ нельзя сдѣлать за-

Судьи, подчиненные намѣстникамъ и волостелямъ, назывались тіунами. Тіуны были двухъ родовъ: государевы и боярскіе. Первыхъ мы встрѣчаемъ въ Москвѣ и въ московскихъ волостяхъ, да еще въ Новгородѣ. [66]) Они повидимому пользовались равными правами съ намѣстниками, сами держали тіуновъ и были подчинены только московскимъ боярамъ. Въ чемъ же состояло ихъ различіе съ обыкновенными областными правителями? а различіе это должно же было существовать, ибо въ противномъ случаѣ не для чего было учреждать новый родъ областныхъ чиновниковъ. Для объясненія этого вопроса нужно обратиться къ другому значе-

---

ключенія о существованіи какого-либо учрежденія. Практическое значеніе могло имѣть одно или два постановленія, а переписывалась цѣлая грамота. Въ этомъ легко убѣдиться изъ двухъ грамотъ Устюжны Желѣзопольской, судной и уставной, А. А. Э. т. III, NN 36 и 37. Обѣ даны царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, на основаніи прежнихъ грамотъ Ивана Грознаго, въ одно и тоже число, 1614 г. Іюня 6. Первою дается чернымъ людямъ выборное земское управленіе и отмѣняется управленіе волостеля, а во второй говорится объ управленіи и судѣ волостеля, какъ будто они продолжали существовать. Причина возобновленія уставной грамоты заключается въ томъ, что ею даны общинѣ разныя привилегіи касательно вызова къ суду въ Москву по дѣламъ съ иногородными людьми, платежа крестьянами ихъ оброка, кормовъ царскимъ гонцамъ и т. д.

[66]) А. А. Э. т. I, N 240. «наши намѣстницы и третчики и тіуни московскихъ волостей и ихъ тіуни....» Судебникъ, ст. 59. «А не будетъ у которого лихого столько статковъ, чѣмъ истцово заплатити, и боярину того лихого, въ истцовѣ гибели, истцу не выдати, *а велѣти его цареву и великого князя тіуну московскому* да дворскому казнити смертною казнію».... Ст. 71. «А намѣстникомъ и волостелемъ, которые держать кормленія, *и тіуномъ царя и великого князя и боярскимъ тіуномъ, и дѣтей боярскихъ тіуномъ*, татя и душегубца, и всякого лихого человѣка, безъ докладу не спродати, ни выдати.» Ср. ст. 75. Замѣчательно, что, хотя въ Москвѣ былъ намѣстникъ (Судебникъ, ст. 100), но московскій тіунъ не былъ подчиненъ ему: въ А. Ю., N 22, докладъ отъ тіуна идетъ къ казначею.—Доп. къ А. И. т. I, N 51, гр. XIX., NN 99, 109.

нію тіуновъ, значенію не судебному. Въ послѣднемъ смыслѣ тіуны были вообще домашними управителями князей: поэтому они нерѣдко завѣдывали княжескою казною, [67]) и притомъ частною, потому что для казны государственной былъ, въ числѣ московскихъ бояръ, особый чиновникъ съ именемъ казначея. Отсюда можно заключить и объ административномъ характерѣ тіуновъ. Въ противоположность намѣстникамъ, которымъ область уступалась въ кормленіе и которые всѣ дарованные имъ доходы сбирали на себя, царскій тіунъ, вѣроятно, сбиралъ ихъ не на себя, а на государя. Сборъ намѣстничьяго дохода въ царскую казну въ Новгородѣ въ то время, когда тамъ существовалъ верхній и нижній тіунъ судъ, о которомъ сказано выше, подтверждаетъ, кажется, нашу догадку. Такимъ образомъ надобно думать, что когда московскій государь хотѣлъ самъ пользоваться всѣми доходами съ какой нибудь области, онъ назначалъ туда своего тіуна. Разумѣется по примѣру тіуновъ боярскихъ, послѣдній, вѣроятно, пользовался и самъ нѣкоторою долею въ пошлинахъ и какими нибудь сборами, но, какъ лице несамостоятельное, меньшими противъ обыкновенныхъ областныхъ правителей, намѣстниковъ и волостелей. Такимъ предположеніемъ объясняется и то, что царскіе тіуны встрѣчаются только въ Москвѣ и московскихъ волостяхъ: Москва по преимуществу была собственностію государя.

Таково же было значеніе и тіуновъ боярскихъ. Есть въ нашихъ источникахъ намеки на не свободное ихъ положеніе, [68]) и мы имѣемъ указаніе, что они сбирали доходы не только на

---

[67]) Статья г. Погодина: «О посадникахъ, тысяцкихъ и тіунахъ» во Временникѣ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1849 г., кн. 1-я, отд. 1, стр. 30—38.

[68]) Судебникъ, ст. 26. «А боярскому человѣку доброму безчестія пять рублевъ, опричь тіуновъ и доводчиковъ; а женѣ его вдвое. А тіуну боярскому, или доводчику, и праветчику, *безчестія противъ его доходу....*» Ст. 62. «А на *государя своего* тіуну и пошлиннику, никому посуловъ отъ суда не просити.»

себя, но и на своего боярина. [69]) Предѣлы власти тіуна были тѣ же самые, какъ и намѣстника. [70]) Только Судебники сдѣлали въ этомъ случаѣ такое различіе, что сравняли всѣхъ тіуновъ, кѣмъ бы они ни были назначены, кормленщикомъ съ боярскимъ судомъ или безъ онаго. Всѣ тіуны равно не выдаютъ ни отпускныхъ, ни правыхъ холопу, ни бѣглыхъ, а по второму Судебнику, не даютъ полныхъ и докладныхъ грамотъ. [71]) Докладъ отъ тіуновъ шелъ не къ намѣстникамъ, а къ князю или къ московскимъ боярамъ. [72]) Это понятно. Ревизія суда требовалась въ двухъ случаяхъ: или когда дѣло превышало власть мѣстнаго судьи, или когда этотъ судья сомнѣвался въ способѣ его рѣшенія. Въ обоихъ случаяхъ нечего было обращаться къ намѣстнику или волостелю: въ первомъ они были некомпетентны, во второмъ, только законодательная власть могла восполнить обычай. Жалоба на тіуновъ подавалась тоже въ Москву. [73]) Пошлинъ они получали менѣе.

Кромѣ тіуновъ, намѣстники и волостели держали еще праветчиковъ и доводчиковъ. Первые, вѣроятно, производили взысканія по судебнымъ приговорамъ. Они не всегда упоминаются. Вторые вызывали къ суду, каждый въ извѣстномъ, опредѣленномъ округѣ. Переѣзжать изъ своего стана въ чужой, или изъ раздѣла въ раздѣлъ, имъ было запрещено. Мѣста жительства доводчиковъ иногда были заранѣе назначены въ уставныхъ гра-

[69]) Судебникъ, ст. 65. «А отъ правыя грамоты имати боярину.... А тіунъ его дастъ правую грамоту и онъ смлетъ *на государя своего и на* себя....» Татищевъ, стр. 79, примѣчаніе (а).

[70]) Въ несомнительныхъ случаяхъ они рѣшали дѣла безъ доклада. А. Ю., N 18.

[71]) Судебникъ, ст. 67. А. И. т. I, N 105.

[72]) Судебникъ, ст. 69. «А вышлетъ намѣстникъ, или волостель, или ихъ тіунъ, списокъ волостного суда къ докладу... » Далѣе сказано: «а въ пенѣ что государь укажетъ.» Замѣчательно, что говоря о пошлинахъ намѣстническаго суда, Судебникъ не упоминаетъ о пошлинахъ съ докладнаго списка.

[73]) Судебникъ, ст. 67 и 75.

мотахъ, и намѣстникъ долженъ былъ приписать къ этимъ пунктамъ села и деревни, раздѣливъ ихъ между своими чиновниками. Доводчику обыкновенно предписывалось объѣзжать свой округъ одному, «безъ паробка», не брать съ собою пустой лошади, не собирать корма самому, а брать его на стану, у старосты; запрещалось ночевать тамъ, гдѣ обѣдалъ, и обѣдать тамъ, гдѣ ночевалъ. Иногда доводчикъ былъ вмѣстѣ и судьею. Это ясно высказано въ одной грамотѣ XVI вѣка. Отчего именно судъ поручался иногда не тіуну, какъ обыкновенно, а доводчику, сказать довольно трудно. Вѣроятно, потому, что доводчикъ получалъ менѣе корма и пошлинъ, слѣд. право имѣть у себя не тіуновъ, а доводчиковъ могло быть для общинъ важнымъ облегченіемъ. Вообще цѣль назначенія тѣхъ и другихъ заключалась столько же въ необходимости помощниковъ для производства суда и расправы, сколько и въ кормленіи намѣстничьихъ и волостелиныхъ людей. Потому-то уставныя грамоты и ограничиваютъ число ихъ. Чѣмъ болѣе ихъ было, тѣмъ на меньшіе участки падала тяжесть ихъ кормленія. Намѣстники не всегда даже могли держать по тіуну въ каждомъ станѣ или волости. Такъ Бѣлозерская уставная грамота на три стана, тянувшихъ къ городу, назначаетъ только двухъ тіуновъ, въ Онежской грамотѣ намѣстнику на всей волости позволено держать только одного тіуна; волостели тоже большею частію держатъ по одному. Число доводчиковъ также ограничивается извѣстною цифрою. По той же причинѣ намѣстничьихъ людей запрещается перемѣнять до году. Опредѣленіе мѣста жительства для доводчиковъ было тоже очень важно, ибо содержаніе становаго двора стоило не дешево, и надобно было устроить его въ такой общинѣ, гдѣ это было наименѣе обременительно. На этотъ счетъ сохранился любопытный актъ изъ эпохи до Судебника. Въ 1546 году крестьяне Оптропьевой слободки, въ Устюжскомъ уѣздѣ, били челомъ великому князю и говорили: «что де у нихъ въ той слободкѣ поставленъ дворъ становой, Вутмановскому доводчику на пріѣздъ, до приходу казанскихъ людей за три годы, а прежъ де сего былъ тотъ станъ въ Утмановѣ; и на ту де слободку приходили казанскіе люди безвѣстно, да ту де ихъ слободку воевали, и деревни, и дворы повыжгли, и людей повысѣкли, а

иныхъ въ полонъ повывели, и... уставную грамоту взяли: и держать де имъ того стану не почему, и того становаго двора ставити имъ нечѣмъ и держать его некому, потому, что де у нихъ въ той слободкѣ доводчикъ корчму держалъ силно, а прежъ деи сего у нихъ корчмы не бывало въ той слободкѣ; а та де ихъ слободка стоитъ на дорогахъ, на Великопермьской, и на Вяцкой, и на Вологоцкой, и съ тѣхъ де у нихъ дорогъ на тотъ становой дворъ, на корчму, приходятъ всякіе люди, тати и разбойники и костари, и у того доводчика на корчмѣ пьютъ всегда, и тѣхъ слобоцкихъ людей бьютъ и грабятъ, и крадутъ, и проходу мимо тотъ дворъ слобожаномъ нѣтъ, потому, что многихъ людей до смерти бьютъ и тѣми людьми мертвыми ихъ подметываютъ, и чинятъ имъ убытки великіе. и впередъ отъ того двора имъ жити не мочно.» На эту жалобу государь далъ такое рѣшеніе: «доводчику Утмановскому тѣхъ слобоцкихъ крестьянъ судити, и поля спущати, и управу чинить въ Утмановѣ на стану, и въ той слободкѣ Утмановскому доводчику двора на пріѣздъ нѣтъ, и корчмы ему въ той слободкѣ не держати и пивъ ему не варити и стану ему въ той слободкѣ нѣтъ; а пріѣзжати ему въ ту слободку по ихъ великаго князя по уставной грамотѣ, самудругу съ дѣтиною, а давати тѣмъ крестьянамъ тому доводчику поминки по силѣ». [74])

Для письмоводства при намѣстникахъ и волостеляхъ состояли дьяки. [75])

Мы видѣли, что однимъ изъ подраздѣленій волости или стана была слобода, которая обыкновенно группировала около себѣ нѣсколько селъ и деревень. Слободы управлялись слободчиками, которыхъ власть и вообще характеръ были весьма различны, такъ что нѣтъ рѣшительно никакой возможности подвести ихъ подъ одно общее начало. Замѣтимъ прежде всего, что о внутреннемъ

---

[74]) А. И. т. I, N 299. Вообще о тіунахъ, доводчикахъ и праветчикахъ см. А. А. Э. т. I, NN. 123, 144, 181, 183 и проч.

[75]) А. А. Э. т. I, NN 143, 144, 183. Судебникъ, ст. 69.

управленіи нѣкоторыхъ слободъ даже вовсе нѣтъ извѣстій, хотя въ актахъ есть данныя имъ уставныя грамоты. Въ нихъ говорится о разныхъ льготахъ, о неподсудности намѣстникамъ и судѣ въ Москвѣ съ опричными людьми, но о внутреннемъ управленіи и судѣ нѣтъ ни слова, такъ что нельзя сказать, былъ ли тутъ слободчикъ, или община управлялась мірскою сходкой. Въ другихъ слободахъ были отдѣльные начальники, но почти въ каждой съ особымъ характеромъ. Въ однихъ это лице выборное, въ другихъ, напротивъ, назначенное властію. [76]) Право суда надъ слобожанами не всегда принадлежало ему; иногда это былъ родъ земскаго старосты, безъ всякаго судебнаго права. Замѣчательна въ этомъ отношеніи одна жалованная грамота, данная Иваномъ IV Вятчанамъ Шестаковскаго городка, въ октябрѣ 1546 года. [77]) Нѣкоторые изъ Вятчанъ били челомъ государю, говоря, что еще съ послѣдней переписи они поставили, выселясь изъ Верхняго Слободскаго Городка, нѣсколько деревень и починковъ, которые и попали въ писцовую книгу; но послѣ переписи,—изъ этихъ деревень и починковъ они устроили особый городокъ, совершенно отдѣльно отъ слобожанъ, и притомъ на заемные деньги. Сверхъ того къ нимъ присоединились другіе крестьяне, пришедшіе въ ихъ поселеніе уже послѣ переписи. Новый городокъ, или слобода, имѣлъ уставную грамоту, которою его жителямъ была разсрочена уплата долговъ на пять лѣтъ и дано право не тянуть съ слобожанами «ни въ которыя протори, ни въ розметы»; но эту грамоту отнялъ у нихъ слободской намѣстникъ князь Ухтомскій, и съ нихъ стали править долги и взыскивать всякія подати и кормы.— Для облегченія жителей Шестаковскаго Городка государь возобновилъ жалованную грамоту, но съ слѣдующимъ различіемъ въ привилегіяхъ: люди, внесенные въ послѣднюю перепись пользуясь по прежнему разсрочкою въ уплатѣ долговъ, тя-

---

[76] А. А. Э. т. I, N 210, жалов. гр. Вятчанамъ Шестаковскаго Городка, 1546 года.... «а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ крестьянъ ихъ слободчикъ, кого себѣ въ слободчики выберутъ....» NN 147, 196, 204, 324. Дополненія къ А. И. т. I. N 26.

[77] А. А. Э. т. I. N 210.

нутъ однако съ слобожанами во всѣхъ разметахъ и подлежатъ суду слободскаго намѣстника. Напротивъ, поселившіеся послѣ переписи, кромѣ долговой привилегіи, не платятъ еще никакихъ податей и кормовъ и не подлежатъ суду намѣстника, за исключеніемъ душегубства и татьбы съ поличнымъ: ихъ судитъ выбранный ими слободчикъ. Въ нѣкоторыхъ слободахъ слободчикъ судилъ съ однимъ или двумя данщиками. Судъ съ опричными людьми, т. е. непринадлежащими къ общинѣ, тоже почти въ каждой мѣстности былъ устроенъ особеннымъ образомъ. Въ Керети и Ковдѣ иски иногородныхъ людей противъ мѣстныхъ жителей судились данщиками и слободчикомъ, даже въ томъ случаѣ, когда у первыхъ были жалованныя несудимыя грамоты; но если Керетчане и Ковдяне вчинали встрѣчный искъ, то иногородные люди не были обязаны отвѣчать передъ ихъ судьями, они могли требовать суда въ Москвѣ. Срокомъ для него было назначено время доставленія дани. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что вообще иски Ковдянъ и Керетчанъ на иногородныхъ вчинались въ Москвѣ. Срокомъ для тяжебъ съ иногородными людьми на мѣстѣ было опредѣленно пять недѣль между Сборнымъ Воскресеніемъ и Вербнымъ. Мѣстнымъ жителямъ расправа чинилась во весь годъ. Отъѣздъ данщиковъ не мѣшалъ судить слободчикамъ. [78]) Въ другихъ слободахъ судъ съ посторонними людьми былъ устроенъ на общемъ основаніи всѣхъ жалованныхъ грамотъ, т. е. въ случаѣ дѣлъ между слобожанами и волостными, становыми или городскими людьми того же округа учреждался судъ смѣстный; а по дѣламъ съ иногородными судъ происходилъ въ Москвѣ [79]) Предѣлы судебной власти слободчиковъ тоже разные. Общаго здѣсь только то, что вообще право уголовнаго суда имъ не принадлежало: они не судили душегубства и татьбы съ поличнымъ, но гражданская ихъ юрисдикція опредѣляется различнымъ образомъ: въ однѣхъ грамотахъ о докладѣ ничего не говорится, въ другихъ запрещено безъ доклада разрѣшать поединокъ, и опредѣлено, какъ посылать въ

---

[78]) А. А. Э. т. I, N 196, I.

[79]) Дополненія къ А. И., т. I, N 26.

Москву докладные списки. Въ слѣдующемъ періодѣ встрѣтимъ и денежныя ограниченія. О лучшихъ людяхъ и цѣловальникахъ въ однѣхъ жалованныхъ грамотахъ есть постановленіе, а въ другихъ его нѣтъ.

Привилегія нѣкоторыхъ волостей состояла, какъ сказано выше, въ томъ, что ихъ судили тѣ самые данщики, которые собирали съ нихъ дань. Кажется, что они были только въ новыхъ, полудикихъ пріобрѣтеніяхъ Россіи [80]).

Наконецъ, самые низшіе поземельные участки, принадлежавшіе государю, села и деревни управлялись посельскими и прикащиками. Подобно слободчику, эти лица не вѣдали дѣлъ уголовныхъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя, по тогдашнему взгляду, носили гражданскій характеръ Докладъ требуется отъ нихъ кажется, только о продажѣ и убитомъ. О полѣ съ доклада нигдѣ не говорится [81]). Такъ какъ дворцовыя села и деревни составляли совершенно отдѣльное управленіе, то отъ областныхъ начальниковъ они нисколько не зависѣли. Докладъ шелъ прямо въ Москву, къ дворецкому; ему же приносилась и жалоба. Въ селахъ монастырскихъ мы встрѣчаемъ прикащиковъ, за которыми былъ доводъ, и такихъ, за которыми его не было[82]) Что это значитъ, для насъ неясно. Можетъ быть, иные прикащики, кромѣ суда въ своемъ селѣ, пользовались еще правомъ вызова къ суду въ какой-нибудь части монастырской волости. Черныя села не имѣли, кажется, своего особеннаго суда, но зависѣли отъ общей, областной юрисдикціи. О судѣ въ селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ, будетъ сказано послѣ.

Изложивъ судебную власть въ томъ видѣ, какъ ее застали преобразованія Грознаго, мы должны теперь сказать о другомъ составномъ элементѣ древняго суда, о судныхъ мужахъ, и опредѣлить, по возможности, мѣру ихъ участія въ судебной распра-

---

[80]) А. А. Э. т. I, NN 196, 204.

[81]) А. А. Э. т. 1, NN 201, 240.

[82]) А. А. Э. т. I, N 357.

вѣ. Въ нашей исторической литературѣ существуютъ о нихъ разныя, противоположныя мнѣнія. Одни видятъ въ нихъ ограниченіе намѣстнической власти, и допускаютъ ихъ участіе въ самомъ произнесеніи приговора, другіе считаютъ ихъ только за судебныхъ свидѣтелей. Такое же разногласіе и относительно времени ихъ появленія: одни находятъ въ нихъ учрежденіе правительственное, другіе—исконную форму народнаго суда. Постараемся опредѣлить, во первыхъ, ихъ происхожденіе, во вторыхъ, ихъ значеніе.

Народное происхожденіе судныхъ мужей не подлежитъ сомнѣнію. Задолго до первыхъ узаконеній мы встрѣчаемъ уже о нихъ извѣстія. Такъ въ одномъ судномъ дѣлѣ временъ Димитрія Донскаго уже говорится о судныхъ мужахъ, хотя до самаго конца XV вѣка законодательство молчитъ о нихъ. Что именно обычай условливалъ присутствіе ихъ на судѣ княжескихъ чиновниковъ, всего лучше видно изъ одной жалобы, которую въ 1542 году подали на своихъ начальниковъ жители слободъ Кереги и Ковды. [83]) Они говорили, что данщики и слободчики судятъ ихъ «не по суду,» а земскимъ людямъ, лучшимъ и середнимъ, на судѣ быть у себя не велятъ. Стало быть, устраненіе судныхъ мужей было дѣломъ незаконнымъ, а между тѣмъ въ данной Кереги и Ковдѣ уставной грамотѣ ни слова не говорится о томъ, чтобъ не судить безъ лучшихъ людей. Этимъ происхожденіемъ нашихъ судебныхъ засѣдателей объясняется и то, что въ однѣхъ правыхъ грамотахъ они упоминаются, а въ другихъ той же эпохи ихъ нѣтъ. [84]) Законъ долго не заботился объ этомъ обычаѣ, ибо долго не обращалъ вниманія на внутреннее устройство суда, довольствуясь однимъ опредѣленіемъ количества судебныхъ пошлинъ. Двинская уставная грамота ничего не говоритъ объ этомъ; въ первый разъ не велѣно судить безъ лучшихъ мужей въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 года. Съ тѣхъ поръ это положеніе повторяется вездѣ и входитъ въ Судебникъ Ивана III, который окончательно запретилъ судить безъ сотскаго, двор-

---

[83]) Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ, П. Иванова, стр. 203. А. А. Э. т. I, N 196.

[84]) См. напр. А. Ю., N 16.

скаго, или старосты, и безъ лучшихъ людей. [85]) Этимъ закономъ обезпеченъ былъ древній, народный обычай. Тою же потребностію въ гарантіи объясняется и превращеніе лучшихъ мужей въ цѣловальниковъ. Какимъ образомъ произошла эта перемѣна, объясняетъ таже, приведенная нами, челобитная жителей Керети и Ковды. Видя, что лучшихъ людей слободчики на судъ не допускаютъ, они выбрали всею волостью шестерыхъ цѣловальниковъ и просили государя, чтобъ онъ велѣлъ имъ быть на судѣ у слободчиковъ и данщиковъ. Великій князь пожаловалъ челобитчиковъ и велѣлъ выбранныхъ привести къ присягѣ. Вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ цѣловальники появились такимъ же образомъ, ибо въ 1532 г. мы встрѣчаемъ ихъ и на Двинѣ. [86]) Вообще право держать на судѣ цѣловальниковъ давалось въ качествѣ привилегіи, какъ милость, потому что выбранныя присяжныя лица представляли подсуднымъ болѣе гарантіи, чѣмъ лучшіе люди. Такъ в. князь Василій Ивановичъ, желая оградить Новгородъ отъ притѣсненій намѣстниковъ и тіуновъ, позволилъ въ 1533 г. его жителямъ избрать со всѣхъ улицъ 48 цѣловальниковъ изъ которыхъ каждый мѣсяцъ четверо судили съ тіунами. Подобную же привилегію далъ онъ въ 1510 г. Пскову. Выбрано было 12 старостъ московскихъ и 12 псковскихъ и велѣно имъ сидѣть на судѣ у намѣстниковъ и тіуновъ, «правды стеречь.» Придуманное средство однако не удалось. Не смотря на старостъ, псковскій лѣтописецъ горько жалуется на московскую неправду: «и у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо, а кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая въ нихъ, быша не милостивы до Псковичь; а Псковичи бѣдныя не вѣдаша правды московскія.»[87])

---

[85]) А. А. Э. т. I, NN 13, 123, 143, 144, 181, 201. А. И. т. I, N 105.

[86]) А Ю. N 20.

[87]) Исторія Госуд. Росс. Карамзина, т. VII стр. 187 и примѣчаніе 362. Исторія Россіи, Соловьева, т. V стр. 466. — П. С. Р. Л. т. IV; (Псковская первая лѣтопись), стр. 287.

Въ качествѣ общаго учрежденія старосты и цѣловальники введены, для присутствія на судѣ, вторымъ Судебникомъ.» [88])

Какое значеніе имѣли цѣловальники? Держась строго источниковъ, можно опредѣлить какъ первоначальный, основный ихъ характеръ, такъ и ту цѣль, для которой законъ призвалъ ихъ на судъ областныхъ начальниковъ. Прежде всего они представляются свидѣтелями того, что происходило на судѣ. Въ этомъ смыслѣ обычай вышелъ изъ гласности древняго судопроизводства и также изъ древнѣйшаго способа укрѣпленія правъ. Извѣстно, что этотъ способъ состоялъ въ присутствіи свидѣтелей при совершеніи юридическаго акта. Другаго средства удостовѣренія не было. Для суда же свидѣтели были особенно необходимы. Мы знаемъ, что и правая грамота не была достовѣрна безъ ихъ показанія, да притомъ она и выдавалась не иначе, какъ по просьбѣ тяжущихся. Оттого и московскіе бояре судили при своихъ товарищахъ, писцы также, наконецъ самъ государь судилъ при своихъ боярахъ. Достовѣрность произведеннаго суда едва ли не была самою первою заботой, выразившейся въ допущеніи на судъ лучшихъ людей. Отъ того-то сначала судные мужи безпрестанно мѣняются: по каждому дѣлу являются новые, ибо все равно было, ктобы ни засвидѣтельствовалъ судъ, лишь бы было это свидѣтельство. Такъ въ двухъ разъѣзжихъ грамотахъ 1530 года, октября и ноября мѣсяцевъ, при раздѣлѣ земель одной и той же Гороховской волости, при однихъ и тѣхъ же судьяхъ, судные мужи не одни и тѣ же въ каждой грамотѣ. Даже при разныхъ актахъ одного процесса могли быть разные свидѣтели. Въ одной правой грамотѣ 1485 г. сказано: «А на судѣ были на пустошахъ на Сарьскихъ; Зиновъ Захаровъ Арбожевецъ, да южскіе хрестьяне, Сергѣйко Нестеровъ да Палка Петрушинъ; а коли Данило сказалъ, что пустоши Сарьскія далъ Ѳарафонтьевъ монастырь, туто былъ Семенъ Циплятевъ, да Игнаша поселской ивачевской, да Иванъ Мотшинъ.» Еще важнѣе въ этомъ смыслѣ слѣдующее обстоятельство: въ началѣ XVI в., въ

---

[88]) Судебникъ, ст. 68.

правыхъ грамотахъ обозначали иногда, кромѣ судныхъ мужей, еще и тѣхъ свидѣтелей, которые присутствовали при выдачѣ грамоты. Напр.; въ одной правой грамотѣ 1507 г. сказано въ концѣ: «А на судѣ были мужи Череповецкіе волости.... А коли грамоту правую далъ, а тогды были тѣже мужи да Угримъ Ѳедоровъ сынъ Кутусова.» [89]) Изъ судныхъ дѣлъ видно, что таково было дѣйствительно, между прочимъ, назначеніе судныхъ мужей: при каждомъ почти представленіи правой или разъѣзжей грамоты, въ качествѣ доказательства, происходитъ ссылка на судныхъ или розъѣзжихъ мужей.

Но однимъ этимъ назначеніемъ не ограничивались обязанности лучшихъ людей и цѣловальниковъ. Мы видѣли, что, назначая въ Псковѣ старостъ, в. князь велѣлъ имъ «въ судѣ сидѣти съ намѣстники и тіуны, правды стеречи.» Въ 1542 г., утверждая цѣловальниковъ въ Керети и Ковдѣ, государь велѣлъ «ихъ привести къ цѣлованью на томъ, что имъ у данщика и у слободчика на судѣ всякаго дѣла беречи вправду, по крестному цѣлованью, безъ всякія хитрости.» Въ чемъ же состояло это «стереженье правды», это «береженье дѣла безъ хитрости?» Та же Ковдинская грамота поможетъ намъ опредѣлить отчасти эту сторону обязанности. Устраняя отъ суда лучшихъ и среднихъ земскихъ людей, слободчики судили «не по суду и чинили продажи великія.» Для уничтоженія этого зла и были испрошены цѣловальники. Судить не по суду значитъ, вѣроятно, рѣшать дѣла несогласно съ ходомъ процесса. И такъ судные мужи должны были, во первыхъ, наблюдать за правильностію этого хода, и, кажется, дѣйствительно стѣсняли въ этомъ отношеніи судейскій произволъ, ибо, какъ мы видѣли, несправедливые судьи спѣшили устранить ихъ отъ своихъ засѣданій. Кромѣ того, они повидимому наблюдали вообще за интересами сторонъ. Въ Новгородѣ и Псковѣ почти весь судъ носилъ характеръ третейскаго: на судѣ нов-

---

[89]) Статья г. Бѣляева: «О поземельномъ владѣніи,» въ XI книгѣ Временника Общества Исторіи и Древн. Росс., стр. 8. примѣчаніе.—А. Ю. N 3, стр. 6.—Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, книги 2-й половина 1-я, М. 1855, отдѣленіе 3, стр. 135.

родскихъ посадника и намѣстника, а также и тысяцкаго, судили по два боярина, да по два житьихъ мужа, избираемыхъ каждою стороною; на судѣ княжескаго тіуна судили приставы, по одному отъ каждой стороны; кромѣ того, у доклада были выборные отъ всѣхъ пяти концевъ, по боярину и житьему отъ каждаго конца. Въ Псковѣ «земное орудье,» т. е. споръ о землѣ, рѣшался черезъ посредниковъ (межниковъ). Въ Московскомъ государствѣ судъ не носилъ такого яркаго посредническаго характера, хотя и тутъ судьи нерѣдко назначали отъ себя третейскаго судью для разбора дѣла; но и на судѣ обыкновенномъ интересы тяжущихся не оставались совершенно безъ представителей: ими были судные мужи. Они должны были соединять въ себѣ такія условія, которыя бы обезпечивали, такъ сказать, ихъ безпристрастіе. Такъ они должны быть изъ тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ сами тяжущіеся. Судебникъ непремѣнно требуетъ этого условія: «А случится кому изъ тѣхъ волостей предъ намѣстникомъ, или предъ волостелемъ, или предъ ихъ тіуны искати или отвѣчати, и въ суду быти *тѣхъ волостей* старостамъ и цѣловальникамъ, изъ которыя волости кто ищетъ, или отвѣчаетъ.» Изъ правыхъ грамотъ можно заключить, что судные мужи бывали не только изъ одной мѣстности, но притомъ еще отъ каждой изъ тяжущихся сторонъ. Такъ напр. тягаются волостные люди съ городскими, и въ судныхъ мужахъ двое сотскихъ да городской человѣкъ; тягаются, напротивъ, волостные крестьяне съ монастырскими, и въ судныхъ мужахъ, съ одной стороны, нѣсколько волостныхъ старостъ, съ другой монастырскіе крестьяне. По дѣламъ волостныхъ людей, со времени перваго Судебника, постоянно являются въ судныхъ мужахъ ихъ начальники. Это правило до того соблюдалось, что подъ 1532 годомъ мы находимъ въ Актахъ Юридическихъ такую правую грамоту, въ которой по одному и тому же дѣлу видимъ разныхъ судныхъ мужей: при судѣ были одни, а при разъѣздѣ другіе. Причина заключается въ томъ, что въ теченіи процесса старосты по волостямъ перемѣнились. Въ чемъ именно состояло обезпеченіе, представляемое тяжущимся присутствіемъ на судѣ членовъ ихъ общинъ, сказать утвердительно довольно трудно. Можетъ быть, даже только въ томъ, что такія лица не солгутъ при до-

кладѣ. Вообще, свидѣтельство при докладѣ, таковъ или не таковъ былъ судъ, составляло главную обязанность судныхъ мужей, и всего болѣе дѣлало ихъ необходимыми. Оттого-то Судебники и обращаютъ все свое вниманіе на эту сторону ихъ дѣятельности. Судные мужи прикладываютъ руки къ судному списку, и получаютъ отъ намѣстника противень за его печатью и писанный его дьякомъ. Въ случаѣ сомнѣнія, они присылаютъ этотъ противень къ докладу для сличенія съ суднымъ спискомъ.[90])

Вообще Судебники въ постановленіяхъ о судныхъ мужахъ имѣли въ виду только достовѣрность суда и достовѣрность его справедливости. Только царскій Судебникъ дѣлаетъ шагъ впередъ, учреждая изъ старостъ и цѣловальниковъ преграду для намѣстничьяго произвола: они производятъ обыскъ во всѣхъ пунктахъ дѣла, въ которыхъ судья сомнѣвается; [91]) имъ намѣстничьи и волостелины люди являютъ людей, отдаваемыхъ на поруки.[92]) Когда была возможность заявить иначе бытіе суда, другимъ образомъ обезпечить справку при докладѣ, лучшіе люди и цѣловальники на судъ и не являются: писцы, московскіе бояре при нихъ не судятъ; у нихъ засѣдатели ихъ же товарищи; также судятъ и князья. [93]) Не смотря на то, что законовъ было мало, что слѣд. судъ долженъ былъ большею частію основываться на обычаѣ, часто мѣстномъ, московскіе судьи довольствуются своею практикою, своими обычаями, не справляясь съ мѣстными знатоками. Все это доказываетъ, что правительство заботилось о цѣловальникахъ только въ качествѣ свидѣтелей. Но не такъ было въ провинціяхъ. Переходя съ мѣста на мѣсто и не имѣя законодательной власти, намѣстникъ долженъ былъ или судить совершенно произвольно, или обратиться къ такимъ лицамъ, которыя знали мѣстный обычай. Незнакомство намѣстниковъ съ мѣст-

---

[90]) А. А. Э. т. I, N 196, 92, Псковская судная грамота, изд. Мурзакевича, стр. 2, А. Ю. NN 2, 7, 20, 66, 67. Судебникъ, ст. 68, 71, 78.

[91]) Судебникъ ст. 72, А. И. т. И. т. I, N 154, V.

[92]) Судебникъ, ст. 70.

[93]) А. Ю. NN 2, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 17.

ною правдою было очень тяжело для областей. Псковскій лѣтописецъ, разсказывая о назначеніи въ 1511 году князя Петра Великаго и князя Семена Курбскаго, замѣчаетъ, что первый изъ нихъ былъ прежде княземъ въ Псковѣ, зналъ всѣхъ его жителей и потому былъ добръ до нихъ, такъ что разбѣжавшіеся Псковичи стали снова собираться въ городъ. [94]) Такъ важно было короткое знакомство съ краемъ. Отсюда понятно, почему въ правыхъ грамотахъ судъ нерѣдко представляется коллегіальнымъ. Часто послѣ заглавія: «сей судъ судилъ такой-то намѣстникъ или тіунъ», непосредственно слѣдуютъ слова: «ставъ передъ судьями» или «судьи досмотрѣли,» [95]) выраженія, которыя явно относятся къ суднымъ мужамъ. Вслѣдствіе этого образовалось даже мнѣніе о коллегіальномъ устройствѣ древнихъ областныхъ судовъ русскихъ [96]) Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Участіе или неучастіе судныхъ мужей въ ходѣ процесса представляетъ гораздо болѣе случайнаго, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Правда, цѣловальники не только называются иногда судьями, но даже въ одной правой грамотѣ 1612 г. прямо названы въ приговорѣ, наравнѣ съ воеводою и дьяками, но за то въ другихъ правыхъ грамотахъ объ участіи ихъ вовсе не упоминается, а изъ нѣкоторыхъ нельзя даже заключить, были ли они на судѣ. [97])—Самую вѣрную догадку объ отношеніи судныхъ мужей къ суду и расправѣ сдѣлалъ профессоръ Морошкинъ. [98]) Говоря о характерѣ Судебника, въ которомъ судьѣ почти не дано никакой мѣрки для судебной дѣятельности, онъ замѣчаетъ: «Право живетъ въ народныхъ обычаяхъ, и вѣщатели его суть

[94]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 288.

[95]) А. Ю. N 18.

[96]) Г. Михайловъ, въ сочиненіи: «Исторія образованія и развитія русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 года» Спб. 1848 г., стр. 58.

[97]) А. Ю. NN 16, 18, 19, 20.

[98] Рѣчь объ Уложеніи, профессора Морошкина, М, 1839, стр. 16. А. Ю. NN 18, 19.

цѣловальники, люди добрые, люди лучшіе, избираемые по половинѣ съ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Они-то наполняютъ формы суда матеріальнымъ содержаніемъ.» Это замѣчаніе подтверждается: a) самымъ характеромъ правыхъ грамотъ, гдѣ, при нѣкоторой разности, есть и относительное однообразіе въ рѣшеніяхъ, намекающее на обычай, который не могъ же быть извѣстенъ областнымъ чиновникамъ, часто остававшимся не болѣе года на своихъ мѣстахъ; b) аналогіею съ Новгородомъ. Мы видѣли, что тамъ судъ только какъ право принадлежалъ княжескимъ судьямъ, въ дѣйствительности же весь судебный разборъ производился посредниками; c) наконецъ самымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ изъ правыхъ грамотъ. У насъ есть такія, въ которыхъ сначала говорится о судѣ намѣстника или тіуна, потомъ упоминаются судьи, а приговоръ опять произносится однимъ тіуномъ или намѣстникомъ (См. А. Ю. NN 18. 19). Раздвоеніе суда вообще въ духѣ древней Россіи. Оно напоминаетъ римское jus et judicium. Въ этомъ замѣчаніи невѣрно только то, что оно безъ всякаго ограниченія отнесено и къ эпохѣ Судебника. Въ средней Россіи старинный обычай не успѣлъ развиться: московскій законъ ничего не знаетъ о судебномъ правѣ цѣловальниковъ.

Значеніе цѣловальниковъ, какъ судебныхъ засѣдателей, постоянно падаетъ въ XVII вѣкѣ. Сначала они присутствовали и на судѣ воеводъ, но послѣ 1612 года уже здѣсь не встрѣчаются и остаются только на судѣ крестьянскомъ. Причина такого измѣненія въ составѣ областнаго судоустройства заключается въ самой исторіи цѣловальниковъ. Мы видѣли, что сначала волости добивались ихъ, какъ драгоцѣннаго права: ихъ присяга и оффиціальное положеніе представляли повидимому больше гарантіи. Но съ теченіемъ времени дѣло измѣнилось: старосты и цѣловальники, отвѣтственные передъ начальствомъ за всѣ денежные сборы, превратились въ чиновниковъ и сами иногда были тяжелы для областныхъ жителей: въ слѣдующемъ періодѣ уже слышатся жалобы на ихъ злоупотребленія; да и самый выборъ ихъ становится тяжелъ для общинъ, которыя тѣмъ отбываютъ лишняго плательщика. Мы видимъ, что къ губному дѣлу, напр., въ которомъ однако былъ интересъ для всѣхъ и каждаго, общины

даютъ цѣловальниковъ, какъ повинность, и даютъ неохотно; монастыри даже силою не допускаютъ брать ихъ у себя. Все это объясняетъ, почему общины не испрашиваютъ уже болѣе права имѣть судебныхъ цѣловальниковъ. Правительство же прибѣгло къ другой мѣрѣ: оно стало назначать областныхъ начальниковъ (воеводъ) не одних, а вмѣстѣ съ товарищами и съ дьяками. Такимъ образомъ выборное начало по немногу исчезаетъ изъ суда. Цѣловальники остаются только для финансовыхъ цѣлей и состоятъ въ совершенной зависимости отъ воеводъ, которые распоряжаются ими по своему усмотрѣнію, иногда даже несогласно съ первоначальною цѣлью ихъ выбора. Такъ въ 1621 г. соликамскій воевода Воинъ Корсаковъ посылалъ цѣловальника въ Чердынь править съ крестьянъ деньги и хлѣбъ, занятые ими у Никиты Строганова; а въ 1622 г. чердынскій воевода Бутурлинъ послалъ двухъ цѣловальниковъ собирать съ Татаръ и Остяковъ десятинную пошлину. При этомъ имъ порученъ былъ и судъ подъ условіемъ доклада воеводѣ въ сомнительныхъ случаяхъ [99]).

Въ одно время съ цѣловальниками существовало и другое выборное лице — земскій дьячекъ. Его обязанностью было составлять тотъ судебный списокъ, который отдавался намѣстнику, волостелю или тіуну. Когда цѣловальники исчезли изъ суда, земскій дьячекъ тоже пересталъ участвовать въ судебномъ дѣлопроизводствѣ, оставшись при старостахъ для однихъ земскихъ дѣлъ.

Такъ развилось и опредѣлилось при Грозномъ древнее областное устройство Попытки измѣнить его, сообразно съ новыми потребностями молодаго государства, вели къ постоянному стѣсненію вѣдомства намѣстниковъ и волостелей. Мы видѣли какъ это стремленіе выразилось въ порученіи собственно государевыхъ дѣлъ приказнымъ людямъ. Въ финансовомъ и правительственномъ отношеніи этимъ учрежденіемъ цѣль была почти до-

---

[99]) **Дополненія къ А. И. т. V, N 1.—А. И. т. II, N 61. — А. А. Э. т. III, NN 124, 163; томъ IV, N 22.—Областныя учрежденія Россіи, соч. Б. Чичерина, стр. 471 и 542.**

стигнута: доходы, отдаваемые прежде въ кормленіе, стали собираться большею частію на государя, и дьяки, эти fac-totum великихъ князей московскихъ, начали вытѣснять мало по малу бояръ-кормленщиковъ. Но въ отношеніи къ государственному устройству этого было мало; кромѣ порядка въ финансахъ, нуженъ былъ порядокъ въ самомъ государствѣ: нужно было доставить спокойствіе и довольство самимъ общинамъ, обратя вниманіе на ихъ защиту и внутреннее устройство. Это стремленіе выразилось, съ одной стороны—возложеніемъ на нихъ обязанностей по части поимки разбойниковъ, съ другой—дарованіемъ имъ права суда гражданскаго. Отсюда губные старосты и земскіе судьи.

Первые появились ранѣе. Мы знаемъ, что искорененіе разбоевъ было одною изъ самыхъ главныхъ заботъ древняго русскаго общества. Борьба съ разбойниками воспѣта народною поэзіею въ подвигахъ русскихъ богатырей; Иванъ Калита особенно прославился уменьшеніемъ разбоевъ. Долгое время однако не было въ этомъ отношеніи постоянной дѣятельности власти. Хотя издревле дѣла уголовныя исключались изъ вѣдомства низшихъ начальниковъ въ пользу однихъ намѣстниковъ, но причиною этого явленія было не желаніе сосредоточить ихъ въ однѣхъ рукахъ, въ слѣдствіе особенной ихъ важности, а финансовый взглядъ на судъ и расправу: душегубецъ отдавался въ казнь и продажу, между тѣмъ какъ съ гражданскихъ дѣлъ платились только пошлины. Отсюда и отдача душегубства, разбоя, а иногда и татьбы съ поличнымъ, какъ дѣлъ наиболѣе доходныхъ, въ пользованіе большому кормленщику. Отсюда же и различныя степени уголовнаго суда, даваемаго привиллегіями монастырямъ, вотчинникамъ и кормленщикамъ: иногда изъ ихъ вѣдомства исключался судъ по всѣмъ тремъ преступленіямъ, иногда только по двумъ, иногда по одному душегубству. Такимъ образомъ уголовная власть областныхъ начальниковъ не была достаточнымъ средствомъ противъ преступленій; они и не вмѣшивались ни въ полицейскія распоряженія по этой части, ни въ уголовное слѣдствіе, а только требовали на свою расправу того преступника, который «былъ имъ въ казни и продажѣ». Судебникъ, запрещая казнить лихаго человѣка безъ доклада, указываетъ намъ отчасти на причину та-

кого запрещенія, ибо прибавляетъ, что и отпускать безъ доклада не слѣдуетъ. Единственнымъ средствомъ понужденія къ искорененію разбоевъ была обязанность, возложенная на общины, платить виру за неотысканнаго преступника. Но это средство, какъ видно, было недостаточно. Правительство принуждено было подтверждать волостнымъ начальникамъ, старостамъ и десятскимъ, чтобъ они оберегали, напр. монастыри отъ воровъ и разбойниковъ; это было необходимо при отсутствіи особенной власти для преслѣдованія преступленій; другимъ монастырямъ давали особенныхъ приставовъ, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы ставить на судъ передъ в. княземъ поймaнныхъ монастырскими крестьянами воровъ и разбойниковъ. Позже, кажется, прибѣгли къ другой, общей мѣрѣ. Правительство стало посылать для поимки воровъ обыщиковъ или сыщиковъ, съ которыми крестьяне были обязаны отправляться на обыскъ. Но, какъ видно, такія экспедиціи не были пріятны крестьянамъ: они отказывались отъ поисковъ вмѣстѣ съ сыщиками, потому что при этомъ терпѣли великіе убытки и волокиту, а сами по себѣ не смѣли безъ государева вѣдома отыскивать разбойниковъ. Въ слѣдствіе этого поднялись челобитья отъ общинъ, и правительство рѣшилось «положить губное дѣло на ихъ души», т е. предоставить имъ полную расправу въ этомъ отношеніи. Сколько намъ извѣстно, первыя подобныя мѣры сдѣланы были въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правленія. Царь Иванъ Васильевичъ учрежденіемъ губныхъ староcтъ только распространилъ на всю Россію то, что дано было, въ видѣ привиллегіи, нѣсколькимъ отдѣльнымъ общинамъ [100]).

---

[100]) Исторія Россіи, Соловьева, т. IV, стр. 346.—А. А. Э. т. I, NN 113, 123, 143, 157 и проч.—N 187, губная бѣлозерская грамота 1539 г. Октября 23. «а вы деи съ нашими обыщики лихихъ людей не имаете и не ловите для того, что вамъ волокита великая, а сами деи вы разбойниковъ межъ себя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати разбойниковъ не смѣете». Тоже слово въ слово въ каргопольской губной грамотѣ, данной въ томъ же году и того же дня. Дополненія къ А. И. т. I, N 31. А. И. т. I, N 155, V. У Татищева, стр. 135.

Хотя собственно губное вѣдомство не относится къ нашему изложенію, но такъ какъ въ послѣдствіи къ нему присоединились и приказныя дѣла, то мы скажемъ: а) о губномъ округѣ, б) объ избраніи губныхъ старостъ, в) ихъ вѣдомствѣ, и г) зависимости.

Губою назывался вообще округъ. Мы встрѣчаемъ раздѣленіе на губы въ Псковскомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ. Тамъ оно не имѣло никакого отношенія къ дѣламъ уголовнымъ и не означало уголовныхъ присудовъ. Оно существовало издревле и продолжалось очень долго. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Новогородской, Псковской и Олонецкой губерніяхъ, нѣкоторыя волости и селенія раздѣлялись на губы [101]). Въ смыслѣ уголовнаго присуда губа встрѣчается уже въ московскомъ государствѣ, не ранѣе XV вѣка. Въ этомъ случаѣ губа означала, кажется, сперва общину, получившую право собственной расправы по дѣламъ уголовнымъ, а потомъ вообще уголовный округъ. Въ нашихъ источникахъ губа имѣетъ двоякое значеніе: въ обширномъ смыслѣ она означаетъ городъ съ уѣздомъ, въ смыслѣ тѣсномъ—округъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько селеній и едва ли не равнявшійся стану [102]). Древнѣйшее изъ этихъ значеній есть, кажется, последнее.—Со временъ царя Михаила Ѳедоровича мы уже постоянно встрѣчаемъ губу въ смыслѣ одного или двухъ уѣздовъ. Такимъ образомъ въ исторіи губнаго вѣдомства можно различить два періода: первый, въ которомъ власть губныхъ старостъ является совершенно мѣстною, общинною, и второй, когда эта власть

---

[101]) Опытъ историческаго описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ Россійскаго государства, соч. Тимоѳея Мальгина, СПБ. 1803, стр. I.— Опытъ областнаго великорусскаго словаря, изд. Академіей Наукъ, СПБ. 1852, стр. 43.

[102]) Въ смыслѣ города съ уѣздомъ губа упоминается: А. А. Э. т. I. NN 187, 281; т. III, NN 163, 171, 210, 271, 325; т. IV, N 22. А. И. т. I, N 249. Дополненія къ А. И. т. I, N 31. — Въ смыслѣ извѣстнаго округа менѣе уѣзда: А. А. Э. т. IV, N 27 (въ стану одинъ губной староста); NN 70, 72 (одинъ староста въ пятинѣ). А. И. т. I, N 205. Дополненія къ А. И. т. I, N 176. Ср. статью о Судебникѣ, г. Калачова, въ Юридическихъ Запискахъ, изд. П. Рѣдкинымъ, часть II, стр. 369—370.

получаетъ центральный характеръ Послѣднее было причиною переходавъ руки губныхъ старостъвсего приказнаго вѣдомства [103]).

Какъ общее, повсемѣстное учрежденіе, губные старосты были введены Иваномъ Грознымъ. Только съ этого времени избраніе ихъ стало обязательнымъ для каждаго уѣзда. Прежде это было привиллегіей. Съ тѣхъ же поръ они и получаютъ одно общее названіе и строго отдѣляются отъ другихъ вѣдомствъ. Прежде губное право нерѣдко было предоставляемо уже существующимъ властямъ: въ селахъ прикащикамъ съ крестьянами, въ городахъ сотскимъ, старостамъ, десятскимъ и лучшимъ людямъ, вмѣстѣ съ городовыми прикащиками [104]); потомъ губное вѣдомство было всегда отдѣляемо отъ гражданскаго. Точно такое же измѣненіе произошло и въ ихъ названіи: прежде они назывались головами, т. е. главными на случай поимки воровъ, въ послѣдствіи они получили названіе, означавшее всегда высшую волостную власть изъ числа выборныхъ. Въ избраніи ихъ участвовали всѣ сословія, но сами они избирались всегда изъ самаго высшаго сословія, т. е. изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Попадаются, однако, и такіе выборы, въ которыхъ принимали участіе одни высшія сословія, служилые люди и духовенство [105]). Утвержденіе свое они получали изъ Разбойнаго приказа. Но когда выборы были сдѣланы неправильно, то верховная власть сама вмѣшивалась въ это дѣло и предписывала иногда назначить губнаго старосту безъ выборовъ. Встрѣчаемъ и такое назначеніе, которое походитъ отчасти на пожалованіе: въ Воронежъ въ 1643 году былъ назна-

---

[103]) Такъ въ 1579 г. упоминается Дмитріевская губа Новоторжскаго уѣзда, А. И. т. I, N 205; а въ 1625 г. просто Новоторжская губа, и въ ней одинъ староста, А. А. Э. т. III, N 171. Прежняя губа должна была состоять изъ одной волости, потому что подъ N 172 упоминается въ Новоторжскомъ уѣздѣ Дмитріевская волость.—См. А. А. Э. т. I, N 243 и 257, акты 1555 и 1561 годовъ. Здѣсь пространство губы не совсѣмъ ясно, но вѣроятнѣе значеніе волости или стана.

[104]) А. А. Э. т. I, NN 192, 194.

[105]) Дополненія къ А. И. т. I, N 176.—Воронежскіе Акты, часть III, N 112.

ченъ въ губные старосты Петръ Толмачевъ, но его вскорѣ взяли въ плѣнъ Татары; въ слѣдующемъ году онъ ушелъ изъ плѣна и пробрался въ Москву, гдѣ ему велѣно было быть «на Воронежѣ за прежнимъ городовымъ выборомъ, по прежнему, за его службишку и за полонское терпѣнье, въ губныхъ старостишкахъ» [106]).—Число губныхъ старостъ было не одинаково: иногда былъ одинъ, иногда два; но чаще, кажется, встрѣчается одинъ. Если ихъ было двое, то они могли быть смѣнены и не въ одно время [107]). Кажется, что иногда жители выбирали губнаго старосту не изъ среды своей, но изъ жителей другаго города, потому что въ царской грамотѣ 1642 г. іюля 8-го велѣно въ Воронежѣ выбрать губнаго старосту изъ своихъ горожанъ, а изъ иныхъ городовъ никого не выбирать [108]). Для выборовъ жители уѣзда сбирались въ городъ, и къ избирательному списку прикладывали руки въ съѣзжей избѣ. Выборы вообще производились подъ надзоромъ воеводы, когда онъ былъ въ городѣ [109]). Какъ великъ былъ законный срокъ службы губныхъ старостъ, изъ актовъ не видно. Нѣкоторые оставались по одиннадцати и тринадцати лѣтъ, а другіе по три и четыре года [110]). Цѣловальники, при которыхъ судилъ староста, избирались на одинъ годъ. Кромѣ ихъ были еще губные дьячки.

Вѣдомству губныхъ старостъ подлежали одни разбойныя дѣла, потомъ татиныя и убійственныя, къ концу XVII в. также зажигательства. Въ этомъ расширеніи ихъ вѣдомства видно измѣненіе ихъ значенія: прежде они были только поимщиками разбойниковъ, имѣли назначеніе по преимуществу полицейское, и потому только разбойныя дѣла и подлежали ихъ власти. Сколь-

---

106) А. А. Э. т. III, N 171. Воронежскіе Акты, часть III, N 5, с. 213.

107) А. А. Э. т. III, NN 163, 210, 271 и мног. друг. Описаніе Шуи, NN 11, 12.

108) Воронежскіе Акты, часть I, N XXXV, стр. 112—113.

109) Тамъ же. — А. А. Э. т. III, N 171.

110) Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, соч. г. Чичерина, стр. 460.

ко можно заключить изъ первыхъ губныхъ грамотъ казнь пойманныхъ разбойниковъ совершалась безъ суда, а потому и безъ доклада. Въ Москву сообщались только списки взятаго у разбойниковъ и розданнаго истцамъ имущества. Право судить безъ доклада принадлежало губнымъ старостамъ и въ то время, когда они были уже съ чисто судебнымъ характеромъ; но, кажется, что въ иныхъ городахъ докладъ требовался. Напр. въ Воронежѣ иногда царскія грамоты даютъ разрѣшеніе на такіе случаи, которые вовсе не были сомнительны и могли дать поводъ къ докладу только при ограниченіи въ судебной власти. По роду лицъ судъ губныхъ старостъ былъ иногда ограниченъ: по свидѣтельству Татищева они не судили безъ воеводъ помѣстныхъ дѣтей боярскихъ; въ 1635 году Шуяне били челомъ государю, чтобъ «нынѣ и впредь губной староста и сыщики безъ воеводъ и безъ приказныхъ людей не вѣдали». Неизвѣстно, была ли исполнена ихъ просьба [112]).

Когда стали ввѣрять губнымъ старостамъ и гражданское, приказное вѣдомство, опредѣлить положительно довольно трудно. На земскомъ соборѣ 1642 года гости и торговые люди, жалуясь на свое оскудѣніе отъ государевыхъ воеводъ, говорили царю, что «при прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было, а воеводы были посыланы, по прежнихъ государей указу, съ ратными людьми, только въ украинные города для береженья отъ тѣхъ же турскихъ и крымскихъ и нагайскихъ татаръ, отъ ихъ раззоренья». Изъ другаго источника того же времени, росписи городовъ, составленной въ Разрядѣ, мы узнаемъ, что воеводы появились вездѣ въ эпоху смутнаго времени. Изъ этого надобно бы заключить, что губные старосты были единственными городскими судьями до 1606 года; но, соображаясь съ другими источниками, мы не можемъ сдѣлать этого вывода, потому что встрѣчаемъ по городамъ и дру-

---

111 Тамъ же, стр. 431. — Воронежскіе Акты, часть II, стр. 85.

112) Воронежскіе Акты, часть II, стр. 128, 197.—Судебникъ Татищева, стр. 71, примѣчаніе (в).—Старинные Акты Шуи, N 35, стр. 61.

гаго рода судей. Указанія на приказное значеніе губныхъ старостъ встрѣчаются подъ конецъ XVI вѣка. Любопытнѣйшее находится въ «Старинныхъ Актахъ Шуи» подъ 1600 годомъ. Здѣсь помѣщена царская грамота о введеніи во владѣніе мельницею и лугомъ оправданнаго по тяжебному дѣлу. Грамота обращена къ губному старостѣ и городовому прикащику, слѣд. первый былъ главнымъ городскимъ чиновникомъ. О судебной власти губныхъ старостъ мы ничего не знаемъ подробно изъ этого времени; но такъ какъ до царя Михаила Θедоровича посадскіе люди вообще «судились сами промежъ себя», то надобно думать, что судебныя права старостъ не простирались еще далѣе стѣнъ города [113]). Совсѣмъ съ другимъ обьемомъ власти являются они со времени царя Михаила Θедоровича. Перемѣна произошла, вѣроятно, въ слѣдствіе измѣненія въ пространствѣ губы, которая въ XVII вѣкѣ постоянно состоитъ изъ цѣлаго уѣзда, а иногда даже изъ двухъ, и въ слѣдствіе паденія общиннаго судебнаго управленія: утративъ собственныхъ судей, общины стали и въ судебномъ отношеніи подчиняться обыкновенной провинціяльной власти. Съ этихъ поръ губные старосты нерѣдко, по просьбѣ городовъ, замѣняютъ совершенно воеводу, вступая во всѣ права его. Причины такого явленія были разныя: отчасти неудовольствіе города противъ воеводы, отчасти ссоры между двумя равными властями и необходимость выбора между ними [114]). Постояннаго предпочтенія той или другой формы управленія въ древней Россіи однако не замѣтно: часто, испросивъ себѣ губнаго старосту вмѣсто воеводы, городъ потомъ опять испрашивалъ себѣ послѣдняго [115]). Жалобы равно слышатся и противъ того,

---

[113]) С. Г. Г. т. III, № 113, стр. 395. Старинные Акты Шуи, № 1. — А. И. т. I, № 249.

[114]) Старинные Акты Шуи, №№ 16, 19. Воронежскіе Акты, часть III, № 5, стр. 212—224.

[115]) Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1849 г., книга 4-я. Дѣла о губныхъ старостахъ и воеводахъ, стр. 32—52. — № I. Городъ Дмитровъ проситъ себѣ воеводу, потому что въ губные старосты выбрать некого. № II. Въ Дмитровъ назначается, по челобитью го-

и противъ другаго, потому, что губной староста, завѣдывавшій въ качествѣ приказнаго человѣка цѣлымъ уѣздомъ, былъ иногда нисколько не легче воеводы [116]). Но кромѣ этихъ причинъ, кажется, въ соединеніи губнаго управленія съ гражданскимъ участвовало и желаніе самаго правительства избѣжать излишняго числа чиновниковъ, сосредоточивая различныя дѣла въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Этимъ объясняется, почему тамъ, гдѣ губа составляла подраздѣленіе уѣзда, дѣла гражданскаго вѣдомства тоже не рѣдко поручались губному старостѣ съ подчиненіемъ воеводѣ [117]). Неизвѣстно только, имѣли ли они въ этомъ случаѣ нѣкоторую долю гражданскаго суда. Когда губные старосты заступали мѣсто воеводъ, то предѣлы ихъ судебной власти были, кажется, тѣ же самые.

Дѣлаясь приказнымъ человѣкомъ, губной староста становился въ извѣстныя отношенія къ власти общинной и къ власти уѣздной. Къ первой, какъ скоро онъ былъ высшею властью въ уѣздѣ, онъ былъ въ дѣлѣ сборовъ и общихъ распоряженій въ начальственныхъ отношеніяхъ. Въ эпоху земскихъ судей, эти судьи или вовсе не вступались въ губное вѣдомство, или судили вмѣстѣ съ губными старостами; въ гражданскомъ же судѣ своемъ никогда, кажется, отъ нихъ не зави-

---

рода, губной староста. N III. По челобитью же города, губному старостѣ въ Дмитровѣ быть не велѣно, и назначенъ воевода. Всѣ эти перемѣны сдѣлались менѣе, чѣмъ въ четыре года.

[116]) Старинные Акты Шуи, N 35, челобитная Шуянъ на губнаго старосту Фрола Кашкина, 1635 года. «Милосердый государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичь всеа Русіи, пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, вели, государь, намъ дать свою государеву грамоту, чтобъ насъ, сиротъ твоихъ, нынѣ и впредь губной староста и сыщики, въ татиныхъ и розбойныхъ дѣлѣхъ, безъ воеводъ и приказныхъ людей не вѣдали, кому ты, государь, укажешь въ Шуѣ воеводамъ быть и приказнымъ людемъ, чтобъ намъ, сиротамъ твоимъ, отъ того губнаго старосты, въ поклепныхъ и язычныхъ молкахъ, нынѣ и впредь въ конецъ не погинуть и розно не разбрелись; царь государь, помилуй!» — Описаніе Шуи, NN 4, 5.

[117]) А. А. Э. т. III, NN 154, 263; т. IV, NN 70, 72.—А. И. т. V, N 38.—Дополненія къ А. И. т. I, NN 161, 176.

сѣли [118]). Что касается до отношеній старостъ къ воеводамъ, то здѣсь бо́льшая или меньшая ихъ независимость соображалась отчасти, кажется, съ самимъ протяженіемъ губы. Если губа составляла только часть уѣзда, то губной староста зависѣлъ отъ воеводы. Такъ въ Новгородской области, гдѣ губа состояла изъ половины пятины, воеводы были начальниками губныхъ старостъ не только въ приказномъ, но и въ губномъ вѣдомствѣ. Въ Суздалѣ губной староста зависѣлъ отъ воеводы въ приказномъ отношеніи, вѣроятно, потому что воевода былъ главою двухъ уѣздовъ (суздальскаго и шуйскаго), а староста управлялъ только одиимъ. Но и тамъ, гдѣ губа совпадала съ уѣздомъ, воеводы иногда не оставались безъ вліянія на старостъ. Выше мы видѣли, что сами посадскіе люди иногда требовали участія воеводъ въ губномъ дѣлѣ. Иногда, напротивъ, губные старосты подчинялись воеводамъ по распоряженію правительства, и притомъ или временно, посредствомъ особенной указной грамоты, или постоянно, самимъ наказомъ. Иногда они были какъ бы товарищами воеводъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ что не легко разграничить кругъ ихъ дѣйствій. Въ слѣдствіе этого-то, вѣроятно, такъ часто и встрѣчается незаконное вмѣшательство воеводъ въ губное вѣдомство. Воеводы нерѣдко принимали челобитныя, которыя слѣдовало подать губнымъ старостамъ, не отдавали имъ губныхъ дѣлъ, мѣшали въ отправленіи должности. Губные старосты мстили имъ за это всѣми мѣрами. Правительство было иногда принуждено наряжать особенныя слѣдствія для изслѣдованія этихъ безпорядковъ [119]). Вѣроятно, эти столкновенія двухъ равныхъ уѣздныхъ властей и заставляли часто правительство уничтожать одну изъ нихъ. Относительно Московскихъ приказовъ зависимость губныхъ старостъ была двоякая: какъ начальники губнаго вѣдомства, въ качествѣ уголовныхъ су-

---

118) См. ниже.

119) Описаніе Шуи, N 10.—А. А. Э. т. III, N 146.—А. Ю. N 313.—Воронежскіе Акты, часть 1-я N CLXXXIII, 5, стр. 214—215; часть 1-я, NN LXXIV, LXXVIII; часть 3-я, N 5, стр. 212—224.—Старинные Акты Шуи, NN 16, 19, 20.

дей, они были подчинены Разбойному приказу [120]); когда же они были вмѣстѣ съ тѣмъ и приказные люди, то, хотя они тогда лично зависѣли отъ Разбойнаго приказа, который назначалъ, смѣнялъ и судилъ ихъ исключительно, но по дѣламъ гражданскаго суда и управленія они получали грамоты какъ изъ областныхъ, такъ и изъ финансовыхъ приказовъ [121]).

Еще важнѣе другое преобразованіе, явившееся въ царствованіе Ивана Грознаго и измѣнившее совершенно мѣстное, волостное управленіе. Подобно первому, оно основывалось на выборномъ началѣ, но отличалось отъ губнаго объемомъ своего примѣненія, ибо касалось только низшаго населенія, черныхъ людей. Возможность происшедшей перемѣны скрывалась въ самомъ характерѣ прежней древнѣйшей администраціи и въ отношеніи ея

---

[120]) Г. Чичеринъ (стр. 496) полагаетъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка губные старосты подчинялись областнымъ приказамъ. Его основаніе—А. И. т. II, № 355, записка о царскомъ дворѣ 1610—1613 г., гдѣ на стр. 425 сказано: «И въ большихъ городѣхъ по боярину, а индѣ и два..... и завѣдаютъ всякіе дѣла; а на розбойные и татебные дѣла по всѣмъ городамъ устроены губные старосты изъ дворянъ, и ежегодъ привозятъ дѣла къ Москвѣ, всякой въ свой приказъ; и на Москвѣ бояре дѣлъ слушаютъ и указъ чинятъ». Но, во-первыхъ, здѣсь слова: «всякой въ свой приказъ», относятся равно и къ губнымъ старостамъ и къ боярамъ, т. е. воеводамъ, во-вторыхъ, выраженіе здѣсь неясно; въ-третьихъ, по свидѣтельству всѣхъ другихъ актовъ, губные старосты, по уголовнымъ дѣламъ, какъ въ XVI, такъ и въ первую половину XVII вѣка, зависѣли постоянно отъ однаго Разбойнаго Приказа. См. А. А. Э. т. I, №№ 187, 194, 330; т. II, №№ 19, 52 (стр. 120), 225; т. III, №№ 171, 210, 276; т. IV, № 22.—А. И. т. III, №№ 150, 167, ст. 60.—Доп. къ А. И. т. I, № 31. — Воронежскіе Акты, часть 1-я, №№ XIX, XXV, 6; часть 2-я, № LXXXV, 9, 17; часть 3-я, № CLXXIII, 2 (стр. 203), 3, 4 (стр. 209), 5 (стр. 213—215).—Старинные Акты Шуи, №№ 52, 118 и мн. др.

[121]) О зависимости губныхъ старостъ, по приказнымъ дѣламъ, отъ областныхъ и финансовыхъ приказовъ, въ то же время, какъ по губнымъ дѣламъ они зависѣли отъ Разбойнаго Приказа, см. А. А. Э. т. III, №№ 291, 297, 311.—Старинные Акты Шуи, №№ 1, 43, 45 52, 118.

къ общинамъ. Мы знаемъ, каковъ былъ взглядъ на судъ областныхъ правителей. Смотря на него съ финансовой точки зрѣнія, они видѣли въ немъ только свой доходъ, который не рѣдко отдавали даже на откупъ. Что же касается до общинъ, то онѣ, какъ уже было замѣчено, имѣли нужду въ расправѣ царскаго управленія только въ столкновеніяхъ своихъ съ другими общинами, а вовсе не внутри каждой изъ нихъ. Отсюда эти жалованныя грамоты, гдѣ избавленіе отъ провинціяльнаго суда стоитъ на равнѣ съ финансовыми льготами, а порядокъ внутренней расправы даже вовсе не опредѣляется. Это понятно. Судъ былъ право, а не обязанность областныхъ начальниковъ, слѣдовательно и опредѣленія онъ требовалъ только тогда, когда возможны были злоупотребленія. Общинѣ онъ тоже уступался какъ право, а не возлагался на нее какъ обязанность. Поэтому и не нужны были никакія опредѣленія, ибо льготы требуютъ ограниченій только со стороны ихъ предѣловъ, а не способа пользованія. Къ последнему въ Москвѣ были почти также равнодушны, какъ къ употребленію денегъ, сбереженныхъ привиллегированными лицами, вслѣдствіе ихъ освобожденія отъ платежа какихъ нибудь пошлинъ. Въ монастырскихъ имѣніяхъ все участіе управленія въ судѣ ограничивалось иногда однимъ собираніемъ пошлинъ; судебный же разборъ поручался третейскимъ судьямъ, избраннымъ съ вѣдома монастырскихъ властей. При такомъ финансовомъ взглядѣ судебной власти враждебныя ея столкновенія съ подсудными часто были неизбѣжны. Съ одной стороны, кормленщики старались привлекать къ себѣ на судъ, потому что это было для нихъ доходно; съ другой, въ наибольшей части случаевъ общины старались избѣгать ихъ управы. Прибавивъ къ этому сборы на кормы и злоупотребленія, которыя при тогдашнемъ состояніи Россіи были очень возможны, не смотря на всѣ мѣры законодательства, мы поймемъ, какъ тяжелы были иногда для областныхъ жителей судъ и управленіе намѣстниковъ и волостелей. Волости и деревни пустѣли отъ ихъ кормленія столько же, сколько отъ лихихъ людей и разбойниковъ; крестьяне разбѣгались и шли безсрочно и безъ отказа въ монастыри, единственныя убѣжища этой эпохи; недоборы въ царскихъ податяхъ увеличивались; суда намѣстниковъ избѣгали, какъ заразы; ихъ людей встрѣ-

чали, какъ непріятелей [122]). Не дешево доставалось правосудіе, и земля стала думать, какъ бы отдѣлаться отъ тяжелаго гнета. Естественно, что подобное стремленіе всего ранѣе выразилось въ передовомъ бойцѣ древней Руси, въ Великомъ Новгородѣ. Его волости стали откупаться отъ суда мѣстнаго управленія, покупать себѣ право не подлежать ему въ теченіе нѣкотораго времени [123]). Это было тѣмъ легче, что обычай отдавать судъ на откупъ существовалъ въ это время въ областяхъ Новгородскихъ. Въ Московскомъ государствѣ такое движеніе началось позже, но выразилось, разумѣется, почти въ той же формѣ. Поднялись челобитья государю, поклепы и тяжбы великіе; областные начальники, съ своей стороны, жаловались, что посадскіе и волостные люди подъ судъ имъ не даются, бьютъ ихъ и не платятъ имъ кормовъ. Какъ скоро намѣстникъ съѣзжалъ съ кормленья, начинались безконечные иски; иногда же кормленщикъ расплачивался за свои злоупотребленія и родовымъ своимъ имѣніемъ и жизнью. Необходимость измѣнить такое управленіе была настоятельная. Трудно сказать, гдѣ прежде появилась мысль о перемѣнѣ, въ волостяхъ или въ самомъ правительствѣ. Кажется, что первое вѣроятнѣе, потому что древнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ откупныхъ грамотъ представляетъ выборное управленіе, какъ испрошенное посадскими и волостными людьми [124]). Но въ такомъ государѣ, который самъ сознавалъ глубоко общественныя язвы своего времени, подобная мысль не могла не встрѣтить сильнаго сочувствія, и вотъ начинается цѣлый рядъ жалованныхъ грамотъ, гдѣ уже не упоминается о челобитьѣ, и устройство даровано самимъ Грознымъ.— На чемъ же основывается это новое управленіе? Оно должно было удовлетворять разомъ двумъ главнымъ потребностямъ эпохи, од-

---

[122]) А. А. Э. т. I. №№ 147, 234, 242, 324.—А. Ю. №№ 66, 67.

[123]) Древняя Росс. Вивліоѳика, т. I, № 2, грамота Новгородцевъ къ вел. кн. Ярославу Ярославичу Тверскому. «А судъ, княже, отдалъ Дмитрій съ Новогородцы Бежичаномъ и Обонижанамъ, на три лѣтѣ судьѣ не слати».

[124]) А. А. Э. т. I, № 234, Уставная Важская грамота, 1552 г. Марта 21.—Судебникъ, изд. Татищевымъ, стр. 132.

ной правительственной, другой народной. Надобно было, съ одной стороны, не лишить намѣстниковъ и волостелей ихъ законныхъ кормовъ и пошлинъ; съ другой, замѣнить ихъ третейскую расправу между волостями другою, менѣе обременительною, но сохраняющею тотъ же характеръ безучастія, или равнаго участія къ интересамъ лицъ подсудныхъ. Первой потребности удовлетворить было не трудно. Естественнымъ средствомъ къ тому былъ *откупъ*, извѣстная денежная сумма, платимая волостями за *присудъ*, за тѣ пошлины, которыя получалъ намѣстникъ. Чтобъ совершенно оградить волости отъ его вмѣшательства, этотъ откупъ или оброкъ вносился въ государеву казну самими крестьянами. Для другой цѣли, т. е. чтобы сдѣлать земское управленіе совершенно безпристрастнымъ, оно составлено изъ представителей всѣхъ свободныхъ общинъ того округа, изъ котораго оно избиралось [125]). Эти избранные начальники носили разныя названія. Они назывались излюбленными головами, старостами, земскими судьями и мірскими выборными судейками [126]). Послѣднее названіе есть, кажется, позднѣйшее. Округи, для которыхъ они назначались, были неравные. Мы находимъ ихъ и въ цѣлой волости, и въ стану, и въ слободахъ, и въ волосткахъ [127]). Причина такого разнообразія въ административныхъ участкахъ, получившихъ право выборнаго суда, заключается въ ихъ историческомъ образованіи. Земскіе суды были, кажется, дарованы тѣмъ самымъ округамъ, которые и прежде имѣли особое управленіе. Имена избранныхъ сообщались въ спискѣ и за подписью избирателей въ Москву, въ одинъ изъ приказовъ, и тамъ получали

---

[125]) Такъ въ Уставной Важской грамотѣ избраніе предоставляется обоимъ станамъ волости, а съ каждаго стана избирается по десяти человѣкъ, вѣроятно, для того, чтобъ въ выборѣ участвовали всѣ волостки стана. — См. также А. И. т. I, N 211.

[126]) А. А. Э. т. I, NN 234, 242, 250, 257, 364; т. III, NN 36, 126. А. И. т. I, NN 165, 211.

[127]) Въ волости: А. А. Э. т. I, NN 234, 250; т III, N 126.—А. И. т. I, N 165. Въ стану: А. А. Э. т. I, N 364. Въ слободѣ: А. А. Э. т. I, N 242.—Въ полусохѣ: А. А. Э. т. I, N 257 и мн. др.

утвержденіе; тамъ же земскихъ судей приводили къ присягѣ [128]). На сколько времени дѣлалось избраніе, изъ источниковъ не видно. Всего вѣроятнѣе, что судьи назначались безсрочно, но подъ условіемъ смѣны, когда ими не были довольны подчиненные. Въ такомъ случаѣ выборы производились снова, и новые судьи присылались въ приказъ [129]). Предѣлы ихъ власти были неравные, и сообразовались, по видимому, съ тѣмъ географическимъ пространствомъ, которымъ они управляли. Такъ, полиція всегда принадлежала имъ, но если они назначались для цѣлой волости или стана, то обязанность ихъ состояла только въ верховномъ наблюденіи; непосредственный полицейскій надзоръ былъ дѣломъ подчиненныхъ начальниковъ: старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ [130]). Дѣла уголовныя они судили въ томъ случаѣ, когда въ одномъ съ ними округѣ не было губныхъ старостъ. Разумѣется, это бывало только тогда, когда излюбленные судьи назначались для цѣлой волости или стана: въ силу начала единства, лежавшаго въ древнемъ управленіи, имъ тогда вручалось и губное право. Если же они управляли одною слободою или нѣсколькими селами, то губное право, которое обыкновенно простиралось на все протяженіе волости, не принадлежало имъ исключительно. Они пользовались только участіемъ въ судѣ губныхъ старостъ, судили вмѣстѣ съ ними [131]). Иногда, впрочемъ, земскіе судьи управляли и цѣлымъ, большимъ округомъ, а губное право имъ не принадлежало,—вѣроятно, въ слѣдствіе поздняго ихъ появленія, уже по устройствѣ особаго губнаго вѣдомства. Относительно уголовной

---

128) А. А. Э. т. I, N 250.

129) Тамъ-же.

130) Такъ въ Важской волости общины выдаютъ излюбленнымъ головамъ лихихъ людей по доводамъ сами. Въ волости было два стана. А. А. Э. т. I, N 234. Напротивъ, въ Холмогорскомъ посадѣ и волости излюбленные судьи сами ѣздятъ на выемку поличнаго, подлежатъ отвѣтственности, если у нихъ окажутся лихіе люди и сами начальствуютъ надъ сотскими. Тамъ же, N 250.

131) См. о волости и станѣ: А. А. Э. т. I, NN 234, 250. О низшихъ подраздѣленіяхъ: слободахъ и селахъ — А. А. Э. т. I, NN 242, 257; т. III, N 126.—А. И. т. I, N 165.

власти земскихъ судей источники представляютъ намъ только два ограниченія: a) они не имѣли права выдать головою истцу отвѣтчика безъ доклада; но по дѣламъ гражданскимъ это было имъ дозволено; b) по суду въ дѣлахъ разбойныхъ они никого не могли обвинить безъ доклада [133]). Гражданскій ихъ судъ былъ, кажется, совершенно неограниченъ. Докладъ былъ предоставленъ ихъ волѣ: они посылаютъ судный списокъ въ Москву, «когда имъ управы учинить будетъ не мочно», т. е. когда они сами затрудняются рѣшеніемъ дѣла. О нѣкоторыхъ дѣлахъ было подтверждаемо въ самихъ грамотахъ, чтобъ земскіе судьи рѣшали ихъ безъ доклада и истцевъ въ Москву за спискомъ не волочили. Именно такъ сказано о поклепныхъ искахъ и выдачѣ головою по гражданскому дѣлу [134]). Докладъ шелъ въ Москву, въ приказъ, и присылался не особо, а вмѣстѣ съ казною. Относительно лицъ подсудныхъ новое управленіе тоже почти вполнѣ замѣнило старое. Такъ какъ сословное начало никогда не было у насъ проведено во всей его строгости, то на судѣ земскихъ судей мы видимъ также и духовенство [135]). Кажется, что только лица, изъятыя жалованными грамотами, не были имъ подсудны. Инородцы, пріѣзжавшіе въ волость, судились ими же, по крайней мѣрѣ по дѣламъ о грабежѣ и воровствѣ [136]). Въ случаѣ столкновеній между посадскими и волостными людьми двухъ различныхъ волостей происходилъ судъ смѣстный; а когда искъ вчинался жителями другой области (княжества), то дѣло разсматривалось въ Московскомъ приказѣ. Что касается до состава самаго суда, то многочисленность судей могла бы заставить думать, что въ основаніи общиннаго судоустройства было положено вообще коллегіальное

132) Судная грамота Устюжны Желѣзопольской, 1614 г. Іюня 5. А. А. Э. т. III, N 37.

133) А. А. Э. т. I, N 234.—А. И, т. I, N 165.

134) А. А. Э. т. I, NN 234, 242, 257; т. III, N 126. Въ одной грамотѣ, А. А. Э. т. I, N 250, говорится о невыдачѣ головою безъ доклада, но, вѣроятно, подразумѣвается: по уголовному дѣлу.

135) А. А. Э. т. I, N 364.—А. Ю. N 23.

136) А. А. Э. т. III, N 126. А.—И. т. I, N 165.

начало. Но, всматриваясь ближе, видно, что оно вовсе не составляло непреложнаго условія. Число земскихъ судей было дѣломъ случайнымъ. Избраніе въ эту должность многихъ лицъ не было вызвано сознаніемъ о необходимости соборнаго правленія. Причина заключалась въ происхожденіи этой власти. Призванная замѣнить управленіе царскихъ чиновниковъ, кромѣ дохода ничего не имѣвшихъ въ виду при своей расправѣ, и слѣдовательно, кромѣ случаевъ подкупа, всегда безучастныхъ къ интересамъ лицъ, имъ подвластныхъ, она должна была носить въ себѣ ту же возможность безпристрастія, и потому заключать такіе элементы, которые и той, и другой сторонѣ были бы на судѣ равно благопріятны. Постороннему лицу равно могли подчиняться всѣ общины, но какъ скоро управленіе сдѣлалось земскимъ, то каждая община должна была ввести въ него своихъ волостныхъ начальниковъ. Вотъ источникъ этого судоустройства, столь напоминающаго и судъ смѣстный и судъ третейскій. Въ этомъ, а не въ желаніи избѣгнуть личнаго начала, слѣдуетъ, кажется, искать объясненія многочисленности земскихъ судей. Коллегіальность не была, однако, правиломъ, и мы также встрѣчаемъ и одного судью въ цѣломъ станѣ [138]). Съ суда своего излюбленные судьи сначала не брали никакихъ пошлинъ, потому что, съ одной стороны, эти пошлины были уже разъ заплачены въ казну въ видѣ откупной суммы, съ другой же, расправа земскихъ судей составляла не право ихъ, а обязанность; и потому не требовала вознагражденія. Какъ члены общины, они были обязаны служить ей. Единственнымъ отступленіемъ отъ этого взгляда были нѣкоторыя льготы, обѣщанныя имъ въ жалованныхъ грамотахъ; съ цѣлію побудить ихъ къ добросовѣстному исполненію долга: если управа ихъ была «люба землѣ и государю», то выти ихъ освобождались отъ государственныхъ податей. Но безвозмездное правосудіе не долго продолжалось въ общинахъ. Въ надеждѣ на даровые процессы поднялись тяжбы и поклепы великіе, и правительство принуждено было въ нѣкоторыхъ волостяхъ снова вве-

---

137) А. А. Э. т. I, N 250. Ср. N 364; т. III, N 36.

138) А. А. Э., т. I, N 364.

сти пошлины. Такъ въ 1556 г. царь Иванъ Васильевичъ приказалъ выборнымъ старостамъ переяславской рыболовьей слободы брать съ судныхъ дѣлъ пошлины, съ рубля по гривнѣ. Но пошлины взимались не въ пользу старость, а въ казну. Судьямъ запрещено было ими «корыстоваться», и велѣно записывать въ книги для счета [139]). Отвѣтственность земскихъ судей была чрезвычайно строга. За неправый судъ и дурное управленіе они подвергались тяжелымъ взысканіямъ, какъ личнымъ, такъ и имущественнымъ. Первыя простирались до смертной казни. Имущество же ихъ отбиралось въ пользу истцевъ, т. е. тѣхъ, кто на нихъ жаловался. Жалоба на нихъ подавалась въ Москвѣ, въ приказѣ. Сроковъ на нее не положено. Земскіе судьи судили при лучшихъ людяхъ, или цѣловальникахъ, которые наблюдали за справедливостію суда: «чтобы отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи безлѣпичныя не было» [140]). Дѣло записывалось при судныхъ мужахъ. Цѣловальники, кромѣ присутствія на судѣ, имѣли еще и другую обязанность: они употреблялись для разсылокъ [141]). Канцелярія волостнаго суда состояла тоже изъ лицъ выборныхъ, именно изъ земскаго дьячка и земскаго пристава. Они избирались или вмѣстѣ съ выборными судьями, и тогда съ ними же приводились къ присягѣ въ Москвѣ, или, послѣ судей, особо, и тогда присягали на мѣстѣ. Судьи подлежали отвѣтственности за дьячка и пристава. Такъ, если земскій дьячекъ, не при нихъ и лучшихъ людяхъ писалъ судный списокъ, или держалъ его у себя, не отдавая судьѣ, то взысканіе равно падало и на виновныхъ и на судью. Замѣчательно, что самыя названія прежней администраціи не повторяются въ новой: такъ напр. нѣтъ доводчика, а только выбранный *въ доводчиково мѣсто*. Сохранилось только общее названіе пристава.

---

139) А. А. Э., т. III, NN 234, 242.

140) А. А. Э., т. I, N 234. Цѣловальники упоминаются только въ двухъ грамотахъ. А. А. Э. т. I, N 242; т. III, N 126.

141) А. А. Э., т. I, N 242.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что выборное управленіе не было произведеніемъ XVI вѣка; оно существовало издревле, къ нему сама собою, естественно, возвращалась всякая община, не отданная въ кормленіе, предоставленная самой себѣ. Въ тоже время мы видѣли, что и прежде преобразованій Грознаго мѣстный судъ былъ иногда даваемъ общинѣ въ качествѣ привиллегіи. Тѣмъ не менѣе земская расправа, появляющаяся при Иванѣ IV, составляетъ, по нашему мнѣнію, новое, важное явленіе. Взглядъ на самоуправленіе общинъ измѣнился въ это время. Прежде уступалось право, какъ финансовая льгота, какъ отрасль дохода, отъ котораго казна отступалась въ пользу общинъ. Теперь, кромѣ права внутренней расправы, за общинами была признана обязанность судиться и управляться самими собою. Отсюда и тѣ взысканія, которыя падаютъ на волостныхъ начальниковъ за всякую неправду, за всякое притѣсненіе: прежде о нихъ не было и помина. Отсюда же и совершенное раздѣленіе дохода и управленія. Они не смѣшиваются здѣсь болѣе. Въ самомъ названіи судей выразилось совершенно новое, доселѣ неизвѣстное значеніе администраціи. Намѣстники и волостели были кормленщиками. Управленіемъ они завѣдывали, какъ такимъ предметомъ, который доставлялъ имъ жалованье. Приказные люди вѣдали доходъ на государя, но не были блюстителями интересовъ подвластныхъ имъ людей, ибо и самый судъ поручался имъ случайно, едва ли сначала не въ вознагражденіе за трудъ по финансовому управленію. Есть одна царская грамота 1556 г., въ которой государь говоритъ новгородскимъ дьякамъ: «и наши дьяки.... у намѣстника нашего.... тотъ (докладной) списокъ взяли, потому что судъ вашъ». Изъ этихъ словъ можно, кажется, заключить о томъ, на какомъ основаніи судъ принадлежалъ иногда приказнымъ людямъ. Не на такомъ основаніи судили земскіе люди. Судъ не былъ ихъ, т. е. не принадлежалъ имъ какъ право. Это была ихъ обязанность передъ землей и государемъ, ихъ земская служба, за которою не всегда даже слѣдуетъ награда, между тѣмъ, какъ за несправедливость грозитъ имъ и смертная казнь и конфискація.

Зависимость земскихъ судей отъ другихъ властей измѣнялась,

кажется, съ теченіемъ времени. Мы видѣли уже, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ губнымъ старостамъ. Земскіе судьи или вовсе были устранены отъ уголовнаго суда, или судили вмѣстѣ съ губными старостами, какъ ихъ товарищи. Отъ намѣстниковъ или волостелей они вовсе не зависѣли. Что касается до воеводъ, то, по свидѣтельству Двинскаго лѣтописца, земскіе судьи на Двинѣ судили вмѣстѣ съ воеводами, какъ ихъ товарищи; но въ 1613 г. сдѣлались, по волѣ тогдашняго воеводы, товарищами осадныхъ головъ, слѣдовательно стали къ воеводамъ въ подчиненное отношеніе. Изъ актовъ мы видимъ, что около этого же времени земскіе судьи стали вообще зависѣть отъ воеводъ въ военномъ и административномъ отношеніяхъ. Въ XVII вѣкѣ есть даже и финансовая зависимость. мы находимъ, что земскіе судьи доносятъ воеводамъ о денежныхъ сборахъ, такъ, что нельзя сказать навѣрное, продолжалась ли непосредственная доставка въ Москву пошлинъ и оброка, а слѣдовательно до нѣкоторой степени и прямая зависимость земскихъ судей отъ приказовъ [142]).

Выборное управленіе, какъ мы уже замѣтили, дано было однѣмъ чернымъ землямъ, но и изъ нихъ далеко не всѣмъ; однако, судя по указу 1556 г., надобно думать, что царь Иванъ Васильевичъ имѣлъ намѣреніе ввести вездѣ это управленіе. Напечатанныя грамоты даны большею частію промышленнымъ слободамъ и волостямъ.

Трудно сказать, какъ долго продолжалось выборное земское управленіе. Новыхъ жалованныхъ грамотъ мы не встрѣчаемъ послѣ Грознаго, исключая городовое устройство Пскова; подтвержденія доходятъ до самаго Петра Великаго. Но въ нихъ всегда стоитъ оговорка, что данное подтвержденіе относится только къ тѣмъ частямъ грамоты, которыя не уничтожены послѣдующими узаконеніями [143]). Правда, что выборное управленіе не было унич-

---

[142]) Дополненія къ А. И., т. I, N 51, XIX. Древняя Росс. Вивліоѳика, томъ XVIII, стр. 19.

[143]) А. А. Э., т. I, N 242, уставная грамота Переславскимъ рыболовамъ, 1555 г. августа 15. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ подтвердилъ

тожено никакимъ указомъ, но это еще не составляетъ непреложнаго доказательства въ пользу его существованія даже и тамъ, гдѣ возобновленныя уставныя грамоты продолжаютъ говорить о немъ. Выше [144]) мы имѣли уже случай замѣтить, что самое подтвержденіе грамоты еще не свидѣтельствуетъ о полномъ ея примѣненіи. Такъ напр. въ 1614 г. разомъ были возобновлены двѣ грамоты Устюжны Желѣзопольской—Судная и Уставная. Одною изъ нихъ подтверждается выборное устройство, другою—управленіе волостеля. Которая же изъ нихъ имѣла полное дѣйствіе? Кажется, что ни та, ни другая, потому что въ тоже самое время мы находимъ, что посадскіе люди этого города зависѣли отъ воеводы, а нѣсколько ранѣе встрѣчаемъ въ волости прикащика [145]). Есть поэтому нѣкоторая вѣроятность, что и подтвержденіе жалованныхъ грамотъ не говоритъ еще рѣшительнымъ образомъ въ пользу существованія земскаго управленія. Любопытно видѣть, какимъ образомъ совершилась эта перемѣна. Въ иныхъ мѣстностяхъ земскіе судьи не были отмѣнены правитель-

---

се съ слѣдующимъ ограниченіемъ: «опричь тѣхъ статей, которые по указу отца нашего государева.... и по соборному уложенію и по уставнымъ грамотамъ и по боярскимъ приговорамъ перемѣнены». т. III, N 126.

[144]) См. примѣчаніе 65.

[145]) А. А. Э., т. II, N 83. Царская грамота въ Устюжну Желѣзопольскую, 1608 г. января 27. Для управленія крестьянами въ Устюжнѣ и Понизовской волости назначенъ приказчикъ Алексѣй Суворовъ.— Еще любопытнѣе слѣдующій актъ:—А. А. Э. т. III, N 52, данная воеводы Ивана Урусова,—составлена 1614 г. декабря 11, слѣдовательно послѣ судной грамоты и въ томъ же году. Воевода отдаетъ «игумену Васьяну съ братьею, на Устюжнѣ Желѣзопольской, мѣсто, гдѣ ему игумену Васьяну съ братьею поставить храмъ Благовѣщенье святѣй Богородицы и монастырь, келья и ограда поставити, *изъ устюжскихъ посадскихъ людей* огородныхъ мѣстъ....» Ср. N 141. См. также Описаніе Шуи, N 3, гдѣ видно, что, не смотря на уставную грамоту 1606 года, въ 1614 г. въ Шуѣ посадскихъ людей судилъ воевода.

ствомъ, а просто были устранены воеводою. Такъ случилось на Двинѣ. Замѣчательно, что здѣсь воевода не отнялъ у нихъ власти совершенно, а только измѣнилъ ихъ значеніе: прежде земскіе судьи были товарищами воеводъ и судили вмѣстѣ съ ними, а съ 1614 г. стали товарищами осадныхъ головъ и судили съ ними во время поѣздки воеводы изъ Холмогоръ въ Архангельскъ. Чѣмъ же были выборные судьи, когда воевода былъ въ Холмогорахъ? Вѣроятно, тогда они имѣли значеніе земскихъ старостъ, т. е. волостныхъ начальниковъ въ финансовомъ отношеніи, безъ всякой судебной власти. Въ другія мѣста само правительство назначило воеводъ вмѣсто земскихъ судей, какъ это видно изъ разрядной росписи XVII вѣка. Наконецъ, иногда нельзя даже догадаться, кѣмъ была сдѣлана перемѣна. Такъ напр. въ 1622 г. Устьянскія волости били челомъ государю о возстановленіи земскаго управленія, говоря, что до московскаго раззоренья у нихъ были мірскіе выборные судейки, а съ тѣхъ поръ управляютъ опять приказщики. О томъ, кѣмъ сдѣлана перемѣна, не сказано ни слова [140]). Земскіе судьи вообще начинаютъ изчезать въ эпоху смутнаго времени, когда военное управленіе было особенно необходимо; но въ нѣкоторыхъ волостяхъ они существовали еще, въ видѣ исключенія, и въ слѣдующемъ періодѣ. Кажется, что выборное управленіе было по преимуществу устранено тамъ, гдѣ оно завѣдывало цѣлою провинціею, какъ напр. на Двинѣ. Извѣстно, что вся Двинская область зависѣла отъ земскихъ судей Верхней и Нижней половины. Сохранилось же оно, по видимому, тамъ, гдѣ волость равнялась стану, хотя и тутъ оно не

---

[140]) А. А. Э., т. III, N 126. Царская жалованная грамота Устьянскимъ волостямъ, 1622 г. сентября 8. «въ прежнихъ деи годѣхъ, до московского разоренья, у нихъ въ Устьянскихъ волостяхъ приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судейки; а послѣ де московского разоренья, какъ почали у нихъ быти приказщики, и имъ де отъ тѣхъ приказщиковъ чинятся налоги и убытки и въ посулѣхъ и въ кормѣхъ продажи великія, и отъ тѣхъ приказщиковыхъ налогъ и насилствъ и отъ посуловъ они крестьяне оскудѣли и нашихъ податей имъ платити нечѣмъ, и хотятъ брести врознь....»

вездѣ уцѣлѣло. Степень подчиненія земскихъ судей воеводамъ тоже зависѣла, кажется, отъ объема земскаго присуда: на Двинѣ судьи были сначала товарищами воеводъ,—въ другихъ, меньшихъ округахъ въ тоже самое время говорится о совершенномъ подчиненіи, какъ низшей власти высшей.

Земское управленіе было послѣднимъ звѣномъ въ административныхъ преобразованіяхъ XVI вѣка. Такимъ образомъ, кромѣ тѣхъ правителей, которые были остатками прошлаго времени, въ областяхъ появилось два управленія. Одно изъ нихъ, приказное, было исключительно финансовымъ; другое, земское—исключительно общиннымъ, мѣстнымъ. Не было общей центральной власти. Этотъ недостатокъ особенно очевиденъ въ земскомъ управленіи. Оно основывалось на децентрализаціи: волости были отторгнуты отъ своихъ мѣстныхъ центровъ и поставлены въ прямое отношеніе къ общему государственному средоточію, къ Москвѣ. Губные старосты и приказные люди, судившіе и управлявшіе въ городахъ, не были начальниками выборныхъ судей и, кромѣ особенныхъ царскихъ предписаній, совершенно не вмѣшивались въ дѣла волостныя. Но время по преимуществу требовало централизаціи: земля собиралась, ея военныя и политическія обстоятельства вынуждали постоянныя и правильныя сношенія волостей съ городомъ, города съ Москвою. Замѣтимъ, что именно государственныя потребности, кромѣ финансовыхъ, не удовлетворялись существовавшими учрежденіями. Понятно по этому, что надъ прежнимъ управленіемъ должно было возникнуть другое, болѣе центральное, какъ скоро усилилась чисто-политическая дѣятельность правительства. Вотъ происхожденіе воеводской власти.

Новаго воеводскаго управленія не должно смѣшивать съ прежнимъ намѣстниковъ и волостелей. Оно несло съ собою зародышъ важной перемѣны въ самомъ составѣ территоріи московскаго государства. Введенное съ военною цѣлію, оно было приспособлено къ военнымъ потребностямъ, и къ историческому раздѣленію земли присоединило новое, основанное на государственныхъ соображеніяхъ. Возникаютъ цѣлыя группы городовъ, зависящихъ отъ одного города не въ слѣдствіе своего происхожденія, но по тре-

бованіямъ чисто административнымъ [147]). Разумѣется, прежнія начала уцѣлѣли еще отчасти, и рядомъ съ новымъ раздѣленіемъ было и старое; но основы правильнаго раздѣленія были уже брошены. Въ самомъ взглядѣ правительства на областное управленіе съ введеніемъ воеводъ произошла значительная перемѣна. Власть намѣстниковъ и волостелей не опредѣлялась, а ограничивалась. Намѣстникъ не получалъ никакого наказа. Ему давали послушную грамоту и доходный списокъ. Въ уставныхъ грамотахъ, испрошенныхъ общинами, не опредѣлялась дѣятельность намѣстника, но полагались ей предѣлы. Напротивъ того, въ воеводскихъ наказахъ видимъ опредѣленіе воеводской должности: сказано по мѣрѣ возможности, что и какъ онъ долженъ дѣлать. Кормленіе сначала вовсе не было въ виду при назначеніи воеводъ; въ послѣдствіи хотя оно и привилось къ ихъ управленію, но никогда не стояло на первомъ планѣ. Правительство не только не опредѣляло, какъ прежде, кормовъ и поборовъ областныхъ чиновниковъ, но даже строго запрещало брать и давать ихъ. Такъ въ 1615 и въ 1620 г. царь Михаилъ Θедоровичъ разослалъ по городамъ окружныя грамоты, гдѣ запрещалось воеводамъ брать кормы и поминки какъ при ихъ проѣздѣ, такъ и въ теченіи управленія, подъ опасеніемъ тяжелаго взысканія. Отъ прежнихъ приказныхъ людей они тоже отличаются: первые были всего болѣе сборщиками податей, а съ начальническимъ характеромъ являются, кажется, въ однихъ городахъ; воеводы были распорядителями въ цѣломъ уѣздѣ.

Но если самое управленіе воеводъ рѣзко отличается отъ предшествующаго, то еще болѣе замѣтно это отличіе въ дѣлѣ суда и расправы. Судъ въ древнѣйшую эпоху разсматривался всего болѣе, какъ право; какъ обязанность онъ былъ возложенъ на однихъ земскихъ судей. Всего болѣе это различіе выразилось въ отношеніяхъ намѣстниковъ и воеводъ къ подсуднымъ имъ людямъ. Намѣстникъ имѣлъ *право* судить подвластныя ему лица. Этимъ взглядомъ на судъ объясняются всѣ извѣстныя намъ по-

---

147) Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ, соч. К. Д. Кавелина. М. 1844, стр. 13.

ложенія о тогдашнемъ судѣ. Кромѣ Новгорода, мы нигдѣ не встрѣчаемъ никакой судебной іерархіи въ областной администраціи: каждый волостель, каждый слободчикъ стоитъ совершенно отдѣльно и зависитъ прямо отъ Москвы, нисколько не относясь намѣстнику. Иначе и быть не могло: право суда было жалованьемъ, и потому могла быть разница въ объемѣ, но самостоятельность суда была равная. На воеводѣ судъ лежалъ, какъ обязанность. По этому между воеводами появляется іерархія какъ въ управленіи, такъ и въ судебной расправѣ; есть подчиненность и начальство. Въ личномъ составѣ судебнаго вѣдомства есть тоже измѣненіе. Прежде обязанность судиться у кормленщиковъ была отчасти повинностью; по преимуществу подлежали ей черные люди, которые несли и другія повинности въ пользу своихъ начальниковъ. Въ иныхъ уставныхъ грамотахъ условіемъ подсудности волостелю прямо поставлено житье на черной землѣ, хотя въ волости были и бѣлыя земли. Отсюда различный характеръ судебныхъ привиллегій до воеводскаго управленія и во время его существованія. Прежде освобожденіе отъ мѣстнаго суда было финансовой льготой. Мы видимъ, что цѣлыя общины избавлялись отъ подсудности намѣстнику на извѣстное число лѣтъ, по прошествіи котораго онѣ снова подлежали мѣстному суду. Въ эпоху воеводъ уже нѣтъ жалованныхъ грамотъ этого рода. Теперь избавленіе отъ мѣстнаго суда имѣетъ основаніемъ только желаніе доставить облегченіе лицамъ подсуднымъ, посредствомъ однообразія въ ихъ подчиненности: зависѣть отъ однихъ и тѣхъ же начальниковъ, какъ въ административномъ, такъ и судебномъ отношеніи было легче. Отъ этого судебныя привиллегіи позднѣйшаго времени легко подвести подъ нѣкоторыя категоріи: ихъ главное основаніе состоитъ въ сословномъ началѣ; между тѣмъ какъ жалованнымъ грамотамъ, ведущимъ свое начало изъ древнѣйшаго періода, столь же мало можно сдѣлать классификацію, какъ и вообще финансовымъ льготамъ. Въ XVII вѣкѣ тарханщики не изъяты притомъ совершенно отъ надзора мѣстной власти. Такъ, въ жалованной грамотѣ 1621 г. октября 16, данной царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ касимовскому царю Араслану, сказано, что за справедливостію его суда поручено наблюдать

воеводѣ. Въ слѣдствіе измѣненія взгляда на судъ измѣняются и правила подсудности. Прежде опредѣленіе подсудности по лицу отвѣтчика было только исключеніемъ, условленнымъ географическими обстоятельствами; правиломъ былъ судъ смѣстный, результатъ двухъ равныхъ правъ на судебныя пошлины. Теперь, напротивъ, судъ смѣстный составляетъ исключеніе, ибо пошлины вездѣ поступаютъ въ казну, и слѣдовательно можно уже было принять и другія, менѣе сложныя начала подсудности. Самыя подраздѣленія судебнаго вѣдомства пріобрѣтаютъ другой, болѣе постоянный характеръ. Прежде были безпрестанныя перемѣны въ объемѣ судебныхъ округовъ. Такъ напр. волость Жилино, въ Галицкомъ уѣздѣ, въ 1453 г. зависѣла отъ усольскихъ волостелей, слѣд. была въ присудѣ Соли Галицкой, а въ 1523 г. была за особымъ кормленщикомъ; волость Утманово, Устюжскаго уѣзда, въ 1511 г. была въ вѣдѣніи особаго волостеля, а въ 1546 г. числилась, по видимому, въ присудѣ устюжскихъ намѣстниковъ. Въ эпоху воеводскаго управленія присуды имѣютъ болѣе постоянное значеніе. Перемѣны дѣлаются по чисто административнымъ соображеніямъ. Наконецъ, самыя опредѣленія закона о судѣ и расправѣ увеличиваются въ своемъ количествѣ [148]).

Вотъ тѣ новыя начала, которыя, по нашему мнѣнію, лежали въ основѣ воеводскаго суда и управленія и были шагомъ впередъ относительно прежней эпохи. Само собою разумѣется, что они не всегда проявлялись во всей полнотѣ своей; но, не смотря на случайныя отклоненія отъ этихъ началъ, не смотря на искаженіе, которое производили въ нихъ злоупотребленія, нельзя, однако, не замѣтить, что они никогда не исчезали совершенно.

Когда именно воеводы получили характеръ областныхъ судей, рѣшить довольно трудно. Достовѣрно только, что такое ихъ значеніе не старѣе начала XVII вѣка, какъ общая мѣра [149]). Воеводы,

---

[148]) А. А. Э., т. III, NN 74, 115—37, 138.—С. Г. Г. т. III, N 58.—А. А. Э. т. I, N 52. Дополненія къ А. И. т. I., N 215, II.—А. И. т. I, N 299.—Дополненія къ А. И, т. I, N 215, I.

[149]) Г. Троцина, въ сочиненіи своемъ: «Исторія судебныхъ учрежде-

по городамъ, какъ военные начальники, упоминаются уже при Иванѣ Грозномъ; иногда при этомъ имъ былъ ввѣряемъ и судъ, но часто о судѣ въ наказахъ вовсе не говорится [150]). Вообще воеводы назначались только въ пограничные города, для береженья отъ непріятелей, и, кажется, только въ томъ случаѣ, когда почиталось недостаточнымъ обыкновенное охраненіе города со стороны намѣстника. Нерѣдко мы встрѣчаемъ отдѣленіе городскаго военнаго управленія отъ кормленія: первое было поручено воеводѣ, а второе принадлежало намѣстнику; иногда, но это, по видимому, началось позже и было уже переходомъ къ судебному значенію воеводы, оба званія соединяются въ одномъ и томъ-же лицѣ [151]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ судебная власть без-

---

ній въ Россіи» СПБ. 1851, стр. 36, относитъ появленіе воеводъ именно къ царствованію Ѳеодора Ивановича, и ссылается на Полное Собраніе Законовъ, N 295; но приведенный подъ этимъ N указъ ровно ничего не говоритъ о времени появленія воеводъ.

150) Дополненія къ А. И. т. I, N 51, IX. грамота 1556 г. сентября 12. Упоминается о докладѣ боярина и воеводы князя Ростовскаго.— А. И. т. I, N 169.—Въ другихъ наказахъ о судѣ ничего не сказано, напр. въ наказѣ астраханскимъ воеводамъ, 1593 года. А. И. т. I N 230.

151) Вѣроятно, въ слѣдствіе измѣнявшихся политическихъ обстоятельствъ, въ одномъ и томъ же городѣ были попремѣнно то воеводы, то намѣстники. См. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. 13,—Разряды 1564 г., стр. 348—Во время литовскаго похода, въ Карачевѣ былъ воевода; Разряды 1572 г., стр. 432—Во время Шведскаго похода, въ Карачевѣ намѣстникъ; Т. 14, —Разряды 1576 г., стр. 309.—Во время ливонскаго похода, въ Карачевѣ намѣстникъ. См. также стр. 316.—Что касается до отношеній намѣстниковъ къ воеводамъ, то въ разрядныхъ книгахъ XVI вѣка встрѣчается и раздѣленіе этихъ двухъ званій и соединеніе ихъ въ одномъ лицѣ. Иногда раздѣленіе властей есть полное, иногда въ царскихъ грамотахъ намѣстникъ и воевода упоминаются вмѣстѣ. — Примѣры раздѣленія Рос. Древн. Вивліоѳика, т. 13, стр, 261, 302, 324, Разряды 1562 г. «Въ Смоленскѣ *бояринъ* Михайла Яковлевичъ Морозовъ. *Да на году* бояринъ Никита Васильевичъ Шереметевъ, до окольничей Михайла Петровичъ Головинъ.—*А воеводы были*: Иванъ да Никита Ивановы дѣти Овчина Плещѣева, князь Иванъ княжъ

спорно принадлежала воеводѣ; но и въ первомъ случаѣ воеводы иногда имѣли свою долю суда. Подлежать суду воеводы, а не намѣстника, считалось для подсудныхъ привиллегіею. Такъ, по жалованной грамотѣ царя Ивана Васильевича, братія Гведенскаго монастыря пользовались правомъ не судиться у новгородскихъ намѣстниковъ: ихъ судили въ Новгородѣ воеводы, и притомъ безпошлинно. И такъ здѣсь воеводскій судъ представляется исключеніемъ изъ общаго правила. Вообще надобно замѣтить, что передача воеводамъ всего областнаго управленія была вынуждена историческими обстоятельствами и не входила сначала въ предначертанія Московскихъ государей. Въ нѣкоторыхъ областяхъ введеніе воеводскаго управленія совершилось, такъ сказать, случайнымъ образомъ. Такъ въ 1587 г. на Двину, гдѣ управляли съ 1553 г. выборные земскіе судьи, былъ присланъ для переписи князь Василій Звенигородскій, и по окончаніи своего дѣла былъ тамъ оставленъ воеводой. Мы видѣли уже, что основный планъ Ивана Грознаго состоялъ въ отдѣленіи царскихъ дѣлъ отъ общинныхъ: первыми завѣдывали приказные люди, вторыми—земскіе судьи. Къ этому можно прибавить, что дальнѣйшее развитіе этого плана составляли, кажется, попытки отдѣлить совершенно одну отъ другой всѣ отрасли городскаго управленія. На эту мысль наводятъ два замѣчательныхъ мѣста, находящихся въ разрядной книгѣ, напечатанной Валуевымъ. Въ ней, подъ 1567 годомъ, перечислены въ Псковѣ слѣдующіе городскіе начальники: «Во Псковѣ: князь Иванъ Канбаровъ, да

Дмитріевъ сынъ Дашковъ».—Стр. 349, разряды 1564 г. «Въ Черниговѣ воевода Ѳома Ивановъ сынъ Третьяковъ, да въ Черниговѣ жъ намѣстникъ князь Василей княжъ Ивановъ сынъ Прозоровской; а писано въ Черниговъ отъ государя воеводѣ князю Василью Ивановичу Прозоровскому да Ѳомѣ Третьякову». Стр. 384, 395, 414; т. 14, стр. 317, 388, 401, 421, 438, 450, 476. Раздѣленіе властей было и при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, при которомъ намѣстники еще существовали.—Соединеніе званій воеводы и намѣстника есть, кажется, позднѣйшая мѣра. Въ разрядныхъ книгахъ о немъ упоминается съ 1570 г. Послѣ оно встрѣчается очень часто. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. 13, стр. 399, 415, 432, 450, 451, 454, 455; т. 14, стр. 309, 312, 315, 329, 348 и проч.

Дмитрей Григоревъ сынъ Плещѣевъ, да, въ прибавку, ко князю Дмитрею Куракину, къ городовому строенью, *для суда*, князь Иванъ Звенигородцкой Рѣмнинъ». Изъ разрядовъ 1565 г., помѣщенныхъ въ той же книгѣ, мы узнаемъ, что два первыхъ лица были воеводы, слѣд. городское управленіе распадалось на три части: a) военное, въ рукахъ воеводъ, b) городовое строеніе и c) судъ, въ рукахъ особенныхъ чиновниковъ. Тамъ же мы находимъ и другое извѣстіе, подтверждающее этотъ выводъ о существованіи по городамъ особенныхъ судей, назначенныхъ правительствомъ: во время судоходнаго похода подъ Астрахань въ 1588 г. государь велѣлъ отставить «отъ плавные» втораго воеводу сторожеваго полка князя Меркула Щербатова и послалъ его въ Тверь судьею. До какой степени всѣ эти отрасли управленія стояли отдѣльно, видно изъ того, что намѣстникъ не могъ даже мѣстничаться съ воеводою. Такъ напр. въ 1586 г. по челобитью въ отечествѣ Торопецкаго воеводы Сабурова на Торопецкаго же намѣстника и воеводу князя Пронскаго, государь велѣлъ первому ратное дѣло вѣдать, а второму вѣдать свое дѣло намѣстническое. Извѣстно, что когда правительство не хотѣло рѣшить мѣстническаго спора двухъ товарищей по службѣ, не хотѣло ни одному изъ нихъ отдать преимущества, то ихъ *разводили*, т. е. назначали имъ различную службу, при которой они не могли бы столкнуться. Очевидно изъ этого, что намѣстникъ для воеводы былъ лицо совершенно постороннее. Не знаемъ, на сколько мысль о раздѣленіи военнаго, городскаго и судебнаго вѣдомствъ была исполнена, но повсемѣстнаго примѣненія она нисколько не имѣла. Въ эпоху отъ Грознаго до междуцарствія управленіе было большею частію раздѣлено между приказными людьми, губными старостами и земскими судьями. Нерѣдко мы встрѣчаемъ совокупныя распоряженія приказныхъ людей и выборныхъ начальниковъ. Едва ли даже не было принято за правило возлагать областное управленіе на тѣхъ и на другихъ вмѣстѣ. Это была любимая форма древней Руси. Мы постоянно встрѣчаемъ ее въ вольной общинѣ XV вѣка, въ Великомъ Новгородѣ, и мѣстами замѣчаемъ ея слѣды въ Московскомъ государствѣ. До самаго 1612 г. воеводы являются областными судьями только по исключенію. Ихъ главное назначеніе есть военное. Память объ

этомъ сохранилась даже и въ то время, когда воеводы были уже вездѣ, въ перечисленіи ихъ, въ разрядныхъ книгахъ, по украйнамъ и даже отчасти въ формальностяхъ, сопровождавшихъ ихъ назначеніе. Повсемѣстное появленіе ихъ начинается съ смутнаго времени. Въ разрядной росписи воеводъ, составленной при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, сказано, что въ перечисляемыхъ городахъ воеводъ не было, ни при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, ни при царѣ Борисѣ по самый Растригинъ приходъ въ 1606 году. Извѣстіе очень важное Оно показываетъ, какъ совершился переходъ къ воеводскому управленію. Замѣчательно, что большая часть перечисленныхъ городовъ суть города внутренніе: военная администрація проникла туда вмѣстѣ съ войною. Нельзя однако 1612 г. считать за эпоху рѣшительной перемѣны: при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ еще во многихъ мѣстахъ оставалось прежнее управленіе, но въ это царствованіе воеводы вездѣ его замѣнили [152]).

Въ какое же отношеніе воеводы стали къ управленію XVI вѣка, когда изъ военныхъ начальниковъ они сдѣлались областными? На этотъ вопросъ нельзя дать одного, общаго отвѣта. Замѣтимъ вообще, что съ званіемъ воеводы, какъ военнаго начальника, соединялось понятіе о подчиненіи ему всей царской администраціи, исключая намѣстника, который былъ огражденъ отъ этого своимъ особеннымъ характеромъ Такъ, когда передъ началомъ ливонской войны, царь Иванъ Васильевичъ отправилъ, въ 1555 г.,

---

[152]) Дополненія къ А. И, т. I, № 14.—Древняя Рос. Вивліоѳика. т. 18. — Двинской лѣтописецъ, стр. 15.—Симбирскій Сборникъ, изд. Валуевымъ М, 1845, стр. 14, 19, 91, 97.—Старинные Акты Шуи, № 1.—Временникъ Общества Исторіи и Древн. Рос., 1849 г., книга 3-я, матеріалы, стр. 117-120, разрядная книга 125 года. Тамъ же, смѣсь, стр. 6 «Выписано въ Разрядѣ. Съ 121 году, при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи въ городѣхъ учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при боярѣхъ и при царѣ Васильѣ въ тѣхъ городѣхъ воеводы были жъ; а при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ и при царѣ Борисѣ по 113 годъ по Ростригинъ приходъ въ тѣхъ городѣхъ воеводъ не было, а были въ нихъ судьи и губные старосты и городовые приказщики».—С. Г. Г. т. III № 113, стр 395.

въ Новгородъ двухъ воеводъ: князя Щенятева и князя Палецкаго, то царскіе дьяки, бывшіе до этого въ Новгородѣ, были подчинены имъ. Дьяки должны были дѣлать у нихъ царскія дѣла и во всемъ ихъ слушать. Но въ другихъ мѣстахъ дьяки явились товарищами воеводъ, заняли подлѣ нихъ второе, а не подчиненное мѣсто. Наконецъ, были такіе города, въ которыхъ воеводы вытѣснили все приказное управленіе. Такъ въ разрядной росписи замѣчено о Поморскихъ городахъ, что съ 1627 г., когда туда были посланы воеводы изъ Четвертей, тамъ «нынѣ опричь воеводъ иныхъ никакихъ приказныхъ людей нѣтъ». Объ отношеніяхъ воеводъ къ земскимъ судьямъ и губнымъ старостамъ было уже сказано. Вообще воеводы подчиняли себѣ всю областную администрацію, за исключеніемъ губнаго вѣдомства, которое до нѣкоторой степени осталось независимо [153]).

Когда воеводы сдѣлались повсемѣстными областными начальниками, первоначальный характеръ ихъ нѣсколько измѣнился, но, какъ мы уже замѣтили, не исчезъ совершенно; такъ, что съ одной стороны воеводство представляется государственною службою, а съ другой—наградою за службу, иногда даже средствомъ поправить плохія обстоятельства. Подмѣтить въ воеводствѣ черты того или другаго совсѣмъ не затруднительно. Такъ, мы видимъ, что воеводы обязаны заботиться о приращеніи казны государевой, и сами хвалятся этимъ въ своихъ челобитныхъ [154]); за всѣ свои дѣйствія они подлежатъ строгой отвѣтственности. Какъ за службу, за воеводство можно было требовать награды; цари давали за это помѣстья [155]). Но если съ одной стороны замѣненіе намѣстниковъ воеводами было шагомъ впередъ, то съ другой, прежній характеръ кормленія не могъ къ нимъ не привиться, какъ скоро они стали повсемѣстными правителями. Мы знаемъ, что владѣльческій типъ лежалъ на всѣхъ древнихъ влас-

---

153) Дополненія къ А. И. т. I, № 73, разрядная роспись воеводамъ.

154) Временникъ Общества Ист. и Древн. Рос. 1849, книга 4-я. Помѣстныя дѣла, стр. 12. Челобитная князя Пожарскаго.

155) Тамъ-же, стр. 1—2, 12, 21.

тяхъ русскихъ, какого бы происхожденія они ни были. Такъ, мы встрѣчаемъ выраженіе: «владѣть губными дѣлами», и даже «владѣть церковью». Понятно, что и новая администрація не могла избѣгнуть общаго характера, не смотря на новый духъ, ее проникавшій. Эта двойственность юридическаго значенія воеводъ выразилась какъ въ опредѣленіи ихъ такъ и въ смѣнѣ. Въ одно и тоже время мы встрѣчаемъ здѣсь самые противоположные факты. Правительство нерѣдко назначаетъ воеводу въ городъ по своимъ собственнымъ соображеніямъ, но также раздаетъ воеводства и для прокормленія служилаго сословія. Разоренные дворяне и дѣти боярскіе бьютъ челомъ государю объ отпущеніи ихъ на приказы «для ихъ бѣдности, увѣчья и великого разоренья»; наблюдается равенство въ распредѣленіи ихъ по городамъ, «чтобъ имъ въ голодѣ и въ недостаткѣ въ конецъ не погибнуть», чтобъ было имъ чѣмъ расплатиться съ долгами и «въ томъ позорномъ скитаньѣ на старости съ женишкою съ голоду и въ долгу не помереть, и людишекъ послѣднихъ не избыть». Неимѣніе помѣстья давало право на воеводство. Взглядъ на него, какъ на кормленіе, особенно выразился на Азовскомъ соборѣ, гдѣ, говоря о денежныхъ сборахъ по случаю войны съ Турціею, московскіе дворяне предлагали уровнять въ этомъ отношеніи съ неслужащими тѣхъ служилыхъ людей, которые «нынѣ у корыстовныхъ дѣлъ по воеводствамъ и по приказамъ». Въ то же время городовые дѣти боярскіе говорили, что нѣкоторые изъ ихъ братьи нарочно записываются въ московскій списокъ и ищутъ воеводствъ, отбывая тѣмъ отъ службы. Изъ всего этого видно, что на воеводство смотрѣли, какъ на денежную награду. Тотъ же двойственный характеръ и въ смѣнѣ воеводы. Иногда правительство вызываетъ его изъ города на военную службу, иногда же его смѣняютъ просто на томъ основаніи, что другой служилый человѣкъ, еще не успѣвшій покормиться, просится на его мѣсто. До насъ дошла напр. челобитная царю Михаилу Ѳеодоровичу князя Звенигородскаго, просившагося въ воеводы на Бѣлоозеро, на мѣсто Ильи Грушецкаго. Законною причиною смѣны послѣдняго челобитчикъ выставляетъ то, что «Илья... живетъ на Бѣлоозерѣ другой годъ». Книги съ росписью доходовъ, получаемыхъ съ города

его начальникомъ, были въ приказахъ и въ это время, по свидѣтельству Татищева [156]).

Время воеводской службы въ одномъ городѣ было, кажется, неопредѣленное. По обычаю, воеводъ смѣняли черезъ одинъ, два или три года [157]); но иногда они оставались и долѣе. Назначеніе свое они получали изъ Разряда, пока должность ихъ носила всего болѣе военный характеръ; а послѣ изъ того приказа, въ вѣдомствѣ котораго состояла область [158]). Пріѣхавъ въ городъ, воевода объявлялъ жителямъ о своемъ назначеніи, потомъ принималъ отъ прежняго воеводы казну, порохъ, городскія строенія и проч., считалъ своего предшественника и отпускалъ его въ Москву. Какъ далеко простиралась юрисдикція городовыхъ воеводъ, изъ источниковъ настоящаго періода нельзя заключить съ опредѣленностію. Судебно-уголовная власть принадлежала имъ иногда одним, иногда вмѣстѣ съ губными старостами, иногда вовсе не принадлежала. По большей части уголовныя дѣла они не иначе рѣшали, какъ съ доклада; въ главнѣйшихъ же городахъ воеводы имѣли право полнаго уголовнаго суда: иногда, впрочемъ, имъ предоставлялось это право и въ городахъ второстепенныхъ [159]). Относительно гражданскихъ дѣлъ ограниченія областнаго суда совершенно новыя. Прежде намѣстники судили всякія дѣла, но нѣкоторыя изъ нихъ, именно холопьи, не иначе, какъ подъ условіемъ доклада. Теперь дѣла помѣстныя, вотчинныя и холопьи вовсе изъяты изъ вѣдомства второстепенныхъ

---

156) Тамъ-же. Дѣла о губныхъ старостахъ и воеводахъ, V, стр. 42, челобитная князя Звенигородскаго. — С. Г. Г т. III, N 113. Судебникъ Татищева, стр. 29.

157) Временникъ Общества Ист. и Древ. Рос., книга 4-я, стр. 44—45. Въ теченіи двухъ лѣтъ было двое воеводъ. Ср. роспись воеводамъ, стр. 6—8.

158) См. разрядныя книги и воеводскіе наказы, а также Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива, П. Иванова, М. 1848, стр. 8.

159) Воронежскіе Акты, часть 2-я, NN 2. 3.—А. И. т. III, N 116. — А. А. Э. т. III, N 94.

воеводъ, т. е. такихъ, при которыхъ не было дьяковъ. Такое положеніе не вошло еще въ законодательство, но уже существовало и, вѣроятно, высказывалось въ воеводскихъ наказахъ. Точно также и стѣсненіе городской юрисдикціи извѣстною денежною суммою, обыкновенно до десяти или двадцати рублей. Замѣчательно, что приказы смотрѣли за соблюденіемъ денежныхъ предѣловъ судебной власти: за добровольный судъ у воеводы выше опредѣленной суммы областные жители подвергались опалѣ [160]. Въ этомъ видѣнъ зародышъ того раздѣленія городовъ на большіе, средніе и малые, о которомъ говоритъ Котошихинъ, и которое въ Уложеніи служитъ основаніемъ различія въ областной судебной власти. Подробныя извѣстія о разрядахъ, т. е. цѣлыхъ группахъ городовъ, зависѣвшихъ отъ одного изъ нихъ, главнаго, появляются уже въ слѣдующемъ періодѣ; но и въ этомъ уже есть на нихъ указанія. Причины такой зависимости однихъ городовъ отъ другихъ можно подвести подъ двѣ категоріи: военную и историческую. На историческомъ основаніи главные города отличались отъ пригородовъ иногда просто въ слѣдствіе старшинства первыхъ передъ послѣдними, иногда въ слѣдствіе судебной зависимости, которая однако встрѣчается довольно рѣдко. Военная зависимость городовъ возникла въ слѣдствіе той потребности административнаго единства, которая была такъ ощутительна въ XVII вѣкѣ. Эти отношенія основывались, главнымъ образомъ, на устройствѣ защиты государства; но сюда присоединялись также и другія цѣли. Пригородный воевода писалъ о всякихъ государевыхъ дѣлахъ въ главный городъ; изъ послѣдняго сообщались по

[160] Временникъ Общества Исторіи и Древн. Росс., 1849, книга 4-я, матеріалы, стр 37. «А судити ему в Дмитровѣ всякихъ людей до десяти рублевъ, а больши десяти рублевъ никакихъ людей не судить; для того, что въ большихъ искахъ велѣно судить въ приказахъ на Москвѣ». Воев. наказъ 1644 года. — Но въ тоже время мы видимъ, что въ Воронежѣ, гдѣ дьяковъ не было, былъ предъявленъ воеводѣ искъ о 36 рубляхъ. Воронежскіе Акты, часть 1-я, N 9, грамота царя Мих. Ѳеод., 1645 г. іюня 13. — Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изд. Калачовымъ, т. I, N 55, III и IV.

большей части административныя распоряженія правительства. Эти отношенія городовъ были, кажется, нововведеніемъ конца XVI вѣка. Въ слѣдствіе необходимости постоянно быть на сторожѣ отъ непріятеля, какъ на азіятской границѣ государства, гдѣ война съ кочевыми варварами была вѣчная, такъ и со стороны Литвы и Польши, войско безпрестанно занимало города Татарской и Литовской украйны; а при этомъ и полки разселялись всегда по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ, такъ что извѣстный городъ соотвѣтствовалъ вполнѣ извѣстному полку. Быть воеводою въ такомъ то городѣ значило въ то же время командовать такимъ-то полкомъ, и такъ далѣе. Въ послѣдствіи даже армейскія названія полковъ замѣнялись мѣстными. Говорилось, напр. Бѣлогородскій полкъ. Но устройство арміи основано на подчиненіи. Отсюда понятно, что городъ, въ которомъ былъ поселенъ напр. сторожевой полкъ, сталъ въ подчиненное отношеніе къ тому, въ которомъ былъ поселенъ большой полкъ; а въ слѣдъ за этимъ должна была образоваться и общая административная зависимость. Отношенія городовъ къ ихъ пригородамъ въ томъ и другомъ смыслѣ назывались *присудомъ*. Уже изъ различнаго основанія подчиненности и ея практическаго, такъ сказать, значенія очевидно, что она никакъ не могла быть вездѣ однообразна. По этому подвести взаимныя отношенія городовъ подъ одни и тѣ же начала рѣшительно не возможно. Несомнѣнно только, что до нѣкоторой степени опредѣленный родъ зависимости былъ установленъ единственно въ администраціи, а ни какъ не въ судѣ. Уже и административную зависимость опредѣлить трудно, ибо только объ одномъ отношеніи и говорится въ источникахъ довольно однообразно; именно: о государевыхъ дѣлахъ, т. е. политическихъ извѣстіяхъ, пригородные воеводы пишутъ обыкновенно въ одно и тоже время и въ Москву и въ главный городъ. Но даже о податяхъ мы встрѣчаемъ различныя, противорѣчащія свидѣтельства, не только о разныхъ городахъ, но и по поводу одного и того же города. Напр., Шуя, пригородъ Суздаля, платилъ подати и въ Суздалѣ и въ Москвѣ; Воронежъ, бывшій въ присудѣ Бѣлгорода, по всѣмъ финансовымъ дѣламъ писалъ прямо въ приказы. Относительно зависимости судебной, мы не думаемъ ошибиться, ска-

завъ, что обыкновенно ея даже вовсе не было. Подъ конецъ разсматриваемаго періода мы встрѣчаемъ уже ограниченіе областнаго суда извѣстною денежною суммою, но судъ свыше этой суммы переносится обыкновенно не въ главный городъ, а въ Москву. Переносъ дѣлъ изъ пригорода въ главный городъ едва ли не образовался въ эпоху *Уложенія*. Жалобы на пригородныхъ воеводъ тоже подаются прямо въ приказы. Еще замѣчательнѣе слѣдующее обстоятельство: жители главнаго города ищутъ на жителяхъ пригородовъ не передъ своимъ воеводою, а въ столицѣ. Вообще въ дѣлѣ суда каждый городъ былъ болѣе подчиненъ общимъ государственнымъ учрежденіямъ, нежели мѣстнымъ центрамъ. Вмѣшательство главныхъ городовъ въ судебныя дѣла пригородовъ носитъ характеръ нѣкоторой случайности, и происходитъ обыкновенно рядомъ съ непосредственнымъ подчиненіемъ послѣднихъ московскимъ приказамъ [161]).

Воеводы назначались въ города или одни, или вмѣстѣ съ товарищами. Послѣдніе бывали обыкновенно только въ большихъ городахъ небольшіе завѣдывались однимъ лицомъ. Вообще между воеводскими товарищами слѣдуетъ отличать такихъ, которые назывались тоже воеводами, и другихъ, не носившихъ этого титула и называвшихся собственно товарищами. Послѣдніе брались всего чаще изъ дьяковъ и подъячихъ, и были, кажется, остаткомъ прежней приказной администраціи. Подъячіе, бывшіе воеводскими товарищами, назывались *съ приписью*, въ отличіе отъ тѣхъ, которые составляли канцелярію. Товарищи назначались изъ Москвы иногда вмѣстѣ съ воеводами, но иногда бывъ назначены при прежнемъ воеводѣ, оставались и при новомъ; иногда же, на оборотъ, воевода назначался прежде, а товарищъ его послѣ. Опредѣлить отношенія воеводъ къ ихъ товарищамъ довольно трудно. Въ источникахъ мы встрѣчаемъ объ этомъ очень немного подробностей, да и тѣ говорятъ не о совокупномъ дѣйствіи вое-

---

161) Сибирскій Сборникъ, стр. 137—138. — Объ отношеніяхъ городовъ къ полкамъ см. тамъ же, въ статьѣ Валуева, стр. ꙗ҃д. — Старинные Акты Шуи, №№ 3, 6, 16, 20, 21, 47, 71.—Воронежскіе Акты, часть 2, № LXXVI. часть 3, № CXLV, стр. 115 и 118.

водъ и товарищей, но о раздѣленіи между ними частей управленія. Такъ, въ большихъ городахъ, каждый изъ воеводъ завѣдывалъ особою частію укрѣплений. Эта часть иногда назначалась каждому въ самомъ наказѣ, напр. одному воеводѣ предписывалось быть въ городѣ, другому въ острогѣ и т. д.; иногда же въ наказѣ было просто сказано: «ворота вѣдати, кому которые пригоже», слѣдовательно распредѣленіе предметовъ вѣдомства предоставлялось самимъ воеводамъ. Былъ ли при этомъ и судъ раздѣленъ между ними, на это мы не находимъ никакихъ указаній. Иногда раздѣлялись отрасли управленія: одни дѣла поручались воеводѣ, другія его товарищу; но о судѣ при этомъ никогда не говорится. Встрѣчаемъ, наконецъ, раздѣленіе военной команды. Въ наказѣ бѣлевскому воеводѣ князю Солнцеву-Засѣкину 1618 г. предписано: «дѣтей боярскихъ дворовыхъ и городовыхъ росписать на трое: двѣ доли взять себѣ, а треть дати товарищу своему». Здѣсь, вѣроятно, раздѣлялся и судъ надъ боярскими дѣтьми. Воеводы приписныхъ городовъ писали иногда на имя одного главнаго воеводы, а иногда на имя всѣхъ; но это основывалось, кажется, большею частію не на различной степени дѣйствительной зависимости, а просто на требованіяхъ мѣстнической чести. Такъ, въ 1598 г. воевода Семенъ Алферьевъ писалъ къ государю изъ города Монастырскаго, что изъ двухъ черниговскихъ воеводъ, князя Василія Туренина и Андрея Измайлова, «ему о государевыхъ дѣлѣхъ къ Ондрею Измайлову писать невмѣстно, потому, что Мностыревской Черниговскій пригородъ». Государь велѣлъ писать просто: «къ воеводѣ ко князю Василью Туренину съ товарищи». Какъ видно, дѣло здѣсь шло вовсе не о дѣйствительной зависимости; по этому и не льзя сказать, кѣмъ именно вѣдались въ главномъ городѣ дѣла пригорода. Что касается до общихъ распоряженій воеводъ и ихъ товарищей, то единственное извѣстіе о способѣ ихъ дѣйствіи заключается въ выраженіи наказовъ: чтобъ всякія дѣла дѣлать вмѣстѣ, за одно, безъ всякой розни. За распри другъ съ другомъ правительство строго наказывало воеводъ, не позволяя имъ дѣлать дѣла однимъ безъ товарищей, и на оборотъ. Нѣтъ никакихъ опредѣленій на случай разногласія, а поэтому и можно заключить, что въ су-

дебныхъ ихъ дѣйствіяхъ всегда предполагалось единогласіе. Какъ поступали въ томъ случаѣ, когда воеводы и товарищи были разныхъ мнѣній, неизвѣстно. По праву, вѣроятно, ничье мнѣніе не могло взять верхъ надъ другимъ, потому что рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ не было въ духѣ древней России. По аналогіи съ третейскимъ судомъ дѣло должно было переходить въ высшую инстанцію. Итакъ устройство суда было почти коллегіальное [162]). Однако на практикѣ, вѣроятно, голосъ воеводы не рѣдко имѣлъ перевѣсъ надъ мнѣніемъ товарищей. Въ одной царской грамотѣ 1608 г. подьячему, судившему дѣла безъ воеводы и писавшему его имя въ приговоры за-очи, дѣлается выговоръ за то, что онъ не слушаетъ воеводы; слѣдовательно правительство не считало положенія воеводъ и товарищей совершенно равнымъ и предполагало иногда со стороны послѣднихъ нѣкоторую подчиненность. Вообще, кажется, что при назначеніи воеводскихъ товарищей правительство имѣло въ виду, съ одной стороны—облегченіе управленія, а съ другой—взаимный надзоръ ихъ другъ за другомъ. Такъ какъ судъ составлялъ второстепенное ихъ занятіе, то коллегіальная форма и не получила надлежащаго развитія. Въ слѣдствіе этой неопредѣленности въ отношеніяхъ воеводъ и товарищей, между ними не рѣдко происходили взаимныя столкновенія. Жалобы безпрестанно присылались въ Москву, безпрестанно производились слѣдствія и повторялось предписаніе, «чтобъ воеводскою рознью царскому дѣлу проруки и казнѣ убытка не было [163])».

Воевода судилъ въ съѣзжей избѣ, называвшейся иногда и приказною. Въ ней для письмоводства были подьячіе. Они назначались тоже изъ Москвы тѣмъ же приказомъ, который опредѣ-

---

[162]) Г. Михайловъ, стр. 59, и г. Чоглоковъ, стр. 94.

[163]) А. И. т. II, N 86, т. III, NN 94, 168. Царская гр. верхотурскому воеводѣ Ѳедору Бояшеву, объ опредѣленіи къ нему въ товарищи подьячаго Втораго Шестакова, 1631 г. ноября 7.—А. И. т. I, N 230, т. III, N 154. Дополненія къ А. И., т. II, N 78, т. III, NN 5, 37, 60 [illegible]

лялъ и воеводу, большею частію по просьбѣ самихъ подъячихъ. При опредѣленіи ихъ къ должности, съ нихъ бралась поручная запись «во всякомъ воровствѣ», чтобъ обезпечить ихъ служебную нравственность посредствомъ поручительства. Иногда вмѣсто назначенія изъ Москвы, подъячіе избирались на мѣстѣ, и въ такомъ случаѣ жалованье или подмогу получали отъ мѣстныхъ жителей. Число подъячихъ было неопредѣленное: въ большихъ городахъ ихъ было иногда очень много, въ небольшихъ ихъ было меньше, иногда даже былъ только одинъ подъячій. Когда съѣзжая изба состояла изъ многихъ лицъ, то она дѣлилась на столы. Такъ, въ новгородской съѣзжей избѣ подъячіе сидѣли у разрядныхъ, у четвертныхъ, у помѣстныхъ, у судныхъ и у ямскихъ дѣлъ Сначала у воеводъ, кажется, занимались письмоводствомъ и земскіе дьячки. Такъ, въ приведенной выше царской грамотѣ 1603 года сказано, что подъячій писалъ памяти съ земскими дьячками. Впрочемъ, это могло быть и злоупотребленіемъ [164]).

Что касается до тѣхъ изъ подчиненныхъ воеводѣ судей, которые сами не назывались воеводами, то сюда относятся: а) волостные и становые прикащики; они большею частію посылались изъ приказовъ; b) судьи, назначенные воеводами для облегченія своихъ занятій въ различныя части обширнаго города. Примѣръ этого мы находимъ въ Новгородѣ. Въ разрядной книгѣ 1618 года сказано, что судныя дѣла между Русскими и Нѣмцами на посадѣ были въ этомъ году поручены головамъ, надзиравшимъ за гостинными дворами; но имъ позволено было только *судить* дѣла, *вершили* ихъ сами воеводы [165]).

Въ отсутствіе воеводы городомъ завѣдывалъ или его товарищъ, или осадный голова. Жалоба на воеводу подавалась большею

---

[164]) Дополненія къ А. И. т. II, N 72. т. III, N 36. Описаніе Шуи, N 10. А. А. Э. т. IV, N 10, т. III, NN 86, 168.

[165]) А. А. Э. т. III, N 83. А. И. т. III, N 75. Дополненія къ А. И. т. III, N 167. — Дворцовые Разряды, т. I, стр. 627, т. II, стр. 682. Разрядная книга 125 года, въ 11-й книгѣ Временника, стр. 71 и 75.

частію въ приказъ, которому былъ подчиненъ городъ или самъ челобитчикъ. Иногда челобитная подавалась новому воеводѣ, когда онъ считалъ прежняго [166]). Но были и такія жалобы, которыя приносились вообще на злоупотребленія воеводы и влекли обыкновенно за собою его смѣну. Съ челобитною городскихъ жителей въ этомъ случаѣ отправлялись въ Москву выборные люди, и въ слѣдствіе ея, правительство назначало въ городѣ повальный обыскъ. Произведеніе обыска поручалось или чиновнику, присланному изъ Москвы, или, если жалоба была подана на пригороднаго воеводу, то воеводѣ главнаго города. Обыскъ рѣшалъ дѣло. Если обыскные люди показывали согласно съ поданною челобитной, то воеводу удаляли. Въ этомъ случаѣ какъ на челобитчиковъ, такъ и на воеводу правительство смотрѣло совершенно также, какъ на обыкновенныхъ тяжущихся и прилагало къ нимъ общіе законы о судопроизводствѣ. Такъ на примѣръ: городскихъ повѣренныхъ задерживали въ Москвѣ во время обыска точно также, какъ и обыкновенныхъ истцевъ. Въ Воронежскихъ актахъ мы находимъ любопытный примѣръ такой смѣны. Депутація города пишетъ изъ Москвы къ своимъ довѣрителямъ, что ее оттуда не пускаютъ до окончанія повальнаго обыска въ Воронежѣ и проситъ жителей не мириться съ притѣснителемъ воеводой. Иногда, впрочемъ, смѣна воеводы и не была окружена такими формальностями. Изслѣдованіе о его злоупотребленіяхъ поручалось уже, по его отозваніи, его преемнику, который бралъ у жителей обыски, за ихъ подписью. Наказанія были обыкновенно очень строги. Иски челобитчиковъ взыскивались вдвое и втрое; иногда конфисковалось все имущество виновныхъ, а сами они подвергались царской опалѣ [167]). До насъ дошло много жалобъ на воеводъ, но не должно заключать изъ этого, чтобы управленіе ихъ было столь же обременительно для областей, сколько была для нихъ тяжка система кормленій. Рядомъ съ тѣми челобитьями, о которыхъ сказано, есть челобитныя и другаго рода.

---

[166]) Воронежскіе Акты, часть I, N IX, стр. 31—32.

[167]) Тамъ же, часть 3, стр. 223. — Старинные Акты Шуи, N 16. Дополненія къ А. И. т. III. N 65. См. также вообще воеводскіе наказы.

Когда городъ былъ доволенъ своимъ воеводой, онъ просилъ объ оставленіи его далѣе срока, или даже прямо предпочиталъ его новому начальнику, и билъ челомъ, чтобъ оставили у него прежняго. Такъ напр., когда въ 1609 г. гетманъ Сапѣга хотѣлъ назначить въ Суздаль Андрея Прасовецкаго, испуганный городъ билъ ему челомъ объ оставленіи прежняго воеводы Плещеева, и говорилъ гетману, что, въ случаѣ отказа, всѣ жители, покинувъ женъ и дѣтей, пойдутъ къ нему бить челомъ. Вообще города довольно легко мирились съ своими начальниками даже послѣ сильнаго взрыва негодованія [168]). Въ 1608 г. Двиняне возстали на своего воеводу и его дьяка. Возстаніе продолжалось три дня; воевода и дьякъ были посажены въ тюрьму; на третій день Двиняне бросили въ рѣку дьяка, и хотѣли убить воеводу за его неправосудіе. Въ предсмертномъ страхѣ воевода, по совѣту своего духовника, возложилъ на себя обѣтъ: «обѣщася имѣть вѣру въ монастырь Пресвятыя Богородицы въ черную гору»—и чудо совершилось. На другой день, безъ всякой особенной причины, народъ преклонился къ милосердію, кротко собрался къ тюрьмѣ и звалъ съ честію воеводу, чтобъ онъ шелъ въ приказную избу и управлялъ городомъ по прежнему [169]). Смѣна, какъ мы видѣли, происходила обыкновенно вмѣстѣ съ замѣною; но если, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, новый воевода не былъ присланъ немедленно, то временное завѣдываніе городомъ поручалось или товарищу, если онъ не былъ перемѣненъ въ одно время, или осадному головѣ, какъ подчиненному военному начальнику.

Особенное вѣдомство составляли дворовые крестьяне, имѣвшіе своихъ воеводъ и приказныхъ людей. Объ этомъ управленіи более свѣдѣній во вторую половину XVII вѣка [170]).

---

168) А. И. т. II, N 167.

169) Древняя Рос. Вивліоѳика, т. XVIII, Двинской лѣтописецъ, стр. 17—18.

170) Воронежскія Акты, часть 1, стр. 153, и указатель, стр. 22. Описаніе Шуи, N 36. А. А. Э. т. III, N 191. Временникъ, книга 3, смѣсь, стр. 8.

Таково было областное судоустройство въ эпоху отъ Ивана Грознаго до Уложенія. Мы видѣли, что оно не скоро приняло характеръ государственный, и даже принявъ его, присоединило къ нему прежнее кормленіе, къ которому, не смотря на старанія правительства, такъ легко возвращались его чиновники. Отсюда рядъ такихъ явленій, которыя были остатками старины, или въ смыслѣ уцѣлѣвшаго вида прежней администраціи, или потому что были вызваны кормленіемъ въ самую первую его эпоху, когда еще не было правительственныхъ мѣръ, измѣнившихъ потомъ характеръ областнаго судоустройства. Къ такимъ явленіямъ принадлежатъ путные бояре и суды откупной и пожалованный.

Путемъ въ старину назывался доходъ съ извѣстнаго промысла, соединенный съ судомъ надъ промышленниками; имъ жаловали бояръ въ награду за службу, въ послѣдствіи же этотъ доходъ былъ соединенъ съ извѣстными должностями, напр. дворецкаго, постельничаго и проч. Такъ какъ въ это время промышленные люди жили обыкновенно цѣлыми слободами, то бояринъ, для сбора своихъ доходовъ, держалъ въ этихъ слободахъ своихъ тіуновъ и доводчиковъ, которые вѣдали на мѣстѣ и судебную расправу, подъ условіемъ доклада своему боярину. Эта форма управленія, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, продолжалась до самаго Петра Великаго [171].

Что касается до суда откупнаго, то онъ былъ результатомъ того взгляда, который служилъ основаніемъ древняго суда. Судъ разсматривался, какъ собственность князя, отданная имъ въ пользованіе кормленщику. Понятно, что и послѣдній, на время своего пользованія, могъ также уступить другому лицу эту статью своего дохода. До насъ дошла откупная обонежская грамота 1434 года, выданная новгородскимъ намѣстникомъ какимъ-то двумъ лицамъ, которымъ онъ продалъ «Обонискый судъ князя великаго». Что такая отдача суда на откупъ была въ обычаѣ того времени, видно изъ слѣдующаго условія, помѣщеннаго въ упомяну-

---

[171]) **Древняя Рос. Вивліоѳика, т, XV, N XIV, I.**

той грамотѣ: «ино платити имъ судъ князя великого по старинѣ». Была слѣдовательно даже откупная сумма, опредѣленная обычаемъ. Откупщикъ долженъ былъ судить и брать пошлины тоже по старинѣ [172]. Должно быть, обычай опредѣлялъ и то, какія именно волости отдавались на откупъ, и онѣ, кажется, иногда вносили сами откупную сумму [173]. Въ этомъ случаѣ намѣстникъ отказывался на извѣстное время отъ права посылать туда своихъ судей. Какъ долго продолжался обычай отдавать судъ на откупъ, съ точностію неизвѣстно. По всей вѣроятности онъ исчезъ вмѣстѣ съ намѣстниками; но въ царствованіе Ивана IV мы находимъ еще о немъ извѣстіе, относящееся къ тому самому замѣчательному 1556-му году, въ который Грозный начиналъ приводить въ исполненіе задуманныя имъ преобразованія, и въ той самой области, гдѣ имъ положено было начало, т. е. въ Новгородѣ [174].

Недостатки древней администраціи, которая была иногда чрезвычайно обременительна для лицъ подвластныхъ, повели къ многочисленнымъ исключеніямъ изъ областной подсудности. Жалованныя грамоты, которыми давалось драгоцѣнное право не подлежать мѣстной расправѣ, непрерывно продолжаются во весь древній періодъ нашей исторіи; но было бы несправедливо предполагать, чтобы въ теченіи восьми-вѣковой жизни Россіи въ этой сферѣ обошлось совершенно безъ измѣненій. Выше мы уже замѣтили, что привиллегированная подсудность была вызвана совершенно особенными причинами въ эпоху до XVII вѣка

---

172) А. А. Э. т. I, N 27.

173) Я вывожу это изъ сравненія откупной обонежской грамоты съ слѣдующими словами новгородскаго договора съ Ярославомъ тверскимъ, 1263 года: «А судъ, княже, отдалъ Дмитрій съ Новогородцы Бежичаномъ и Обонижаномъ, на три лѣта судьѣ не слати». Древняя Рос. Вивліоѳика, т. I, N 2.

174) Дополненія къ А. И. т. I, N 51, VII. царская гр. новгородскимъ дьякамъ. 1555 г. августа 24. «....И будетъ тотъ погостъ Васильевской Черной судъ вашъ, *а не на откупу*, и вы бъ послали въ тотъ погостъ кого пригоже....»

и послѣ этого времени. Дѣйствительно, въ древнѣйшую эпоху государства право не подлежать мѣстному суду давалось вмѣстѣ съ другими финансовыми льготами, иногда даже на извѣстное только время. Часто, кромѣ финансоваго облегченія, ничего другаго и не имѣли въ виду при этомъ; отъ этого вся перемѣна состояла только въ томъ, что лица привиллегированныя избавлялись отъ суда кормленщиковъ; собственно отъ областнаго суда они не освобождались, ибо дѣло шло не столько о томъ, чтобъ судиться тамъ, гдѣ болѣе надежды на правосудіе, сколько о томъ, чтобъ судиться безпошлинно. Такъ, Лопари, избавленные отъ суда новгородскаго намѣстника, судились въ томъ же Новгородѣ у царскихъ дьяковъ; Введенскій монастырь, тоже избавленный отъ подсудности намѣстникамъ, судился у новгородскихъ бояръ и воеводъ. Кромѣ этой причины, была еще другая: давая несудимыя грамоты, правительство желало избавить привиллегированныя лица отъ вмѣшательства множества судей, подчинивъ ихъ одному суду. Въ слѣдствіе такого взгляда на привиллегированную подсудность особенные суды этого времени, кромѣ церковнаго, не богаты опредѣленіями. Организаціи внутренняго суда мы почти не видимъ. Въ XVII вѣкѣ взглядъ на исключенія изъ областнаго вѣдомства нѣсколько измѣнился. Къ прежнимъ причинамъ присоединились и новыя. Эти новыя причины состояли: съ одной стороны, въ сословномъ началѣ, которое было принято за основаніе особенной подсудности; съ другой стороны, въ томъ, что освобожденіе отъ областнаго суда не было, какъ прежде, одною милостію, но въ тоже время и результатомъ особаго занятія, полезнаго для государства, и потому пользующагося покровительствомъ власти. Такимъ образомъ, въ XVII вѣкѣ мы видимъ освобожденіе двоякаго рода: одно соединено съ устройствомъ особеннаго внутренняго суда между членами привиллегированныхъ сословій, другое состоитъ въ одномъ освобожденіи, ибо здѣсь лица избавляются отъ мѣстнаго суда, какъ лица, а не въ качествѣ членовъ сословій. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ въ XVII вѣкѣ и другое явленіе—стремленіе сосредоточить особенную подсудность въ сословныхъ приказахъ.

Скажемъ сначала о лицахъ, избавленныхъ жалованными грамотами отъ областнаго суда, а потомъ о внутренней организаціи суда въ освобожденныхъ общинахъ и сословіяхъ.

Къ числу привиллегированныхъ лицъ принадлежитъ 1) духовенство. Оно избавлялось отъ свѣтскаго суда по двумъ основаніямъ: во первыхъ, какъ особое сословіе, во вторыхъ, въ качествѣ свѣтскихъ, особенно покровительствуемыхъ землевладѣльцевъ. Дѣла церковныя и дѣла членовъ духовенства между собою отданы были въ вѣдомство церковныхъ судовъ еще Св. Владиміромъ; но уставъ его не былъ соблюдаемъ, не имѣлъ силы непреложнаго закона Одни духовныя дѣла не исключались въ практикѣ изъ вѣдомства церкви; какъ же скоро церковный человѣкъ начиналъ съ другимъ гражданское, частное дѣло—нарушеніямъ общаго правила не было конца. Эти нарушенія происходили какъ со стороны свѣтскихъ судей, такъ и стороны церковниковъ. Поводомъ къ вмѣшательству свѣтской власти были пошлины, которыя каждый епископъ сбиралъ съ дѣлъ, ему подсудныхъ. Въ Псковѣ видимъ даже въ одно время стремленіе самаго правительства присвоить себѣ расправу въ церковныхъ дѣлахъ. Такъ, митрополитъ Кипріянъ жаловался въ 1395 году, что «зъ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещѣхъ». Въ московскомъ государствѣ правительство не одобряло такихъ нарушеній и обыкновенно въ этомъ случаѣ предписывало намѣстнику не вступаться въ церковныя пошлины. Труднѣе было уничтожить другой поводъ вмѣшательства. Члены духовенства нерѣдко сами поднимали другъ на друга мірскихъ судей, особенно въ томъ случаѣ, когда одна изъ сторонъ уже оставила церковное вѣдомство. Такъ новгородскій архіепископъ Симеонъ писалъ, въ 1416 году, въ Снѣтогорскій монастырь, что чернецы, выходя изъ монастыря, поднимаютъ мірскихъ судей на игумена и старцевъ, а мірскіе судьи судятъ ихъ мірскимъ обычаемъ и присуждаютъ роту. Архіепископъ запретилъ монахамъ обращаться къ свѣтскимъ судьямъ, а послѣднимъ вступаться въ дѣла духовенства, подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Черезъ два года, въ 1418 году, митрополитъ Фотій долженъ былъ подтвердить это запрещеніе въ посланіи къ тому же монастырю. Но не одни

міряне и нарушавшіе свои обѣтъ монахи позволяли себѣ такое отступленіе отъ общаго правила. Въ самомъ духовенствѣ замѣтны два противоположныхъ движенія. Съ одной стороны, митрополиты и патріархи московскіе постоянно стремились сдѣлать изъ церкви одно замкнутое цѣлое, обезпечивъ себя отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти какъ въ дѣла собственно церковныя, такъ и во внутреннія дѣла духовенства; съ другой, мѣстные епархіальные начальники старались устранить митрополита отъ всякой расправы внутри своихъ епархій. Главною цѣлію было стать совершенно независимо въ гражданскихъ дѣлахъ своихъ, но къ этому присоединялось иногда стремленіе къ независимому положенію и въ дѣлахъ церковныхъ. Это направленіе замѣтно въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ только, вслѣдствіе особеннаго характера этихъ городовъ, оно и могло выразиться съ нѣкоторою силой. Такъ, въ 1385 году Новгородцы отняли всѣ церковныя дѣла у митрополита Кипріана, предоставивъ окончательную расправу своему владыкѣ Алексѣю. Псковичи постоянно стремились освободиться отъ подъѣздовъ и суда новгородскаго архіепископа. Причины, почему епархіи Новгорода и Пскова такъ стремились отторгнуться отъ своихъ центровъ, заключались и въ политическихъ и въ административныхъ условіяхъ. Съ одной стороны, дѣйствовало стремленіе къ мѣстной самостоятельности, нелюбовь къ иноземцамъ, которая долго продолжалася въ Россіи, какъ результатъ и племенныхъ различій и историческихъ условій. Еще подъ 1631 г. мы находимъ въ старинныхъ актахъ Шуи челобитную Шуянъ, которые, жалуясь на попа, присланнаго къ нимъ суздальскимъ архіепископомъ Іосифомъ, прибавляютъ, что архіепископъ былъ иноземецъ. Но главная причина заключалась въ характерѣ церковной администраціи XIV—XVI вѣковъ. Будучи построена по образцу свѣтскаго управленія, она заключала въ себѣ тѣ же самые недостатки, и потому должна было вызвать тѣ же самыя явленія. Каждый епархіальный начальникъ находился къ церковнымъ людямъ своей епархіи въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ князь находился къ своимъ подданнымъ: подданные епископа точно также обязаны были ему судомъ и данью. Они несли тягло, и названіе: *тяглые попы*,

нерѣдко встрѣчается въ нашихъ источникахъ. Въ отношеніи же къ церковнымъ людямъ другихъ епархій митрополитъ сохранилъ еще древнѣйшее право, уже не существовавшее въ свѣтскомъ управленіи: подобно тому, какъ князья прежде отправлялись на полюдье для собиранія дани, митрополитъ пользовался во всей Россіи правомъ подъѣзда. Это право было такъ тяжело, что Новгородцы старались ограничить его договорными грамотами. Въ Москвѣ правъ митрополита не ограничивали въ этомъ случаѣ, ибо здѣсь дорожили единствомъ государства; но внутри епархіи безпрестанно дѣлались исключенія: тяглые люди епархіальныхъ начальниковъ, члены бѣлаго и чернаго духовенства получали привиллегіи, избавлявшія ихъ отъ суда епископовъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что, раздавая жалованныя грамоты, правительство дѣйствовало не только въ слѣдствіе верховной своей власти надъ государствомъ, но и въ слѣдствіе другой причины, которая, такъ сказать, была непосредственнымъ оправданіемъ этихъ исключеній. Извѣстно, какимъ образомъ возникали у насъ монастыри. Всѣ сословія участвовали въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ. Прорубая лѣса, занося ногу въ отдаленныя степи, религіозные подвижники древней Руси съ каждымъ новымъ монастыремъ, со всякою новой церковью раздвигали область христіанства далеко за предѣлы существовавшихъ епархій, которыхъ границы часто и не были опредѣлены съ точностію, ибо еще въ XIV вѣкѣ былъ споръ о границахъ между Рязанскою и Сарайскою епархіями. Такимъ образомъ, было много монастырей, много церквей, не входившихъ въ первоначальный составъ епархій, имѣвшихъ особое, данное имъ отъ ихъ основателей устройство. Эти монастыри часто вовсе не поступали въ составъ епархіальнаго вѣдомства въ гражданскомъ отношеніи, вполнѣ сначала завися по дѣламъ этого рода отъ своихъ основателей. Примѣры подобнаго положенія монастырей мы встрѣчаемъ даже и въ XVII вѣкѣ. Такъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ царскій дьякъ Никифоръ Шипулинъ возобновилъ, съ разрѣшенія приказа Большаго Дворца, пустой Успенскій Нѣмчиновъ монастырь, въ Холмскомъ уѣздѣ; но монастырь терпѣлъ многія обиды отъ стороннихъ людей и воеводскихъ разсыльщиковъ,

бравшихъ съ игумна и братіи кормы и подводы, а дьяку, за отдаленностію, оберегать ихъ было невозможно; поэтому, въ 1651 г., Шипулинъ просилъ государя приписать Успенскій монастырь къ новгородскому Софійскому дому, что и было исполнено. Кромѣ такихъ монастырей были еще другіе, которые возникли, такъ сказать, сами собою, въ слѣдствіе стеченія монаховъ къ первому пустынножителю; наконецъ, монастыри, основанные государями и находившіеся подъ ихъ особеннымъ покровительствомъ. Всѣ эти монастыри, приписанные, или неприписанные къ епархіямъ, въ слѣдствіе самаго своего происхожденія, легко могли получить положеніе независимое отъ епархіальнаго начальства, особенно, если имѣли у двора сильныхъ предстателей. И монастыри усердно добивались этого. Такъ, въ 1526 г. старецъ Васьянъ, сынъ князя Ивана Юрьевича (Патрикѣева) билъ челомъ великому князю Василію Ивановичу, жалуясь, что ростовскій архіепископъ Кириллъ требуетъ къ себѣ на судъ настоятеля Ниловой пустыни игумена Маркелла и ея братіи. Государь освободилъ пустынь отъ вмѣшательства архіепископа. Вообще освобожденіе отъ суда епископовъ составляло для монастырей высшую степень привиллегіи; первую степень составляла свобода отъ областной, свѣтской администраціи, вторую—независимость отъ духовнаго начальства. Въ XV вѣкѣ новгородскій Юрьевъ монастырь, имѣвшій уже привиллегію не подлежать суду намѣстниковъ, выпросилъ себѣ у великаго князя Василія Ивановича жалованную грамоту, по которой былъ избавленъ и отъ суда архіепископскаго. Съ древнѣйшаго времени правительство старалось однако ввести въ церковное вѣдомство нѣкоторый порядокъ. Такъ, въ 1389 г. митрополитъ Кипріанъ написалъ съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ уставную грамоту, по которой область митрополита была разграничена отъ великокняжеской; опредѣлено, какіе монастыри и люди неотъемлемо подлежатъ суду и управленію митрополита, и учрежденъ смѣстный судъ. Но вообще говоря, независимое положеніе церкви въ дѣлѣ гражданскаго суда не получило до половины XVI вѣка ни въ одномъ актѣ полнаго признанія. — Князья подтверждали грамотами обычную привиллегію епископовъ не подлежать свѣтскому суду со всѣмъ ихъ вѣдом-

ствюмъ, но не принимали на себя обязательства не дѣлать исключеній въ церковной области. Стоглавъ въ первый разъ далъ нѣкоторую основу исключительному суду церкви надъ духовенствомъ, сдѣлавъ различіе между личными дѣлами членовъ духовенства и тѣми, которыя они могли имѣть въ качествѣ землевладѣльцевъ. Все духовенство, во взаимныхъ дѣлахъ своихъ, какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ, должно было, по Стоглаву, подлежать суду своихъ церковныхъ начальниковъ: митрополита, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ; но слуги и крестьяне духовенства, по дѣламъ съ лицами свѣтскихъ вѣдомствъ, а также съ слугами и съ крестьянами другихъ владыкъ и монастырей, подлежали суду царскихъ дворецкихъ Несудимыя грамоты, которыми архимандриты и игумены избавлялись отъ суда епархіальнаго начальства, были признаны данными противъ священныхъ правилъ и отмѣнены. Только уголовный судъ надъ духовенствомъ былъ предоставленъ свѣтской власти. Законъ Стоглава высказанъ былъ ясно и опредѣленно, но, не смотря на это, никогда не былъ вполнѣ исполненъ. Нѣкоторыя жалованныя грамоты возобновлены въ томъ же самомъ году, когда онѣ были рѣшительно запрещены соборомъ; другія были вновь даны позже. Причина, почему постановленіе Стоглава, не смотря на то, что оно вошло и въ Судебникъ, такъ скоро было нарушено, заключается не въ одной непослѣдовательности, но отчасти и въ томъ, что Стоглавъ не устранилъ совершенно вмѣшательства свѣтскаго управленія въ дѣла церковнаго вѣдомства: на дворецкихъ царя и великаго князя тѣмъ же соборомъ возложена была обязанность считать архимандритовъ и игуменовъ во всемъ приходѣ и расходѣ и повѣрять монастырскую казну; на мірскихъ людяхъ духовенство искало не передъ своими властями, но передъ царскими дворецкими, пользуясь только правомъ просить «у святителей за собою присадки», т. е. депутатовъ, и судиться въ присутствіи десятскихъ священниковъ и земскихъ старостъ. Можетъ быть въ слѣдствіе самаго этого вмѣшательства въ иныхъ случаяхъ, судъ надъ духовенствомъ по дѣламъ гражданскимъ вскорѣ перешелъ совершенно въ вѣдомство приказа Большаго Дворца. Изъ источниковъ XVII вѣка мы узнаемъ, что до 1625 г. патріаршіе монастыри и церкви завѣдывались этимъ приказомъ. Въ

этомъ году царь Михаилъ Θеодоровичъ далъ патріарху Филарету полный судъ надъ духовенствомъ, даже по дѣламъ его со свѣтскими людьми, съ однимъ только исключеніемъ: когда духовенство было истцемъ, то судъ происходилъ передъ судьей отвѣтчика. Но это право было предоставлено патріарху не во всей Россіи, а только на пространствѣ его патріаршей епархіи. Епископскія области разсматривались совершенно отдѣльно отъ патріаршей и получали право полнаго суда сами по себѣ. Митрополитъ новгородскій напр. получилъ право полнаго суда надъ своимъ духовенствомъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, еще ранѣе, именно въ 1623 году. Вообще свѣтская власть никогда не признавала совершенной отдѣльности церковнаго вѣдомства. Въ эпоху этихъ самыхъ жалованныхъ грамотъ при томъ же государѣ существованіе монастырскаго приказа для мірскихъ расправныхъ дѣлъ духовенства, доказываетъ, что монастыри, и не получившіе привиллегій, зависѣли отъ царскаго управленія. Общаго закона о подсудности духовенства вовсе не было, а потому въ предѣлахъ гражданской власти епископовъ было много разнообразія. Иногда епископъ былъ ограниченъ закономъ въ проявленіяхъ своей власти, болѣе чѣмъ намѣстникъ или волостель XVI вѣка. Мы видимъ напр., что въ XVII вѣкѣ новгородскій митрополитъ не только не собиралъ дани съ духовенства черезъ своихъ десятинниковъ, что вообще было запрещено Стоглавомъ, но даже получалъ эту дань не иначе, какъ при посредствѣ свѣтской власти, т. е. черезъ царскаго воеводу [175]).

И такъ церковь не была совершенно освобождена отъ подсудности свѣтской власти. Монастыри и церкви получали свободу отъ областной администраціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ подчинялись большею частію не своему духовному начальству, а московскимъ

---

175) А Ю. N 361. А. И. т. I, NN 9, 24, 26.—Никоновская лѣтопись т. IV, стр. 146.—С. Г. Г. т. I, N 20—Куницынъ, стр. 51.—Исторія Россіи, Соловьева, т. IV, стр. 311. — Старинные Акты Шуи, N 51. — О тяглыхъ попахъ см. А. А. Э. т. II, N 14. А. И. т. III, N 10. — А. А. Э. т. IV, N 53, т. I, NN 173, 386, т. III, N 89; т. I, N 9. А. И. т. I, N 155, т. II, N 58. Дополненія къ А. И. т. I. NN 26, 46, 114, С. Г. Г. т. III, N 73. А. А. Э. т. III, NN 139, 164.

приказамъ. Поводомъ къ изъятію духовенства изъ областной подсудности было не сословное начало, а желаніе дать ему лучшее финансовое положеніе. По этому жалованныя грамоты духовнымъ лицамъ давались по преимуществу въ качествѣ землевладѣльцевъ, ибо въ этомъ случаѣ судъ надъ крестьянами уступался имъ, какъ источникъ дохода, а сами они избавлялись отъ суда намѣстниковъ, для устраненія всякаго повода ко вмѣшательству со стороны мѣстной власти. Это бывало однако не всегда: часто монастырскіе подданные освобождались отъ суда областныхъ правителей, а монастырское духовенство только предписывалось судить въ извѣстные сроки [176]. Но большею частію и духовенство подчинялось въ этомъ случаѣ суду центральныхъ учрежденій. Мы видѣли, что Стоглавъ старался установить различіе между духовенствомъ и подвластными ему лицами, и что первое, по соборному рѣшенію, всегда подлежало лично суду духовныхъ своихъ начальниковъ. Жалованныя грамоты иногда имѣютъ въ виду это различіе, иногда нѣтъ. Такъ въ жалованной грамотѣ тверскому Преображенскому собору, 1601 г. Августа 30-го, прикащика соборнаго протопопа судитъ приказъ Большаго Дворца, а самаго прототопопа судитъ тверской архіепископъ. Тоже есть и въ другихъ грамотахъ, но большею частію вмѣстѣ съ изъятіемъ изъ областной подсудности привиллегированное духовенство освобождалось и отъ церковнаго суда. Нѣкоторыя грамоты избираютъ какъ будто средній путь между двумя подсудностями: судъ надъ духовнымъ лицомъ предоставляется митрополиту или епископу, но подъ условіемъ, чтобъ онъ судилъ самъ, а не черезъ бояръ своихъ [177]. Исключенія изъ областной подсудности дѣлались въ разной степени: иногда областные начальники сохраняли при этомъ право губнаго суда, иногда только право суда въ душегубствѣ и разбоѣ съ поличнымъ. Есть грамоты, по которымъ и губныя дѣла духовенства судятся не областными судьями, а въ центральныхъ учрежденіяхъ [178], слѣдовательно привиллегія имѣетъ самыя широкія раз-

---

[176] А. А. Э. т. III, N 133. А. И. т. III, N 119.
[177] А. А. Э. т. II, NN 16, 114. А. И. т. III, NN 94, 104, 123.
[178] А. И. т. III, N 60. А. А. Э. т. III, N 250.

мѣры. Но за то есть и такія, въ которыхъ исключеніе сдѣлано въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ. Такъ, въ жалованной грамотѣ Деревяницкому Воскресенскому монастырю, 1617 г. іюня 1-го, игумену уступается владѣльческій судъ надъ крестьянами, которыхъ во внутреннихъ ихъ дѣлахъ онъ судитъ исключительно, а по дѣламъ ихъ съ другими крестьянами участвуетъ въ смѣстномъ судѣ съ новгородскимъ намѣстникомъ; но самъ онъ вовсе не пользуется никакою судебной привиллегіею: его судитъ новгородскій намѣстникъ, только самъ, а не черезъ тіуновъ. Въ XV вѣкѣ было еще болѣе разнообразія. Такъ какъ Россія раздѣлялась еще на нѣсколько княжествъ, а владѣнія духовенства, особенно монастырей, были разбросаны по всему государству, то часто случалось, что въ одномъ удѣлѣ они были независимы отъ свѣтской власти, а въ другомъ подчинены ей [179]). Зависимость отъ приказовъ то же была различная: одни монастыри пользовались только правомъ отвѣчать въ приказѣ, а сами искали передъ судьями отвѣтчиковъ [180]); другіе, напротивъ, и искали и отвѣчали только въ приказахъ. Въ древнѣйшихъ жалованныхъ грамотахъ обыкновенно не обозначается названіе того приказа, который долженъ судить привиллегированныя духовныя лица: Государь предоставляетъ судъ самому себѣ или тому изъ бояръ, кому онъ прикажетъ. Эта форма пожалованія сохранилась и въ XVII вѣкѣ, по большею частію только въ возобновленныхъ грамотахъ [181]). Нѣкоторые монастыри подчинялись областнымъ приказамъ, напр. Устюжской четверти, Нижегородской четверти, Приказу Казанскаго Дворца [182]), но большею частію духовенство судилось въ приказѣ Большаго Дворца.

2) Кромѣ духовенства, отъ областной подсудности освобождались еще архіерейскіе и монастырскіе слуги и крестьяне. Причина такого освобожденія лежала въ предоставленіи духовенству владѣльческаго суда надъ его крестьянами, какъ источника до-

---

[179]) А. А. Э. т. III, N 89. А. И. т. I, N 25.

[180]) А. И. т. III, N 60.

[181]) А. И. т. III, NN 76, 97, 123, 126.

[182]) А. И. т. III. NN 70, 94, 95.

хода. И такъ въ основанiи этого исключенiя лежало не сословное, а финансовое начало. По этому и предѣлы владѣльческаго суда были до крайности разнообразны. Какъ облегченiе въ повинностяхъ, владѣльческiй судъ предоставлялся съ ограниченiемъ въ объемѣ и времени. Такъ, есть жалованныя грамоты, которыя предоставляютъ архимандриту только судъ надъ пришлыми людьми, и только въ теченiи извѣстнаго времени, по прошествiи котораго возстановлялась общая подсудность [183]). По той же самой причинѣ нѣкоторыя дѣла совершенно исключались изъ владѣльческаго суда въ пользу областныхъ правителей. Такъ напр. губныя дѣла обыкновенно предоставлялись послѣднимъ; но иногда изъ нихъ подлежали общему суду только нѣкоторыя преступленiя, напр. душегубство и разбой съ поличнымъ. Есть и такiя грамоты, въ которыхъ и губныя дѣла отнесены къ владѣльческому суду. Избавленные отъ мѣстнаго суда слуги и крестьяне подлежали въ дѣлахъ внутреннихъ суду землевладѣльцевъ, въ дѣлахъ съ лицами подсудными областнымъ начальникамъ—смѣстному суду, а съ иногородными людьми —суду приказовъ, большею частiю приказу Большаго Дворца. Подсудность ихъ центральнымъ свѣтскимъ учрежденiямъ, а не высшему духовному суду была признана общимъ правиломъ на соборѣ 1551 года [184]).

3) Крестьяне другихъ вѣдомствъ во внутреннихъ дѣлахъ своихъ тоже иногда были избавлены отъ областнаго суда. Черные люди получали внутреннюю расправу въ качествѣ привилегiи. Вотчинниковы и помѣщичьи крестьяне судились своимъ вотчинникомъ или помѣщикомъ на основанiи землевладѣльческаго права. Иски постороннихъ лицъ на крестьянахъ предъявлялись противъ ихъ господина обыкновеннымъ судамъ; но есть примѣры, что жалоба подается и самому господину. Послѣднiй иногда пользовался только владѣльческимъ судомъ, а самъ подлежалъ общей мѣстной подсудности, иногда былъ отъ нея избавленъ и судился въ приказахъ. Если онъ былъ освобожденъ отъ

---

[183]) А. А. Э. т. I, N 18.

[184]) А. А. Э. т. I, NN 5, 15, 17; т. II, N 16; т. III, NN 84, 89, 114. А. И. т. I, N 155; т. II, N 166; т. III, NN 76, 79 и проч.

мѣстной зависимости, то судилъ дѣла своихъ крестьянъ съ посторонними людьми въ смѣстномъ судѣ съ намѣстникомъ и волостелемъ. Губныя дѣла и здѣсь обыкновенно не принадлежали къ владѣльческому суду. Особенный видъ владѣльческаго суда составляетъ судъ Касимовскихъ царей [185]).

4) Гости, гостиная и суконная сотня, были тоже освобождены отъ мѣстнаго суда. Это освобожденіе произошло постепенно. Сначала избавлялись отъ мѣстнаго суда только отдѣльныя лица: такъ, въ 1564 и въ 1568 годахъ были освобождены отъ суда воеводъ и приказныхъ людей именитые люди Строгановы, въ 1606 г. торговый человѣкъ Андрей Окуловъ съ дѣтьми. Освобожденіе всего московскаго торговаго сословія послѣдовало при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и подтверждено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, грамотою 1648 г. августа 26. Этою грамотою воеводамъ и приказнымъ людямъ запрещено судить по городамъ московскихъ торговыхъ людей, во время ихъ разъѣздовъ. Торговые люди другихъ городовъ, кромѣ Москвы, не пользовались подобною привиллегіею. Вмѣстѣ съ полученіемъ судебной привиллегіи, торговые люди переходили изъ вѣдомства Земскаго Двора въ вѣдомство казначея или Казеннаго приказа; иногда царь обѣщалъ и собственную расправу. Строгановы, какъ богатые землевладѣльцы, пользовались правомъ владѣльческаго суда надъ всѣми людьми, поселившимися въ ихъ пермскихъ городкахъ [186]).

5) Такія же судебныя привиллегіи получали иностранные купцы и ихъ люди, напр. голландскіе и гамбургскіе гости. Они подчинялись суду одного Посольскаго приказа, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, подлежавшихъ суду областному [187]).

6) Иноземцы, поступавшіе въ русскую военную службу, подлежали, вмѣстѣ съ своими крестьянами, суду одного Иноземъ-

---

[185]) А. А. Э. т. I, NN 44, 45, 46, 111, 120, 132, 141, 149, 160, 162, 163, 215, 245, 361, 371, 374, 379, 385. т. III, N 174.—А. И. т. I, 180, I; т. II, NN 30, 83, 191, 330; т. III, NN 67, 191. Дополненія къ А. И. т. I, N 36. С. Г. Г. т. III, N 58.

[186] А. А. Э. т. II, N 49. Дополненія къ А. И. т. I, NN 117, 119; т. III, N 44.

[187]) А. А. Э. т. III, N 17.—С. Г. Г. т. III, N 109.

наго приказа, за исключеніемъ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, отнесенныхъ къ мѣстному суду. Однако, иногда государи подчиняли иноземцевъ суду воеводъ, посредствомъ особенныхъ указовъ, присланныхъ изъ Иноземнаго Приказа [188]).

7) Русскіе военные люди, стрѣльцы и казаки, тоже исключались изъ мѣстной подсудности, съ подчиненіемъ или областнымъ или своимъ сословнымъ приказамъ. Предѣлы судебной привиллегіи и здѣсь были разные: иногда въ уголовныхъ дѣлахъ съ лицами другихъ вѣдомствъ они подлежали общей подсудности, суду губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, а по внутреннимъ дѣламъ этого рода суду воеводъ и своего головы; иногда вообще по уголовнымъ дѣламъ между собою были подсудны однимъ своимъ начальникамъ. Въ отношеніи къ гражданскому суду степень независимости была различная [189]).

8) Каменщики и кирпичники судились въ Каменномъ приказѣ, за исключеніемъ губныхъ дѣлъ.

9) Откупщики и мытчики большею частію подлежали суду тѣхъ приказовъ, откуда они получали свои откупныя грамоты [190]).

Таковы были судебныя привиллегіи въ московскомъ государствѣ. Хотя они и установлены были жалованными грамотами, данными извѣстнымъ лицамъ, извѣстнымъ общинамъ, а не цѣлымъ сословіямъ,—хотя въ нихъ много разнообразія, и притомъ совершенно случайнаго — однако въ XVII вѣкѣ не трудно уже отыскать въ нихъ довольно твердыя и постоянныя начала. Прежде, какъ мы видѣли, привиллегіи давались нерѣдко географическимъ общинамъ на извѣстное время, точно также, какъ и отдѣльнымъ лицамъ. Отъ этого не легко было бы опредѣлить тѣ условія, при которыхъ лице или община считались имѣющими право на судебную привиллегію: все дѣло основывалось на одной милости. Теперь, въ XVII вѣкѣ, привиллегіи группируются около двухъ началъ: начала владѣльческаго и начала сословнаго. Въ первомъ случаѣ судъ отдается землевладѣльцу, какъ неотъемле-

---

188) А. И. т. III, N 183.

189) А. А. Э. т. III, NN 34, 137. Дополненія къ А. И. т, III, N 16.

190) Дополненія къ А. И. т. II, N 78. А. И. т. III, N 92, XXXIII.

жая часть крѣпостнаго права, и потому о внутренней организаціи этого суда правительство не заботится; во второмъ случаѣ верховная власть организуетъ самую внутреннюю расправу. Но эти два начала не составляли единственныхъ источниковъ судебныхъ привиллегій. Рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ и такія жалованныя грамоты, которыя даны не въ видахъ государственной пользы и основаны не на идеѣ права, а даны въ награду за подвигъ или просто въ слѣдствіе царской благосклонности. Такъ въ 1615 г. Кузьма Мининъ со всѣмъ семействомъ, людьми и крестьянами былъ освобожденъ отъ областнаго суда, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, и подчиненъ суду московскихъ приказовъ. Такая же привиллегія дана въ 1616 г. его сыну. Въ 1631 г. воеводамъ запрещено было судить посадскихъ людей Юрьевца Повольскаго во время ихъ пріѣздовъ въ Ярославль, Кострому, Нижній-Новгородъ, Балахну, Кинешму и на Плесо. Между собою они судились у своихъ приказныхъ людей, а съ иногородными людьми въ приказѣ Большаго Дворца, хотя въ это время правило о подсудности по лицу отвѣтчика было уже господствующимъ. Это было остаткомъ учрежденій XVI вѣка, когда всякая община, получавшая внутреннее устройство въ видѣ привиллегіи, съ тѣмъ вмѣстѣ подчинялась суду московскихъ приказовъ, ибо, при отсутствіи однообразія въ областныхъ учрежденіяхъ, безъ этого права была бы не полна финансовая привиллегія общины. Такая же привиллегія была дана въ 1613 г. жителямъ города Романова, которые судились съ иногородными людьми въ Посольскомъ приказѣ [191]).

Скажемъ теперь о внутреннихъ судахъ привиллегированныхъ общинъ и сословій. Разсмотримъ прежде всего внутренніе суды духовенства.

Внутренній судъ принадлежалъ духовенству во всѣхъ степеняхъ церковной іерархіи. Поэтому слѣдуетъ разсмотрѣть: a) суды епископовъ и b) суды монастырскіе.

Епископу судъ принадлежалъ на трехъ основаніяхъ: во-первыхъ, какъ духовному начальнику епархіи, въ качествѣ перваго

---

[191]) А. А. Э. т. III. №№ 14, 71, 85, 191.

пастыря; во-вторыхъ, въ качествѣ начальника надъ духовенствомъ въ гражданскомъ свѣтскомъ отношеніи; и въ третьихъ, какъ землевладѣльцу, надъ крестьянами епархіи. Въ первомъ отношеніи, т. е. какъ духовное лице, епископъ судилъ дѣла брачныя, дѣла между родителями и дѣтьми, преступленія въ нѣдрахъ семейнаго союза и противъ чистоты и нравственности, и дѣла о наслѣдствѣ. Кромѣ того, епископъ судилъ извѣстныя лица: все духовенство и всѣхъ людей, питавшихся на счетъ церкви. Духовенство, въ духовныхъ дѣлахъ, т. е. по дѣламъ церкви, не подлежало никакому другому суду, кромѣ самаго епископа или какого другаго духовнаго лица, по его порученію. Стоглавъ рѣшительно запретилъ митрополиту отдавать эти дѣла на разсмотрѣніе своихъ бояръ. Если онъ самъ не могъ заняться обсужденіемъ дѣла, то долженъ былъ поручить ихъ сарскому и подонскому владыкѣ. Послѣдній судилъ не одинъ, но вмѣстѣ съ соборомъ архимандритовъ и игуменовъ. Изъ свѣтскихъ лицъ на судѣ могъ быть только одинъ писарь, для записыванія дѣла. Вызовъ къ суду въ этомъ случаѣ происходилъ не черезъ недѣльщика, но посредствомъ святительскихъ грамотъ, въ которыхъ назначался срокъ для явки къ отвѣту, или для присылки за себя повѣреннаго. Недѣльщикъ посылался только въ случаѣ неявки въ назначенный срокъ. Поле и крестное цѣлованіе были устранены изъ этого суда. Если митрополитъ не судилъ лично, то рѣшеніе постановлялось соборно. Затѣмъ докладной списокъ представлялся митрополиту и происходилъ обыкновенный обрядъ допроса истцамъ: таковъ ли имъ былъ судъ? Но здѣсь это было простою формальностію, потому что допросъ не могъ имѣть никакого результата, по крайней мѣрѣ, со времени Стоглава, гдѣ сказано: «А по которому судному списку передъ митрополитомъ обои истцы не такнутъ, или одинъ изъ нихъ раздеретъ, ино тому не вѣрити, а вѣрити владыцѣ, который судилъ». Митрополиту съ соборомъ принадлежалъ духовный судъ и надъ епископами.

Но кромѣ духовныхъ дѣлъ судъ надъ духовенствомъ принадлежалъ епископамъ и на другомъ основаніи. Духовенство и жители епархіи находились къ своему епископу почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ вообще мірскіе люди находились къ

своему князю. Они платили ему подать, называвшуюся десятиною, по аналогіи съ тѣмъ сборомъ, который предоставилъ духовенству св. Владиміръ. Въ отношеніи къ этой подати епархіи раздѣлялись на округи, называвшіеся, по имени сбора, тоже десятинами. Эти десятины, едва ли не соотвѣтствовали уѣздамъ, ибо мы встрѣчаемъ названія: Володимірская, Нижегородская, Ржевская десятина. По видимому округъ приписывался къ одной какой нибудь церкви, потому что въ одной жалованной грамотѣ сказано: «Ржевская Богородицкая десятина». Завѣдываніе епархіею не всегда влекло за собою власть надъ всѣми десятинами въ финансовомъ и гражданско-судебномъ отношеніи. Послѣдняя могла принадлежать и не епископу. Подобный примѣръ видимъ мы въ упомянутой Ржевской десятинѣ. До митрополита Геронтія она вся принадлежала митрополіи; Геронтій уступилъ половину ея, по просьбѣ великой княгини Марѳы, сыну ея князю Борису Васильевичу, и за ту десятину положилъ только по пяти рублей оброка, «чтобъ та церковная десятина впередъ въ забвеніи не была»; судъ надъ духовенствомъ въ гражданскихъ и духовныхъ дѣлахъ остался за митрополитомъ. При Великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ, эта половина Ржевской десятины оставалась сначала въ свѣтскомъ вѣдомствѣ и была даже отдаваема въ кормленіе; но потомъ, по просьбѣ митрополита Іосафа, была ему возвращена, а протопопу государь за десятину давалъ деньги и ругу. Царь Иванъ Васильевичъ опять взялъ ее у митрополита и отдалъ протопопу, а потомъ снова возвратилъ ее митрополиту Аѳонасію. Въ чисто-церковномъ отношеніи главою духовенства десятины былъ, кажется, протопопъ главной церкви. Въ финансовомъ отношеніи ея начальникомъ былъ особый чиновникъ, десятинникъ, который сбиралъ подать на епископа. Десятинной подати подлежали вообще міряне и въ томъ числѣ свѣтскіе подданные духовенства. Духовенство подлежало другимъ сборамъ. Оно платило: во первыхъ, дань и пошлины; во вторыхъ, кормы самому десятиннику и его тіуну и доводчику. Обычай посылать десятинниковъ произошелъ, вѣроятно, въ слѣдствіе необходимости надзирать за духовными дѣлами епархіи; но въ послѣдствіи собираніе дани сдѣлалось, кажется, главнымъ ихъ назначеніемъ. Кромѣ десятины и дани, они принимали отъ священниковъ вѣнечныя

и другія пошлины, сбираемыя съ міряпъ за разныя церковныя дѣйствія, какъ-то: выдачу знамени, т. е. разрѣшенія на бракъ или похороны, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ они и судили; но, какъ лица свѣтскія, не духовныя дѣла, а гражданскія. Міряне подлежали ихъ суду по тѣмъ гражданскимъ дѣламъ, которыя, уставомъ св. Владиміра, были предоставлены церкви, т. е. по ряднымъ и по духовнымъ. Духовенство они судили во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, не выходившихъ изъ предѣловъ сословія, т. е. по ряднымъ, духовнымъ и кабаламъ, въ бояхъ и грабежахъ. Въ духовныя дѣла десятинникъ не вступается Если ему подана жалоба по дѣлу этаго рода, то онъ назначаетъ тяжущимся срокъ для явки на судъ епископа. Если десятинникъ затруднялся рѣшеніемъ дѣла, то долженъ былъ доложить епископу.

Для собиранія дани десятинники до половины XVI вѣка разъѣзжали по своей десятинѣ. При этомъ они останавливались въ домахъ духовенства, и всѣ окружные священники, діаконы и причетники должны были къ нимъ являться. Эти объѣзды были для духовенства очень тяжки, тѣмъ болѣе, что десятинники судили не только епархіальное духовенство, но и принадлежащихъ ему крестьянъ, слѣдовательно нарушали полноту права собственности. Поэтому не только свѣтская власть освобождала монастыри и церкви отъ подсудности епископскимъ чиновникамъ, но сами епископы нерѣдко давали подобныя привиллегіи низшему духовенству, подчиняя ихъ одному собственному суду и предоставляя архимадритамъ и игумнамъ судъ надъ монастырскими старцами и крестьянами. До какой степени низшее духовенство смотрѣло враждебно на десятинниковъ, особенно видно изъ любопытнаго посланія митрополита Іоны къ верейскому князю Михаилу Андреевичу. Митрополитъ жалуется, что въ Вышгородѣ попъ съ городскими людьми избили до полусмерти его десятинника, конюшаго боярина Юрья, который по его жалованью поѣхалъ по десятинѣ, и остановился у попа на подворьѣ. Такіе факты объясняютъ, почему вслѣдъ за реформою въ свѣтскомъ управленіи, сдѣланною Судебникомъ, Стоглавъ вноситъ тѣ же преобразованія и въ духовное вѣдомство. Мѣра, къ которой прибѣгнулъ соборъ 1551 года, была подобна принятой въ свѣтской областной администраціи. Велѣно было каждой сотнѣ священ-

никовъ выбрать изъ среды своей одного поповскаго старосту, а ему назначить пятидесятскихъ и десятскихъ священниковъ для наблюденія какъ за церковными дѣлами, такъ и за благосостояніемъ духовенятва. Эти выборныя лица совершенно устранили десятинниковъ отъ внутреннихъ дѣлъ каждой десятины. Они должны были собирать по окладнымъ книгамъ дань и пошлины и доставлять ихъ десятинникамъ; засѣдая на судѣ послѣднихъ, они напоминали имъ объ ихъ обязанностяхъ и доносили государю о всякихъ злоупотребленіяхъ. Вмѣстѣ съ ними на судѣ десятинниковъ присутствовали мѣстные приходскіе священники. Стоглавомъ же опредѣленъ и внутренній порядокъ суда. Духовныя лица отдаются недѣльщикамъ на поруку передъ поповскими старостами и десятскими священниками, а мірскіе люди передъ земскими старостами. Высшее духовенство вызывается къ суду не черезъ приставныя памяти, а чрезъ посыльныя грамоты. Недѣльщикъ и въ этомъ случаѣ посылается только въ слѣдствіе неявки. Учрежденія Стоглава должны были имѣть всюду примѣненіе, тѣмъ болѣе, что объ этомъ были посланы окружныя грамоты; но, кажется, что этого не было, ибо мы видимъ, что въ XVII вѣкѣ лопскіе погосты доставляли церковную дань черезъ новгородскаго воеводу, а съ 1649 года митрополитъ снова началъ посылать туда десятинниковъ.

Десятинникъ держалъ тіуновъ и доводчиковъ. Для письмоводства, со времени Стоглава, избирался земскій дьячекъ. Кромѣ десятинниковъ епископъ и самъ имѣлъ тіуновъ. О различіи ихъ съ десятинниками сказать трудно; но едва ли это не былъ начальникъ церковнаго управленія, поставленный епископомъ, ибо въ источникахъ видно, что на тіуновъ возлагаются церковныя распоряженія.

Такимъ образомъ, только дѣла гражданскаго управленія ввѣрялись епископами свѣтскимъ ихъ чиновникамъ. Въ сферѣ чисто-церковной епископъ всегда дѣйствовалъ самъ или посредствомъ лицъ, принадлежащихъ къ церковной іерархіи. Каждое управленіе стояло отдѣльно. Но такъ могло быть только въ томъ случаѣ, когда епископъ управлялъ одною областію. Если же онъ завѣдывалъ нѣсколькими областями, то самая обширность епархіи препятствовала какъ личному управленію церковными дѣла-

ми, такъ и непосредственному наблюденію за десятинниками. Поэтому въ тѣхъ областяхъ, гдѣ епископъ не могъ находиться постоянно, онъ держалъ своихъ намѣстниковъ. Такъ, митрополитъ держалъ намѣстниковъ въ Кіевѣ и во Владимірѣ, а новгородскій архіепископъ въ Псковѣ. Намѣстникъ назначался изъ числа архимандритовъ и игуменовъ. Онъ былъ главою епархіи во всѣхъ отношеніяхъ: вѣдалъ церковныя дѣла, ставилъ священниковъ и діаконовъ, судилъ духовенство по дѣламъ всякаго рода и собиралъ на епископа пошлины. Назначеніе намѣстника происходило посредствомъ выдачи ему жалованной грамоты. Къ его предшественнику посылалась грамота объ его смѣнѣ.

Кромѣ этого управленія, основаннаго на епископской власти епархіальнаго начальника, каждый іерархъ имѣлъ еще другое, для завѣдыванія церковными крестьянами. Эти крестьяне, называвшіеся владычными, отличались отъ монастырскихъ даже и въ томъ случаѣ, когда послѣдніе платили дань въ пользу епископа. Надъ монастырскими крестьянами епископъ имѣлъ только право верховнаго господства, подобное праву князей на крестьянъ помѣщиковъ и вотчинниковъ Собственно помѣщичье управленіе принадлежало начальникамъ монастырей. Напротивъ, владычные крестьяне находились въ хозяйственномъ управленіи епископа. Поэтому они и не подлежали обыкновенному суду десятинниковъ, но судились и управлялись своими особыми начальниками. Общее названіе этихъ начальниковъ есть приказные люди. Частныя названія они заимствовали отъ своихъ присудовъ: управлявшій волостью назывался волостель, управлявшій селомъ—прикащикъ и т. д. Въ качествѣ землевладѣльцевъ епископы подлежали обыкновенному областному управленію, хотя и не лично: областные правители судили ихъ приказныхъ людей и крестьянъ. Но большею частію волости и села епископовъ были избавлены отъ вмѣшательства намѣстниковъ и воеводъ. Въ такомъ случаѣ владѣльческій судъ надъ крестьянами былъ предоставленъ приказнымъ людямъ епископа; дѣла крестьянъ съ лицами другихъ вѣдомствъ они судили судомъ смѣстнымъ; но сами подлежали обыкновенно не суду епископа, а суду государя. Владѣнія епископовъ были очень обширны. Они раздавали изъ числа ихъ помѣстья своимъ боярамъ.

Высшее центральное управленіе по дѣламъ всякаго рода епископъ раздѣлялъ съ своими боярами. Эти бояре, иногда преемственно, отъ отца къ сыну, служили епископамъ и составляли цѣлые роды святительскихъ бояръ Если у епископа умиралъ бояринъ или дворецкій, то преемникъ ему избирался изъ этихъ родовъ. Стоглавъ запрещаетъ епархіальному начальству самовольно, безъ государева вѣдома, удалять отъ службы бояръ, если послѣдніе не были уличены въ явной несправедливости на судѣ и въ посулахъ. Если боярскій родъ прекращался, то святители должны были обсылаться съ государемъ, который, по ихъ указанію, назначалъ къ нимъ бояръ изъ другихъ родовъ. Назначить новыхъ бояръ безъ царскаго вѣдома они не имѣли права. Точно также назначались и дьяки. По Стоглаву, бояре судили всякія дѣла, а на судѣ у нихъ сидѣли поповскіе старосты съ десятскими священниками или съ земскими старостами, смотря по роду дѣла. Эти старосты прикладывали руки къ судному списку. Докладъ требовался непремѣнно, и безусловнаго довѣрія къ судьѣ, какое мы видимъ на судѣ духовномъ, здѣсь не было. Если истцы не подтверждали содержанія докладнаго списка, то епископъ долженъ былъ произвести изслѣдованіе. Въ XVI вѣкѣ еще не существовали, кажется, многочисленные епископскіе приказы. По запискѣ о царскомъ дворѣ 1610 года всѣ, дѣла распредѣлялись у епископовъ между двумя лицами: дворецкимъ, который былъ судьею, и казначеемъ, завѣдывавшимъ архіерейскою казною. Во второй четверти XVII вѣка уже встрѣчаются названія приказовъ: Дворцоваго, завѣдывавшаго церковными дѣлами, Казеннаго, управлявшаго финансовою частію. У патріарховъ былъ разрядъ, который завѣдывалъ гражданскими дѣлами и отчасти судными [192]).

---

[192]) Дополненія къ А. И. т. I, N 1: А, И. т I, N 155. А. А. Э. т. I, N 105; т. III, N 109; А. И. т. I, NN 170, 181, 197, 231—241. — Дополненія къ А. И. т. I, NN 202, 214. А. И. т. I, N 50, А. А. Э. т. I, NN 231, 232, т. IV, N 42.—А. И. т. I, NN 42, 48, 259, 260, 284.— А. А. Э т. I, N 9. А. И. т. I, N 200. А. А. Э., т. I, NN 45, 74; т. III, N 174. А. И, т. I, NN 183, 185, 186, 196, 202; т. II, NN 30, 83, 191, 330; т. III, N 191. — А. И. т. II, N 355. А. А. Э. т. III, NN 166, 176, 178. А. И. т. II, N 175.

Другой родъ церковныхъ судовъ составляютъ суды монастырскіе. Эти суды можно раздѣлить на собственно монастырскіе, т. е. между братіею монастыря, и суды владѣльческіе, надъ крестьянами Хотя, разумѣется, всякой начальникъ монастыря, какъ лице, наблюдающее за внутреннимъ порядкомъ обители, имѣлъ право суда надъ своею паствою, однако братія монастыря тѣмъ не менѣе подлежали и суду десятинниковъ, ибо въ архіерейскихъ грамотахъ монастырямъ судъ надъ черноцами всегда предоставляется игумену въ качествѣ привиллегіи. Какъ разграничивались вѣдомства монастырскаго начальника и епископскаго чиновника, рѣшить навѣрное невозможно; но вѣроятно, что послѣднему принадлежалъ судъ по гражданскимъ дѣламъ монаховъ, а первому судъ въ дѣлахъ церковныхъ.—Однако большею частію внутренняя монастырская расправа всегда принадлежала начальнику обители. Способъ назначенія архимандритовъ и игуменовъ представляетъ много разнообразія. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ начальникъ избирался соборомъ иноковъ и потомъ, по просьбѣ монастыря, получалъ утвержденіе; въ другихъ къ выбору приступали уже въ слѣдствіе царскаго указа, большею частію присланнаго изъ Приказа Большаго Дворца, и сообщеннаго чрезъ епархіальное начальство. Были и такіе монастыри, въ которыхъ игуменъ не были выбираемъ, а назначался царемъ или патріархомъ. Иногда игумена назначали изъ числа братіи другаго монастыря, иногда и выборъ собора падалъ на чужаго постриженника. При назначеніи архимандрита, игумна или строителя, когда оно происходило совершенно правильно, государь посылалъ своихъ приказныхъ людей описывать монастырскую казну и сдавать ее по описи новому начальнику. Въ иныхъ монастыряхъ тоже самое исполнялось епископомъ. Иногда монастырь жаловался какому нибудь лицу. Это бывало обыкновенно съ запустѣвшими обителями, т. е съ такими, изъ которыхъ, по какимъ нибудь причинамъ, разошлись всѣ монахи. Такъ въ 1618 году пустой Васильевскій монастырь, въ Обонежской пятинѣ, былъ пожалованъ братіи разореннаго непріятелями Валаамскаго монастыря. Во вновь устроенныя монастыри начальникъ назначался по волѣ основателей. Если обитель учреждалась какимъ нибудь монахомъ, то онъ же становился и игуменомъ; если же она была учреждена жителями города, то началь-

никъ избирался ими. Такъ, въ 1580 году жители города Хлынова прислали черезъ земскихъ судей въ Москву челобитную, въ которой просили разрѣшенія поставить у себя монастырь, потому «что вятскіе городы отъ московскихъ городовъ удалѣли», монастыря же во всей Вятской землѣ нѣтъ, и «сверстнымъ и увѣчнымъ людямъ постригатися негдѣ.» При этомъ они указывали на старца, котораго выбрали въ игумны. Государь согласился на ихъ желаніе.—Судебная и вообще начальническая власть игумна была иногда довольно неограничена. Еще въ началѣ XVII вѣка, находимъ мы жалобу Чердынскаго Богословскаго монастыря, что строитель ихъ «старецъ Трифонъ... многія монастырскія вотчинныя земли... воровствомъ распродалъ, а иныя въ закладъ заложилъ, и монастырь опустошилъ». Но уже съ XV вѣка пастыри церкви и московское правительство старались ввести въ монастыри общежительство. Въ архіерейскихъ уставныхъ грамотахъ игумену предписывалось жить чинно, по монашески, а «не властельски выситись». Игуменъ не долженъ былъ управлять обителью одинъ, но вмѣстѣ съ монастырскимъ соборомъ, состоявшимъ изъ келаря, казначея и трехъ или четырехъ соборныхъ старцевъ, избранныхъ изъ среды своей братіею. Съ ними вмѣстѣ глава монастыря вѣдалъ всякія дѣла, какъ церковныя, такъ и гражданскія. Въ XVII вѣкѣ это направленіе усилилось. Монастыри стали получать особенное устройство, съ цѣлію дать общежительству болѣе прочный характеръ. Такъ, въ 1640 г царскимъ указомъ введенъ въ Спасо-Евфимьевъ монастырь слѣдующій порядокъ управленія. Монастырскія дѣла раздѣлены между архимандритомъ и келаремъ. Первому поручены церкви Божіи и всякая церковная казна: образа, ризы, сосуды и книги. Второй долженъ завѣдывать монастырскимъ строеніемъ, вотчинами и денежною казною. Судъ какъ между монахами, такъ и между монастырскими слугами и крестьянами порученъ келарю; но большія судныя и сыскныя дѣла онъ долженъ былъ вершить съ архимадритомъ, казначеемъ и соборными старцами; если же котораго дѣла они одни рѣшить не могутъ, то должны отдать его на разсмотрѣніе всего чернаго собора и рѣшить по совѣту со всею братіею. Такимъ образомъ общежительство получило въ XVII вѣкѣ юридическій характеръ. Исполнительная власть въ монастыряхъ ввѣрена только двумъ

лицамъ: архимандриту и келарю, но подъ надзоромъ особеннаго, малаго собора, съ разрѣшенія котораго предпринимались всѣ новыя распоряженія, а этотъ соборъ поставленъ въ нѣкоторую зависимость отъ большаго чернаго собора При такомъ устройствѣ въ опредѣленіи способа принесенія жалобы на монастырскихъ начальниковъ не было большой необходимости. По этому, вѣроятно, мы и не находимъ въ нашихъ источникахъ узаконеній объ этомъ предметѣ. Изъ дошедшихъ до насъ челобитныхъ видно, что жалоба всегда приносилась тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣли монастыри, т. е. по церковнымъ дѣламъ епископу, по гражданскимъ десятиннику или приказу, а иногда тоже епископу, смотря по содержанію жалованныхъ грамотъ.

Монастыри иногда зависѣли одинъ отъ другаго. Тѣ, которые находились въ зависимости, назывались приписными. Цѣлью приписанія одного монастыря къ другому была защита, которую сильная обитель могла оказывать слабой. Такъ въ 1632 г. опустѣвшій Богословскій монастырь въ Чердыни жаловался Приказу Большаго Дворца на обиды отъ стороннихъ людей. Положеніе было тяжелое: монастырскими вотчинами завладѣли насильствомъ сторонніе люди, крестьяне отъ обидъ разбрелись, а оберегать монастырь было не кому, потому что послѣдній строитель былъ переведенъ въ другой монастырь въ архимандриты, а новаго не было назначено, и съ тѣхъ поръ монастырь оставался пустой, братья большею частію разошлись, не было даже чернаго священника, и церковь стояла безъ пѣнія. Оставшіеся старцы просили государя приписать ихъ монастырь къ Троице-Сергіевской лаврѣ, потому что при Соли Каменной былъ троицкій соляный промыслъ, и старцы жили тамъ безпрестанно. Въ слѣдствіе этого челобитья чердынской монастырь былъ приписанъ къ Троицкому, которому было велѣно оберегать слугъ и крестьянъ чердынскихъ и вѣдать всякія монастырскія дѣла. При этомъ, разумѣется, главный монастырь распоряжался въ приписномъ, какъ у себя дома. О степени судебной зависимости ничего неизвѣстно.

Относительно своихъ крестьянъ монастырь пользовался правомъ владѣльческаго суда. Для управленія монастырскими имѣніями, игуменъ назначалъ прикащиковъ, изъ числа старцевъ и слугъ. Въ эту же должность назначался и келарь, пока онъ не

получилъ въ монастырѣ особаго значенія. Прикащикъ, называвшійся иногда посельскимъ, назначался съ двоякою цѣлію: вопервыхъ, онъ кормился съ данной ему вотчины, во вторыхъ, завѣдывалъ ею въ хозяйственномъ отношеніи. Въ XVI вѣкѣ главною цѣлью было, кажется, первое, а въ XVII второе. Прикащикъ при своемъ назначеніи получалъ жалованную грамоту, которая имѣла форму послушной или ввозной: въ ней предписывалось крестьянамъ чтить и слушать прикащика, даваться ему подъ судъ и платить ему кормы и пошлины, по стольку-то съ дыма. Порядокъ управленія опредѣлялся въ XVI вѣкѣ уставными грамотами, которыя монастыри давали своимъ крестьянамъ, а въ XVII вѣкѣ наказами. Между уставными грамотами и наказами есть большое различіе: первыя опредѣляютъ случаи и количество пошлинъ, платимыхъ крестьянами; вторые, напротивъ, касаются всего хозяйственнаго управленія, и опредѣляютъ, надъ чѣмъ именно долженъ надзирать прикащикъ. Прикащикъ былъ иногда вмѣстѣ съ тѣмъ доводчикомъ и управлялъ цѣлымъ ключемъ, но были и такіе, которые не носили этого званія. Что означалъ доводъ или ключъ, можно вывести изъ сличенія слѣдующихъ извѣстій: въ той же уставной грамотѣ крестьянамъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря 1593 г., въ которой упоминается о доводахъ, сказано, что доводчикъ получаетъ ѣздъ и хоженое, слѣдовательно онъ вызывалъ къ суду. Въ другой уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, 1547 года, доводчику предписано въ случаѣ дѣла между монастырскими и волостными крестьянами, слѣдовать за первыми на Выгоозеро и беречь ихъ въ судѣ передъ волостелемъ накрѣпко. Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ можно заключить, что доводчикъ былъ такой монастырскій чиновникъ, который вызывалъ крестьянъ на судъ въ монастырь и защищалъ ихъ въ судѣ передъ свѣтскими начальниками. Судебная власть прикащиковъ простиралась на однихъ крестьянъ, но иногда крестьяне получали право приносить своему же прикащику жалобы на доводчика и монастырскихъ слугъ. Въ однихъ уставныхъ грамотахъ прикащику позволено судить безъ всякаго ограниченія по цѣнѣ иска, а въ другихъ судебная власть его ограничена пятью рублями. Выше пяти рублей дѣло поступаетъ въ монастырь. Жалоба на прикащика подается туда же. Таково было

обыкновенное управленіе въ монастырскихъ вотчинахъ. Но когда владѣнія монастыря были очень обширны, тогда въ нихъ учреждались высшіе, центральныеначальники. Такъ, въ Сумской волости, принадлежавшей Соловецкому монастырю, былъ тіунъ, имѣвшій *верховное* наблюденіе надъ всѣми селами ввѣренной ему волости. Всѣ волостные крестьяне платили ему кормъ, доставлявшійся къ Сумскому старостѣ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ крестьяне обращались прямо къ нему, мимо низшихъ своихъ начальниковъ, напр. когда надобно было принести жалобу на выборныхъ окладчиковъ. Тіунъ судилъ крестьянъ разныхъ селъ, и вызывалъ къ себѣ на судъ посредствомъ бирича; но сумскій биричъ и его люди должны были, прежде вызова, объявить о дѣлѣ, для котораго присланы, сельскому прикащику, священнику и десятскому. Расправа въ селахъ была предоставлена прикащикамъ. Жалоба на послѣднихъ, вѣроятно, подавалась тіуну. Въ вотчинахъ суздальскаго Покровскаго женскаго монастыря въ 1632 г. было общее центральное управленіе, сосредоточенное въ монастырской съѣзжей избѣ, бывшей въ вѣденіи особаго чиновника. Въ эту съѣзжую избу или съѣзжій дворъ поступали отчеты всѣхъ монастырскихъ вотчинъ, отсюда посылали въ села прикащиковъ и выдавали имъ наказы. Прикащикъ судилъ только до пяти рублей; дѣло, превышающее эту сумму, онъ обязанъ былъ отослать въ съѣзжую избу; туда же поступала и жалоба на него.—Со временъ Стоглава каждый монастырскій судья судилъ при земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ, иногда также при сельскомъ священникѣ. Дѣло записывалъ земскій дьячекъ По жалобѣ постороннихъ лицъ прикащика судило то лицо, которымъ отданъ былъ монастырю владѣльческій судъ надъ крестьянами, т. е. или епископъ, или государь или какой нибудь судъ, назначенный государемъ, большею частію введенный бояринъ, дворецкій или Приказъ Большаго Дворца.

Отъ XV вѣка дошли до насъ жалованныя грамоты монастырей, которыми ихъ крестьяне освобождались вполнѣ или до нѣкоторой степени отъ управленія соборныхъ старцевъ. Такъ, въ 1590 г монастырскій соборъ Троице-Сергіевской лавры далъ своимъ кинешмскимъ крестьянамъ жалованную грамоту, по которой запрещалось въѣзжать къ нимъ соборнымъ старцамъ; все управленіе

ввѣрено самимъ крестьянамъ, безъ всякихъ, впрочемъ, опредѣленій объ этомъ предметѣ. Въ томъ же году и такая же почти привиллегія дана крестьянамъ Вохонской волости. Монастырь не обѣщаетъ не назначать въ Вохну прикащиковъ; но если прикащикъ будетъ присланъ, то онъ не долженъ нарушать жалованной грамоты, не мѣшается во внутренній распорядокъ волости и жалованье получаетъ уменьшенное.

О внутреннемъ устройствѣ суда въ тѣхъ вотчинахъ, которыя принадлежали отдѣльнымъ церквамъ и соборамъ, извѣстно только, что причетъ былъ судимъ протопопомъ, а крестьяне прикащикомъ[193]).

Послѣдній видъ владѣльческаго суда составлялъ судъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Расправа въ каждой волости ввѣрена была прикащикамъ, а жалоба на нихъ подавалась землевладѣльцу. Также судили и тѣ лица неслужилаго сословія, которыя, какъ напр. Строгановы, были землевладѣльцами. У богатыхъ людей, напр. у Бориса Годунова, при царѣ Θедорѣ Ивановичѣ, въ домахъ были приказы, и всѣ распоряженія дѣлались черезъ приказныхъ людей, которымъ были подчинены непосредственные начальники селъ и деревень. — Замѣчательно, что, при владѣльческомъ характерѣ центральнаго управленія, управленіе мѣстное было иногда въ этомъ случаѣ земскимъ, выборнымъ. Такъ, крестьяне Вельскаго Стана, принадлежавшіе боярину Годунову, судились между собою посредствомъ земскихъ судей, имѣли старостъ и цѣловальниковъ, а въ дѣлахъ, превышавшихъ власть волостныхъ начальниковъ, зависѣли отъ приказныхъ людей боярина.

Къ той же категоріи, принадлежитъ судъ Касимовскихъ царей, опредѣленный жалованною грамотою царю Араслану, 1621 г. октября 16-го.—Касимовскимъ царямъ предоставленъ былъ прежде судъ надъ всѣми касимовскими князьями, мурзами и та-

---

[193]) А. А. Э. т. I, NN 40, 105.—А. И. т. I, N 37, т. III, N 189.—А. А. Э. т. III, N 337.—А. Ю. NN 381—383.—А. И. т. I, N 158. А. А. Э. т. III, NN 96, 202, т. I, N 305. — Исторія Россіи, Соловьева, т. V, стр. 263—266. А. И. т. I, N 292. А. А. Э. т. III, N 298.—А. И. т. I, N 242. А. А. Э. т. III, N 120, т. I, NN 221, 357. А. Ю. N 334. — А. А. Э. т. I, NN 258, 268; т. III, N 217;—т. I, N 348; т. II, NN 16, 62, 161; т. III, N 67.

тарами царскаго двора и Сеитова полка, а также и надъ посадскими людьми города Касимова. Воеводы не судили этихъ людей ни въ чемъ, кромѣ разбоя и татьбы съ поличнымъ; а судили только касимовскихъ дѣтей боярскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ людей и татаръ Касимовскаго уѣзда. Иски стороннихъ людей противъ подсудныхъ царю Араслану предъявлялись въ Москвѣ, въ Посольскомъ приказѣ. Въ 1621 г. привиллегія была измѣнена: судъ надъ князьями, мурзами и татарами Сеитова полка отнятъ у царя Араслана и переданъ касимовскому воеводѣ, который однако отсылаетъ къ царю собранныя съ нихъ пошлины. Люди царя Араслана лишены права суда и присутствуютъ на судѣ воеводы только для полученія пошлинъ. Царю Араслану оставленъ только судъ надъ его дворовыми татарами и посадскими людьми. Но и они обращаются къ воеводѣ въ искахъ противъ тѣхъ людей, которые ему подсудны. Кромѣ того, они могутъ обратиться къ воеводѣ и въ томъ случаѣ, когда царь не даетъ имъ управы. Воевода долженъ тогда ходить къ царю и говорить ему, чтобъ управа была безволокитна.

Къ сословнымъ судамъ, кромѣ суда церковнаго, принадлежалъ еще отчасти судъ стрѣлецкихъ головъ.—Стрѣлецкіе головы судили иногда стрѣльцевъ во всѣхъ дѣлахъ, даже и уголовныхъ, иногда судили послѣднія дѣла вмѣстѣ съ воеводами, иногда вовсе были удалены отъ губныхъ дѣлъ. Иски постороннихъ людей на стрѣльцахъ предъявлялись имъ же, а иски стрѣльцевъ на постороннихъ людяхъ воеводѣ. Отъ воеводъ большею частію они были независимы, но иногда воевода составлялъ высшую инстанцію. Такъ, по наказу 1646 г., архангельскій стрѣлецкій голова о тѣхъ судныхъ и сыскныхъ дѣлахъ, которыхъ самъ не могъ рѣшить, докладывалъ воеводѣ; но изъ нихъ большія дѣла посылалъ прямо въ Приказъ. Что въ этомъ случаѣ почиталось большимъ дѣломъ, неизвѣстно. Доклады головъ, а слѣдовательно и жалобы на нихъ, большею частію поступали въ Стрѣлецкій Приказъ, но иногда и въ Областной, напр. въ Новгородскую четверть [194]).

[194]) См. примѣчаніе 183.—А. А. Э. т. I, N 361. С. Г. Г. т. III. N 58.—А. А. Э. т. III, NN 34, 167. Дополненія къ А. И. т. III, N 16.

Жалованныя грамоты не были такими привиллегіями, которыя бы вовсе не допускали исключеній, по крайней мѣрѣ до XVI вѣка.—Въ нѣкоторыхъ изъ грамотъ мы встрѣчаемъ такую оговорку, которой помѣщеніе ясно доказываетъ, что безъ нея князья предоставляли себѣ право дѣлать отступленія отъ ими же данныхъ привиллегій: «а на которые грамоты свои грамоты даю, а на сю мою грамоту иные моее грамоты нѣтъ», или: «а кому дамъ свою грамоту жалованную на грамотчики, а на сю грамоту иные грамоты нѣтъ». Относились ли иногда изъятія изъ привиллегій къ суду гражданскому, въ точности мы не знаемъ, но порученіе дѣла некомпетентному судьѣ посредствомъ судимой грамоты могло, между прочимъ, быть подразумѣваемо въ этомъ случаѣ. Подтвержденіе жалованныхъ грамотъ происходило при каждомъ возшествіи на престолъ, и, разумѣется, въ древней Руси это не было простымъ обрядомъ. Нарушеніямъ привиллегій не было конца. На грамотчиковъ смотрѣли враждебно всѣ непривиллегированные, и даже сама администрація, у которой каждая грамота отнимала часть дохода. До насъ дошли рѣзкія, выразительныя челобитныя. Такъ, въ 1642 г. городовые дворяне и дѣти боярскіе жаловались царю Михаилу Ѳедоровичу, что имъ нѣтъ житья отъ тяглыхъ людей, живущихъ въ закладчикахъ за монастырями и сильными людьми, а воеводы не даютъ суда въ ихъ насильствахъ, потому что ихъ по городамъ судить не велѣно. Въ 1592 г. одинъ изъ старцевъ новгородскаго Кириллова монастыря билъ челомъ государю на игумна и монастырскій соборъ, которые самовольно и незаконно распоряжались монастырскою казною, а монаховъ, старавшихся удержать ихъ отъ безчинства, сажали въ желѣза и били по девяти дней на правежѣ. Въ концѣ просьбы челобитчикъ такъ изображаетъ положеніе старцевъ: «А бити на нихъ, государь, челомъ не мочно, откупаютца твоею жъ государевою казною; а мы люди нищіе, тягатися съ ними ничимъ; и мы, государь, скитаемся отъ своего обѣщанья и ото вкладовъ, по чюжимъ обителемъ и посямѣстъ» Но читая эти челобитныя не должно думать, чтобъ, при возможности такихъ злоупотребленій, сами грамотчики не страдали иногда отъ нарушеній жалованныхъ грамотъ. Особенно много жалобъ дошло до насъ отъ монастырей. Ихъ привеллегіи нерѣ-

дко нарушали чиновники епархіальныхъ начальниковъ. Такъ, въ 1595 г. Николаевскій монастырь на Двинѣ жаловался, что десятинникъ бралъ съ него кормы сильно, безъ митрополичьяго указа: отъ его насильства монастырекъ пустѣетъ, черные попы не живутъ, и церковь стоитъ безъ пѣнія. Такую же челобитную подалъ въ 1627 г. строитель новгородскаго Архангельскаго монастыря на десятинника и городоваго прикащика, которые становились у него въ монастырѣ, брали кормы, не пропускали въ ворота даромъ, и насильно судили старцевъ. Но еще болѣе находимъ мы жалобъ на свѣтское управленіе, намѣстниковъ, воеводъ и приказныхъ людей. Правительство безпрестанно разсылало грамоты о ненарушеніи привиллегій. Между насильствами областныхъ правителей первое мѣсто занимало незаконное притягиваніе на судъ. Любопытны тѣ предлоги, къ которымъ прибѣгали иногда, чтобъ оправдать нарушеніе жалованныхъ грамотъ. Въ 1606 г., напр., Троице-Сергіевъ монастырь жаловался царю Василію Ивановичу Шуйскому, что «у нихъ старые жаловальные грамоты... бояре и воеводы.... и всякіе.... приказные люди порудили, потому что у нихъ старые жаловальные грамоты ветхи». Отсюда понятно, какъ иногда переписать грамоту на имя новаго государя было необходимо. Случалось, что и само правительство измѣняло свой взглядъ на жалованныя грамоты, и потому перемѣняло образъ дѣйствія относительно грамотчиковъ. Такъ, когда при в. к. Василіѣ Ивановичѣ братъ его князь Юрій Дмитровскій просилъ митрополита Даніила не нарушать привиллегій Пѣсношскаго монастыря, то митрополитъ отвѣчалъ, что онъ и государь замѣтили неравенство въ обложеніи монастырей и церквей и, съ цѣлію сдѣлать уравненіе, послали ихъ описывать, а до тѣхъ поръ положили не давать никому церковныхъ грамотъ и брать со всѣхъ игумновъ и поповъ большую дань безъ различія. Стоглавъ и Судебникъ, какъ мы видѣли, старались ограничить число жалованныхъ грамотъ [195]).

—

[195]) А. А. Э. т. I, N 18. Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ, П. Иванова, М. 1850, стр. 236. А. Ю. N 26. А. И. т. I,

Переходимъ къ центральному судоустройству. Подобно областному, оно не скоро получило государственный характеръ. Смотря на свое управленіе съ точки зрѣнія по преимуществу финансовой, первые князья московскіе поручали дѣла своего княжества тѣмъ или другимъ лицамъ на томъ же самомъ основаніи, какъ и дѣла своего хозяйства. Оттого вся древнѣйшая администрація носитъ характеръ исключительно личный. Постоянныхъ учрежденій до самаго XVI вѣка мы не встрѣчаемъ, и государь, обѣщая кому либо свою собственную расправу, прибавляетъ: «или кому я прикажу». Постояннаго завѣдыванія дѣлъ или земель однимъ учрежденіемъ или даже одною должностію тоже не видно. Нерѣдко въ жалованныхъ грамотахъ обѣщается расправа того дьяка, у котораго такая то земля будетъ въ приказѣ [196]). Но уже въ самомъ составѣ княжескаго двора заключалось условіе перехода къ другому, болѣе опредѣленному порядку управленія. Само собою разумѣется, что большую часть своихъ дѣлъ великій князь поручалъ ближайшимъ къ нему лицамъ. Такими лицами были казначей и дворецкій. Естественно, что большая часть порученныхъ имъ дѣлъ переходила къ ихъ преемникамъ вмѣстѣ съ дворцовою должностію. Этимъ путемъ мало по малу образовались постоянныя вѣдомства, которыя, при обиліи дѣлъ, должны были впослѣдствіи составить приказы. Такъ какъ, при этомъ, каждому изъ княжескихъ чиновниковъ тѣ или другія дѣла поручались, разумѣется, сообразно съ главнымъ назначеніемъ его должности, то въ основаніи каждаго вѣдомства легло какое нибудь одно общее начало. Слѣды такого происхожденія приказовъ, мы находимъ еще въ Судебникѣ. Изъ этого памятника и дополнительныхъ къ нему указовъ мы видимъ, напр. что слѣдующія дѣла составляли вѣдомство казначеевъ: a) дѣла о долгахъ, b) о правежѣ, c) иски о сносѣ, d) иски между иногородцами и e) дѣла холопьи [197]). Мы знаемъ, что впослѣдствіи эти

N 242. А. А. Э. т. I, N 364. А. И. т. III, N 118. А. А. Э. т. III. N 316. А. И. т. III, N 70. А. Ю. N 362.—Описаніе Госуд. Архива Старыхъ Дѣлъ, стр. 251. А. И. т. I, N 129.

196) См. вообще жалованныя грамоты.

197) А. И. т. I, N 154, III, указъ 1555 г. мая 5; IV, указъ 1556 г.

дѣла были распредѣлены между разными приказами, слѣд. не можемъ видѣть въ сосредоточеніи этихъ дѣлъ въ однѣхъ рукахъ попытку къ установленію постоянной администраціи; но съ другой стороны, не можемъ не признать нѣкоторой системы въ отнесеніи этихъ дѣлъ къ одной должности. Еще болѣе исторически образовалось вѣдомство дворецкихъ. Мы знаемъ, что первоначальный составъ московскаго государства былъ, такъ сказать, механическій. Вошедшія въ него княжества долгое время не переставали составлять особое цѣлое. Поэтому и доходы съ каждаго изъ нихъ собирались отдѣльно. Сборъ ихъ поручался особому дворецкому. По общей системѣ того времени, всѣ дѣла этого княжества шли къ государю черезъ того дворецкаго, которому оно было поручено въ финансовомъ отношеніи, а вслѣдствіе этого и тяжбы привиллегированныхъ лицъ такой области поступали къ тому же дворецкому. Но рядомъ съ такимъ порученіемъ дѣлъ не лицу, а должности, мы видимъ и совершенно личныя порученія: нерѣдко то или другое дѣло поручалось какому-нибудь введеному боярину, вовсе не по роду его должности, а, вѣроятно, по соображенію съ временнымъ удобствомъ. При возрастающемъ обиліи дѣлъ изъ нѣкоторыхъ должностей возникли приказы. Въ первый разъ они упоминаются въ началѣ XVI вѣка, въ княженіе Василія Ивановича[198]). Однако было бы совершенно ошибочно думать, что вся приказная администрація возникла въ это время. Она далеко еще не опредѣлилась даже и въ эпоху втораго Судебника. Замѣтимъ, что самое слово «приказъ» въ царскомъ Судебникѣ не имѣетъ еще того техническаго значенія, какое оно получило впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ многихъ приказовъ въ это время еще не было, ибо мы видимъ, что въ рукахъ однихъ казначеевъ были такія дѣла, которыя потомъ были распредѣлены по разнымъ приказамъ, имѣвшимъ между собою очень не много общаго; такъ, иски о долгахъ вѣдались потомъ въ Судномъ приказѣ, дѣла холопьи и о сносѣ въ Холопьемъ и т, д.; собственно финансовое вѣдомство образовало

октября 11, VII, указъ 1558 г. декабря 25; XII, указъ 1559 г. сентября 1, XIV, указъ 1559 г. ноября 30.

[198]) А. А. Э. т. I, N 155. Исторія Россіи, Соловьева, т. V, стр. 430.

тоже отдѣльный приказъ—Казенный. Во все время своего существованія приказы продолжали образовываться, умножаться, стремиться къ болѣе правильному раздѣленію, соединяться и раздѣляться, смотря по административнымъ потребностямъ времени. Всѣхъ ранѣе образовались, кажется, финансовыя приказы, ибо для этого нужно было только, чтобъ хозяйственное управленіе государя потребовало для себя большаго числа лицъ.

Что касается до значенія центральной администраціи, то существуетъ мнѣніе, будто бы на всякое завѣдываніе приказомъ бояре смотрѣли, какъ на кормленіе, и что оно-то и было по большей части главною цѣлію при назначеніи ихъ къ приказнымъ дѣламъ [189]). Въ этомъ мнѣніи есть, конечно, своя доля правды, но съ нимъ нельзя однако безусловно согласиться. Правда, быть у приказныхъ дѣлъ считалось средствомъ нажиться, и въ самыхъ источникахъ можно найти нѣкоторое доказательство въ пользу такого взгляда на приказы. Напр., назначая намѣстниковъ и волостелей, правительство иногда подчиняло ихъ такимъ-то именно лицамъ, что могло быть дѣлаемо и съ тою цѣлію, чтобъ доставить послѣднимъ извѣстные доходы. Повытья, на которыя раздѣлялись приказы, называются въ Судебникѣ кормленіями. Пошлины до царя Бориса Годунова сбирались приказными судьями на себя. Наконецъ, самое различіе между царскимъ и боярскимъ судомъ едва ли не означаетъ, что иногда судъ оставался за самимъ государемъ, иногда же предоставлялся въ пользованіе его боярамъ. Но если въ приказахъ и проглядываетъ иногда кормленіе, то нельзя однако считать его главнымъ источникомъ всего приказнаго управленія. Уже самое подчиненіе грамотчиковъ московскимъ приказамъ невольно наводитъ на мысль, что въ основаніи ихъ лежитъ другое, гораздо менѣе обременительное начало. Далѣе, самое слово: «приказъ» намекаетъ на другой характеръ. Выше, говоря о воеводахъ, мы имѣли уже случай замѣтить, что появленіе по городамъ приказныхъ людей было вызвано желаніемъ правительства ввести болѣе порядка въ областную администрацію, поставивъ ее въ прямую зависимость отъ

---

[189]) Московскія Вѣдомости 1855 года, N 36. Статья г. Панова: «Московскіе Приказы».

власти государственной. Дѣйствительно прикащикъ есть не что иное, какъ повѣренный, вполнѣ зависящій отъ своего довѣрителя. Судъ вовсе не уступленъ ему въ пользованіе, онъ только препорученъ ему. Этому противорѣчитъ повидимому то, что монастырскіе прикащики были кормленщики, получали въѣзжее, сборное и пр.; но замѣтимъ, что ихъ нельзя сравнивать съ намѣстниками и волостелями, а скорѣе съ тіунами, ибо судныя пошлины они дѣлили съ монастыремъ. При назначеніи же тіуна кормленіе нерѣдко было дѣломъ второстепеннымъ. Разсматривая тѣ скудныя извѣстія, которыя мы имѣемъ о древнѣйшихъ приказахъ, мы тоже не видимъ, чтобы первою цѣлію было при этомъ кормленіе. Трудно найти слѣды его въ составѣ вѣдомства казначеевъ, какъ оно обозначено въ Судебникѣ. Еще труднѣе найти его, напр. въ Разбойномъ Приказѣ, одномъ изъ самыхъ древнѣйшихъ. Въ XV вѣкѣ всѣ разбойныя дѣла рѣшались на мѣстѣ, даже имущество лихихъ людей раздавалось истцамъ земскими головами; къ боярамъ, которымъ были приказаны разбойныя дѣла, посылались только списки розданнаго: чѣмъ же тутъ было кормиться? И такъ до XVI вѣка если иныя дѣла и отдавались боярамъ въ качествѣ жалованья, съ доходною цѣлію, то это было явленіемъ второстепеннымъ, а главнымъ была необходимость распредѣлять между боярами различныя отрасли управленія. Изъ этихъ-то порученій и возникли Приказы. До какой степени, по взгляду правительства въ XVI и XVII вѣкахъ, завѣдываніе приказами не имѣло цѣлію кормленія, видно изъ того, что одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ, Посольскій, не могъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ содержать себя своими доходами, и правительство должно было приписать къ нему пять городовъ «для приказнаго строенія». Послѣ XV вѣка мы не имѣемъ ни одного извѣстія, которое могло бы насъ заставить думать, что бы, назначая бояръ въ приказы, правительство имѣло въ виду доставлять имъ доходы. Кормленіе было здѣсь скорѣе результатомъ, нежели цѣлью, и даже не было гласно терпимо, какъ въ воеводствахъ. Такъ, еще В. К. Василій Ивановичь, найдя въ бумагахъ Псковскаго дьяка Мисюря Мунехина роспись даннымъ имъ въ Москвѣ взяткамъ, приказалъ взыскать все это на себя. Точно также смотрѣли на приказы и подвластныя лица. На Азовскомъ,

соборѣ 1642 г. городовые дворяне и боярскія дѣти называли лихоимствомъ обогащеніе у приказныхъ дѣлъ: дьяки и подьячіе, говорили они, «будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатествомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, и покупили многія вотчины и домы свои строили многіе, палаты каменныя такія что неудобь-сказаемыя»[200]. Различія между приказами и областными учрежденіями никакъ не должно забывать тому, кто хочетъ вѣрно опредѣлить характеръ первыхъ.

Происхожденіемъ приказнаго управленія опредѣляется все его внутреннее устройство. Постараемся очертить его характеръ, не ограничиваясь при этомъ одними источниками разсматриваемаго періода, ибо въ такомъ случаѣ нельзя было бы составить себѣ о немъ яснаго понятія; потомъ, говоря, объ историческомъ развитіи приказовъ, мы будемъ строго держаться однихъ источниковъ этой эпохи.—Порученіе можетъ быть сдѣлано и одному и многимъ; — вслѣдствіе этого приказы состояли иногда изъ одного боярина или дьяка, иногда изъ нѣсколькихъ. Отсюда же объясняются и тѣ отношенія, въ которыхъ находились другъ къ другу члены присутствія: когда главнымъ лицемъ приказа былъ человѣкъ значительный, остальные члены не писались его товарищами; въ противномъ случаѣ имена всѣхъ писались вмѣстѣ. Личный характеръ не могъ также сдѣлать ихъ мѣстами постоянными. Приказы соединялись и раздѣлялись безпрестанно, смотря по тому, давалось ли довѣренному лицу лишнее порученіе, или напротивъ, обиліе дѣлъ заставляло давать порученіе другому. Такъ напр. изъ вѣдомства казначеевъ возникло нѣсколько приказовъ; отъ Земскаго приказа съ теченіемъ времени былъ отдѣленъ Ямскій, и на оборотъ, нѣкоторые приказы, съ начала отдѣльные, были впослѣдствіи соединены другъ съ другомъ: Земскій приказъ былъ соединенъ съ Стрѣлецкимъ — также какъ и Житный (1700 г.); Костромская четверть была сначала соединена съ приказомъ Большаго Дворца (1671); Челобитенный при-

---

[200]) Дополненія къ А. И. т. I, N 215. Судебникъ ст. 47. У Татищева, стр. 43—44 и 54. А. А. Э. т. I, N 131. Кошихинъ, глава 8-я. Исторія Россіи, Соловьева, т. V. стр. 478. С. Г. Г. т. III, N 113 стр. 390.

казъ соединенъ былъ съ Суднымъ (1677). Когда слить совершенно два приказа въ одинъ было, по обилію въ нихъ дѣлъ, затруднительно, а между тѣмъ правительство желало ввѣрить управленіе ими одному лицу, тогда одно изъ этихъ мѣстъ, сохраняя отдѣльность своей канцеляріи, было подчиняемо другому. Такъ, въ 1704 г. князь Θедоръ Юрьевичъ Ромадановскій, управлявшій Преображенскимъ приказомъ, въ то же время завѣдывалъ и Сибирскимъ, изъ котораго дьяки ходили къ нему съ докладомъ [201]). Точно также и лица подсудныя переходили нерѣдко изъ одного приказа въ другой: торговые люди, напр., были вѣдомы сначала въ Земскомъ приказѣ, а потомъ въ Приказѣ Большаго Дворца [202]). Такое перемѣщеніе не было, однако, послѣдствіемъ данной привеллегіи, потому что тѣ изъ торговыхъ людей, которые получали жалованные грамоты, были обыкновенно подчиняемы Казенному приказу, а иностранные гости Посольскому. Столь же мало постояннаго видимъ мы и въ распредѣленіи дѣлъ между приказами. Историческое начало тяготѣло надъ составомъ ихъ вѣдомства. По этой причинѣ напр. Конюшенный приказъ завѣдывалъ, между прочимъ, и московскими банями [203]). Понятно по этому, что приказы столь же мало можно подвести подъ одно общее понятіе, какъ вообще различныя порученія. Порученіе государь можетъ дать и въ этомъ своемъ качествѣ, и просто, какъ частное лицо, по дѣламъ своего хозяйства или личной услуги Въ слѣдствіе этого въ значеніи и взаимныхъ отношеніяхъ приказовъ было очень много разнообразія: Разрядъ, напримѣръ, называвшійся тоже приказомъ, былъ собственно военною и придворною канцеляріею государя, а Сытенный и Житный дворы простыми хозяйственными конторами. Отсюда и неравное положеніе приказовъ: одни изъ нихъ, какъ учрежденія государственныя, были совершенно самостоятельны; другіе, завѣдывая какою либо отраслію государственнаго или государева хозяйства, были подчинены которому нибудь изъ первыхъ. Такъ напримѣръ, всѣ го-

---

[201]) Древняя Рос. Вивліоѳика, т. XX, стр. 317. См. также подъ рубриками упомянутыхъ приказовъ.

[202]) Тамъ-же, стр. 242. Кошихинъ, стр. 77.

[203]) Кошихинъ, стр. 66—67.

сударевы дворы: Сытенный, Хлѣбный, Кормовой, Житенный, были вѣдомы въ Приказѣ Большаго Дворца [204]). Сверхъ того, при совершенно одинаковомъ характерѣ приказовъ одинъ могъ брать перевѣсъ надъ другимъ въ мѣстническомъ отношеніи. Такъ было съ территоріальными приказами Честь завѣдываемыхъ ими городовъ переходила и на нихъ, и Владимірскій Судный приказъ считался честнѣе Московскаго [205]). Но такіе счеты не нарушали, по крайней мѣрѣ, равенства административныхъ отношеній. Были другіе факты, которые его нарушали. Такъ личное значеніе первоприсутствующаго боярина могло дать одному приказу совершенный перевѣсъ надъ всѣми остальными, сдѣлать его главнымъ или важнѣе другихъ. Извѣстно, напр., что въ слѣдующемъ періодѣ Разрядъ сталъ въ начальническія отношенія ко всѣмъ приказамъ и считался первымъ между ними. Это было потому, что, какъ мы сказали, Разрядъ былъ военною и придворною канцеляріей государя. Но въ 1692 г, когда Посольскимъ приказомъ управлялъ знаменитый князь Василій Васильевичъ Голицынъ, этотъ приказъ взялъ верхъ надъ Разрядомъ, просто на томъ основаніи, что былъ канцеляріею перваго человѣка въ государствѣ [206]).

Такое хаотическое состояніе высшаго управленія не могло не вызвать заботливости правительства. Дѣйствительно уже подъ конецъ разсматриваемаго періода мы замѣчаемъ стремленіе упростить приказную администрацію и положить въ основаніе ея постоянныя начала. Однородные приказы соединяются, или одни изъ нихъ подчиняются другимъ, образуя такимъ способомъ огромныя вѣдомства, подъ названіемъ присудовъ. Присудные приказы соединены между собою и съ главнымъ приказомъ уже на основаніи одного общаго характера. Но съ одной стороны, личное начало, лежавшее въ основаніи управленія, съ другой, временныя потребности правительства препятствовали правильному распорядку, и смѣшанное состояніе продолжается до конца существованія приказовъ. Тѣмъ не менѣе все-таки есть возможность подмѣтить тѣ начала, по которымъ образовались наши при-

---

204) **Тамъ-же, глава 6-я.**

205) **Сибирскій Сборникъ, стр. ҃лѕ.**

206) **Древняя Рос. Вивліоѳика, т. XX, стр. 391.**

казы, хотя, повторяемъ, не слѣдуетъ искать никакой послѣдовательности въ проведеніи этихъ началъ.

Уже изъ всего сказаннаго очевидно, что приказы можно раздѣлить, по ихъ происхожденію, на слѣдующія три категоріи: a) приказы придворные, т. е. такіе, которыхъ назначеніе состояло въ устройствѣ личной услуги государя; b) мѣстные, московскіе и c) центральные, для всего государства. — Къ первымъ въ описываемое время принадлежали приказы: Казенный, Конюшенный, Сокольничій, Постельный и Мастерская Государева Палата. Послѣднія два названія едва ли не обозначили одного и того же приказа. — Къ мѣстнымъ московскимъ приказамъ принадлежали. Каменный приказъ, наблюдавшій за постройками въ Москвѣ (послѣ онъ былъ уже центральнымъ), Бронный Приказъ, Житный Дворъ (родъ московскаго магазина для хлѣба), Печатный Приказъ и Земскіе дворы, которыхъ сначала было два. Они завѣдывали татиными, сыскными и разбойными дѣлами въ Москвѣ и около Москвы. Съ этимъ вмѣстѣ имъ было подчинено и низшее городское населеніе, какъ подлежащее особенному надзору: черные люди, московскіе извощики, люди гулящіе. Кромѣ того, здѣсь распоряжались городскими доходами. Замѣтимъ, что вообще названіе «дворъ» означало мѣстный характеръ приказа, и большею частію (кромѣ, впрочемъ, Земскаго двора) его подчиненное положеніе. Центральные приказы можно распредѣлить по четыремъ главныхъ началамъ. Въ одни изъ нихъ дѣла группировались по тому назначенію, которое получали собираемые съ нихъ доходы. Сюда относятся приказы: Большой казны, Большаго прихода, Большаго Дворца. Разграничить вѣдомство двухъ послѣднихъ довольно трудно. — Другое начало было областное. Это едва ли не самое древнее. Къ областнымъ принадлежатъ приказы: Казанскаго Дворца, Новгородскій и Сибирскій, и, кромѣ того, всѣ четвертные. Относительно послѣднихъ существуетъ извѣстіе, впрочемъ, оспориваемое, будто бы в. к. Иванъ Васильевичъ раздѣлилъ всю Росссію на трети, позже замѣненныя четвертями [207]). Въ разсматриваемую эпоху четвертные приказы завѣдывали нѣкоторыми областями и

---

207) Флетчеръ, стр. 2, 25. Исторія Россіи, Соловьева, т. V, стр. 218.

утратили свое первоначальное значеніе. Въ періодъ отъ Судебника до Уложенія, мы встрѣчаемъ слѣдующія четверти: Новгородскую, Владимірскую, Ярославскую, Галицкую, Устюжскую и Костромскую. Кромѣ того были еще четверти безъ областнаго названія: четь дьяка Петелина, четь дьяка Вахрамѣева, четь дьяка Варѳоломея Иванова, переименованная потомъ въ Сибирскій Приказъ и Новая четь. Разумѣется, всѣ эти четверти не существовали одновременно. Въ извѣстной запискѣ о царскомъ дворѣ 1610 г. упоминаются только первыя четыре четверти, и Устюжская названа новоприбылою [208]). Остальныя слѣд. возникли позже.—Вообще значеніе четвертей совершенно измѣнилось съ теченіемъ времени. Были особеннаго рода доходы, называвшіеся четвертными. Судя по словамъ Котошихина, это были таможенные, кабацкіе и соляные сборы, а также съ желѣзныхъ и съ иныхъ промысловъ. Это извѣстіе объясняетъ, почему вновь возникшее мѣсто съ тѣмъ же харектеромъ, получило названіе Новой четверти. Кромѣ финансоваго значенія слова «четверть», было еще, кажется, и другое. Едва ли такъ не назывались приказы, не имѣвшіе постояннаго характера. Мы видимъ, что многія четверти возникали и уничтожались въ одно царствованіе. Всѣ тѣ изъ нихъ, которыя назывались по имени дьяковъ, вмѣстѣ съ смѣною или смертію дьяка большею частію переставали существовать, напр. чети дьяковъ Петелина и Вахрамѣева. Управленіе посредствомъ лицъ, а не учрежденій, долго держалось въ Московскомъ государствѣ. Такъ напр., о зависимости Двинской земли, бывшей потомъ въ завѣдываніи Устюжской четверти или Новгородскаго приказа, въ первой половинѣ XVII вѣка, обыкновенно говорится неопредѣленно. Въ несудимой грамотѣ Сійскому Антоніеву монастырю, 1621 г. февраля 3-го, сказано: «а будетъ какое дѣло до игумена съ братьею.... и ихъ судятъ наши четвертные дьяки, у кого Двинская земля въ приказѣ будетъ». Изъ этихъ словъ ясно, что Двинская земля не состояла въ это время въ завѣдываніи особеннаго мѣста, но переходила, по волѣ государя, отъ одного дьяка къ другому [209]). Получая значеніе по-

[208]) А. И. т. II, N 355.

[209]) Кошихинъ, стр. 85. А. И. т. III, N 95.

стоявшаго приказа, четверть, называвшаяся по имени дьяка, кажется, переименовывалась: такъ, четь дьяка Варѳоломея Иванова, получила впослѣдствіи названіе Сибирскаго Приказа. Четверти съ областными названіями имѣли болѣе постоянный характеръ. — Третье начало, выражавшееся въ центральныхъ приказахъ, было отдѣльное управленіе сословій или, лучше, классовъ народа. Къ этой категоріи принадлежали приказы. Иноземскій, Пушкарскій, Стрѣлецкій, Казачій, Ямской, Аптекарскій и Нѣмецкихъ Кормовъ. Сюда же можно отнести приказъ Большаго Дворца, поскольку онъ завѣдывалъ духовенствомъ, и временно существовавшій въ этомъ періодѣ Монастырскій приказъ. Наконецъ, четвертое начало, всѣхъ болѣе искуственное, состоитъ въ распредѣленіи дѣлъ между приказами по различнымъ отраслямъ управленія. Сюда можно причислить приказы: Разрядный, Сбору Ратныхъ людей, Посольскій, Разбойный, Холопій, Помѣстный, Челобитенный и Судные. Само собою разумѣется, что принятое нами раздѣленіе не можетъ не быть до нѣкоторой степени произвольно. Начала управленія такъ перемѣшаны въ приказахъ, что одинъ и тотъ же можетъ быть отнесенъ къ совершенно разнымъ категоріямъ, смотря по тому, на какую сторону его дѣятельности мы обратимъ болѣе вниманія. Такъ напр., Иноземскій Приказъ есть столько же сословный, сколько и военный; Аптекарскій столько же административный, сколько сословный; Посольскій столько же сословный, сколько административный и т. д. Иногда въ названіи одного и того же Приказа выражается два совершенно противоположныхъ начала. Всего замѣтнѣе это въ Судныхъ приказахъ, которыхъ сначала было пять: Владимірскій, Московскій, Рязанскій, Дмитровскій и Дворцовый. Во второй четверти XVII вѣка изъ нихъ осталось уже только три: два первыхъ и Дворцовый. По свидѣтельству Указа 1730 г. марта 20 (П. С. З. № 5521) въ Московскомъ приказѣ судимы были всѣ московскихъ чиновъ люди, а во Владимірскомъ городовые дворяне, подъячіе и другіе нижнихъ чиновъ люди.

Не должно думать, чтобъ всѣ дѣла однородныя были, по возможности, сосредоточиваемы въ одинхъ приказахъ. Исключеній дѣлалось множество; иногда даже трудно предположить при этомъ

какую бы то ни было причину. Извѣстно, напр., что привиллегированное духовенство судилось въ приказѣ Большаго Дворца, однако мы встрѣчаемъ и такія жалов. грамоты, которыя подчиняютъ игумна суду четвертныхъ дьяковъ; стрѣльцы всѣ судились въ Стрѣлецкомъ Приказѣ, но одна изъ царскихъ грамотъ подчиняетъ стрѣлецкаго голову суду Новгородской четверти.

Которые изъ приказовъ были судебными мѣстами? Этотъ вопросъ рѣшить довольно трудно. Однако мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что почти всякій приказъ имѣлъ свою долю судебной власти, ибо, во первыхъ, къ каждому почти приказу были приписаны города, и нѣкоторые изъ этихъ городовъ находились не только въ финансовой, но и въ судебной зависимости. Такъ, жители города Романова были подсудны Посольскому приказу. Во вторыхъ, каждый приказъ судилъ тѣхъ людей, которые были ему подчинены по роду своихъ занятій. Даже Мастерская Государева Палата чинила расправу между мастеровыми людьми. Главная судебная дѣятельность центральной администраціи сосредоточивалась въ областныхъ приказахъ, сословныхъ, Судныхъ, Помѣстномъ, Холопьемъ и Разбойномъ.

Въ приказы поступали дѣла, какъ изъ городовъ, такъ и изъ столицы. Отношенія городскаго управленія къ приказному представляютъ много запутаннаго. Кому были подчинены намѣстники и волостели, опредѣлить довольно трудно. Кажется, что прямая зависимость отъ того или другаго приказа, по крайней мѣрѣ, въ судебномъ отношеніи, едва ли даже существовала Мы видимъ, что даже на судъ ихъ вызываютъ не иначе, какъ съ разрѣшенія всѣхъ вообще бояръ. Когда жители какого нибудь города или волости получали жалованную или уставную грамоту, то для суда съ иногородцами, или сторонними людьми обыкновенно назначался кто нибудь изъ московскихъ бояръ, дворецкій или введенный бояринъ. Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія. Впрочемъ, болѣе точныхъ опредѣленій, вѣроятно, и не было, потому, что приказная администрація еще не успѣла выработаться въ это время. Земское управленіе, введенное Грознымъ. было подчинено территоріальнымъ приказамъ. Воеводы, въ качествѣ военныхъ людей, посылались сначала изъ Разряда, но подъ конецъ періода назначались так-

же и изъ тѣхъ приказовъ, которые завѣдывали городомъ въ податномъ отношеніи. Что касается до того, въ какіе приказы переходили областныя дѣла, то въ эпоху земскаго управленія они, кажется, поступали всѣ безъ изъятія въ областные. Во время воеводскаго управленія дѣла, напротивъ, восходили въ тѣ приказы, которымъ они подлежали по своему содержанію. Такъ дѣла помѣстныя шли въ Помѣстный приказъ, дѣла съ монастырскими крестьянами переходили отъ воеводъ въ Приказъ Большаго Дворца, губныя—въ Разбойный и т. д. [210]). Распоряженія дѣлались по каждому вѣдомству тѣмъ приказомъ, который надъ этимъ вѣдомствомъ имѣлъ верховное наблюденіе, или тѣмъ, который вообще завѣдывалъ городомъ. Однако, бывали отступленія отъ общаго правила, которыхъ поводъ иногда объясняется столкновеніемъ по одному дѣлу нѣсколькихъ вѣдомствъ. Напр., дѣла о бѣглыхъ кабальныхъ людяхъ завѣдывались Холопьимъ приказомъ; но при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1625 и 1641 годахъ, находимъ двѣ грамоты о сыскѣ бѣглыхъ людей у Донскихъ казаковъ, выданныя изъ Посольскаго Приказа, потому что онъ завѣдывалъ Донскими казаками. Кабацкія и таможенныя дѣла состояли въ вѣдѣніи Новой четверти, а въ Воронежѣ въ вѣденіи Разряда. Въ нѣкоторыхъ городахъ, по видимому, не смотря на учрежденіе какого нибудь новаго приказа, дѣла, которыя должны были отойти туда, удержали свою прежнюю зависимость: такъ, хотя Казачій приказъ существовалъ уже въ 1618 г., въ Воронежѣ Донскіе казаки зависѣли, какъ мы видѣли, отъ Посольскаго Приказа, а остальные казаки отъ Стрѣлецкаго. Жалоба на областнаго начальника подавалась въ то мѣсто, которымъ онъ былъ назначенъ, но только тогда, когда это вобще была жалоба на злоупотребленія: апелляціонная жалоба подавалась въ тотъ приказъ, сужденію котораго подлежало самое дѣло. Въ принесеніи жалобы бывали иногда такіе безпорядки, которыхъ самый поводъ объяснить довольно трудно. Такъ напр., въ 1645 г. въ Воронежѣ былъ смѣненъ воевода Боборыкинъ, вслѣдствіе ссоръ его съ губнымъ старостой Толмачовымъ и по челобитью города. Когда новый воевода, Бутурлинъ, пріѣхалъ въ Воронежъ, то

---

210) Воронежскіе Акты, часть 1, NN 7, 12; часть 2, N 2; часть 3, NN IV, CVII, CXII; часть 1, NN IX, 9.

Бобарыкинъ подалъ ему въ съѣзжей избѣ государеву грамоту изъ Иноземскаго Приказа, которою велѣно было посадить въ тюрму губнаго старосту за сдѣланный имъ отказъ ѣхать куда-то съ наказною памятью отъ прежняго воеводы и за непригожія слова на счетъ боярина Ѳедора Ив. Шереметева. Отчего же воевода жаловался Иноземскому Приказу, когда губной староста былъ подчиненъ Разбойному Приказу, а городъ Разряду? Вѣроятно, потому что та царская грамота, вслѣдствіе которой воевода далъ прежде старостѣ наказную память, была прислана изъ Иноземскаго Приказа. Если такъ, то это всего лучше показываетъ, до какой степени администраціи не доставало единства, потому что въ наказѣ, данномъ Толмачову изъ Разбойнаго Приказа, не было ему предписано «ѣздить въ посылку по воеводскимъ памятямъ», а между тѣмъ Иноземскій Приказъ предполагаетъ за нимъ эту обязанность и подвергаетъ его взысканію за ослушаніе [211]).

Другую часть дѣятельности приказовъ составляли: a) дѣла жителей столицы, b) дѣла лицъ привиллегированныхъ и c) дѣла изъятыя изъ вѣдомства областныхъ начальниковъ. Всѣ они производились въ приказахъ въ первой инстанціи.

Каждый приказъ состоялъ изъ судей и канцеляріи. Первые назначались какъ изъ высшихъ чиновъ, такъ и изъ дьяковъ. Это кажется, соразмѣрялось съ степенью административнаго значенія приказа. Такъ, когда приказъ дѣлался присуднымъ другому, то въ немъ обыкновенно присутствовали дьяки, а бояръ не было. Но иногда въ одномъ и томъ же приказѣ присутствовали сначала дьякъ, а потомъ бояринъ. Костромскою четвертію до 1651 г. управляли дьяки, а съ этого года бояре. Въ Казанскомъ Дворцѣ съ 1599 до 1604 г. присутствовали дьяки, а съ 1604 по 1610 бояре; въ 1613—1618 гг. опять дьяки, иногда думные, иногда простые; а съ 1619 г. бояре, окольничіе и думные дворяне. Были приказы, постоянно состоявшіе въ завѣдываніи дьяковъ. Это Разрядъ и Посольскій Приказъ, которые, имѣя собственно значеніе канцелярій государя, не нуждались въ особенномъ судьѣ. Бывали въ приказахъ также и одни судьи безъ товарищей дьяковъ. Въ 1631 году Ка-

[211]) Тамъ же, часть I, NN 2, 13; часть 2, N LXIX и др. — А. А. Э. т. III, N 100. — Воронежскіе Акты, часть I, NN IX, XXIII; часть 3, N CLXXXIII, 5, стр. 215 и 221.

зачѣмъ Приказомъ управлялъ одинъ окольничій князь Волконскій, но съ 1632 г. при судьѣ этого приказа состоялъ дьякъ, а съ 1638 г. два дьяка. Замѣтимъ, однако, что мы гораздо чаще встрѣчаемъ одпихъ дьяковъ въ приказахъ, нежели однихъ бояръ или окольничьихъ. Первоприсутствующіе одни носили собственно названіе судей; дьяки обозначались именемъ товарищей, иногда же, когда высокое положеніе боярина не допускало того, не носили даже и этого названія и вовсе не писались въ грамотахъ. Какъ судьи, такъ и ихъ товарищи, дьяки, равно назначались государемъ, и часто не въ одно время: иногда сначала управлялъ одинъ судья, а потомъ къ нему назначался дьякъ; иногда дьякъ оставался тотъ же, а судья перемѣнялся. Тоже и при смѣнѣ: иногда смѣняли одного судью, иногда однихъ дьяковъ. Полное измѣненіе всего состава присутствія не встрѣчается. Число членовъ, какъ судей, такъ и дьяковъ, зависѣло, кажется, отъ большаго или меньшаго обремененія приказа дѣлами, отчего въ одномъ и томъ же мѣстѣ оно нерѣдко измѣняется. Такъ до 1651 г. Костромскою Четвертію завѣдывалъ одинъ только дьякъ, а съ этого года постоянно былъ судья и при немъ дьякъ; позже находимъ тамъ по нѣскольку дьяковъ. Въ Иноземскомъ приказѣ въ 1629 г. при бояринѣ князѣ Черкасскомъ состояли два дьяка, а въ 1632 г. только одинъ дьякъ. Въ Пушкарскомъ приказѣ въ 1629 г. былъ одинъ судья и съ нимъ товарищъ, дьякъ, а въ концѣ того же года было двое судей и двое дьяковъ; но въ 1632 г., при томъ же числѣ дьяковъ, видимъ тамъ уже одного судью. Тоже случилось и въ Помѣстномъ Приказѣ, гдѣ въ 1630 г. было двое судей, а въ 1631 г. только одинъ. Различіе въ составѣ присутствія не происходило отъ измѣненія взгляда въ правительствѣ, потому что въ одно и тоже время мы находимъ въ одномъ приказѣ нѣсколько судей, а въ другомъ только одного. Число ихъ также нисколько не условливалось относительною важностію приказовъ въ административномъ отношеніи. Въ совершенно однородныхъ мѣстахъ составъ присутствія могъ быть различный. Напр., въ 1641 г. въ Владимірской Четверти сидѣли бояринъ и нѣсколько дьяковъ, а Костромскою Четвертію управлялъ одинъ только дьякъ.

Итакъ устройство приказовъ было большею частію коллегіаль-

ное, но встрѣчаются однако и исключенія. Вопросъ состоитъ въ томъ, было ли коллегіальное начало принято вообще за правило, или, напротивъ, многочисленный составъ приказовъ былъ вынужденъ обстоятельствами, а первоначальное ихъ устройство было бюрократическое? Мы склоняемся въ пользу послѣдняго мнѣнія. Древнѣйшія извѣстія о приказахъ представляютъ ихъ намъ, какъ бюрократическія учрежденія. Судебникъ постоянно говоритъ объ одномъ судьѣ: только казначеевъ было двое. Въ жалованныхъ грамотахъ XVI вѣка всегда говорится о судѣ одного дворецкаго. Превращеніе бюрократическаго устройства въ коллегіальное было мало по малу вынуждено обстоятельствами. Этимъ и объясняется, почему, напр., Четверти состояли въ XVI в. и въ началѣ XVII большею частію въ вѣденіи однихъ дьяковъ, а послѣ тамъ было большое число судей. Но личный характеръ приказовъ не изгладился совершенно и безпрестанно проглядываетъ во взаимныхъ отношеніяхъ присутствующихъ. Такъ напр., когда одинъ приказъ дѣлался присуднымъ другаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ становился канцеляріей главнаго приказа. Иногда онъ при этомъ сохранялъ только отдѣльность своей канцеляріи, а присутствующіе въ немъ были тѣ же самые, какъ и въ главномъ приказѣ. Иногда присудный приказъ состоялъ въ завѣдываніи дьяка, который ходилъ съ докладомъ въ главный приказъ. Подчиненіе присуднаго приказа или было непосредственное всѣмъ судьямъ главнаго, или съ особеннымъ подчиненіемъ только одному изъ нихъ, который въ присудномъ приказѣ былъ первоприсутствующимъ, а въ главномъ могъ равно занимать и первое и второе мѣсто. Такъ, въ 1639 г., когда Новгородская Четверть была подчинена Посольскому Приказу, въ послѣднемъ присутствовали думный дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ и дьякъ Максимъ Матюшкинъ; но Новгородскою Четвертію управлялъ только первый. Въ 1641 г. въ Посольскомъ Приказѣ были Лихачевъ, Матюшкинъ и дьякъ Григорій Львовъ; изъ нихъ Лихачевъ и Львовъ управляли и Новгородскою Четвертію, а Матюшкинъ, по прежнему, не управлялъ Вмѣсто его у нихъ былъ тамъ другой товарищъ, дьякъ Семенъ Капыловъ, не принадлежавшій къ судьямъ главнаго приказа. Въ 1645 г. хотя Новгородская Четверть и оставалась въ зависимости отъ Посольскаго Приказа, но имѣла своего особеннаго начальника, не изъ

числа его членовъ. Въ 1648 г. Новгородскою Четвертію управлялъ, совершенно одинъ, третій членъ Посольскаго Приказа, дьякъ Никифоръ Демидовъ, и, кажется, безъ всякаго участія двухъ старшихъ судей. Послѣ въ Новгородской Четверти былъ опять особый начальникъ, состоявшій подъ докладомъ Посольскаго Приказа. Всѣ эти измѣненія въ отношеніяхъ главнаго приказа къ присудному доказываютъ, кажется, что въ сущности подчинены были не одно учрежденіе другому, но просто чиновникъ чиновнику. По этому нельзя признавать рѣшительно ни коллегіальнаго, ни бюрократическаго начала въ приказахъ. Достаточно было самаго несущественнаго обстоятельства, въ родѣ установленія взаимныхъ отношеній между нѣкоторыми учрежденіями, чтобъ совершено измѣнить составъ судебнаго мѣста

О способѣ рѣшенія дѣлъ приказными судьями, когда ихъ было нѣсколько, ничего вѣрнаго не извѣстно. До насъ дошли только два приказныхъ дѣла. Въ нихъ рѣшеніе постоянно излагается, какъ единогласное. Вѣроятно, такъ всегда и было, потому что рѣшеніе, основанное на большинствѣ голосовъ, не въ характерѣ нашего стариннаго процесса. Его до такой степени не знала древняя Россія, что даже при третейскомъ разборѣ—посредниковъ всегда было двое, и кромѣ новаго обращенія къ другому третейскому судьѣ не было никакого средства примирить два противоположныхъ мнѣнія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приказные судьи разногласили, они, вѣроятно, обращались къ Боярской Думѣ. Этимъ можно объяснить какъ многочисленность поступавшихъ въ нее докладовъ, между тѣмъ, какъ законъ вовсе не опредѣлялъ случаевъ доклада, такъ и самую форму ихъ: въ нихъ большею частію излагаются два разныхъ мнѣнія и испрашивается разрѣшеніе государя на какое нибудь изъ нихъ. Въ присудныхъ приказахъ рѣшеніе не поставлялось повидимому окончательно, но требовало еще утвержденія того лица или Приказа, которому они были подчинены.—Судебная власть высшихъ учрежденій не ограничена никакимъ закономъ. Въ древнѣйшую эпоху, когда приказы еще не успѣли образоваться, и докладъ областныхъ судей поступалъ просто къ московскимъ боярамъ, послѣдніе обыкновенно сообщали его государю. Но въ XVII вѣкѣ приказы распоряжались въ этомъ случаѣ окончательно.

Какой отчетности были обыкновенно подвергнуты приказы, неизвѣстно; но изъ источниковъ видно, что государи посылали иногда ихъ ревизовать, и тогда строго взыскивали за неправду. Такъ, въ 1626 г. Декабря въ 25 день государь приказалъ переписать всякія дѣла въ Посольскомъ Приказѣ окольничему Бутурлину и дьякамъ Болотникову и Нечаеву. Переписную книгу приказнымъ дѣламъ они должны были вручить думному дьяку Ефиму Телепневу, назначенному въ судьи приказа на мѣсто двухъ прежнихъ членовъ. Изъ старыхъ судей главный, дьякъ Иванъ Грамотинъ, 28 Декабря, по царскому указу, сосланъ былъ въ Алатырь, въ государевой опалѣ и подъ стражею десяти стрѣльцевъ.

Составъ приказной канцеляріи почти таковъ же, какъ и канцеляріи областнаго суда, только гораздо многочисленнѣе. Каждый приказъ раздѣлялся на столы и повытья, прежде называвшіяся кормленіями. Послѣднее выраженіе, какъ замѣчено выше, употреблено въ Судебникѣ, гдѣ самые дьяки названы въ этомъ случаѣ кормленными. Это названіе заставляетъ думать, что въ древнѣйшее время дѣла распредѣлялись между дьяками не по роду ихъ, но смотря по величинѣ того дохода, который правительство желало имъ предоставить. Въ XVII вѣкѣ это выраженіе уже не встрѣчается. Дѣла распредѣляются между дьяками по роду ихъ, и столы заимствуютъ свое названіе отъ дѣлъ, которыя въ нихъ поступаютъ. Для письмоводства въ каждомъ столѣ были подъячіе. Подъячіе записавали въ книги входящія бумаги и переписывали на бѣло судные списки, по приказанію дьяка. Дьяки обязаны были хранить у себя, за своею печатью, всѣ дѣла своего повытья, какъ черновыя, такъ и переписанныя. Оставлять ихъ у подъячихъ они не имѣли права. Докладъ судьямъ дѣлаютъ сами дьяки; они же записываютъ судоговореніе. Всѣ исходящія бумаги подписываются дьяками, а судьи только прикладываютъ къ нимъ свою печать. Канцелярія не отличалась строго отъ присутствія, и дьяки, будучи товарищами судей, нерѣдко въ то же время были и начальниками повытей, вѣрнѣе, цѣлой канцеляріи приказа. Если при судѣ состояло нѣсколько товарищей дьяковъ, то начальникомъ канцеляріи представляется обыкновенно меньшой изъ нихъ, потому что за его подписью выходятъ изъ

приказа всѣ царскія грамоты. Когда приказъ состоялъ въ управленіи одного только дьяка, то всѣ исходящія бумаги имъ самимъ и подписывались. Такъ, въ 1641 г., когда Галицкою Четвертію завѣдывалъ дьякъ Минай Грязевъ, царскія грамоты посылались изъ этого приказа за его подписью. Кромѣ дьяка, грамота подписывалась еще подъячимъ, вѣроятно, тѣмъ самымъ, который ее писалъ или переписывалъ. Это называлось скрѣпою. Канцелярская отвѣтственность падаетъ какъ на дьяковъ, такъ и на подъячихъ. За всякое нарушеніе по судебному дѣлу канцелярскаго порядка, когда оно могло повредить одной изъ тяжущихся сторонъ, дьякъ платилъ, по Судебнику, весь искъ въ пользу этой стороны и пеню въ казну, а за взятіе лишнихъ пошлинъ обязанъ былъ возвратить ихъ втрое. Отвѣтственность подъячаго, кромѣ того случая, когда онъ возьметъ лишнія пошлины, есть всегда личная: торговая казнь или тюремное заключеніе; но при этомъ и пошлины съ него взыскиваются точно также, какъ и съ дьяка. О степени того вліянія, которое дьяки и подъячіе имѣли на ходъ дѣла, можно заключить изъ любопытной памятной записки Шуйскаго земскаго старосты Иванова расходамъ его въ Москвѣ, составленной въ 1641 году. Всѣ подарки сдѣланы имъ были дьякамъ и подъячимъ приказовъ [212]).

Для вызова къ суду приказы имѣли особенныхъ приставовъ, состоявшихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ дьяковъ. Приставы не принадлежали собственно къ канцеляріи. Они составляли какъ бы особую коллегію, особое товарищество, зависѣвшее отъ приказа, но не входившее въ число его служителей. Это былъ родъ промысла. Для поступленія въ должность пристава надобно было записаться въ книгу у дьяка и принести ему поручную по себѣ запись, которою поручители обязывались уплатить, по востребованію, всѣ павшія на пристава взысканія. Эти-то поручители и носятъ, кажется, въ Судебникѣ названіе *заговора*, который весь отвѣчаетъ за пристава. Имена заговорщиковъ тоже вносятся въ книгу, чтобъ послѣ приставъ не могъ отъ нихъ отпереться. Въ тоже время, кажется, заговоръ составлялъ вообще

212) Древняя Рос. Вивліоѳика, т. XX, статья о приказахъ. Судебникъ, ст. 3, 4, 8, 9 10 28, 29, 34, 41, 42, 54. Старинные Акты Шуи, №№ 52, 58, 60.

товарищество, едва ли не дѣлившееся выгодами отъ вызова, потому что въ Судебникѣ сказано: «кому съ кѣмъ въ заговорѣ дѣлати» (ст. 47). Судя по выраженію Судебника: «а онъ въ книгахъ у кормленныхъ дьяковъ ни у котораго не записанъ» (ibid), надобно думать, что каждый дьякъ имѣлъ право содержать своихъ приставовъ, и что слѣдовательно при каждомъ приказѣ состояло нѣсколько подобныхъ компаній. Спеціальное названіе пристава есть *недѣльщикъ*, потому что въ отправленіи своей должности компаніи чередовались по недѣлямъ. Отсюда и выраженіе: «быть въ недѣляхъ». — Самъ недѣльщикъ вызывалъ къ суду кажется, только въ городѣ. Для вызова въ уѣздѣ и по областямъ онъ могъ содержать до семи *ѣздоковъ*, которые ѣздили отъ его имени и за которыхъ на него падала отвѣтственность. Ѣздоки могли вызывать къ суду только отъ имени одного пристава. Когда оканчивалась его недѣля, или, по старинному выраженію, «когда онъ выйдетъ изъ недѣль», онъ не могъ уже ѣздить по порученію другаго пристава, подъ опасеніемъ торговой казни и тюремнаго заключенія. Такимъ образомъ быть членомъ двухъ заговоровъ было запрещено. Ѣздоки принимали свою обязанность по договору съ тѣмъ недѣльщикомъ, подъ непосредственное начальство котораго они поступали. Недѣльщикъ обязанъ былъ записать ихъ въ книгу у дьяка, и кромѣ ихъ никому уже не могъ давать порученій. Посылать своихъ людей и племянниковъ (т. е. родственниковъ) и вообще не письменныхъ ѣздоковъ было съ его стороны преступленіемъ. Кромѣ вызова къ суду, недѣльщики употреблялись еще для поимки татей и разбойниковъ. Они сажали ихъ въ тюрьму и отвѣчали въ случаѣ ихъ побѣга. Замѣчательно, что Судебникъ запрещаетъ какъ недѣльщику, такъ и его ѣздокамъ вызывать къ суду въ томъ городѣ, гдѣ они живутъ, т. е., вѣроятно, въ томъ, который составляетъ ихъ постоянное мѣсто жительства, гдѣ по закону они числятся. Татищевъ объясняетъ это запрещеніе тѣмъ, что въ своемъ городѣ недѣльщикъ имѣлъ какъ друзей, такъ и непріятелей, а потому было и болѣе поводовъ къ злоупотребленіямъ. За всякое нарушеніе закона, за взятіе лишняго хоженаго или ѣзда, за требованіе посуловъ, за отпускъ татя, недѣльщикъ подвергался личной отвѣтственности: торговой казни, тюремному заключенію и лишенію званія. Взя-

тый имъ съ тяжущихся излишекъ взыскивается съ него втрое. За ѣздоковъ своихъ онъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Если противъ кого нибудь изъ нихъ будутъ истцы, то Судебникъ предписываетъ взыскивать всѣ иски безъ суда съ самаго недѣльщика. Ѣздокъ, который ѣздитъ отъ кого бы то ни было въ томъ городѣ, гдѣ самъ живетъ, подвергается, кромѣ уплаты всѣхъ исковъ безъ суда, еще и торговой казни.

Между недѣльщиками и ѣздоками тяжущійся имѣлъ, кажется, право выбора, потому что въ Судебникѣ мы находимъ выраженіе: «а кто кого поимаетъ приставомъ ...» (ст. 31). Сверхъ того, запрещеніе, которое встрѣчается въ жалованныхъ грамотахъ, вызывать къ суду посредствомъ иныхъ приставовъ, кромѣ одного, не имѣло бы смысла, если бы выборъ недѣльщика не принадлежалъ самимъ тяжущимся. Этимъ, кажется, только и можно объяснить значеніе *данныхъ приставовъ*. Извѣстно, что они составляли важную судебную привиллегію въ XVI вѣкѣ. Г. Михайловъ (стр. 76), на основаніи одной царской грамоты, которою монастырскій приставъ былъ перемѣненъ, потому что «онъ монахамъ не любъ, дѣлъ монастырскихъ не бережетъ», дѣлаетъ предположеніе, что въ древнѣйшее время приставы, сверхъ своей обязанности, были еще «закономъ назначенные защитники и ходатаи по дѣламъ». Эта догадка имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, ибо выше мы видѣли, что въ 1547 г. Св. Филиппъ Колычевъ, будучи игуменомъ Соловецкаго монастыря, возложилъ такую обязанность на своего доводчика по тяжбамъ монастырскихъ крестьянъ передъ выгоозерскимъ волостелемъ. Могли и государи давать подобное порученіе даннымъ приставамъ. Однако мы не видимъ пока особенной нужды прибѣгать къ подобному объясненію. Обязанности данныхъ приставовъ ясно изложены въ жалованныхъ грамотахъ. Эти приставы были, во первыхъ, единственными, къ которымъ сторонніе люди могли обращаться для вызова на судъ духовенства и его крестьянъ; во вторыхъ, на нихъ лежала обязанность оберегать пожалованный монастырь отъ всякаго насилія. Такъ, если, нарушая привиллегію, государевы бояре, дѣти боярскіе или ѣздоки въѣзжали въ монастырскія села и деревни и брали тамъ для себя кормы, то приставъ долженъ былъ отдавать ихъ на поруку и ставить ихъ на судъ передъ великимъ княземъ.

Иногда приставы же обязаны были отыскивать бѣглыхъ монастырскихъ крестьянъ, пользуясь для этого правомъ безпрепятственнаго обыска какъ въ государевыхъ, такъ и въ частныхъ владѣніяхъ; или охранять монастырскіе лѣса, ловя и ставя на судъ тѣхъ, кто станетъ насильно рубить ихъ. Этими обязанностями, которыя возлагались иногда жалованными грамотами на данныхъ приставовъ, достаточно объясняется, по нашему мнѣнію, приведенное г. Михайловымъ выраженіе монастырской челобитной [213]).

Высшее въ государствѣ мѣсто, къ которому обращались и самые приказы за разрѣшеніями, составляла Царская или Боярская Дума. Ея окончательное образованіе относятъ къ царствованію Ивана Грознаго. Дума, для дѣлъ государственныхъ, была царскимъ совѣтомъ, на который призывались тѣ или другіе бояре по волѣ государя. Для дѣлъ административныхъ едва ли она не состояла сначала изъ собранія всѣхъ бояръ московскаго двора, потому что Судебникъ не употребляетъ даже въ этомъ случаѣ и названія Думы, а выражается просто: «бояре, поговоря вмѣстѣ». Члены Думы, судя по званіямъ: думный дворянинъ, думный дьякъ, что сначала врядъ ли было однимъ пустымъ титуломъ, были въ это время, вѣроятно, очень многочисленны. Но со времени царя Ивана Васильевича Дума получила значеніе постояннаго верховнаго учрежденія, и съ этихъ поръ число ея членовъ было ограничено. Такъ, при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ только пять-шесть членовъ составляли непремѣнное присутствіе, собиравшееся три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Въ другіе дни собирались только для обсужденія чрезвычайныхъ дѣлъ, по особеннымъ повѣсткамъ. Въ послѣдствіи дѣлаются извѣстными особенныя названія Думы: Золотая Расправная Палата, Золотая Меньшая Палата, Передняя и Отвѣтная Палата. Все это принимается за отдѣленія Думы. Вѣроятно, эти отдѣленія сначала не были постоянными, что уже видно и изъ самыхъ названій, заимствованныхъ отъ мѣстъ засѣданія. Въ послѣдствіи повидимому

213) Судебникъ, ст. 9—11, 18, 31, 32, 47, 50, 53, 54, 75, 100. Татищевъ, стр. 54, примѣчаніе (в). А. А. Э. т. I, N 274. А. Ю. N 289.—О данныхъ приставахъ см. А. А. Э. т. I, NN 82, 83, 110, 112, 154, 159, 171, 175, 189, 198, 222 и проч.

отдѣленія имѣли большею частію постоянный характеръ. Составъ каждаго отдѣленія былъ совершенно подобенъ составу присутствія въ приказахъ: отдѣленія состояли изъ двухъ или трехъ лицъ, по волѣ государя. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ названій нельзя, кажется, даже принимать за особыя отдѣленія. Такъ напр., Передняя и Золотая Меньшая Палата обозначали повидимому одно и тоже: объ обѣихъ говорится, что туда поступаютъ спорныя дѣла изъ приказовъ. Отвѣтная Палата была вовсе не административнымъ учрежденіемъ, а простымъ собраніемъ бояръ для пріема государемъ иностранныхъ пословъ.

Судебныя дѣла всего болѣе поступали въ Думу по докладу приказныхъ судей. Докладъ дѣлался, при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ, начальникомъ того мѣста, изъ котораго онъ поступалъ; слѣдовательно первоприсутствующимъ приказа. Въ какомъ случаѣ поступалъ докладъ изъ приказовъ, рѣшить довольно трудно. Законы XVI и XVII вѣковъ не дѣлаютъ на этотъ счетъ никакихъ опредѣленій, замѣчая только, что дѣло восходитъ на разсмотрѣніе государя, когда жалобнику нельзя учинить управы безъ государева указа [214]). Какъ мы имѣли уже случаї замѣтить, такъ должно было происходить всякій разъ, когда въ приказѣ не было единогласія, ибо иначе нельзя объяснить, какимъ образомъ могло бы составиться рѣшеніе. Другой случай доклада можно вывести изъ дошедшихъ до насъ дополнительныхъ указовъ къ Судебнику и новоуказныхъ статей. Какъ тѣ, такъ и другія образовались изъ боярскихъ приговоровъ, утвержденныхъ государемъ, и содержатъ въ себѣ большею частію изложеніе какого нибудь юридическаго казуса, возникшаго вслѣдствіе неяснаго пониманія закона. Эти доклады тоже должны были поступать изъ приказовъ. Иначе нельзя объяснить ихъ происхожденія. Въ Думѣ докладъ обсуживался, и тамъ-то, вѣроятно, получалъ ту общую форму, въ которой дошли до насъ боярскіе приговоры. Въ двухъ только случаяхъ законы XVI в. непремѣнно требуютъ доклада государю или Думѣ, именно: когда надобно вызвать на судъ намѣстника вслѣдствіе принесенной на него жалобы и когда нужно опредѣлить сумму штрафа, налагае-

---

[214]) Судебникъ, ст. 75. Флетчеръ, стр. 31. Татищевъ, стр. 94. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. XX, статья о приказахъ. Неволинъ, стр. 54—55.

маго на провинившагося чиновника. Какимъ образомъ рѣшались всѣ эти дѣла Боярскою Думою, на это нѣтъ прямыхъ указаній, однако есть возможность сдѣлать объ этомъ довольно вѣрное заключеніе. Судебникъ только въ одномъ случаѣ говоритъ, повидимому, о способѣ рѣшенія дѣлъ въ Боярской Думѣ: на обвиняемаго намѣстника ни одинъ бояринъ или дьякъ не можетъ самъ по себѣ дать приставную память; это должны сдѣлать всѣ бояре, поговоря вмѣстѣ. По объясненію Татищева, это значитъ, что приставныя памяти выдавались въ этомъ случаѣ съ разрѣшенія Боярской Думы [215]). Такъ-какъ о докладѣ самому государю не могло бы не быть здѣсь упомянуто, еслибъ онъ требовался, то мы думаемъ, что его и не было. Въ другихъ случахъ сообщеніе государю, вѣроятно, всегда было необходимо. Иногда это высказано довольно ясно въ самомъ законѣ; иногда же нельзя предположить никакого другаго способа дѣйствія. Когда бояринъ или дьякъ возметъ посулъ и обвинитъ кого не по суду, то о пенѣ, по словамъ Судебника, указывалъ государь. Тоже сказано и о провинившихся низшихъ чиновникахъ, напр. дьякѣ, подъячемъ и недѣльщикѣ [216]). Необходимость доклада здѣсь происходила отъ того, что штрафъ не былъ заранѣе опредѣленъ закономъ, слѣдовательно требовалось участіе законодательной власти. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приказъ сообщалъ свое сомнѣніе на счетъ рѣшенія дѣла, докладъ его, какъ требующій пополненія, или даже измѣненія въ дѣйствующихъ законахъ, не могъ не быть представленъ государю вмѣстѣ съ заключеніемъ Думы.

Другаго рода дѣла, поступавшія на разсмотрѣніе Думы, были дѣла по жалобѣ или апелляціи. По одному иностранному извѣстію XVI вѣка къ Думѣ обращались просители не только съ жалобою на судей, но даже и въ первой инстанціи. Бояре обязаны были разсмотрѣть прошеніе, и если обращеніе къ нимъ было законное, то и рѣшали дѣло; если же, по роду своему, оно подлежало другому вѣдомству, то они отсылали его туда, куда слѣдовало подать просьбу на общемъ основаніи законовъ. Что дѣй-

---

[215]) **Судебникъ, ст. 75. Татищевъ, стр. 94.**

[216]) **Судебникъ, ст. 2, 3, 7, 44, 54, 71, 73.**

ствительно сюда подавались апелляціонныя жалобы, по крайней мѣрѣ въ XV вѣкѣ, въ этомъ насъ убѣждаютъ тѣ статьи Судебника, гдѣ говорится о взысканіяхъ съ провинившихся судей. Какъ изъ полнаго ихъ изложенія, такъ въ особенности изъ опредѣленія, что о штрафѣ указываетъ самъ государь, между тѣмъ какъ о другихъ взысканіяхъ съ судей этого не сказано, ясно, что разборъ между жалобникомъ и судьею принадлежалъ особому учрежденію. Этимъ учрежденіемъ должна быть Боярская Дума, когда жалоба подана на судей приказовъ, ибо кто же бы могъ, кромѣ ея, дать расправу въ этомъ случаѣ? Разсматривая тѣже статьи, мы приходимъ къ заключенію, что по дѣламъ апелляціоннымъ Дума докладывала только объ одномъ штрафѣ; а самый разборъ дѣла, ею произведенный, уже вновь не пересматривался. Трудно однако разграничить здѣсь вѣдомство Думы и Челобитеннаго Приказа.

Послѣдній родъ дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Боярской Думы, составляютъ тѣ, которыхъ разборъ самъ государь поручалъ боярамъ. Эти разсматривались здѣсь въ первой инстанціи. Сюда относятся дѣла мѣстническія, которыя однако разбирались Думою только случайно. Иски низшихъ чиновъ до стольниковъ судились въ Разрядѣ; но челобитныя высшихъ чиновъ, начиная отъ стольника, подавались самому государю. Государь или лично разсматривалъ дѣло, или назначалъ для этого какого нибудь боярина, или наконецъ передавалъ дѣло на разсмотрѣніе Боярской Думы. Въ этомъ случаѣ всегда дѣлали докладъ государю, который и приказывалъ выдать правую грамоту. Вѣроятно, не одни мѣстническія дѣла, но и многія другія такимъ же образомъ переходили на обсужденіе Думы.

Вообще Боярская Дума не была собственно главнымъ центральнымъ учрежденіемъ государства. Это просто совѣтъ государя, а потому и голосъ она имѣла только совѣщательный. Рѣшенія ея почти всегда пріобрѣтали силу только вслѣдствіе утвержденія государя. Это выражается какъ въ самомъ словѣ: «дума», такъ и въ формѣ боярскихъ приговоровъ. «великій государь указалъ и бояре приговорили». Сношенія государя съ Думою происходили посредствомъ думныхъ дьяковъ, которые, по выраже-

нію записки о царскомъ дворѣ 1610 г., «доносили до государя думу» [217]).

Скажемъ теперь о непосредственномъ судѣ самаго государя Мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ извѣстій о томъ, въ какомъ случаѣ, и какимъ именно способомъ государь судилъ самъ, мимо установленныхъ органовъ правосудія, но сближая, одно съ другимъ, тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя доставляютъ намъ объ этомъ источники, можно, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ истинѣ. Выше, стараясь объяснить значеніе царскихъ тіуновъ и различіе ихъ отъ намѣстниковъ, мы пришли къ такому заключенію, что государь держалъ своихъ тіуновъ въ тѣхъ волостяхъ, съ которыхъ доходы онъ предоставлялъ самому себѣ, не отдавая ихъ никому въ кормленіе. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ судъ составлялъ собственность великаго князя, не какъ государя, не въ смыслѣ главы и источника правосудія въ государствѣ, а на томъ же самомъ основаніи, на какомъ судъ отдавался намѣстникамъ и волостелямъ, т. е. съ цѣлію исключительно доходною. Выразимся яснѣе: раздавая кормленія своимъ служилымъ людямъ, князь въ тоже время оставлялъ нѣкоторыя волости для непосредственнаго своего пользованія. Доходы съ нихъ шли въ его личную казну. Но это, однако, не одно и тоже съ дворцовыми волостями. Тамъ право собственника, хотя и соединенное съ званіемъ князя, а здѣсь пользованіе государственною землею. Судъ въ такихъ волостяхъ былъ личнымъ княжескимъ доходомъ. Кромѣ извѣстныхъ волостей, врядъ ли не оставлялись еще въ пользованіе князя нѣкоторыя судебныя дѣла. Вотъ одно мѣсто въ источникахъ, которое даетъ поводъ къ такому предположенію. Въ жалованной грамотѣ в. к. Ивана III, данной въ 1494 г. Марта 10, Бѣжецкой вотчинѣ Троице-Сергіева монастыря сказано: «Кому будетъ чего искати на игуменовѣ приказщикѣ, ино его сужу *язъ князь великій или мой бояринъ введеной*; а намѣстницы мои Бѣжецкіе или ихъ тіуни игуменова приказщика *ни моимъ судомъ великаго князя, ни боярскимъ судомъ не судятъ ихъ людей»* [218]). Замѣтимъ, что здѣсь, предоставивъ себѣ личную расправу надъ прикащикомъ, великій князь считаетъ за одно и тоже

---

[217]) Флетчеръ, стр. 31. А. И. т. II, N 355.

[218]) А. А. Э. т. I, N 131.

съ нею судъ введеннаго боярина, но отличаетъ отъ нея судъ намѣстниковъ отъ имени великаго князя. Ясно, что между тѣмъ и другимъ было какое-то различіе, которое врядъ ли возможно объяснить иначе, какъ финансовою, пошлинною принадлежностію нѣкоторыхъ дѣлъ государю съ исключеніемъ всякаго другаго суда по дѣламъ этого рода. Верховный судъ въ тѣхъ волостяхъ и по тѣмъ дѣламъ, которыя изъяты были изъ вѣдомства намѣстниковъ, производился, разумѣется, лично самимъ государемъ. Въ XVI вѣкѣ мы уже не встрѣчаемъ ни одного намека на предполагаемую здѣсь форму княжескаго суда, если не относить къ ней того различія, которое Судебникъ дѣлаетъ между боярскимъ судомъ и судомъ царя и великаго князя.

Въ остальныхъ частяхъ своей судебной дѣятельности великій князь, а въ послѣдствіи царь является съ характеромъ чисто государственнымъ. Но и здѣсь мы можемъ отличить двѣ стороны. Прежде всего судъ государя представляется какъ привиллегированный и дается, на основаніи тархановъ, лицамъ, имѣющимъ наиболѣе правъ въ государствѣ. Эти лица судились или самимъ государемъ [219], или тѣми изъ бояръ, кому это было поручено постоянно, или временно. Первое едва ли не было самою высшею привиллегіею. Въ Судебникѣ сказано, что въ случаѣ тяжбы Москвитянина съ волостелемъ московскаго села, принадлежащаго удѣльному князю, судить самъ царь и великій князь [220], и намъ кажется, что это непосредственное участіе государя въ судѣ выставлено какъ особенное, лучшее судебное право. Во вторыхъ, государь участвуетъ въ судѣ, какъ глава всей администраціи, первый источникъ правосудія. Въ этомъ смыслѣ его рѣшенію подлежатъ окончательно тѣ дѣла, которыя разсматриваетъ Боярская Дума. — Наконецъ, послѣдній видъ государевой расправы составляетъ тотъ его судъ, который онъ производитъ въ слѣдствіе лично поданной ему просьбы. Извѣстно, что личный судъ князя издревле считался у насъ главною его обязанностію. Особенно духовенство старалось побудить князей къ занятію правосудіемъ, ибо личный судъ князя былъ лучшимъ

---

219) А. Ю. N 17.

220) Судебникъ, ст. 100.

обезпеченіемъ правъ его подданныхъ. Такъ напр., св. Кириллъ писалъ въ 1408 году къ князю Андрею Можайскому: «А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста». И лучшіе изъ князей русскихъ откликнулись на голосъ церкви, чинили сами судъ и расправу. Изъ дошедшихъ до насъ правыхъ грамотъ многія выданы самими князьями. Въ XVI вѣкѣ для разбора просьбъ, подаваемыхъ государю, сдѣлалось необходимо особенное учрежденіе, и возникъ Челобитенный Приказъ. Если не ошибаемся, учрежденіе Челобитеннаго Приказа относится къ знаменитому 1550 году, когда, мучимый сознаніемъ безурядицы и неправды, Грозный собралъ земскій соборъ и задумалъ на немъ свои преобразованія. Вслѣдъ за извѣстнымъ воззваніемъ къ народу, царь Иванъ Васильевичъ обратился съ рѣчью къ любимцу своему Адашеву, только что пожалованному имъ въ окольничіе. Напомнивъ Адашеву о его незначительномъ происхожденіи, о царскихъ къ нему милостяхъ за его добрыя дѣла, государь поручилъ ему принимать челобитныя у бѣдныхъ и обиженныхъ, разсматривать ихъ и давать управу, не боясь сильныхъ и славныхъ, похитившихъ себѣ почести. Съ того же времени Грозный и самъ началъ судить многіе суды и разыскивать праведно. Можетъ быть, это порученіе сдѣлано было и одному Адашеву и прекратилось вмѣстѣ съ удаленіемъ его отъ двора, но нельзя не видѣть въ немъ первой мысли о Челобитенномъ Приказѣ, тѣмъ болѣе, что и первое оффиціальное извѣстіе о послѣднемъ относится къ концу царствованія Ивана IV-го. Но въ это время Челобитенный Приказъ представляется отчасти тайною канцеляріею государя. Въ описи царскаго архива 1575—1584 годовъ сказано, что въ Челобитную Избу была подана извѣтная челобитная о непригожихъ рѣчахъ про государя [221]. Въ послѣдствіи врядъ ли сохранилось такое значеніе: извѣстно,

---

[221]) А. И. т. I, N 16. С. Г. Г. т II, N 37. Исторія Россіи, Соловьева, т. VI, стр. 61.—А. А. Э. т. I, N 289, опись царскаго архива, 1575—1584 г., стр. 349. «Ящикъ 191 ... челобитная безъимянная, подали ее въ челобитную избу на Петрово имя Волынского, что будто Петръ слышалъ у Ѳедора у Новосилского про государя непригожіе рѣчи....»

что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для тайной полиціи существовалъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, а позже, при Петрѣ Великомъ, Преображенскій Приказъ. Опредѣленное извѣстіе о вѣдомствѣ Челобитеннаго Приказа относится къ началу XVII вѣка. Въ запискѣ о царскомъ дворѣ 1610—1613 года сказано. «Приказъ Челобитный. Какъ государь куды пойдетъ, бьютъ челомъ всякіе люди, и предъ государемъ бояринъ и дьякъ того Приказу принимаютъ челобитныя и по нимъ расправу чинятъ, а которыхъ не могутъ, тѣ къ государю вносятъ» [222]). Но разборомъ просьбъ, поданныхъ самому царю, не оканчивались обязанности Челобитеннаго Приказа. Изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, составленныхъ въ XVII вѣкѣ, видно, что нѣкоторые царскіе указы, заключающіе разрѣшеніе юридическихъ случаевъ, были разосланы изъ Челобитеннаго Приказа [223]). По всѣмъ этимъ соображеніямъ, кажется, что Челобитенный Приказъ былъ вообще собственною канцеляріей государя и, вмѣстѣ съ обязанностями Коммиссіи Прошеній, имѣлъ нерѣдко и другія, временно возлагаемыя на него волею государя. Въ послѣдствіи онъ пріобрѣлъ значеніе высшаго апелляціоннаго мѣста.

—

Кромѣ постоянныхъ органовъ правосудія были еще судьи, назначавшіеся особо для каждаго дѣла и которыхъ судебная обязанность прекращалась съ исполненіемъ порученія. Это *третейскіе* и *данные судьи*. Первые заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что третейская расправа есть самая древняя форма русскаго процесса. Въ эпоху суда правительственнаго она часто составляла содержаніе суда, производимаго княжескими чиновниками. Особенно очевидно это въ Новгородѣ и Псковѣ. Новгородскіе правители, какъ намѣстникъ князя, такъ и самый посадникъ, имѣли собственно только право суда. Тяжущіеся обязаны были являться къ нимъ на судъ, потому что, не явясь, лишили бы ихъ части законнаго ихъ дохода, но къ

---

[222]) А. И. т. II, № 355.

[223]) А. И. т. III, № 92, XII, XIV, XV. Дворцовые Разряды, т. VI, стр. 590.

содержанію процесса эти судьи были равнодушны, и потому оно наполнялось не ими, а приставами, которыхъ избирали спорящія стороны. Въ Псковѣ это не было общимъ правиломъ, однако по дѣламъ поземельнымъ судъ оканчивался обыкновенно избраніемъ «межниковъ», т. е. посредниковъ. Всего менѣе уцѣлѣла эта форма въ Московскомъ государствѣ, ибо здѣсь община вообще не выработалась юридически. Однако и здѣсь есть слѣды чего-то подобнаго Римскому раздѣленію на jus et judicium. Лучшіе люди, являвшіеся на судъ княжескихъ чиновниковъ, приходили съ обѣихъ сторонъ. Правда, законъ не предоставлялъ имъ никакого участія въ произнесеніи приговора, но не мудрено, однако, что въ дѣйствительности судьи обращались къ нимъ за совѣтомъ, ибо мы видимъ впослѣдствіи, что, безъ всякаго закона объ этомъ, цѣловальники участвуютъ иногда въ судѣ воеводы. Исчезновеніе третейскаго характера изъ высшаго областнаго суда объясняется какъ тѣмъ, что воеводы вообще не терпѣли подлѣ себя самостоятельной дѣятельности общинъ, такъ и тѣмъ усиленіемъ законодательства, которое произошло въ XVII вѣкѣ. Судъ пересталъ производиться на основаніи обычая, а потому и въ знатокахъ его не было прежней нужды. Обычай уступилъ мѣсто судебной практикѣ, которой знатоками были дьяки и подъячіе. Но если въ XVII вѣкѣ третейскій характеръ не лежитъ болѣе въ основаніи правительственнаго суда, то, съ другой стороны, примѣненіе третейской формы должно было отчасти распространиться. Прежде врядъ ли податныя лица могли сами избирать третейскихъ судей безъ разрѣшенія своихъ казенныхъ начальниковъ. Это значило бы лишить ихъ судебныхъ пошлинъ, а мы знаемъ, что тяглымъ людямъ предписывалось даваться имъ подъ судъ. Третейскихъ судей, безъ вѣдома начальства, вѣроятно, могли избирать только тѣ, которые судились безпошлинно. Но съ XVII вѣка пошлины не составляютъ уже главнаго интереса суда, а потому третейская форма и могла получить освященіе закона и занять мѣсто въ Уложеніи. Однако вслѣдствіе того, что вообще въ юридическія отношенія этого времени проникло законодательное начало, третейскій судъ оставался постоянно исключеніемъ. Только между крестьянами онъ сохранилъ прежнюю важность.

Историческимъ значеніемъ третейскаго суда объясняется и его характеръ. Будучи сначала однимъ изъ правилъ, а не исключеніемъ, онъ вовсе не основывается на особенныхъ началахъ, отличныхъ отъ административнаго суда въ XVI вѣкѣ, а представляетъ скорѣе полнѣйшее примѣненіе этихъ началъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи онъ продолжаетъ сохранять тотъ же характеръ и не остается чуждъ положительному закону, ибо и законъ въ свою очередь не былъ чуждъ народному обычаю, на почвѣ котораго онъ образовался. И такъ нашъ третейскій судъ имѣетъ въ это время характеръ только forum prorogatum, а вовсе не совѣстнаго суда или суда, основаннаго на особенномъ обычаѣ. Этимъ объясняются два важныхъ факта, которые мы находимъ въ нашихъ источникахъ относительно этой судебной формы. 1. рядомъ съ третейскими судьями, избранными тяжущимися, мы встрѣчаемъ третейскихъ судей *данныхъ*, т. е. назначенныхъ властію. Это дѣлалось такимъ образомъ: тяжущіеся обращались къ своему непосредственному начальству съ просьбою о назначеніи имъ третейскихъ судей, — вѣроятно, обозначая имена желаемыхъ лицъ въ своей челобитной [224]). Въ то же время мы встрѣчаемъ и такихъ судей, которые были избраны самими тяжущимися, что̀ происходило на основаніи дововора и посредствомъ составленія третейской записи [225]). 2 На третьихъ, какимъ бы способомъ они ни были назначены, можно было жаловаться или тому, кто ихъ назначилъ, или самому государю, если они были выборные. Впослѣдствіи возможность приносить жалобу была ограничена, но въ настоящее время еще не было никакихъ ограниченій. Такъ въ 1555 г. государю подана была челобитная на третьихъ, рѣшившихъ дѣло единогласно [226]).

Способъ исполненія третейскаго приговора, когда судьи были назначены начальствомъ, былъ обыкновенный, тотъ же самый, какой и для рѣшеній правительственныхъ судей. Но добровольно избранные посредники не имѣли въ своемъ распоряженіи принудительныхъ мѣръ, а потому и способъ исполненія былъ здѣсь

---

224) А. Ю. № 66, 67.

225) А. А. Э. т. III, № 277.

226) Дополненія къ А. И. т. I, № 51, VI.

бенный. Такъ какъ этотъ видъ третейскаго суда основывался на взаимномъ согласіи тяжущихся, и подчиненіе ихъ судьямъ было только послѣдствіемъ ихъ согласія, то надобно было обезпечить ихъ повиновеніе приговору. Съ этою цѣлію въ третейской записи помѣщалось условіе о лишеніи неповинующагося, напр. не явившагося на судъ, всего иска и объ уплатѣ имъ посредникамъ безчестія противъ государева денежнаго жалованья. Но этимъ опредѣлялся только объемъ взысканія, а не способъ его. Нужно было обезпечить и послѣдній. Въ половинѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ любопытный фактъ относительно этого обезпеченія: тяжущіеся, вмѣсто записей, написали равноцѣнныя кабалы, каждый на имя своего противника, и вручили ихъ своимъ судьямъ. Кабалы были выданы обѣ оправданному, разумѣется, для того, чтобъ обезпечить ему взысканіе иска съ обвиненнаго.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, на которое наводитъ насъ сличеніе извѣстій о третейскомъ судѣ. Кажется, что различный способъ назначенія посредниковъ рѣшительно всегда условливался различнымъ положеніемъ тяжущихся: люди независимые, по видимому, пользовались правомъ *заряжать* судей, а зависимые люди, напротивъ, ихъ испрашивали. Мы разумѣемъ подъ зависимыми людьми всѣхъ тѣхъ, которые или жили на земляхъ частныхъ собственниковъ, или состояли въ распоряженіи правительства, или даже, такъ сказать, подъ особенною его опекою. Такъ напр. монастырскіе крестьяне испрашиваютъ себѣ третьихъ, а игуменъ монастыря ихъ избираетъ. Въ другомъ случаѣ, въ слѣдствіе челобитья, принесеннаго государю игумномъ на черныхъ людей, третейскій судья со стороны игумна назначается правительствомъ, а волостные крестьяне избираютъ своего судью сами. Такъ какъ монастыри большею частію состояли подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти, то такое различіе понятно, хотя, разумѣется, въ то же время игуменъ не былъ лишенъ права и самъ избрать судью для своего дѣла [227]).

Посредники избирались не для одного суда: имъ же отдавались иногда и мировыя записи, если въ нихъ была назначена

---

227) А. А. Э. т. I, № 209, грамота в. к. Ивана Вас. Третьяку Гнѣвашеву, 1546 года сентября 12.

неустойка. Эти мировыя записи они должны были, въ случаѣ неисполненія условія, выдать правому на виноватаго. Такая выдача происходила всегда съ вѣдома какого нибудь правительственнаго судьи, напр. казначея [228]).

Ходъ процесса при третейскомъ судѣ былъ обыкновенный. Рѣшеніе должно быть всегда единогласное. Въ древнѣйшее время, когда третейскій судъ былъ въ употребленіи для общихъ дѣлъ жителей двухъ различныхъ княжествъ, въ случаѣ разногласія судьи обращались къ одному общему посреднику, которымъ былъ обыкновенно или одинъ изъ князей, или митрополитъ. По частнымъ дѣламъ третейскіе судьи не дѣлали никому доклада въ случаѣ разногласія; но или судъ ихъ считался недѣйствительнымъ, или сами тяжущіеся приносили на нихъ жалобу.

Данные судьи были лица, назначаемыя судьями центральнаго, или мѣстнаго управленія для разсмотрѣнія одного извѣстнаго дѣла. Это judices delegati. Подъ этотъ разрядъ подходятъ и третейскіе судьи, назначенные властію; но чаще всего подъ такимъ названіемъ встрѣчаемъ низшихъ чиновниковъ, которымъ высшіе судьи предписывали разобрать дѣло. Иногда имъ поручалась только какая нибудь часть процесса, напр. осмотръ спорной земли, произведеніе обыска и проч.; но иногда они судили и весь процессъ. Окончивъ разборъ дѣла, они должны были доложить назначившему ихъ судьѣ, потому что они только *судили*, а *вершеніе* дѣла имъ не принадлежало. Право окончательной расправы они имѣли въ томъ случаѣ, когда эта расправа не была судомъ, а только исполненіемъ приказанія начальника. Такъ напр. въ 1609 г. слуга боярина Шереметева Индрикъ билъ челомъ о сыскѣ бѣглаго крестьянина и сдѣланнаго имъ споса. Нижегородскіе воеводы поручили дѣло стрѣлецкому сотнику, который долженъ былъ сыскать крестьянина и возвратить его, вмѣстѣ съ спосомъ, Индрику. Здѣсь сотникъ распоряжается окончательно, но потому только, что суда тутъ не было, рѣшеніе произнесено

---

[228]) А. А. Э. т. I, N 262, царская гр. Бѣжецкаго Верха въ Городецкій уѣздъ, 1563 г. мая 26. — Мировая запись отдается третьему, для того: «которой де исцов и отвѣтчики не учнуть такъ творити, какъ въ записи написано, и третьему запись выдать правому на виноватого, съ казначеева вѣдома.»

заранѣе самими воеводами. Когда же былъ судъ, то вершеніе не предоставлялось даннымъ судьямъ Частная жалоба на нихъ, т. е. жалоба на ихъ злоупотребленія приносилась тому, кто ихъ назначилъ; а если напр. областной судья не дѣлалъ никакого удовлетворенія, то жалоба приносилась на послѣдняго его начальству, въ Приказъ, которому онъ былъ подсуденъ [229]).

—

Сказавъ о различныхъ органахъ судебной власти въ древней Россіи, мы можемъ уже теперь опредѣлить взаимныя ихъ отношенія по отправленію правосудія и сдѣлать заключеніе о судебныхъ инстанціяхъ. Уже изъ самого характера древняго управленія очевидно, что правильнаго порядка инстанцій нельзя ожидать ни въ XVI, ни въ XVII вѣкѣ. Каждый видъ управленія составлялъ, такъ сказать, особое, замкнутое цѣлое, а потому и количество инстанцій не могло быть одинаково.

Восхожденіе дѣла по инстанціямъ имѣетъ цѣлію пересмотръ рѣшенія для обезпеченія его правильности, въ слѣдствіе чего бы дѣло ни переходило на обсужденіе высшаго судьи, по волѣ ли закона, или по волѣ низшаго судьи, или наконецъ по желанію самихъ тяжущихся. Уже по самой цѣли пересмотра очевидно, что дѣло можетъ быть передано на вторичное разсмотрѣніе только того, кто или представляется большимъ знатокомъ закона, или имѣетъ большую судебную власть. Но въ Россіи XVI вѣка судебная власть не была построена іерархически. Различіе между кормленщиками основывалось на различіи ихъ доходовъ; власть же, имъ предоставленная, была въ сущности одна и та же: слободчикъ въ предѣлахъ ввѣренной ему меньшей территоріи былъ рѣшительно тоже самое, что намѣстникъ или волостель на пространствѣ всего уѣзда, или цѣлой волости. Такимъ образомъ, каждый областный судья составлялъ только первую инстанцію. Съ другой стороны, хотя, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, каждый сомнѣвающійся судья могъ сначала обращаться съ докладомъ къ тому, или другому лицу совершенно произвольно, но обращаться къ намѣстнику — не только какому нибудь волостелю, но даже его

[229]) А. А. Э. т. I, N 209. Дополненія къ А. И. т. I, N 51, I, XV. А. А. Э. т. II, N 142.—А. Ю. N 155.

собственному тіуну, было бы совершенно излишне: намѣстникъ былъ столь же малымъ знатокомъ обычая, какъ и правитель низшаго разряда; поэтому въ предѣлахъ администраціи разрѣшеніе случая, вызвавшаго докладъ, могло произойти отъ одного государя, ибо ему одному принадлежала законодательная власть, могущая восполнить обычай. По этому ревизіонную инстанцію составлялъ всегда самъ государь. Въ частныхъ владѣніяхъ, гдѣ судъ былъ предоставленъ въ полное распоряженіе собственника или владѣльца, послѣдній игралъ роль князя относительно своихъ подданныхъ, всякій докладъ поступалъ къ нему: прикащикъ докладывалъ своему господину, тіунъ дворецкаго съ путемъ—этому дворецкому и т. д. Только въ монастырскихъ земляхъ инстанціи было болѣе: какъ докладъ, такъ и жалоба поступали иногда въ монастырскую съѣзжую избу, тіуну или волостелю, а оттуда, разумѣется, могли быть поданы еще игумну или архимандриту. Но это не было отступленіемъ отъ общаго правила, потому что здѣсь съѣзжая изба представляетъ центральное учрежденіе, бывшее для монастырскихъ владѣній тѣмъ же, чѣмъ приказы для всего государства.—Не должно удивляться, что тіуны намѣстниковъ присылали свой докладъ въ Москву, между тѣмъ, какъ тіуны дворецкихъ и прикащики частныхъ собственниковъ присылали докладъ къ своему господину. Можетъ быть, и намѣстничьи тіуны сначала обращались въ этомъ случаѣ къ тому, отъ кого держали власть свою; но въ эпоху Судебниковъ между властію областныхъ правителей и властію частныхъ владѣльцевъ была положена граница: первыхъ правительство ограничивало въ ихъ кормленіи, а послѣднимъ всѣ права, кромѣ уголовнаго суда, были вполнѣ предоставлены. Чтобъ выразить въ двухъ словахъ это различіе, можно сказать, что въ первомъ случаѣ судъ отданъ былъ въ пользованіе, а во второмъ въ собственность.

Жалоба на тіуновъ должна бы приноситься назначившему ихъ кормленщику, ибо здѣсь дѣло идетъ не о сомнѣніи въ способѣ рѣшеніе дѣла, но о злоупотребленіяхъ. Однако мы находимъ въ источникахъ, что и жалоба на нихъ приносится государю [230]), вѣроятно, потому что здѣсь легче было найти управу.

---

[230]) А. И. т. I, № 299.

Выборное земское управленіе не внесло новыхъ началъ въ распорядокъ инстанцій. Оно основывалось на жалованныхъ грамотахъ и не было введено повсемѣстно, да къ тому же существовало для низшихъ слоевъ народонаселенія. По всему этому оно не могло быть построено іерархически. Число инстанцій могло измѣниться только со времени появленія воеводъ. Уже и прежде правительство старалось ограничить тѣ невыгоды, которыя должны были происходить отъ стеченія дѣлъ въ высшихъ административныхъ учрежденіяхъ. Этими мѣрами оно могло содѣйствовать къ внесенію сюда большаго порядка. Такъ въ 1556 году сентября 12 царь Иванъ Васильевичъ обратилъ къ Новгородскому намѣстнику докладъ пригороднаго намѣстника. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовалъ, кажется, родъ зависимости пригородныхъ намѣстниковъ отъ городскихъ: такъ Ивангородскій намѣстникъ присылалъ докладъ къ Новгородскому [251]), слѣдовательно образецъ для устройства областной судебной іерархіи уже былъ готовый; но пока продолжалась система кормленій, въ слѣдствіе отсутствія всякихъ началъ въ распредѣленіи участковъ между правителями, трудно ввести было какой бы то ни было правильный порядокъ. Воеводы, будучи государственными чиновниками, назначаемые съ болѣе административными цѣлями, представляли къ тому и бо́льшую возможность. Но такъ какъ взаимная зависимость въ областяхъ не успѣла еще опредѣлиться, то воеводы главныхъ городовъ не сдѣлались еще второю инстанціею для воеводъ приписныхъ городовъ, и до Уложенія не видно, чтобы въ дѣлѣ судебномъ послѣдніе сколько нибудь зависѣли отъ первыхъ.

Въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ первую инстанцію составляли бояре, а потомъ приказы. Вторую инстанцію составлялъ государь.

Государь сначала или судилъ во второй инстанціи лично, или предоставлялъ судъ свой боярамъ; но это послѣднее разсматривалось сначала только какъ порученіе, а потому судъ бояръ и не составлялъ для областныхъ жителей особой инстанціи. Всякій разъ, когда докладъ былъ представленъ какому нибудь боярину, послѣдній, разсмотрѣвъ его, сообщалъ свое мнѣніе государю. Го-

---

[251]) Дополненія къ А. И. т. I, № 51, IX и XIX.

сударь произносилъ рѣшеніе, а бояринъ прикладывалъ только свою печать къ докладному списку, утверждая его такимъ образомъ по государеву слову. Когда приказы образовались, они заняли въ отношеніи къ областному суду мѣсто непосредственной второй инстанціи, потому что давали разрѣшеніе на докладъ областныхъ начальниковъ сами собою, безъ всякаго дальнѣйшаго производства. Такъ напр. Разбойный Приказъ дѣлалъ распоряженія по докладамъ губныхъ старостъ, не относясь ни къ какимъ высшимъ учрежденіямъ [232]). Относительно приказовъ государь, вмѣстѣ съ Боярскою Думою и Челобитеннымъ Приказомъ, продолжалъ составлять вторую инстанцію.

Итакъ въ періодъ отъ Судебника до Уложенія замѣтно слѣдующее измѣненіе въ числѣ инстанцій. Въ первую половину, т. е. до появленія воеводъ, ихъ постоянно было двѣ, какъ для слѣдственнаго, такъ и для апелляціоннаго порядка, ибо единственною главою всей администраціи былъ одинъ государь. Въ XVII вѣкѣ двѣ инстанціи сохранились только для доклада и для московскихъ приказовъ, выше которыхъ были только Боярская Дума и государь. Но для областныхъ жителей число апелляціонныхъ инстанцій увеличилось. На областнаго начальника можно было жаловаться сначала приказу и самому государю. Частная жалоба тоже могла проходить всѣ эти инстанціи. Такъ по упомянутому выше дѣлу слуги боярина Шереметева жалоба на даннаго судью была принесена сначала воеводамъ, а потомъ Приказу.

Далеко не всякое дѣло однако проходило всѣ установленныя инстанціи. Многія изъ нихъ начинались прямо во второй, минуя первую. Причина этого лежала не въ одномъ характерѣ дѣлъ, но, сообразно общему духу тогдашняго управленія, и во взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ лицъ, которыя вступали въ тяжбу. Сколько можно заключить изъ источниковъ, это и есть древнѣйшее начало исключенія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ изъ вѣдомства низшихъ судей. Извѣстно, что судъ составлялъ право областныхъ правителей. Каждое лице ихъ присуда было обязано даваться имъ подъ судъ. Естественно, что въ случаѣ тяжбы

---

[232]) Воронежскіе Акты, часть 2, стр. 83, 128, 197.

между лицами разныхъ присудовъ, начальники обѣихъ сторонъ должны были судить вмѣстѣ, ибо иначе одинъ изъ нихъ былъ бы лишенъ своихъ пошлинъ. Но такое средство было возможно только тогда, когда судьи истца и отвѣтчика жили близко другъ отъ друга. На значительномъ разстояніи этотъ способъ представлялъ большія затрудненія. Дѣло могло возникнуть между жителями двухъ, даже непограничныхъ между собою уѣздовъ. Уже въ слѣдствіе этого необходимо было найти для нихъ другую форму расправы. Сверхъ того, племенныя различія, историческая противоположность древнихъ княжествъ не успѣли еще сгладиться въ XVI вѣкѣ, а потому, можетъ быть, столкновенія между жителями разныхъ городовъ обращали на себя большее вниманіе правительства. Какъ бы то ни было, но смѣстный судъ былъ замѣненъ въ этомъ случаѣ судомъ въ московскихъ приказахъ. Это правило, повторяемое во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, въ особенности подтверждено было указомъ Ивана Грознаго 1559 года ноября 30, которымъ запрещено казначеямъ отказывать въ судѣ иногородцамъ разныхъ городовъ. Такимъ образомъ въ XVI вѣкѣ только дѣла между жителями одной области начинались передъ областными судьями; дѣла же между жителями двухъ разныхъ областей начинались прямо во второй инстанціи. Въ XVII вѣкѣ, по введеніи болѣе однообразныхъ началъ подсудности, этотъ законъ не имѣлъ уже повидимому никакого дѣйствія. Областные жители даже и иногородные судились воеводами, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые были избавлены отъ областной зависимости жалованными грамотами [233]).

Въ приказахъ же начинались въ первой инстанціи дѣла лицъ привиллегированныхъ съ лицами другихъ вѣдомствъ.

Позднѣйшее начало, по которому нѣкоторыя дѣла начинались во второй инстанціи, есть исключеніе важнѣйшихъ дѣлъ изъ областнаго суда. Такое исключеніе видимъ уже и въ XVI вѣкѣ, но въ это время дѣла не столько исключались изъ суда намѣстниковъ, сколько подчинялись условію доклада. Особенное развитіе это начало получило въ XVII вѣкѣ. Въ это время изъ суда

---

[233]) А. А. Э. т. I, №№ 13. 123, 144, 150, 181, 183, 201. 234, 250; т. III, №№ 36, 37. — А. И. т. I, № 154, XIV. — А. А. Э. т. III, № 191.

воеводъ малыхъ городовъ были исключены дѣла помѣстныя, вотчинныя и холопьи, а также дѣла, превышавшія извѣстную сумму, предѣлами которой была ограничена областная юрисдикція.

Такимъ образомъ дѣла, начинавшіяся прямо во второй инстанціи, можно подвести подъ слѣдующія рубрики. Въ XVI вѣкѣ это были: a) дѣла иногородцевъ между собою, и b) дѣла привиллегированныхъ лицъ и общинъ съ другими лицами и общинами; въ XVII вѣкѣ сюда принадлежали: a) дѣла привиллегированныхъ лицъ, b) дѣла помѣстныя, вотчинныя и холопьи, и c) дѣла, превышавшія мѣстную судебную власть по своей цѣнности.

Нарушенія порядка инстанціи были очень обыкновенны какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкѣ. Разнообразіе подсудности и многочисленныя судебныя привиллегіи не могли не содѣйствовать извращенію правильнаго хода судопроизводства. Особенно способствовали тому жалованныя грамоты. Монастыри, изъятые отъ областной подсудности, въ качествѣ отвѣтчиковъ, нерѣдко обращались съ просьбами въ приказы и тогда, когда являлись на судъ въ качествѣ истцевъ. Такъ напр. Троицкій Чердынскій монастырь, избавленный, какъ большая часть монастырей, только отъ отвѣта передъ мѣстными судьями, предъявляетъ, въ 1639 г., искъ свой противъ волостныхъ крестьянъ прямо въ Приказъ Большаго Дворца; между тѣмъ какъ въ 1618 г. болѣе значительная обитель, именно Юрьевъ монастырь въ Новгородѣ, подала челобитную мѣстному воеводѣ. Такъ произвольно поступали тяжущіеся! Правительство сначала старалось не допускать подобныхъ отступленій, потому что въ XVI вѣкѣ допустить судъ въ приказѣ, значило лишить намѣстника принадлежащаго ему дохода. Поэтому царь или бояре, принявъ подобныя челобитныя, обыкновенно обращали ихъ къ областному правителю, предписывая ему произвести судъ, если имѣетъ на то право. Судебникъ строго охраняетъ въ этомъ случаѣ права намѣстниковъ и волостелей. Приставу, пріѣхавшему въ городъ или уѣздъ, для вызова къ суду предписано предъявлять намѣстнику приставную память, и если тяжущіеся равно ему подсудны, то ставить ихъ передъ нимъ на судъ. Если приставъ не исполнитъ этой обязанности, то лишается ѣзда и платитъ хоженое мѣстному

доводчику. Нарушеніе судебныхъ инстанцій было нарушеніемъ предѣловъ кормленія, уменьшеніемъ намѣстничьихъ доходовъ, и потому правительство немогло допускать его [234]). Но въ XVII вѣкѣ, когда намѣстниковъ замѣнили воеводы, то всѣ судебные доходы, перешли въ руки правительства, а потому когда просители обращались мимо воеводъ къ приказу, послѣдній сообразовался съ удобствомъ, или приказывая воеводѣ самому произвести судъ съ докладомъ или безъ доклада, или, напротивъ, предписывая ему выслать тяжущихся на судъ въ Москву. Приведемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ нарушеній порядка инстанцій. Сыскъ по уголовнымъ дѣламъ принадлежалъ въ Воронежѣ губнымъ старостамъ, имъ подавалась челобитная, а они уже докладывали Разбойному Приказу; но въ 1638 году Воронежская помѣщица Рукина обратилась прямо къ Приказу и обвиненныхъ ею дѣтей боярскихъ велѣно было выслать въ Приказъ. По челобитной Троицкаго Чердынскаго монастыря, о которой сказано выше, судъ былъ произведенъ въ Приказѣ. По иску Тихвинскаго Успенскаго монастыря противъ посадскихъ людей, послѣдніе, хотя и были отвѣтчиками, были вызваны къ суду въ Новгородскую четверть[235]). Одною изъ причинъ несоблюденія правильнаго отношенія между инстанціями былъ господствовавшій взглядъ на областную юрисдикцію. Ограниченіе ея извѣстною денежною суммою разсматривалось болѣе какъ запрещеніе давать судъ выше этой цѣнности, чѣмъ въ смыслѣ требованія закона, чтобъ въ предѣлахъ этой суммы иски предъявлялись непремѣнно воеводѣ. Послѣднее образовалось уже позже, и было вызвано различными злоупотребленіями. Любопытно видѣть, какимъ об-

---

234) А, И. т. III. N 75. Дополненія къ А. И. т. I, N 51. IV. Новгородецъ бьетъ челомъ въ приказѣ на монастырскихъ крестьянъ; по правилу долженъ бы быть судъ смѣстный. XX Искъ игумна против Новгородскихъ рядовичей вчинается въ Москвѣ. N 83. Искъ монастырскаго слуги противъ волостныхъ крестьянъ тоже вчинается въ Москвѣ — А А. Э. т. I, N 209. Искъ игумна противъ волостныхъ крестьянъ; челобитная подана московскимъ боярамъ. Такихъ просьбъ попадется очень много.

235) Воронежскіе Акты, часть 2, N 10. — А. И. т. III, N 202. — А. А. Э. т. III, N 312.

разомъ возникалъ въ древней Россіи правильный порядокъ инстанцій. Жителямъ нѣкоторыхъ городовъ была предоставлена привиллегія судиться во всякихъ дѣлахъ на мѣстѣ, такъ что въ Москву дѣла ихъ переходили только по апелляціи. Такимъ правомъ пользовался Новгородъ.

Другіе города расширяли свою юрисдикцію постепенно, испрашивая себѣ жалованныя грамоты. Такъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Псковскіе посадскіе люди, въ избѣжаніе поклепныхъ исковъ противъ нихъ, получили право судиться до ста рублей у своего воеводы; но это не избавило ихъ отъ хлопотъ: дворяне и дѣти боярскіе продолжали привозить изъ Москвы зазывныя грамоты, только увеличивая исковую сумму до полутораста рублей и болѣе Бѣдные Псковичи рады были откупиться отъ поѣздки въ Москву небольшою суммою; но такъ какъ поклепные иски превратились наконецъ въ особенный родъ промысла, то въ 1633 году всегородные земскіе старосты изъ Пскова просили государя сравнять ихъ привиллегію съ новгородскою. Царь исполнилъ ихъ желаніе. Такая же привиллегія дана была потомъ Суздальцамъ. Другою причиною нарушенія порядка инстанцій было смѣшеніе апелляціонной и даже простой исковой челобитной съ жалобою на административныя распоряженія. Извѣстно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ челобитчикамъ давали судъ. Надѣясь легче найти управу въ приказѣ, просители нерѣдко обращались туда съ своими жалобами. Такъ Чердынскіе волостные крестьяне въ 1635 году обратились съ жалобою на своего земскаго старосту не къ воеводѣ, а въ Новгородскую Четверть. Точно также и въ дѣлахъ чисто гражданскихъ просители часто били челомъ въ приказахъ, когда скорѣе слѣдовало бы обратиться къ мѣстному начальству. Вотъ примѣръ подобнаго челобитья. Въ 1556 году богатые новгородскіе помѣщики Скобельцыны насильственно поставили волостныхъ крестьянъ на судъ передъ Ямгородскимъ намѣстникомъ. Послѣдній по обычаю обратился съ докладомъ въ Новгородъ, гдѣ дьяки оправдали отвѣтчиковъ и предписали намѣстнику выдать имъ правую грамоту. Намѣстникъ ослушался и не выдалъ ея. Слѣдовало бы жаловаться новгородскимъ дьякамъ, а жалоба подана въ Москвѣ, и оттуда уже предписано дьякамъ дать вторичный

судъ отвѣтчикамъ какъ на Скобельцыныхъ, такъ и на намѣстника [236]). Въ Москвѣ нарушеніе порядка инстанцій состояло въ обращеніи къ государю, мимо приказовъ.

Подсудность тяжущихся въ періодъ отъ половины XVI до половины XVII вѣка опредѣлялась различными началами, между которыми не трудно замѣтить историческую преемственность. Древнѣйшее начало есть *мѣсто жительства*. На этомъ основаніи всѣ жители извѣстнаго округа подлежали суду своего мѣстнаго начальника [237]). Въ XVI вѣкѣ это начало имѣло особенное значеніе. Такъ какъ судъ составлялъ право намѣстниковъ и волостелей относительно податныхъ сословій, то въ строгомъ смыслѣ слова судиться у него были обязаны по преимуществу тѣ, кто вообще несъ государственныя повинности. Такой взглядъ на подсудность опредѣленно высказанъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ. Напр. въ жалованной грамотѣ Устюжнѣ Желѣзопольской сказано: «а кто учнетъ жити на нашей на черной землѣ, сынъ боярской или приказной человѣкъ, или митрополичь и владычень и монастырской, или чей нибуди: и тѣ люди въ тѣхъ дворѣхъ и въ волостѣхъ, и въ деревняхъ и въ починкахъ, волостелю Устюженскому намѣстнику судимы и тягло съ черныхъ дворовъ... тянутъ повытно» [238]) Здѣсь подсудность зависитъ наравнѣ съ платежемъ тягла отъ житья на черной землѣ. Но такъ какъ всѣ земли, кромѣ обѣленныхъ жалованными грамотами, были податныя, то по этимъ землямъ духовенство и служилые люди были тоже подсудны намѣстнику [239]). Какъ присудъ кормленщика опредѣлялся объемомъ тѣхъ земель, которыя несли въ пользу его повинности, такъ при земскомъ управленіи судебный округъ выборныхъ судей опредѣлялся пространствомъ тѣхъ земель, съ которыхъ они собирали подати. Вслѣдствіе этого мы видимъ на судѣ ихъ какъ духовныхъ, такъ и служилыхъ людей [240]).

---

236) А. А. Э. т. III, N 227. Старинные Акты Шуи, N 79. Дополненія къ А. И. т. I, N 51, V.

237) А. И. т. I, N 210, II. Судебникъ, ст. 48, 68, 72, 100.

238) А. А. Э. т. III, N 138.

239) См. примѣчаніе 13.

240) Такъ мы видимъ игумна на судѣ земскихъ судей. А. Ю. N 23.— А. А. Э. т. I, N 364.

Въ этомъ явленіи была уже нѣкоторая аномалія; ибо ни тѣ, ни другіе не участвовали въ выборѣ земскихъ судей, а между тѣмъ отъ нихъ зависѣли. Полное приложеніе начала подсудности по мѣсту жительства явилось уже въ эпоху воеводскаго управленія. Основаніемъ ея въ это время была уже не финансовая зависимость лица, а просто возникновеніе дѣла въ предѣлахъ того округа, которымъ управляетъ воевода, гдѣ ввѣрено ему наблюденіе за порядкомъ. По этому даже пріѣзжіе люди подлежатъ его суду, какъ скоро не избавлены отъ этого особыми жалованными грамотами [241]). Дальнѣйшее развитіе этого начала видимъ мы въ московскихъ территоріальныхъ приказахъ. Другое начало подсудности возникло вслѣдствіе судебныхъ привиллегій. Третье начало, которое, по всей вѣроятности, еще древнѣе привиллегіи, есть *занятіе*, или, лучше сказать, особое финансовое назначеніе нѣкоторыхъ лицъ. На этомъ основаніи напр. дѣловые люди княжескіе, гдѣ бы они ни жили, были подсудны своему князю [242]). Впослѣдствіи это начало имѣло широкое примѣненіе и въ XVI, вѣкѣ развилось въ начало сословное. Такъ пушкари судились въ Пушкарскомъ приказѣ, стрѣльцы въ Стрѣлецкомъ, ямщики въ Ямскомъ и т. д. По той же причинѣ, т. е. по своему финансовому назначенію, нѣкоторыя лица вѣдались въ административныхъ и хозяйственныхъ приказахъ, напр. въ Конюшенномъ или Сокольничьемъ. Особенное видоизмѣненіе начала подсудности по занятію составляетъ подсудность нѣкоторыхъ лицъ духовенству на основаніи устава Св. Владиміра. Духовенству были подсудны: паломникъ, лечецъ, прощеникъ, задушный человѣкъ, сторонникъ, слѣпецъ и хромецъ [243]). Здѣсь за основаніе принято не столько занятіе этихъ лицъ, сколько опека надъ ними церкви, какъ надъ людьми безпомощными. Чисто сословное на-

241) А. А. Э. т. III, N 191.

242) Судебникъ, ст. 100: «А дѣловые люди въ монастырскихъ станѣхъ котораго князя, и писцы царя и великого князя пишутъ ихъ подъ сотника въ дань и во всѣ проторы, а князю надъ ними судъ одинъ.»

243) Дополненія къ А. И. т. I, N 1, стр. 2.

чало выразилось только въ подчиненіи суду святителей духовенства и въ зависимости иностранцевъ отъ Посольскаго Приказа; но и тутъ, какъ мы видѣли, не обошлось безъ исключеній. Въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику проглядываетъ также начало подсудности *по мѣсту совершенія преступленія*: по взаимнымъ челобитьямъ иногородцевъ о грабежѣ, совершенномъ въ Москвѣ, казначеямъ предписано давать имъ судъ [244]). Наконецъ, самое позднее и самое искуственное начало есть подсудность *по роду дѣла*. Она появилась уже въ Судебникѣ [245]), и получила особенное развитіе съ возникновеніемъ приказовъ.

Разнообразная подсудность тяжущихся требуетъ опредѣленія на случай взаимныхъ столкновеній двухъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ вѣдомствамъ. Древнѣйшій способъ разрѣшенія этого вопроса состоялъ въ учрежденіи *суда смѣстнаго*. Этимъ названіемъ обозначался общій судъ надъ тяжущимися разныхъ вѣдомствъ, составленный изъ судей обѣихъ сторонъ. Кажется, что смѣстный судъ происходилъ только въ томъ случаѣ, когда тяжущіеся, хотя и принадлежали къ различнымъ вѣдомствамъ, но были однако жителями одной и той же области (княжества); когда же они, напротивъ, принадлежали къ разнымъ областямъ, то искъ вчинался уже въ Москвѣ, въ одномъ изъ приказовъ [246]). Главная цѣль смѣстнаго суда состояла въ раздѣленіи между двумя судьями присуда, т. е. судебныхъ пошлинъ. Это правило наблюдалась такъ строго, что даже для отысканія поличнаго приставъ областнаго судьи отправлялся въ монастырскія земли вмѣстѣ съ приставомъ игумна, если татьба съ поличнымъ судилась судомъ смѣстнымъ. Иногда даже и въ томъ случаѣ, когда это преступленіе судилось и однимъ областнымъ правителемъ, наблюдался тотъ же порядокъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ поступали въ случаѣ разногласія въ смѣстномъ судѣ. Вѣроятно, докладъ тогда дѣлался князю, потому что такъ поступали судьи,

---

244) А. И. т. I, N 154, XIV.

245) См. Примѣчаніе 197-е.

246) А. А. Э. т. I, NN 240, 250. Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, г. Чичерина, стр. 164.

когда вообще сомнѣвались въ способѣ рѣшенія дѣла [247]). Цѣль смѣстнаго суда, столь часто неудобнаго, уже сама собою указывала на способъ упростить эту форму расправы. Стоило только обезпечить каждому судьѣ его долю судебныхъ пошлинъ, и тогда можно было измѣнить самый составъ суда. Такъ и сдѣлано было въ Судебникѣ: вмѣсто дѣйствительнаго образованія общаго суда, истецъ только беретъ у своего судьи за собою сторожа и идетъ просить пристава къ судьѣ отвѣтчика. Назначеніе сторожа состояло, вѣроятно, въ наблюденіи за правильнымъ раздѣленіемъ пошлинъ. Въ тоже время Судебникъ постановилъ правило, что встрѣчный искъ судится тамъ же, гдѣ первый искъ. Стоглавъ принимаетъ также этотъ законъ: судъ надъ духовнымъ лицомъ свѣтскаго судьи происходитъ при депутатѣ отъ духовенства [248]). Правило, высказанное въ Судебникѣ, не имѣло однако полнаго примѣненія въ областяхъ, потому что иногородцу напр., было бы трудно иногда брать сторожа у своего судьи. Поэтому въ жалованныхъ грамотахъ второй половины XVI и первой XVII вѣка высказано о судѣ съ иногородцами слѣдующее положеніе: пріѣзжіе иногородцы вчинаютъ иски противъ волостныхъ крестьянъ передъ земскими судьями, остальные же бьютъ на нихъ челомъ въ приказахъ. Сами волостные крестьяне ищутъ на иногородцахъ передъ своими судьями только встрѣчнымъ искомъ; въ другихъ случаяхъ они обращаются къ приказамъ. Въ XVII вѣкѣ, впрочемъ, мало по малу установляется подсудность по лицу отвѣтчика; но и прежнія положенія еще долго держатся [249]).

Многочисленныя опредѣленія подсудности вели къ частымъ нарушеніямъ установленныхъ правилъ. Въ XV и XVI вѣкахъ они совершались нерѣдко не безъ насилія и не безъ явнаго неправосудія со стороны чиновниковъ. Мы встрѣчаемъ наприм.

---

247) А. А. Э. т. III, N 114. А. И. т. III, N 129. А. Ю. N 14.

248) Судебникъ ст. 30. А. И. т. I, N 153.

249) А. А. Э. т I, N 257; т. III, NN 36, 126, 191, 227. А. И. т. I, N 165.

извѣстія, что монастырскій старецъ поднимаетъ на волостныхъ крестьянъ судью в. Князя и за одно съ нимъ продаетъ ихъ и волочитъ. Нарушенія привиллегій столь же часты со стороны тяжущихся, какъ и со стороны самихъ судей. Случалось, что значительный бояринъ хваталъ крестьянъ незначительнаго вотчинника и насильно ставилъ ихъ на судъ передъ своимъ родственникомъ. Бывали и такіе примѣры, что намѣстникъ притягивалъ къ себѣ на судъ лишнюю деревню, или что тіунъ великаго князя, сговорясь съ сильнымъ человѣкомъ, заставлялъ отвѣчать передъ собою крестьянъ какого нибудь грамотчика. Эти нарушенія закона иногда прекращались вмѣшательствомъ законныхъ судей, которые, вступаясь въ дѣло, брали, напр., докладной списокъ, случайно попавшій къ ненастоящему судьѣ. Правительство тоже несмотрѣло равнодушно на такіе случаи, особенно въ XVI вѣкѣ, ибо съ ними соединялся ущербъ въ предоставленныхъ судьѣ доходахъ. Мы видѣли уже, что въ случаѣ подачи челобитной мимо областной инстанціи, оно поручало судъ тому лицу, которое имѣло на него право, и такимъ образомъ возстановляло законную подсудность. Замѣчательно, что правительство иногда само не знало навѣрное, кому принадлежалъ судъ въ области. Въ одной царской грамотѣ въ Новгородъ 1556 года ярко изобразилась эта неопредѣленность. Предписывая дьякамъ произвести судъ между просителями, грамота прибавляетъ: «будетъ тотъ погостъ.... судъ вашъ, а не на откупу» [250]). Относительно грамотчиковъ изъ Москвы безпрестанно предписывали чиновникамъ не нарушать ихъ привиллегій. Въ XVII вѣкѣ нарушенія подсудности были столь же часты, но правительство смотрѣло на нихъ довольно равнодушно, какъ скоро они не были соединены съ нарушеніемъ жалованныхъ грамотъ, потому что въ другихъ случаяхъ финансоваго ущерба ни для кого не было. Такъ напр. въ 1630 году Воронежскій воевода поймалъ разбойниковъ, замѣшанныхъ въ такое дѣло,

---

250) А. Ю. N 11. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, книги 2-й половина 1-я, отдѣленіе 3, стр. 130. Дополненія къ А И. т. I. N 51, V, XXIV.

которое уже производилось у губнаго старосты, разспрашивалъ ихъ одинъ и посадилъ въ тюрьму. Потомъ они были допрошены и губнымъ старостой. Правительство, извѣщенное о такомъ вмѣшательствѣ, хотя воевода вовсе не имѣлъ въ это время участія въ губныхъ дѣлахъ, не сдѣлало ему, однако, никакого замѣчанія, потому что ссоры у него съ губнымъ старостой за это не было. Иначе поступало оно въ томъ случаѣ, когда эти ссоры принимали большіе размѣры и, доходя до страшныхъ раздоровъ, волновали цѣлый городъ. А такіе случаи были нерѣдки. Такъ въ 1621 году шуйскій воевода Змѣевъ вступался въ губныя дѣла и не отдавалъ губнымъ старостамъ разбойниковъ, хотя они и просили ихъ въ губу. Старосты не оставались въ долгу у воеводы и платили ему, сажая въ тюрьму его крестьянъ безъ всякаго основанія. Правительство было вынуждено поручить Суздальскому воеводѣ изслѣдованіе этихъ безпорядковъ. Такое же происшествіе было въ 1645 году въ Воронежѣ, гдѣ ссоры воеводы съ губнымъ старостой навлекли смѣну перваго. Мирныя нарушенія подсудности, въ слѣдствіе обращенія просителя не туда, куда слѣдуетъ, случались еще чаще. Поводъ къ нимъ заключался отчасти въ сбивчивости самыхъ опредѣленій закона; одно и тоже дѣло могло начаться въ разныхъ приказахъ: или въ томъ, которому былъ подсуденъ отвѣтчикъ, или въ томъ, которому подсудно было дѣло. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія, которыхъ самый поводъ не легко объяснить въ иномъ случаѣ. Напр., въ 1621 году владимірскій Судный Приказъ взыскивалъ черезъ воеводу судное дѣло съ шуйскаго губнаго старосты. Но какимъ образомъ губной староста могъ подлежать суду этого приказа, когда по должности онъ былъ подсуденъ Разбойному приказу, а какъ Шуянинъ — Галицкой Четверти? Есть случаи еще любопытнѣе. Въ 1631 году Шуяне били челомъ на приходскаго священника боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому, а въ 1640 году ему же на сыщике табаку. Первую жалобу слѣдовало подать или духовному начальству, или Приказу Большаго Дворца, или, по крайней мѣрѣ, Галицкой Четверти, а вторая должна была поступить въ Приказъ Новой Четверти; князь же Черкасскій завѣды-

валъ только приказами. Большой казны, Иноземскимъ и Стрѣлецкимъ. Здѣсь городъ просто обращался къ своему покровителю [251]). Кажется иначе нельзя обьяснить этихъ странныхъ прошеній . . .

---

[251]) Воронежскіе Акты, часть 2, N LXXIV. Старинные Акты Шуи, NN 16, 19, 20, 31, 44. — Что князь Черкасскій былъ, такъ сказать, патрономъ Шуи, объ этомъ прямо сказано въ описаніи Шуи, N 26: «а прежъ сего, государь, была милость и заступленіе, блаженныя памяти, брата твоего боярина князя Ивана Борисовича; жаловалъ милостію своею, — и отъ стороннихъ людей насъ, сиротъ государевыхъ, оберегалъ.» — Черкаскіе были шуйскими вотчинниками. — Древняя Рос. Вивліоѳика, т. XX, статья о приказахъ.

ГЛАВА II.

СУДОПРОИЗВОДСТВО ВЪ ЭПОХУ СУДЕБНИКА.

Въ исторіи русскаго судопроизводства появленіе Судебника составляетъ важную эпоху. Завершивъ собою рядъ тѣхъ уставныхъ грамотъ, которыя опредѣляли процессъ съ его внѣшней, формальной стороны, съ точки зрѣнія тѣхъ издержекъ, которыя падали на тяжущихся, Судебникъ послужилъ основаніемъ другому, матеріальному развитію законодательства. Съ него начинаются постановленія, имѣвшія цѣлію отчасти опредѣлить, отчасти измѣнить ходъ судопроизводства. Столѣтіе, прошедшее между Судебникомъ и Уложеніемъ, постепенно вырабатывало ту форму судопроизводства, которая въ послѣднемъ изъ этихъ памятниковъ представляется уже цѣлою системою. Отсюда особенный интересъ этого періода.

Въ изложеніи судопроизводства слѣдуетъ разсмотрѣть: вопервыхъ, положенія права о тяжущихся и ихъ повѣренныхъ, вовторыхъ, формы процесса, и въ третьихъ, самое движеніе суда.

Первый вопросъ, который представляется относительно тяжущихся, состоитъ въ томъ: кто именно могъ искать? Искать могли, кажется, всѣ. Ни полъ, ни возрастъ, ни юридическое положеніе лица, не исключали повидимому изъ этого права. Такъ, по Судебнику, могли искать женщины и даже малолѣтные, на сколько, разумѣется, послѣдніе были къ тому физически способны. Духовное званіе, какъ мы уже видѣли, ни сколько не было препятствіемъ. Священники и діаконы, игумны и монахи, являются на судъ не только въ качествѣ членовъ своего сословія, какъ его представители, но также и лично за себя, какъ простыя частныя лица. Тоже должно сказать и о лицахъ несвободнаго состоянія: холопи могли искать не только отъ имени своихъ го-

сподъ, но и отъ своего собственнаго [252]). Правыя грамоты доказываютъ, что большею частію всѣ эти лица являлись на судъ лично. Кажется только, что женщины, по крайней мѣрѣ, знатныя, обыкновенно искали и отвѣчали черезъ повѣренныхъ.

Единственное препятствіе къ явкѣ на судъ въ качествѣ истца заключалось въ нравственномъ условіи. Гласная, доказанная нечестность просителя лишала его права искать въ послѣдствіи, какъ отъ своего собственнаго имени, такъ и въ качествѣ повѣреннаго. Это ограниченіе возникло въ XVI вѣкѣ, въ слѣдствіе стремленія законодательства оградить общество отъ несправедливыхъ и разорительныхъ тяжбъ. По Судебнику, всѣ тѣ, кто обращалъ судопроизводство въ промыслъ; ябедники, крамольники и составщики, не допускались къ суду, какъ скоро были обличены въ завѣдомо-несправедливыхъ искахъ. Подъ именемъ первыхъ разумѣлись такіе люди, которые ищутъ или ложно, или болѣе того, что имъ слѣдуетъ. Съ такихъ челобитчиковъ ложный искъ или приписанный лишекъ взыскивались въ пользу отвѣтчика, а сами они впередъ къ суду не допускались. Сюда же причислялись и тѣ жалобники, которые начинали нарочно большой искъ, чтобъ, запугавъ процессомъ отвѣтчика, вынудить его заплатить имъ денежную сумму менѣе исковой. Извѣстно, что приписные и поклепные иски были однимъ изъ главныхъ и любимыхъ средствъ нашихъ старинныхъ сутяжниковъ. Жалобы на нихъ наполняютъ весь древній періодъ русской исторіи

---

[522]) Судебникъ, ст. 17. «А противъ послуха отвѣтчикъ будетъ старъ, или малъ, или увѣченъ, или попъ, или чернецъ, или черница, или жонка, и тому противъ послуха наймитъ....» Ст. 19. «А на комъ взыщетъ жонка, или дѣтина малъ, или старъ, или немощенъ, или чимъ увѣченъ, или попъ, или чернецъ, или черница, ино имъ наймита наняти вольно....» Намѣстничьи люди, которые, какъ извѣстно, бывали и изъ несвободнаго званія искали (ст. 70) и отвѣчали (ст. 22, 23).—О холопяхъ см. дополн. ук. 1582 г. марта 12, А. И. т. I, N 154, XX. «Многіе холопи боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ государей и наймутся у иныхъ...» Ниже: «холоповъ боярскихъ, которые будутъ въ судѣ *за себя* или за своего государя стояти.... О вотчинниковыхъ крестьянахъ, Дополненія къ А. И. т. I, N 51, V, IX, XI.

Правительство тщетно старалось положить конецъ этой общественной язвѣ. Сутяжники умѣли каждую новую мѣру обратить въ свою пользу. Въ XVII вѣкѣ, когда областной судъ былъ ограниченъ опредѣленной денежною суммой, это обстоятельство дало поводъ къ новому виду этого промысла: дворяне и дѣти боярскіе привозили изъ Москвы зазывныя грамоты съ обозначеніемъ исковой суммы, превышавшей мѣстную судебную власть и потомъ, запугавъ отвѣтчика страхомъ долгаго и далекаго процесса, мирились съ нимъ на малыхъ деньгахъ. Напрасно, стараясь уничтожить эти разсчеты, правительство разширяло денежные предѣлы областнаго суда: поклепные иски тоже возвышались въ цѣнѣ, и низшее населеніе чрезвычайно отъ нихъ страдало. Это былъ организованный грабежъ, противъ котораго безпрестанно надобно было прибѣгать къ новымъ средствамъ. Такъ въ 1624 году стрѣльцы били челомъ государю о возобновленіи прежнихъ ихъ наказовъ, которыми они были избавлены отъ судебныхъ пошлинъ, въ дѣлахъ между собою до 12 р., а въ дѣлахъ съ посторонними людьми до ста рублей. Въ своемъ челобитьѣ они говорили между прочимъ, что многіе сторонніе люди ищутъ на нихъ, поклепавъ напрасно, большихъ исковъ, по тритцати и по сорока рублей. Отъ этого имъ чинятся убытки и продажи великіе, иные стрѣльцы, за судебныя пошлины, стоятъ на правежѣ многое время, а другіе, чтобъ не платить пошлинъ, нарочно не мирятся, или даютъ ложную присягу [253]). Въ 1634 году царь Михаилъ Өедоровичь, чтобъ прекратить поклепные иски, разрѣшилъ, по просьбѣ всенародныхъ Псковскихъ старостъ, посадскимъ и тяглымъ людямъ судиться на мѣстѣ у Псковскихъ воеводъ во всякихъ искахъ [254]).—Подъ именемъ крамольниковъ разумѣлись тѣ, которые, чтобъ погубить своего отвѣтчика, взводили на него государственную измѣну, и потомъ не могли доказать ея.—Словомъ «составщики» едва ли не обозначались спеціально тѣ люди, которые сочиняли совершенно ложный искъ, въ отличіе отъ приписывавшихъ. Сверхъ взысканія въ пользу отвѣтчика, такимъ челобитчикамъ угрожало и другое,

---

253) А. И. т. III, N 92, V.
254) А. А. Э. т. III, N 227.

еще болѣе тяжкое наказаніе: торговая казнь и ссылка въ украинскіе города съ написаніемъ въ казаки — тогдашній способъ отдачи въ солдаты [255]). Между свободными крестьянами ябедники подвергались подобному же наказанію: кто былъ уличенъ въ ложномъ искѣ два или три раза, того били кнутомъ и высылали вонъ изъ волости, но имущества его не грабили. Замѣчательна торжественная форма этого наказанія: ябеда должна быть доказана всѣми селами волости, и сельскіе люди были обязаны приложить руки къ рѣчамъ своимъ [256]).

Общее названіе тяжущихся есть истцы; особенныя для истца—ищея, жалобникъ, челобитчикъ, а для его противника, также какъ и теперь,—отвѣтчикъ. Тяжущихся съ обѣихъ сторонъ могло быть по нѣскольку. Когда ихъ было нѣсколько, то взаимныя отношенія тяжущихся каждой стороны были совершенно договорныя. Они представляютъ настоящее товарищество. Все опредѣляется взаимнымъ согласіемъ членовъ товарищества между собой и съ противною стороною. Такъ, если истецъ, котораго искъ простирается противъ десяти или пятнадцати человѣкъ, приставитъ изъ нихъ только къ тремъ или четыремъ, то послѣдніе могутъ за однихъ изъ товарищей отвѣчать, а за другихъ не отвѣчать. Это отдѣленіе отъ товарищества, кажется, въ первый разъ установленное Судебникомъ. Но противникъ могъ и воспрепятствовать распаденію товарищества. Такъ, если кто ищетъ на намѣстникахъ, волостеляхъ и ихъ людяхъ, а намѣстники и волостели хотятъ отвѣчать не за всѣхъ людей, но только за нѣкоторыхъ изъ нихъ, то отъ воли истца зависитъ согласиться или несогласиться на это. Если, не смотря на желаніе противника, онъ не хочетъ допустить раздѣленія жеребьевъ, и взыскиваетъ цѣлый искъ, то судъ дается во всемъ искѣ, и безъ тѣхъ людей, за которыхъ не отвѣчаютъ. Но для образованія такого судебнаго товарищества непремѣнное условіе составляетъ солидарность отношеній между его членами: истецъ не можетъ примѣшивать къ намѣстничьимъ или волостелинымъ людямъ городскихъ или уѣздныхъ жителей. Если первые не хотятъ отвѣчать за по-

---

255) А. И. т. I, N 154, XX.

256) А. И. т. I, N 165. А. А. Э. т. III, N 36.

слѣднихъ, то каждые судятся отдѣльно въ ихъ вытяхъ. Въ случаѣ нерасторженія судебнаго товарищества отношенія между ними основываются на томъ же договорномъ началѣ. Если, напримѣръ, одинъ изъ отвѣтчиковъ, не покажетъ срочной своимъ товарищамъ, и потомъ на нихъ будетъ дана безсудная грамота, то послѣдніе могутъ взыскивать съ него судомъ своихъ участковъ [257]). Отношенія истца къ отвѣтчику тоже правильно договорныя. При изложеніи законовъ о судѣ мы будемъ имѣть случай не одинъ разъ это замѣтить. Здѣсь же замѣтимъ только, что самое взысканіе по судебному рѣшенію было первоначально совершенно личное, какъ при всякомъ другомъ обязательствѣ.

Что касается до судебнаго представительства въ эту эпоху, то полныхъ свѣдѣній мы не можемъ почерпнуть изъ современныхъ источниковъ. Представительство можно раздѣлить на необходимое и свободное; но ни того, ни другаго термина не должно принимать въ строгомъ, исключительномъ смыслѣ: обязанности юридической отвѣчать или искать за то или другое лицо въ это время не было; но обычай дѣлалъ нѣкоторыя лица естественными представителями другихъ. Сюда принадлежатъ: а) родственники: отецъ за сына, сынъ за отца, братъ за брата, племянникъ за дядю, вотчимъ за пасынка, и обратно, мужъ за жену. Эти представители могли искать и отвѣчать другъ за друга, но не были, кажется, непремѣнно къ тому обязаны. Полная правоспособность всякаго въ этомъ смыслѣ дѣлала лишнею юридическую обязанность заступать въ судѣ мѣсто другаго. До какой степени обычай былъ неопредѣленъ, можно заключить изъ слѣдующаго примѣра. Въ одной правой грамотѣ 1532 года мы встрѣчаемъ два, совершенно разнородные факта. На судѣ было нѣсколько повѣренныхъ со стороны отвѣтчиковъ; одного изъ нихъ судьи спрашиваютъ, отвѣчаетъ ли онъ за своего отца и брата, а другихъ, ихъ ли прислалъ отвѣтчикъ отвѣчать за себя и за дѣтей своихъ [258])? Такимъ образомъ, въ одно и тоже

---

[257]) Судебникъ, ст. 20, 21, 22, 23. А. Ю. № 23: «азъ, государь, отвѣчаю за собѣ въ своей доли.»

[258]) А. Ю. № 19, правая грамота Григорью Кологривову, 1532 г. августа 25: «И судьи спросили Васюка: отвѣчай, *и въ отца своего мѣсто отвѣчаешь ли....?»* И судьи спросили Онипѣя и Олешка: васъ ли Григорей *прислалъ* въ свое мѣсто отвѣчать *и за свои дѣти?....»*

время сынъ могъ и не отвѣчать за отца, а отецъ могъ прислать повѣреннаго и отъ имени дѣтей своихъ.—b) Нѣчто подобное родственному составляетъ представительство выборныхъ волостныхъ начальниковъ за крестьянъ волости. Въ правыхъ грамотахъ мы не разъ встрѣчаемъ, что искъ вчиняется противъ сотскаго или старосты и «во всѣхъ крестьянъ мѣсто.» Такое представительство было особенно развито въ древней Руси. Мы видимъ въ Новгородѣ и Псковѣ, что *сябры* приходятъ на судъ и безъ всякаго опредѣленнаго характера, просто въ качествѣ пособниковъ.—c) Въ строгомъ смыслѣ необходимыми представителями были только лица, находившіяся въ извѣстной юридической зависимости отъ кого либо, и являвшіяся повѣренными по началу власти. Сюда слѣдуетъ отнести келарей, монастырскихъ слугъ и холопей. Послѣдніе безпрестанно являются повѣренными своихъ господъ. Изъ Судебника можно даже заключить, что были такіе холопи, которые служили постоянными стряпчими по дѣламъ своихъ государей [259]). Крестьяне тоже были обязаны отвѣчать за своихъ владѣльцевъ.—d) Напротивъ того, господа могли по произволу заступать или не заступать мѣсто своихъ подвластныхъ. Послѣдніе иногда отвѣчали сами, а иногда прибѣгали подъ покровительство своихъ господъ. Случалось и такъ, что въ началѣ процесса дѣйствующимъ лицомъ являлся напримѣръ помѣщичій крестьянинъ, а потомъ самъ помѣщикъ, когда крестьянинъ не могъ найти управы [260]). Свободные представители суть повѣренные по найму. Наниматься для хожденія по дѣламъ могли какъ вольные люди, такъ и холопи. Въ эпоху Судебника это составляло уже родъ промысла. Дополнительный указъ 1582 года Марта 12-го говоритъ, что есть такіе дѣти боярскіе, которые, «бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ.» На этихъ-то стряпчихъ по званію особенно жалуется этотъ указъ, какъ на главныхъ ябедниковъ. Строгія мѣры, имъ предписанныя, доказываютъ, какъ эти дѣльцы были многочисленны и вредны. Необходимыхъ представителей могло быть и по нѣскольку: такъ мы видимъ, что за волость ищутъ нѣсколько крестьянъ, за монастырь два старца. Иногда въ дѣло вступались и другіе члены

[259]) **А. И. т. I, N 154, XX. А. Ю. N 307, II.**

[260]) **Дополненія къ А. И. т. I, N 51, IX.**

союза, кромѣ тѣхъ, которые непосредственно въ немъ участвовали. Напримѣръ, въ одной правой грамотѣ отвѣтчиками были отводчики Кириллова Монастыря, а потомъ въ дѣло вступается монастырскій старецъ (А. Ю. N 6).

Никакого удостовѣренія въ дѣйствительности назначенія, никакой legitimatio ad causam, говоря терминомъ Римскаго права, отъ повѣреннаго не требовалось. За удостовѣреніе въ качествѣ лица, явившагося на судъ, принималось исключительно его собственное, голословное показаніе. Повѣренный истца просто подавалъ челобитную отъ имени своего довѣрителя, повѣренный отвѣтчика былъ допрашиваемъ судьею: отвѣчаетъ ли онъ за такого-то? Какъ скоро объявленіе было сдѣлано, судъ начинался[261]). Понятно, какія неудобства должны были проистекать изъ этой неопредѣленности отношеній повѣреннаго къ довѣрителю. Не только могли явиться на судъ лица подставныя (что мы и видимъ впослѣдствіи, хотя не относительно суда, а при составленіи договоровъ); но и въ дѣйствіяхъ настоящаго своего повѣреннаго довѣритель не могъ быть нисколько увѣренъ, ибо первый не былъ связанъ никакимъ актомъ. Онъ могъ продать своего довѣрителя его противнику, могъ, при отсутствіи точной и заявленной инструкціи, или недоговорить въ судѣ, или, напротивъ, сказать лишнее. Вѣроятно, для устраненія подобныхъ злоупотребленій, Новгородская Судная Грамота требуетъ отъ тяжущихся присяги предъ началомъ судоговоренія. Можетъ быть, это было средствомъ устранить подлогъ въ лицѣ, или удостовѣриться въ честности повѣреннаго. Въ Судебникѣ нѣтъ такого постановленія, но за то дополнительные указы даютъ средство возстановить потерянное право. Замѣтимъ, что вообще Судебникъ смотритъ на судъ, какъ на дѣло, почти совершенно частное, и мало въ него вмѣшивается, кромѣ его финансовой стороны и внѣшняго порядка. Сообразно съ этимъ общимъ характеромъ законодательства, дополнительный указъ 1582 г. Марта 12-го не заботится о внесеніи опредѣленности въ отношенія между довѣрителями и ихъ повѣренными, но предоставляетъ первымъ право просить объ уничтоженіи неправильнаго суда. Въ слѣдствіе по-

---

261) А. Ю. NN 17, 19.

добной просьбы производился сыскъ, т. е. слѣдствіе, и давали очную ставку обвинителю съ обвиненнымъ. Если при этомъ было доказано, что дѣло проиграно по ошибкѣ повѣреннаго, то его допрашивали, не былъ ли онъ подкупленъ противникомъ, и потомъ пытали. Когда повѣренный сознавался въ подкупѣ, то противникъ долженъ былъ уплатить несправедливо-проигравшему дѣло весь искъ, пошлины и протори; повѣренный подлежалъ смертной казни; но если повѣренный и съ пытки не сознавался въ подкупѣ, то довѣрителю его давался только судъ съ головы, взысканій же ни какихъ не было.

Общаго названія для повѣренныхъ въ это время, кажется, не было. Наемные назывались доводчиками [262]).

Требованіе истца, направленное противъ отвѣтчика, называется искомъ. Въ искѣ слѣдуетъ отличать двѣ стороны: во первыхъ, право иска, во вторыхъ, самый искъ. Извѣстно, что не всѣ гражданскія права имѣютъ право иска, т. е. возможность найти себѣ осуществленіе въ судебномъ взысканіи. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, могутъ потерять это право. Къ прекращенію права иска могутъ повести слѣдующія обстоятельства: 1) давность, 2) смерть, 3) особенное постановленіе закона

1. *Давность* занимаетъ первое мѣсто между причинами, уничтожающими право иска. Основаніе ея коренится въ самой невозможности доказать устарѣвшее, долго дремавшее право. Сюда присоединяется и предположеніе о несуществованіи такого права, котораго долго не отыскивали. Такъ въ правыхъ грамотахъ почти всегда, когда дѣло идетъ о давности, судьи спрашиваютъ у истца: «почему ты такъ долго молчалъ и государю великому князю билъ-ли челомъ?» [263]). Наконецъ законодательство сообщаетъ давности еще и другой, штрафный характеръ, дѣлая изъ нея наказаніе за продолжительное невчинаніе иска. Участіе закона въ опредѣленіи самихъ сроковъ давности начинается у насъ довольно поздно. Въ правыхъ грамотахъ до царскаго Судебника давность опредѣляется различными числами

---

[262]) А. И. т. I, N 154, XX.
[263]) См. напр. А. Ю. NN 9, 15.

и подлежитъ обсужденію самаго судьи [264]). Законодательныя определенія давности въ удѣльный періодъ были совершенно мѣстныя и не имѣли, кажется, никакого общаго характера. Всѣ они были изданы для дѣлъ о земляхъ, потому что споры о поземельной собственности были въ древней Россіи самые многочисленные. Такъ, в. князь Василій Дмитріевичъ не велѣлъ давать суда о земляхъ далѣе, какъ за 15 лѣтъ [265]). Псковская Судная Грамота опредѣляетъ давность для споровъ о земляхъ или водахъ въ четыре года или пять лѣтъ. Всѣ эти постановленія остались безъ всякаго вліянія на дальнѣйшее законодательство московскаго государства. Послѣдовательныя опредѣленія, идущія въ историческомъ преемствѣ и имѣющія уже связь одно съ другимъ, начинаются съ перваго Судебника.

Московскіе законы о давности можно подвести подъ слѣдующія рубрики: а) Давность для дѣлъ вотчинныхъ. Еще Судебникъ 1497 года подвергаетъ дѣла о поземельной собственности трехлѣтней давности для частныхъ лицъ и шестилѣтней для земель великаго князя [267]). Здѣсь разумѣются повидимому вотчины благопріобрѣтенныя. Это постановленіе перешло и во второй Су-

---

[264]) Такъ въ А. Ю., N 3, свидѣтели отвѣтчиковъ ссылаются на 50-лѣтнюю давность, а свидѣтели истца па 7-лѣтнюю: дѣло рѣшено въ пользу истца. N 4. Отвѣтчикъ ссылается на 50-лѣтнюю давность. N 8. Дѣло рѣшено на основаніи 40-лѣтней давности. N 9. Истецъ ссылается на 25-лѣтнюю давность. N 12. Дѣло рѣшено на основаніи 30-лѣтней давности; N 15, на основаніи 20-лѣтней давности. N 18. Отвѣтчикъ ссылается на 6-лѣтнюю давность, которая не принята въ уваженіе.

[265]) Москвитянинъ 1848 г., N 2, отд. наукъ, стр. 42. Грамота в. князя Ивана III, сообщенная г. Бѣляевымъ: «А противъ Олексина далъ смѣну дѣдъ мой великій князь въ домъ пресвятыя Богородицы и своему отцу Купріяну митрополиту слободку Всеславлю.... опричь боярскія купли старыя, или чья будетъ вотчина отъ сего времени за 15 лѣтъ взадъ, какъ дѣдъ мой учинилъ князь великій въ своей вотчинѣ въ великомъ княженьи, судъ тогды о земляхъ и водахъ за 15 лѣтъ».

[266]) Псковская Судная Грамота, изд. г. Мурзакевичемъ, стр. 2.

[267]) А. И. т. I, N 105, стр. 153.

дебникъ [268]), но, по замѣчанію профессора Морошкина, никогда не было въ точности исполняемо: въ практикѣ слѣдовали сорокалѣтней давности, установленной для родовыхъ имуществъ [269]. Что касается до родовой, сорокалѣтней давности, то, кажется, она была установлена въ первый разъ при Иванѣ Грозномъ. По крайней мѣрѣ она нигдѣ не встрѣчается до второй половины XVI вѣка и въ первый разъ упоминается въ царскомъ Судебникѣ [270]). Въ практикѣ, впрочемъ, ни той, ни другой давности не слѣдовали строго. Мы уже видѣли, что до самаго втораго Судебника, не смотря на постановленіе Ивана 3-го, давность принималась судьями по собственному ихъ усмотрѣнію. Прибавимъ, что не только судьи, но и самые великіе князья принимали давность вовсе не по Судебнику 1497 года. Такъ напр. в. кн. Иванъ Васильевичъ обвиняетъ истцовъ отъ того, что они ищутъ за 40 лѣтъ, а великій князь Василій Ивановичъ отказываетъ въ искѣ на основаніи 30 лѣтней давности. Послѣ втораго Судебника узаконенные два срока для давности тоже, кажется, не были строго соблюдаемы. Въ одной правой грамотѣ 1559 года судья отказываетъ въ выкупѣ родовой вотчины на такомъ основаніи, что истцы молчали 17 лѣтъ, а въ другомъ мѣстѣ упрекаетъ, для чего они не искали вотчины въ теченіи 26 лѣтъ. Въ другой правой грамотѣ 1612 года Іюня 1, тяглая земля присуждена монастырю по причинѣ 26-лѣтняго молчанія противной стороны [271]).

b) Другая давность установлена законодательствомъ для дѣлъ о бѣглыхъ крестьянахъ и холопяхъ. Она введена при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ, боярскимъ приговоромъ 1588 года Ноября 24-го, въ которомъ было велѣно: «бѣглыхъ крестьянъ—по суду и по сыску отдавать за пять лѣтъ, а далѣе пяти лѣтъ бѣглыхъ крестьянъ, о которыхъ въ пять лѣтъ челобитья не было, никому не отдавать.» При самозванцѣ таже давность была под-

---

268) Судебникъ, ст. 84.

269) О владѣніи по началамъ Россійскаго законодательства, разсужденіе г. Морошкина, М. 1837, стр. 107.

270) Судебникъ, ст. 85,

271) О владѣніи, стр, 106. А. Ю. N 26.

тверждена боярскимъ приговоромъ 1606 года Февраля 1-го дня [272]). Впослѣдствіи этотъ срокъ былъ неоднократно измѣняемъ. Такъ царь Василій Шуйскій, указомъ 1607 года Марта 9-го позволилъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ за 15 лѣтъ. Впрочемъ, относительно этой цыфры мы позволимъ себѣ усумниться. Списокъ приведеннаго указа былъ справедливо заподозрѣнъ въ подлѣжности [273]). Съ другой стороны, въ писцовомъ наказѣ 1646 года, гдѣ подробно излагается исторія разсматриваемой давности, объ этомъ указѣ Шуйскаго вовсе не упоминается. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ давность для дѣлъ о крѣпостныхъ людяхъ была два раза измѣнена: одинъ разъ только отчасти, а въ другой уже въ смыслѣ общей мѣры. Въ 1637 году государь «пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Украйны и замосковныхъ городовъ, по ихъ челобитью велѣлъ имъ на бѣглыхъ людей во крестьянствѣ давать противъ Троецкого Сергіева монастыря властей; а Троецкого Сергіева монастыря властемъ, въ то время, бѣглыхъ крестьянъ по суду отдавали за девять лѣтъ». О томъ, когда Троицкій монастырь пріобрѣлъ это право, неизвѣстно. Общая мѣра была сдѣлана въ 1641 году. По челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, которые въ этомъ году были для службы въ Москвѣ, велѣно бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавать по суду и по сыску за десять лѣтъ [274]). Замѣтимъ вообще касательно этого срока, что онъ не вполнѣ носитъ характеръ давности: большею частію вмѣстѣ съ назначеніемъ срока дѣлалось указаніе на какія нибудь переписныя книги, которыя слѣдовало принимать за доказательство при межеваніи или на судѣ въ Холопьемъ приказѣ; слѣдовательно это столько же положеніе о давности, сколько и о судебныхъ доказательствахъ. c) Третій срокъ давности въ первый разъ установленъ тоже при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ для дѣлъ по обязательствамъ. Боярскимъ приговоромъ 1588 года Февраля 8 велѣно по старымъ

---

272) А. И. т. I, N 221, III. А. А. Э. т. II, N 40; т. IV, N 14, ст. 24.

273) Судебникъ по изд. Татищева, ст. 172, стр. 241.

274) А. А. Э. т. IV, N 14, писцовый наказъ 1646 г., стр. 24—25. А. И. т. III, N 92, дополнит. статьи къ Судебнику 1620 — 1645 г. XXXIII, стр. 110—111.

кабаламъ судъ давать за пятнадцать лѣтъ, а далѣе того суда не давать. Царь Алексѣй Михаiловичъ подтвердилъ этотъ приговоръ 1646 года Iюля 25 [275]). Кромѣ этого въ Судебникѣ установлена еще особенная давность для исковъ иногородцевъ противъ намѣстниковъ и волостелей. Этотъ искъ могъ быть вчинаемъ только въ теченiи года. Съ окончанiемъ года право иска уничтожалось [276]). Вотъ всѣ узаконенiя, по которымъ опредѣлялась давность въ описываемый перiодъ.

2. Другое обстоятельство, прекращающее обыкновенно право иска, если искъ основанъ на чисто-личномъ правѣ, есть смерть. Иски, въ которыхъ есть имущественное основанiе, переходятъ по наслѣдству. Но въ эпоху Судебника все носило имущественный характеръ, все цѣнилось на деньги. Отсюда понятно, что и самые личные иски, какъ напр. бой и грабежъ, могли, даже какъ право иска, переходить по наслѣдству. Мы не встрѣчаемъ непосредственныхъ указанiй на это въ законодательствѣ разсматриваемаго перiода, но приходимъ къ такому заключенiю на основанiи нѣкоторыхъ фактовъ, встрѣчающихся въ источникахъ. Такъ напр. въ 1556 г. Сентября 29 двѣ крестьянки подали челобитную государю, прося дать имъ судъ въ разбоѣ на людей, которые, ограбивъ посланныя ими деньги у мужа одной и у сына другой, въ тоже время убили послѣднихъ. Такъ какъ они искали не одного грабежа, но также и боя, то изъ этого можно заключить, что и бой могъ быть отыскиваемъ по наслѣдству [277]). Иски о безчестьѣ врядъ ли были наслѣдственные, кромѣ дѣлъ мѣстническихъ. Послѣднiя, какъ дѣла всего рода не были чисто-личными исками о безчестьи: безчестье отца безчестило и сына, поэтому естественно, что и послѣ смерти потерпѣвшаго поруху чести или *потерку* наслѣдники могли защищать права его [278]). Собственно это и не былъ искъ о безчестьи, но искъ

---

275) А. И. т. I, N 221. дополн. статьи къ Судебнику, 1588—1597 г., I. т. IV, N 6, дополн. статьи 1645—1648 г., V, стр. 28.

276) Судебникъ, ст. 24. — Вообще о давности см. у Неволина, Ист. Росс. Гражд. Законовъ, т. II, стр. 182—186, 286.

277) Дополненiя къ А. И. т. I, N 51, XI.

278) Синбирскiй Сборникъ, статья Валуева, стр. ѯѕ — ѯз и рд; разрядная книга 7067 года, стр. 106, 111—112.

въ отечествѣ. Искомъ о безчестьи технически назывался обратный искъ противъ иска о безчестьи. Что касается до остальныхъ исковъ, имѣвшихъ имущественное основаніе, то само собою разумѣется, что право на нихъ всегда переходило по наслѣдству. Объ этомъ не можетъ быть никакаго сомнѣнія. Обязательства переходили не только къ прямымъ наслѣдникамъ, но могли даже быть переданы третьему лицу. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ во весь этотъ періодъ только одно, и то временное, ограниченіе. Боярскимъ приговоромъ 1588 года Февраля 8 запрещено искать по выданнымъ кабаламъ. Кабалы, отданныя за долгъ третьему лицу, признаны не дѣйствительными [279]). Въ послѣдствіи, судя по словамъ указа 1646 года Іюля 25, это запрещеніе болѣе не существовало [280]).

3. Особенному ограниченію подлежало право иска между посадскими и волостными людьми. Они могли вчинать искъ только въ томъ случаѣ, когда цѣнность его соотвѣтствовала податному имуществу лица, значащемуся въ розметныхъ книгахъ. Когда искъ превышалъ количество имѣнія, то надобно было доказать, что истецъ имѣлъ у себя чужія вещи во время похищенія. Поэтому передъ началомъ тяжбы судьи должны были производить обыскъ. Это ограниченіе въ первый разъ высказано въ Судебникѣ, но повторяется и послѣ него въ жалованныхъ грамотахъ [281]).

Начавшійся судъ прекращаетъ прежнія отношенія тяжущихся. Засуженныя земли находились *за приставомъ*. Что именно

---

279) А. И. т. I, N 221, I. «А которые люди ищутъ по выданнымъ кабаламъ, кто за свой долгъ кому, за денги, подписавъ кабалу выдастъ, а самъ онъ живъ, или умеръ, и по тѣмъ кабаламъ суда не давати.»

280) А. И. т. IV, N 6. V, стр. 28. «Да въ указѣ блаженные памяти при царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Θедоровичѣ всеа Русіи, въ 137 году, написано: «которые всякихъ чиновъ люди займуютъ денги у какихъ людей нибудь...; и тѣ денги на заимщикахъ по кабаламъ, истинна и ростъ, править велѣно, и *по выданымъ кабаламъ судъ давать* и ростъ указано имать на пять лѣтъ, а болши пяти лѣтъ росту имать не велѣно.»

281) Судебникъ, ст. 72. А. И. т. I, N 165. А. А. Э. т. I, N 257; т. II, N 52; т. III, N 36.

это значитъ, не совершенно ясно. Помѣстья находились во время спора въ казенномъ владѣніи. Подъ конецъ періода это выражалось словами «отписать вотчину на государя». — Отписанныя вотчины поручались въ надзоръ «тутошнимъ и стороннимъ людямъ съ порукою.» Но едва ли такъ не было относительно однихъ помѣстій и вотчинъ. Въ одной правой грамотѣ 1612 года мы находимъ, что спорная тяглая земля отдается «допахивать да и посѣять.... отвѣтчикомъ для того, чтобъ та земля за тѣмъ сего году впустѣ не лежала». Теченіе давности для начатыхъ дѣлъ прекращалось. Такъ Судебникъ, дѣлая постановленіе о поземельной давности, предписываетъ досуживать тѣ земли, которыя уже за приставомъ; а дополнительными статьями это положеніе отнесено и къ дѣламъ о бѣглыхъ холопахъ [282]).

Иски, по тѣмъ правамъ, изъ которыхъ они возникаютъ, раздѣляются на личные и вещные. Въ разсматриваемую эпоху, кажется, ясно сознавались одни личные иски, ибо вообще право выходило изъ спокойнаго состоянія только въ слѣдствіе преступленія, или, по крайней мѣрѣ, явнаго нарушенія закона. Въ Судебникѣ даже и упоминаются большею частію только иски, возникшіе изъ договоровъ или гражданскихъ преступленій. Къ числу дѣлъ, которыя могли быть вещными исками, принадлежатъ только слѣдующія: искъ о холопѣ и рабѣ, дѣла о земляхъ, о межѣ и о проданныхъ лошадяхъ. Разсматривая ихъ, мы приходимъ къ заключенію, что и они большею частію представляются личными исками, хотя въ нѣкоторыхъ уже замѣтенъ смѣшанный характеръ. Такъ искъ о холопѣ представляетъ колебаніе между личнымъ и вещнымъ. Съ одной стороны самый искъ о рабствѣ представляется въ видѣ спора предполагаемаго господина съ предполагаемымъ рабомъ, слѣдовательно чисто-личнымъ искомъ перваго противъ послѣдняго; съ другой стороны, своего стариннаго холопа можно отыскивать вездѣ, и если настоящій господинъ докажетъ свое право на холопа, то незаконному владѣльцу предоставляется только право отыскивать свои деньги съ того,

---

[282]) Судебникъ, ст. 84. А. И. т. I, N 221, I; т. IV, N 6, V. А. Ю. N 26. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ въ 20-й книгѣ Временника Общества Исторіи и Древн. Рос., 1854, стр. 26 и 29.

кто ему продалъ бѣглаго. Даже и покраденное холопомъ взыскивается прямо съ незаконнаго владѣльца. Такое же склоненіе къ вещному иску представляетъ искъ о лошадяхъ. Незапятнанныя (т. е. незаклейменныя) лошади и все то, что будетъ отыскиваемо вмѣстѣ съ ними, взыскивается безъ суда съ того, кто владѣетъ ими, не исполнивъ установленныхъ формальностей [283]). Искъ о межѣ представляется личнымъ, ибо вчинается въ слѣдствіе нарушенія межевыхъ знаковъ [284]). О поземельныхъ спорахъ изъ Судебника ничего заключить нельзя, но изъ правыхъ грамотъ мы видимъ, что они были почти всегда личными исками, ибо дѣло начиналось большею частію въ слѣдствіе завладѣнія. Склоненіе къ вещному иску мы замѣчаемъ только въ дѣлахъ о вотчинахъ и помѣстьяхъ. Тамъ доказывалось самое право на землю, а потому и искъ дѣлался уже отчасти вещнымъ. Вообще въ эту эпоху въ практикѣ извѣстны были почти одни личные иски, но сознаніе о различіи исковъ личныхъ и вещныхъ уже начиналось. Такъ въ Стоглавѣ одни прямо противополагаются другимъ. Личные иски названы тамъ собственно исками, а вещные—споромъ: «искати чего-либо или о землѣ споръ». Это нѣчто въ родѣ нынѣшняго раздѣленія судебныхъ дѣлъ на тяжбы и иски [285]).

На основаніи способа пріобрѣтенія правъ иски раздѣляются на крѣпостные и не крѣпостные. Крѣпостные иски появляются еще ранѣе Судебника. Такъ напр. дѣла о холопахъ и о займахъ велись большею частію на основаніи кабалъ. Въ тоже время мы встрѣчаемъ, какъ основаніе иска, купчія, раздѣльныя и и т. д. Но безусловнаго требованія, чтобъ какіе-нибудь иски имѣли крѣпостное указаніе, мы въ это время не встрѣчаемъ. Такъ по Судебнику иски о холопѣ и о займѣ могли быть и кабальными и безкабальными. Въ первый разъ положеніе о кабальныхъ искахъ высказано по отношенію къ холопамъ при царѣ Василіи Шуйскомъ. Указомъ 1606 года Марта 7 было за-

---

283) Судебникъ, ст. 68, 78, 79, 95.

284) Тамъ же, ст. 87.

285) Списокъ съ приказныхъ дѣлъ. А. И. т. I, N 155 стр. 272.

прещено держать холопей безкабально. Кто такимъ образомъ держалъ у себя холопа болѣе года, тому отказывали въ запискѣ его за нимъ, т. е. въ укрѣпленіи права. Но и этимъ указомъ крѣпостной актъ требуется только для вновь пріобрѣтаемыхъ холопей. Старинные, т. е. родившіеся въ холопствѣ, живутъ у своихъ господъ безъ всякихъ крѣпостей [286]). Для обязательствъ тоже правило высказано было гораздо позже, именно указомъ царя Михаила Ѳеодоровича 1635 года Іюля 7 [287]). Иски о помѣстьяхъ и вотчинахъ, по самому существу своему, были большею частію крѣпостные; но вообще иски о земляхъ могли также быть и не крѣпостными.

Содержаніе иска составляли деньги и вещи. Если предметъ иска состоялъ въ вещи, то отыскивалась именно самая вещь, а не цѣна ея. Послѣдняя взыскивается только въ томъ случаѣ, когда самая вещь утрачена. Были ли вещи непремѣнно оцѣняемы, рѣшить довольно трудно; но вѣроятнѣе, что оцѣнка всякій разъ дѣлалась. Впослѣдствіи мы видимъ, что четверть земли является, какъ нѣчто опредѣленное. положено было сколько брать пошлинъ съ четверти. Относительно движимыхъ вещей въ самомъ Судебникѣ видны уже слѣды оцѣнки. Такъ въ дополнительномъ указѣ 1558 года Марта 9-го велѣно дворнаго кобеля цѣнить въ одинъ рубль. Кромѣ того, извѣстно, что по Судебнику ѣздъ не можетъ быть болѣе иска; слѣдовательно уже по этой причинѣ оцѣнка всегда была необходима. Искъ слишкомъ малоцѣнный, кажется не допускался. [288]).

Скажемъ теперь объ отношеніяхъ исковъ между собою. а) Во первыхъ изъ одного и того же факта можетъ возникнуть какъ уголовное, такъ и гражданское дѣло. Преобладаніе того или другаго характера рѣшается обыскомъ. Если кого приведутъ съ поличнымъ въ первый разъ, то съ суда посылаютъ обыскать, и если въ обыскѣ вора назовутъ лихимъ человѣкомъ, то его пы-

---

[286]) А. И. т. II, N 85, I.

[287]) А. И. т. III, N 92, XXVI, стр. 106—107.

[288]) Судебникъ, ст. 44. «А будетъ въ приставной искъ меньше ѣзду, и дьяку тоя приставныя не подписывати, а того недѣльщика кинути въ тюрьму». — А. И. т. I, N 154, XI.

таютъ, иначе дѣло вершится по суду [289]. b) Въ другихъ случаяхъ къ чисто-гражданскому иску присоединяется наказаніе, придающее дѣлу уголовный характеръ. Такъ напр. за порчу межевыхъ знаковъ полагается штрафъ въ одинъ рубль въ пользу истца и вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе кнутомъ. Искъ о подкупѣ повѣреннаго имѣетъ и гражданское и уголовное послѣдствіе: взысканіе иска и пошлинъ въ пользу истца и торговую казнь [290]. Такое отношеніе дѣлъ гражданскихъ къ уголовнымъ не есть только внѣшнее ихъ соединеніе. Оно происходило вслѣдствіе всего основнаго характера тогдашняго процесса. Въ это время гражданскій процессъ не только не отдѣлялся отъ уголовнаго, но всѣ дѣла, кромѣ преступленій противъ государства и государя, были чисто-гражданскими. Уголовный элементъ состоялъ въ одной денежной пени и наказаніи за особенно важныя или особенно часто повторявшіяся преступленія. c) Что касается до взаимныхъ отношеній дѣлъ чисто-гражданскихъ, то искъ второстепенный всегда соединялся съ главнымъ: такъ съ главнымъ искомъ соединялся искъ объ убыткахъ, а съ искомъ о холопѣ искъ о сносѣ [291]. Раздѣленіе иска всегда было возможно.

Форма процесса въ древнѣйшій періодъ Русской исторіи, была чисто-обвинительная, судъ. Такъ же ли было въ эпоху отъ Судебника до Уложенія, рѣшить довольно трудно по скудости собственно юридическихъ памятниковъ этого времени. Однако изъ тѣхъ немногочисленныхъ извѣстій, которыя мы имѣемъ, уже можно сдѣлать нѣсколько выводовъ подтверждаемыхъ сверхъ того и послѣдующимъ развитіемъ нашего законодательства. Извѣстно, что составными частями нашего слѣдственнаго процесса были впослѣдствіи: сыскъ, очная ставка, распросъ и пытка. — Сыскомъ называлось въ это время всякое изслѣдованіе, всякое удостовѣреніе въ сущности дѣла [292]. Спеціальное значеніе сыска

---

[289]) Судебникъ, ст. 52, 55, 56, 59, 60, 61.

[290]) Судебникъ, ст. 87. А. И. т. I, N 154, XX.

[291]) Судебникъ, ст. 18, 50, 66, 79, 95. А. И. т. I, N 154, XIV.

[292]) Судебникъ, ст. 72. «А по городомъ намѣстникомъ городскихъ посадскихъ всѣхъ людей судити, *обыскивая* по ихъ животомъ и по

есть повальный обыскъ. Повальный обыскъ, какъ и всякое судебное доказательство, конечно, не придаетъ еще процессу того или другаго характера, который опредѣляется большею или меньшею дѣятельностію судьи въ теченіи дѣла; но нельзя не сознаться однако, что при употребленіи этого доказательства, участія судебной власти въ веденіи дѣла болѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ. Обыскъ производится при совершенномъ устраненіи тяжущагося, и носитъ характеръ настоящаго слѣдствія. Сыскъ въ другомъ смыслѣ этого слова, напр. въ значеніи справки съ писцовыми или кабальными книгами, или допроса подьячимъ, подписавшимъ какую нибудь купчую или закладную, тоже изъемлетъ отчасти судъ изъ произвола тяжущихся. Что касается до очной ставки, то хотя по формѣ это есть только видоизмѣненіе суда, но по содержанію она уже есть шагъ къ слѣдственному процессу. Различіе между формами обвинительною и слѣдственною опредѣляется не одною степенью судейской дѣятельности, но также и тою различною цѣлію, которая лежитъ въ основаніи каждой изъ нихъ. Процессъ обвинительный имѣетъ цѣлью одну, такъ сказать, юридическую истину, основанную на формальномъ соотвѣтствіи факта съ правомъ; процессъ же слѣдственный имѣетъ цѣлію проникнуть въ самую сущность дѣла, въ матеріальное бытіе права за тою или другою стороною. Такое различіе обѣихъ формъ судопроизводства самымъ яснымъ образомъ высказывается въ примѣненіи къ гражданскому и уголовному процессу; но даже и приложенная къ дѣламъ гражданскимъ, слѣдственная форма уже выражаетъ желаніе законодательства доискиваться истины всѣми возможными средствами и поставить результатъ процесса внѣ личнаго произвола тяжущихся. Эту-то именно цѣль очная ставка и имѣетъ общую съ слѣдственнымъ процессомъ. Ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ одна сторона *уличила* другую въ ея неправдѣ. Въ слѣдствіе такой цѣли, въ очной ставкѣ появляются, одинъ за дру-

---

промысломъ и по розмету....» Ст. 78: «А кто возметъ на полного, или на докладного, или на старинного холопа кабалу *не опытавъ*....» Ниже: «А чей тотъ холопъ былъ.... и та гибель взяти на томъ, кто *не обыскавъ*, на чужего холопа кабалу или бѣглую возметь...»

гимъ, всѣ признаки уголовнаго процесса: употребленіе уликъ, отсутствіе присяги, пытка. Было ли такъ и въ настоящемъ періодѣ, мы не знаемъ. Современные источники не даютъ намъ объ этомъ никакого понятія, и потому, хотя очень вѣроятно, что всѣ эти признаки появились уже до Уложенія, мы отлагаемъ подробное изложеніе вопроса до слѣдующаго періода. — Что касается до распроса и пытки, то на счетъ слѣдственнаго характера этихъ частей процесса не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такимъ образомъ всѣ составныя части розыска не только взятыя вмѣстѣ составляютъ слѣдственный процессъ, но и каждая отдѣльно носитъ тотъ же инквизиціонный характеръ. Употребленіе всѣхъ этихъ формъ носитъ въ древней Россіи до нѣкоторой степени характеръ необходимости. Такъ не только очная ставка и пытка, но даже обыскъ въ иныхъ случаяхъ былъ необходимою принадлежностью суда, вовсе не зависѣвшею отъ произвола тяжущихся.

Въ настоящее время розыскъ, собственно говоря, не существовалъ ни для какаго рода дѣлъ исключительно; но, смотря по обстоятельствамъ, былъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ, употребляемъ или по частямъ или въ цѣломъ. Изслѣдуемъ, для какихъ гражданскихъ дѣлъ употреблялась та или другая форма розыска.

а) Сыскъ, въ смыслѣ повальнаго обыска употребляется, какъ непремѣнное доказательство въ татьбѣ съ поличнымъ. Здѣсь порядокъ процессуальныхъ формъ есть слѣдующій: приведеннаго съ поличнымъ въ первый разъ сначала *судятъ*, потомъ посылаютъ про него *обыскать*, потомъ *пытаютъ*. Пойманнаго въ татьбѣ въ другой разъ прямо *пытаютъ*. Объ оговорномъ человѣкѣ сначала *обыскиваютъ*, потомъ его *пытаютъ* [293]).

Сыскъ, не въ смыслѣ повальнаго обыска, встрѣчается, во первыхъ, въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопахъ и крестьянахъ, во вторыхъ, въ дѣлахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ. Здѣсь онъ, вѣроятно, обозначаетъ справку по записнымъ кабальнымъ книгамъ [294]).

---

293) Судебникъ, ст. 52, 56, 57.

294) А. И. т. III, N 92, стр. 110. Бѣглые люди отдаются «по суду и по крѣпостямъ и по сыску».

Наконецъ сыскъ, просто въ смыслѣ изслѣдованія, или слѣдствія, упоминается въ дѣлахъ о преступленіяхъ по службѣ [295]). Въ этомъ смыслѣ сыскъ едва ли не противополагался суду. По крайнѣй мѣрѣ въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ мы находимъ такое значеніе: одинъ изъ тяжущихся бьетъ челомъ о сыскѣ безъ суда [296]). Вѣроятно, это было или чистое слѣдствіе, или нѣчто въ родѣ того, что нѣмцы называютъ Summarisches Verfahren.

b) Очная ставка употреблялась: a) судя по выраженію *уличать* въ дѣлахъ о преступленіяхъ по службѣ [297]); б) въ дѣлахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ [298]).

c) Распросъ употребляется: a) въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопяхъ и б) въ дѣлахъ уголовныхъ [299]).

d) Пытка употребляется въ дѣлахъ татиныхъ, убійственныхъ и разбойныхъ, также въ дѣлахъ о подкупѣ повѣреннаго [300]).

Соображая употребленіе отдѣльныхъ частей розыска между собою, мы находимъ, что въ иныхъ случаяхъ является одна, въ другихъ двѣ-три составныя его части, въ третьихъ розыскъ употребляется во всемъ своемъ объемѣ. Именно: въ дѣлахъ о преступленіяхъ служебныхъ встрѣчаются только сыскъ и очная ставка, въ дѣлахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ сыскъ и очная ставка, въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопахъ и крестьянахъ сыскъ и распросъ; въ дѣлахъ уголовныхъ всѣ четыре формы вмѣстѣ.

---

295) Судебникъ, ст. 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 33, 42, 44, 47.

296 Русскій Историческій Сборникъ, изд. Обществомъ Ист. и Древн. Рос., т. V, М. 1842, стр. 73. Сибирскій Сборникъ, статья Валуева; стр. ѰГ. «Вельяминовъ говоритъ: «а пожаловалъ, велѣлъ *безъ* суда сыскать, по моему и ево челобитью, а больше того не вели, государь, у меня и ево, *вмѣста суда*, памятей принимать; а князь Вяземской билъ челомъ тебѣ *объ сыску безъ суда*».

297) Судебникъ, ст. 33, 42, 44, 47.

298) Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 31.

299) А И. т. II, N 83. Судебникъ, ст. 52, 56 и др. узаконенія объ уголовныхъ дѣлахъ, напр. А. И. т. IV, N 6, X.

300) Тамъ-же.

Сдѣлаемъ теперь общій выводъ изъ всего сказаннаго. Главная форма процесса есть обвинительная, какъ для гражданскаго, такъ и для уголовнаго суда, безъ всякаго различія. Въ послѣднемъ отношеніи самая важность судимаго преступленія не всегда давала поводъ къ слѣдственной формѣ. Такъ напр. душегубство, какъ преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ воровство, въ какой бы то ни было разъ, судится судомъ; разбой, когда преступникъ не былъ поиманъ на мѣстѣ, тоже [301]), а татьба съ поличнымъ требуетъ обыска и пытки. Ближайшая причина этого различія есть бо́льшая или меньшая гласность преступленія, но отчего же его важность не вела, безъ ссылки тяжущагося, даже къ употребленію самой невинной формы, повальнаго обыска? — Соображая же дѣла уголовныя съ дѣлами гражданскими, мы еще болѣе вправѣ удивляться. Такъ напр. искъ о рабствѣ одного противъ другаго судится при посредствѣ сыска и распроса; дѣло о взятіи лишнихъ пошлинъ посредствомъ очной ставки и сыска; дѣла вотчинныя также; а разбой, татьба безъ поличнаго и душегубство просто судомъ. Уже по окончаніи гражданскаго суда, когда было доказано, что обвиняемый есть вѣдомой лихой человѣкъ, онъ передавался уголовной власти; но если доказано было одно только преступленіе, то и смертной казни подсудимый предавался гражданскою властію [302]). На чемъ же основывалось различіе?

Главное основаніе, по которому употреблялась та или другая форма процесса, есть не что иное, какъ различный интересъ суда. Если въ судѣ принимаетъ участіе интересъ государевъ или общественный, если дѣло идетъ объ обезпеченіи общаго благосостоянія, то къ обвинительной формѣ примѣшиваются нѣкоторые виды слѣдственнаго процесса, и смотря потому, на сколько замѣшанъ въ дѣло интересъ государства, замѣтно большее или меньшее склоненіе къ послѣдней формѣ судопроизводства. Государство, посредствомъ своихъ судей, слѣдитъ, такъ сказать, за ходомъ процесса, возбуждающаго особенное его вниманіе. Въ этомъ смыслѣ употребленіе той или другой формы

---

301) Судебникъ, ст. 12. Я заключаю изъ допущенія поля.

302) Тамъ-же, ст. 60. А. И. т. III, N 167, стр. 298.

судопроизводства объясняется не только исторіею русскаго права, но даже до нѣкоторой степени, политическою исторіею древней Россіи. Такъ напр. искорененіе лихихъ людей составляло одну изъ главныхъ заботъ молодаго общества, а потому мы и видимъ, что татьба съ поличнымъ и гласный разбой судятся уже совершенно слѣдственною формою, розыскомъ. Самое раздѣленіе лихихъ людей на простыхъ преступниковъ и вѣдомыхъ татей и разбойниковъ, установляющее различіе и въ формѣ судопроизводства, получаетъ, намъ кажется, новый смыслъ при этомъ объясненіи. Не одна только гласность преступленія превращаетъ судъ изъ гражданскаго въ уголовный, но и самый характеръ преступленія, соединенный съ этою гласностію. Простой преступникъ не составляетъ еще постоянной угрозы для общества. Его незаконное дѣйствіе могло быть совершено вслѣдствіе личныхъ его отношеній къ тому лицу, чье право имъ было нарушено; но вѣдомый лихой человѣкъ есть постоянная язва для общества; отдѣлаться отъ него есть нужда настоятельная. Такой политическій характеръ замѣтенъ во всѣхъ подробностяхъ этого процесса. Такъ вора, пойманнаго съ татьбою въ другой разъ, уже прямо подвергаютъ пыткѣ; но если онъ и послѣ этого не сдѣлаетъ признанія, то обыскъ рѣшаетъ исходъ дѣла: если обыскные люди назовутъ его лихимъ человѣкомъ, то его сажаютъ въ тюрьму; въ противномъ же случаѣ его отпускаютъ на поруки [303]). Какъ скоро подозрѣніе въ постоянной опасности для общества исчезаетъ, судъ снова принимаетъ гражданскій характеръ. По той же причинѣ въ исторіи розыска видно постоянное усиленіе строгости, и въ слѣдующемъ періодѣ мы будемъ имѣть случай это замѣтить. — Почти тоже должны мы сказать и о преступленіяхъ служебныхъ. Посулы составляли не малое горе для тогдашняго общества, не малую помѣху для всѣхъ административныхъ мѣръ того времени. Заботясь, чтобъ подданные «жили въ покоѣ и въ тишинѣ и отъ великихъ бѣдъ и отъ скорбей поразживались», правительство было вынуждено, въ началѣ XVII вѣка, разсылать окружныя грамоты по городамъ, убѣждая не брать и не давать посуловъ. Въ одной грамотѣ этого

---

303) Судебникъ, ст. 56.

времяни предписано прислать въ Москву мірскія расходныя книги, чтобъ можно было узнать, сколько дано кормовъ отъ общинъ воеводамъ [304]). Но и въ Москвѣ поборовъ было не меньше. Приказные дьяки и подъячіе брали съ челобитчиковъ не одними деньгами, но и вещами; даже лица, стоявшія во главѣ областной администраціи, не были избавлены отъ тяжелой обязанности дѣлать имъ подарки [305]). Отсюда понятно, что, при столь частомъ повтореніи этихъ преступленій, правительство не могло предоставить разборъ ихъ обыкновенному порядку. По этому мы и замѣчаемъ въ дѣлахъ этого рода склоненіе къ слѣдственному процессу: сыскъ и очныя ставки. Вѣроятно даже, что въ иныхъ случаяхъ сыскъ давался безъ суда, для скорѣйшаго окончанія дѣла. — Изъ дѣлъ гражданскихъ тѣ, которыя по преимуществу обращали на себя вниманіе правительства, тоже склоняются постепенно къ слѣдственной формѣ, потому что интересъ государства требовалъ здѣсь наиболѣе точнаго изслѣдованія истины. Такъ напр. извѣстно, что дѣла холопьи издавна обращали на себя вниманіе закона, ибо были въ связи съ явленіемъ особенной важности для образующагося общества, съ прекращеніемъ бродяжничества, столь опаснаго въ это время. По этому уже въ Судебникѣ мы видимъ, что для развѣданія о дѣйствительной принадлежности холопа употребляется чисто-слѣдственная форма, распросъ. Послѣ мы находимъ, что по дѣламъ этого рода допускались и другіе виды розыска. — Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи дѣла помѣстныя и вотчинныя, въ которыхъ почти можно исторически прослѣдить постепенное склоненіе процесса къ слѣдственной формѣ. Еще въ Судебникѣ мы находимъ, что о земляхъ давали судъ, и не только земли вообще, но и вотчины судились тоже судомъ. Въ правыхъ грамотахъ, напечатанныхъ въ Юридическихъ актахъ, изъ которыхъ позднѣйшая относится къ 1612 году, кромѣ чисто-обвинительной формы, суда, мы другой не находимъ; но уже въ концѣ разсматриваемаго періода мы встрѣчаемъ въ дѣлахъ вотчинныхъ и сыскъ и очную ставку. Подъ первымъ здѣсь разумѣлось изслѣдованіе о дѣйствительности крѣпостей, и эта часть процесса сдѣлалась

---

304) А. А. Э. т. III, NN 74, 115.

305) А. Ю. NN 376, 377. Исторія Россіи, Соловьева, т. V, стр. 478.

впослѣдствіи столь существенною его частію, что подъ конецъ запрещено было по крѣпостнымъ дѣламъ винить неявкою: изслѣдованіе крѣпостей и оцѣнка ихъ силы судьею вполнѣ замѣняло самый судъ. Очная же ставка все болѣе и болѣе пріобрѣтала слѣдственный характеръ. Причина такого перехода обвинительнаго процесса въ слѣдственный для насъ очевидна: извѣстно, что со временъ Ивана Грознаго правительство старалось придать вотчинамъ государственный характеръ, ставя владѣніе ими въ соотношеніе съ службою; помѣстья же, по самому своему происхожденію, имѣли уже такое значеніе. Такимъ образомъ чѣмъ болѣе развивалось наше законодательство, тѣмъ болѣе судъ приближался къ розыску, и свободно договорныя отношенія тяжущихся нарушались въ пользу судейскаго надзора за ходомъ спорнаго дѣла. Что касается до начала, которымъ опредѣлялось употребленіе той или другой составной части розыска въ томъ или другомъ родѣ дѣлъ, то, вѣроятно, это рѣшалось сначала однимъ удобствомъ: если дѣло было такаго рода, что всего легче было добраться до истины посредствомъ сыска, то употреблялся сыскъ, въ другихъ же случаяхъ распросъ или очная ставка. Впослѣдствіи эти формы слились съ родомъ дѣлъ, и каждая изъ нихъ составляла уже необходимую принадлежность такого-то именно процесса. О такомъ ходѣ дѣла мы заключаемъ изъ сравненія тѣхъ статей Судебника, которыя говорятъ о преступленіяхъ должностныхъ лицъ: въ однихъ изъ нихъ говорится только о сыскѣ, въ другихъ употребляется слово: *уличать*, слѣдовательно есть намекъ на очную ставку. Вообще должно замѣтить, что мало по малу самыя доказательства примыкаютъ къ той или другой формѣ судопроизводства. Въ описываемую эпоху мы находимъ уже слѣды этого: такъ повальный обыскъ есть необходимая принадлежность розыска, присяга впослѣдствіи исключается, есть указаніе на употребленіе по вотчиннымъ дѣламъ самой пытки.

Итакъ судомъ первоначально судились всѣ дѣла безъ исключенія, но мало по малу изъ него исключаются дѣла холопьи, помѣстныя и вотчинныя; чисто-обвинительная форма остается единственно для дѣлъ по обязательствамъ. Вещныя права, какъ особенно важныя, постепенно переходятъ въ область слѣдственнаго процесса.

Кромѣ этихъ формъ судопроизводства существуетъ еще другое раздѣленіе процессовъ, основанное не на характерѣ суда и расправы, но на большемъ или меньшемъ обезпеченіи, которое законъ предоставляетъ тому или другому роду дѣлъ, относительно справедливости судебнаго рѣшенія. Мы говоримъ о порядкѣ слѣдственномъ и апелляціонномъ. Подъ именемъ перваго разумѣется такой родъ судопроизводства, въ которомъ ревизія суда не предоставлена одному произволу тяжущихся, но поставлена непремѣннымъ условіемъ исполненія приговора въ самомъ законодательствѣ; второй же порядокъ есть такой, въ которомъ тяжущіеся могутъ просить или не просить о пересмотрѣ дѣла. Между этимъ раздѣленіемъ и тѣмъ, о которомъ мы сей часъ говорили, есть нѣкоторое сочувствіе: бо́льшая часть дѣлъ, судившихся впослѣдствіи розыскомъ, относятся къ слѣдственному порядку и въ этомъ смыслѣ слова. Разсматривая источники настоящаго періода, мы находимъ, что уже со времени Судебниковъ дѣла уголовныя восходили на ревизію сами собою. Позже мы видимъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ городовъ ни одинъ смертный приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ доклада въ Москву; слѣд. каждое уголовное дѣло проходило слѣдственнымъ порядкомъ двѣ инстанціи. Изъ дѣлъ гражданскихъ мы встрѣчаемъ такую ревизію суда, въ эпоху Судебника, по дѣламъ холопьимъ; позже эти дѣла были совершенно изъяты изъ вѣдомства второстепенныхъ областныхъ начальниковъ; но въ практикѣ именно въ томъ случаѣ, когда эти дѣла не подлежали мѣстному суду, мы находимъ собственно не исключеніе ихъ изъ провинціальной подсудности, а просто подчиненіе ихъ слѣдственному порядку. Обыкновенный ходъ дѣла о поземельной собственности или о холопахъ былъ слѣдующій: вслѣдствіе челобитья, поданнаго въ помѣстный или холопій приказъ, разборъ спорнаго дѣла поручался мѣстному суду, а потомъ оно пересылалось въ Москву, и тамъ уже постановлялось рѣшеніе. — О томъ, чѣмъ именно докладъ отличался отъ нынѣшняго слѣдственнаго порядка, будетъ сказано ниже.

Сообразно съ общимъ характеромъ своимъ, состоящимъ въ постепенномъ усиленіи вліянія на ходъ суда власти, русскій процессъ и во внѣшней своей формѣ представляетъ постепен-

ный переходъ отъ словеснаго производства къ письменному. Первоначальный судъ былъ, кажется, весь словесный. Единственный актъ суда, излагавшійся письменно, былъ правая грамота; но и она выдавалась только по просьбѣ оправданнаго тяжущагося. Изъ правыхъ грамотъ мы видимъ, что не только личная жалоба подавалась словесно, но и челобитье другаго передавалось его повѣреннымъ тоже на словахъ. Первая письменная челобитная, до насъ дошедшая, относится къ концу XVI вѣка, и вѣроятно, еще долгое время письменныя просьбы перемѣшивались съ словесными. Склоненіе обвинительнаго процесса къ слѣдственному, суда къ розыску, не могло не усилить письменнаго производства. Всякій актъ суда требовалъ особенной точности и опредѣленности, да къ тому же начались сношенія между судебными мѣстами, которыя тоже требовали письменнаго изложенія. Кромѣ того, и самый порядокъ вчинанія исковъ не остался безъ дѣйствія въ этомъ случаѣ. Мы видѣли уже, что по многимъ дѣламъ первое изслѣдованіе поручалось мѣстной власти, а потомъ дѣло опять переходило въ приказъ. Эти сношенія, разумѣется, усиливали переписку.

Первый актъ процесса, которымъ онъ открывается есть челобитная. Форма челобитенъ не была предписана закономъ, но обычай ввелъ для нихъ постоянную, опредѣленную форму. Онѣ начинались словами: «Царю государю, и великому князю.... всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой *такой-то*»; въ концѣ помѣщалось: «царь государь, смилуйся, пощади *или* пожалуй». Но этими словами и ограничивалась обычаемъ установленная форма. Все остальное содержаніе прошенія зависѣло вполнѣ отъ произвола челобитчика и такъ какъ древній процессъ большею частію возникалъ изъ преступленія, то челобитная обыкновенно наполнялась такими выраженіями, которыя проситель считалъ особенно способными разжалобить судей. Поведеніе противника, вызвавшее жалобу, описывалось черными красками, а о себѣ челобитчики употребляли самыя униженныя выраженія; просили напр. защитить ихъ, чтобъ они «нищіе отъ великаго утѣсненія въ конецъ не загибли», чтобъ имъ не умереть голодною смертію и т. д. Монастыри были особенно щедры и изобрѣтательны на такую реторику. Такъ въ одной челобитной конца XVI сто-

лѣтія Іосифовъ Волоколамскій монастырь, жалуясь на крестьянъ боярина Ивана Васильевича Годунова, прибавляетъ въ заключеніе: «потому что Ивановымъ крестьяномъ достанетца земля, а ихъ въ томъ души погинутъ»[306]. Иногда въ концѣ прошенія говорилось еще: «смилуйся, пожалуй, государь, вели мнѣ дать съ *такимъ-то* свой государевъ земской судъ и управу». Никакія опредѣленія закона не стѣсняли изложенія просьбы. Челобитная, кажется, первоначально могла быть даже не подписана просителемъ. Позже встрѣчающееся выраженіе: *заручная* челобитная, ясно показываетъ, что были и незаручныя челобитныя. Подъ конецъ разсматриваемаго періода было уже въ обычаѣ подписывать челобитную, но, кажется, до Уложенія это не было правиломъ. Въ настоящее время встрѣчаются челобитныя и подписанныя, и неподписанныя. Иногда, вмѣсто челобитчика, за неумѣніемъ грамотѣ, просьбу подписывало другое лицо, большею частію духовникъ или родственникъ[307]. Цѣна иска не всегда, однако большею частію, обозначалась въ челобитной. Въ правыхъ грамотахъ, начиная съ XVI вѣка, мы постоянно встрѣчаемъ выраженіе: «а мнѣ ся въ томъ убытка доспѣло *столько-то* рублевъ»[308]. Опредѣленіе исковой суммы дѣлалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ нее входилъ не только непосредственный убытокъ, т. е. цѣнность отнятаго имущества или потерянный доходъ, но также всякое взысканіе, падающее на истца, безъ возможности удовлетворенія, въ слѣдствіе нанесеннаго ему убытка. Такъ напр. наслѣдники убитаго на грабежѣ отыскивали съ грабителя не только пограбленное, но и всѣ долги убитаго, кабальные и безкабальные, ибо платежъ этихъ долговъ падалъ на нихъ[309]. Понятно, что при такомъ способѣ опредѣленія, приписка исковой суммы была дѣ-

---

306) А. Ю. NN 31, 33 и др.

307) Временникъ Общества Исторіи и Древн. Рос., книга 20-я, матеріалы, стр. 1—41.

308) А. Ю. NN 14, 17, 19, 23.

309) А. Ю. N 17, стр. 34.

ломъ обыкновеннымъ. О средствахъ противодѣйствія этому злу со стороны правительства мы упоминали уже отчасти по другому поводу. Прямое опредѣленіе цѣны въ самомъ законодательствѣ начинается гораздо позже. Первый намекъ на законную цѣну исковъ о движимыхъ имуществахъ мы находимъ въ одномъ изъ дополнительныхъ указовъ къ Судебнику. Въ немъ цѣна дворовому кобелю опредѣлена въ одинъ рубль [310]). Позже при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, указомъ 1628 года Февраля 3 опредѣлена цѣна каждаго бѣглаго крестьянина и глухихъ крестьянскихъ животовъ, т. е. такихъ имуществъ, которыхъ цѣнность не опредѣлена въ челобитной. Каждую голову велѣно класть по четыре рубля, а за глухіе животы взыскивать, за каждый, по пяти рублей. Въ тоже время положена граница и преувеличенію исковой суммы со стороны истца: если кто ищетъ большихъ животовъ, рублей на пятьдесятъ и болѣе, то дѣло предписано вершить по суду, не вѣря на слово челобитной [311]). Болѣе точное опредѣленіе исковъ было важнымъ вопросомъ и постоянною заботою правительства въ это время. Такъ, хотя, кромѣ двухъ упомянутыхъ случаевъ, исковая сумма не была опредѣлена закономъ и нерѣдко вѣрили на слово истцу, но иногда въ убыткахъ давали судъ. Отчасти этотъ способъ былъ даже предписанъ закономъ. Такъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ одномъ изъ приказовъ возникъ вопросъ о слѣдующемъ обстоятельствѣ: если отвѣтчикъ сознается въ кабальномъ дѣлѣ, но несогласенъ съ челобитчикомъ въ количествѣ убытковъ, править ли послѣдніе по истцовой сказкѣ? Указомъ 1629 года Ноября 21-го велѣно: «по кабаламъ истина и ростъ править, а въ убыткахъ давать судъ» [312]).—Что касается до основанія иска, то въ челобитной оно часто высказывалось безъ всякихъ доказательствъ. Судья самъ уже въ теченіи суда, требовалъ ихъ отъ истца, часто только въ опроверженіе отвѣтчика, отъ котораго онъ прежде требовалъ доказательствъ, уничтожающихъ искъ. Такъ было очень долго; но

---

310) А. И. т. I, N 154, XI.

311) А. И. т. III, N 92, XII.

312) Тамъ же, XV, стр. 101.

вмѣстѣ съ уничтоженіемъ возможности безкабальнаго иска въ крѣпостныхъ дѣлахъ, къ основанію иска законодательство стало строже. Такъ какъ многіе иски не могли уже быть вчинаемы, если не основывались на кабалѣ, то естественно было перейти къ требованію, чтобъ вообще въ дѣлахъ такого рода основаніе иска было высказано не голословно. По этому указомъ 1635 года, августа 20-го, велѣно истцамъ прилагать документы къ челобитнымъ по дѣламъ, возникающимъ изъ договоровъ; въ противномъ случаѣ запрещено было принимать просьбы и по нимъ давать судъ [313]). Относительно споровъ о поземельной собственности это правило не было высказано; но челобитныя по дѣламъ помѣстнымъ и вотчиннымъ, по самому существу ихъ, большею частію сопровождались документами.

Отъ обыкновенныхъ прошеній слѣдуетъ отличать явочныя челобитныя или просто *явки*. Такъ назывались просьбы, которыми увѣдомляли судъ о какомъ либо обстоятельствѣ, въ очистку себя на будущее время, прося имѣть въ виду это обстоятельство въ случаѣ суднаго дѣла, но не испрашивая однако дать немедленно судъ и управу. Это дѣлалось для разныхъ цѣлей, между прочимъ, вѣроятно, и для того, чтобъ не было поставлено въ вину долгое неисканіе. Явки писались почти также, какъ и обыкновенныя прошенія, съ тою только разницею, что въ началѣ къ словамъ: «челомъ бьетъ», прибавлялось: «и являетъ», а въ концѣ писали: «тобѣ бы царю государю», или, «вамъ бы, государи, (смотря по тому, кому подана челобитная), моя явка была въ вѣдомѣ», или просто: «то было вѣдомо». Иногда присоединялась просьба записать явку. Главное внѣшнее различіе явки отъ обыкновенной челобитной состояло въ томъ, что явка писалась иногда и не на имя государя, но просто на имя непосредственной судебной власти [314]). О челобитныхъ другаго рода, ставочныхъ, мировыхъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

---

313) Указатель Россійскихъ Законовъ, Максимовича, ч. I, стр. 146—147. А. И. т. III, N 92, XXVI.

314) А. Ю. NN 44—54.

Вслѣдствіе челобитья вызывали къ суду отвѣтчика. Въ исторіи вызова замѣтно два противоположныхъ элемента: одинъ совершенно частный, переходящій отъ самоуправства къ договору, другой государственный. Къ первому мы относимъ приставную память, ко второму зазывную грамоту и наказную память. — Приставная память едва ли не была однимъ изъ первыхъ способовъ ограниченія для самоуправства. Въ древнѣйшее время вызовъ къ суду былъ дѣломъ совершенно частнымъ. Истецъ самъ приглашалъ къ суду своего отвѣтчика и, въ случаѣ сопротивленія, налагалъ на него руку. Слѣды такого вызова мы находимъ въ Русской Правдѣ. Въ практикѣ онъ продолжался очень долго не смотря на постановленія о вызовѣ къ суду посредствомъ приставовъ, которыя мы встрѣчаемъ очень рано. Даже послѣ втораго Судебника мы находимъ указанія, что не только истецъ самъ приволакивалъ на судъ отвѣтчика, но что онъ самъ же привозилъ его потомъ къ докладу [315]). Разумѣется, такой способъ приглашенія къ суду былъ уже въ это время дѣломъ незаконнымъ, но, кажется, особенно строгихъ мѣръ правительство противъ него не предпринимало. Законный способъ вызова появился, вѣроятно, не только въ качествѣ мѣры, стѣсняющей произволъ истца, но и какъ помощь ему, какъ средство принудить отвѣтчика не отдѣлываться отъ судебной расправы. По этому-то онъ на половину сохранилъ въ себѣ частный характеръ. Обратимъ прежде всего вниманіе на положеніе пристава, его отношенія къ судьѣ и челобитчику, и свойство сдѣланнаго ему порученія. Недѣльщикъ только въ тѣхъ порученіяхъ, которыя даются ему съ цѣлію административною, является государственнымъ чиновникомъ, какъ скоро порученіе дано ему въ видахъ частнаго интереса, онъ носитъ столько же характеръ лица подчиненнаго, сколько и частнаго человѣка, принявшаго на себя, съ согласія начальства, какое-либо порученіе. Его отношенія и къ судебной власти и къ истцу совершенно договорныя. Интересы приказныхъ людей и недѣльщиковъ строго разграничены въ Судебникѣ. Печатникъ и дьякъ берутъ у недѣльщика съ рубля ѣзда по 6 денегъ и тоже отъ подписи; но они не могутъ под-

---

315) Дополненія къ А. И. т. I, N 51, V, IX.

писать приставную въ отсутствіе недѣльщика, и за нарушеніе этого правила подвергаются взысканію цѣлаго иска и пени. Такія же отношенія и между истцемъ и приставомъ. Правительство смотритъ за ихъ равенствомъ и одинаково наблюдаетъ интересы обѣихъ сторонъ. Такъ, если въ приставной искъ меньше ѣзду, то дьяку запрещается ее подписывать и недѣльщикъ подвергается тюремному заключенію; изъ этого видно, что количество ѣзда опредѣленное въ Судебникѣ, есть, по всей вѣроятности, только maximum, и что сначала, повидимому, величина платы недѣльщику опредѣлялась взаимнымъ договоромъ его съ просителемъ. Но съ другой стороны, законъ думаетъ также и о выгодахъ пристава: въ приставной нельзя писать болѣе двадцати вытей т. е. дѣлъ, потому что недѣльщику отъ каждой приставной слѣдуетъ одинъ ѣздъ [316]). Во всемъ этомъ видно желаніе уравновѣсить выгоды всѣхъ сторонъ, какъ въ дѣлѣ частнаго договора.

Въ то время, когда судопроизводство еще не вполнѣ облеклось въ письменную форму, приставная память, вѣроятно, была первымъ актомъ процесса. Позже мы увидимъ, что постановленія напр. о цѣнѣ иска столько же относятся къ челобитной, сколько и къ приставной памяти. Опредѣленіе цѣнности иска было дѣйствительно едва ли не важнѣе при вызовѣ на судъ, нежели въ самой челобитной: только посредствомъ приставной памяти отвѣтчикъ узнавалъ, слѣдуетъ ли ему ѣхать для отвѣта въ Москву, или онъ можетъ отвѣчать на мѣстѣ, отговорясь цѣною иска. Содержаніе приставной памяти отличалось краткостью. Послѣ словъ: «память приставу», въ ней писали: «дать ему на поруки такого-то отъ имени такого-то, въ такомъ-то искѣ», при чемъ излагалась величина иска и его основаніе: «по кабалѣ», или просто, «по челобитной» [317]). Пріѣхавъ въ мѣсто жительства отвѣтчика, приставъ долженъ былъ накинуть на него срочную и дать его на поруки. Какимъ именно способомъ назначался срокъ, это въ настоящее время опредѣлить довольно трудно. Для мно-

---

[316]) Судебникъ, ст. 44.

[317]) А. Ю. №№ 55, 56.

гихъ существовали сроки, назначенные закономъ. Это право давалось иногда цѣлымъ областямъ, иногда отдѣльнымъ общинамъ, часто даже отдѣльнымъ лицамъ [318]). Оно состояло въ запрещеніи звать къ суду отвѣтчиковъ кромѣ одного или двухъ разъ въ годъ въ опредѣленное время. Вызовъ, сдѣланный въ другое время, не обязывалъ ихъ являться, и даже безсудная грамота, выданная не по этому сроку, считалась недѣйствительною. — Въ видѣ общаго правила, а не привилегіи, въ Судебникѣ опредѣленъ срокъ вызова только для намѣстниковъ, волостелей и ихъ людей. Они должны были являться на судъ, «какъ съѣдутъ съ жалованья». Исключеніе сдѣлано только для иногородцевъ, которымъ, по закону, дается судъ на намѣстниковъ до съѣзда ихъ съ жалованья, и именно только въ это время [319]). Общее опредѣленіе срока для сельскаго населенія сдѣлано позже: указомъ 1642 г. марта 11-го велѣно на пашенныхъ людей давать судъ съ 1-го октября по 1-е апрѣля, кромѣ татьбы съ поличнымъ, разбоя и смертоубійства. — Цѣль этого закона состояла въ томъ, чтобы крестьянъ не позывали къ суду «въ дѣловое время», т. е. въ рабочую пору [320]). Срочная грамота, кажется, существенно отличалась отъ приставной памяти. Послѣдняя была предписаніемъ приставу; оттого въ ней и могло быть помѣщено нѣсколько исковъ вмѣстѣ; срочная грамота, напротивъ, была актомъ, обращеннымъ къ лицу отвѣтчика. Она-то, кажется, а не приставная память, и предъявлялась ему. Ее давали въ томъ только случаѣ, когда срокъ былъ назначенъ судомъ; въ случаѣ законнаго опредѣленія, срочной не накидывали. Отсюда запрещеніе въ Судебникѣ наметывать срочныя на намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ: пользуясь привиллегіею отвѣчать послѣ съѣзда съ жалованья, ѣхать на судъ въ другое время они не были обязаны, а потому не было нужды и въ срочной [321]). Въ

---

318) А. А. Э. т. I, NN 120, 123, 131, 143, 147, 181, 183, 201, 240, 374, 379, 385; т. III, N 37. А. И. т. III, N 67. Дополненія къ А. И. т. I, NN 26, 117, 119.

319) Судебникъ, ст. 24, 75.

320) А. И. т. III, N 92, XXIII, стр. 111.

321) Судебникъ, ст. 21. «А на кого изъ нихъ ѣздокъ накинетъ срочную на одного, и тотъ срочныя своея товарищамъ своимъ, кото-

явкѣ на судъ въ опредѣленный срокъ приставъ требовалъ отъ отвѣтчика поручительства. Это называлось технически: «дать на поруки». Происхожденіе поруки кроется въ древнѣйшихъ временахъ нашей исторіи и коренится какъ въ народномъ бытѣ нашихъ предковъ, такъ и въ основномъ характерѣ стариннаго русскаго судопроизводства. Сначала, какъ мы уже сказали, вызовъ отвѣтчика сопровождался немедленнымъ слѣдованіемъ къ суду за истцемъ или приставомъ, а въ случаѣ сопротивленія прибѣгали къ насилію. Естественно, что въ послѣднемъ случаѣ люди близкіе къ отвѣтчику обязывались поставить его къ суду сами, чтобъ избавить его отъ необходимости явиться немедленно. Срокъ явки на судъ въ этомъ случаѣ былъ самый краткій: такъ изъ Русской Правды мы видимъ, что отвѣтчикъ, не идущій на сводъ немедленно, долженъ былъ представить *поручника* только за пять дней, слѣдовательно чрезъ пять дней онъ долженъ былъ уже явиться [322]). Почему именно обезпеченіе состояло въ порукѣ, а не въ какомъ нибудь матеріальномъ залогѣ, это объясняется характеромъ нашего процесса: какъ отношеніе договорное, слѣдственно болѣе личное, чѣмъ вещественное, судъ не допускалъ сначала никакого непосредственнаго взысканія съ имущества, мимо обязаннаго лица; отсюда и обезпеченіе носитъ характеръ договорный. Что дѣйствительно порука имѣла сначала назначеніемъ воспрепятствовать личному задержанію отвѣтчика, это доказывается слѣдующимъ выраженіемъ, которое до конца древняго періода удерживалось въ нашихъ актахъ: взятіе на поруки выражалось также словами *выручить у пристава* или у судьи [323]). Въ древнѣйшее время порука была, вѣроятно, естественнымъ результатомъ патріархальнаго быта, и потому она носитъ признакъ необходи-

---

рые съ нимъ въ срочной написаны, не явитъ, и на которыхъ его товарищевъ выляжетъ безсудная грамота, ино тѣмъ людемъ дати съ тѣми судъ, кто имъ срочныя не явилъ». Ст. 41. «А какъ давати безсудныя, и дьякомъ срочныя снести въ одно мѣсто самимъ...» Ст. 75. «а срочныхъ по приставнымъ на намѣстниковъ и на волостелей и на ихъ тіуновъ не наметывати...»

322) Русская Правда, по изд. Калачова, I, 13.

323) А. Ю. NN 301, I и II, 304, I и II, 307 и др.

мости. Мы видимъ, что большею частію ручаются лица, связанныя съ отвѣтчикомъ какими нибудь юридическими отношеніями: такъ въ нѣкоторыхъ поручныхъ записяхъ мы видимъ, что за крестьянъ ручаются владѣльцу ихъ сосѣди, которые обязаны *дѣлать съ ними издѣлье рядомъ* [324]). Въ одномъ позднѣйшемъ актѣ отвѣтчикъ извиняется тѣмъ, что его некому было выручить съ суда, ибо у него нѣтъ сродниковъ въ мѣстѣ процесса [325]). По этому общему характеру поруки, законодательство могло требовать ея отъ иныхъ лицъ, какъ исполненія ихъ непремѣнной обязанности относительно другихъ. Само собою разумѣется, что такое требованіе не могло простираться на судебное поручительство: съ одной стороны судъ былъ интересомъ исключительно частнымъ, съ другой, здѣсь поручительство основывалось на такихъ естественныхъ связяхъ, что никакихъ другихъ побужденій было не нужно. Но такъ какъ общимъ взглядомъ законодательства объясняется отчасти и судебное поручительство, то мы скажемъ нѣсколько словъ вообще о порукѣ, на сколько это необходимо для нашей цѣли. Обязанность ручаться за другаго проистекала изъ всякой дѣйствительной или предполагаемой связи между лицами. Такъ напр. когда одна половина обыска одобряла оговорнаго человѣка, а другая нѣтъ, то первая должна была принять на себя поруку за того, кого одобрила [326]). Изъ того же источника проистекаетъ и это странное выраженіе, которое мы встрѣчаемъ въ поручныхъ записяхъ: въ нихъ иногда говорится, что онѣ даны *по приказу* такого-то начальника [327]). Отдача на поруки была дѣйствительно почти приказаніемъ, такъ была тѣсна естественная связь между членами юридическихъ союзовъ. До нѣкоторой степени такое воззрѣніе простиралось и на судебное поручительство. Всякое солидарное отношеніе непремѣнно хотя отчасти устанавливало обязанность ручаться другъ за друга. Мы встрѣчаемъ весьма замѣчательный фактъ въ этомъ

---

324) А. Ю. N 290, VIII, X.

325) Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 74.

326) Выписка изъ уставной книги Разбойнаго Приказа, А. И. т. III, N 167, стр. 295.

327) А. Ю. NN 304, III, 319, III.

родѣ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ: игуменья приказываетъ монастырскимъ попамъ поручиться въ явкѣ на судъ за діакона того же монастыря [328]). Разумѣется, что характеръ поручительства, съ теченіемъ времени, долженъ былъ все болѣе и болѣе измѣняться. Замѣтимъ, что вообще въ настоящемъ періодѣ постановленій о поручительствѣ почти нѣтъ: лучшее доказательство, до какой степени оно условливалось всѣмъ народнымъ бытомъ. Въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ, какимъ образомъ оно было опредѣлено законодательствомъ.

Въ слѣдствіе общаго характера суда въ это время поручительство имѣло самое широкое примѣненіе. Каждый актъ процесса обезпечивался имъ со стороны отвѣтчика, какъ единственнымъ средствомъ взысканія. Такъ, хотя въ законодательствѣ было еще не много положеній объ этомъ, но мы встрѣчаемъ уже однако въ практикѣ всѣ виды поручныхъ записей, а именно поручныя: a) въ статьѣ на судъ до срока, b) въ томъ, чтобы «ставиться къ суду по вся дни, покамѣстъ дѣло верщится», т. е. въ несъѣздѣ съ суда, c) поручныя съ суда, въ явкѣ къ судебному рѣшенію, d) поручныя въ явкѣ къ крестному цѣлованію, наконецъ e) поручныя въ правежныхъ ставкахъ и f) въ поставленіи на судъ требуемаго лица [329]). Не знаемъ, всѣ ли эти виды поручительства одновременны. Вѣроятно, что при возрастающемъ вниманіи закона къ судопроизводству и стремленіи перевести личное взы-

---

[328]) Дополненія къ А. И т. I, N 51, XII. «Здѣсе намъ присылала бити челомъ Нового дѣвича монастыря, что на Москвѣ, игуменья Евпикѣя съ сестрами, о томъ, что деи писался ихъ монастыря дьяконъ Иванъ по дядѣ своемъ по Ѳедкѣ Павловѣ сынѣ по Шуманѣ по Ноугородцѣ у Тимоѳея у Олферова сына Волкова въ осмидесятъ рублѣхъ въ кабалу, и тотъ деи Ѳедко Шуманъ на срокъ съ денгами на Москвѣ не сталъ и Тимоѳею деи ихъ Волкову не заплатилъ, а той деи ихъ дьякона Ивана въ порукѣ выдалъ; и Тимоѳей деи Волковъ въ той кабалѣ въ осмидесятъ рублѣхъ на срокъ приставилъ къ тому дьякону Ивану; и игуменья Евпикѣя того дьякона Ивана велѣла выручити, въ статьѣ, своимъ монастырскимъ попомъ, попу Ѳедору съ товарищы....» Грамота 1556 г. октября 14.

[329]) А. Ю. NN 293, 299, 307, 315, 316.

сканіе въ денежное, объемъ примѣненія поруки все болѣе и болѣе увеличивался. Подручниковъ т. е. поручителей за поручителей мы встрѣчаемъ только въ сферѣ государственной, а не судебной поруки. — Ручаться могли всѣ: между поручителями мы встрѣчаемъ напр., рядомъ съ губнымъ старостой, крѣпостнаго человѣка [330]). Замѣтимъ еще, что вообще о началѣ разсматриваемаго періода трудно сдѣлать какое-либо вѣрное заключеніе, ибо бо́льшая часть извѣстныхъ намъ поручныхъ записей относится или къ слѣдующему періоду, или къ концу этого, когда порука должна уже была утратить свой первоначальный характеръ. Этимъ объясняется, почему рядомъ съ ручательствомъ членовъ общины и сословія или родственниковъ мы встрѣчаемъ и поруку лицъ совершенно постороннихъ, что особенно замѣтно въ судебномъ поручительствѣ.

Что касается до цѣли поручительства, или до обязанностей поручителей въ отношеніи къ суду, то на этотъ счетъ недавно высказано новое мнѣніе, въ статьѣ: «Древнее Русское поручительство», г. С. Капустина, помѣщенной въ Юридическомъ Сборникѣ покойнаго Мейера [331]). По этому мнѣнію, судебное поручительство вовсе не влекло за собою обязанности представить къ суду отвѣтчика, налагая только денежную отвѣтственность по платежу иска и убытковъ въ случаѣ его неявки. Доказательства авторъ приводитъ слѣдующія: 1) по его мнѣнію, въ представленіи на судъ отвѣтчика, при существованіи поруки, не было уже никакой необходимости. Невыгоды отъ неявки отвѣтчика состоятъ въ томъ, что не съ кого взять искъ и судебныя пошлины, а «для устраненія подобныхъ невыгодъ довольно будетъ, если судебное мѣсто и истецъ получаютъ возможность произвести съ какого-либо лица законное взысканіе». 2) «Если есть особенный интересъ въ присутствіи отвѣтчика, то не поручителя заставляютъ представлять его на судъ, а эта обязанность налагается на лице служебное, на пристава». 3) «Въ иныхъ слу-

---

[330]) А. Ю. № 307, II.

[331]) Юридическій Сборникъ, изд. Мейеромъ, Казань, 1855, стр. 295—296.

чаяхъ представленіе на судъ отвѣтчика со стороны поручителей почти невозможно. Поручительство, напр., дано въ Чердыни, а судъ долженъ производиться въ Москвѣ. Неужели поручители должны были сами вести отвѣтчика изъ Чердыни въ Москву?» 4) «При томъ, по обыкновенію того времени, поручителей по одному и тому же обязательству, набиралось всегда какъ можно болѣе: число ихъ доходило до десяти, простиралось иногда и далѣе. Неужели такое количество людей должно было сопровождать всегда отвѣтчика къ суду?» 5) Наконецъ «въ поручныхъ записяхъ употребительна форма: «а не станетъ онъ за нашею порукою»; напротивъ: «а не поставлю язъ его на судъ», попадается очень рѣдко». Таковы доводы автора статьи. Для насъ они не совсѣмъ убѣдительны. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первоначальная обязанность поручителей состояла именно въ томъ, чтобъ поставить отвѣтчика на судъ. Таковъ смыслъ статьи Русской Правды о сводѣ, гдѣ сказано: «а поручника за пять дней». Замѣтимъ, что объ обезпеченіи взысканія въ этой статьѣ нѣтъ и рѣчи: дѣло идетъ не о денежномъ взысканіи, не объ удовлетвореніи истца въ его искѣ и убыткахъ или объ уплатѣ пошлинъ судебному мѣсту, но объ отысканіи самой вещи, въ чемъ могъ способствовать одинъ отвѣтчикъ. Что такая обязанность поручителя продолжала существовать не только въ описываемое время, но даже гораздо позже, видно изъ 229-й статьи X главы Уложенія, по которой, если землевладѣлецъ, поѣхавъ, за поруками, провѣдывать, есть ли въ его имѣніи бѣглые крестьяне, не станетъ на срокъ къ суду: то поручители въ свою очередь даютъ по себѣ поручную запись и ѣдутъ его отыскивать. То, что въ актахъ чаще встрѣчается обѣщаніе уплатить искъ и пошлины, чѣмъ представить на судъ отвѣтчика, не составляетъ еще возраженія, по нашему мнѣнію. Только эта уплата и интересовала судебное мѣсто, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ иски превратились въ денежные, а потому только о ней и упоминается въ поручныхъ записяхъ. Представить или не представить на судъ отвѣтчика отдавалось на произволъ поручителя. Достаточно, чтобъ выраженіе: «а не поставлю язъ его на судъ», встрѣтилось хотя одинъ разъ, особенно во второмъ періодѣ, чтобъ вывести изъ этого заключеніе совершенно противоположное при-

веденному мнѣнію. Обезпеченіе иска и пошлинъ, хотя и составляло главную заботу правительства, но по своему происхожденію имѣетъ только штрафный характеръ. Къ этой уплатѣ былъ обязанъ и недѣльщикъ, спродавшій татя, однако главная его обязанность все-таки состоитъ въ поставленіи преступника предъ судьями [332]) Лучшее доказательство, что обязанность представить на судъ отвѣтчика всегда подразумѣвалась, состоитъ въ характерѣ тѣхъ взысканій, которыя, въ случаѣ неявки, падаютъ на поручителя: онъ обязанъ, кромѣ иска и пошлинъ, уплатить еще пеню; а въ одной записи 1603 года поручители обязываются, кромѣ судебныхъ взысканій, уплатить еще за отвѣтчика «государевы подати, и монастырскіе доходы, и издѣлья, и оброкъ, и приказщиковы доходы» [333]). Авторъ разсматриваетъ этотъ актъ, какъ исключеніе, но сообразивъ его съ пенею, о которой почти вездѣ упоминается, мы видимъ и тамъ и здѣсь одинаковый штрафный характеръ, а потому и считаемъ обязанность представить на судъ отвѣтчика за существенную часть обязательства.—Сильное доказательство въ пользу такого взгляда составляютъ поручныя въ правежныхъ ставкахъ. Если бы все дѣло шло только объ обезпеченіи взысканія, то нечего бы было ручаться, что отвѣтчикъ будетъ ставиться къ правежу: стоило бы только поручиться, что искъ и пошлины будутъ уплачены. По нашему мнѣнію, первоначальное назначеніе поручительства именно и состояло въ представленіи на судъ отвѣтчика, но съ теченіемъ времени этотъ основный характеръ обязательства нѣсколько измѣнился. Такъ какъ не было нужды въ непремѣнномъ взысканіи съ этого, а не съ другаго лица, то правительство могло предоставить на волю поручителя поставить или не поставить на судъ отвѣтчика, лишь бы кѣмъ нибудь было уплачено взысканіе. Напротивъ того, въ другихъ случаяхъ, когда въ явкѣ отвѣтчика была необходимость по свойству самаго взысканія, поставленіе его на судъ было непремѣнною обязанностію поручителей. Такъ было напр. позже въ дѣлѣ о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ. Также, вѣроятно, было и относительно татей, отпущен-

---

[332]) Судебникъ, ст. 54.

[333]) А. Ю. №№ 307, 293.

ныхъ на поруки, ибо здѣсь взысканіе было столько же личное, сколько и имущественное [334]). Въ практикѣ, такъ какъ поручительство основывается на взаимномъ довѣріи и самыхъ близкихъ отношеніяхъ, поставленіе на судъ отвѣтчика, конечно, должно было случаться довольно рѣдко. Само собою разумѣется, что такая обязанность поручителей не была единственнымъ соображеніемъ законодательства при допущеніи судебной поруки. При дальнѣйшемъ развитіи нашего права обезпеченіе иска должно было сдѣлаться главною заботою правительства. Скажемъ болѣе: были обстоятельства, при которыхъ наблюденіе поручителей за явкою отвѣтчика дѣлалось почти невозможнымъ, и тогда матеріальное обезпеченіе иска стояло на первомъ планѣ. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ такіе случаи, въ которыхъ поручительство не могло имѣть никакой другой цѣли, кромѣ послѣдней. Сюда напр. можно отнести поручительство, данное въ провинціальномъ городѣ, въ явкѣ на судъ въ Москву. Здѣсь самая невозможность всегда слѣдовать за отвѣтчикомъ въ Москву даетъ порукѣ одно значеніе матеріальнаго ручательства. Въ эпоху Судебника всѣ иски носятъ уже денежный характеръ, а потому и денежная обязанность поручителей одна выступаетъ довольно ярко. Отсюда и тѣ признаки, которые смущаютъ автора разсматриваемаго мнѣнія, т. е. 1) посылка за отвѣтчикомъ, въ случаѣ его неявки, по прежнему пристава, а не поручителей; 2) обязанность поручителей отыскивать отвѣтчика только въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, и наконецъ 3) отсутствіе въ поручныхъ записяхъ обѣщанія поставить на судъ обвиненнаго.

Что касается до объема поручительства, то въ судебномъ отношеніи оно большею частію простирается, только на уплату исковой суммы, пошлинъ и государевой пени. Только въ одной поручной записи мы встрѣчаемъ большій объемъ поручительства. Въ несудебныхъ поручныхъ записяхъ послѣднее встрѣчается довольно часто, но тамъ обезпечивалось доброе поведеніе лица, а извѣстно, что въ случаѣ напр. татьбы или разбоя изъ одного дѣла легко могло возникнуть нѣсколько.

---

[334]) Судебникъ, ст. 56, 57. А. А. Э. т. II, № 225, выписка изъ постановленій о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ, 1605 г., стр. 390.

Мы видѣли, что каждый судебный актъ былъ обезпеченъ поручительствомъ. Такое поручительство и кончалось вмѣстѣ съ тѣмъ судебнымъ актомъ, для удостовѣренія въ которомъ оно было сдѣлано. Въ случаѣ неисполненія со стороны отвѣтчика, взысканіе падало на поручителей, и при томъ на того изъ нихъ, который былъ на-лицо: судебная порука была contractus correalis. Съ цѣлію какъ можно болѣе обезпечить быстроту взысканія поручителей бывало большею частію по нѣскольку. Указать на отвѣтчика и тѣмъ отклонить отъ себя взысканіе въ этомъ случаѣ поручитель не имѣлъ права, ибо и самое взысканіе съ него имѣло по преимуществу штрафный характеръ. Когда отвѣтчикъ не исполнялъ того дѣйствія, въ обезпеченіе котораго онъ представилъ поручителей, то это технически называлось: *«выдать въ порукѣ»*. Такой поступокъ отвѣтчика устанавливалъ между имъ и его поручителемъ новое отношеніе: послѣдній дѣлался его кредиторомъ и имѣлъ право искать съ него судомъ своихъ убытковъ. Въ то время, когда порука уже не основывалась, вѣроятно, на естественныхъ отношеніяхъ, но была милостью со стороны поручителя, сюда присоединился другой искъ— о безчестьи: поручители стали искать безчестья съ того, кто ихъ выдастъ въ порукѣ. Такъ какъ неявка на судъ была обличеніемъ честнаго слова, даннаго поручителемъ, то это было довольно естественно; однако указъ 1629 года ноября 21-го, запретилъ давать судъ въ безчестьи, предписавъ взыскивать только одни убытки по сыску [335]).

Кромѣ всего сказаннаго, судебная порука имѣла еще другое назначеніе. Это былъ единственный актъ, который ставилъ отвѣтчика въ договорное отношеніе къ истцу, и потому возлагалъ на него собственно судебную отвѣтственность. Пока не было дано поручной записи, отвѣтчикъ небылъ обязанъ относительно своего истца, а только, такъ сказать, относительно государства. Отсюда и обвиненіе въ искѣ не могло быть произнесено противъ него вслѣдствіе неявки, ибо къ явкѣ онъ не обязался. Сопротивленіе приставу влекло для него только наказаніе: онъ уплачивалъ проѣсть и волокиту, а «за ослушанье, что

---

[335]) А. И. т III, N 92, XV, стр. 101—102; N 167, стр. 309.

не послушалъ государева указу», велѣно въ 1628 году января 15-го «учинить наказанье» [336]). Слѣдующій періодъ даетъ намъ случай подробно прослѣдить такое значеніе поручной записи. Форма поручной записи такая же какъ и вообще всѣхъ актовъ этого времени: въ началѣ писались имена поручителей, потомъ излагалось за кого дается поручная запись, въ какой именно судебной обязанности и передъ какимъ судьею; за тѣмъ упоминалось о взысканіяхъ, которымъ подвергають себя поручители; въ заключеніе слѣдовали подписи свидѣтелей и подъячаго, писавшаго поручную запись. — Непредставленіе по себѣ поручной записи вело къ разнымъ послѣдствіямъ, смотря по тому, было ли оно непроизвольно или произошло по винѣ отвѣтчика. Въ первомъ случаѣ, т. е. если по отвѣтчикѣ не будетъ поруки, или, какъ послѣ выражались, если онъ «порукъ по себѣ не сберетъ», онъ подвергался личному задержанію. По Судебнику, личный арестъ происходилъ въ волостяхъ особеннымъ образомъ: намѣстничьи и волостелины люди не иначе могли сковать отвѣтчика, какъ явя его сначала «въ городѣ приказщикомъ городскимъ, да дворскому, и старостѣ, и цѣловальникомъ, а въ волости старостѣ и цѣловальникомъ, которые у намѣстника и у волостеля и у ихъ тіуновъ въ судѣ сидятъ». Въ противномъ случаѣ, если тѣ, «кто тѣмъ людемъ родъ и племя», придутъ бить челомъ своимъ выборнымъ начальникамъ на судейскаго человѣка, то съ послѣдняго не только взыскивается весь искъ, уплаченный истцу отвѣтчикомъ, но еще и безчестіе въ пользу задержаннаго, смотря по человѣку [337]). Произвольный отказъ въ порукѣ происходилъ тогда, когда отвѣтчики «недѣльщикомъ въ истцовыхъ искѣхъ на поруки не дадутся, чинятся сильны». Въ этомъ случаѣ приставъ доносилъ суду какъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія, такъ и объ отвѣтѣ, который былъ ему сдѣланъ. Это донесеніе называлось *доѣздною памятью* [338]). Вслѣдствіе доѣздной памяти судъ отправлялъ для поимки отвѣтчика того же пристава *съ наказною памятью*. Такъ называлось

---

[336]) А. И. т. III, N 92, XII, стр. 98.

[337]) Судебникъ, ст. 70.

[338]) А. Ю. N 365.

предписаніе, данное приставу судомъ, ѣхать въ мѣсто жительства отвѣтчика, и, взявъ съ собою понятныхъ, заставить его при нихъ дать по себѣ поруки [339]). Такимъ образомъ и этотъ, уже государственный вызовъ къ суду не зналъ другаго средства принужденія, кромѣ истребованія поручной записи, кромѣ принужденія вступить въ договорное отношеніе съ истцемъ. Въ случаѣ неявки отвѣтчика по выдачѣ поручной. по Судебнику, онъ подвергался обвиненію какъ скоро оканчивался назначенный ему срокъ. Единственная для него милость закона состояла въ томъ, что обвиняли не въ самый срокъ, а по прошествіи еще послѣ него поверстнаго срока, полагая на сто верстъ по семи дней [340]). Срокъ можно было *отписать*, т. е. отсрочить, или явясь лично, или приславъ повѣреннаго. По Судебнику и слѣдующимъ за нимъ узаконеніямъ отсрочка допускалась только въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ тяжущихся или оба они должны были ѣхать на государеву службу: тогда недѣли за двѣ или за три они должны были присылать отписать срокъ, что̀ въ этомъ случаѣ и дѣлалось для нихъ безпошлинно. Срокъ для военныхъ людей обыкновенно назначался въ то время, «какъ воеводы съ конь ссядутъ, мѣсяцъ спустя». Если же срокъ былъ отписанъ по другой какой-нибудь причинѣ, напр по болѣзни, то съ того изъ тяжущихся, который просилъ объ отсрочкѣ, взыскивались пошлины отъ подписи и отъ письма и недѣльщику хоженое. Относительно другихъ отсрочекъ замѣчательно одно мѣсто въ указѣ 1628 года, гдѣ сказано, что «инымъ челобитчикамъ пересрочиваютъ воеводы для своихъ корыстей и присылаютъ ихъ къ Москвѣ на иные сроки, которые они имъ чинятъ» Строгія постановленія Судебника были отчасти смягчены впослѣдствіи. Указомъ 1628 г. января 15-го не велѣно винить неявкою и тогда, когда, по миновании льготнаго мѣсяца послѣ службы, тяжущіеся къ суду не станутъ: вмѣсто этого посылались государевы зазывныя грамоты, и только неявка на другой срокъ влекла за собой обвиненіе. Государевою зазывною грамотою называлась царская грамота къ воеводѣ, которою ему предписы-

---

339) А. Ю. № 346.

340) Судебникъ, ст. 69, 75.

валось выслать тяжущагося на указный срокъ и собрать по немъ поруки. По дѣламъ иногородныхъ, не Московскихъ жителей зазывныя грамоты давались не только вслѣдствіе неявки отвѣтчика, но и для самаго перваго вызова. Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ ни первою, ни второю неявкою не винили, но взыскивая съ ослушнато проѣсть и волокиту и приставные убытки, всякій разъ посылали новую зазывную грамоту, и только въ слѣдствіе неявки по третьей грамотѣ, обвиняли наконецъ отвѣтчика. Г. Михайловъ, основываясь, кажется, на отдаленномъ срокѣ, назначенномъ въ одной изъ зазывныхъ грамотъ, считаетъ этотъ способъ вызова болѣе почетнымъ [341]). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ этой грамотѣ, которая дала къ нему поводъ, для явки изъ бѣлозерской деревни, слѣд. за 700 слишкомъ верстъ, назначается четыре съ половиною мѣсяца отъ посылки грамоты. Это вовсе не много, если принять въ соображеніе, что послѣ назначеннаго уже срока, къ которому отвѣтчикъ могъ заранѣе приготовиться, давали отсрочку по семи дней на сто верстъ, слѣд. на 700 верстъ приходилось 49 дней, т. е. слишкомъ полтора мѣсяца. Въ другой зазывной грамотѣ срокъ еще короче. Для пріѣзда въ Москву изъ Чердыни назначено только четыре мѣсяца. Отъ Чердыни до Москвы теперь считается 1666 верстъ. При тогдашнихъ средствахъ сообщенія и при всѣхъ формальностяхъ стариннаго вызова, это не только не долгій, но скорѣе короткій срокъ.— Да и что же было особенно почетнаго быть высланнымъ къ суду черезъ воеводу? По нашему мнѣнію, это остатокъ древнѣйшаго вызова къ суду, но облеченный въ государственныя формы. Вѣроятно, въ слѣдствіе особеннаго при немъ участія власти онъ всего болѣе употреблялся при очныхъ ставкахъ. Въ Судебникѣ о немъ не упоминается, почему и надобно думать, что къ этому способу вызова въ его новой государственной формѣ возвратились подъ конецъ XVI или въ началѣ XVII вѣка. Этимъ способомъ вообще вызывали отвѣтчиковъ въ томъ случаѣ, когда они жили не въ Москвѣ, а по городамъ, ибо тогда посылать приставную память было неудобно.

[341]) Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 года, Спб., 1848, стр. 79.

До сихъ поръ было говорено только о неявкѣ отвѣтчика. Но указомъ 1628 года января 15-го внесено въ наше право и другое положеніе о неявкѣ истца. Въ древней Россіи заведеніе процессовъ было иногда просто средствомъ вымогательства денегъ или истощечія противника. Оттого часто случалось, что челобитчики, взявъ зазывную грамоту, сами не становились къ суду и этимъ волочили отвѣтчиковъ, такъ что послѣдніе въ конецъ погибали въ проѣсти и волокитѣ. Для пресѣченія этого злоупотребленія, указомъ 1628 г. велѣно винить истца, который, приставя, не станетъ искать цѣлую недѣлю и не давать ему впредь суда по этому дѣлу. Указомъ 1629 года ноября 21-го это правило было подтверждено. Недѣля получила названіе указной.—Тяжущихся, по первому изъ этихъ двухъ указовъ, винили не только неявкою, но и съѣздомъ съ суда. Выше мы видѣли, что и это обезпечивалось поручною записью.—Тому изъ тяжущихся, котораго противникъ не явился, выдавалась безсудная грамота, и кажется, по его просьбѣ. Для этого дьякъ долженъ былъ снести срочныя въ одно мѣсто и, разобравъ ихъ, давать безсудныя. Это повидимому указываетъ на то, что безсудныя грамоты раздавались въ одно время нѣсколькимъ тяжущимися. Не всегда однако тяжущихся винили неявкою. Уже въ эпоху Судебника поземельныя дѣла, покрайнѣй мѣрѣ межевыя, и въ случаѣ неявки, кажется, не оканчивались простымъ обвиненіемъ, но подвергались прежде судейскому разсмотрѣнію. Такъ въ одной разъѣзжей грамотѣ 1552 года судьи, вмѣсто того, чтобъ прямо обвинить отвѣтчика неявкою и присудить спорную землю истцу по его показанію, допрашиваютъ окольныхъ жителей и потомъ кладутъ *опросный списокъ* на докладъ передъ государемъ. Положительнымъ закономъ сдѣлано было однако только одно исключеніе изъ общаго правила, и то уже поздно, подъ конецъ этого періода: указомъ 1645 года января 2-го запрещено винить не явкою по крѣпостнымъ и большимъ кабальнымъ дѣламъ (которыя могли быть разобраны и безъ судоговоренія). Вмѣсто этого велѣно было взыскивать большія штрафныя деньги: по рублю проѣстей и волокитъ въ день въ пользу противника. Этою мѣрою указъ хотѣлъ положить конецъ двумъ важнымъ невыгодамъ: съ одной стороны, лишенію отвѣтчиковъ помѣстей и

вотчинъ въ слѣдствіе ставокъ истца, съ другой лѣни и ослушанію неявляющихся въ судъ на указные сроки [342]).

Явясь на судъ тяжущіеся имѣли право отводить судей, если не разсчитывали на ихъ безпристрастіе. Причинами отвода современные источники считаютъ родство и дружбу. Если отвода не было, то дѣло начиналось подачею челобитной и запискою ихъ явки. Эта челобитная называлась ставочною. Въ ставочной челобитной истецъ, кажется, повторялъ весь свой искъ и, если отвѣтчикъ тоже явился, то просилъ съ нимъ суда; въ противномъ же случаѣ испрашивалъ безсудной грамоты. Ставочная челобитная отвѣтчика заключала въ себѣ только просьбу записать его челобитье, какъ доказательство, что онъ явился на судъ [343]). Такимъ образомъ, кажется, что, по крайнѣй мѣрѣ по дѣламъ вотчиннымъ, съ ставочною челобитною сливалась иногда исковая т. е. тотъ родъ прошенія, въ которомъ излагалось требованіе истца не для вызова уже къ суду, а для начала судопроизводства. Что дѣйствительно отъ истца поступало два прошенія: одно для вызова къ суду, другое исковое, въ этомъ насъ убѣждаютъ: 1) то, что впослѣдствіи было запрещено давать судъ по такимъ челобитнымъ и приставнымъ памятямъ, которыя не основаны ни на какихъ документахъ, слѣдовательно челобитная подавалась и для вызова къ суду; 2) то, что въ спискѣ съ приказныхъ дѣлъ, напечатанномъ во Временникѣ Общества Исторіи, мы находимъ двѣ челобитныя, одну для вызова къ очной ставкѣ, другую при началѣ процесса. Изъ этого видно, что какъ въ началѣ всего суднаго дѣла, такъ и при началѣ судоговоренія, подавалось по прошенію, и второе носитъ названіе исковой челобитной. По явкѣ къ суду отвѣтчика эта челобитная ему вычитывалась, и противъ нея требовался отвѣтъ. Когда именно появился обычай подавать исковую челобитную письменно, а не

---

[342]) Судебникъ, ст. 41. А. И. т. III, N 92, XII, XV, XXXV, XL N 187. А. Ю. N 57. Описаніе Госуд. Архива Старыхъ Дѣлъ, стр. 225.

[343]) А. И. т. I, N 248; т. III, N 92, XL. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 30, 31 и 33. Ср. безсудную грамоту въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, книги 2-й половина 1-я, М. 1855, отдѣленіе 3, стр. 131.

словесно, съ точностію мы не знаемъ. Въ Актахъ Юридическихъ уже съ 1571 года мы встрѣчаемъ, что отвѣтчику читаютъ челобитную истца. По прочтеніи челобитной, судья обращался къ отвѣтчику и говорилъ ему: «отвѣчай». Если въ жалобницѣ было написано нѣсколько именъ, то судья спрашивалъ прежде отвѣтчика: отвѣчаетъ ли онъ за своихъ товарищей? Въ слѣдствіе этого вопроса отвѣтчикъ или объявлялъ, что онъ отвѣчаетъ за нихъ, или говорилъ, что отвѣчаетъ только въ своей долѣ. Тогда допускалось раздѣленіе иска, и произнесенный судъ не имѣлъ уже никакаго вліянія на права лицъ, въ него не замѣшанныхъ. Замѣчательно, что такое раздѣленіе иска было возможно и тогда, когда всѣ товарищи были на лице и судились въ одно время. Этимъ отдѣлявшіеся отвѣтчики обезпечивали себя отъ невыгодной судебной защиты своихъ товарищей. Если вмѣсто настоящаго отвѣтчика являлся его повѣренный, то послѣдній объявлялъ при этомъ, что онъ отвѣчаетъ за такаго-то. По выслушаніи отвѣта съ доказательствами или безъ доказательствъ, судья обращался къ истцу, за тѣмъ снова къ отвѣтчику и т. д. Число отвѣтовъ было неопредѣленное. Взаимный споръ тяжущихся прекращался или въ слѣдствіе ихъ истощенія, или когда судья чувствовалъ себя достаточно убѣжденнымъ. Иногда судья самъ требовалъ объясненія какаго либо факта, спрашивая напр. истца: для чего онъ не искалъ столько-то времени? или освѣдомлялся о доказательствахъ, предлагая тяжущимся вопросы: есть ли у нихъ свидѣтели или крѣпости? Даже въ иномъ случаѣ онъ самъ указывалъ имъ на какое нибудь доказательство и спрашивалъ: принимаютъ ли они поле? ссылаются ли они на своихъ сосѣдей? и т. д. Такъ какъ самое развитіе суда вызывало новыя сомнѣнія и слѣдовательно требовало новыхъ доказательствъ для ихъ очищенія, то судъ не могъ всегда окончиться разомъ. Отсюда уже въ началѣ процесса, чтобъ обезпечить его продолженіе, судья бралъ съ тяжущихся поручныя записи въ томъ, чтобъ «имъ ставиться по вся дни», а для представленія новыхъ доказательствъ или настоящаго отвѣтчика назначалъ поверстные сроки. Если тяжущіеся ссылались на такія доказательства, которыя надобно было повѣрить, то судья производилъ сыскъ, т. е. справку, или повальный обыскъ.

Такова внѣшняя физіогномія суда. Всматриваясь въ нее ближе, мы замѣчаемъ въ ходѣ процесса такія особенности, которыя требуютъ ближайшаго опредѣленія. Бросимъ по этому взглядъ какъ на взаимныя отношенія тяжущихся такъ и на ихъ отношеніяхъ къ судьѣ и самый характеръ суда. Смыслъ нашего древняго процесса будетъ тогда яснѣе. Во взаимныхъ отношеніяхъ тяжущихся замѣтенъ двойственный характеръ; одни изъ нихъ основываются на томъ правѣ, которое лежитъ въ основаніи иска, другія возникаютъ изъ самаго суда, или лучше сказать, изъ вчинанія иска противъ такого-то лица, какъ отвѣтчика. Отсюда рядъ такихъ явленій, изъ которыхъ одни основываются на отношеніи, существовавшемъ до начала процесса, а другія установились въ теченіи самаго дѣла. Такъ, съ одной стороны, мы видимъ, что судья могъ всегда потребовать въ судъ настоящихъ тяжущихся, не смотря на присутствіе въ судѣ ихъ повѣренныхъ, и что самые повѣренные допускались, со стороны отвѣтчика, не иначе какъ при согласіи истца; что, далѣе, лице, къ которому искъ былъ обращенъ, не смотря на свои солидарныя отношенія съ отвѣтчикомъ и по принятіи уже иска, могло вызваться поставить то лице, которому дѣйствительно принадлежало право; видимъ также, что судъ не былъ замкнутымъ состязаніемъ между двумя лицами: всякій, кто имѣлъ въ немъ интересъ, могъ къ нему присоединиться, не начиная этимъ новаго дѣла [344]). Но съ дру-

[344]) А. Ю. N 17. Судьи «велѣли ищеямъ, митрополичимъ хрестіаномъ, Климу Насонову да Ивашку и Онашкѣ и товарищевъ своихъ, за которыхъ отвѣчали и въ которыхъ мѣсто искали, и отвѣтчику Павлину Чудинову людей своихъ Сухово да Якуша, и попа Ивана Семенова сына, и хрестіанъ Андрейка Кирилова да Кузему Труфанова да Микитку Кипреянова, поставити на Москвѣ у поля на тотъ же срокъ, на другой недѣлѣ Петрова поста въ пятницу; а Павлина Чудинова сына Окинфова Григорей Өедоровичь да Михайло Юрьевичь (судьи, въ сѣхъ дѣлѣхъ отъ поля отставили, а велѣли стояти у поля и битись, въ обѣихъ дѣлѣхъ, съ митрополичими хрестіаны Павлиновымъ людемъ Сухому да Якушу и его хрестіаномъ». Послѣдніе были настоящими отвѣтчиками. — N 19. «И судьи спросили Матөея: ищешь ли ты въ Григорьево мѣсто Кологривова и въ его дѣтей на томъ Оникѣи и на Олешки? И Матөей тако рекъ: коли, господине, они пріѣхали въ Григорьево

гой стороны, мы находимъ также, что такое вещное отношеніе спорящихъ не исключало той договорной связи, которая возникла между настоящими двигателями суда, въ слѣдствіе обращенія иска къ такому-то именно лицу. Такъ мы видимъ, что, обязавшись поставить на судъ своего господина, холопъ или крестьянинъ тѣмъ не менѣе и самъ являлся къ судьѣ. Судья не выпускалъ изъ рукъ своей первой добычи, присутствіе которой ручалось за дѣйствительное продолженіе суда. Это столкновеніе въ процессѣ кореннаго юридическаго отношенія и другаго, договорнаго или процессуальнаго, давало поводъ къ различнымъ вопросамъ о той роли, которая, въ теченіи суда, принадлежитъ тяжущимся и ихъ повѣреннымъ. Въ 1629 году возникъ вопросъ, кому цѣловать крестъ за отвѣтчика, тому ли изъ людей его, который написанъ въ жалобѣ, или другому, по указанію самаго отвѣтчика? Указано было присягать тому, чье имя въ жалобѣ, слѣдовательно вопросъ рѣшенъ въ пользу договорнаго начала. Въ двухъ другихъ затрудненіяхъ, возникшихъ въ томъ же году и разрѣшенныхъ тѣмъ же самымъ указомъ, еще легче подмѣтить присутствіе въ судѣ этихъ двухъ элементовъ. Земскій приказъ испрашивалъ разрѣшенія на слѣдующіе случаи: а) кому нельзя присутствовать при обыскѣ, если процессъ ведется не лично, самому ли тяжущемуся или его повѣренному? Рѣшеніе состояло въ томъ, что ни тому ни другому нельзя быть при обыскѣ, слѣдовательно оба начала признаны на равныхъ правахъ.—b) Винить ли съѣздомъ тяжущихся, если за нихъ въ

мѣсто Кологривова отвѣчать и въ его дѣтей, и язъ, господине, и на нихъ ищу». — N 22. «И туто жъ стоя на судѣ Микита Трофимовъ, тако рекъ: тотъ, господине, Онисимко человѣкъ Михаила Колупаева; а дай, господине, мнѣ, судья, срокъ, и язъ передъ тобою Михаила Колупаева поставлю». — О новомъ искѣ см. подъ N 3: уже послѣ судоговоренія между первыми тяжущимися, старцемъ Ѳерапонтова монастыря и крестьянами Южской волости, вдругъ является на судъ новый истецъ, человѣкъ Гнѣваша Стогинина и предъявляетъ права своего господина на тѣ пустоши, о которыхъ былъ споръ. Судьи велѣли этому новому истцу положить свои крѣпости у доклада передъ великимъ княземъ. На докладѣ новый искъ отвергнутъ только вслѣдствіе неявки истца, на котораго поэтому вылегла безсудная грамота.

судѣ есть повѣренные, и при томъ такъ, что эти повѣренные, а не они сами, даны на поруки въ несъѣздѣ съ суда? Государь отвѣчалъ, что съѣздъ тяжущихся только въ томъ случаѣ незаконенъ, когда объ ихъ дѣлѣ производится повальный обыскъ. Здѣсь договорное начало признано во всей силѣ. Въ другихъ фактахъ напротивъ беретъ преимущество матеріальное содержаніе спора: такъ мы видимъ, что въ первой инстанціи является крестьянинъ, а жалобу подаетъ помѣщикъ [345]).

Отношенія тяжущихся къ судьѣ уже сами собою опредѣляются тѣмъ договорнымъ началомъ, которое мы замѣтили въ судѣ. Какъ въ содержаніе договора власть вступается только для наблюденія за точнымъ его исполненіемъ, не подвергая его никакимъ произвольнымъ измѣненіямъ; такъ точно и судъ не подлежитъ никакому вмѣшательству судебной власти, кромѣ, такъ сказать, полицейскаго. Древнѣйшій взглядъ на судъ, какъ на особенный видъ дохода, не допускалъ сначала никакаго непосредственнаго участія судьи въ ходѣ процесса. Вся тяжесть его падала на истца или отвѣтчика, «а судья», по старинному выраженію, «за нимъ идетъ, своего прибытка смотритъ» [346]). Позже, не смотря на измѣненіе взгляда на правосудіе, отношенія судебной власти къ процессу нисколько не измѣнились въ той сферѣ, гдѣ уцѣлѣло чисто-обвинительное судопроизводство. Въ эпоху сильнѣйшей заботы о справедливости суда и расправы, при Иванѣ Грозномъ, вліяніе судьи на ходъ судоговоренія, хотя и было нѣсколько расширено, но по прежнему сохранило внѣшній и, такъ сказать, полицейскій характеръ. Указомъ 1582 года марта 12-го судьѣ предписано наблюдать за правильнымъ теченіемъ дѣла, не допуская ничего лишняго и наблюдая, чтобы судъ не превратился въ брань, или средство къ доносамъ. Самую жалобницу судья не долженъ былъ принимать не по дѣлу, особенно если она заключала въ себѣ оскорбительныя выраженія для противника; въ продолженіе судо-

---

[345]) А. Ю. N 22, стр. 50. А. И. т. III, N 92, XV, стр. 101 – 102. Дополненія къ А. И. т. I, N 51, IX.

[346]) А. А. Э. т. I, N 115, губная Московская запись 1486 г. Рѣчь объ Уложеніи, профессора Морошкина, стр. 57.

говоренія, онъ не долженъ былъ допускать, чтобъ челобитчики говорили не по дѣлу, т. е. о томъ, что не вело прямо къ доказательству ихъ права; какъ напр. порицаніе противной стороны прежнимъ дѣломъ. Такихъ ненужныхъ судныхъ рѣчей не записывали; ядебника, бивъ кнутомъ, отсылали отъ суда и впередъ къ суду не пускали. За несоблюденіе порядка въ судоговореніи самъ судья подвергался взысканію истцова иска, уплаченныхъ имъ пошлинъ и сверхъ того государевой пени. Замѣтимъ, что и въ этомъ случаѣ обвинительный характеръ процесса не былъ нарушенъ: въ судейскомъ надзорѣ выражалось только желаніе закона соблюсти полное равенство сторонъ; судья, допустившій ябеду, нарушалъ это равенство, потворствовалъ одной сторонѣ на счетъ другой, и потому-то, какъ лице, дѣйствующее за одно съ ябедникомъ, подвергался денежному взысканію въ пользу его противника. Здѣсь обезпечивалось не участіе судьи въ ходѣ процесса, а скорѣе его полное безучастіе. Не должно думать однако, чтобъ вообще лишнія судныя рѣчи не были допускаемы. Собственно говоря, не допускалось только то, что явно клонилось къ ябедѣ. Обвиненіе, которое могло быть доказано, не отвергалось безусловно, хотя бы прямо и не вело къ дѣлу. Такъ назвавшій другаго воромъ, только въ томъ случаѣ, когда «убивство, крамолы и рокоша на царя государя не доведетъ», подвергался смертной казни, «для того: въ жалобницѣ и въ судѣ не лай». Это доказываетъ, что обвиненіе справедливое допускалось въ судѣ, даже когда оно было лишнее по роду тяжебнаго дѣла. На томъ, кто не доказалъ своего обвиненія, правили безчестіе въ пользу его противника [347]). Этимъ, по большей части внѣшнимъ участіемъ судьи ограничивалась вся его дѣятельность. Въ другихъ отношеніяхъ онъ вступается въ ходъ процесса единственно на столько, на сколько нужно, чтобъ убѣдиться въ силѣ или слабости доводовъ, приводимыхъ тяжущимися. Такъ, если онъ видитъ, что право одного изъ нихъ, послѣ доказательствъ противной стороны, остается беззащитнымъ, то спрашиваетъ: есть ли у васъ крѣпости или свидѣтели? Если тяжущіеся ссылаются на какой

---

[347]) А. И. т. I, № 154, XX.

нибудь документъ или на повальный обыскъ, онъ производитъ справку или посылаетъ обыскивать. Еще забота его устремлена на уравновѣшеніе доказательствъ, на то, чтобы доставить имъ безусловную силу, установивъ на ихъ счетъ взаимное согласіе спорящихъ сторонъ. Отсюда эти вопросы, столь часто встрѣчающіеся въ правыхъ грамотахъ: «а вы ссылаетесь ли на такихъ-то свидѣтелей? — допускаете ли справку съ писцовыми книгами?» Однимъ словомъ, во все теченіе суда, не вмѣшиваясь въ состязаніе противниковъ, судья заботится только о томъ, чтобъ изъ ихъ рѣчей выработать себѣ твердое убѣжденіе въ правотѣ одного изъ нихъ. Такою заботою судьи объясняется и его отношеніе къ веденію доказательствъ и самое количество отвѣтовъ. Такъ относительно первыхъ мы видимъ, что судья ихъ взвѣшиваетъ, допуская ихъ или не допуская по мѣрѣ той убѣдительности, которую они ему доставляютъ. Отсюда, какъ мы увидимъ ниже, ни одно судебное доказательство не имѣло безусловной силы. Судья въ этомъ періодѣ подвергаетъ каждое изъ нихъ своему обсужденію, и только не за долго до Уложенія нѣкоторыя изъ нихъ берутъ рѣшительный перевѣсъ. Съ другой стороны, при такомъ отношеніи судьи къ процессу не можетъ быть и рѣчи о количествѣ отвѣтовъ. Отвѣты прекращаются по истощеніи доказательствъ со стороны тяжущихся, или когда судья чувствуетъ себя достаточно вразумленнымъ. Такъ напр. представляются двѣ купчія грамоты на одну и ту же землю; если ни одинъ изъ противниковъ не называетъ купчей другаго воровскою, то судья не входитъ въ ихъ изслѣдованіе; онъ обращается къ другимъ доказательствамъ, ибо приведенныя для него не убѣдительны; спрашиваетъ напр. истца, для чего онъ такъ долго не искалъ? Въ одной грамотѣ мы находимъ, что истецъ ссылается на продолжительную болѣзнь. Судья не входитъ въ изслѣдованіе о справедливости факта, хотя мы и знаемъ, что въ практикѣ положенія перваго Судебника плохо соблюдались. Судьѣ кажется вѣроятнымъ, что долгое неисканіе есть признак небытія права, и онъ рѣшаетъ дѣло. Въ другомъ случаѣ характеръ рѣшенія выступаетъ еще ярче: отвѣтчикъ ссылается на своихъ сосѣдей, всю волость, слѣдовательно на повальный обыскъ, который, какъ извѣстно, всегда былъ безыменною ссыл-

кою; но судья спрашиваетъ: «кто у нихъ именемъ тѣхъ сосѣдей?» и такъ какъ отвѣтчикъ не умѣетъ назвать ихъ, то дѣло рѣшается противъ него [316]). Однимъ словомъ, въ древнемъ процессѣ судья безсиленъ относительно внутренняго хода, но всемогущъ въ дѣлѣ рѣшенія, гдѣ долгое время законъ не полагаетъ для него никакой преграды.

Отсюда вытекаетъ и характеръ стариннаго суда. Это споръ или лучше правильный бой между двумя противниками, до исхода котораго никому, кромѣ нихъ, нѣтъ никакого дѣла. Судебная власть требуетъ отъ тяжущихся, чтобъ они доказали формальное свое право, но рѣдко помогаетъ судоговоренію своею непосредственною дѣятельностію. Только въ случаѣ уголовнаго обвиненія особенной важности характеръ суда измѣняется. Конечно, нельзя искать въ древнемъ русскомъ судопроизводствѣ строгой, логической опредѣленности напр. римскаго права; но мы видимъ однако же, что въ главномъ своемъ основаніи судъ постоянно сохраняетъ строго-обвинительный характеръ.

Совершенно противоположное значеніе имѣетъ судъ въ очной ставкѣ, хотя по первому впечатлѣнію послѣдняя и представляетъ отчасти тѣже самыя свойства. Мы сказали уже, что по самой своей цѣли очная ставка существенно отличается отъ суда, ибо главное ея назначеніе, вполнѣ выразившееся только въ дѣлахъ уголовныхъ, есть *уличить* преступника, довести его до признанія. Это часть того процесса, который имѣетъ цѣлію доискаться истины матеріальной. Въ примѣненіи своемъ къ гражданскимъ дѣламъ она главнымъ образомъ сохраняетъ этотъ характеръ; а потому и въ движеніи процесса замѣтны въ этомъ случаѣ другіе признаки. Тяжущіеся не находятся другъ къ другу въ такомъ прямомъ, договорномъ и боевомъ отношеніи, которое мы замѣчаемъ въ чисто-обвинительномъ процессѣ. Уже въ самомъ вызовѣ къ суду есть слѣды другаго взгляда. Вмѣсто того, напр. чтобъ вызывать къ суду только посредствомъ недѣльщика, посылается зазывная грамота, въ которой обращеніе къ содѣйствію воеводы придаетъ вызову особенный, правительственный

---

[316]) А. Ю. №№ 12, 18.

характеръ. Точно также и во всемъ ходѣ процесса замѣтно другое воззрѣніе. Собственно говоря, здѣсь разсматривается не юридическое отношеніе двухъ лицъ, не право одного изъ нихъ относительно другаго, но прямо вещное право одного лица, или его преступное дѣйствіе. Очная ставка дается только для большаго обезпеченія справедливаго изслѣдованія, или для того, чтобъ въ одно время разсмотрѣть всѣ вещныя права, могущія придти въ столкновеніе. Этимъ объясняется, почему въ иныхъ случаяхъ (хотя это и было незаконно) судья прямо могъ начать изслѣдованіе дѣла, не прибѣгая вовсе къ очной ставкѣ. Отсюда и внѣшній видъ судопроизводства. Вмѣсто обычнаго судоговоренія, здѣсь мы видимъ допросъ: судья допрашиваетъ тяжущихся по челобитью противной стороны. На томъ же основывается и внутреннее содержаніе процесса. Цѣль его другая, а потому и средства другія. На судѣ, т. е. въ обвинительномъ процессѣ, всѣ доказательства лежатъ на самихъ тяжущихся. Здѣсь напротивъ дѣло открывается непосредственною дѣятельностію самаго судьи: по дѣламъ поземельнымъ справкою съ документами приказа, по дѣламъ другаго рода — допросомъ обвиняемаго или повальнымъ обыскомъ. — Въ судѣ законъ заботливо устраняетъ всякія лишнія рѣчи, не ведущія къ прямому утвержденію права; на очной ставкѣ, хотя и наблюдается это правило, но въ то же время допускаются такія доказательства, которыя, не утверждая прямо неправоты противника, установляютъ однако противъ него общее подозрѣніе въ виновности. Такія несовершенныя доказательства называются въ нашемъ правѣ *уликами*, и теперь употребляются только по дѣламъ уголовнымъ. Въ древнемъ періодѣ русской исторіи онѣ употреблялись, кажется, при всякой очной ставкѣ. Говоря объ эпохѣ Уложенія, мы будемъ имѣть случай видѣть подробно примѣненіе ихъ къ дѣламъ вотчиннымъ; но и въ эпоху Судебника мы находимъ уже слѣды ихъ употребленія. Вообще при очныхъ ставкахъ характеръ судейской дѣятельности постоянно все болѣе и болѣе склонялся къ слѣдственному процессу.

Изъ всего сказаннаго ясно, что количество отвѣтовъ не могло быть опредѣленнымъ ни въ судѣ, ни въ очной ставкѣ. Въ первомъ случаѣ доказательства и возраженія приводятся до тѣхъ

поръ, пока противники истощатъ всѣ свои средства, или судья составитъ себѣ достаточное убѣжденіе; во второмъ случаѣ дѣло прекращается только по истощеніи всѣхъ вообще доказательствъ.

На кого именно падала обязанность доказывать? Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ, ибо въ немъ кроется и другой: соблюдалось ли въ судѣ полное равенство сторонъ, или одна изъ нихъ пользовалась преимуществомъ передъ другою? Извѣстно, что въ римскомъ правѣ такимъ преимуществомъ пользовался отвѣтчикъ, откуда и образовалось выраженіе: «commodum possessoris». Но такое явленіе относится уже къ замиренному гражданскому быту, и потому мы не можемъ искать его въ нашей исторіи, въ древнѣйшую ея эпоху. Мы уже видѣли, что самое владѣніе не было оставляемо отвѣтчику: при самомъ предъявленіи иска, спорная вещь или земля находилась за приставомъ, вотчина или помѣстье отписывались на государя. Точно такое же отношеніе было между тяжущимися и при веденіи доказательствъ. Ни въ чью пользу законъ не дѣлаетъ предположенія. Оттого мы нерѣдко находимъ, что судья, не требуя никакихъ доказательствъ отъ истца, обращается съ такимъ требованіемъ къ отвѣтчику. Въ этомъ случаѣ судья руководствовался, вѣроятно, своимъ личнымъ впечатлѣніемъ: если искъ ему казался основателенъ, то онъ прямо требовалъ его опроверженія; если же нѣтъ—при самомъ его предъявленіи предписывалъ представить доказательства. Въ этомъ отношеніи правыя грамоты чрезвычайно разнообразны: въ однѣхъ судья требуетъ постоянно доказательствъ отъ одного истца, въ другихъ, напротивъ, требуетъ отъ отвѣтчика защиты противъ чисто-голословнаго обвиненія. Такимъ образомъ положеніе отвѣтчика было иногда крайне затруднительно. Съ теченіемъ времени законодательство измѣнило это отношеніе, постановивъ правиломъ, что искъ безъ доказательствъ, представленъ быть не можетъ.

Понятно, что при такой неопредѣленности система доказательствъ не могла вдругъ образоваться. Разумѣется, доказательства, какъ средства убѣжденія въ истинѣ, всегда существовали, но опредѣленіе относительной ихъ силы и степени вліянія на судебное рѣшеніе, должно было появиться тогда уже, когда въ частную сферу суда проникло вліяніе государственнаго начала.

О ходѣ развитія судебныхъ доказательствъ въ нашей юридической литературѣ существуетъ особенное мнѣніе, высказанное г. Пахманомъ, въ его магистерской диссертаціи [349]). Собственно говоря, оно относится къ древнѣйшей исторіи нашего права, до XV вѣка, но такъ-какъ вообще имъ устанавливается исходная точка зрѣнія на исторію судебныхъ доказательствъ, то и здѣсь оно не можетъ быть оставлено безъ вниманія. По мнѣнію этого ученаго, родовой бытъ, исключительно господствовавшій въ Россіи въ древнѣйшій періодъ исторіи, условливалъ полное довѣріе къ показаніямъ истца. Отсюда два послѣдствія: съ одной стороны, безсильное положеніе отвѣтчика, который въ самое древнее время, ничѣмъ не могъ опровергать иска. Справедливость или несправедливость обвиненія уже сама по себѣ была очевидна при гласности и публичности древнѣйшей судебной расправы, производившейся открыто, передъ лицемъ всего общества; да сверхъ того ложное обвиненіе подвергало въ это время безчестію все семейство или весь родъ. — Съ другой стороны, отсюда же произошла безусловная сила судебныхъ доказательствъ, когда наконецъ они образовались: «не видно, говоритъ г. Пахманъ, чтобъ противъ свидѣтелей одного тяжущагося другой могъ представить съ своей стороны другихъ свидѣтелей или другія доказательства, такъ что равенство сторонъ, составлявшее основаніе древнѣйшей германской системы доказательствъ, у насъ въ этомъ періодѣ, кажется, не было извѣстно» (стр. 25). Такую же безусловную силу признаетъ онъ за доказательствами и относительно судебнаго рѣшенія, которое, такъ сказать, вынуждалось ими, безъ всякаго личнаго участія судьи и въ этомъ, конечномъ дѣйствіи процесса. Съ XV вѣка г. Пахманъ видитъ постепенное распаденіе этихъ началъ, и съ этой точки зрѣнія смотритъ на всю дальнѣйшую исторію судебныхъ доказательствъ. Такъ, по его мнѣнію, вслѣдствіе успѣховъ гражданскаго быта и ослабленія безусловнаго довѣрія къ показаніямъ истца усложняется самая система доказательствъ: чѣмъ менѣе довѣрія, тѣмъ строже смотритъ судья на доводы противниковъ. Появляются

---

349 О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, разсужденіе С. Пахмана, М. 1851, стр. 12—16, 24—26, 138—139.

новыя доказательства, о которыхъ прежде и помина не было. Съ другой стороны, между самыми доказательствами появляется неравенство: одни изъ нихъ усиливаются на счетъ другихъ, между тѣмъ, какъ прежде всѣ они имѣли одинаковую силу, и потому противъ одного изъ нихъ нельзя было приводить другое. — Таково мнѣніе г. Пахмана. Въ подтвержденіе его онъ ссылается на Русскую Правду, въ которой упоминается только о доказательствахъ со стороны истца, и на узаконенія XVI и XVII вѣка, которыми опредѣляется относительная сила судебныхъ доказательствъ. Съ этимъ мнѣніемъ, по нашему убѣжденію, можно согласиться только отчасти. Нельзя, конечно, не сознаться, что въ немъ есть доля правды: на отвѣтчика дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ смотрѣли строже, чѣмъ на истца; различіе въ силѣ доказательствъ точно было установлено законодательствомъ, но въ той формѣ, въ которой это мнѣніе высказано, оно не можетъ быть безусловно принято. Причины, по которымъ нельзя совершенно принять его, суть слѣдующія: 1) безусловное довѣріе къ показаніямъ истца можно допустить только тогда, когда тяжущіеся принадлежали къ одной общинѣ, ибо только въ этомъ случаѣ ложь была почти невозможна. Но судъ со стороны власти происходилъ, по всей вѣроятности, всего чаще въ слѣдствіе столкновеній между членами разныхъ общинъ. Если даже братчина судила, какъ судьи, то тѣмъ болѣе другіе, тѣснѣйшіе юридическіе союзы должны были имѣть это право. А при судѣ между членами разныхъ союзовъ почему же показанія истца должны были пользоваться довѣріемъ? Мы знаемъ, что самое призваніе Варяговъ было вызвано внутренними раздорами. Могъ ли при этомъ судья безгранично полагаться на слова одного изъ тяжущихся? Можетъ быть въ до-историческое время, когда роды жили совершенно отдѣльно, и могло быть такъ, но объ этой эпохѣ мы, какъ извѣстно, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Предпочтеніе истца отвѣтчику замѣтно въ древнѣйшихъ судебныхъ взысканіяхъ, но основано на другой причинѣ: опровергнутый истецъ былъ виноватъ только тѣмъ, что предъявилъ несправедливое притязаніе, между тѣмъ, какъ обвиненный отвѣтчикъ былъ уличенъ въ нарушеніи чужаго права. 2) Безусловной силы доказательствъ даже и въ древнѣйшее время мы

рѣшительно не находимъ. Г. Пахманъ ссылается на постановленія Русской Правды, гдѣ большею частію говорится только о доказательствахъ со стороны истца; но изъ Русской Правды нельзя еще сдѣлать никакаго заключенія. Уже самъ г. Пахманъ дѣлаетъ исключеніе изъ своего положенія, говоря, что противъ сильнѣйшей улики, *знаменій*, отвѣтчикъ могъ приводить свидѣтелей (стр. 38). Въ другихъ же случаяхъ, когда онъ допускаетъ только доказательства истца, его выводы основаны на невѣрномъ и, смѣемъ думать, нѣсколько произвольномъ взглядѣ на характеръ постановленій Русской Правды. Г. Пахманъ думаетъ, что всякій разъ, когда прямо не говорится о доказательствахъ со стороны отвѣтчика, послѣдній дѣйствительно не имѣлъ права приводить ихъ. Мы же думаемъ, что постановленія Русской Правды имѣютъ просто смыслъ перваго ограниченія судейскаго произвола, перваго опредѣленія, чему и когда слѣдуетъ вѣрить, и что всѣ они высказаны подъ условіемъ, что доказательства истца не будутъ опровергнуты отвѣтчикомъ. Это просто значитъ, что въ такомъ-то случаѣ судья долженъ непремѣнно требовать отъ истца именно такихъ-то доказательствъ, а въ такомъ-то можетъ допустить и другія. Притомъ Русская Правда стоитъ слишкомъ отдѣльно въ исторіи нашего права, и значеніе ея не объяснено еще достаточно, чтобы въ ней можно было искать исходной точки воззрѣнія на цѣлую исторію. Наконецъ, если и допустить, что Русская Правда придаетъ доказательствамъ большею частію безусловную силу, то изъ этого нельзя еще сдѣлать общаго заключенія, по самому роду упоминаемыхъ въ ней доказательствъ. Русская Правда говоритъ только о свидѣтеляхъ и ордаліяхъ. Послѣднія имѣютъ безусловную силу въ качествѣ суда Божія, первые же имѣютъ значеніе постороннихъ очевидцевъ, а иногда, можетъ быть, и повальнаго обыска [350]. Такимъ образомъ если доказательства и имѣли безусловную силу, то она основывалась на самомъ характерѣ ихъ, а совсѣмъ не на довѣріи къ показанію истца и неравенствѣ сторонъ. 3) Точно также мы не думаемъ, чтобъ доказательства имѣли первоначально

---

[350]) Ср. Гражданскіе законы Псковской судной грамоты, соч. Ивана Энгельмана, СПБ., 1855, стр. 135—138.

безусловную силу относительно судебнаго рѣшенія. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ напр. постановленіе, чтобъ не отводить повальнаго обыска и не замѣнять его присягою. Это самое доказываетъ, что сначала и сильнѣйшія доказательства не имѣли безусловнаго вліянія, и что судья всегда былъ въ правѣ допустить или не допустить ихъ, смотря по мѣрѣ убѣдительности, которую они для него представляли.

Сообразно всему сказанному мы смотримъ совершенно иначе и на постепенный ходъ развитія судебныхъ доказательствъ. По нашему мнѣнію, они не только не имѣли первоначально безусловной силы, но вообще шли по направленію отъ совершенной условности къ относительной безусловности. Выше мы уже старались доказать это отчасти, говоря объ отношеніяхъ тяжущихся къ судьѣ. Намъ остается, чтобъ пополнить наши слова, сказать вообще, какимъ образомъ мы смотримъ на древнѣйшій способъ веденія процесса. По нашему мнѣнію, это было дѣло совершенно частное, но не представлявшее строго-логической послѣдовательности; а потому нельзя и искать въ немъ полнаго ограниченія судейскаго произвола. Въ самое теченіе процесса судья не вмѣшивался, потому что это нерѣдко было довольно трудно, но какъ скоро процессъ былъ оконченъ, произволу его открывалось широкое поле. Дѣло онъ рѣшалъ не на основаніи какихъ-либо внѣшнихъ условій, а по своему внутреннему убѣжденію. Этимъ мы объясняемъ то, что судья обращался съ требованіемъ доказательствъ то къ одной, то къ другой сторонѣ, совершенно произвольно. Этимъ же объясняется, кажется, и то, что нѣкоторыя доказательства, по самому свойству своему безусловныя, въ правыхъ грамотахъ подвергаются судейскому обсужденію. Поэтому, кажется, законы о давности такъ долго въ практикѣ и не переходили въ общее сознаніе. Первые законы о взаимныхъ отношеніяхъ доказательствъ были съ тѣмъ вмѣстѣ и первою преградою полной судейской свободѣ въ дѣлѣ рѣшенія.

Доказательства въ эпоху Судебника существовали уже въ полномъ своемъ составѣ. Они состояли изъ 1) собственнаго признанія, 2) показаній свидѣтелей, 3) поля, 4) присяги, 5) повальнаго обыска и 6) письменныхъ документовъ.

I. Собственное признаніе рѣшаетъ все дѣло или часть его, смотря по тому, къ чему оно относится. Если отвѣтчикъ повинится въ цѣломъ искѣ, то подвергается полному взысканію, въ противномъ случаѣ съ него взыскивается только то, въ чемъ онъ повинился, а въ остальномъ дается судъ [351]). Признаніе въ собственномъ смыслѣ было добровольное. Оно основывалось или на полномъ согласіи отвѣтчика удовлетворить всему иску, или части его, или на невозможности продолжать далѣе судебную борьбу съ противникомъ. Такъ въ одной правой грамотѣ мы находимъ, что отвѣтчикъ, сначала запиравшійся въ искѣ, наконецъ признается въ немъ самъ [352]). Въ обвинительномъ процессѣ признаніе никогда не составляло цѣли суда, потому что дѣло могло быть рѣшено и безъ него; поэтому ни въ одномъ чисто гражданскомъ дѣлѣ оно не требовалось: въ рукахъ тяжущихся были другія средства. Но какъ скоро процессъ начиналъ склоняться къ слѣдственному, вынужденіе признанія становилось до нѣкоторой степени его цѣлью: отсюда распросъ и пытка. Однако и тутъ признаніе не было обязательнымъ для отвѣтчика, и потому запирательство влекло за собою наказаніе въ томъ только случаѣ, когда оно было соединено съ ложною присягою [353]). — Различія признанія на судебное и несудебное у насъ, кажется, не было, потому что по свойству тогдашняго быта достовѣрность имѣло только признаніе, сдѣланное въ судѣ. Какъ объ особенномъ видѣ признанія слѣдуетъ упомянуть о томъ, которое предшествовало присягѣ: тогда оно дѣлалось и передъ членами суда и передъ духовными лицами. Безмолвное признаніе предполагается въ случаѣ неявки на судъ или отказа отъ крестнаго цѣлованія. Юридическія послѣдствія состояли во взысканіи съ отвѣтчика. Имѣло-ли признаніе какое-либо вліяніе на третье лицо, не участвующее прямо въ процессѣ, но прикосновенное къ нему, объ этомъ мы не находимъ ни какихъ прямыхъ указаній; но по соображенію съ постановленіями Судебника о нѣ-

351) Судебникъ, ст. 25. А. И. т. I, N 154, стр. 259, N 165. А. А. Э. т. I, N 157; т. II, N 15.

352) А. Ю. N 21.

353) А. И. т. II, N 85, II.

сколькихъ отвѣтчикахъ мы думаемъ, что третье лицо признаніе ни къ чему не обязывало.

Что касается до отношенія признанія къ другимъ доказательствамъ, то г. Пахманъ думаетъ, что въ настоящемъ періодѣ положеніе Русской Правды о приведеніи свидѣтелей противъ запирающагося отвѣтчика было замѣнено другимъ правиломъ. По его мнѣнію въ этомъ случаѣ съ XV вѣка начали прибѣгать къ присягѣ и поединку, что̀ потомъ хотя по Уложенію и было замѣнено просто судомъ, но въ практикѣ ни сколько не измѣнилось [354]). Г. Пахманъ основываетъ свое мнѣніе на слѣдующихъ доводахъ: 1) на двухъ правыхъ грамотахъ 1541 и 1547 годовъ, въ которыхъ сказано: «тако рекъ (истецъ): уличаю, господине, ихъ *Божьею правдою, цѣловавъ крестъ да льзу съ нимъ на поле битца*» (А. Ю. №№ 21, 22); 2) на двухъ мѣстахъ въ Уставной грамотѣ г. Шуи 1606 г. и Судной грамотѣ Устюжны Желѣзнопольской 1614 г., въ которыхъ сказано: «а скажетъ, что... не билъ,.... а въ бою.... присужати.... цѣлованье:... а въ достали давати крестное цѣлованье». (А. А. Э. т. II, № 52, III, № 36). Мы думаемъ, что и въ это время, т. е. до Уложенія, употребленіе поединка или присяги вовсе не было правиломъ, и что допущеніе этихъ доказательствъ условливалось самимъ ходомъ процесса, ибо 1) признаніе большею частію вовсе не требовалось; собственно говоря, оно было необходимо только въ дѣлахъ холопьихъ, которыя начинались допросомъ; 2) приведенные г. Пахманомъ доводы вовсе не убѣдительны. Въ упомянутыхъ правыхъ грамотахъ поединокъ и присяга предлагается истцами на вопросъ судьи: чѣмъ они уличаютъ отвѣтчиковъ? Точно также истцы могли сослаться и на другія доказательства; это было въ ихъ волѣ. 3) Не только въ Судебникѣ въ случаѣ частнаго признанія предписано давать «въ достали судъ и правда и крестное цѣлованье», но это же самое правило повторено и въ Судной грамотѣ Устюжны Желѣзнопольской 1614 года. Поэтому мы думаемъ, что и перваго выраженія нельзя принимать буквально. Присяга стоитъ отдѣльно отъ суда, потому что вообще ордаліи разсматривались какъ нѣ-

---

[354]) О судебныхъ доказательствахъ, стр. 159—160.

что отдѣльное отъ обыкновеннаго суда; а точности отъ древнихъ нашихъ грамотъ нельзя требовать. — По всѣмъ этимъ причинамъ мы думаемъ, что, кромѣ дѣлъ холопьихъ, по которымъ признаніе, какъ результатъ допроса, было необходимо, во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ, если не было признанія, давали просто судъ, и доказательства предоставлялись выбору тяжущихся. Иначе слѣдовало бы предположить, что суду предшествовалъ всегда допросъ, а мы знаемъ, что этого не было.

II. Свидѣтели. Истинную точку зрѣнія на характеръ древняго свидѣтельства въ первый разъ постарался установить г. Энгельманъ, въ недавно вышедшемъ сочиненіи: «Гражданскіе Законы Псковской Судной грамоты». Правда, взглядъ этотъ высказанъ только относительно того памятника, который взятъ авторомъ за предметъ его изслѣдованія, но въ общихъ чертахъ своихъ онъ можетъ быть отчасти примѣненъ ко всей исторіи Русскаго права. Г. Энгельманъ говоритъ: «Обыкновенно не дѣлаютъ различія между послухомъ и свидѣтелями («сторонними людьми»). Но по Псковской Судной грамотѣ такое различіе существуетъ. Именно, показаніе стороннихъ людей, когда только оно допускалось, всегда имѣло безусловную силу: дѣла рѣшались всегда по нему; между тѣмъ какъ «послухъ» долженъ былъ подтвердить свое показаніе или поединкомъ или присягою, и оно такимъ же образомъ могло быть отвергнуто» [355]). Въ другихъ памятникахъ нашего права это различіе въ свидѣтельствѣ, указанное г. Энгельманомъ, не проведено съ такою ясностію, какъ въ Псковской Судной грамотѣ, но вездѣ оно болѣе или менѣе предполагается. На немъ-то, кажется, основывается различіе между свидѣтелями и повальнымъ обыскомъ, то ограниченное довѣріе, которое законъ и обычаи предоставляютъ первымъ, и безусловная сила послѣдняго. Свидѣтели не представляются посторонними, безпристрастными очевидцами: это люди, поддерживающіе истца или отвѣтчика, члены его партіи. По этому-то у насъ ссылались обыкновенно на самыхъ близкихъ людей, особенно по дѣламъ поземельнымъ. Приводя старожильцевъ, тяжущіеся берутъ ихъ не только изъ сосѣдей, но не рѣдко изъ членовъ своего

---

[355]) Гражданскіе законы Псковской судной грамоты, стр. 131—132.

собственнаго юридическаго союза: волостные люди ссылаются на волостныхъ же людей, монастырь на своихъ чернецовъ и т. д. Въ одной правой грамотѣ 1505 года мы даже встрѣчаемъ довольно странный примѣръ ссылки: Ѳерапонтовъ монастырь жаловался на двухъ крестьянъ Южской волости, что они насильно покосили монастырскія пустоши. Отвѣтчики, разумѣется, начали на судѣ называть пустоши своими, и судья спросилъ ихъ: «кому то вѣдомо, что тѣ пустоши великаго князя вашіе волости Южскіе?» Отвѣтчики сослались, между прочимъ, на своего отца, и эта ссылка не была отвергнута ни истцомъ, ни судьею. Если бы свидѣтели не имѣли въ это время того характера, о которомъ сказано выше, то подобная ссылка не могла бы быть допущена, потому что, хотя земля и принадлежала цѣлой волости, но была въ непосредственномъ владѣніи у отвѣтчиковъ, и защитить ихъ отъ обвиненія въ насиліи было въ интересѣ людей къ нимъ близкихъ. Единственное условіе свидѣтельскихъ показаній, которое встрѣчается въ московскихъ источникахъ XV вѣка, есть личная неприкосновенность къ дѣлу [356]. Послѣ этого понятно недовѣріе, съ которымъ древніе судьи смотрѣли обыкновенно на свидѣтелей: поле и присяга, которыя почти всегда были имъ предлагаемы, доказываютъ, какъ мало ихъ показанія имѣли безусловной силы. Понятно и то предпочтеніе, которое отдается повальному обыску: обыскъ былъ свидѣтельствомъ лицъ постороннихъ. Само собою разумѣется, что такой характеръ свидѣтельства не могъ сохраниться во всей чистотѣ своей въ эпоху законодательнаго движенія. Свидѣтельство было обыкновеннымъ доказательствомъ древней Руси. Придать ему государственный характеръ, вывести его изъ частнаго элемента, обезпечивъ разными мѣрами его справедливость, было по этому въ интересѣ правительства, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно стало неблагопріятно смотрѣть на ордаліи. Изъ этого стремленія вышли всѣ опредѣленія о тѣхъ условіяхъ, которыя послухъ долженъ соединять въ себѣ. Подмѣтивъ въ показаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ характеръ посторонняго свидѣтельства, законъ даетъ имъ безуслов-

---

356) А. Ю. N 3. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изд. Калачовымъ, т. I, N 103, I, стр. 137.

ную силу, устраняя всѣ остальныя доказательства. Но прежній характеръ далеко не сглаживается совершенно, и мы не разъ можемъ подмѣтить смѣшеніе старыхъ понятій съ новыми тѣмъ болѣе, что большую часть нашихъ свѣдѣній сообщаютъ намъ не законы, а правыя грамоты, въ которыхъ по преимуществу отражается обычай. Прослѣдивъ извѣстія о послухахъ, мы убѣждаемся, что не только законъ не уничтожилъ будто-бы существовавшей прежде безусловной силы свидѣтельства, но что, напротивъ, онъ стремился по мѣрѣ возможности, доставить ему эту силу.

Мы изложимъ сначала общія постановленія о послушествѣ, а потомъ скажемъ о различныхъ родахъ свидѣтелей, о которыхъ упоминается въ нашихъ памятникахъ. Это даетъ возможность разсмотрѣть ближе взглядъ нашихъ предковъ на главное доказательство древняго права.

Вообще отъ свидѣтелей не требовалось почти никакихъ условій. Къ свидѣтельству, кажется, допускались всѣ безъ исключенія. Единственное ограниченіе, о которомъ можно сдѣлать заключеніе изъ нашихъ источниковъ, состоитъ въ томъ, что, по-видимому, послухъ всегда былъ совершеннолѣтній. Это можно вывести изъ того, что, по Судебнику, послухъ не имѣлъ права поставить за себя наймита, если не принадлежалъ къ духовному званію, или къ женскому полу, и не былъ увѣченъ. Такъ какъ о малолѣтныхъ при этомъ не упоминается, то вѣроятно, что они не допускались къ свидѣтельству [357]). Крестьяне могли быть свидѣтелями. О холопахъ нѣтъ положительныхъ извѣстій, но судя по характеру всего тогдашняго быта, нельзя, кажется, думать, чтобъ они были лишены этого права. Въ Новгородской Судной Грамотѣ мы находимъ правда, что свидѣтельство холопа допускалось только противъ холопа же [358]); но отъ новгородскаго судопроизводства нельзя еще дѣлать общаго заключенія. Свидѣтели должны быть названы поименно и въ противномъ случаѣ не вызывались [359]). Извѣстно, что безъименная ссылка со-

357) Судебникъ, ст. 17.
358) А. А. Э. т. I, N 92, стр. 70.
359) А. Ю. N 18.

ставляла отличительную черту повальнаго обыска. О числѣ свидѣтелей ни въ Судебникѣ, ни въ слѣдующихъ за нимъ узаконеніяхъ не упоминается. Вообще говоря, кажется, было въ обычаѣ приводить много свидѣтелей, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ болѣе имѣли силы ихъ показанія. Это можно заключить изъ указа 1556 г. августа 21-го, гдѣ сказано: «А пошлется на судѣ ищея или отвѣтчикъ изъ виноватого *хотя на одного человѣка»*... Послѣдніяя слова указываютъ, кажется, на то, что показанія одного свидѣтеля не пользовались большимъ довѣріемъ. Однако, нельзя думать, чтобъ и одинъ послухъ не допускался: изъ нѣкоторыхъ статей Судебника мы вправѣ заключить, что нерѣдко являлся и одинъ свидѣтель [560]). Ниже мы увидимъ, что въ иныхъ случаяхъ и не могло быть болѣе одного свидѣтеля. О нравственныхъ условіяхъ не упоминается нигдѣ. Точно также и объ отношеніяхъ свидѣтелей къ тяжущимся. Потребность въ опредѣленіи послѣднихъ, какъ увидимъ ниже, уже чувствовалась отчасти, но не вызвала еще законодательной дѣятельности. Можетъ быть отсутствіе такихъ естественныхъ опредѣленій объясняется отчасти и тою свободою отвода, которую въ старину имѣли тяжущіеся. Мы часто встрѣчаемъ, что свидѣтели устраняются почти безъ всякой причины. А въ изслѣдованіе причинъ отвода судьи входятъ очень рѣдко, хотя они и имѣли на это право: кажется, судъ допускалъ или отвергалъ отводъ, такъ сказать, по первому впечатлѣнію. Такая неопредѣленность въ столь важномъ дѣлѣ нисколько однако же не удивительна. Собственно говоря, сначала всѣ доказательства вообще допускались не иначе, какъ подъ условіемъ принятія ихъ съ противной стороны. Исключенія изъ этого правила относятся къ позднѣйшему времени. Въ древнѣйшихъ правыхъ грамотахъ до XVII вѣка, какъ скоро одинъ изъ тяжущихся ссылается на какое нибудь доказательство, то судья обращается къ его противнику съ вопросомъ: «шлется ли и онъ на то же доказательство?» Это не значитъ еще, чтобъ судья побуждалъ тяжущихся къ общей ссылкѣ. Такимъ обрядомъ предлагалась имъ только возможность отвести свидѣтелей и устранялась эта возможность отвода впослѣдствіи, по оконча-

---

560) **Судебникъ, ст. 15, 16. А. И. т. I, N 154, V, ст. 9.**

ніи суда [361]). — Когда свидѣтеля были допущены обѣими сторонами, тогда судья поручалъ приставу вызвать ихъ на судъ. За такой вызовъ приставъ получалъ съ тяжущагося двойныя пошлины (ѣздъ). Большею частію однако въ вызовѣ не было необходимости: тяжущіеся являлись на судъ съ свидѣтелями и сами представляли ихъ судьямъ. Только въ томъ случаѣ, когда необходимость въ показаніи какаго либо лица открывалась уже въ теченіи процесса, вызовъ былъ поручаемъ приставу. Обязанность явиться была для послуха непремѣнная, даже и тогда, когда онъ не могъ сдѣлать никакаго показанія. Единственную законную причину неявки составляла болѣзнь; но и въ этомъ случаѣ послухъ не былъ освобожденъ отъ показанія: онъ присылалъ его письменно. Такое показаніе называлось записью. Никакая другая причина не служила извиненіемъ. Неявившійся послухъ подвергался взысканію всего иска, убытковъ и пошлинъ. Взысканіе ничѣмъ не могло быть отклонено, даже и въ томъ случаѣ, когда виною неявки былъ самъ приставъ; но тогда послуху предоставлялся судъ съ послѣднимъ о срокѣ: «а съ недѣльщикомъ и съ праветчикомъ о сроцѣ тому послуху судъ». Это значитъ, вѣроятно, что, уплативъ штрафную сумму, послухъ имѣлъ право взыскивать ее потомъ съ пристава, доказывая, что ему былъ назначенъ не настоящій срокъ, или что недѣльщикъ опоздалъ и не далъ ему возможности явиться во время [362]). Но если явка на судъ была непремѣнною обязанностію для свидѣтеля, то дать показаніе онъ былъ долженъ только когда онъ былъ очевидцемъ дѣла: «а послуху, невидавъ не послушествовати», говоритъ Судебникъ. Въ качествѣ очевидца состояло первое условіе свидѣтеля. Что касается до другаго условія, желанія послуха «видѣвъ сказати правду», то въ Судебникѣ оно ничѣмъ не обезпечивалось заранѣе. Въ Новгородской Судной Грамотѣ правдивость показанія удостовѣряется предварительной присягою: «отвѣтчику съ послухомъ на учинѣ крестъ цѣловать» [363]); но въ Судебникѣ послушество не выработалось до

---

[361]) А. Ю. N 16.

[362]) А. Ю. N 13. Судебникъ, ст. 18. А. И. т. I, N 165. А. А. Э. т. I, N 257; т. II, N 15; т. III, N 36.

[363]) А. А. Э. т. I, N 92.

такой опредѣленности и носитъ еще слѣды частнаго элемента. Оттого въ немъ избрано другое средство: законъ грозитъ страшнымъ наказаніемъ послуху, если лживость его показанія откроется впослѣдствіи. Солгавшій свидѣтель не только вознаграждаетъ истца за всѣ его убытки, но подлежитъ кромѣ того еще торговой казни. Замѣчательна торжественность, съ которой этотъ законъ былъ провозглашенъ въ Россіи. Судебникъ предписываетъ прокликать его по торгамъ въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ и волостямъ государства [364]). Отказаться отъ начатаго показанія свидѣтель, кажется, всегда имѣлъ право [365]).

Какимъ образомъ производилась оцѣнка свидѣтельскаго показанія? когда и въ слѣдствіе чего получало оно достаточную силу, чтобы лечь въ основаніе судебнаго рѣшенія? Прежде всего оно должно было носить въ себѣ внутренніе признаки вѣроятности, чтобъ не быть отвергнуто самимъ судьею. Съ этою цѣлію, въ замѣнъ несуществовавшей предварительной присяги, судья дѣлалъ воззваніе къ совѣсти свидѣтелей, увѣщевая ихъ «сказать въ правду, по великого князя крестному цѣлованію». Такая формула, замѣтимъ, была уже признакомъ появленія государственныхъ понятій. Затѣмъ свидѣтелямъ дѣлали допросъ, въ отвѣтъ на который они и давали показаніе, называвшееся *сказкой*. Сказка должна была слово въ слово повторить искъ или отвѣтъ тяжущагося. Это правило существовало издревле и повторено Судебникомъ. Если послухъ не договоритъ въ истцовы рѣчи, т. е. если его показаніе будетъ чѣмъ нибудь раз-

---

364) Судебникъ, ст. 99.

365) Судебникъ, ст. 15. А. Ю. N 20. «да пошедъ мхомъ полверсты Есюнинскые волости старожилецъ Овдокимъ Дороѳѣевъ, ставъ, тако рекъ: язъ, господине, на тѣхъ межахъ не бывалъ, а итти, господине, не вѣдаю куды. И судіа спросилъ Есюнинскые волости старожильца Овдокима Дороѳѣева сына: сказывалъ еси мнѣ, что межи знаешъ, а нынѣ по межамъ о чемъ не идешъ? боленъ ли еси или кто тя скупилъ? Пойди по межамъ за своимъ товарищемъ за Тонкимъ за Гридинымъ сыномъ. И Овдокимъ Дороѳѣевъ тако рекъ: не боленъ есми, господине, вижю, а не скупилъ мя, господине, никто; а не знаючи, господине, межи какъ ми итти? да и воротился».

ниться отъ изложенія иска, то истецъ на этомъ основаніи обвиняется. Такое постановленіе появилось, вѣроятно, вслѣдствіе необходимости ограничить неосновательные и несправедливые иски. Начатое показаніе могло быть прервано, но это однако же наводило на мысль о пристрастіи къ противной сторонѣ. Такъ въ одной правой грамотѣ когда старожилецъ, начавъ отводить межу, вдругъ остановился и, отговариваясь незнаніемъ, отказался итти далѣе, то судья обращается къ нему съ вопросомъ: почему онъ не хочетъ идти, по болѣзни или вслѣдствіе подкупа? и только по вторичномъ увѣреніи о незнаніи старожилецъ уходитъ. Показаніе одного изъ послуховъ извѣстной стороны должно быть при томъ вполнѣ согласно съ показаніемъ другаго послуха той же стороны. Въ случаѣ ихъ разногласія, чтобъ сохранить свидѣтельству его силу, прибѣгали къ внѣшнему средству — поединку. Разнорѣчащіе свидѣтели должны были просить поля другъ съ другомъ. Если одни изъ нихъ не просили поля, то это принималось за отреченіе отъ сдѣланнаго показанія. Если же поединокъ происходилъ, то на исходѣ его и основывалось рѣшеніе. Побитые на полѣ свидѣтели подвергались платежу пошлинъ на равнѣ съ тою стороною, въ чью пользу говорило сдѣланное ими показаніе [366]).

Такимъ образомъ установлялась вѣроятность показанія въ самомъ себѣ. Теперь слѣдуетъ вопросъ объ его относительной силѣ. Какимъ образомъ оно пріобрѣтало вліяніе на рѣшеніе, или чѣмъ ослаблялась его сила? Разсматривая въ этомъ отношеніи наши источники, мы находимъ, что здѣсь встрѣчаются два случая: a) или противъ свидѣтелей приводились свидѣтели же, b) или противъ свидѣтелей приводились другія доказательства. Первое особенно часто встрѣчается по дѣламъ поземельнымъ; но здѣсь, въ строгомъ смыслѣ слова, хотя свидѣтели и являются съ обѣихъ сторонъ, но не приводятся другъ противъ друга, какъ и большая часть доказательствъ по дѣламъ этого рода. Здѣсь собственно говоря разсматривался не одинъ искъ, но вещное право обѣихъ сторонъ. Противъ притязанія истца отвѣтчикъ

---

[366]) Судебникъ, ст. 15. А. И. т. I, N 163. А. А. Э. т. I, N 257; т. II, N 15; т. III, NN 36, 37.

выставлялъ свое собственное положеніе, которое столько же подлежало обсужденію, какъ и самый искъ. Оттого-то, можетъ быть, въ древнѣйшее время мы и встрѣчаемъ такъ часто обращеніе судьи къ отвѣтчику, мимо истца [367]). Приводились ли свидѣтели противъ свидѣтелей по дѣламъ другаго рода, рѣшить довольно трудно. Въ Судебникѣ постановляется правило на тотъ случай, когда истецъ пошлется на послуховъ, а послухи порознятъ между собою; но изъ этой статьи нельзя еще прямо заключить чтобы отвѣтчикъ имѣлъ право приводить свидѣтелей противъ свидѣтелей истца, ибо: a) въ этой статьѣ говорится о ссылкѣ одного истца: «а іщея пошлется на послуси»....; b) споръ идетъ по преимуществу о заемномъ дѣлѣ безъ кабалы, а здѣсь свидѣтели, по необходимости были у обѣихъ сторонъ одни и тѣже, т. е. тѣ лица, которыя присутствовали при совершеніи займа. Это родъ общей ссылки [368]). По дѣламъ, происшедшимъ изъ обязательствъ, врядъ ли свидѣтели приводились противъ свидѣтелей.—Въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели истца противорѣчили свидѣтелямъ отвѣтчика, для примиренія этихъ противоположныхъ показаній, прибѣгали къ суду божію т. е. поединку. Обязанность подтверждать поединкомъ справедливость показанія не переходила на самихъ тяжущихся: она оставалась за тѣми, кто далъ это показаніе, т. е. за самими послухами. Поединка однако видимымъ образомъ избѣгали, даже за долго до Судебника. Съ этою цѣлью въ судебной практикѣ образовалось слѣдующее правило: разнорѣчащіе свидѣтели должны просить поля; если которая нибудь изъ сторонъ уклонялась отъ поединка, то считалась побѣжденною. Съ 1556 г. поединокъ замѣняется присягою по жребію, хотя по прежнему свидѣтели должны просить поля [369]). Впрочемъ, и до отмѣны поля свидѣтели могли, кажет-

———

367) А. Ю. NN 3, 4.

368) Судебникъ, ст. 15.

369) А. Ю. N 20 и др. Описаніе Госуд. Архива Старыхъ Дѣлъ, стр. 218 и 223. А. И. т. I, N 165, уставная грамота Переяславскаго уѣзда царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ, 1556 г. апрѣля 29.— Г. Пахманъ, стр. 178, несправедливо полагаетъ, что поле въ первый разъ отмѣнено уставной грамотой г. Шуи, 1606 года іюля 7, А. А. Э. т. II, N 52.

ся, прямо просить крестнаго цѣлованья. Подобный примѣръ мы находимъ въ одномъ судномъ спискѣ временъ Димитрія Донскаго [370]).

Такъ поступали въ томъ случаѣ, когда съ обѣихъ сторонъ были свидѣтели. Когда же свидѣтель былъ съ одной только стороны, то отвѣтчикъ опровергалъ его показаніе другими доказательствами. Такъ напр. когда дѣло было поземельное, и одна изъ сторонъ приводила свидѣтельство прежняго владѣльца, то другая сторона могла показанію послѣдняго противопоставить крѣпостные документы [371]). По дѣламъ, основаннымъ на обязательствахъ или преступленіяхъ (бой, грабежъ и заемъ) Судебникъ предоставляетъ отвѣтчику три средства: a) «опослушествованный» отвѣтчикъ могъ идти на поле съ свидѣтелемъ; b) могъ у поля предложить свидѣтелю ограничиться крестнымъ цѣлованіемъ, которое всегда предшествовало поединку, и, отклонивъ отъ себя присягу, предоставить ее послуху; c) наконецъ могъ у креста признать справедливость показанія. Судебникъ въ этомъ случаѣ какъ-то особенно благосклоненъ къ отвѣтчику. Онъ не подвергаетъ его обыкновеннымъ послѣдствіямъ отреченія отъ суда божія: «а вины въ томъ отвѣтчику и пошлинъ полевыхъ убитыхъ нѣтъ». Этому взысканію отвѣтчикъ подвергался только вслѣдствіе настоящаго поединка. Вскорѣ послѣ Судебника и въ этомъ случаѣ поединокъ былъ отмѣненъ: онъ уступилъ мѣсто присягѣ, а предварительная присяга, предшествовавшая полю, была замѣнена жребіемъ. Въ тоже время лица, которыя не могли давать присяги, какъ напр. духовенство, во все устранялись отъ послушества, когда дѣло доходило до крестнаго цѣлованія [372]).

Свидѣтели были главнымъ доказательствомъ древней Руси. Къ нимъ прежде всего обращались и тяжущіеся и судьи. По характеру тогдашнихъ документовъ, свидѣтели являлись не толь-

---

370) Описаніе Госуд. Архива Старыхъ Дѣлъ, стр. 205—206.

371) А. Ю. N 3.

372) Судебникъ, ст. 16, 17. А. И. т. I, N 155, стр. 273, N 165. А. А. Э. т. I, N 257; т. II, N 52, т. III, N 36.

ко въ подтвержденіе письменныхъ доказательствъ, но часто и противъ нихъ [373]). Неопровержимой силы, какъ мы видѣли, послушество не имѣло, но однако же оно должно быть прямо опровергнуто, т. е. послухъ долженъ быть уличенъ во лжи. Простаго противоположенія имъ другаго, сильнѣйшаго доказательства, было недостаточно. Такъ изъ указа 1556 г. августа 21-го, мы въ правѣ заключить, что до этого времени, когда одна сторона ссылалась на свидѣтелей, а другая на повальный обыскъ, то судьи не давали преимущества ни тому ни другому доказательству, а присуждали поле или крестное цѣлованье. Съ этого времени повальный обыскъ получилъ рѣшительный перевѣсъ [374]). Призывались свидѣтели сначала по дѣламъ всякаго рода; но уже съ конца XVI столѣтія сфера ихъ примѣнимости начала стѣсняться. Такъ по дѣламъ поземельнымъ старожильцы исчезаютъ, какъ скоро давность перестала служить основаніемъ, и уступаютъ мѣсто крѣпостямъ. Пока крѣпостные документы совершались еще частнымъ образомъ, свидѣтельство лицъ, бывшихъ при ихъ совершеніи, было главное средство повѣрки; но когда акты стали записываться въ приказахъ, то самый допросъ подъячихъ происходилъ только въ случаѣ сомнѣнія о подлинности акта. Впрочемъ, въ настоящемъ періодѣ свидѣтели не были еще прямо устранены закономъ изъ дѣлъ, производившихся очною ставкою, но по самому характеру этой формы судопроизводства, употребленіе свидѣтельскихъ показаній должно было становиться все рѣже и рѣже.

Разсмотримъ теперь отдѣльные виды свидѣтелей, которые мы находимъ въ нашихъ источникахъ. Изъ этого всего лучше можно видѣть, на чемъ у насъ основывалась относительная сила свидѣтельскихъ показаній. Въ актахъ встрѣчаются слѣдующіе свидѣтели: a) старожильцы, b) лица, отъ которыхъ получено какое нибудь право или прежніе владѣльцы, c) лица, участвовавшія въ составленіи какого нибудь документа; d) офиціальныя лица, при содѣйствіи которыхъ пріобрѣтено оспориваемое право.

---

373) А. Ю. №№ 8, 18, 19, 20.

374) А. И. т. I, N 154, V, ст. 2.

а) Старожильцы. О старожильцахъ всего болѣе свѣдѣній въ нашихъ источникахъ, можетъ быть по той самой причинѣ, что на свидѣтеляхъ этого рода всего болѣе лежитъ древній типъ, который законодательство старалось ограничить. Старожильцы приводились всегда обѣими сторонами, и у каждой изъ нихъ судья спрашивалъ въ поземельныхъ дѣлахъ: «кому у васъ то вѣдомо?» Показанія старожильцевъ, такъ сказать, колеблются между частными свидѣтелями тяжущихся и людьми посторонними. Собственно говоря, только три условія непремѣнно требовались отъ старожильцевъ: а) они должны быть люди *старые*. Передъ началомъ своихъ показаній они обыкновенно говорили судьѣ: «язъ, господине, помню за семдесятъ, или пятьдесятъ лѣтъ». б) Ссылаясь на старожильцевъ, тяжущіеся обыкновенно говорятъ, «а вѣдомо то людемъ добрымъ старожильцемъ». И такъ отъ старожильца требуется хорошая извѣстность. в) Старожильцы должны были не только знать вообще о владѣніи, но знать именно межу во всей ея подробности. Отсюда другое ихъ названіе: *знахари*. Но этими качествами старожильцевъ только и обезпечивалась справедливость ихъ показаній. Всѣ другія требованія не перешли еще въ ясное сознаніе общества, и потому старожильцы отчасти представляются какъ будто сторонниками тяжущихся. Неприкосновенность къ дѣлу требовалась, кажется, въ самыхъ тѣсныхъ размѣрахъ. Въ правой грамотѣ 1534 года февраля 11-го мы встрѣчаемъ очень любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи. Истецъ отводилъ одного изъ старожильцевъ на самомъ справедливомъ основаніи: по его словамъ этотъ старожилецъ стоялъ прежде въ отвѣтѣ противъ того же лица, и передъ тѣмъ же судьею. Судья спросилъ только старожильца: такъ ли это? и получивъ въ отвѣтъ, что онъ былъ дѣйствительно въ искѣ, но отвѣчалъ не лично, а черезъ своего брата, удовольствовался этимъ извиненіемъ и допустилъ показаніе. Родство вовсе не исключало возможности ставиться въ старожильцы. Въ одной правой грамотѣ начала XVI вѣка тяжущіеся ссылаются между прочимъ на своего отца. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что если съ одной стороны старожильцы представляются экспертами, то съ другой они носятъ характеръ лицъ, поддерживающихъ истца или отвѣтчика. Оттого-то, не смотря на общую употребительность

этого доказательства, ссылаться или не ссылаться на него было совершенно въ волѣ тяжущихся. Въ правой грамотѣ 1510 года іюня 4-го, на вопросъ судьи: «кому то вѣдомо?» отвѣтчики сказали: «вѣдомо, господине, людемъ добрымъ волостнымъ, а на нихъ ся, господине, не шлемъ» и требовали поединка. Замѣчательно, что, хотя отвѣтчики и были обвинены, но не на этомъ, а на другомъ основаніи. Подобно всѣмъ вообще свидѣтелямъ старожильцы бились на полѣ и являлись за спискомъ къ докладу [375]).

b) Особенно важно и употребительно было въ старину доказательство посредствомъ свидѣтельства прежнихъ владѣльцевъ. Прежніе владѣльцы являются на судъ въ двухъ случаяхъ: или по ссылкѣ тѣхъ лицъ, кому они передали свое владѣніе, или по ссылкѣ на нихъ противъ этихъ лицъ. Въ первомъ случаѣ прежніе владѣльцы не суть настоящіе свидѣтели. Ссылка на нихъ есть нѣчто въ родѣ римской laudatio или nominatio auctoris. Здѣсь предоставляется прежнему владѣльцу доказывать или иначе *очищать*, уступленное имъ право. Такую обязанность принимали на себя прежніе владѣльцы при самой передачѣ права собственности. Мы находимъ условіе объ очисткѣ въ актахъ всякаго рода: купчихъ, данныхъ, отступныхъ, вкладныхъ, закладныхъ и мытныхъ [376]). Условіе помѣщалось въ самомъ актѣ, иногда же сверхъ акта составлялась еще очищельная запись [377]). Обязанность очищать заключала въ себѣ двѣ стороны: прежній владѣлецъ обязывался, во первыхъ, явиться въ судъ и отстаивать свое право, во вторыхъ, вознаградить продавца, если владѣніе будетъ кѣмъ-нибудь у него оспорено. Это вознагражденіе дѣлалось обыкновенно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: въ одной купчей 1568 г. продавецъ принимаетъ на себя «всѣ убытки, и московская волокита, за проѣсть и за проѣздъ денги» [378]). Въ

---

[375]) А. Ю. NN 3, 4, 5, 8, 14, 19, 20. Описаніе Госуд. Архива Старыхъ Дѣлъ, стр. 19.

[376]) А. Ю. NN 82 — 99, 119, 126, 132, 134, 135, 136, 234, 236, 241, 243.

[377]) А. Ю. N 241.

[378]) А. Ю. N 85.

иныхъ случаяхъ, кажется, продавецъ принималъ на себя только вторую обязанность, т. е. одно вознагражденіе за убытки. Сообразно съ предѣлами своей обязанности продавецъ, кажется, передавалъ покупщику свои документы, или оставлялъ ихъ у себя «для очищенія» [379]). Для большаго обезпеченія покупщика, въ договорѣ принимали на себя очищеніе вмѣстѣ съ продавцемъ его родственники и люди. Покупщикъ, въ случаѣ спора о проданной землѣ, могъ требовать судебной защиты отъ того изъ договорившихся, который въ истцахъ [380]). На судѣ прежній владѣлецъ является столь же дѣйствующимъ лицомъ, какъ и тяжущійся. Судебное взысканіе падало на покупщика, но продавецъ вознаграждалъ его за это [381]). Прежній владѣлецъ подвергался всѣмъ обыкновеннымъ правиламъ о тяжущихся. Его также можно было уличать всѣми средствами; противная сторона могла, кажется, просить съ нимъ поля [382]).

Съ чистымъ характеромъ свидѣтельства являются прежніе владѣльцы въ томъ случаѣ, когда на нихъ ссылается другая сторона въ подтвержденіе своего иска противъ ихъ покупщиковъ. Въ какой степени ихъ показанія могли быть опровергаемы покупщиками, рѣшить довольно трудно, потому что въ единственной правой грамотѣ, гдѣ о подобныхъ ссылкахъ говорится довольно подробно, самыя показанія прежнихъ владѣльцевъ не говорятъ окончательно ни въ чью пользу [383]). Изъ дошедшихъ до насъ источниковъ мы можемъ только сдѣлать слѣдующія заключенія:

---

379) А. Ю. NN 90, 96, 241.

380) А. Ю. NN 82, 83.

381) А. Ю. N 3.

382) А. Ю. N 23, стр. 58. «И выслушавъ даницы судьи вспросили Сенки Родіонова: по той еси даници полдвора въ монастырь далъ ли? И Сенка такъ рекъ: по той еми даници, государи, полдвора въ монастырь далъ. И отвѣтчикъ Онисимко тако рекъ: язъ, господине, живу не въ Омосовскомъ дворѣ; язъ, господине, живу въ нижнемъ дворѣ. А даницу Онисимко лжывалъ, а за Семена за Родіонова не имался и не прошалъ съ нимъ правды ни которые». Ср. N 19.

383) А. Ю. N 23, стр. 57.

a) покупщикъ, при ссылкѣ противной стороны на продавца, могъ ограничить эту ссылку извѣстными предѣлами, оговоривъ, въ чемъ именно онъ на него ссылается [384]). b) Показанія прежнихъ владѣльцевъ имѣли, кажется, большую силу въ томъ случаѣ, когда они говорили противъ той стороны, которая на нихъ ссылалась [385]). Отвода прежнихъ владѣльцевъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ.

c) Лица, участвовавшія въ составленіи какого-нибудь документа, т. е. послухи и дьякъ. О показаніяхъ свидѣтелей этого рода нѣтъ подробныхъ извѣстій. Судебникъ постановляетъ только, что въ случаѣ разногласія дьяка и послуховъ, подписавшихъ кабалу, споръ ихъ рѣшается поединкомъ между ними [386]). Собственно, хотя въ актахъ такая ссылка и называется послушествомъ, но это есть только удостовѣреніе въ подлинности документа, и потому врядъ ли отводъ былъ здѣсь возможенъ.

d) Наконецъ правительственныя лица, содѣйствовавшія къ укрѣпленію какого-либо права, были очень важными свидѣтелями. Сюда принадлежатъ отводчики, разъѣздные мужи, дьяки и самые судьи. Отводить первыхъ было возможно, но только подъ предлогомъ того, что ими (напр. писцами) былъ опредѣленъ одинъ фактъ, а не право, или подъ предлогомъ явной несправедливости; но разъ допущенные къ свидѣтельству, они, кажется, имѣли безусловную силу. Такъ въ одной правой грамотѣ показаніе отводчика принимается безъ всякаго опроверженія. Показаніе разъѣздныхъ мужей не имѣло, повидимому, никакой силы: съ ними можно было просить поля. Свидѣтельство дьяка о подлинности документа въ качествѣ служащаго лица, а не составителя акта, дѣлало этотъ документъ безспорнымъ [387]).

---

384) Тамъ же. «И ищея Истомка тако рекъ: сверхъ того, государь, шлюсь на его Онисимковыхъ продавцевъ, на Михайла съ братьею, кое онъ нашимъ полудворомъ силничасть. И судьи вспросили Онисимка.

385) А. Ю. N 19, стр. 41.

386) Судебникъ, ст. 15.

387) А. Ю. NN 12, 16, 19. Описаніе Госуд. Архива Старыхъ Дѣлъ, стр. 216 и 218.

Разсмотрѣвъ отдѣльные виды свидѣтелей, мы убѣждаемся, что въ эпоху Судебника, никакіе свидѣтели не имѣли безусловной силы, — что причина этого кроется въ самомъ происхожденіи свидѣтельства,—и что законодательство противодѣйствовало этому характеру, обезпечивая съ одной стороны безпристрастіе послуховъ, и оказывая съ другой стороны довѣріе тѣмъ изъ нихъ, которыхъ показанія имѣли признаки безпристрастія. Полнымъ довѣріемъ не пользовались однако ни которые изъ поименованныхъ свидѣтелей.

Скажемъ теперь о такихъ свидѣтеляхъ, которыхъ показанія имѣли безусловную силу. Выше уже было сказано, что допущеніе или недопущеніе свидѣтелей, было совершенно въ волѣ тяжущихся. Точно также и степень того довѣрія, которое оказывали къ нимъ тяжущіеся, совершенно отъ нихъ зависѣла. Они всегда могли и согласиться съ показаніемъ и опровергать его. Такое согласіе могло произойти и заранѣе, передъ вызовомъ свидѣтеля. Если согласіе основать исходъ дѣла на показаніи послуха было дано съ одной только стороны, то это называлось ссылкой *изъ виноватаго*, если же съ обѣихъ сторонъ, то *общей ссылкой*.—Ссылку изъ виноватаго мы встрѣчаемъ не на однихъ свидѣтелей, но на всѣ вообще доказательства. Встрѣчается такая же ссылка и на писцовыя книги и даже на осмотръ; въ одной правой грамотѣ, истецъ, обвиняя отвѣтчика въ разореніи деревни, говоритъ судьямъ: «дайте изъ виноватыхъ ззорщика». Въ эпоху Судебника, по сомнительности всѣхъ прочихъ доказательствъ, такимъ образомъ всего чаще ссылались на однихъ свидѣтелей. — Сослаться на кого-либо изъ виноватаго значитъ признать безусловную силу его показанія противъ себя. Повидимому такъ ссылались по преимуществу на лица, которыя могли свидѣтельствовать о дѣйствительности какого-нибудь документа. Въ правой грамотѣ 1571 года мы находимъ, что истецъ, представивъ отступную запись, въ тоже время ссылался, въ доказательство, что отвѣтчикъ насильно владѣетъ уступленною землею, на прежняго владѣльца, давшаго эту запись, а отвѣтчикъ слался на тоже лицо изъ виноватаго. Само собою разумѣется, что подобная ссылка не имѣла одинаковой силы и для противной стороны, если не была сначала ею сдѣлана. Только въ по-

слѣднемъ случаѣ она принимала характеръ общей ссылки и была для всѣхъ равно обязательна. Но относительно того лица, которое ссылалось такимъ образомъ, подобный свидѣтель имѣетъ безусловную силу, даже и въ томъ случаѣ, если онъ «не великимъ словомъ не договоритъ», т. е. если слова его не вполнѣ согласны съ увѣреніемъ противной стороны. Вообще ссылка изъ виноватыхъ противополагалась обыкновенному свидѣтельству. Простое послушество всегда могло быть опровергаемо. Въ одной правой грамотѣ 1547 года, — когда отвѣтчикъ сослался на свидѣтелей, истецъ объявилъ, что со всѣми имѣетъ вражду, однако слался на нихъ въ послушество, потому что въ такомъ случаѣ показаніе ихъ не имѣло безусловной силы. Указъ 1556 года августа 21 го предписываетъ не оставлять ссылки изъ виноватыхъ даже если кто пошлется на одного только человѣка, и винить эту сторону на основаніи сдѣланнаго показанія, безъ поля и крестнаго цѣлованія [388]). Общею ссылкою или правдою называлась ссылка обѣихъ сторонъ на одного свидѣтеля. Въ этомъ случаѣ послушество имѣло безусловную силу, какъ для истца, такъ и для отвѣтчика [389]).

Выше, говоря о показаніяхъ оффиціальныхъ лицъ, мы замѣтили, что хотя ихъ и можно было отводить, но только подъ предлогомъ или явной несправедливости, или фактическаго характера сдѣланнаго прежде рѣшенія, и что разъ допущенные подобные свидѣтели имѣли важное вліяние на окончаніе дѣла. Тотъ же дополнительный указъ 1556 года августа 21-го дѣлаетъ шагъ еще далѣе и даетъ показаніямъ этихъ лицъ безусловную силу, запрещая противъ нихъ (или, можетъ быть, съ самими послухами) употребленіе поединка и присяги. Однако

---

[388]) А. И. т. I, N 154, V, ст. 9. Большая часть изслѣдователей оставила безъ вниманія ссылку изъ виноватаго, а г. Пахманъ (стр. 164, примѣчаніе 2) относитъ приведенную статью указа 1556 г., августа 21 къ законамъ объ общей ссылкѣ. — Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, N 52, стр. 199.

[389]) А. Ю. N 3, стр. 4, N 22, стр. 50, N 25, стр. 68. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, N 52, VII, стр. 225.

и здѣсь не всѣ эти лица получили одинаковое вліяніе на судебное рѣшеніе. Законъ предписываетъ судьѣ не дозволять отвода такихъ свидѣтелей, которымъ можно вѣрить по отношенію къ важности дѣла: въ одномъ дѣлѣ достаточно показаніе боярина, въ другомъ дьяка или приказнаго человѣка, «кому мочно вѣрити посмотря по дѣлу». Эта оговорка чрезвычайно замѣчательна. Возможность вполнѣ безпристрастнаго рѣшенія обезпечивается здѣсь не вообще, но смотря по большему или меньшему интересу, лежащему въ основаніи дѣла. Чѣмъ онъ больше, тѣмъ менѣе простора предоставлено случаю [390]).

III. Суды Божіи составляютъ третій родъ доказательствъ и въ древнѣйшемъ процессѣ послѣдній. Въ настоящее время отъ всѣхъ прежнихъ формъ суда Божія уцѣлѣли только три: поле, крестное цѣлованіе и жребій. Они находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, представляя такую постепенность, что низшія формы служатъ вспомогательнымъ средствомъ для высшихъ: такъ предъ поединкомъ употребляется крестное цѣлованіе, а присяга дается по жребію. Отсюда понятна и постепенность въ отмѣненіи судовъ Божіихъ: когда отмѣнялось поле, естественнымъ образомъ оставалась присяга, отмѣненная присяга уступала мѣсто жребію. Всѣ эти доказательства, особенно два первыя, представляются какъ бы частями одной и той же формы процесса. Что касается до внутренняго характера этихъ доказательствъ, то, вообще говоря, онъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ у насъ понятію объ ордаліяхъ. Ордаліи суть средства узнать истину чрезъ содѣйствіе невидимо присутствующаго Бога; объ участіи въ рѣшеніи дѣла самихъ тяжущихся тутъ нѣтъ и помина. У насъ, за исключеніемъ испытаній желѣзомъ и водою, такой взглядъ стоитъ на второмъ планѣ. Г. Пахманъ справедливо замѣтилъ, что поле есть остатокъ самоуправства, обломокъ той исторической эпохи, когда споръ рѣшался личнымъ мужествомъ, и что мысль о судѣ божіемъ присоединилась сюда уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ религіозныхъ убѣжденій [391]). Это вѣрное замѣ-

---

[390]) А. И. т. I, N 154, V, стр. 8.

[391]) Г. Пахманъ, стр. 106.

чаніе можно распространить на всѣ наши ордаліи. Отпечатокъ самоуправства лежитъ на всѣхъ на нихъ безъ исключенія. Отсюда только и можно объяснить нѣкоторыя положенія древняго права объ этомъ родѣ доказательствъ: заботу объ уравновѣшеніи силъ на поединкѣ, присягу, даваемую съ жеребья, наконецъ самую возможность не цѣловать креста лично. Всѣ эти признаки указываютъ на первоначальный характеръ нашихъ ордалій: вышедши изъ эпохи самоуправства, они сохранили отчасти основныя черты этого времени. Споръ рѣшается или или силою, или въ замѣнъ ея внѣшнимъ средствомъ. Разсмотримъ отдѣльные виды суда божія.

а) Первое мѣсто между ними занимаетъ поле. О происхожденіи судебнаго поединка существуютъ различныя мнѣнія. Тѣ изъ писателей, которые приписываютъ важное вліяніе на русскую исторію дружинному началу, считаютъ поединокъ за результатъ этого вліянія; другіе признаютъ его заимствованнымъ у сосѣднихъ германскихъ народовъ, въ слѣдствіе частыхъ съ ними сношеній; наконецъ третьи приписываютъ ему туземное происхожденіе [392]). Замѣчая въ поединкѣ слѣды самоуправства, мы, разумѣется, склоняемся въ пользу послѣдняго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что поединки были у насъ въ обширномъ и повсемѣстномъ употребленіи. Правда, законодательные памятники наши начинаютъ говорить о нихъ довольно поздно, но на одномъ

---

[392]) Каченовскій приписываетъ судебный поединокъ германскому вліянію (Труды и лѣтописи Общества Исторіи и Древн. Росс., часть I, 1815, статья III, стр. 31 — 32); также и Успенскій (Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, 1818, стр. 466); — Калайдовичъ (Разсужденіе о поединкахъ, въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, книга 4-я, 1838, стр. 3) и г. Погодинъ (Изслѣдованія и Лекціи, т. III, стр. 383—384) — норманно-скандинавскому. Г. Михайловъ (Исторія образованія системы русск. гражд. судопр, стр. 33) высказываетъ нерѣшительно мнѣніе свое о германскомъ происхожденіи поединка. Мнѣнія о туземномъ происхожденіи поединка держатся: г. Поповъ, въ сочиненіи: «Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву», стр. 60—61; г. Пахманъ, стр. 114—117, и г. И. Бѣляевъ, въ статьѣ, напечатанной въ октябрской книжкѣ «Москвитянина» за 1855 г.

этомъ основаніи нельзя, кажется, отвергать естественное происхожденіе такого явленія, которое было у всѣхъ народовъ, въ извѣстные періоды ихъ существованія.

Въ какихъ дѣлахъ употреблялся поединокъ? Судебникъ относитъ сюда чисто-личные иски: бой, грабежъ, пожегъ, душегубство, разбой, татьбу и заемное дѣло; но изъ правыхъ грамотъ мы узнаемъ, что, кромѣ того, поле было нерѣдко допускаемо въ дѣлахъ поземельныхъ. Еще до Судебника однако мы видимъ уже изъ правыхъ грамотъ, что поле все рѣже и рѣже употребляется въ этомъ случаѣ. Это не значитъ, чтобы было намѣренное исключеніе ордалій изъ вотчиннаго процесса, но по самому основанію этихъ дѣлъ, начинавшему измѣняться, ордаліи должны были мало по малу отсюда исчезнуть. Древнѣйшій поземельный споръ имѣлъ всегда основаніемъ давность, а ближайшимъ поводомъ насильство; отсюда единственное возможное доказательство составляли тогда свидѣтели, а мы видѣли, что въ этомъ случаѣ поединокъ былъ неизбѣженъ. Не такъ было со времени появленія письменныхъ доказательствъ. Въ основаніе процесса легли документы, а потому поле стало возможно только тогда, когда или оспоривалась ихъ дѣйствительность, или въ подтвержденіе имъ являлись свидѣтели. И такъ первоначально почти всѣ дѣла судились посредствомъ поединка, потомъ во многихъ изъ нихъ онъ уже не допускался.

Другой вопросъ: въ какомъ именно случаѣ употреблялось поле? Оно допускалось тогда только, когда мимо его нельзя было рѣшить спора, слѣдовательно только въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны выставляли совершенно равныя доказательства. На этомъ основаніи: а) когда одна сторона ссылалась на неоспоримые документы, а другая на старожильцевъ, поле не допускалось, и дѣло рѣшалось въ пользу первой стороны [393]); б) также, когда изъ самаго разсмотрѣнія документовъ можно было опредѣлить взаимную ихъ силу [394]); в) когда самый документъ казался судьѣ подозрительнымъ, предпочтеніе прямо отдавалось свидѣтельскимъ

---

[393]) А. Ю. NN 3, 5, 6, 9, 13, 14 и др.
[394]) А. Ю. NN 11, 12.

показаніямъ противной стороны [395]).—Поле допускалось, кажется, въ томъ только случаѣ, когда оспоривали дѣйствительность документа. Однако иногда и при этомъ прибѣгали къ другимъ средствамъ [396]). Объ отношеніи судебнаго поединка къ свидѣтельству замѣтимъ слѣдующее: поле не допускалось а) когда изъ самаго изложенія свидѣтельскихъ показаній видно было преимущество одного изъ нихъ, напр. когда старожильцы не могли указать межи, или не помнили въ точности начала владѣнія [397]); б) при общей ссылкѣ [398]). Когда одна изъ сторонъ ссылалась на давность, а другая не опровергала ея, судебнаго поединка не было [399]). Не должно однако думать, чтобъ всѣ эти правила соблюдались постоянно и твердо укоренились въ общемъ сознаніи. Было много исключеній, какъ потому, что вообще не только въ дѣлѣ оцѣнки, но даже и въ веденіи доказательствъ не мало было судейскаго произвола, такъ и въ слѣдствіе перемѣны въ самомъ значеніи судебнаго поединка. Поле уже до Судебника пріобрѣло значеніе суда Божія, и потому могло быть допускаемо только въ случаѣ сомнѣнія и послѣ другихъ доказательствъ. Его употребленіе старались ограничить, и просьба о полѣ безъ приведенія другихъ доказательствъ внушала недовѣріе. Въ одной правой грамотѣ 1525 года объ истцѣ сказано: «а опричь поля доводу на нихъ (отвѣтчиковъ) не учинилъ». Въ двухъ другихъ, тоже XVI вѣка просьба о полѣ съ устраненіемъ прочихъ ссылокъ, ведетъ къ обвиненію отвѣтчиковъ. Но рядомъ съ такими фактами мы встрѣчаемъ и другіе, гдѣ выразился старинный характеръ поля, который оно должно было имѣть еще въ эпоху самоуправства. Уже самая просьба о поединкѣ мимо другихъ доказательствъ, указываетъ на то, что прежде судъ могъ быть простою борьбою; а мы видимъ, что тяжущіеся не только прямо просятъ поля, какъ средства опроверженія противной стороны, но даже уклоняются отъ всѣхъ другихъ доказательствъ въ пользу

---

395) А. Ю. N 3.
396) А. Ю. NN 12, 23.
397) А. Ю. NN 6, 8.
398) А. Ю. NN 2, 13.
399) А. Ю. NN 7, 8 и др.

этого. — Такъ въ правой грамотѣ 1510 года, іюня 4-го, когда судья потребовалъ свидѣтелей, отвѣтчики говорятъ ему: «вѣдомо, господине, людемъ добрымъ волостнымъ, а на нихъ ся, господине, не шлемъ, а дайте... намъ.... Божью правду, цѣловавъ.... крестъ животворящей, да лѣземъ.... на поле биться». Иногда искъ подтверждался со стороны истца однимъ только поединкомъ.

Особенный характеръ судебнаго поединка, отличный отъ ордалій въ собственномъ смыслѣ, выразился и въ способѣ употребленія этого доказательства. Поле не было только средствомъ защиты. За него *имамися* обѣ стороны, какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ [400]).

Правила, при которыхъ происходилъ поединокъ, были слѣдующія:

а) Силы обѣихъ сторонъ должны быть равныя. Съ этою цѣлію въ Судебникѣ Грознаго было постановлено, что не-боецъ бьется съ бойцомъ только по собственному согласію.

б) Принимать предложенное поле были обязаны всѣ, безъ исключенія, даже женщины, дѣти и духовенство. Послѣднему запрещено присужать поле уже Стоглавомъ. Но въ слѣдствіе уравновѣшенія силъ, было постановлено въ обоихъ Судебникахъ, что всѣ лица слабыя силами или не бывшія бойцами по своему званію, могли ставить за себя наймитовъ, т. е. наемныхъ бойцевъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежали: старые люди, малолѣтные, увѣчные, женщины и духовенство, пока поединки еще не были ему запрещены. Право нанимать за себя борца, по всей вѣроятности, не было установлено, а скорѣе ограничено нашими законами, потому что еще въ одной правой грамотѣ 1541 года мы находимъ, что оба тяжущіеся, нисколько, повидимому, не подходившіе подъ сказанныя правила, говорятъ судьѣ, что они шлютъ наймитовъ. Это должно быть остаткомъ старины. Отвѣтчикъ имѣлъ право ставить за себя наймита, когда истецъ его ставилъ, по послухъ только въ томъ случаѣ, когда подходилъ подъ тѣ условія, при которыхъ наемъ дозволялся. Никакія

---

400) А. Ю. NN 14, 15, 17, 18, 21.

соображенія не избавляли тяжущихся отъ обязанности принять вызовъ противника. Такъ въ одномъ судномъ дѣлѣ временъ Василія Ивановича, когда боярскіе дѣти отказались драться съ крестьянами, и требовали, чтобъ отвѣтчики выставили противъ нихъ боярскихъ же дѣтей, то судьи не уважили дворянскаго предразсудка свидѣтелей, и обвинили истца, какъ въ слѣдствіе простаго отказа отъ поля.

в) Съ тою же цѣлію польщики приводили съ собою стряпчихъ и поручниковъ. Обязанность послѣднихъ состояла въ томъ, чтобъ ставить тяжущагося къ полю, ибо поле не происходило немедленно послѣ суда. Для поединка назначался особый срокъ, и до этого срока истецъ и отвѣтчикъ отпускались на поруки. Что касается до стряпчихъ, то Татищевъ считаетъ ихъ секундантами. Это мнѣніе кажется намъ очень вѣрнымъ. Судебникъ самъ дѣлаетъ указаніе на характеръ стряпчихъ, запрещая имъ и поручникамъ держать у себя доспѣхъ, дубины и ослопы. Въ этихъ словахъ видѣнъ прежній характеръ судебнаго поединка, когда онъ былъ настоящимъ боемъ и происходилъ, вѣроятно, между не одними тяжущимися. Законъ старался сгладить съ суда Божія этотъ древній характеръ междоусобнаго боя. Съ этою цѣлью передъ поединкомъ спрашивали у польщиковъ, «кто за ними стряпчіе и поручники?» и за исключеніемъ этихъ лицъ никого болѣе не допускали быть при поединкѣ. Опричныхъ людей велѣно, по Судебнику, отсылать отъ поля, а которые не пойдутъ добровольно, тѣхъ сажать въ тюрьму.

г) Съ цѣлію наблюдать за правильностію поединка, еще первымъ Судебникомъ предписано присутствовать при немъ окольничему и дьяку. Второй Судебникъ предписываетъ тоже самое. Передъ кѣмъ происходило поле въ областяхъ, мы не знаемъ. Въ Новгородѣ поединокъ совершался въ присутствіи посадника, намѣстника, тіуна и двухъ приставовъ. Всѣ эти лица должны были заботиться о томъ, чтобы бой польщикамъ былъ ровенъ [401]).

---

[401]) Судебникъ, Ивана III-го, А. И. т. I, N 105, стр. 156. Царскій Судебникъ, ст. 13—19. Татищевъ, примѣчаніе (а) къ ст. 13, стр. 22.— А. А. Э. т. I, N 92. А. Ю. N 21, стр. 48. Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, стр. 218.

д) Полю всегда предшествовало крестное цѣлованье съ обѣихъ сторонъ. Тяжущіеся присягали лично и въ томъ случаѣ, когда высылали за себя наймитовъ. Цѣль обоюдной присяги, состояла, кажется, въ томъ, чтобы устранить употребленіе волшебныхъ средствъ для успѣшнаго окончанія поединка. Это можно заключить изъ 41 главы Стоглава, гдѣ сказано: «Нѣцыи не прямо тяжутся и поклепавъ крестъ цѣлуютъ, на поли бьются и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученіи, пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ глядаютъ, и смотрятъ дней и часовъ и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ, и на тѣ чарованія надѣясь поклепца и ябедникъ не мирятся, и крестъ цѣлуютъ, и на полѣ біются, и поклепавъ убиваетъ». Такихъ еретическихъ книгъ, служившихъ средствомъ къ успѣху было очень много. Вотъ какъ перечисляетъ ихъ Стоглавъ: «Злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держится, Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Зодѣй, Алманахъ, Звѣздочетьи, Аристотель, Аристотелевы Врата и иныя коби бѣсовскія.... тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли...» Кромѣ гадальныхъ книгъ при поединкѣ употреблялись еще заговоры. Въ 1628 году церковный дьячекъ Семейко Григорьевъ былъ сосланъ за то, что держалъ у себя «книги недобрыя, ересныя, да приговору полсемы строки». Въ распросѣ дьячекъ показалъ, что «память де полсемы строки писана къ борьбѣ». Стоглавный Соборъ очень вооружался противъ этихъ волшебныхъ средствъ, и въ своемъ отвѣтѣ просилъ царя, чтобы тѣмъ, кто станетъ «у поль прельщати, и потомъ обличени будутъ, и таковымъ отъ царя въ великой опалѣ быти, а тѣмъ православнымъ христіаномъ, которые учнутъ отъ нихъ то еллинское и бѣсовское чарованіе пріимати, всячески отверженнымъ быти по священнымъ правиломъ».

е) Еще не давъ крестнаго цѣлованія, тяжущіеся могли прибѣгнуть и къ другому средству рѣшенія спора. Такъ отвѣтчикъ могъ или идти на поле съ своимъ обвинителемъ, или ограничиться присягой и предоставить ее противнику, или наконецъ признать справедливость иска. Въ Судебникѣ это правило вы-

сказано только относительно спора отвѣтчика съ послухомъ, но по Псковской Судной Грамотѣ отвѣтчикъ имѣетъ это право и относительно самаго истца, и даже противъ документовъ. Другое средство рѣшенія состояло въ мировой съ противникомъ. Здѣсь послѣдствія были различны, смотря по времени заключенія сдѣлки: если тяжущіеся помирились, не ставъ еще у поля, то не платили ничего, кромѣ судныхъ пошлинъ; если же они заключили миръ, уже ставъ у поля, то платили и полевыя пошлины, только въ половину. — Къ поединку повидимому приступали не тотчасъ по явкѣ тяжущихся. Въ правой грамотѣ 1525 года, марта 19-го, мы находимъ, что противники стояли у поля семь дней и, когда одинъ изъ отвѣтчиковъ, ставъ у поля на первый срокъ, потомъ сбѣжалъ, то истцы объявили объ этомъ окольничему уже на восьмый день. Изъ этого мы заключаемъ, что тяжущихся допускали къ судебному поединку уже черезъ недѣлю, и что въ обрядѣ поля было нѣчто подобное ставкѣ къ присягѣ. — Когда поединокъ происходилъ, то побѣжденная сторона, по докладу окольничаго судьямъ, приговаривалась къ уплатѣ иска и судныхъ и полевыхъ пошлинъ. Побитый или уплачивалъ все это немедленно, или, въ слѣдствіе судейскаго допроса, отпускался на поруку, или наконецъ, если поруки не было, былъ заключаемъ въ тюрьму. Сверхъ уплаты иска онъ, кажется, былъ обязанъ отдать свой доспѣхъ побѣдителю. Точно такому же взысканію подвергались и тѣ изъ противниковъ, которые или не явились къ поединку, или сбѣжали съ поля. Неявка или побѣгъ разсматривались также, какъ неявка къ суду, только грамота выдавалась не безсудная, а правая, потому что судъ предшествовалъ полю. Къ какимъ средствамъ прибѣгали иногда тяжущіеся, чтобы выиграть дѣло неявкою своихъ противниковъ, видно изъ правой грамоты 1525 года, марта 19-го. Одинъ изъ отвѣтчиковъ жалуется на своихъ истцевъ и говоритъ, что когда, по прежнему дѣлу, человѣкъ его господина Чудина, по имени Якушъ, долженъ былъ явиться къ полю, то онъ вдругъ пропалъ; Чудинъ послалъ его отыскивать, и его нашли въ митрополичьей деревнѣ, подъ овиномъ, въ желѣзахъ. Его сковали истцы, митрополичьи крестьяне, чтобъ воспользоваться его неявкою! Замѣчательна также солидарность въ этомъ случаѣ всѣхъ

членовъ одной и той же тяжущейся стороны: достаточно было, чтобъ одинъ изъ нихъ не явился, чтобъ вся сторона подверглась обвиненію. Въ эпоху до Судебника мы находимъ еще одно любопытное извѣстіе, о которомъ не смѣемъ сказать утвердительно, повторялось ли оно послѣ изданія Судебника: судьи имѣли право нѣкоторыхъ изъ тяжущихся отставить отъ поля, а другимъ приказать биться. Это дѣлалось, вѣроятно, для уравновѣшенія силъ. Удовлетворялось ли требованіе побѣдителя и въ томъ случаѣ, когда побѣжденный былъ убитъ, изъ Судебника и источниковъ его эпохи мы не знаемъ, но Псковская Судная Грамота постановила: «на трупу кунъ не имати»; въ этомъ случаѣ убившему предоставлялось «только... доспѣхъ сняти, или иное што, въ чемъ на полѣ лѣзетъ». По Судебнику доспѣхъ побѣжденнаго, кажется, выкупался имъ у окольничаго, ибо сказано: «окольничему на убитомъ полевыя пошлины полтина, да за доспѣхъ три рубли».

Дѣло, рѣшенное поединкомъ, уже не подлежало ни пересмотру, ни перевершенію. Оттого-то въ одной уставной грамотѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ слѣдующее запрещеніе слободчикамъ: «а безъ докладу поль имъ не спускати». Въ сущности поле и не было только доказательствомъ, а скорѣе аппеляціей къ суду Божію, или войною послѣ судебныхъ переговоровъ. Такой характеръ судебнаго поединка виденъ, во первыхъ, изъ того, что сначала поле допускалось не только при сомнительности дѣла, но всегда, слѣдовательно вся судебная логика могла быть имъ ниспровергнута, во вторыхъ, изъ того, что и происходило оно не передъ прежними судьями, а передъ другими лицами, наконецъ изъ того, что докладу, когда онъ не требовался передъ поединкомъ, послѣ него дѣло уже не подвергалось. Оттого-то судебный поединокъ и старались удалить изъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ наиболѣе заботились объ устраненіи случайности. Такъ въ договорѣ Мстислава запрещаются поединки между Русскими и Нѣмцами, въ тоже самое время, какъ они дозволены и Нѣмцамъ и Русскимъ съ ихъ единоземцами. Этимъ же, можетъ быть, объясняется и то, почему со всякаго дѣла, рѣшеннаго полемъ, взимался пересудъ. Татищевъ считаетъ пересудъ

пошлиною, которую судья высшей инстанціи бралъ за переносъ дѣла [402]).

Ограниченія поединка происходили не только изъ желанія уравновѣсить стороны, но также изъ того взгляда, который образовался на это доказательство подъ вліяніемъ христіанства. Духовенство давно уже вооружалось противъ судебнаго поединка, вдвойнѣ ему ненавистнаго: во первыхъ, какъ остатокъ самоуправства, какъ убійство, во вторыхъ, по употребленію при немъ чарованій. Уже въ XV вѣкѣ послышался голосъ противъ страшнаго доказательства. Въ 1410 году митрополитъ Фотій писалъ новгородскому духовенству, чтобъ священники не причащали идущихъ на поле и не хоронили убитыхъ; убившій своего противника, какъ душегубецъ, «въ церковь не входитъ, ни дары не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причащенія жъ святого не пріиметъ осмнадцать лѣтъ»; священникъ, причастившій или отпѣвшій польщика, лишается священства. Такаго строгаго взгляда на поединокъ духовенство однако не держалось постоянно. Въ Стоглавѣ поле не отмѣняется совершенно. Законодательство практическое, Стоглавъ не ставитъ новыхъ требованій: онъ только возводитъ въ сознаніе то, что уже было требованіемъ вѣка. Оттого и противъ судебныхъ поединковъ онъ не вооружается безусловно, но стремится ограничить ихъ злоупотребленіе, очистивъ ихъ отъ примѣси народнаго суевѣрія и стѣснивъ примѣненіе этого доказательства. Первую сторону его постановленій, мы уже видѣли. Стѣсненіе же примѣнимости судебнаго поединка выразилось въ слѣдующемъ опредѣленіи собора: «А крестнаго цѣлованія и поль священничьскому и иночьскому чину не присужати, по священнымъ правиломъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ: въ такихъ винахъ градцкіе судьи да судятъ, по

---

402) Стоглавъ. Исторія Госуд. Рос. Карамзина, т. IX, прим. 830. А. А. Э. т. III, N 176. Судебникъ, ст. 9, 10, 12, 19, 51. А. Ю. N 17. Псковская Судная Грамота, ст. 19, 85, 97, стр. 4, 14 и 16; ст. 7, стр. 7. Сочиненія: г. Пахмана, стр. 183, и г. Энгельмана, стр. 146—147. Судебникъ, изд. Татищевымъ, ст. 51 и примѣчаніе. Доп. къ А. И. т. I, N 26. Уставная грамота крестьянамъ Моревской слободы, 1530 года, Сентября 29.

царскымъ законамъ». Форма соборнаго опредѣленія чрезвычайно замѣчательна: поле не запрещено совершенно даже и духовенству, оно изгнано только изъ суда духовнаго, гдѣ справедливость и чистота были еще большимъ требованіемъ, чѣмъ въ судѣ гражданскомъ. Уже послѣ, въ уставныхъ грамотахъ, духовенство было устранено отъ судебныхъ поединковъ. Въ то же время Стоглавъ опредѣлилъ для духовныхъ дѣлъ тотъ порядокъ судебныхъ доказательствъ, который долженъ былъ замѣнить поле и крестное цѣлованіе. Судьѣ здѣсь предла[illegible]слѣдующія средства опредѣленія истины: а) очная [illegible]телей, которыхъ съ этою цѣлью требуется много; б) [illegible]емъ свидѣтелей — повальный обыскъ, в) и только въ томъ случаѣ, когда и обыскъ не возможенъ, допускается судъ Божій, въ самой низшей его формѣ, въ формѣ жребія. г) Въ тѣхъ дѣлахъ, которыя, по существу своему, должны быть основаны на документахъ, неимѣніе письменныхъ актовъ ведетъ къ потерѣ иска, безъ допущенія поля и крестнаго цѣлованія. Требованія Стоглава не были немедленно исполнены; но служили програмой для послѣдующаго законодательства и постепенно приводились въ исполненіе. Такъ въ указѣ 1556, августа 21-го, хотя поле и не было отмѣнено окончательно, но порядокъ въ ходѣ доказательствъ принятъ почти тотъ же, какъ и въ Стоглавѣ. Этимъ указомъ постановлено: а) предпочитать обыскъ свидѣтельству, и въ случаѣ ссылки одной стороны на свидѣтелей, а другой на повальный обыскъ, не присужать ни поля, ни крестнаго цѣлованія. б) Запрещенъ поединокъ противъ ссылки на достовѣрныхъ свидѣтелей и въ случаѣ общей ссылки. Послѣднее уже и прежде было въ обычаѣ. в) Разногласіе обыска рѣшается по большинству голосовъ, также безъ поединка. г) Если поле и назначено, то все-таки, по челобитью котораго бы то ни было изъ противниковъ, оно замѣняется крестнымъ цѣлованіемъ. Уставныя грамоты дѣлаютъ еще шагъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ появились и ранѣе приведеннаго указа. Ими поле совершенно отмѣняется, уступая мѣсто крестному цѣлованію, какъ между свидѣтелями, такъ и между отвѣтчикомъ и послухомъ. Причина дальнѣйшаго развитія заключается, вѣроятно, въ томъ, что уставныя грамоты по большей части давались дворцовымъ селамъ, гдѣ царская власть являлась особенно

организующею, какъ въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ она видѣла главный источникъ своего дохода. Какъ долго продолжались поединки мы не можемъ сказать утвердительно. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что они прекратились только въ царствованіе Θеодора Ивановича; но въ актахъ уже послѣ 1556 года они нигдѣ не упоминаются, кромѣ монастырскихъ имѣній [403]).

---

[403]) А. А. Э. т. I, NN 257, 369. А. И. т. I, NN 155, (стр. 273), 154, V, 165. См. въ сочинені[illegible]мапа, стр. 186—187. — Въ доказательство, что судебн[illegible] продолжались почти до Уложенія, г. Пахманъ ссыла[illegible]дующіе акты: А. А. Э. т. I, NN 240, 250, 324, 348, т. II, N 52, т. III, NN 36 и 37; но именно изъ этихъ актовъ мы и убѣждаемся, что уже въ 1556-мъ году поединки встрѣчаются только какъ исключеніе, а послѣ этого времени не упоминаются нигдѣ, кромѣ монастырскихъ имѣній, въ которыхъ вообще долѣе удержались средневѣковыя формы. Въ N 240 точно говорится о полѣ, но эта грамота писана 1554 г., февраля 28. Въ N 250 (Уставная Двинская грамота 1556 г. сентября) сказано: «а судити имъ и сыскивати во всякихъ дѣлѣхъ *безъ поль*». Уставная грамота Борисоглѣбской слободы крестьянамъ 1584 г. августа 15, помѣщенная подъ N 324, точно говоритъ о полѣ, но эта грамота слово въ слово списана съ прежней, царя Ивана Васильевича, и годъ оригинальной грамоты неизвѣстенъ. То же должно сказать и объ Уставной грамотѣ Устюжны Желѣзопольской, А. А. Э. т. III, N 37. На уставную грамоту г. Шуи, 1606 года, А. А. Э. т. II, N 52, и судную грамоту Устюжны Желѣзопольской, 1614 года т. III, N 36, г. Пахманъ ссылается невѣрно: въ нихъ поле рѣшительно отмѣняется. Единственные акты, въ которыхъ слова о поединкѣ не могутъ быть приняты за безсознательный остатокъ старины, составляютъ двѣ грамоты конца XVI вѣка: наказъ, данный въ 1586 году Троице-Сергіевымъ монастыремъ своему губному старостѣ Измирѣ Амосову, А. А. Э. т. I, N 330, II, и Уставная грамота того же монастыря крестьянамъ разныхъ селъ и деревень. 1590 года, А. А. Э. т. I, N 348, I. Впрочемъ, въ первомъ изъ этихъ актовъ не совсѣмъ ясно, былъ ли допускаемъ поединокъ. Здѣсь сказано: «А на которыхъ людехъ исцы ищуть розбоевъ, а на тѣхъ людей языки въ розбоѣхъ не говорятъ, а *исцы опричь поля улики не учинятъ ни которые*, и губному старостѣ Измирѣ про тѣхъ людей обыскивати». — Во второй грамотѣ о полѣ сказано опредѣлительно: «А случится крестьянину со крестьяниномъ судъ, а досудитъ до поля, и ставъ у поля да

b) За полемъ, въ эпоху Судебника, непосредственно слѣдовала присяга. Присяга въ древнѣйшее время до такой степени была тѣсно связана съ поединкомъ, что, по замѣчанію профессора Буслаева, въ самомъ древнемъ названіи ея: *рота*, соединяются понятія и присяги и битвы. Въ московскомъ государствѣ тѣсное соединеніе присяги и поединка продолжается до самаго Судебника включительно; но на сѣверѣ, присяга гораздо ранѣе получила самостоятельное значеніе. Такъ Псковская Судная Грамота, допускающая крестное цѣ[illegible] въ личныхъ искахъ меньшей важности, напоминаетъ [illegible] случаѣ постановленія Русской Правды. Въ Новгородѣ существовала предварительная присяга передъ началомъ дѣла. Остальная Россія не знала, кажется, другой присяги, кромѣ подтвердительной и предшествовавшей полю. Въ Судебникѣ Ивана 3-го присяга появляется на время, какъ самостоятельное доказательство, по дѣламъ между торговцами, когда нѣтъ свидѣтелей договора; но ни въ современныхъ актахъ, ни въ Судебникѣ Грознаго объ этомъ законѣ уже не упоминается. Во второмъ Судебникѣ съ такимъ же характеромъ является присяга между чужеземцами, которая давалась съ жеребья. Въ остальныхъ дѣлахъ оставлялось на волю тяжущихся избирать между поединкомъ и крестнымъ цѣлованіемъ. Такъ мы находимъ въ одной правой грамотѣ, что противники прямо просятъ крестнаго цѣлованія, вмѣсто поля. Судебникъ предоставляетъ это право опослушествованному отвѣтчику противъ послуха. Послѣдствія присяги были тѣже самыя, какъ и поединка; но повидимому предки наши не скоро и не легко сознали возможность рѣшить споръ на основаніи свидѣтельства чужой совѣсти, не скоро рѣшились отказаться отъ самоуправства, въ которомъ надежда на личную силу поддерживала увѣренность въ побѣдѣ. Взглядъ на поединокъ, какъ на лучшій способъ рѣшенія спора, сохранился до сихъ поръ въ пословицѣ: «безъ борца нѣтъ вѣнца». Изъ уставныхъ грамотъ, которыми отмѣнено поле, мы въ правѣ, кажется, заключить, что

побіются....» Причина, почему поединокъ долѣе уцѣлѣлъ въ монастырскихъ имѣніяхъ, очень понятна: ихъ не касались непосредственно административныя реформы.

тяжущіеся обыкновенно предпочитали поединокъ присягѣ. Таковъ повидимому смыслъ выраженія: «а попросятъ... поля,... ино имъ присужати цѣлованье...»

Присяга, какъ доказательство, замѣнившее поле, употреблялось рѣшительно во всѣхъ дѣлахъ, безъ исключенія. Отсюда и разнообразіе въ ея формахъ. Намъ извѣстны слѣдующія: 1) образное хожденіе, состоявшее въ томъ, что одинъ изъ тяжущихся, по жребію, взявъ образъ Божіей Матери, шелъ по тому мѣсту, которое называлъ межею. Эта форма особенно указываетъ на значеніе древней присяги. Обхожденіе межи съ образомъ происходило какъ во время самаго спора, такъ и по окончаніи его. Даже въ томъ случаѣ, когда право одной изъ сторонъ было уже признано, и показанію ея старожильцевъ отдано было рѣшительное предпочтеніе, послѣдніе отводили межу не иначе, какъ съ иконою. Простое показаніе ничего еще не значило въ тяжебномъ дѣлѣ, если свидѣтели ничѣмъ его не подтверждали. Въ этомъ выражается недовѣріе къ свидѣтелямъ, представляемымъ тяжущимися, ибо когда производился межевой обыскъ писцами, то тѣже старожильцы указывали межу безъ образнаго хожденія. — 2) Такое же значеніе имѣлъ отводъ межи съ землею на головѣ: форма, вѣроятно, древнѣйшая и языческая. 3) Третью и послѣднюю форму присяги составляло крестное цѣлованье. Объ этой формѣ присяги употреблялись выраженія: «цѣловати и ставити крестъ». Первое означало присягать, второе предлагать присягу. Въ началѣ XVII вѣка къ присягѣ приводили въ приходѣ Николы Стараго, за исключеніемъ иноземцевъ и Русскихъ въ иноземцовыхъ искахъ, которые цѣловали крестъ въ приказахъ. Крестъ долженъ быть для этого, по указу 1628 года мая 20-го, написанъ на иконѣ «съ Распятіемъ и съ дѣяньемъ, а крестовъ мѣдныхъ не носити и мѣденыхъ крестовъ не цѣловати». Каждый присягалъ по своей вѣрѣ. Къ кресту ставились три раза, и только въ третью ставку давалась присяга. Читалась ли предъ присягою выпись изъ правилъ св. отецъ, которую мы находимъ позже, въ эпоху Уложенія, утвердительно сказать невозможно; но сходство одного мѣста въ Стоглавѣ (гл. 36 и 38) съ этою выписью заставляетъ думать, что чтеніе ея было въ обычаѣ и въ эту эпоху. Того изъ тяжущихся, который долженъ

былъ присягнуть, отдавали на поруки. Это доказываетъ, что присяга давалась не тотчасъ по судоговореніи. Въ случаѣ неявки тяжущагося къ крестному цѣлованію взысканіе падало на поручителей.

Законодательство не смотрѣло благопріятно и на присягу, хотя и предпочитало ее поединку. Уже по самой связи ее съ полемъ такой взглядъ былъ естественъ; но нерасположеніе усиливалось сверхъ того тѣми частыми ложными присягами, которыя были неизбѣжны при столь общемъ употребленіи этого доказательства. Извѣстно, что у насъ самое слово: *ротитель* (присягающій) пріобрѣло значеніе клятвопреступника. Стоглавъ наполненъ запрещеніями не цѣловать креста на кривѣ. Поэтому законодательство всѣми мѣрами старалось какъ ограничить употребленіе присяги, такъ и сообщить ей важность, устранивъ слишкомъ легкое къ ней обращеніе тяжущихся. Мы уже видѣли, что вмѣстѣ съ ограниченіемъ поединка, указъ 1556 года августа 21-го, предписалъ и къ присягѣ обращаться только за неимѣніемъ другихъ доказательствъ. Позже это правило безпрестанно повторяется въ уставныхъ грамотахъ: крестное цѣлованіе присуждается только, когда нельзя дознаться истины посредствомъ другихъ доказательствъ: «чего сыскъ не иметъ». Постановленіемъ этого правила присяга сама собою исключалась изъ большей части дѣлъ поземельныхъ и основанныхъ на крѣпостныхъ актахъ. Но окончательно она не была устранена въ этомъ періодѣ. Тяжущіеся продолжали просить *вѣры* и по дѣламъ этого рода, только давалась она имъ все рѣже и рѣже. Съ цѣлію дать присягѣ характеръ правдивости законодательство постепенно опредѣляло тѣ условія, при которыхъ она должна была происходить.

Прежде всего требовалось опредѣлить на кого изъ тяжущихся падаетъ обязанность дать присягу въ случаѣ ея присужденія. Рѣшеніе этого вопроса находится въ тѣсной связи со всею исторіею присяги, съ постепеннымъ измѣненіемъ взгляда на ея характеръ. Въ древнѣйшее время, по всей вѣроятности, присягалъ истецъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда присяга была самостоятельнымъ доказательствомъ, а не служила замѣною пое-

днику, ибо при общемъ довѣріи къ присягѣ дать ее было не легче, чѣмъ представить какое либо доказательство. Такъ въ Русской Правдѣ присяга большею частію дается въ подтвержденіе иска, съ немногими исключеніями. Да и самыя исключенія основываются на томъ, что искъ не опровергается прямо отвѣтчикомъ, но послѣдній приводитъ въ свое оправданіе какое либо извиняющее обстоятельство, напр. что онъ купилъ чужаго холопа по невѣденію. Остатокъ этого взгляда на присягу мы видимъ еще въ одной челобитной XVI вѣка, гдѣ самая обязанность отвѣтчиковъ дать присягу основывается истцами на томъ, что, сдѣлавъ насиліе, отвѣтчики выразили притязаніе на спорную землю и потому должны поддержать свое притязаніе. Такой выводъ доказываетъ, что понятія о присягающей сторонѣ вообще не были выработаны. Вотъ подлинныя слова этой замѣчательной челобитной. «И наши, государь, монастырскые крестьяне били челомъ Кузмѣ (судьѣ): Ивановымъ дей, государь, Васильевича крестьяномъ надобна земля и лѣсъ Пречистые Богородицы и Чюдотворца Іосифа, перелѣзши изъ Бѣлевскаго уѣзда въ Козелской уѣздъ черезъ вѣковую межу городу съ городомъ; и ты, государь, вели имъ отводити землю и лѣсъ Пречистые...» Впрочемъ еще въ Русской Правдѣ есть зародышъ очистительной присяги: въ случаѣ иска о поклажѣ присягаетъ отвѣтчикъ: «занеже ему бологодѣялъ и хоронилъ товаръ его». Въ Псковской Судной Грамотѣ присяга имѣетъ характеръ очистительной и допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ представленъ безъ письменныхъ доказательствъ.

Въ московскомъ государствѣ присяга почти не является сначала самостоятельно: она только замѣняетъ поле. По этому она первоначально давалась по жребію, чтобъ совершенно замѣнить вполнѣ неизвѣстный заранѣе исходъ поединка. Эта обоюдная присяга въ XVI вѣкѣ считалась, кажется, нѣкоторыми, за особенно тяжкій грѣхъ. Въ извѣстной эпистоліи Ивашки Семенова Пересвѣтова къ Ивану Грозному говорится: «...и присужаютъ въ обидахъ поля и на обѣ стороны крестъ цѣлуютъ, и Бога гнѣватъ». Можетъ быть, присяга съ жребія потому считалась не совсѣмъ справедливою, что приводила въ искушеніе ту сторону, которой выпадалъ жребій. Уже въ первомъ Судебникѣ

замѣтны слѣды очистительной присяги отвѣтчика. Такъ въ случаѣ покупки чего либо на торгу покупщикъ защищается отъ чужихъ притязаній или показаніемъ свидѣтелей или присягою. Во второмъ Судебникѣ, по дѣламъ между чужеземцами присяга предоставляется отвѣтчику, и только по его волѣ дается истцу; но въ дѣлахъ чужеземцевъ съ Русскими присяга дается по жребію. Кромѣ того право присягать принадлежало отвѣтчику, *опосуществованному* свидѣтелемъ. Главный шагъ къ введенію общаго правила о предоставленіи присяги сдѣланъ указомъ 1556 года, августа 21-го. Здѣсь право присягать, или уступать присягу, принадлежитъ той сторонѣ, которая не требовала ея. Въ уставныхъ грамотахъ присяга предоставляется отвѣтчику, но, кажется, только по дѣламъ, основаннымъ на договорахъ (прямо это сказано о поклажѣ); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ присяга дается по жребію, кромѣ крестнаго цѣлованія между отвѣтчикомъ и послухомъ [404]). Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ періодѣ законодательство наше не дошло еще до понятія объ очистительной присягѣ.

Присягать должны были лично всѣ тѣ, кто далъ показаніе, слѣдовательно какъ сами тяжущіеся, такъ и свидѣтели. Въ древнѣйшее время, когда присяга была только введеніемъ къ поединку, тяжущіеся присягали лично даже и въ томъ случаѣ, когда слали за себя наймитовъ. Только личная присяга, кажется, и обязывала противниковъ, такъ что если присягали свидѣтели, то хотя это сообщало достовѣрность ихъ показаніямъ и могло имѣть рѣшительное вліяніе на окончаніе дѣла, но непосредственно самихъ тяжущихся не обязывало. Мы приходимъ къ такому заключенію на основаніи одной любопытной рядной 1525 года: тяжущіеся, которымъ была присуждена присяга, заключаютъ между собою договоръ и опредѣляютъ, кому изъ ихъ

---

[404]) Архивъ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, Калачова, книга 1-я, М. 1850, статья профессора Буслаева, стр. 14 и 55. Соч. г. Пахмана, стр. 86 — 100 и 187 — 197. А. И. т. I, N 105, стр. 154. Судебникъ, ст. 15 и 27. А. И. т. I, N 154, V, т III, N 92, VII, XV. А. Ю. NN 16, 32. Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 220. Исторія Гос. Рос., Карамзина, т. IX, прим. 849. А. Ю. N 299.

старожильцевъ цѣловать крестъ; а сами обязываются признать спорное право за тою стороною, которой старики дадутъ присягу. Можетъ быть однако послѣ Судебника крестное цѣлованіе и сдѣлалось ipso jure обязательно для тяжущихся. Но если присяга посторонняго лица не была непосредственно обязательна для тяжущихся, то за то въ дѣлѣ присяги допускалось представительство лицъ близкихъ къ нимъ, связанныхъ съ ними тѣснымъ юридическимъ отношеніемъ. Въ Новгородѣ мужъ присягалъ за жену, сынъ за мать; во Псковѣ, по иску объ отцовскомъ долгѣ противъ двухъ братьевъ, присягалъ одинъ старшій братъ. — Присягали ли въ это время родственники другъ за друга въ московскомъ государствѣ, въ источникахъ не видно, но такъ какъ въ Уложеніи есть этотъ родъ представительства, то надобно думать, по соображенію съ новгородскими и псковскими законами, что и въ остальной Россіи это право издревле существовало. Люди тяжущихся присягали за своихъ господъ, когда послѣднимъ жалованными грамотами дано было право не являться лично къ крестному цѣлованію. Но едва ли лица высшихъ сословій не имѣли искони этой привиллегіи. Въ одной жалованной грамотѣ 1606 года сказано, что при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всѣ торговые люди московской гостиной сотни ставили за себя къ крестному цѣлованію людей своихъ: неужели же бояре и другіе служилые люди не пользовались всѣмъ сословіемъ этимъ правомъ? Чтобъ однако не сдѣлать здѣсь произвольнаго заключенія, исчислимъ тѣ лица, о правѣ которыхъ есть положительныя свѣдѣнія. Это были: 1) именитые люди Строгановы, 2) нѣкоторые торговые люди, напр. Андрей Окуловъ, 3) вся московская гостиная сотня, 4) слуги нѣкоторыхъ монастырей, напр. Троицко-Сергіева, Ипатьевскаго, Спасскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ привиллегій было гораздо болѣе. Кажется, что такое право не было только удобствомъ, но до нѣкоторой степени и почетомъ: иначе по видимому нельзя объяснить челобитій монастырей о томъ, чтобъ монастырскимъ служкамъ креста не цѣловать, а цѣловать ихъ людямъ. Люди, принадлежавшіе тяжущимся, не пользовались однако, безусловнымъ довѣріемъ: выборъ того изъ нихъ, который долженъ дать присягу, принадлежалъ всегда противной сторонѣ, ибо условіе присяги есть довѣріе къ ней

всѣхъ сторонъ. Изъ этого правила сдѣлано указомъ 1629 года, ноября 21-го только одно исключеніе: если въ жалобѣ истца вмѣстѣ съ главнымъ отвѣтчикомъ написанъ и его человѣкъ, то истецъ не имѣетъ права устранять послѣдняго отъ присяги, говоря, что онъ ему не вѣритъ, а вѣритъ другому человѣку отвѣтчика. Люди, не связанныя съ тяжущимся никакимъ отношеніемъ, кромѣ договора, не могли присягать за него. Такъ указомъ 1625 года мая 20-го предписано: «наемнымъ людемъ и подставою креста цѣловати не велѣти».

Опредѣливъ условія, при которыхъ совершается присяга, законъ въ тоже время стремится устранить отъ нея всѣ тѣ лица, отъ которыхъ, по самому характеру ихъ, нельзя было всегда ожидать справедливой присяги. Въ слѣдствіе этого тѣмъ же указомъ 1625 года мая 20-го запрещено допускать къ крестному цѣлованію слѣдующія лица: а) несовершеннолѣтнихъ, моложе 20 лѣтъ. Они должны ставить за себя людей своихъ; но если «людей у нихъ нѣтъ», и «перемѣнить ихъ некѣмъ», то и они могутъ цѣловать крестъ. б) Люди тяжущихся, которые уже три раза цѣловали крестъ за своихъ господъ: въ четвертый разъ послѣдніе должны были представить другаго своего человѣка.— Сверхъ того духовенство было избавлено отъ крестнаго цѣлованія, замѣненнаго жребіемъ въ слѣдствіе требованія особенной чистоты отъ этого сословія. Мы уже видѣли, какъ возникло это исключеніе. Замѣчательно, что право жребія вмѣсто присяги было присвоено даже патріаршими и архіерейскими дѣтьми боярскими, приказными и дворовыми людьми и крестьянами, а также и монастырскими слугами и крестьянами. Уже въ 1642 году указомъ отъ 11-го марта, изданнымъ въ слѣдствіе челобитья дворянъ и дѣтей боярскихъ царь Михаилъ Ѳеодоровичь, возстановилъ прежнее правило, предписавъ давать жребій съ самимъ духовенствомъ, а крестное цѣлованіе съ подчиненными ему лицами.

Наконецъ въ началѣ XVII-го же вѣка положена была преграда и безграничному дѣйствію присяги. Ослабленіе общественнаго довѣрія къ этому доказательству видно въ это время особенно изъ указа 1629 года ноября 21-го, гдѣ говорится, что по большимъ

искамъ, цѣною въ триста и болѣе рублей, тяжущіеся нерѣдко били челомъ, чтобъ противная сторона выставила къ крестному цѣлованію трехъ человѣкъ, «по человѣку на сто рублей», потому что искъ великой, одному человѣку онъ не вѣритъ». Но государь указалъ и въ этомъ случаѣ присягать одному лицу, по выбору противника. Еще ранѣе, указомъ 1628 г. января 15-го велѣно, въ случаѣ крестнаго цѣлованія по дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ и ихъ имуществахъ, цѣнить каждаго крестьянина въ четыре рубля, а имущество его въ пять рублей. Давшій ложную присягу подвергался наказанію [405]).

c) Послѣднее мѣсто между различными формами суда божія занимаетъ жребій. Какъ самостоятельное доказательство онъ появляется очень поздно. По свойству всѣхъ низшихъ формъ нашихъ ордалій, — служить вспомогательнымъ средствомъ или указаніемъ при допущеніи высшихъ, жребій долго употреблялся у насъ только для опредѣленія, кому слѣдуетъ дать присягу. Но извѣстно, что какъ скоро одна изъ формъ ордалій была отмѣняема, такъ непосредственно слѣдовавшая за нею получала значеніе самостоятельнаго доказательства. По этому вскорѣ послѣ Судебника жребій получаетъ двоякое назначеніе: а) вспомогательнаго средства, и б) самостоятельнаго доказательства. Въ послѣднемъ смыслѣ онъ, какъ мы видѣли, былъ употребляемъ духовенствомъ. Въ Стоглавѣ ему какъ будто въ особенности приписывается значеніе суда божія: о немъ говорится: «возложити на судьбы божіи». — Жребій бросали слѣдующимъ образомъ: судьи брали два восковыхъ шарика: одинъ съ именемъ истца, другой съ именемъ отвѣтчика, подзывали посторонняго человѣка изъ толпы зрителей, кидали ему шарики въ шапку и приказывали вынуть одинъ изъ нихъ. Такъ описывалъ обрядъ жребія въ 1560 году англійскій купецъ Лэнъ (Henrie Lane). Изъ его словъ (онъ говоритъ о собственномъ дѣлѣ и не упоминаетъ о присягѣ: жребіемъ дѣло окончилось) слѣдовало бы заключить, что крестнаго цѣлованія не было для иностранцевъ; но

[405]) Судебникъ, ст. 19. С. Г. Г. т. II, N 196. А. А. Э. т. II, N 49. А. И. т. III, NN 10, 92, VII, XII, XV, XXXIII. А. Ю. N 258.

изъ Судебника мы знаемъ, что оно было и въ этомъ случаѣ. Какъ согласить это противорѣчіе [406])?

Ордаліями исчерпывалось древнѣйшее судопроизводство, которое все находилось въ рукахъ тяжущихся. Но естественно, что въ тѣхъ дѣлахъ, которыми оно было лично заинтересовано, правительство не могло ограничиться этими бѣдными средствами, оставлявшими столько мѣста произволу. Требовалась болѣе прочная основа, на которую бы можно было положиться. Эту основу представлялъ повальный обыскъ.

IV. Повальный обыскъ, какъ справедливо замѣчаютъ наши изслѣдователи, былъ голосомъ общины, голосомъ міра. Отсюда безусловная сила этого доказательства. Уже въ Русской Правдѣ мы видимъ, что свидѣтельству постороннихъ очевидцевъ придается важное значеніе, признанное за нимъ и Псковскою Судною Грамотою. Но постоянною, неизбѣжною принадлежностію той или другой формы процесса обыскъ могъ сдѣлаться только тогда, когда законъ началъ обращать особенное вниманіе на нѣкоторыя дѣла. Отсюда объясняется позднее появленіе этого доказательства въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ. Дѣла, въ которыхъ прежде всего появился обыскъ въ качествѣ непремѣннаго доказательства, были: а) межевыя. Здѣсь обыскъ, кажется, существовалъ издревле, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда не было спора, но дѣло просто шло объ опредѣленіи границъ. Впрочемъ на свидѣтельство постороннихъ людей, въ которыхъ нельзя не видѣть зародышъ обыска, ссылаются старожильцы даже и по спорнымъ дѣламъ. «а въ межахъ.. тому лугу доброй человѣкъ волостной...» Въ царствованіе Ивана Грознаго мы встрѣчаемъ даже по спорнымъ межевымъ дѣламъ, въ случаѣ неявки одного изъ тяжущихся, повальный обыскъ (въ отличіе отъ показаній старожильцевъ), какъ единственную форму производства. Позже межевой обыскъ былъ постоянною принадлежностію, какъ размежеванія, такъ и спора о границахъ; но съ обыскомъ соединялась и справка по документамъ. б) Позже межевыхъ дѣлъ по-

---

406) А. И. т. I, № 153. Исторія Госуд. Рос., Карамзина, т. IX, примѣчаніе 788. Ср. Судебникъ, ст. 27.

явился обыскъ, кажется, по дѣламъ помѣстнымъ. Здѣсь онъ употреблялся какъ для первоначальной справки помѣстья, такъ и въ слѣдствіе спора; но не былъ, кажется, необходимою формою: иногда дѣло рѣшалось и простою справкою по записнымъ книгамъ. в) Ранѣе помѣстныхъ дѣлъ мы встрѣчаемъ обыскъ по дѣламъ татинымъ и разбойнымъ. Здѣсь онъ имѣетъ значеніе формальнаго слѣдствія и служитъ главнымъ образомъ для опредѣленія той улики, которая была поводомъ къ допущенію уголовнаго процесса, т. е. для узнанія репутаціи подсудимаго. д) Въ слѣдъ за этими дѣлами мы встрѣчаемъ въ началѣ XVII вѣка упоминовеніе объ обыскѣ по дѣламъ о корчемствѣ и продажѣ табаку. — е) Еще ранѣе, въ одно время съ разбойными дѣлами къ повальному обыску прибѣгали въ слѣдствіе аппелляціонной жалобы, и даже въ томъ случаѣ, когда жаловались судьѣ на неправильность собственнаго его рѣшенія. И такъ первоначально повальный обыскъ былъ непремѣннымъ доказательствомъ только по дѣламъ, такъ сказать, государственнымъ. По дѣламъ же частнымъ обыскъ долго не появлялся даже въ качествѣ неотводимаго доказательства. Изъ дополнительнаго указа къ Судебнику мы узнаемъ, что до этого время судьи вмѣсто того, чтобъ допустить обыскъ, назначали иногда поле или присягу. Судебникомъ въ зависимости отъ обыска поставлено начало дѣла между городскими посадскими людьми: этимъ способомъ опредѣлялась соотвѣтственность наличнаго имущества суммѣ иска, въ предупрежденіе поклеповъ. Первый шагъ къ перевѣсу повальнаго обыска надъ всѣми прочими доказательствами былъ сдѣланъ Стоглавомъ, который, запретивъ по духовнымъ дѣламъ поединки и присягу, предписалъ вершить дѣло на основаніи повальнаго обыска. Рѣшительное преимущество передъ свидѣтелями и ордаліями обыскъ получилъ въ указѣ 1556 года. Съ этихъ поръ нельзя было его отводить. Въ несудебномъ отношеніи обыскъ употреблялся всякій разъ, когда надобно было опредѣлить дѣйствительность какаго - либо событія: отсюда обыски для брака, для похоронъ.

Правила о требуемыхъ свойствахъ и производствѣ повальнаго обыска въ первый разъ опредѣлены указомъ 21-го августа 1556 года. Условія, которыми обыскъ отличается отъ свидѣтель-

ства и которыя даютъ первому рѣшительную силу, суть слѣдующія: а) обыскъ есть свидѣтельство безъименное, т е. лицъ не поименованныхъ отдѣльно тяжущимся. До этого времени обыскъ, кажется, смѣшивали иногда съ простымъ свидѣтельствомъ, и потому требовали поименованія обыскныхъ людей. Такъ въ одной правой грамотѣ 1530 года отвѣтчикъ ссылается на всю волость, а судья обвиняетъ его за то, что онъ не назвалъ поименно своихъ сосѣдей. — б) Второе условіе состоитъ въ многолюдствѣ. Если тяжущійся ссылался на пять или шесть человѣкъ и притомъ называлъ ихъ, и они не оказывались людьми особенно достовѣрными, то обыскъ устранялся. Сколько именно лицъ нужно было для того, чтобъ обыскъ имѣлъ правильный характеръ, этого не опредѣлено; но кажется, что вообще малолюдность отнимала силу у показанія обыскныхъ людей. Исключеніе сдѣлано Судебникомъ по дѣламъ уголовнымъ: для обвиненія въ воровствѣ достаточно показаній 10—15 боярскихъ дѣтей, или 15—20 крестьянъ; но и тутъ требуется, чтобъ такіе обыскные люди были люди добрые, т. е. извѣстные: между крестьянами должны быть цѣловальники. Однако и при этомъ условіи обвиняемый не подлежитъ уголовному процессу, если на него по другимъ дѣламъ не было доводовъ: онъ только отдается на поруки и обязывается заплатить истцову гибель. Послѣ требуемое количество обыскныхъ людей было распространено: въ уставныхъ грамотахъ требуется отъ 50 до 100 человѣкъ.

Когда надобно было произвести повальный обыскъ, то изъ приказа посылалась наказная память къ мѣстному начальству: во время указа 1556 г. — къ старостамъ и цѣловальникамъ, позже къ воеводѣ. Мѣстный начальникъ или самъ производилъ обыскъ, или давалъ порученіе своему подчиненному, котораго снабжалъ отъ себя наказною памятью. Въ этой наказной памяти излагался по статьямъ (т. е. по пунктамъ) весь предметъ допроса, а также повторялись и всѣ правила объ обыскѣ, установленныя помянутымъ указомъ. Въ наказной памяти иногда просто предписывалось изслѣдовать большимъ повальнымъ обыскомъ, иногда же опредѣлялись приблизительно самые предѣлы обыска, напр. «обыскати большимъ обыскомъ на всѣ четыре стороны, версты по двѣ и по три, и по пяти, и по шти, и по

десяти, и по пятинадцети, и больши»; иногда предписывалось обыскать даже и далѣе 30 верстъ. Впрочемъ такое числовое опредѣленіе дѣлалось большею частію только въ случаѣ обыска въ волостяхъ. Посланный съ наказною памятью недѣльщикъ не долженъ мѣшаться въ производство повальнаго обыска. Тяжущіеся также высылаются изъ мѣста производства обыска. Это запрещено для того, чтобъ истцы и отвѣтчики не объѣзжали и не уговаривали обыскныхъ людей. Если тяжущійся былъ уличенъ въ такихъ противозаконныхъ поступкахъ, то этого было достаточно для его обвиненія. Производящій обыскъ долженъ дѣлать допросъ «сряду съ одного, а не выборомъ» и не принимать показаній отъ семей и заговоровъ. Вообще онъ долженъ заботиться о правдивости показаній и, если узнаетъ, что обыскные люди говорятъ семьями и заговорами, то долженъ дать о томъ знать начальству. Тоже обязанность надзора лежитъ на всякомъ землевладѣльцѣ относительно его крестьянъ. Писать за очи обыскныя рѣчи запрещается, и потому всѣ обыскные люди требуются въ этомъ случаѣ изъ уѣзда въ городъ. Допросъ дѣлается духовенству по священству и иноческому обѣщанію, а остальнымъ людямъ по крестному цѣлованію. Обыкновенно думаютъ, что послѣднее означаетъ присягу, даваемую передъ допросомъ, но кажется, что сначала здѣсь разумѣлась вообще присяга государю. Обыскныя рѣчи излагались въ особенномъ спискѣ, послѣ поименнаго исчисленія обыскныхъ людей и скрѣплялись или ихъ собственною подписью, или подписью ихъ духовныхъ отцевъ. Обыщикъ прилагалъ къ списку свою печать. Списокъ отсылался съ тѣмъ же приставомъ и вмѣстѣ съ отпискою производившаго обыскъ. Эта отписка содержала въ себѣ повтореніе наказной памяти и обыскнаго списка. Запрещалось высылать за спискомъ обыскныхъ людей и читать этотъ списокъ, для повѣрки, передъ тяжущимися. Судьи обязаны были вѣрить обыскнымъ рѣчамъ безусловно, если изъ самаго обыска не открывалась ихъ недостовѣрность. Эта недостовѣрность открывалась сама собою вслѣдствіе разногласія обыскныхъ людей. Здѣсь могли представиться слѣдующіе случаи: а) обыскные люди могли раздѣлиться на большинство и меньшинство. Въ этомъ случаѣ дѣло рѣшалось на основаніи показанія большинства, и взысканіе про-

изводилось съ обвиненнаго; но послѣ суда судьи съ доклада государю, поручали какому нибудь знатному духовному лицу изъ жившихъ на мѣстѣ обыска (архіерею, архимандриту, или игумну) разузнать, которая половина обыска солгала; въ слѣдствіе донесенія этого лица солгавшая половина подвергалась наказанію. б) Обыскные люди могли раздѣлиться на двѣ равныя половины. Въ этомъ случаѣ рѣшеніе пріостанавливалось и назначался другой обыскъ въ большемъ объемѣ, въ который входили, кромѣ прежнихъ, еще и новыя лица. Этотъ обыскъ и рѣшалъ дѣло. Солгавшая половина подвергалась слѣдующему наказанію: изъ каждыхъ ста человѣкъ выбирали по пяти или шести лучшихъ людей и били ихъ кнутомъ, а духовенство отсылали, для наказанія, къ мѣстному епископу; обыскные люди этой половины должны были вознаградить оправданнаго за всѣ его убытки, кромѣ иска; за пытку въ слѣдствіе ихъ ложнаго показанія они платили пытанному безчестье. Лица, давшія разныя показанія въ первомъ и во второмъ обыскѣ, подвергались тому же наказанію. Такія строгія мѣры, конечно были необходимы. Но нельзя однако не замѣтить, что онѣ шли отчасти далѣе своей цѣли, застращивая напередъ обыскныхъ людей: иначе нельзя, кажется, объяснить той частой отговорки незнаніемъ, которую мы находимъ въ дошедшихъ до насъ обыскныхъ спискахъ [407]).

V. Послѣднее мѣсто по времени своего происхожденія занимаютъ письменныя доказательства. Трудно рѣшить, къ какому именно времени относится ихъ появленіе, но особенное ихъ развитіе начинается, повидимому, только съ XVI вѣка. Первоначальное ихъ назначеніе состояло, разумѣется, болѣе въ сохраненіи па-

[407] Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, соч. К. Д. Кавелина, М. 1844, стр. 97. — О судебныхъ доказательствахъ, соч. г. Пахмана, стр 19 и 20. Ср. г. Тобіена: «Die Prawda Russkaja», 9-й тезисъ. — Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 204 и 225. А. Ю №№ 59, 163. Воронежскіе акты, т. I, № 7, стр. 133, т. II, № XLIV, стр. 2. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 1—41. — Судебникъ, ст. 3, 7 и пр. А. И. т. I, №№ 154, V, 155. А. Ю. № 18. — Судебникъ, ст. 58 А. И. т. I, № 165. Старинные Акты Шуи, №№ 9, 16, 19, 24, 47. Татищевъ, стр. 147, примѣчаніе (б).

мяти о юридическомъ актѣ, чѣмъ въ сообщеніи послѣднему законной силы: отсюда самыя названія *память* и *запись*. Значеніе письменныхъ доказательствъ въ судопроизводствѣ есть двоякое: а) съ одной стороны, они представляются собственно доказательствами, т. е. подкрѣпленіемъ спорнаго права, б) съ другой же стороны они составляютъ самое основаніе иска. Само собою, разумѣется, что въ первомъ смыслѣ употребленіе ихъ началось ранѣе, нежели во второмъ.

Въ первомъ отношеніи слѣдуетъ различать акты, составленные частными лицами и акты офиціальные. Къ частнымъ актамъ принадлежатъ: духовныя, рядныя, кабалы заемныя и служилыя, купчія, закладныя раздѣльныя и другіе договорные акты; къ оффиціальнымъ полныя и докладныя, бѣглыя и правыя грамоты, жалованныя грамоты и межевые акты. Акты перваго рода, разумѣется, ни коимъ образомъ не могли имѣть важной силы. Они только служили поводомъ къ ссылкѣ на прежняго владѣльца. Послѣдній долженъ былъ доказать свое право, при чемъ для опроверженія его допускались всѣ средства, даже ордаліи. Безусловную силу они имѣли только относительно лицъ договорившихся между собою, но и тутъ возможно было опроверженіе, ибо можно было доказывать недѣйствительность акта, даже облеченнаго самою строгою формою по тогдашнему времени. Для удостовѣренія въ дѣйствительности вызывали свидѣтелей и дьяка, писавшаго актъ, которые должны были дать единогласное показаніе, или рѣшить споръ между собою судомъ божіимъ. При столкновеніи двухъ договорныхъ актовъ, напр. двухъ купчихъ, преимущество отдавалось позднѣйшему, потому что онъ доказывалъ ближайшій переходъ собственности. Отсутствіе формальностей въ актѣ дѣлало его недѣйствительнымъ. Актъ, неоспоренный противникомъ, имѣлъ, кажется, безусловную силу и недопускалъ опроверженія другими доказательствами. Наибольшимъ довѣріемъ пользовались изъ актовъ этого рода, кажется, духовныя.

Большимъ, но тоже далеко не безусловнымъ довѣріемъ, пользовались оффиціальные документы. Трудно, кажется, опредѣлить которые изъ нихъ имѣли бóльшую силу и которые меньшую. Степень довѣрія къ нимъ соразмѣрялась съ большею или мень-

шею достовѣрностію формы, и съ тѣмъ понятіемъ, которое имѣли объ отношеніи содержанія къ формѣ. Въ слѣдствіе этого самою меньшею силою пользовались, кажется, правыя грамоты, ибо онѣ почти приближались, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, къ частнымъ актамъ. Съ одной стороны, судебное рѣшеніе нисколько не было обязательно для постороннихъ лицъ и потому не могло ослаблять ихъ права; съ другой, самый способъ ихъ совершенія не могъ доставить имъ полной достовѣрности: за исключеніемъ московскихъ приказовъ, единственное средство удостовѣриться въ подлинности правой грамоты состояло въ справкѣ съ докладнымъ или суднымъ спискомъ, на основаніи котораго она была выдана; но эта справка нерѣдко была довольно затруднительна: докладной списокъ хранился у судьи и оставался въ его семействѣ даже и послѣ его смерти, въ слѣдствіе чего иногда было трудно и отыскать этотъ списокъ. Подобный примѣръ мы встрѣчаемъ еще и послѣ Судебника. Такъ въ одной разъѣзжей грамотѣ 1552 года сказано, что когда отвѣтчикъ положилъ, на докладѣ передъ государемъ, прежняго суда правую грамоту, представленную имъ въ качествѣ доказательства, то велѣно было справиться съ докладнымъ спискомъ, хранившимся у судьи; но судья уже умеръ, а дѣти его такаго списка у себя не сказали. Этимъ объясняется, почему въ древнѣйшихъ судныхъ дѣлахъ попадается иногда такой вопросъ судьи: «опричь вашее правые грамоты, есть ли у тебя на тотъ лугъ иной доводъ»? Впрочемъ, въ слѣдствіе постановленій Судебника, это неудобство должно было встрѣчаться уже рѣже прежняго. Столь же малымъ довѣріемъ пользовались и бѣглыя грамоты, находившіяся въ тѣхъ же условіяхъ. Принимая въ соображеніе правую грамоту, приводимую тяжущимся, судьи, по крайнѣй мѣрѣ до втораго Судебника, не были обязаны принять ея содержаніе за безспорную истину, но могли подвергнуть его своему обсужденію: такъ въ одномъ судномъ спискѣ 1503 года, по прочтеніи приведенной въ доказательство правой грамоты, судьи разсматриваютъ ея содержаніе и, найдя въ ней ссылку на другой, прежній судъ, справляются съ актами послѣдняго и отдаютъ ему преимущество. Большую силу имѣли межевые акты, но и здѣсь была своего рода постепенность: акты,

выданные самимъ владѣльцамъ, т. е выписи и разъѣзжія грамоты, не были безусловными доказательствами; ихъ вліяніе на судебное рѣшеніе находилось подъ условіемъ ссылки на разъѣзжихъ мужей, которыхъ показаніе утверждало ихъ формальную несомнѣнность. Поэтому всегда можно было ослаблять силу такаго межеваго акта, заподозрѣвая его согласіе съ межеваніемъ. Писцовыя книги, сотныя и проч. были доказательствомъ болѣе несомнѣннымъ, но только въ формальномъ, а не въ матеріальномъ отношеніи: фактъ подтверждался ими, но право еще нисколько; ибо, употребляя позднѣйшее выраженіе, при межеваніи не всегда происходили ревизія и редукція, иногда суда въ спорныхъ земляхъ вовсе не было, и въ межевыя книги записывался одинъ фактъ. Отсюда возможность безчисленныхъ отговорокъ, которыми ослаблялась сила этихъ актовъ. Иногда истецъ объявлялъ судьѣ, что не сказывалъ писцамъ о своемъ правѣ, потому что въ то время не могъ еще выкупить своей земли; иногда тяжущіеся говорили. «писцы, господине, насъ о томъ не пытали, а того не сбыскивали»; а въ одномъ судномъ дѣлѣ 1501 года, іюля 20-го отговорка еще интереснѣе. Тяжущійся ссылается не на рѣшеніе, но на мнѣніе судьи: «послѣ, господине, Ивана Волынскаго писалъ Ѳедоръ Киселевъ, и язъ, господине, Ѳедору на архимандрита и на его христіанъ билъ же челомъ, и Ѳедоръ, господине, мнѣ былъ на архимандрита, и пристава далъ, и Ѳедоръ, господине, на землѣ былъ, а архимандритъ, господине, Никандро на землѣ не сталъ, и Ѳедоръ, господине, на архимандрита и бранилъ, а управы мнѣ не учинилъ...» Понятно, что при такой неизвѣстности, было ли писцами обращено вниманіе на самое право, нельзя было принимать межевыя книги за неопровержимое доказательство. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что иногда дѣло рѣшалось противъ свидѣтельства напр. городской сотницы, ничѣмъ прямо не опровергнутой. Оттого-то въ поземельныхъ дѣлахъ рядомъ съ межевыми актами мы встрѣчаемъ и повальный обыскъ. — Гораздо болѣе силы имѣли такіе оффиціальные акты, которыми не прежнее удостовѣрялось, но давалось новое право, ибо здѣсь безспорностію факта утверждалась и несомнѣнность права. Такъ полныя и докладныя грамоты имѣли безусловную силу. Второй Судебникъ

установилъ даже способъ рѣшенія на случай столкновенія такихъ двухъ грамотъ: преимущество отдается той изъ нихъ, которая старѣе, а владѣльцу новѣйшей предоставляется право суда съ *своимъ заклоремъ*, т. е. съ тѣмъ, отъ кого сдѣлано пріобрѣтеніе. Татищевъ видитъ однако опасность и въ этомъ безусловномъ довѣріи къ старѣйшимъ грамотамъ. Передъ всѣми остальными актами полнымъ и докладнымъ отдается преимущество. — Безусловнымъ же довѣріемъ пользовались относительно своего содержанія жалованныя грамоты. Въ дѣйствительности формы удостовѣряли печать и подпись дьяка. Если же было какое нибудь сомнѣніе на счетъ достовѣрности послѣднихъ, то средствами убѣжденія были: а) показаніе дьяка, б) сличеніе подписи на грамотѣ съ другою того же лица. «Добывать руку дьяка» для этой цѣли обязаны были сами тяжущіеся. в) Наконецъ, справка съ другимъ спискомъ той же грамоты въ казнѣ государевой. Кромѣ жалованныхъ грамотъ, пользовались еще довѣріемъ, подъ тѣми же условіями, записныя книги московскихъ приказовъ. Вообще чѣмъ древнѣе юридическіе памятники, тѣмъ болѣе замѣтно въ нихъ недовѣрія къ письменнымъ доказательствамъ. Вѣроятно, по этой причинѣ пріобрѣтеніе собственности обыкновенно сопровождалось совершеніемъ нѣсколькихъ актовъ. Этимъ пріобрѣтатели старались обезпечить свои права. Въ одной правой грамотѣ 1534 года истецъ ссылается на четыре акта: купчую, зарядную запись, заемную кабалу, платежную запись, и наконецъ безсудную грамоту. Отвѣтчикъ отвергаетъ всѣ эти акты, какъ вынужденные насиліемъ.

Для основанія иска необходимость документовъ признана была гораздо позже. Первую попытку дать искамъ несомнѣнное, прочное основаніе, и устранить по возможности поклепные иски мы находимъ во Псковѣ: судною грамотою 1467 года велѣно было займы выше рубля обезпечивать закладомъ; доски, какъ документъ займа, были признаны недѣйствительными. О ходѣ этого вопроса въ московскомъ государствѣ сказано было выше [408]).

---

408) А. Ю. №№ 2, 16, 19, 20, 23. Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 203 и 225. — А. Ю. №№ 5, 6, 11, 15. Опис. Госуд.

Что касается до отношенія письменныхъ актовъ къ другимъ доказательствамъ, то въ разсматриваемую эпоху они опровергались еще всѣми средствами: и свидѣтелями, и другими документами, и ордаліями, и повальнымъ обыскомъ. Позже, подъ конецъ періода, мы встрѣчаемъ противъ документовъ только документы же, показанія свидѣтелей, участвовавшихъ въ ихъ составленіи и повальный обыскъ. Этимъ подготовлялось отдѣленіе вотчиннаго судопроизводства отъ исковаго, ибо главную роль играли документы въ первомъ.

Таковъ былъ составъ доказательствъ; но ими не исчерпывались судебныя средства отысканія истины. Уже съ XVI вѣка по дѣламъ чисто-гражданскимъ мы находимъ непосредственную дѣятельность самаго судьи съ цѣлію отыскать точку опоры для своего суда, несомнѣнный исходный пунктъ для него. Такими средствами были: а) личный осмотръ въ случаѣ исковъ о боѣ и грабежѣ, для опредѣленія, точно ли нанесено увѣчье. Позже для той же цѣли дѣлался повальный обыскъ; б) предварительный обыскъ по дѣламъ между посадскими и волостными людьми; в) обыскъ въ домѣ отвѣтчика, если его обвиняли напр. въ составленіи подложныхъ актовъ, и наконецъ г) повальный обыскъ, предпринимаемый не по просьбѣ тяжущихся, но самимъ судьею, по дѣламъ вотчиннымъ для опредѣленія, за кого давность владѣнія [409]). Все это было уже слѣдствіемъ.

По окончаніи судоговоренія и составленіи суднаго списка дѣло обсуждалось судьями, и постановлялось судебное рѣшеніе. Но до этого заключительнаго акта процесса было въ волѣ спорящихъ сторонъ и не допустить дѣло: онѣ могли помириться. Миръ могъ быть заключенъ во всѣ періоды процесса: такъ мы видимъ, что тяжущіеся мирятся и не ходя въ судъ, а также и послѣ подачи челобитной, и даже по окончаніи судоговоренія, когда уже былъ назначенъ срокъ для явки къ докладу. Не было

Арх. старыхъ дѣлъ, стр. 217—218. Судебникъ, ст. 78 и 79. Акты, относящіеся до юрид. быта древней Россіи, т. I, N 52, V. — Псковская Судная грамота, ст. 29 и 30.

[409]) А. Ю. N 17, стр. 35. Ср. N 61. Акты, отн. до юрид. быта др. Россіи, т. I, N 52, V. А. Ю. N 6, стр. 11.

такаго дѣла, которое бы не могло быть окончено подобнымъ образомъ: даже по дѣламъ уголовнымъ мы встрѣчаемъ мировыя записи до самаго конца XVII вѣка, хотя указомъ 1624 г. августа 5-го это и было запрещено. По какимъ страшнымъ дѣламъ заключались иногда мировыя, всего лучше можно видѣть изъ двухъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1616 году бывшій работникъ Никиты Строганова, Яковъ Литвиновъ, вытребованный въ Москву для какаго-то государева дѣла, жаловался, что Строгановъ отнялъ у него сто рублей денегъ; «а тѣ де онъ деньги взялъ на зятѣ своемъ за убитую свою дочерь». Въ 1640 году, шестнадцать лѣтъ послѣ запретительнаго указа, черный попъ Никандръ заключилъ сдѣлку съ убійцами своего сына, обѣщавшись не искать на нихъ «ножеваго рѣзанья»! — Записи писались всегда съ *зарядомъ*, т. е. съ неустойкой, ибо не были обязательны для самихъ судей, и послѣ ихъ заключенія всегда можно было взять правую грамоту. Пошлины платились съ тѣхъ судебныхъ дѣйствій, которыя были, до заключенія сдѣлки, совершены тяжущимися, и, вѣроятно, платились обѣими сторонами [410]. Кромѣ этого способа можно было, не допуская дѣло до рѣшенія, передать его на разсмотрѣніе третейскаго суда.

Судебное рѣшеніе могло быть дано съ доклада или безъ доклада, и сообразно этому измѣнялось въ своемъ объемѣ. Скажемъ сначала о его обязательной силѣ, потомъ о его объемѣ, формѣ и способахъ исполненія.

Чѣмъ выше мы восходимъ въ исторіи, тѣмъ менѣе обязательной силы мы видимъ за судебнымъ рѣшеніемъ. Естественное правило, что оно простирается только на тѣ лица, между которыми происходилъ самый судъ, соблюдалось у насъ во всей его строгости, такъ что даже присутствіе на судѣ въ качествѣ суднаго мужа считалось только удостовѣреніемъ въ дѣйствительности суда, а не согласіемъ съ его результатомъ. Еще въ XIV вѣкѣ мы находимъ въ одномъ судномъ дѣлѣ ясное на этотъ счетъ свидѣтельство: «И судья, выслушавъ списокъ съ грамоты

---

410) А. Ю. NN 269—277. Судебникъ, ст. 9 и 10. А. И. т. III, N 68. Доп. къ А. И. т. II, N 70.

(правой, представленной истцомъ), да вспросилъ Сенки Терпилова (отвѣтчика): написанъ еси въ той грамотѣ судной мужъ, былъ ли таковъ судъ Леонтью Васильеву съ митрополичимъ посельскимъ съ Данилкомъ о томъ лугу; а ты былъ ли на таковѣ судѣ? И Сенька Терпиловъ тако рекъ: былъ, господине, таковъ судъ митрополичу посельскому Данилку съ Леонтьемъ Васильевымъ о томъ лугу; а язъ, господине, на томъ судѣ былъ въ мужѣхъ. А изстарины, господине, тотъ лугъ—земля великаго князя моее деревни Дорофеевской». Это свидѣтельство тѣмъ замѣчательнѣе, что искъ былъ вещный. Единственное исключеніе составляло уголовное судопроизводство, гдѣ взысканіе падало на всѣхъ вытчиковъ, т. е. участниковъ въ преступленіи, или близкихъ къ преступнику людей; а уплачивалось всѣмъ, кто пострадалъ отъ незаконнаго дѣйствія. Но не только для лицъ постороннихъ рѣшеніе судьи не было обязательно, оно не многимъ болѣе связывало и самихъ тяжущихся. Будучи скорѣе окончаніемъ спора, чѣмъ установленіемъ права, оно вело ко взысканію, но не имѣло незыблемаго характера: въ другое время передъ другимъ судьею дѣло очень могло быть пересмотрѣно. Въ одномъ судномъ спискѣ 1504 года апрѣля 25-го судья сравниваетъ между собою два прежнихъ рѣшенія, и новѣйшее изъ нихъ отвергаетъ, какъ не основанное на первомъ. Самая возможность три раза тягаться передъ разными судьями доказываетъ, какъ мало челобитчики стѣснялись прежними рѣшеніями. Такое положеніе дѣла было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ той малой достовѣрности, которую въ древнѣйшее время имѣли у насъ письменные акты. Къ тому же несправедливые, совершенные съ явнымъ пристрастіемъ суды не были такою рѣдкостію, чтобъ можно было совершенно положиться на однажды произнесенное рѣшеніе. Всѣ эти причины дѣлали возобновленіе вершенныхъ дѣлъ очень легкимъ. Отсюда понятно, почему у насъ въ старину этимъ пользовались, какъ средствомъ притѣсненія. Лѣтописецъ псковскій жалуется, что въ малолѣтство Грознаго намѣстникъ князь Андрей Михаиловичъ Шуйскій притѣснялъ псковскіе пригороды и волости, «старыя дѣла исцы наряжая, правя на людехъ ово сто рублей, ово болѣ» Судебникъ стремится положить преграду этому злоупотребленію, запрещая

перевершивать старыя дѣла, даже на основаніи новыхъ законовъ [411]).

Судебное рѣшеніе заключало въ себѣ: во первыхъ, присужденіе самаго права той или другой сторонѣ, во вторыхъ, различныя взысканія въ пользу выигравшаго дѣло. Эти взысканія, когда они падали на отвѣтчика, соединялись подъ общимъ названіемъ *истцовой гибели*. Въ число ихъ входили: а) убытки истца, т. е. то, что онъ потерпѣлъ отъ незаконнаго дѣйствія отвѣтчика. Какимъ именно способомъ они опредѣлялись, это въ точности неизвѣстно. Заключая изъ правыхъ грамотъ, надобно думать, что судьи взыскивали убытки съ обвиненнаго отвѣтчика на основаніи показанія истца. Опредѣленіе убытковъ, какъ уже было нами замѣчено по поводу челобитной, дѣлалось въ очень широкихъ размѣрахъ: сюда входило не только непосредственно отнятое, не только потерянный доходъ, но также всѣ тѣ издержки, которыя могли пасть на истца впослѣдствіи, напр. по искамъ о грабежѣ, головщина, или плата за убитаго, долги послѣдняго кабальные и безкабальные. б) Если спорный предметъ не могъ быть возвращенъ въ цѣлости, то взыскивалась его цѣна, которая уплачивалась тоже сначала по истцову показанію, а впослѣдствіи, по суду. Ограниченія, сдѣланныя въ этомъ случаѣ закономъ были обозначены прежде. в) Взыскивались ли владѣнныя деньги, неизвѣстно. г) Сверхъ того взыскивались проѣсти и волокиты, по Судебнику, три деньги на день. Обвиненный истецъ уплачивалъ ихъ отвѣтчику [412]).

Кромѣ этихъ взысканій въ пользу выигравшаго дѣло, были еще другія, едва ли не болѣе тяжкія, падавшія на обвиненнаго въ пользу судей его. Относительно исторіи судебныхъ пошлинъ, которую трудно было бы изложить во всѣхъ ея подробностяхъ, замѣтимъ слѣдующее: а) чѣмъ выше было судившее лицо, тѣмъ выше были и пошлины; б) пошлины идутъ постепенно уменьшаясь въ своемъ объемѣ. Чѣмъ древнѣе уставная грамота, тѣмъ

---

[411]) Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 203. А. Ю. N 11. Полное Собраніе Лѣтописей, т. IV, стр. 203. Судебникъ, ст. 97.

[412]) А. Ю. NN 14, 16, 17, 22. Судебникъ, ст. 49 и 50.

выше объемъ упоминаемыхъ въ ней судебныхъ пошлинъ. Древнѣйшая пошлина называлась *противень*. Судя по выраженію: «противень противъ истцова», надобно думать, что она состояла въ взысканіи, въ пользу судьи, такаго количества, которое равнялось исковой суммѣ. Ближе къ эпохѣ Судебника мы встрѣчаемъ уже *противень вполы истцова:* это было уже, кажется, уменьшеніемъ пошлины въ половину. Таково было взысканіе по дѣламъ гражданскимъ; по дѣламъ уголовнымъ проигравшій процессъ подвергался казни и продажѣ, или по волѣ мѣстнаго начальника, или, смотря по степени его власти, съ доклада государю. в) Но если пошлины уменьшаются въ количествѣ, то въ замѣнъ этого число ихъ возрастаетъ. По счастливому выраженію профессора Морошкина, у насъ въ древности «каждый шагъ въ присутствіе суда былъ купленъ цѣною денегъ»; а такъ какъ съ развитіемъ судопроизводства число судебныхъ дѣйствій увеличивалось, то увеличивалось и число пошлинъ. Древнѣйшее время, до перваго Судебника, знало едва ли не три только рода пошлинъ: за вызовъ къ суду, съ мировой сдѣлки, и полевыя; судебныя пошлины совпадали съ послѣдними. Величина пошлины была тоже почти одна и таже опредѣленная единица: противень, взимавшійся или вполнѣ, или вполовину, или еще въ болѣе уменьшенномъ видѣ. Въ первомъ Судебникѣ мы находимъ уже болѣе многообразныя пошлины. г) Въ древнѣйшее время обвиненный отвѣтчикъ платилъ болѣе, нежели истецъ, не доказавшій своего права, вѣроятно, на томъ основаніи, что въ первомъ случаѣ наказывалось незаконное дѣйствіе, а во второмъ только несправедливое притязаніе: такъ когда съ отвѣтчика взыскивали противень, истецъ платилъ только съ рубля два алтына и т. д. Въ первомъ Судебникѣ мы еще находимъ это различіе, но во второмъ отношенія тяжущихся уже сравнены: истецъ и отвѣтчикъ платятъ поровну.

Въ взиманіи пошлинъ участвовали всѣ тѣ лица, которыя принимали участіе въ судопроизводствѣ. Виды пошлинъ, въ эпоху Судебника были слѣдующіе: 1) съ приставной, 2) хоженое и ѣздъ, 3) пожелѣзное, 4) отъ срочныхъ, 5) судебныя, 6) полевыя, 7) пересудъ, взимавшійся, вѣроятно, съ дѣлъ перевершенныхъ, 8) правый десятокъ, 9) съ правой грамоты, съ без-

судной или бѣглой, 10) съ докладнаго списка, 11) подъемъ на землю, т. е плата за пріѣздъ судьи на спорную землю. Приводить числовыя величины пошлинъ мы не будемъ, ибо не видимъ въ этомъ особеннаго интереса. Замѣтимъ только, что въ каждой инстанціи они были особенныя. Всѣ эти пошлины взыскивались послѣ суда, но въ уплатѣ ихъ при совершеніи судебнаго дѣйствія, тяжущихся отдавали на поруки, ибо заранѣе не было извѣстно, на кого падетъ взысканіе. За тѣ акты, въ которыхъ главный интересъ имѣла по преимуществу одна изъ сторонъ, пошлины и взимались съ этой стороны, но она могла потомъ отыскивать ихъ съ виноватаго. Въ эпоху земскаго управленія пошлины собирались въ пользу государя и записывались въ приходную книгу. По свидѣтельству Татищева, при царѣ Борисѣ всѣ пошлины были взяты въ казну, а судьямъ предоставлено пользоваться добровольными приношеніями; «что, по словамъ историка, причиною явилось грабительству и дѣламъ продолженіе».

Этими взысканіями не ограничивались послѣдствія обвиненія. Дѣла гражданскія были отдѣлены отъ уголовныхъ тонкою, едва замѣтною чертою, а потому и первыя нерѣдко вели къ наказанію обвиненнаго. Въ одномъ судномъ дѣлѣ изъ временъ междуцарствія мы читаемъ: «А то потому стало явственно знатно, что они отвѣтчики.... видя нынѣшнее безгосударное время и не чаючи собя быть судимымъ, да тѣми монастырскими оброчными отдѣльными землями хотѣли у старцовъ завладѣть насилствомъ, и за то они свое насилство довелися было того, что надъ ними учинить поученіе: и они потомъ такъ не дуруй, чюжими землями насилствомъ не владѣй; и то имъ для нынѣшняго мятежного времени отдано, а приговорено имъ то, что они за то свое насилство насѣяного хлѣба лишены».

Относительно того порядка, въ которомъ производились взысканія, изъ Судебника видно только, что сначала взыскивали искъ, а потомъ уже судебныя пошлины [413]).

---

413) А. А. Э. т. I, NN 13, 123, 143, 183, 201, 242, т. III, N 37. А. Ю. N 16. — А. И. т. I, N 105. Судебникъ, ст 3—12, 30—40, 42—49, 74. А. Ю. N 17. Татищевъ, стр. 18, примѣчаніе (а). Рѣчь объ Уложеніи, стр. 56. — Судебникъ, ст. 59, 60, 61.

Что касается до формы судебнаго рѣшенія, то она зависѣла отъ того способа, которымъ рѣшеніе было постановлено. Если рѣшеніе было постановлено въ первой инстанціи, то излагалось въ судномъ спискѣ немедленно по судоговореніи; если же сверхъ того сдѣланъ былъ докладъ, то сначала излагалось ревизіонное производство, а потомъ уже рѣшеніе; въ послѣднемъ случаѣ рѣшеніе излагалось иногда въ особомъ докладномъ спискѣ. Приговоръ объявлялся тяжущимся словесно, и для взысканія, кажется, ничего болѣе не требовалось. Но такъ какъ судебное рѣшеніе имѣло еще значеніе укрѣпленія права, то оно излагалось еще, если этого хотѣлъ оправданный, въ особомъ спискѣ, называемомъ правою грамотою. Желаніе свое получить правую грамоту оправданный излагалъ сначала словесно, а потомъ, по приказанію судей, подавалъ о томъ же письменную челобитную. Правая грамота состояла въ копіи съ суднаго или также и докладнаго списка. По свидѣтельству Татищева, она выдавалась также и обвиненному, если послѣдній хотѣлъ просить о пересудѣ. Вообще она выдавалась какъ истцу, такъ и отвѣтчику. Послѣдній нуждался въ ней, чтобъ защитить себя отъ вторичнаго притязанія по тому же иску. Въ случаѣ обвиненія неявкою, вмѣсто правой грамоты, выдавалась безсудная. Въ ней излагались сначала просьба ставшаго на судъ, а потомъ обвиненіе. Безсудныя выдавались на основаніи срочныхъ и, кажется, когда ихъ накапливалось нѣсколько. Бѣглая грамота излагалась подобно правой [414]).

Исполненіе приговора, или судебное взысканіе, представляетъ въ древней Руси много особеннаго. Оно было различное по вещнымъ и по личнымъ искамъ. Первое не представляло собенныхъ трудностей, по крайней мѣрѣ, относительно главнаго предмета спорнаго дѣла; но второе, въ слѣдствіе особеннаго характера

---

[414]) См. вообще А. Ю. NN 1—26, въ особенности — NN 6, 11, 14, 19, 20, 21. Доп. къ А. И. т. I, N 157, стр. 275. Судебникъ, ст. 41, 42, 65. Татищевъ, стр. 12, примѣчаніе (б). Архивъ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, Калачова, книги второй половина первая, стр. 115—135, статья г. Бѣляева и приложенія къ ней. Тамъ-же,— Дополнительное замѣчаніе о правыхъ грамотахъ, Д. С., стр. 135—137.

древнѣйшаго судопроизводства, обходилось не безъ затрудненій. Когда земля была присуждена кому нибудь, то посылались разъѣзжіе, которые отводили ее; когда предметъ спора составляла вещь, тогда она передавалась оправданному лицу; но какъ поступали относительно взысканій денежныхъ? Здѣсь представляется два случая: или искъ и пошлины уплачивались добровольно, или взыскивалась принудительными мѣрами. Въ первомъ случаѣ уплата подписывалась на выданной оправданному лицу правой грамотѣ. Если же обвиненный прямо объявлялъ приставу, что ему заплатить невозможно, то выдавался головою до искупа. Но могъ представиться и такой случай, когда обвиненный, не сознаваясь въ невозможности уплаты, тѣмъ не менѣе не платилъ немедленно: тогда уже средствомъ взысканія былъ правежъ, ибо въ это время всякое взысканіе падало на лицо, въ волѣ котораго было расплатиться или не расплатиться даже въ томъ случаѣ, когда оно владѣло имуществомъ. Передъ правежемъ подъ конецъ разсматриваемаго періода составлялась правежная выпись, т. е. вѣроятно излагался письменно приговоръ суда о взысканіи этимъ способомъ. Сверхъ того съ обвиненнаго брали поручную запись въ томъ, чтобъ ему ставиться къ правежу въ первомъ часу дня, ежедневно. Татищевъ описываетъ правежъ слѣдующимъ образомъ: «обвиненныхъ къ платежу выводили передъ приказъ разутыхъ предъ тѣмъ, какъ судьямъ надлежитъ въ приказъ пріѣзжать, а спускали съ правежа, какъ судья выѣдетъ. У каждаго обвиненнаго стоялъ по сторону приставъ съ прутомъ, и билъ вдоль по ногѣ такъ крѣпко, какъ ему отъ истца, или отвѣтчика, за трудъ заплачено; слѣдственно одни на правежѣ стоя, бою не чувствовали, другіе были изувѣчены». Правежу подлежали, кажется, всѣ, даже и поручители за исключеніемъ лицъ избавленныхъ отъ него жалованными грамотами. Взысканіе отдавалось недѣльщикомъ истцу и означалось въ подписи на судномъ спискѣ. Въ областяхъ упоминается особенный чиновникъ, называвшійся праветчикомъ. Сначала предѣлы правежа не были опредѣлены закономъ, но потомъ указами 1555 года, мая 5-го и подтвердительнымъ 1628 года, января 15-го правежъ ограниченъ однимъ мѣсяцемъ за сто рублей, послѣ чего денежное удовлетвореніе почиталось невозможнымъ, и отвѣтчика

выдавали головою до искупа. Допускалась однако же отсрочка, до слѣдующаго мѣсяца, по взаимному соглашенію оправданнаго съ обвиненнымъ, но больше мѣсяца, во избѣжаніе волокиты, отсрочка не допускалась. Кажется, кромѣ того, можно еще было перевести съ себя взысканіе на другаго. (Такъ напр. въ А. Ю. № 10: «а поруки, господине, по немъ нѣтъ, и перевести не на кого). Отъ правежа можно было освободиться, давъ за себя поруку въ уплатѣ. Служилымъ людямъ, указомъ 1558 года, декабря 25-го дана была слѣдующая привиллегія: они стояли на правежѣ, вмѣсто одного, два мѣсяца. Рейцъ справедливо полагаетъ, что для нихъ все взысканіе этимъ и ограничивалось, ибо ихъ нельзя было выдавать головою. Остальные должники выдавались истцу головою, что дѣлалось однако не иначе, какъ послѣ судейскаго допроса обвиненному. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ срокъ правежа былъ опредѣленъ въ шесть недѣль: если въ теченіи этого времени уплата не была сдѣлана, то обвиненнаго выдавали головою. По дѣламъ уголовнымъ эта выдача происходила въ волостяхъ не иначе, какъ послѣ доклада. Какія послѣдствія влекла за собой выдача головою, съ точностію неизвѣстно. По всей вѣроятности, состояніе выданнаго равнялось кабальному холопству, потому что указомъ 1561 года, октября 15-го запрещено отвѣтчикамъ продаваться своимъ истцамъ въ полные и докладные холопи. Полѣтныя грамоты, которыя давались, по Судебнику, неумышленнымъ банкротамъ, а по указу 1558 года, августа 4-го, всѣмъ служилымъ людямъ, избавляли отъ немедленнаго взысканія, а слѣдственно и отъ правежа. Разсрочка взысканія могла быть также сдѣлана по просьбѣ отвѣтчика. Напр. въ 1646 году одинъ иноземецъ билъ челомъ, чтобъ въ слѣдствіе его бѣдности ему позволено было уплачивать по полтинѣ въ мѣсяцъ судебное взысканіе въ тридцать рублей, которое на него наложено по иску о безчестьѣ. Просьба была уважена, но платить велѣно по два рубля ежемѣсячно.

Правежъ не представлялъ полнаго обезпеченія оправданнымъ истцамъ, особенно относительно лицъ высшихъ сословій, которыя не подлежали выдачѣ головою. Средствъ избавиться отъ уплаты взысканія было при немъ множество. Во первыхъ, можно было вытерпѣть бой и все-таки не заплатить истцу: это

технически называлось «отстояться отъ правежа»; во вторыхъ, можно было поставить за себя на правежъ своего человѣка; наконецъ можно было избѣгнуть взысканія, ссылаясь на привилегіи, избавляющія отъ правежа. Послѣдній способъ былъ, кажется, въ особенномъ употребленіи. Въ заемныхъ и закладныхъ XVI вѣка мы встрѣчаемъ слѣдующее условіе: «не отыматись отъ правежу отъ сее кобалы всякими царя великаго князя несудимыми грамотами, ни княженецкыми, ни боярскими, ни Свіяскимъ, ни Казанію, ни Чебоксарами...» Это условіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что встрѣчается въ закладныхъ. Въ самомъ дѣлѣ даже и закладъ въ древнѣйшее время не былъ немедленно и непосредственно передаваемъ заимодавцу: сначала прибѣгали къ правежу. Необходимость измѣнить взысканіе, превратить его изъ личнаго въ вещное, была почувствована очень рано. Такъ въ 1571 году мы находимъ царскую жалованную грамоту, которою государь, согласно просьбѣ истцевъ, отдаетъ имъ въ собственность вотчину отвѣтчика, вмѣсто падшаго на послѣдняго взысканія по иску о безчестьѣ. Но въ качествѣ общей мѣры, возможность вещнаго взысканія долго не была сознаваема и во весь XVII вѣкъ не была признана вполнѣ и окончательно. Въ 1628 году, указомъ 15-го января, разрѣшено, въ слѣдствіе доклада челобитнаго приказа, отдавать истцамъ по оцѣнкѣ дворы и движимое имущество отвѣтчиковъ. На этомъ вопросъ почти и остановился. Когда въ слѣдующемъ 1629 году, тотъ же приказъ испрашивалъ разрѣшенія отдавать, по недостатку движимаго имѣнія, за большіе иски вотчины по оцѣнкѣ, то указомъ отъ 21-го ноября, позволено только посылать въ вотчины и помѣстья править съ крестьянъ исковую сумму. Далѣе этого вопросъ не двинулся [415]).

---

[415]) А. Ю. NN 10, 14, 19, 22. Судебникъ, ст. 90. А И. т. I, N 154, III, VII, XIV, XVI. Татищевъ, стр. 169 — 170, примѣчаніе (а, къ статьѣ 131. Опытъ Исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ Законовъ, соч. профессора Рейца, переводъ г. Морошкина, М. 1836, стр. 324. — А. А. Э. т I, NN 234, 257. А Ю. NN 243, 316. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изданные Калачовымъ, т. I, N 52, VII столбцы 228—229, N 104, столбецъ 658. А. И т. I, N 180, т. III, N 92, XII, XV.

Изложивъ ходъ старпннаго русскаго судопроизводства и переходя къ аппелляціи, нельзя, для полноты изслѣдованія, не упомянуть о фактической сторонѣ вопроса. Она важна для насъ и потому, что ею объясняются отчасти самые законы о перевершеніи дѣла. Въ древнѣйшую эпоху русскаго процесса, уклоненія отъ законной нормы необходимо должны были встрѣчаться въ изобиліи. Дѣйствительно, мы находимъ въ источникахъ, что иногда суда вовсе не было. Дѣло рѣшалось или просто согласно желанію истца, или краткою формою изслѣдованія, такъ называемымъ сыскомъ, т. е. повальнымъ обыскомъ или справкою по документамъ. Такія отступленія встрѣчаются нерѣдко. Приведемъ два примѣра. Въ Актахъ Юридическихъ видимъ въ концѣ XV вѣка любопытный случай: льготная грамота на землю дается бѣлозерскимъ намѣстникомъ одному крестьянину только въ слѣдствіе его просьбы, безъ всякаго изслѣдованія, а потомъ отнимается у него безъ суда, по одному повальному обыску. Особенно часто такія уклоненія встрѣчаются по дѣламъ помѣстнымъ и вотчиннымъ. Въ спискѣ приказныхъ дѣлъ 1644 г. вотчина сначала переходитъ изъ рукъ въ руки, по однимъ прошеніямъ, пока одинъ изъ челобитчиковъ не сталъ просить самъ объ очной ставкѣ, указывая Помѣстному Приказу на совершенную незаконность его распоряженій. Замѣтимъ однакоже, что такія безсознательныя злоупотребленія встрѣчаются большею частію только тамъ, гдѣ спорная сторона предмета открывалась не прямо, а въ слѣдствіе челобитья о справкѣ помѣстья или вотчины [416]). Этимъ произволомъ въ дѣлѣ суда объясняются тѣ безконечныя жалобы на судей, то частое обращеніе къ верховной власти, которыми наполнена судебная исторія древней Россіи.

Пересмотръ и повѣрка судебнаго рѣшенія представляютъ у насъ много необъяснимаго, но, кажется, не столько отъ недо-

---

Юридическія записки, изд. г. Рѣдкинымъ, т. I, статья г. Калачова о Судебникѣ, стр 155—160. Сочиненіе г. Михайлова, глава VII-я, стр. 118—122.

[416]) А. Ю. N 6, стр. 11. Старинные акты Шуи, N 74. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ. Ср. Доп. къ А. И. т. I, N 52.

статка источниковъ, сколько отъ неопредѣленности существовавшихъ правилъ. Не смотря однако на это, есть возможность сдѣлать нѣсколько вѣрныхъ заключеній о томъ, какъ у насъ смотрѣли на производство во второй инстанціи.

Дѣло, разсмотрѣнное въ низшей инстанціи, могло быть пересмотрѣно въ высшей въ слѣдствіе двухъ поводовъ: или по докладу, или по жалобѣ. Первый порядокъ пересмотра можно по аналогіи назвать слѣдственнымъ, а второй апелляціоннымъ, хотя, разумѣется, въ строгомъ смыслѣ ни одно изъ этихъ названій не можетъ быть сочтено за вѣрное. Точныя и довольно подробныя извѣстія мы находимъ только о докладѣ, потому что въ XVI вѣкѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ ограниченія областной власти.

Докладъ имѣетъ свою исторію. Значеніе его существенно измѣнялось съ теченіемъ времени. Древнѣйшая причина доклада состояла, кажется, единственно въ сомнѣніи судьи о способѣ рѣшенія дѣла. Поэтому судья могъ сначала доложить или не доложить о дѣлѣ, совершенно по собственной волѣ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ уже и самое выраженіе: *«судьи рклися или ялися доложить»*, которое встрѣчается почти во всѣхъ докладныхъ спискахъ. Конечно, впослѣдствіи, когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ докладъ былъ уже непремѣннымъ условіемъ окончанія дѣла, это выраженіе иногда могло быть и простою формою, но сначала оно должно было означать произвольное рѣшеніе судьи. Что дѣйствительно сомнѣніе въ способѣ рѣшенія было первою причиною доклада, это въ особенности очевидно изъ одной правой грамоты 1490 года. Споръ былъ о пустоши и о починкѣ. Убѣжденные въ принадлежности первой, судьи приказали возобновить старыя межи, а о починкѣ условились доложить великому князю. При докладѣ на счетъ починка судьямъ были предложены вопросы, а относительно пустоши рѣшеніе ихъ было подтверждено безъ всякаго новаго производства. Какъ испрошеніе совѣта на счетъ рѣшенія, докладъ былъ сначала представляемъ тому или другому лицу совершенно произвольно. Онъ не былъ правильнымъ восхожденіемъ дѣла по инстанціямъ, а потому и не требовалъ непремѣнно обращенія судьи къ начальству. Судья совѣтовался съ кѣмъ хотѣлъ. Это прямо выражено

въ двухъ правыхъ грамотахъ XVI вѣка, одной 1507, и другой 1510 года. Въ нихъ мы встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: «и о семъ судья рекся доложити государя великаго князя или *человѣка старѣйшаго*». Правда подъ старѣйшимъ человѣкомъ разумѣлся въ XV и XVI вѣкахъ одинъ изъ бояръ московскаго двора, который, кажется, сообщалъ потомъ свое мнѣніе великому князю и, только получивъ его утвержденіе, приказывалъ судьѣ выдать правую грамоту; но уже самое обращеніе къ тому или другому боярину по произволу доказываетъ, что тутъ не было и мысли о правильной повѣркѣ суда. Тоже подтверждается двумя правыми грамотами, выданными въ правленіе Ивана Грознаго. Обѣ составлены московскими тіунами великаго князя, одна въ 1541, другая въ 1547 году. Въ одной изъ нихъ упоминается о докладѣ дворецкому, въ другой о докладѣ казначею, хотя не только судьи въ обоихъ случаяхъ занимали одну и туже должность, но даже и родъ дѣла былъ совершенно одинаковый: и тамъ и здѣсь разсматривался искъ о бѣглыхъ людяхъ. Единственное средство разграниченія вѣдомствъ при докладѣ состояло, кажется, въ томъ правѣ, которое высшій судья могъ имѣть на доходы съ дѣлъ, поступавшихъ на докладъ. Если эти дѣла были предоставлены ему въ кормленіе, то онъ могъ требовать, чтобъ докладъ былъ сдѣланъ именно ему, а не кому другому. Такъ въ 1556 году ивангородскій намѣстникъ прислалъ докладъ къ новгородскому намѣстнику, который успѣлъ уже сдѣлать и допросъ тяжущимся, когда новгородскіе дьяки узнали, что судъ по этому дѣлу принадлежитъ имъ, и взяли у намѣстника докладной списокъ. Въ Москвѣ, какъ видно, не было этой причины постояннаго распредѣленія дѣлъ между боярами, и докладъ шелъ то къ тому, то къ другому.

Съ теченіемъ времени однако первоначальное значеніе доклада измѣнилось. Къ первой причинѣ присоединилась и другая. Докладомъ, какъ мы видѣли уже, была въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничена власть областныхъ правителей. Кормленщикамъ поставлено въ обязанность не рѣшать иныхъ дѣлъ безъ повѣрки суда. Въ слѣдствіе этого самая форма доклада была измѣнена сообразно съ новымъ и главнымъ его назначеніемъ—содѣйствовать справедливости и достовѣрности суда.

Такимъ образомъ судопроизводство во второй инстанціи постепенно развивалось и опредѣлялось въ XVI вѣкѣ. Вообще порядокъ доклада былъ слѣдующій. Рѣшившись сдѣлать докладъ по какому нибудь дѣлу, судья представлялъ лично свой списокъ боярину и ставилъ передъ нимъ самъ истцевъ и отвѣтчиковъ; иногда же, не являясь самъ, онъ возлагалъ эту обязанность на своего человѣка. Если судей было нѣсколько, то съ докладнымъ спискомъ являлся только одинъ изъ нихъ. Обязанность личнаго присутствія судьи едва ли не существовала сначала для всѣхъ судей безъ исключенія, ибо даже въ началѣ XVI вѣка есть извѣстія, что съ докладнымъ спискомъ являются къ московскимъ боярамъ не только судьи великаго князя (которые, судя по названію, едва ли не были посланы для разсмотрѣнія одного только дѣла), но также и тіуны намѣстниковъ. Для явки къ докладу тяжущимся назначался извѣстный срокъ. Если ихъ съ одной стороны было нѣсколько, и всѣ были они на судѣ, то это еще не обязывало ихъ всѣхъ явиться къ докладу: иногда къ докладу являлся только одинъ изъ нихъ, отвѣчая за всѣхъ своихъ товарищей. Пріѣхавъ къ докладу, они не являлись сами высшему судьѣ: ихъ ставилъ передъ нимъ судья первой инстанціи. Царскій Судебникъ измѣнилъ этотъ порядокъ: вмѣсто поставленія къ докладу тяжущихся, судья долженъ былъ назначить имъ срокъ для явки, а списокъ посылалъ особо. Если одинъ изъ нихъ не являлся во время, то ему заочно давалась отсрочка по семи дней на сто верстъ, по истеченіи которой противникъ его выигрывалъ дѣло. Уставными грамотами XVI вѣка, какъ до Судебника такъ и послѣ него установленъ былъ другой порядокъ. Докладные списки предписывалось княжескимъ чиновникомъ присылать по нѣскольку за разъ, а земскимъ судьямъ привозить или присылать въ Москву вмѣстѣ съ царскою казною. Иногда при этомъ запрещалось срочить тяжущихся къ докладу, т. е. заставлять ихъ въ опредѣленное время являться въ Москву для повѣрки суда. Ясно, что уставныя грамоты имѣли при этомъ въ виду болѣе разрѣшеніе судейскаго сомнѣнія, нежели повѣрку суда. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ этого не сказано, и докладные списки просто велѣно присылать въ Москву. Въ тѣхъ уставныхъ грамотахъ, которыми вводилось земское управленіе,

мы въ первый разъ встрѣчаемъ опредѣленіе, къ кому должно обращаться съ докладомъ: земскіе судьи присылаютъ докладные списки къ тѣмъ дьякамъ, которымъ вообще поручено завѣдываніе ихъ областію по сбору доходовъ.

Порядокъ самаго разсмотрѣнія докладнаго списка состоитъ изъ двухъ частей: во первыхъ, высшій судья дѣлалъ тяжущимся допросъ о производствѣ дѣла въ первой инстанціи: «былъ ли имъ таковъ судъ, какъ въ семъ списку написано»? Если тяжущіеся подтверждали точность докладнаго списка, то на основаніи послѣдняго судья разсматривалъ права обѣихъ сторонъ и рѣшалъ дѣло. Но могло случиться, что одинъ изъ противниковъ отвѣчалъ, «что судъ былъ, да не таковъ». Если онъ вообще опровергалъ подлинность докладнаго списка, то единственнымъ средствомъ узнать истину былъ допросъ судныхъ мужей, на которыхъ отвергающіе и ссылались въ подтвержденіе своихъ словъ; но могло быть также, что обиженная сторона обвиняла докладной списокъ только въ неполнотѣ, въ опущеніи какого-нибудь доказательства. Тогда судья могъ, и не вызывая судныхъ мужей, при помощи одной справки съ опущеннымъ доказательствомъ, узнать на чьей сторонѣ право, и рѣшить дѣло. Въ одной правой грамотѣ 1510 года, іюня 4-го мы находимъ замѣчательное упрощеніе производства во второй инстанціи. Тіунъ двинскаго намѣстника положилъ докладной списокъ передъ московскимъ бояриномъ. Въ спискѣ не замѣтно, чтобъ тіунъ склонялся въ пользу какой бы то ни было стороны. При докладѣ одинъ изъ отвѣтчиковъ показалъ, что судъ имъ былъ не таковъ, и слался на судныхъ мужей; а двое другихъ прибавили, что тіунъ не сдѣлалъ справки по межевымъ книгамъ, о которой они его просили, и даже не упомянулъ въ своемъ спискѣ о приведеніи ими этого доказательства. Бояринъ, имѣя возможность немедленно удостовѣриться въ истинѣ, не обратился къ суднымъ мужамъ, но просто справился съ книгами и на основаніи ихъ обвинилъ отвѣтчиковъ. Вообще, кажется, сначала вызовъ судныхъ мужей совершенно зависѣлъ отъ высшаго судьи. Этимъ только и можно объяснить то странное положеніе Стоглава, по которому, въ случаѣ опроверженія со стороны истца или отвѣтчика докладнаго списка святительскаго суда, митрополитъ обя-

занъ былъ вѣрить не ему, а непремѣнно епископу. Такое правило не могло бы образоваться, еслибъ повѣрка суда или не повѣрка его не зависѣли отъ личнаго довѣрія высшаго судьи къ писцему. Относительно гражданскаго суда докладу сообщена большая опредѣленность постановленіями царскаго Судебника. Прежде всего здѣсь обезпечена самая достовѣрность докладнаго списка. Судный списокъ волостнаго суда предписано составлять въ двухъ образцахъ. Настоящій списокъ подписывался старостами и цѣловальниками и хранился у судьи; а копія, называвшаяся противнемъ, подписывалась намѣстничьимъ дьякомъ и хранилась у старосты съ цѣловальниками. Самый порядокъ повѣрки суда былъ опредѣленъ такимъ образомъ: когда списокъ волостнаго суда былъ присланъ къ докладу, и одинъ изъ тяжущихся опровергалъ его подлинность, то высшій судья вызывалъ для допроса старосту и цѣловальниковъ, которые должны были привезти съ собою противень. По ихъ пріѣздѣ прежде спрашивали ихъ самихъ, таковъ ли былъ судъ? а потомъ сличали копію списка съ оригиналомъ. Если судные мужи признавали, какъ подлинность документа, такъ и своей подписи, то опорочившій списокъ истецъ или отвѣтчикъ былъ обвиняемъ, и, каково бы ни было содержаніе суда въ первой инстанціи, рѣшеніе произносилось противъ солгавшаго. Какъ видно, законъ предполагаетъ, что ложное опроверженіе докладнаго списка уже доказываетъ неправоту. Если же, напротивъ, судные мужи подтверждали показаніе тяжущагося, то судья сличалъ противень съ спискомъ и, найдя въ нихъ разницу, подвергалъ взысканію судью первой инстанціи. О разногласіи между свидѣтельствами противня и судныхъ мужей не упомянуто; но если послѣдніе разнорѣчили между собою, такъ что одни изъ судныхъ мужей показывали въ пользу докладнаго списка, а другіе противъ него, то преимущество отдавалось тѣмъ, которые не знали грамотѣ, потому что ихъ неучастіе въ подлогѣ было вѣроятнѣе.

Постановленія Судебника, конечно, полнѣе и опредѣленнѣе всѣхъ предшествующихъ; но нельзя однако не замѣтить, что и въ нихъ не разрѣшено много случаевъ. Вниманіе законодателя было по преимуществу обращено на взаимное отношеніе судьи и тяжущихся: солгавшій тяжущійся обвиняется, обманувшій

судья подвергается взысканію. Но могло же случиться, что тяжущійся былъ не правъ въ своемъ показаніи, а между тѣмъ правъ по дѣлу: обвинялся ли онъ и въ этомъ случаѣ? Что касается до неисправности докладнаго списка, по злоупотребленію дьяка, а не судьи, то, вѣроятно, въ отношеніи къ судамъ всякаго рода поступали на основаніи ст. 4, положенной для приказовъ. Дьякъ, невѣрно записавшій дѣло и получившій за это взятку, уплачивалъ половину иска и всѣхъ пошлинъ и подвергался тюремному заключенію [417]). Судъ, вѣроятно, производился снова.

Докладъ, съ одной стороны, былъ пересмотромъ прежняго суда, съ другой—его продолженіемъ. Послѣдній характеръ былъ преобладающимъ, ибо такъ какъ большею частію низшій судья не помѣщалъ въ докладной списокъ своего заключенія о дѣлѣ, то можно было повѣрять только добросовѣстность его производства, а не его рѣшеніе. Этимъ докладъ существенно отличается отъ нынѣшняго слѣдственнаго порядка. Теперь во второй инстанціи разсматривается рѣшеніе первой, а потому судъ пополняется единственно на столько, на сколько низшее судебное мѣсто сдѣлало упущеній противъ заявленій тяжущихся; новыя доказательства со стороны послѣднихъ уже не допускаются. Не такъ было при докладѣ. Высшій судья не стѣснялся предѣлами суда первой инстанціи. Онъ не только пополнялъ судъ на основаніи показаній тяжущихся и судныхъ мужей, но входилъ въ ближайшее разсмотрѣніе доказательствъ, которыя повѣрялъ собственными справками. Такъ напр. въ судъ первой инстанціи былъ представленъ списокъ съ данной грамоты, ни сколько не оспоренный противникомъ; при докладѣ этотъ списокъ сличается съ оригиналомъ, нарочно отысканнымъ въ казнѣ великаго князя.

---

[417]) А. Ю. NN 6, 13. Архивъ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, Калачова, книги второй половина первая, отд. 3-е, стр. 134. А. Ю. NN 21, 22. Доп. къ А. И. т. I, N 51, XIX. — А. Ю. NN 3, 5, 6, 11, (стр. 21), 15, 16, 20, 21, 22. А. А. Э. т. I, NN 201, 234, 242, 250, 257, т. III, NN 36, 126. А. И. т. I, N 165. Доп. къ А. И. т. I, N 26. — А. И. т. I, N 155. А. Ю. N 14. — Судебникъ, ст. 62 и 69, — ст. 4.

Иногда хотя судьи имѣли полную возможность удостовѣриться сами въ дѣйствительности доказательствъ, они все-таки предполагали повѣрку ихъ во второй инстанціи. Такъ напр. въ одномъ судномъ дѣлѣ XIV вѣка судья убѣждается въ дѣйствительности правой грамоты, представленной истцемъ, изъ показаній самаго отвѣтчика; не смотря на это, рѣшившись сдѣлать докладъ, онъ все-таки приказываетъ истцу положить передъ великимъ княземъ свою правую грамоту. Въ другой правой грамотѣ XV вѣка цѣлая сторона процесса оставляется безъ всякаго разсмотрѣнія до доклада. Подъ конецъ судоговоренія выступилъ новый противникъ, вызвавшійся доказать, что оба прежніе тяжущіеся равно неправы, спорная же земля принадлежитъ его господамъ. Судья не вошелъ въ разсмотрѣніе новой претензіи, а назначилъ последнему истцу срокъ для представленія его господъ и ихъ крѣпостей къ докладу. Такимъ образомъ докладъ могъ сдѣлаться въ иномъ случаѣ совершенно новымъ судомъ, въ которомъ разсматривалось и не то, что было засужено, и не такъ, какъ прежде было показано тяжущимися. Судъ могъ совершенно измѣнить направленіе. Оттого, вѣроятно, явка къ докладу была обязательна для тяжущихся, не только въ томъ случаѣ, когда о дѣлѣ ихъ не было никакаго производства въ первой инстанціи, но также и въ томъ, когда права ихъ были уже разсмотрѣны низшимъ судьею. Въ слѣдствіе неявки къ докладу они были обвиняемы.

Въ случаѣ доклада всякое исполненіе по суду первой инстанціи пріостанавливалось, хотя бы и было постановлено частное рѣшеніе. Такъ если по спору о границахъ назначено было сдѣлать докладъ, то размежеванія не дѣлали до этого времени. Спорный предметъ считался неприкосновеннымъ для тяжущихся до окончанія дѣла. Въ одномъ судномъ спискѣ XV вѣка судья запрещаетъ тяжущимся свозить скошенное сѣно съ спорной земли.

До сихъ поръ мы говорили безразлично о судныхъ и докладныхъ спискахъ. Различія между ними дѣйствительно не было въ большей части случаевъ. Судный списокъ, какъ онъ есть, обыкновенно и присылался къ докладу; но иногда докладной списокъ составлялся особо. Тогда онъ состоялъ изъ краткой записки о дѣлѣ, безъ прописанія всего судоговоренія. Врядъ ли

однако такая форма докладнаго списка не была совершенно устранена постановленіемъ Судебника о засвидѣтельствованіи судныхъ списковъ.

Когда все производство во второй инстанціи было окончено, судный списокъ подписывался противъ того, кто былъ найденъ неправымъ, дьякомъ высшаго судьи; судья, производившій ревизію суда, только прикладывалъ къ списку свою печать. Въ то же время судьѣ первой инстанціи предписывалось дать правую грамоту оправданному. Взысканіе, падающее на обвиненнаго, опредѣлялось въ рѣшеніи высшаго судьи. Тутъ же помѣщалось и опредѣленіе тѣхъ пошлинъ, которыя слѣдовало получить судьѣ первой инстанціи. Иногда было предписано, какъ поступить въ случаѣ неуплаты обвиненнымъ падшаго на него взысканія. Если оправданъ былъ не истецъ, а отвѣтчикъ, то послѣднему иногда велѣно было выдать правую грамоту въ убыткахъ, т. е. для взысканія того, что имъ было истрачено по поводу процесса. Независимо отъ разрѣшенія спора между тяжущимися, въ случаѣ опроверженія однимъ изъ нихъ докладнаго списка, разрѣшалось еще то спорное отношеніе, которое въ слѣдствіе этого возникало между нимъ и судьею. Если доказано было, что судный списокъ составленъ невѣрно и при томъ по винѣ самаго судьи, то послѣдній, кромѣ пени, уплачивалъ еще истцовъ искъ. Но правая грамота и въ этомъ случаѣ выдавалась судьею первой инстанціи. Съ докладнаго списка судьею второй инстанціи взыскивались пошлины съ обвиненнаго; но члены общинъ, получившихъ земское управленіе, пользовались въ этомъ случаѣ особенною льготой: ихъ судные списки подписывались безпошлинно.

Изложенный порядокъ докладнаго производства возникъ главнымъ образомъ изъ стремленія превратить докладъ въ средство ограничить злоупотребленія областной власти. Основаніемъ ему служила старинная форма суда, состоявшая въ присутствіи судныхъ мужей. Отсюда само собою слѣдуетъ, что въ слѣдствіе перемѣны способа ограниченія власти съ одной стороны, и при измѣненіи состава областнаго суда съ другой, эта форма доклада не могла продолжаться. Дѣйствительно въ XVII вѣкѣ мы уже не находимъ ея. Докладъ уже не былъ при воеводахъ повѣр-

кою суда. Областные правители докладывають въ это время, кажется, въ видѣ простой отписки, и въ томъ только случаѣ, когда сами затрудняются рѣшеніемъ дѣла. Правительство обыкновенно разрѣшало ихъ сомнѣнія, не прибѣгая ни къ какому особенному производству. Въ важныхъ случаяхъ, какъ напр. по уголовнымъ дѣламъ воеводамъ предписывали иногда присылать въ приказъ сыскъ, распросныя и пыточныя рѣчи, такъ что весь процессъ переносился изъ области въ Москву. Губные старосты, когда не имѣли права вершить тяжебныя дѣла окончательно, доносили Разбойному Приказу о каждомъ результатѣ слѣдствія и получали оттуда приказанія на счетъ дальнѣйшаго производства, но для окончательнаго рѣшенія дѣло, кажется, всегда переходило въ Приказъ. Тутъ не было пересмотра суда во второй инстанціи, а просто раздѣленіе суда и слѣдствія. Послѣднее производилъ губной староста, но первый принадлежалъ Приказу.

Точно также и въ гражданскихъ дѣлахъ судъ отдѣлялся иногда отъ сыска, т. е. обвинительная часть процесса отъ слѣдственной, и тогда тоже докладъ былъ необходимъ, ибо въ сущности это было раздѣленіе одного производства между двумя лицами. Это было въ томъ случаѣ, когда для сужденія дѣла областной начальникъ давалъ особеннаго судью. Такъ въ слѣдствіе одной жалобы, поданной Новгородцами въ Москвѣ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, новгородскимъ дьякамъ было предписано дать въ этомъ дѣлѣ судью, сына боярскаго добраго, да съ нимъ подьячаго. Эти судьи должны были судить тяжущихся и произвести повальный обыскъ, а потомъ представить судный и обыскной списокъ дьякамъ, которые обязаны были пополнить дѣло справкою по писцовымъ книгамъ и рѣшить его. Здѣсь о повѣркѣ суда тоже не было рѣчи, потому что въ сущности это было производство въ одной инстанціи. Когда дѣло, начавшееся въ Москвѣ, поручалось разбору мѣстнаго воеводы, то рѣшеніе съ докладомъ или безъ доклада предоставлялось его доброй волѣ; иногда только предписывалось ему сдѣлать донесеніе о рѣшеніи [416]). И такъ

---

[413]) А. Ю. №№ 3, 5, 11. Описаніе Госуд. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 202—203, 206, 223—224. Архивъ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній, книги второй половина первая, отд. 3-е, статья г. Бѣ-

вообще говоря, докладъ въ смыслѣ повѣрки высшимъ судьею производства, сдѣланнаго низшимъ судьею, не существуетъ въ XVII вѣкѣ.

Подобно докладу, какъ способъ принесенія жалобы, такъ и разсмотрѣніе ея существенно различны въ XVI и XVII вѣкѣ. Въ эпоху Судебника порядокъ аппелляціоннаго судопроизводства былъ слѣдующій. Самую жалобу можно раздѣлить на частную и аппелляціонную. Первая состояла не въ одной жалобѣ на медленность и неправильность, но также и на взятіе лишнихъ пошлинъ, и вообще на всякое притѣсненіе, которое не имѣло еще окончательнаго вліянія на судебное рѣшеніе. Сюда принадлежатъ слѣдующіе случаи 1) жалоба на непоставленіе судьею тяжущихся къ докладу, 2) жалоба на невыдачу правой грамоты, 3) на превышеніе власти, напр. на выдачу безъ доклада правой грамоты въ тѣхъ случаяхъ, когда судья не имѣлъ на это права, 4) за заключеніе въ оковы тяжущагося безъ предъявленія старостѣ и цѣловальникамъ, 5) жалоба на отказъ въ судѣ и 6) на взятіе лишнихъ пошлинъ. Сюда же слѣдуетъ отнести жалобы на канцелярію: 1) на дьяка за записку дѣла не по суду, за оставленіе срочныхъ грамотъ у подъячаго, за взятіе лишнихъ пошлинъ; 2) на подъячаго, за записку дѣла не по суду и за взятіе лишнихъ пошлинъ, 3) на недѣльщика, за взятіе лишнихъ пошлинъ, за требованіе посуловъ, за обиды, нанесенныя ѣздокомъ. Уже изъ этого перечисленія ясно, что жалоба на неправильность судопроизводства не отличалась отъ обвиненія судьи въ преступленіи, а потому самое взысканіе носитъ не простой характеръ штрафа. Къ разсмотрѣнію дѣла во второй инстанціи присоединяется во первыхъ искъ объ убыткахъ, во вторыхъ уголовное наказаніе за преступленіе. Такимъ образомъ взысканіе слагалось: a) изъ возвращенія жалобнику его убытковъ, b) изъ пени, взыскиваемой на государя, и c) изъ личнаго наказанія для

ляева, стр. 124—127.—См. вообще докладные списки, въ особенности А. Ю. N 16.—А. Ю. NN 11, 16, 21, 22. Судебникъ, ст. 69. Доп. къ А. И. т. I, N 51, V. Судебникъ, ст. 34 и 39. А. А. Э. т. I, NN 242, 250 и др.—Воронежскіе Акты, часть 2-я, NN LXXXI, LXXXIV, 10. — Доп. къ А. И. т. I, N 51, I. А. И. т. III, N 75.

низшихъ судей. Оно сообразовалось прежде всего съ званіемъ судьи. Такъ напр. намѣстникъ или волостель, выдавшіе безъ доклада правую грамоту холопу, платили только вдвойнѣ убытки, понесенные господиномъ; а тіуны сверхъ того подвергались за это тюремному заключенію. Бояринъ за лихоимство подвергался двойному денежному взысканію, а дьякъ платилъ вдвое его менѣе, но былъ сажаемъ въ тюрьму; подьячаго за тоже самое били кнутомъ, а недѣльщика за посулы лишали должности. И такъ денежное взысканіе иногда понижалось, когда падало на низшаго чиновника, потому что преступленіе его большею частію не состояло въ несправедливомъ рѣшеніи, а только косвенно вело къ нему, давая ложное направленіе дѣлу; но личное взысканіе увеличивалось по мѣрѣ уменьшенія государственнаго значенія: несправедливый бояринъ рисковалъ менѣе, чѣмъ несправедливый дьякъ. Что касается до опредѣленія убытковъ тяжущагося, то когда величина ихъ была заранѣе извѣстна, они взыскивались вдвое или втрое, смотря по тяжести вины. Если опредѣлить ихъ заранѣе было невозможно, то полагались на показаніе тяжущагося, и назначенную имъ сумму взыскивали вдвойнѣ. Этимъ большею частію и ограничивалось денежное взысканіе, если преступленіе чиновника не имѣло вліянія на судебное рѣшеніе. Если же оно вело, хотя косвенно, къ неправильному рѣшенію, то взысканіе возвышалось до цѣны всего иска. Такъ дьякъ, неправильно составившій судный списокъ, платилъ цѣлый искъ. Судъ, разумѣется, по исправленіи, продолжался по прежнему. Если жалоба принесена была не на лихоимство судьи, но просто на незаконное окончаніе имъ дѣла, соединенное съ превышеніемъ власти, то, по уплатѣ имъ убытковъ, судъ производился снова. Если напр. намѣстникъ или тіунъ незаконно выдавалъ бѣглую грамоту, то въ этомъ и состояло только взысканіе: такъ какъ предметъ спора былъ на лицо и легко могъ быть возвращенъ законному владѣльцу, то искъ не взыскивался. Только тогда, когда въ слѣдствіе превышенія власти судьею, утрачивалась для истца самая возможность удовлетворенія, судья обязанъ былъ уплатить ему весь искъ его вдвое. Такъ было въ томъ случаѣ, когда областный судья исполнялъ безъ доклада свое рѣшеніе надъ татемъ, т. е. прода-

валъ его, казнилъ, или отпускалъ на свободу. Въ этомъ случаѣ онъ подвергался двойному взысканію исковой суммы, ибо уже не откуда было получить ее. Пеня, платимая государю, какъ выше было сказано, опредѣлялась самимъ государемъ.

Жалобу, приносимую на содержаніе рѣшенія, можно назвать апелляціонною, хотя въ древней Россіи она существенно отличалась отъ настоящей апеляціонной жалобы тѣмъ, что почти всегда была соединена съ указаніемъ на злонамѣренное уклоненіе отъ справедливости, съ жалобою на взяточничество. Здѣсь ходъ дѣла былъ двоякій. Если по дѣлу оказывалось, что судья просудился безъ хитрости, т. е. рѣшилъ дѣло несправедливо по ошибкѣ, а не въ слѣдствіе взятки, то не подвергался никакому взысканію, но спорный предметъ отнимался у того, кому былъ отданъ по суду, и судъ производился снова. Напротивъ, если по дѣлу открывалось, что судья рѣшилъ дѣло неправильно по лихоимству, то съ него взыскивали въ пользу истца весь искъ и тройныя пошлины, да сверхъ того пеню по назначенію государя. Трудно сказать происходилъ ли въ этомъ случаѣ судъ съ головы, но вообще по соображенію съ способомъ тогдашнихъ взысканій, едва ли не вѣрнѣе думать, что этимъ ограничивалось все апелляціонное производство во второй инстанціи. Извѣстно, что въ древней Россіи всякое взысканіе падало на того, кто, такъ сказать, немедленно находился подъ рукою: на поручителя, если онъ былъ на лицо, мимо главнаго должника, на неявившагося свидѣтеля, хотя бы виною его неявки былъ недѣльщикъ. Всѣ эти лица должны были вознаградить за потерпѣнные кѣмъ-либо убытки, а сами имѣли только право, уплативъ что слѣдуетъ, отыскивать потомъ собственныя издержки съ настоящихъ виновныхъ. Правда, въ одной царской грамотѣ 1555 года, въ слѣдствіе жалобы, поданной на ямскаго намѣстника, на третейскихъ судей и на дѣловщика (т. е. на межевщика), новгородскимъ дьякамъ предписано было судить какъ этихъ судей, такъ и тѣхъ истцевъ, въ пользу которыхъ они нарушили справедливость, но здѣсь къ дѣлу присоединились два обстоятельства, которыми объясняется соединеніе вторичнаго судоговоренія между тяжущимися съ судомъ надъ ихъ судьями, а именно: а) ямской намѣстникъ не далъ оправданнымъ отвѣтчикамъ пра-

вой грамоты въ убыткахъ, которые такимъ образомъ остались безъ опредѣленія, b) обвиненные истцы произвели новый грабежъ, который слѣдовало судить. И такъ изъ этой царской грамоты нельзя еще заключить, чтобъ при изслѣдованіи дѣйствій судьи въ одно и тоже время происходилъ между тяжущимися судъ съ головы.

Судопроизводство по жалобѣ имѣло видъ суда съ судьею, а потому всѣ обыкновенныя правила о процессѣ прилагались и къ этому случаю. Вызовъ къ суду совершался точно также, какъ и по частнымъ дѣламъ. Сначала даже областные судьи, намѣстники и волостели, могли быть требуемы къ суду во всякое время. Судебникъ 1550 года измѣнилъ этотъ вызовъ опредѣленіемъ для него одного срока: «какъ съѣдетъ съ жалованья». Но во всемъ остальномъ судъ съ намѣстникомъ походилъ на обыкновенный. Такъ намѣстникъ обязанъ былъ или ѣхать самъ или прислать повѣреннаго; отсрочка по минованіи срока ему давалась обыкновенная, по семи дней на сто верстъ; въ случаѣ неявки съ него также взыскивали въ пользу истца искъ и пошлины, только срочныхъ записей, безъ государева вѣдома и боярскаго приговора на него не накидывали. Правая и безсудныя грамоты выдавались, какъ обыкновенно. Неизвѣстно, прилагались ли всѣ эти правила къ жалобѣ на московскихъ бояръ. Подробно объ этомъ въ Судебникѣ не сказано. Очень можетъ быть, что вызова къ суду не было, потому что не было въ немъ большой необходимости. Въ областяхъ въ началѣ XVI вѣка съ жалобою на судью обращались иногда не къ московскимъ боярамъ, а къ какому нибудь великокняжескому судьѣ, пріѣхавшему изъ Москвы напр. къ писцу. Такъ какъ послѣдній не имѣлъ права требовать къ своему суду никакаго неподчиненнаго ему чиновника, то онъ просто пересматривалъ дѣло, уже засуженное прежнимъ судьею. Такъ въ 1504 году волостные крестьяне позвали на судъ передъ бѣлозерскимъ писцомъ старцевъ Ѳерапонтова монастыря и принесли писцу слѣдующую жалобу, которую мы приведемъ буквально: «и тотъ, господине, старецъ Батманъ Ѳегнастъ на насъ подиялъ судью Михайла Гнѣваша, и Гнѣвашъ, господине, насъ съ Батманомъ судилъ, а намъ, господине, велѣлъ стати передъ великимъ княземъ, на великое заговѣніе на мясное; и мы, гос-

подине, на тотъ срокъ стали и онъ насъ, господине, волочилъ да не поставилъ, да намъ далъ другой срокъ на Петровъ день; и мы, господине, и на другой день стали и онъ, господине, насъ поставилъ передъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ; и Михайло намъ, господине, учинилъ третій срокъ передъ великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Руси стати на великое заговѣніе на мясное; и мы, господине, на третій срокъ стали передъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ передъ Голенинымъ, и князь Василей, господине, насъ велѣлъ оправити и грамоты намъ, господине, правые велѣлъ просити у судьи у Михайлы у Гнѣваша; и мы, господине, у Гнѣваша правые грамоты просили, и онъ намъ, господине, правые грамоты не далъ, да на насъ, господине, выложылъ на Бѣлѣозерѣ безсудную грамоту да насъ, господине, потому продалъ». Въ слѣдствіе этого челобитья бѣлозерскій писецъ далъ новый судъ Ѳерапонтову монастырю съ волостными крестьянами, хотя у перваго оказалась вовсе не безсудная, а правая грамота, выданная съ доклада князю Голенину. Такимъ образомъ здѣсь вторичный судъ по тому же дѣлу замѣнилъ аппелляцію. Во второй половинѣ XVI вѣка врядъ ли уже возможно было приносить этимъ способомъ жалобу на судебное рѣшеніе, потому что управленіе сдѣлалось сравнительно однообразнѣе и правильнѣе.

Что касается до формы процесса, которою производилось дѣло по жалобѣ на судебное рѣшеніе, то мы уже видѣли, что она была смѣшанная. Такъ какъ дѣло шло во второй инстанціи о злоупотребленіяхъ, совершенныхъ въ первой, то однимъ судоговореніемъ нельзя было ограничиться, и судопроизводство принимало здѣсь слѣдственный характеръ: по дѣламъ этого рода употреблялись повальный обыскъ и очныя ставки.

Такъ какъ жалоба имѣла отчасти видъ доноса, то ни о какомъ заявленіи ея у судьи первой инстанціи не могло быть рѣчи, а въ слѣдствіе этого и исполненіе по первому рѣшенію не было пріостанавливаемо.

Не смотря на нѣкоторыя слѣдственныя формы, присоединившіяся къ суду во второй инстанціи, главный характеръ послѣдняго былъ все-таки обвинительный, и жалующійся на рѣшеніе судьи представлялся обыкновеннымъ истцемъ. Подвергая судью

извѣстному взысканію въ томъ случаѣ, если бы открылась его виновность, онъ и самъ несъ невыгоды несправедливаго обвиненія: если жалоба не была доказана, то жалобникъ подвергался какому-то взысканію (въ Судебникѣ сказано: «сверхъ его вины», вѣроятно, это значитъ, сверхъ штрафа) и личной отвѣтственности, торговой казни или тюремному заключенію.

Съ появленіемъ воеводъ, характеръ суда по жалобѣ по видимому измѣнился. Мы уже нигдѣ не встрѣчаемъ, чтобъ областнаго правителя вызывали къ суду черезъ пристава. По всей вѣроятности этого и не было, потому что административныя условія не допускали частыхъ отлучекъ городскихъ начальниковъ. Въ эпоху Уложенія, какъ мы увидимъ, образовались совершенно другіе способы пересмотра. Особенный видъ апеляціонной жалобы составляла та, которую подавали на смѣненнаго начальника новому воеводѣ, пока послѣдній повѣрялъ казну и городскія книги. Такія же жалобы подавались и сыщикамъ, которые пріѣзжали для произведенія повальнаго обыска о злоупотребленіяхъ воеводы. Взысканія, падавшія на судью первой инстанціи, остались безъ всякаго измѣненія; но характеръ суда во второй инстанціи долженъ былъ также измѣниться, какъ и самый способъ перехода дѣла. Кажется, что судъ производился снова во всякомъ случаѣ.

Для полноты изложенія скажемъ, что дѣло переходило иногда въ высшую инстанцію совсѣмъ не по жалобѣ, а по другой какой-нибудь причинѣ, напр. въ слѣдствіе того, что уже послѣ рѣшенія къ дѣлу становилось прикосновеннымъ привилегированное лицо. Въ 1650 году мы находимъ подобный случай въ Воронежѣ. Воеводы рѣшили тамъ дѣло о покражѣ. Послѣ суда за обвиненнаго отвѣтчика поручился священникъ, и такъ какъ искъ не былъ заплаченъ, то жалоба на поручителя была подана уже не воеводѣ, а въ Приказъ Большаго Дворца, которому духовенство обыкновенно было подсудно [419]).

---

419) Судебникъ, ст. 2—8, 18, 32, 34, 41—48, 53—54, 66—67, 70—71, 73. Доп. къ А. И т. I, N 31, У. А. Ю. N 11. — Воронежскіе Акты, часть 1-я, N IX. Старинные Акты Шуи, N 16. — Воронежскіе Акты, часть 1-я, N 9.

ГЛАВА III.

СУДОУСТРОЙСТВО ВЪ ЭПОХУ УЛОЖЕНІЯ.

По первому впечатлѣнію эпоха Уложенія мало отличается отъ предшествующаго времени. Она какъ будто только продолжаетъ развивать начатое, не внося ничего существенно новаго ни въ самый судъ, ни въ судоустройство. Формы управленія не измѣняются въ это время. Основный характеръ судоустройства остается прежній. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ законодательствомъ этого періода нельзя въ немъ не замѣтить, рядомъ съ прежними чертами, и совершенно новые, важные признаки. Время, прошедшее между Судебникомъ и Уложеніемъ, было эпохою преобразованій. Сознавая необходимость лучшей администраціи, правительство обращалось то къ тому, то къ другому началу управленія, отыскивая ту форму, которая бы наиболѣе соотвѣтствовала потребности порядка и правосудія. Отсюда тѣ многообразныя формы, появленіемъ которыхъ ознаменованы весь XVI вѣкъ и часть XVII: дьяки, земскіе судьи, воеводы появляются одни за другими и смѣняютъ другъ друга. Другой характеръ носитъ эпоха Уложенія. Въ это время никакихъ перемѣнъ уже не происходитъ. Вмѣсто прежнихъ измѣненій видно постоянное стремленіе опредѣлить и разграничить уже существующіе виды судебной власти: это эпоха организаціи. — Еще другая черта замѣтна во вторую половину XVII вѣка. До сихъ поръ все дѣлалось исключительно одними частными мѣрами: рядомъ съ земскими судьями существовали сначала прежніе кормленщики, а потомъ воеводы. Взаимныя отношенія различныхъ правителей были прежде такъ мало еще опредѣлены, что тамъ,

гдѣ ихъ столкновеніе было неизбѣжно, оно разрѣшалось частнымъ образомъ, иногда почти случайно, безъ прямаго участія правительства. Такимъ путемъ наприм. въ Двинской области воеводы стали выше земскаго управленія. Въ эпоху Уложенія законодательное движеніе совершается правильнѣе. Особенно всѣ распоряженія о судоустройствѣ имѣютъ болѣе общности. Хотя и теперь еще многое дѣлается въ видѣ частныхъ мѣръ, но онѣ уже проникнуты нѣкоторымъ духомъ единства; рядомъ съ ними встрѣчаются совершенно общіе законы.—Замѣтно также стремленіе упростить администрацію, построивъ ее іерархически: какъ въ областномъ управленіи, такъ и въ приказномъ установляется зависимость однихъ лицъ отъ другихъ, вмѣсто непосредственнаго подчиненія всѣхъ и каждаго одной только верховной власти. Конечно однообразныя и твердыя начала управленія и судоустройства не были окончательно выработаны и въ этомъ періодѣ; но попытки создать ихъ уже замѣтны какъ въ отдѣльныхъ, такъ и въ общихъ распоряженіяхъ правительства.

Областной судъ находился въ эпоху Уложенія въ рукахъ слѣдующаго управленія, образовавшагося еще въ XVI вѣкѣ. Имъ завѣдывали: 1) воеводы и приказные люди, 2) губные старосты и 3) частію земскіе судьи.

По прежнему во главѣ всего областнаго судоустройства стояли воеводы. Двойственный характеръ, который и прежде носило ихъ управленіе, продолжается и въ этомъ періодѣ. Такъ съ одной стороны, во всякомъ наказѣ воеводская должность называется службою, а не кормленіемъ; изъ Уложенія видно, что, до изданія его, воеводствомъ, какъ всякимъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей, можно было отговариваться даже отъ явки на судъ; честные и старательные воеводы получали награды; отчетность была довольно строгая. Но за то, съ другой стороны, взглядъ на областное управленіе, какъ на корыстовныя дѣла, не только совершенно уцѣлѣлъ въ это время, но даже, можно сказать, еще болѣе прежняго опредѣлился. Въ приказахъ продолжали держать книги съ росписью воеводскихъ доходовъ. Татищевъ разсказываетъ характеристическую исторію о назначеніи одного воеводы, дошедшую до него еще въ свѣжемъ преданіи.—

Одинъ дворянинъ просилъ царя Алексѣя Михаиловича о воеводствѣ и сказалъ при этомъ, что у него два сына годныхъ на службу, а третій малолѣтенъ. Послѣднее обстоятельство очень важно: оно показываетъ, что воеводства иногда просили, на томъ же основаніи, какъ и помѣстья. Государь послалъ спросить въ Разрядъ, есть ли такой свободный городъ, гдѣ бы можно было нажить 500 или 600 рублей. Указали на Кострому. Царь назначилъ туда просителя и сказалъ ему, чтобъ нажилъ тамъ денегъ и купилъ себѣ деревню. Воротясь съ воеводства, дворянинъ благодарилъ государя, но донесъ, что нажилъ только 400 рублей. Тогда царь послалъ тайно въ Кострому развѣдать у тамошнихъ дворянъ, точно ли воевода нажилъ такъ мало, и узнавъ, что въ самомъ дѣлѣ онъ бралъ одни добровольныя приношенія, а никого не грабилъ, велѣлъ его отпустить въ другой, лучшій городъ. Такая цѣль воеводскаго управленія заставляла и правительство видѣть въ немъ гораздо болѣе награду, чѣмъ службу. Поэтому-то, не смотря на военное происхожденіе этого управленія, правительство строго отличало его отъ дѣйствительной, полковой службы. Воеводство служилые люди получали, какъ милость, какъ пожалованіе, а полковую службу они несли, какъ обязанность. Оттого, когда правительство нуждалось въ военныхъ людяхъ, оно вызывало иногда всѣхъ городовыхъ воеводъ, замѣняя ихъ отставными дворянами или губными старостами. Такъ напр. было сдѣлано въ концѣ 1661 года. Подобныя мѣры были тѣмъ необходимѣе, что воеводства нерѣдко искали люди годные для полковой службы только для того, чтобъ избавиться отъ военной повинности. Противоборствуя этому злоупотребленію, правительство должно было стараться установить взглядъ на воеводство, какъ на награду, и устранять отъ него всѣхъ людей, которые еще были способны къ строевой службѣ. Съ этою цѣлію издано было нѣсколько указовъ. Въ 1661 году мая 5-го было запрещено отпускать изъ Разряда въ воеводы и приказные люди кого бы то ни было, кромѣ раненыхъ и полоненниковъ, «за полонное терпѣнье». Всѣмъ другимъ воеводамъ велѣно было явиться въ Москву для полковой службы. Подобная же мѣра принята была въ 1670 году. Указомъ 15-го іюня не велѣно было безъ особеннаго именнаго указа отпускать въ воеводы и приказные

люди начальныхъ людей копейнаго, рейтарскаго, драгунскаго и солдатскаго строя. Такое же запрещеніе было сдѣлано въ 1701 году, указомъ 20-го января. Впрочемъ, только первый изъ приведенныхъ указовъ имѣетъ значеніе общаго закона. Два остальныхъ были частными и временными распоряженіями, сдѣланными для того, что «нынѣ велѣно быть на службѣ по нарядамъ изъ тѣхъ приказовъ, гдѣ кто службою вѣдомъ».

Поводы къ назначенію воеводъ и приказныхъ людей были тѣже самые, какъ и прежде. Иногда, какъ уже было сказано, сами служилые люди просились на воеводство, при чемъ большею частію они сами же указывали и на тотъ городъ, куда желаютъ быть назначены. О такихъ челобитчикахъ сдѣлано было особое распоряженіе, вѣроятно, съ цѣлію уменьшить на будущее время количество прошеній объ одномъ и томъ же городѣ. Указомъ 1676 года сентября 11-го велѣно было подписныя челобитныя объ отпускѣ на воеводство и на приказы приносить въ Разрядъ не ранѣе, какъ за полгода до срока. Прошеній поданныхъ прежде этого времени, не велѣно было принимать. Если въ теченіи узаконенныхъ шести мѣсяцевъ было подано двѣ просьбы объ одномъ мѣстѣ, то Разрядъ долженъ былъ сдѣлать подробную выписку о просителяхъ и доложить государю. Подобный способъ назначенія былъ самый обыкновенный; но иногда и городъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи какаго нибудь лица. Такъ случилось въ 1698 году въ Нерчинскѣ. По смерти тамошняго воеводы стольника Самойла Николева городскіе жители подали заручную челобитную сыну его стольнику Ивану и просили его принять городъ въ свое завѣдываніе. Наслѣдникъ умершаго воеводы вступилъ въ управленіе и послалъ съ своимъ человѣкомъ заручную челобитную отъ себя въ Сибирскій Приказъ, прося перемѣнить его и отпустить въ Москву. Правительство приняло въ уваженіе желаніе города, и въ награду за честную и усердную службу умершаго воеводы, назначило ему преемникомъ его сына, подчинивъ молодаго Николева надзору его дяди, иркутскаго воеводы.

Опредѣленіемъ воеводъ, или, употребляя старинное выраженіе, «воеводскими отпусками», завѣдывали тѣ приказы, отъ которыхъ города зависѣли въ финансовомъ отношеніи. Воеводскіе

отпуски происходили, кажется, безъ всякаго доклада государю, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, опредѣленныхъ особенными указами. Не мудрено, что при такомъ обычаѣ было много неудобства. Случалось, что въ то самое время, когда Разрядъ распредѣлялъ по полкамъ служилыхъ людей, нѣкоторые изъ нихъ оказывались въ воеводахъ и приказныхъ людяхъ. Злоупотребленія были тоже нерѣдки. Татищевъ говоритъ, что въ приказахъ мѣста продавались, воеводъ опредѣляли «не смотря годности человѣка». Въ началѣ царствованія Петра Великаго въ Разрядѣ и Казанскомъ Дворцѣ были сдѣланы оклады, что̀ за который городъ взять; кто платилъ, тотъ и получалъ воеводство. Назначенные такимъ образомъ воеводы дѣлали что хотѣли: хотя и были на нихъ челобитчики, но продавецъ города защищалъ покупщика. Съ цѣлію уничтожить подобныя злоупотребленія правительство старалось ввести болѣе единства въ воеводскіе отпуски, чтобъ имѣть болѣе возможности надзирать за ихъ правильностію. Сначала для этого было установлено, чтобъ просители приносили подписныя челобитныя изъ приказовъ въ Разрядъ. Объ этой мѣрѣ упоминается въ вышеприведенномъ указѣ 1676 года; когда она установлена неизвѣстно. Но какъ видно, этотъ указъ не былъ соблюдаемъ, потому что въ 1698 году ноября 30-го вышелъ другой указъ о томъ же предметѣ: получившіе изъ какаго нибудь приказа государевъ указъ о назначеніи своемъ на воеводство должны были приносить его въ Разрядъ, а приказъ посылалъ туда отъ себя вѣдомость. Если воевода былъ опредѣленъ безъ соблюденія этихъ формальностей, а между тѣмъ Разрядъ назначалъ его въ полковую службу, то за такое ослушаніе воеводу смѣняли прежде срока.

Срокъ областнаго управленія былъ различный. Самый обыкновенный былъ трехлѣтній, но иногда онъ былъ даже короче. Такъ въ Шуѣ воеводы не управляли, кажется, долѣе двухъ лѣтъ. Въ 1688 году Шуйскіе земскій староста и посадскіе люди просили объ оставленіи у нихъ воеводы Ивана Боркова на другой срокъ, говоря при этомъ, что Боркову доходитъ второй годъ. Иногда, напротивъ, воеводъ назначали безъ всякаго срока, или, какъ тогда выражались, безпеременно. Въ такомъ случаѣ, какъ самая смѣна, такъ и время ея вполнѣ, кажется, зависѣли отъ при-

каза. Изъ любопытной переписки XVII вѣка верхосоесенскаго воеводы Данила Еремѣева съ его племянникомъ, видно, что воевода могъ быть смѣненъ совершенно неожиданнымъ для себя образомъ, безъ особенной причины. Почти въ каждомъ письмѣ племянникъ пишетъ дядѣ: «а на твое мѣсто никто не отпущенъ». Вообще однако безперемѣнныя назначенія считались вредными. Татищевъ считаетъ ихъ за главный источникъ областныхъ злоупотребленій, и говоритъ, что когда воеводъ стали назначать безперемѣнно, то управленіе было приведено въ такое состояніе, «что упоминать жалко и стыдно». Но правительство нерѣдко склонялось въ пользу или безперемѣнныхъ назначеній или по крайней мѣрѣ болѣе продолжительныхъ сроковъ. Причина заключалась въ томъ, что если при краткомъ срокѣ, въ виду близкаго отчета воеводы, какъ говоритъ Татищевъ, «грабить и дѣлать обиды опасались, то при частыхъ перемѣнахъ, они не успѣвали распоряжаться, какъ слѣдуетъ, въ государевой казнѣ оказывались великіе недоборы и всякимъ доходамъ оскудѣніе». При томъ, нерѣдко короткіе сроки недостигали своей цѣли и вели къ большимъ притѣсненіямъ, чѣмъ продолжительные. Такъ въ Сибири назначенные не на долго воеводы, «служилымъ и ясачнымъ людемъ въ тѣхъ городѣхъ впредь не проча», великія обиды, налоги и грабежи чинили и для челобиться ихъ къ Москвѣ не пропускали. Въ слѣдствіе всего этого въ законахъ о воеводскихъ срокахъ видно безпрестанное колебаніе. Въ 1665 году запрещено было посылать воеводъ «въ другой рядъ, на два приказы», а въ 1677 году запрещено было смѣнять воеводъ безъ именнаго указа. Въ 1695 году во всѣхъ сибирскихъ городахъ, кромѣ Тобольска, велѣно было назначать воеводъ безперемѣнно, оставляя ихъ отъ 4 до 6 лѣтъ, смотря по степени ихъ усердія къ службѣ. Тотъ же срокъ опредѣленъ для хорошихъ воеводъ въ подтвердительномъ указѣ, вышедшемъ въ концѣ этого года.

Другимъ средствомъ предосторожности противъ злоупотребленій воеводской власти было запрещеніе назначать воеводами служилыхъ людей въ тѣ города, въ уѣздахъ которыхъ находятся ихъ вотчины и помѣстья. Это запрещеніе сдѣлано указомъ 1672 года, марта 5-го. Передъ отправленіемъ воеводы въ городъ велѣно было розыскивать, нѣтъ ли у него въ уѣздѣ какаго нибудь

мѣнія. Эта мѣра имѣла ту цѣль, чтобъ отъ воеводъ «тѣхъ городовъ служилымъ и жилецкимъ и уѣзднымъ людемъ утѣсненія, а по дружбѣ виннымъ потачки не было».

Татищевъ упоминаетъ еще о третьей мѣрѣ, направленной къ той же цѣли. По его словамъ, въ избѣжаніе продажи городовъ изъ приказовъ, царь Θеодоръ Алексѣевичъ велѣлъ избирать воеводъ дворянству. Трудно сказать, слѣдуетъ ли принять это извѣстіе. Изъ оффиціальныхъ источниковъ этого времени видно, что воеводы назначались по прежнему; но это не опровергаетъ еще совершенно приведеннаго извѣстія, потому что оба эти способа назначенія могли существовать рядомъ; выборные воеводы могли быть въ однихъ городахъ и не быть въ другихъ, наконецъ законъ могъ быть не исполненъ [420].

Степень власти, предоставленной воеводамъ, опредѣлялась тѣми наказами, которые они получали при своемъ назначеніи и которые выдавались имъ за мѣсяцъ до отпуска. Въ концѣ XVII вѣка для наиболѣе значительныхъ городовъ составлены были наказныя статьи воеводамъ, т. е. сводъ изъ нѣсколькихъ воеводскихъ наказовъ. Это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы дать воеводской власти болѣе общее основаніе. По той же причинѣ воеводамъ иногда предписывалось справляться также и съ прежними наказами. Но кромѣ этихъ мѣстныхъ распоряженій была также сдѣлана попытка общаго опредѣленія воеводской власти. О ней дошло до насъ два извѣстія, одно въ Уложеніи, другое въ сочиненіи Котошихина. Уложеніе предоставляетъ воеводамъ различную степень судебной власти, смотря потому, находятся при нихъ дьяки или нѣтъ. Такимъ воеводамъ, которые управляютъ одни, безъ дьяковъ, запрещено судить тяжбы выше двадцати рублей, а также дѣла вотчинныя, помѣстныя и холопьи. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ холопьи

---

[420]) Судебникъ Татищева, стр. 29. Доп. къ А. И. т. VI, N 44. П. С. З. NN 295, 313, 474, 661, 1827. А. И. т. V, N 283. Судебникъ Татищева, стр. 137. — Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Голикова, т. III, стр. 427. Временникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1854, книга 20-я. Смѣсь, стр. 36. П. С. З. NN 295, 704, 1511, 1526—508.

дѣла все-таки судились на мѣстѣ, только не воеводою, а городовымъ прикащикомъ, который завѣдывалъ городскимъ холопьимъ приказомъ. Дѣла уголовныя судятся воеводами только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ въ городѣ губныхъ старостъ. Ни о какихъ ограниченіяхъ уголовной власти воеводъ въ Уложеніи не упоминается, кромѣ того, что по государственнымъ преступленіямъ имъ предоставленъ одинъ сыскъ; вершить дѣла они не могли, но докладывали о немъ государю. Извѣстіе, сообщаемое Котошихинымъ, отчасти согласно съ Уложеніемъ, отчасти говоритъ о новыхъ подраздѣленіяхъ. По словамъ его, города раздѣлялись на большіе, малые и средніе; но въ судебномъ отношеніи послѣднія двѣ категоріи не отличались одна отъ другой. Разница между большими городами и всѣми остальными совершенно таже, какую Уложеніе полагаетъ между воеводами съ дьяками и безъ дьяковъ; но Котошихинъ упоминаетъ объ ограниченіи судебной власти и въ большихъ городахъ: воеводы судили здѣсь только до десяти тысячь рублей. Другое, общее ограниченіе состояло въ томъ, что, кромѣ Сибири, Астрахани и Терка, воеводы не имѣли права безъ доклада приговаривать къ смертной казни.

Воеводскіе наказы не вполнѣ согласны съ этими подраздѣленіями. По всей вѣроятности, или Уложеніе было правиломъ только тогда, когда наказомъ не было постановлено иначе, или, постановивъ общій законъ, правительство допускало потомъ исключенія. Разсмотримъ объемъ областной судебной власти на основаніи наказовъ.

Уголовная власть предоставлялась иногда не только въ видѣ исключенія, но и по общему правилу. Правительство колебалось относительно губнаго дѣла между выборнымъ и государственнымъ управленіемъ. Уложеніе, какъ выше было сказано, не всегда допускало губное право воеводъ. Новоуказными статьями о татиныхъ дѣлахъ, 1669 года, января 20-го, оно отнято у нихъ вовсе; но въ практикѣ вскорѣ были допущены исключенія. Такъ въ 1675 г. бѣлогородскому воеводѣ велѣно завѣдывать и губными дѣлами. Въ 1679 г., всѣ областныя должности, кромѣ воеводской, упразднены, и всѣ дѣла, въ томъ числѣ и губныя, переданы воеводамъ; даже сыщиковъ посылать не велѣно. Въ

1683 году изъ этого закона сдѣлано исключеніе: если помѣщики и вотчинники какаго нибудь города будутъ просить о посылкѣ сыщиковъ, то велѣно докладывать о томъ государю. Въ 1684 году снова велѣно во всѣхъ городахъ выбрать губныхъ старостъ; но законъ опять не былъ исполненъ, потому что и послѣ этого года были воеводы съ уголовною юрисдикціей. Такъ продолжалось до уничтоженія въ 1702 году губныхъ старостъ. Иногда какъ напр. въ Шуѣ, хотя и не было особаго губнаго старосты, но городовой воевода все-таки не завѣдывалъ уголовными дѣлами, которыя состояли въ вѣдѣніи главнаго города. Случалось, что уголовныя дѣла были передаваемы воеводамъ по просьбѣ городскихъ и уѣздныхъ жителей, такъ было въ 1698 г. въ Шуѣ.

Что касается до предѣловъ уголовной власти, то въ наказахъ она опредѣляется различно. Были воеводы, которые всѣ уголовныя дѣла судили безъ доклада, были и такіе, которые о важнѣйшихъ дѣлахъ должны были писать въ Москву. Слова Котошихина о запрещеніи всѣмъ воеводамъ, кромѣ сибирскихъ, астраханскихъ и терскихъ, казнить преступниковъ безъ доклада, не подтверждаются оффиціальными источниками. Напротивъ, степень предоставленной власти иногда вовсе не сообразовалась съ административнымъ значеніемъ воеводы. Напр. по наказу 1665 года бѣлогородскому воеводѣ велѣно было, розыскавъ дѣло, сажать преступниковъ въ тюрьму до государева указа, слѣдственно запрещено вершить дѣло безъ доклада, хотя Бѣлгородъ, какъ извѣстно, стоялъ во главѣ цѣлаго разряда; а воевода арзамазскій, по наказу 1679 года, судилъ всѣ дѣла безъ доклада: ему даже было велѣно казнить смертною казнію, не описываясь въ Москву. Только одно общее ограниченіе было сдѣлано, но и то уже при Петрѣ Великомъ: въ 1695 году запрещено было сибирскимъ воеводамъ казнить смертію потому что они «градскимъ жителямъ и уѣзднымъ людемъ чинили всякое мученіе для своихъ корыстей и не описався къ великимъ государемъ примѣтками своими многихъ людей пытали и смертію казнили». Относительно государственныхъ преступленій законъ Уложенія дѣйствительно исполнялся: въ этихъ случаяхъ воеводы обыкновенно не имѣли права казнить обвиненныхъ безъ доклада. Въ 1697 и 1699 гг. Петръ Великій предоставилъ это право, въ видѣ исключенія и

для скорѣйшаго усмиренія мятежей, воеводамъ казанскому и новгородскому [421]).

Предѣлы гражданскаго суда были, кажется, и на практикѣ тѣ самые, которые установлены Уложеніемъ. Въ Воронежѣ, гдѣ дьяковъ не было, всѣ дѣла о бѣглыхъ холопахъ и кабальныхъ людяхъ производились воеводами не иначе, какъ по царскимъ грамотамъ изъ Москвы; точно также начинались дѣла помѣстныя и вотчинныя Въ наказахъ не всегда объ этомъ говорится: ольшанскому воеводѣ въ 1687 году прямо запрещено судить въ большихъ дѣлахъ, а въ наказѣ корсуновскому воеводѣ, 1691 года, ничего не сказано, хотя положеніе обоихъ городовъ было равное: Ольшанскъ былъ пригородомъ Бѣлгорода, а Корсуновъ пригородомъ Симбирска. Но изъ этого еще никакъ нельзя заключить, чтобъ воеводы всегда были неограничены въ судѣ, когда въ ихъ наказахъ не упомянуто объ этомъ ограниченіи. Здѣсь пропуски дѣло довольно обыкновенное. Наказы отличаются полнотою только въ тѣхъ частяхъ своихъ, въ которыхъ говорится о государевыхъ дѣлахъ. Опущеній другаго рода очень много. Напр., въ наказѣ черноярскому воеводѣ 1665 г. ничего не сказано о судѣ гражданскомъ, между тѣмъ, какъ обыкновенно о немъ говорится даже въ томъ случаѣ, когда судебной власти не полагается никакихъ границъ. Точно также въ наказѣ корсуновскому воеводѣ не сказано, у кого онъ долженъ просить разрѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда ему вершить дѣла будетъ не можно, между тѣмъ, какъ объ этомъ говорится даже въ наказахъ, данныхъ воеводамъ самостоятельныхъ городовъ. Извѣстіе Котошихина и здѣсь не подтверждается наказами.

Воеводы судили не только въ слѣдствіе имъ поданныхъ прошеній, но также и по грамотамъ изъ приказовъ. Кромѣ того,

---

[421]) П. С. З. N 661. Уложеніе, глава XIII, ст. 3, глава XXI, ст. 3. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I. N 55, XXXV, столбецъ 323. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Котошихина, глава VIII, ст. 1—3.—П. С. З. N 441, ст. 2. А. А. Э. т. IV, N 206. — П. С. З. NN 779, 1062, 1900. Старинные Акты Шуи, NN 112, 189. — А. А. Э. т. IV, NN 206, 237. Доп. къ А. И. т. IV, N 134. — П. С. З. NN 1836, 1579, 1738, 1526.

имъ давали иногда отдѣльныя порученія по части суда, напр. сдѣлать вызовъ, произвести допросъ или обыскъ.

Судъ производился ими вмѣстѣ съ товарищами. Товарищи всегда были чиномъ ниже самаго воеводы: съ боярами назначались окольничіе, стольники и дьяки, а съ окольничими стольники и дьяки, съ стольниками не только дьяки, но и подъячіе. Главная цѣль при назначеніи ихъ была облегченіе воеводъ. Оттого-то иногда съ воеводами, въ качествѣ товарищей, были ихъ сыновья. Опредѣленіе происходило точно также, какъ и прежде; но въ концѣ XVII вѣка замѣтна отчасти мысль сообщить особенное значеніе товарищеской должности, придавъ ей мѣстный характеръ. Такъ въ 1698 году, при назначеніи въ преемники нерчинскому воеводѣ Николеву его сына, указано было «съ нимъ быть съ приписью подъячимъ нерчинскому сыну боярскому Лукѣ Кочмарову, для того, что прежній воевода объ немъ Лукѣ, что онъ человѣкъ доброй и радѣтельной, свидѣтельствовалъ». По уничтоженіи губныхъ старостъ эта мѣра получила значеніе общаго закона. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ городахъ они были товарищами воеводъ по губному дѣлу, то естественно было, вмѣсто отдѣльнаго уголовнаго вѣдомства, замѣнить его вездѣ такимъ управленіемъ, которое бы соединяло приказный характеръ съ выборнымъ. Поэтому, указомъ 1702 года марта 10-го, велѣно было, вмѣсто прежнихъ губныхъ старостъ, вѣдать съ воеводами всякія дѣла городовымъ дворянамъ, по выбору тѣхъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Перемѣна состояла въ томъ, что эти дворяне судили не одни уголовныя дѣла, но также и гражданскія. Въ 1705 году, этотъ указъ былъ подтвержденъ, и сверхъ того дворянамъ велѣно быть также и у всякихъ государевыхъ дѣлъ. Число ихъ при этомъ увеличено: въ большихъ городахъ велѣно быть въ товарищахъ по четыре и по три человѣка, а въ меньшихъ по два. Но въ тоже время способъ ихъ назначенія отчасти измѣненъ: тамъ, гдѣ выборныхъ дворянъ не было, велѣно выбрать ихъ самимъ воеводамъ; впередъ же отпускать воеводъ вмѣстѣ съ товарищами изъ московскихъ и городовыхъ дворянъ, слѣдовательно уже не по выбору. Неизвѣстно, имѣлъ ли этотъ законъ общее дѣйствіе: указъ данъ одному Судному Приказу.

Отношенія воеводъ къ ихъ товарищамъ по прежнему выра-

жались неопредѣленнымъ предписаніемъ: «дѣлати всякіе государевы дѣла вмѣстѣ, за одинъ, а розни ни въ чемъ межъ себя не чинити ни которыми дѣлы, чтобь въ ихъ розни государевымъ дѣламъ порухи..... и.... всякимъ людемъ.... налогъ и насильства не было». Какаго рода голосъ принадлежалъ товарищамъ, неизвѣстно. Смутная мысль о коллегіальномъ составѣ областнаго суда въ первый разъ высказана въ томъ же указѣ 10-го марта 1702 года: «а слушавъ тѣ дѣла и указъ по нимъ чинить съ ними воеводы тѣмъ дворянамъ обще, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ ихъ дворянъ никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу по нимъ не чинить». Но этой мысли не было дано полнаго развитія, и случаи разногласія областныхъ судей не получили никакаго разрѣшенія.—Между источниками второй половины XVII вѣка есть одинъ, который говоритъ о цѣловальникахъ въ съѣзжей избѣ, при воеводѣ. Это — Выборъ посадскими людьми костромскаго пригорода Нерехты двухъ лицъ изъ ихъ сословія въ *подсудные* цѣловальники. Изъ этого акта нельзя выводить полнаго возвращенія къ тому составу суда, какой былъ въ XVI вѣкѣ. Самое названіе цѣловальниковъ это доказываетъ. Сверхъ того въ актѣ прямо высказана цѣль ихъ избранія: они находились у пошлинныхъ и судныхъ сборовъ,—назначеніе совершенно согласное со всѣми извѣстіями о другихъ обязанностяхъ тогдашнихъ цѣловальниковъ. Объ участіи ихъ въ судѣ не упоминается.

На время своей отлучки изъ города воевода самъ назначалъ то лице, которое должно было исполнять его должность. Въ 1688 г. нерчинскій воевода Власовъ, отправляясь въ Селенгинскъ для отпуска соболиной казны, назначилъ на свое мѣсто какаго-то Никифора Парфентьевича, вѣроятно, нерчинскаго сына боярскаго. Замѣчательно, что судъ данъ ему съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Изъ уголовныхъ дѣлъ онъ могъ «чинить наказанье, смотря по винѣ, опричь татиныхъ, и разбойныхъ, и убійственныхъ, и волшебныхъ дѣлъ»; преступниковъ по этимъ дѣламъ онъ долженъ былъ держать скованныхъ и писать о нихъ къ воеводѣ. Точно также въ 1682 году суздальскому воеводѣ Доможирову, ѣхавшему для слѣдствія въ Шую, велѣно было «городъ Суздаль,

всякія дѣла на время приказать изъ отставныхъ дворянъ кому пригоже» Но если при воеводѣ былъ товарищъ, то на время отлучки всѣ дѣла поручались ему. Впрочемъ, когда воевода отправлялся въ походъ, то правительство само иногда назначало исправляющаго должность. Такъ, когда въ 1675 году, оба бѣлогородскіе воеводы, князь Ромодановскій и Скуратовъ, оставили Бѣлгородъ для похода, то на ихъ мѣсто былъ временно назначенъ стольникъ князь Волконскій. Власть его была ограничена: по уголовнымъ дѣламъ онъ производилъ только слѣдствіе; о рѣшеніи же докладывалъ не только въ Москву, но также и князю Ромодановскому.

Судъ производился въ съѣзжихъ избахъ, судить у себя на дворѣ запрещалось. Съѣзжая или приказная изба въ главныхъ городахъ называлась приказною палатою. Это было почетное названіе. Въ 1692 году, когда городъ Ярославль велѣно писать въ государевыхъ грамотахъ отчиною то вмѣстѣ съ тѣмъ и приказную избу велѣно было переименовать палатою. Это была канцелярія воеводъ, какъ именно называетъ ее указъ 22-го мая 1685 года. Для удобства въ производствѣ дѣлъ приказная изба раздѣлялась на столы, состоявшіе въ вѣдѣніи подъячихъ. Въ 1663 году нижегородская съѣзжая изба раздѣлялась на четыре стола: денежный, судный, сыскный, помѣстный и ямской. Дѣла между столами, не смотря на эти точныя названія, были распредѣлены довольно случайно: такъ въ судномъ столѣ хранились полоняничныя деньги и сборъ даточныхъ конныхъ людей, а въ сыскномъ столѣ полуполтинный сборъ. Подъячіе большею частію опредѣлялись приказомъ; въ этомъ случаѣ воеводамъ запрещалось отставлять ихъ безъ царскаго указа, а также и опредѣлять ихъ вновь, или назначать имъ жалованье. Иногда подьячіе избирались мѣстными жителями. Право избирать ихъ давалось, кажется, въ видѣ привиллегіи. Въ 1657 году, указомъ 23-го августа, велѣно было въ Переяславлѣ Рязанскомъ всѣмъ жителямъ, начиная отъ стольниковъ до жилецкихъ людей, «выбрать трехъ человѣкъ подъячихъ, которыхъ съ государево дѣло впредь будетъ, и которые всему городу любы». Запрещено было выбирать изъ числа такихъ людей, которыхъ отцы въ военной службѣ или въ тяглѣ.

Выборные списки велѣно прислать въ Разрядъ. На Бѣлѣозерѣ во многихъ городахъ и дворцовыхъ селахъ подъячіе были выборные. До какой степени канцелярія воеводы могла имѣть вліяніе на его управленіе, и какъ однако оно было неопредѣленно, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: въ 1666 году бывшій псковскій воевода Ордынъ-Нащокинъ писалъ, въ докладной запискѣ царю, что еще въ первое свое воеводство онъ думалъ ввести новое устройство земскихъ дѣлъ, но не рѣшался, потому что «чѣмъ впредь исправить, и я вѣдалъ, холопъ твой, ненавидимо будетъ во Псковѣ въ съѣзжей избѣ». Въ слѣдствіе этого онъ просилъ увольненія. Однако назначенный въ другой разъ воеводою, онъ вводитъ земскій судъ, не смотря на нерасположеніе къ нему съѣзжей избы [422]).

Жалоба на воеводу приносилась въ приказы, а иногда, при смѣнѣ его, новому воеводѣ.

Изъ подчиненныхъ воеводѣ начальниковъ, имѣли право суда слѣдующіе.

1) Низшіе судьи, которыхъ воеводы назначали въ томъ городѣ, гдѣ жили сами, образуя изъ нихъ первую инстанцію Подобный примѣръ находимъ мы въ 1694 году въ Астрахани. Тамошній воевода, бояринъ князь Петръ Ивановичъ Хованскій, велѣлъ быть въ *сьѣзжиной палатѣ* стольнику и подполковнику Степану Юрьевичу Митусову, суду котораго были подчинены всѣ астраханскіе жители, дѣти боярскіе, сотники стрѣлецкіе, всякихъ чиновъ пріѣзжіе люди и иноземцы. Судъ его былъ ограниченъ пятидесятью рублями. Челобитныя по искамъ свыше этой суммы подавались прямо въ приказную палату. Дѣла, которыхъ по ка-

---

[422]) Воронежскіе Акты, часть 3-я, NN CIV, CXLI, CLV, CLXXIII. А. И. т. IV, NN 159, 181, т. V, NN 161, 208. Котошихинъ, глава VIII-я. См. вообще воеводскіе наказы. — А. И. т. V, N 283. П. С. З. NN 1900, 2018. — А. И. т. IV, N 209. П. С. З. N 1900. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, N 2. А. И. т. V, N 175. Доп. къ А. И. т. VI, N 57, стр. 233. Старинные Акты Шуи, N 155. А. А. Э. т. IV, N 206. П. С. З. N 1445. Доп. къ А. И. т. IV, N. 134, III.—П. С. З. NN 1630, 1836, 213. А. А. Э. т. IV, N 302. Доп. къ А. И. т. V, N 1, XVII.

кой нибудь причинѣ стольнику Митусову рѣшить было не возможно, отсылались туда же за его скрѣпою. Въ слѣдствіе этого въ самой Астрахани образовались двѣ судебныя инстанціи. Подобный судъ былъ и во Псковѣ, но подробностей о немъ мы не знаемъ.

2) Въ самомъ же городѣ судьями, подчиненными воеводѣ, были иногда стрѣлецкіе головы, и въ Астрахани, головы надъ Татарами. Первые назначались Стрѣлецкимъ Приказомъ, и притомъ, кажется, на извѣстный срокъ, ибо въ 1689 году въ Астрахани стрѣлецкій голова былъ перемѣненъ на томъ основаніи, что занималъ эту должность три года сряду. Головы судили обыкновенно какъ самихъ стрѣльцевъ, такъ и постороннихъ людей по искамъ на стрѣльцахъ; воеводѣ принадлежалъ только судъ ревизіонный по тѣмъ дѣламъ, которыхъ не могъ рѣшить голова. Вѣроятно, ему же подавалась иногда и апелляція на голову, ибо въ нѣкоторыхъ наказахъ велѣно воеводамъ смотрѣть за головами, чтобъ «они стрѣльцамъ насильства и налоги ни въ чемъ не чинили». Но за то въ другихъ мѣстностяхъ врядъ ли они имѣли въ этомъ случаѣ право апелляціоннаго суда. Такъ въ наказѣ нижегородскому воеводѣ, 1663 года, по жалобамъ посадскихъ людей на притѣсненія со стороны стрѣлецкихъ начальниковъ, хотя и велѣно ему производить слѣдствіе, но на голову онъ долженъ былъ писать въ Москву. Изъ этого можно заключить, что и апелляція на голову поступала въ приказъ, а не къ воеводѣ. Вообще однако нельзя не замѣтить, что въ настоящемъ періодѣ стрѣльцы по большей части перестаютъ составлять по городамъ совершенно отдѣльное вѣдомство. Татарскіе головы въ Астрахани вполнѣ зависѣли отъ воеводы, назначались имъ и докладывали ему по всѣмъ дѣламъ, которыхъ сами рѣшить не могли.

Въ уѣздѣ воеводѣ были подчинены слѣдующіе судьи, составлявшіе первую инстанцію:

1) Городничіе. Съ значеніемъ судей мы видимъ ихъ только въ Архангельскѣ. Здѣсь въ 1689 году былъ городничій, который, вмѣстѣ съ полицейскимъ управленіемъ городомъ, соединялъ должность стрѣлецкаго головы. Наказъ о должности головы онъ получилъ изъ Стрѣлецкаго Приказа, а наказъ о должности городничаго отъ двинскихъ воеводъ. Изъ этого можно заключить, что

когда эти двѣ должности были раздѣлены, то городничій получалъ свое назначеніе отъ мѣстнаго воеводы. Власть городничаго была очень ограничена: онъ смотрѣлъ вообще за полицейскимъ порядкомъ, но не судилъ самъ его нарушителей, а отсылалъ ихъ въ холмогорскую съѣзжую избу. Дѣлъ уголовныхъ и большихъ исковъ онъ также не судилъ, отсылая въ такомъ случаѣ челобитчиковъ, или преступниковъ, съ приставами, тоже къ воеводамъ.

2) Прикащики всякаго рода, сборщики и слободчики. Свѣдѣнія о прикащикахъ, назначаемыхъ въ волости, слободы и села, и подчиненныхъ воеводамъ, въ этомъ періодѣ относятся къ одной Сибири, вѣроятно, потому что въ остальной Россіи прикащики назначались отъ Приказа Большаго Дворца. Въ Сибири они назначались какъ къ пашеннымъ крестьянамъ, такъ въ ясачныя волости и въ русскія слободы. Назначеніе они получали отъ воеводъ, которые нерѣдко торговали этими мѣстами, брали съ прикащиковъ большіе откупы и потомъ давали имъ полную волю наживаться. Иногда же они назначали ихъ изъ числа т. н. воеводскихъ знакомцевъ. Съ цѣлію уничтожить эти злоупотребленія, правительство старалось опредѣлить тѣ условія, которыя требуются отъ назначаемыхъ лицъ. Прикащиковъ предписывалось выбирать «добрыхъ людей изъ тамошнихъ лучшихъ людей, кого будетъ пригоже, и кому бъ пашня была за обычай», «дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей добрыхъ, грамотныхъ, а не воровъ и не пьяницъ и не корыстовниковъ и не глупыхъ». Брать ихъ велѣно, по преимуществу, изъ числа устарѣлыхъ служилыхъ людей, которые еще получаютъ государево жалованье по окладу, но военной службы служить уже не могутъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся хорошими управителями, предписывалось оставлять на ихъ мѣстахъ по 5 и по 6 лѣтъ, потому что, при частыхъ перемѣнахъ, «такъ какъ всякой хочетъ нажиться, то для крестьянъ бываетъ большая тягость». Въ 1701 году сдѣлано было мѣстное распоряженіе, которымъ и этой должности сообщенъ выборный характеръ. Предписано было «въ прикащикахъ у нерчинскихъ пашенныхъ крестьянъ велѣть быть нерчинскимъ дѣтямъ боярскимъ, или казакамъ лучшимъ людямъ, за выборомъ по очереди». Всѣ эти должности, прикащиковъ, сбор-

щиковъ и слободчиковъ, чрезвычайно напоминаютъ управленіе XVI вѣка. Такъ въ 1659 году боярскимъ дѣтямъ Туринскаго уѣзда жалованье велѣно давать только въ томъ случаѣ, когда они не на приказахъ. Тоже предписано относительно тобольскихъ боярскихъ дѣтей въ 1697 году, но при этомъ велѣно «буде не въ тягость, учинить имъ съ крестьянъ доходецъ небольшой деньгами, хлѣбомъ и харчемъ, по воеводскому разсмотрѣнію». О предѣлахъ судебной власти прикащиковъ у пашенныхъ крестьянъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ ясачныхъ волостяхъ и слободахъ, а также у сборщиковъ она опредѣлялась выданными имъ отъ воеводъ наказами и ограничивалась какою нибудь суммою, кажется, при томъ довольно однообразно: они судили отъ пяти до десяти рублей и по большей части не судили дѣлъ уголовныхъ. Дѣла, превышавшія власть прикащиковъ, поступали въ съѣзжую избу. Случаи доклада воеводѣ опредѣлены только въ одной воеводской памяти, данной въ 1674 году якутскому сыну боярскому, отправленному для сбора ясака въ Олекминскій острогъ. Окончательное рѣшеніе не предоставлено ему по слѣдующимъ дѣламъ: а) о корчемствѣ, б) о воровствѣ, и в) о незаконномъ владѣніи со стороны русскихъ людей ясачными иновѣрцами. Формы обезпеченія праваго суда тоже отчасти напоминаютъ XVI вѣкъ. Въ одномъ наказѣ 1685 года, ясачному сборщику велѣно судить «вмѣстѣ съ ихъ иноземскими князцы и съ лучшими людьми, а безъ нихъ.... и въ малыхъ дѣлахъ не судити». Замѣчательно, что противъ злоупотребленій ясачныхъ прикащиковъ въ XVII вѣкѣ прибѣгали къ той же мѣрѣ, которая въ XVI-мъ была вызвана въ Россіи злоупотребленіями кормленщиковъ. Въ 1672 году казанскій воевода, бояринъ князь Голицынъ съ товарищами, «по челобитью всего казанскаго уѣзда ясачныхъ людей, ясачные всякіе доходы велѣли сбирать съ нихъ имъ уѣзднымъ людемъ самимъ, выбравъ изъ себя лучшихъ и пожиточныхъ людей, со всѣхъ дорогъ человѣкъ по 5 и по 6, за выборомъ всѣхъ ясачныхъ людей, и выбравъ, привозить въ Казань, а дворянъ и дѣтей боярскихъ и подъячихъ, для многихъ ихъ обидъ и разоренья, посылать не велѣли». Но послѣ князя Голицына воеводы опять стали посылать сборщиковъ, разоренье началось снова, ясачные люди стали разбѣгаться, деревни пус-

тѣли, и въ сборѣ ясака оказались недоимки. Петръ Великій въ 1697 г. возстановилъ выборныхъ сборщиковъ. Прикащики, назначаемые въ русскія слободы, пользовались такою же властію, какъ и ясачные сборщики, но не имѣли права судить ясачныхъ людей. Русскими слободами въ Сибири, вмѣсто прикащиковъ, управляли иногда слободчики, т. е. основатели слободы. Подобный примѣръ находимъ мы въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Здѣсь въ 1651 году двое крестьянъ, Аѳонька Гилевъ да Фролка Арапов, устроили новую слободу на р. Чусовой, прибрали въ нее крестьянъ и были освобождены отъ оброка на восемь лѣтъ. Три года они управлялись сами, но въ 1654 году присланъ былъ въ новую слободу верхотурскій сынъ боярскій въ прикащики и оставался тамъ до 1656 года. Въ этомъ году, въ слѣдствіе поднявшихся на него жалобъ, управленіе и судъ были переданы въ руки основателей слободы, съ обыкновеннымъ ограниченіемъ: судить имъ позволено только до пяти рублей и только русскихъ людей, а не ясачныхъ [423]).

Власть воеводы могла распространяться и за предѣлы непосредственно подчиненнаго ему уѣзда. Такъ было въ томъ случаѣ, когда отъ ввѣреннаго ему города зависѣлъ еще другой. Зависимость приписныхъ городовъ отъ главныхъ существовала еще до Уложенія, и, какъ выше было сказано, возникла въ слѣдствіе разныхъ причинъ, отчего и образовались различные виды ея. Въ эпоху Уложенія они получили дальнѣйшее развитіе и опредѣленіе. Главнѣйшій и наиболѣе опредѣленный видъ подчиненія представляютъ т. н. городовые разряды. Выше мы старались объяснить ихъ происхожденіе. Въ настоящее время ихъ было очень много. Значеніе ихъ отчасти измѣнилось. Сначала главнымъ, почти единственнымъ сообра-

---

[423]) А. И. т. V, N 238. Доп. къ А. И. т. I, N I, ст. 3, 18. П. С. З. N 1792, ст. 3. Доп. къ А. И. т. IV, N 134. П. С. З. N 1738, ст. 18. — Доп. къ А. И. т. IV, N 108. А. И. т. V, N 176. — А. И. т. V, N 256. П. С. З. NN 1594, 1672, 1822, ст. 42. Доп. къ А. И. т. IV, N 69. П. С. З. N 1594, ст. 5 и 22. А. И. т. IV, N 246, т. V, N 119. Доп. къ А. И. т. IV, N 81. П. С. З. N 1579, ст. 40. А. И. т. V, N 133. Доп. къ А. И. т. IV, N 20, II.

женіемъ была необходимость организовать военную защиту государства, а потому разряды и образовались только по границамъ Россіи. Самое названіе: разрядъ, означало, что въ главномъ городѣ учреждена разрядная изба, для распредѣленія на службу служилыхъ людей и управленія военными дѣлами. Но впослѣдствіи при образованіи разрядовъ были и другія соображенія. Въ 1681 году указано было «Верхотурью быть особо разрядомъ, а къ Тобольску не вѣдать для того, что,...... тобольскихъ воеводъ, какъ они ѣздятъ въ Сибирь......., и ихъ пожитковъ велѣно осматривать въ Верхотурьѣ». Не смотря на это названіе, въ Верхотурьѣ почти никакія разрядныя дѣла не производились; изъ служилыхъ людей тамошніе воеводы имѣли только право прибирать на выбылыя мѣста новыхъ стрѣльцевъ, изъ стрѣлецкихъ же дѣтей. Военная цѣль при этомъ отдѣленіи такъ мало предполагалась, что изъ Тобольска велѣно было по прежнему оберегать Верхотурье «отъ прихода воинскихъ людей», потому что въ послѣднемъ городѣ войска было не много. Къ Верхотурью въ тоже время приписаны два города, Пелымь и Туринскій острогъ, въ слѣдствіе ихъ близости. На перемѣну въ значеніи разрядовъ указываетъ и то, что воеводы назначаются въ города, приписанные къ нимъ, не всегда изъ Разряда, главы древней военной администраціи, но также и изъ областныхъ приказовъ, напр. Сибирскаго, Казанскаго, Астраханскаго и т. д. Военное происхожденіе отразилось, по преимуществу, въ томъ, что только военныя отношенія городовъ опредѣлены съ нѣкоторою точностію; всѣ другія въ значительной степени носятъ характеръ случайности.

Воеводы приписныхъ городовъ разряда всегда назначались правительствомъ. По назначеніи, они или прямо посылались въ пригородъ, или сначала въ главный городъ, гдѣ должны были предъявить царскую грамоту воеводѣ. Послѣдній предписывалъ ему ѣхать въ городъ. Зависимость пригородовъ отъ разряда учреждалась, какъ мы видѣли, государевыми указами, и хотя нерѣдко продолжалась долго и входила въ обычай, но не имѣла постояннаго характера и всегда могла быть измѣнена по первому поводу. По этой причинѣ въ наказахъ воеводамъ главныхъ городовъ, обыкновенно перечислялись всѣ тѣ при-

городы, которые, по государеву указу, велѣно вѣдать къ главному городу. Иногда пригороднымъ воеводамъ присылались царскія грамоты о томъ, чтобъ быть въ подчиненіи у главнаго воеводы; иногда въ самомъ наказѣ имъ упоминалось объ этой зависимости. Изъ нѣкоторыхъ наказовъ видно, что пригородный воевода подчинялся иногда не всѣмъ начальникамъ главнаго города, а только одному или нѣсколькимъ изъ нихъ. Въ 1650 году Черный Яръ былъ подчиненъ только двумъ первымъ воеводамъ, а въ 1665 г. всѣмъ воеводамъ и товарищамъ. Съ 1653 до 1673 года Терскій городъ былъ подчиненъ только первому изъ астраханскихъ воеводъ, а въ 1673 году уже всѣмъ воеводамъ безъ исключенія. Въ 1664 году, изъ тобольскихъ пригородовъ писали въ Тобольскъ только на имя перваго воеводы. Причины такаго страннаго способа подчиненія могли быть различныя. Можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, правительство имѣло въ виду раздѣлить между областными начальниками заботы управленія; но очень вѣроятно, что нерѣдко основаніемъ служили просто мѣстническія соображенія, и что дѣло шло не о дѣйствительной зависимости, но о томъ, на чье имя посылать отписки. Въ царской грамотѣ въ Воронежъ, 1669 года апрѣля 21-го, сдѣлана слѣдующая догадка о бѣлогородской отпискѣ боярина и воеводы князя Ромодановскаго: «чаять того, что та отписка изъ Бѣлагорода отпущена на Воронежъ безъ его, бояринова вѣдома», потому что воевода былъ въ это время въ походѣ. Изъ этого можно заключить, что и тогда, когда въ пригородъ писали только отъ имени перваго воеводы, въ дѣйствительности распоряженія дѣлались иногда всѣми начальниками главнаго города [424]).

Судебная зависимость пригородныхъ воеводъ отъ главныхъ была различная. Уже самые наказы различно ее опредѣляютъ. Въ однихъ изъ нихъ предписывается пригородному воеводѣ о всякихъ вѣстяхъ и расправныхъ дѣлахъ, которыхъ за чѣмъ вер-

---

421) А. И. т. V, N 162. П. С. З. N 1595, ст. 3. А. И. т. V, NN 161, 208, т. IV, N 181. — Доп. къ А. И. т. IV, N 138. А. И. N 40, т. V, N 161, — т. IV, NN 63, 169, 181, 237, — т. V, N 202. Доп. къ А. И. т. IV, N 138, стр. 350. Воронежскіе Акты, часть 3-я, N CXLV, стр. 118.

шить будетъ не можно, писать въ одно время и въ Москву и въ главный городъ; въ другихъ велѣно писать только въ главный городъ; иногда между дѣлами постанавливалось слѣдующее различіе: о большихъ дѣлахъ воевода долженъ былъ писать въ Москву, а о малыхъ въ главный городъ. Въ нѣкоторыхъ наказахъ опредѣлено именно, о какихъ дѣлахъ куда слѣдуетъ писать. Такъ, въ наказѣ черноярскому воеводѣ 1665 года, ему велѣно доносить астраханскимъ воеводамъ о произведенныхъ имъ наказаніяхъ ворамъ, корчемникамъ и зерщикамъ. Въ другихъ наказахъ нѣтъ этого опредѣленія, но вмѣсто того сказано, о какихъ административныхъ дѣлахъ куда слѣдуетъ доносить. Сдѣлавъ распоряженіе въ слѣдствіе донесенія пригороднаго воеводы, воеводы главнаго города иногда обязаны были, въ свою очередь, донести о томъ въ приказъ, хотя бы и не было нужды въ его разрѣшеніи; иногда, напротивъ, могли сами распоряжаться въ этомъ случаѣ, безъ всякаго разрѣшенія. Такъ, въ наказѣ астраханскимъ воеводамъ 1650 года, велѣно имъ, если они что учинятъ по отпискамъ черноярскаго воеводы, писать обо всемъ къ государю. Напротивъ, въ наказѣ тобольскому воеводѣ 1664 года, просто предписано: «а будетъ Тобольскаго разряда воеводы учнутъ къ нему боярину и воеводѣ.... о указѣ писать, и ему съ указомъ отъ себя къ нимъ о всякихъ дѣлахъ писати». Вѣроятно, такихъ разнообразныхъ опредѣленій было не мало. Обращаясь къ царскимъ грамотамъ этого періода, писаннымъ по разнымъ судебнымъ дѣламъ, мы видимъ, что неопредѣленность господствовала не только въ наказахъ, но и въ самой практикѣ. Такъ, хотя Воронежъ издавна былъ пригородомъ Бѣлгорода, но всѣ сношенія по судебнымъ дѣламъ происходили прямо съ Разрядомъ и другими приказами. Апелляція большею частію подавалась въ приказы, и въ слѣдствіе жалобы, дѣло переносилось прямо туда, а не къ главному воеводѣ. Однако это не устраняло совершенно вмѣшательства послѣдняго. Точно также тяжущіеся могли обращаться и къ нему, мимо приказовъ. Естественно, что при такомъ порядкѣ столкновенія между инстанціями были неизбѣжны. Замѣчательный примѣръ встрѣчаемъ мы въ Воронежѣ въ 1668 и 1669 годахъ. Въ 1668 г., по челобитной Во-

ронежцевъ, велѣно было таможню и кабакъ въ Воронежѣ взять изъ откупа и отдать на вѣру головѣ и цѣловальникамъ, которыхъ жители къ тому дѣлу выберутъ. Воронежскій воевода немедленно сдѣлалъ на этотъ счетъ распоряженіе, но откупщикъ его не послушался, таможни и кабака не отдалъ. Тогда, въ слѣдствіе вторичной жалобы воронежскихъ жителей, была послана новая, подтвердительная царская грамота такаго же содержанія. Эту вторую грамоту откупщикъ нашелъ средство задержать и продолжалъ по прежнему собирать большую пошлину. Въ тоже время онъ подалъ челобитную бѣлгородскому воеводѣ князю Ромонадовскому о взысканіи съ посадскихъ людей пошлинныхъ и напойныхъ денегъ и получилъ отъ него отписку на имя воронежскаго воеводы Уварова. По этой отпискѣ онъ началъ править деньги вдвое и втрое противъ своихъ книгъ и росписей, однихъ изъ жителей билъ на правежѣ, а другихъ отдавалъ на поруки въ томъ, что стать имъ въ Бѣлгородѣ. Воронежцы снова обратились съ жалобою въ Разрядъ. Разрядъ запретилъ производить правежъ и уничтожилъ распоряженіе князя Ромодановскаго, на томъ основаніи, о которомъ упомянуто выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ откупщика и повѣренныхъ города, одного или двухъ человѣкъ, которыхъ жители выберутъ, велѣно прислать въ Разрядъ, для очныхъ ставокъ. Изъ этого примѣра видно, какъ мало были опредѣлены отношенія пригородовъ къ главнымъ городамъ. Сначала воевода главнаго города вступается въ дѣло, не смотря на то, что приказомъ сдѣланы были уже распоряженія, потомъ его вмѣшательство уничтожается грамотою на имя пригороднаго воеводы безъ всякаго увѣдомленія начальства главнаго города.

Болѣе опредѣленныя отношенія должна была производить полная отдача второстепенныхъ городовъ въ управленіе воеводы какаго нибудь города, съ предоставленіемъ ему права назначать туда начальниковъ. Такая мѣра встрѣчается уже подъ самый конецъ XVII вѣка. Въ 1692 г, именнымъ указомъ отъ 9-го іюля, при назначеніи въ Ярославль Соковнина, велѣно ему «къ тому же городу вѣдать.... всякими расправными и татиными и убивственными дѣлами городы Ростовъ, Переяславль-Залѣсскій; а въ тѣхъ городѣхъ прежнимъ воеводамъ и губнымъ старостамъ не быть, а быть въ тѣхъ городѣхъ тѣхъ же городовъ изъ отстав-

ныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, по его Васильеву разсмотрѣнію». Такимъ же образомъ къ Ярославлю были присоединены въ 1694 году города Угличь и Романовъ, имѣвшіе до того времени особенныхъ воеводъ, изъ Приказа Большаго Дворца. Замѣчательно, что и здѣсь видно возвращеніе къ мѣстному началу. По всей вѣроятности, были и другіе случаи такого рода, потому что Котошихинъ говоритъ, что въ пригороды посылаются воеводы, дворяне и дѣти боярскіе какъ изъ Москвы, такъ и отъ воеводъ главныхъ городовъ. Можетъ быть, въ пригороды посылались не воеводы, а приказные люди, ибо вообще воеводы назначались обыкновенно только изъ Москвы.

Историческія отношенія пригородовъ къ главнымъ городамъ, какъ видно, не давали въ это время повода ни къ какой административной зависимости. Такъ Старая Руса, по воеводскому наказу 1664 года, была совершенно независима отъ Новгорода, котораго прежде была пригородомъ. Въ такихъ же отношеніяхъ, во второй половинѣ XVII вѣка, находилась Шуя къ Суздалю. За исключеніемъ временныхъ царскихъ порученій, которыя были иногда возлагаемы на суздальскаго воеводу въ Шуѣ, никакой другой зависимости вовсе не было.

Кромѣ обыкновеннаго, воеводскаго и приказнаго управленія были еще особенные, дворцовые воеводы и приказные люди. Приказъ Большаго Дворца завѣдывалъ не одними дворцовыми крестьянами, но цѣлыми городами и волостями, со всѣми ихъ жителями. Такъ въ 1682 году, къ его вѣдомству принадлежала цѣлая Важская волость. Иногда, впрочемъ, отъ него зависѣлъ не весь городъ, а только часть его. Напр. когда въ 1694 году Угличь и Романовъ были присоединены къ округу ярославскаго воеводы, то посадскіе и слободскіе люди этихъ городовъ остались въ зависимости отъ Приказа Большаго Дворца. Иногда особые воеводы были даже и въ селахъ: такъ въ 1683 году, въ дворцовомъ селѣ Дуниловѣ, Суздальскаго уѣзда, былъ особенный воевода. Когда дворцовый воевода завѣдывалъ цѣлымъ городомъ и его уѣздомъ, тогда, разумѣется, всѣ приказные люди его округа отъ него зависѣли; въ противномъ случаѣ послѣдніе прямо сносились съ приказомъ Власть ихъ была огра-

ничена тѣмъ, что уголовныхъ дѣлъ они не судили. О предѣлахъ суда ничего неизвѣстно [425]).

Губные старосты избирались и управляли также, какъ прежде. О гражданскомъ судѣ ихъ и въ этомъ періодѣ есть извѣстія. Въ 1661 г., въ слѣдствіе отозванія изъ всѣхъ городовъ воеводъ и приказныхъ людей, имъ было поручено на время областное управленіе. Въ 1702 году они окончательно уничтожены вмѣстѣ съ сыщиками.

Земскіе судьи, или судейки, по свидѣтельству Котошихина, бывали въ это время въ тѣхъ черныхъ волостяхъ, гдѣ не было прикащиковъ. Ихъ обыкновенно было по десяти человѣкъ, назначавшихся по выбору волостныхъ крестьянъ. Уголовныхъ дѣлъ судейки не вѣдали. Замѣчательно слѣдующее выраженіе о нихъ Котошихина. Онъ говоритъ, что волостные крестьяне «судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ *и безъ грамотъ*». Видно, въ нѣкоторыхъ волостяхъ выборное управленіе вошло въ обычаи, уже не требовавшій никакаго подтвержденія. Въ тоже время нельзя не замѣтить, что изъ этого единственнаго несомнѣннаго свидѣтельства о земскомъ управленіи въ XVII вѣкѣ видно, какъ была стѣснена его сфера: въ XVI столѣтіи оно господствовало еще въ цѣлыхъ областяхъ, теперь, кромѣ черныхъ селъ, уже нигдѣ его не видно.

Особенная и замѣчательная попытка возвращенія къ земскому управленію встрѣчается въ Псковѣ. До 1665 года псковскіе посадскіе люди управлялись между собою точно также, какъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ русскихъ, т. е. для сбора и раскладки податей имѣли своихъ выборныхъ земскихъ старостъ, а въ дѣлѣ суда и другихъ отраслей управленія зависѣли отъ воеводъ. Въ этомъ году произошла перемѣна. Надобно замѣтить, что въ псковскомъ посадѣ было много вновь записанныхъ туда

---

[425]) А. И. т. IV, NN 40, 181, т. V, NN 161, 208. П. С. З. N 1670. Доп. къ А. И. т. IV, N 138. Воронежскіе Акты, часть 3-я, N CXLV. П. С. З. NN 1442, 1481. Котошихинъ, глава VIII-я, ст. 2. Доп. къ А. И. т. IV, N 140. Старинные Акты Шуи, N 155.—А. А. Э. т. IV, N 250. П. С. З. N 1481. Старинные Акты Шуи, N 159. Доп. къ А. И. т. IV, NN 61, 62. Котошихинъ, глава XI-я, ст. 1-я.

Ивангородцевъ, которые безпрестанно ссорились съ старыми Псковичами. Это, разумѣется, придавало особенную силу той враждѣ лучшихъ людей съ средними и младшими, которая была однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій древней русской жизни. Борьба приняла такіе размѣры, что усилила недоборы въ податяхъ, и притомъ въ трудное время, среди войны Россіи съ Польшею и Швеціей. Правительство не могло не обратить на это вниманія. Въ 1665 году пришла изъ Москвы царская грамота на имя двухъ псковскихъ земскихъ старостъ Государь указывалъ на причину недоборовъ: они происходятъ, говорилъ онъ, отъ несогласія между посадскими людьми, которые «въ крѣпости гражданскаго постановленія не держатъ» и «отъ нерадѣнья всенароднаго», отъ выборовъ не по достоинству. Головы и цѣловальники, вмѣсто того, чтобъ исполнять требованія съѣзжей избы, привыкли отбывать отъ нихъ челобитьемъ и сроками. Чтобъ прекратить все это, грамота предписывала «земскимъ старостамъ сойтися съ лутчими людьми въ земской избѣ для общаго всенароднаго совѣта, и о градскомъ устроеніи со всякимъ усердіемъ говорить». На новый порядокъ указано въ главныхъ чертахъ. Въ слѣдствіе этой грамоты Псковичи сошлись въ земской избѣ и написали между собою статьи о городскомъ устройствѣ. Оно чрезвычайно замѣчательно, ибо даетъ выборному началу самое широкое примѣненіе, а по своей опредѣленности рѣшительно превосходитъ всѣ прежнія учрежденія вольныхъ городовъ въ Россіи. Псковичи, какъ старые, такъ и новые, переписанные изъ Ивангорода, должны были выбирать каждые три года пятнадцать человѣкъ; изъ нихъ пятеро ежегодно присутствуютъ въ земской избѣ, по истеченіи трехъ лѣтъ выборы происходятъ снова. Выборные люди судятъ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, какъ посадскихъ людей, такъ и крестьянъ церковныхъ вотчинъ. Обыкновенныя уголовныя дѣла подлежатъ губнымъ старостамъ; разбой, душегубство и измѣна судятся воеводами; но изъ суда губныхъ старостъ выборные люди не вовсе исключаются: они стоятъ у пытки и участвуютъ въ допросѣ. По дѣламъ между посадскими и служилыми людьми учреждается смѣстный судъ: дворянинъ, назначенный воеводою къ суднымъ дѣламъ, судитъ вмѣстѣ съ выборными людьми; рѣшеніе

поступаетъ на докладъ къ воеводѣ. Точно также устроенъ судъ и въ псковскихъ пригородахъ. Введеніе новыхъ учрежденій было облечено нѣкоторою торжественностію. 13-го апрѣля 1666 года, послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ, Псковичи поднесли написанныя ими статьи на разсмотрѣніе псковскому архіепископу. Архіепископъ благословилъ ихъ и похвалилъ новое устройство; послѣ этого статьи были представлены въ съѣзжую избу и отправлены, въ особомъ спискѣ, въ Москву, при челобитной отъ города. Также смотрѣлъ на новое устройство и воевода Ордынъ-Нащокинъ. Онъ видѣлъ въ немъ не только способъ къ прекращенію распрей, но и средство удержать Псковичей отъ измѣны, и потому послалъ, съ своей стороны донесеніе въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, доказывая необходимость утвердить посланныя статьи. До какой степени Нащокинъ дѣйствовалъ сознательно, видно изъ того, что позже, оправдываясь передъ царемъ въ обвиненіи, будто-бы имъ усилены псковскія смуты, онъ говорилъ въ докладной запискѣ: «во всякомъ городѣ вся крѣпость въ посадскихъ людяхъ». Это твердое убѣжденіе, довольно рѣдкое въ тогдашней Россіи, заставило его дѣйствовать смѣло и быстро. Отвѣтъ изъ Москвы былъ нерѣшительный. Царь писалъ воеводѣ, что похваляетъ его за службу и радѣнье, а Псковичей за ихъ добрый совѣтъ; но не утвердилъ земскаго управленія; важнѣйшія дѣла мѣшали ему разсмотрѣть посланныя статьи: въ Москву ѣхалъ польскій посолъ для переговоровъ о мирѣ. Псковичи были только избавлены отъ платежа пятой деньги. Но еще не дождавшись царскаго отвѣта Нащокинъ уже сдѣлалъ всѣ распоряженія о введеніи новаго порядка: велѣлъ жителямъ присягнуть въ храненіи статей, избрать старостъ и привести ихъ къ присягѣ. Управленіе началось, но вскорѣ оказало свои слабыя стороны. Какъ видно, оно не уничтожило преобладанія лучшихъ людей. При Нащокинѣ оно еще держалось, но едва онъ оставилъ Псковъ для управленія Новгородскою Четвертью, какъ несогласія тамъ возобновились: начались жалобы, что лучшіе люди всякія дѣла дѣлаютъ безъ вѣдома среднихъ и младшихъ, а при раскладкѣ обременяютъ ихъ большими и частыми податями. Къ тому же, новый воевода, князь Хованскій смотрѣлъ на земское управленіе совсѣмъ другими глазами. Онъ писалъ государю, что въ Псковѣ

происходятъ большіе безпорядки, посадскіе люди не ходятъ въ съѣзжую избу, судятся сами и даже дворянъ берутъ въ земскую избу, и «оттого де дворяне плачутъ». Сверхъ того выборные люди вступаются въ государственныя дѣла, выдаютъ сами проѣзжія грамоты ѣдущимъ за границу. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ земское управленіе было уничтожено. Какія опасенія оно возбудило въ теченіи своего кратковременнаго существованія, видно изъ словъ Хованскаго: «нынѣшнее, государь, своеволство не много до прежняго дурна не дошло, естьли бы попродлилось». Такъ изчезла послѣдняя попытка земскаго управленія въ большихъ размѣрахъ, бывшая въ тоже время и первымъ опытомъ сознательнаго устройства городскаго быта въ Россіи.

Остатки древнѣйшихъ формъ суда и расправы изчезаютъ въ XVII вѣкѣ. Такъ изъ единственной жалованной грамоты этого періода, которою дается дворечество съ путемъ, видно. что сборъ доходовъ и судъ не предоставляются дворецкому, но остаются въ рукахъ тѣхъ приказныхъ людей, которые вѣдали ихъ до пожалованія.

Относительно судовъ привилегированныхъ правительство постоянно находилось въ колебаніи. Оно то хотѣло совершенно уничтожить несудимыя грамоты, то подчинить ихъ только правильному порядку. Уложеніе запретило выдавать ихъ въ городахъ и велѣло отобрать старыя и возвратить въ приказы; но уже черезъ два года этотъ законъ не соблюдался. и несудимыя грамоты выдавались по прежнему. Однако, не смотря на такія противорѣчія, въ привилегированномъ вѣдомствѣ произошли значительныя перемѣны, частію въ слѣдствіе мѣръ правительства, частію по естественному теченію обстоятельствъ.

1) Любопытнѣе всего въ этомъ отношеніи исторія свѣтской подсудности духовенства и его крестьянъ. Законъ Уложенія относился и къ нимъ Сверхъ того, другая мѣра должна была рѣзко разграничить двоякую подсудность духовенства, въ качествѣ служителей церкви, и по мірскимъ обиднымъ дѣламъ. Уложеніемъ всѣ свѣтскія дѣла духовенства перенесены изъ Приказа Большаго Дворца въ Монастырскій Приказъ; изъ послѣдующихъ узаконеній видно, что оно въ областяхъ было подчинено обыкновенно-

му свѣтскому суду, если не имѣло особыхъ привилегій. Эти мѣры имѣютъ важное значеніе. До сихъ поръ подсудность духовенства свѣтской власти составляла исключеніе, хотя и принявшее обширные размѣры. Стоглавомъ были осуждены несудимыя грамоты, подчинявшія членовъ церкви мірскому суду, и какъ общее правило, это постановленіе не было уничтожено. Законъ Уложенія выставлялъ противоположное начало, предписывая особенному, сословному приказу судить во всякихъ церковныхъ искахъ. Вотъ почему вопросъ о церковной подсудности долженъ былъ возникнуть съ новою силою, не смотря на то, что правительство не очень строго проводило принятую мѣру и допускало изъ нея довольно частыя исключенія, давая жалованныя грамоты то цѣлымъ епархіямъ, то монастырямъ. Напр. въ 1651 г. царь Алексѣй Михайловичъ предоставилъ новгородскому митрополиту Никону полный судъ надъ духовенствомъ, чернымъ и бѣлымъ, на всемъ пространствѣ его епархіи; даже о судѣ смѣстномъ въ этой грамотѣ не упоминается. Такія же грамоты даны въ 1654 году Иверскому монастырю, а въ 1662 г. московскому Новодѣвичьему. Подобная привилегія дана въ 1658 году полоцкому Богоявленскому монастырю. Всѣ эти мѣры, конечно, нарушали принятое правило, но вовсе не въ пользу единства управленія, а потому понятно, что когда началась борьба церковной власти съ свѣтскою, то Монастырскій Приказъ не мало содѣйствовалъ раздору. Взглядъ на него высшаго духовенства былъ энергически выраженъ патріархомъ Никономъ во время его ссоръ съ царемъ. Когда въ 1663 г. князь Одоевскій и Стрѣшневъ спрашивали у него въ Новомъ Іерусалимѣ, какія были ему обиды отъ государя, то патріархъ велѣлъ отвѣчать: «Обиды де ему отъ васъ великаго государя такія, что будто вы, великій государь, закону Божію не исполняете и въ духовныя дѣла и во святительскіе суды вступаетеся, а дѣлають де всякія дѣла въ Монастырскомъ Приказѣ и служить де насъ заставливаютъ». Взаимныя притязанія двухъ властей заставили соборъ 1667 года обратить вниманіе на церковную подсудность. Къ суду епископовъ отнесены имъ слѣдующія дѣла мірскихъ людей: изъ семейственныхъ дѣлъ: 1) дѣла о незаконныхъ бракахъ и о разводѣ, 2) объ усыновленіи, 3) о побочныхъ дѣтяхъ, 4) судъ надъ дѣтьми въ

непослушаніи родителямъ; изъ дѣлъ уголовныхъ: 1) дѣла о прелюбодѣяніи, 2) объ обидахъ, соединенныхъ съ обезчещеніемъ рожденія лица. Изъ имущественныхъ дѣлъ гражданскихъ: 1) свидѣтельствованіе духовныхъ, 2) споры о духовныхъ и рядныхъ, 3) иски о раздѣлѣ и 4) иски господъ о возвращеніи имъ рабовъ, поступившихъ въ монастырскіе послушники. Члены духовенства были вполнѣ подчинены церковному суду, съ совершеннымъ освобожденіемъ отъ свѣтскаго, какъ областнаго, такъ и центральнаго. Даже по дѣламъ мірскихъ людей, допросъ производился имъ духовными судьями, по памятямъ изъ приказовъ. Иски мірянъ на духовенствѣ тоже должны были вчинаться передъ духовными судьями Для уголовныхъ дѣлъ оно получило отдѣльныхъ судей. Постановленія собора не были однако въ точности исполнены. Монастырскій Приказъ продолжалъ существовать еще десять лѣтъ, и жалованныя грамоты выдавались по прежнему. Онѣ были нужны для подтвержденія права. Едва прошло три года послѣ закрытія собора, какъ патріархъ Іосафъ, самъ принимавшій въ немъ участіе, долженъ былъ просить царя Алексѣя Михайловича о возобновленіи прежней несудимой грамоты, данной еще патріарху Филарету Никитичу, по которой духовенство, въ дѣлахъ между собою, судилось у своихъ властей, иски же свои на постороннихъ лицахъ предъявляло по мѣсту подсудности отвѣтчика. Въ 1672 году, по просьбѣ того же патріарха, всѣ тяжебныя дѣла втораго рода переданы въ одинъ Помѣстный Приказъ. Неисполненіе соборныхъ постановленій 1667 года вызвало, въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича, новый помѣстный соборъ, на которомъ, вмѣстѣ съ разграниченіемъ вѣдомства епархій, было опять повторено запрещеніе мірскимъ судьямъ судить духовенство. Вѣроятно, въ слѣдствіе этого, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, указомъ 1677 года декабря 19-го, велѣлъ закрыть Монастырскій Приказъ и дѣла его передать въ Приказъ Большаго Дворца. Но духъ времени неуклонно направлялъ къ секуляризаціи, и въ 1701 году, именнымъ указомъ 24-го января, Петръ Великій возобновилъ Монастырскій Приказъ, положивъ этою мѣрою начало окончательнаго упраздненія гражданскаго суда духовенства. Дѣла по духовнымъ иряднымъ еще въ 1700 г. переданы Помѣстному приказу.

2) Подсудность церковныхъ крестьянъ слѣдовала почти тѣмъ же колебаніямъ. Соборъ 1667 года подчинилъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ одному церковному суду; однако это правило не пользовалось большою силою, безъ особенныхъ жалованныхъ грамотъ, которыя выдавались поэтому на прежнемъ основаніи и въ большомъ количествѣ. Такую грамоту получилъ въ 1670 году патріархъ Іосафъ, въ 1686 году возобновлена на томъ же основаніи несудимая грамота новгородскаго митрополита. Есть грамоты такаго же содержанія, данныя монастырямъ, но большею частію, избавляя монастырскихъ крестьянъ отъ подсудности мѣстной власти, онѣ подчиняютъ ихъ владѣльцевъ, по вотчиннымъ дѣламъ, суду свѣтскаго центральнаго управленія. Вообще надобно замѣтить, что духовенство напоминало о соборномъ постановленіи 1667 года только по отношенію къ мѣстному, областному суду. Отъ подсудности свѣтскимъ центральнымъ учрежденіямъ оно не стремилось избавиться. Петръ Великій въ 1702 г. постановилъ общимъ правиломъ, чтобъ воеводы архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ не судили [426].

3) Крестьяне другихъ землевладѣльцевъ, въ слѣдствіе общаго укрѣпленія, сдѣлались уже по правилу подсудными своимъ господамъ, безъ всякихъ особенныхъ жалованныхъ грамотъ.

4) Стрѣльцы, какъ уже было сказано, сохранили свое отдѣльное вѣдомство, но въ областяхъ ихъ начальники большею частію были подчинены воеводамъ. Кажется, однако, что въ нѣкоторыхъ городахъ стрѣлецкіе головы остались по суду независимы. Рейтары и казаки судились въ Москвѣ своими приказами, но въ областяхъ воеводами.

---

[426]) Акты, относящіеся до юрид. быта др. Россіи, изд. Калачовымъ, т. I, N 15, III, IV, V, и др. П. С. З. N 1900. — Котошихинъ, глава XI-я, ст. I. Доп. къ А. И. т. VI, NN 11, 112, 130; т. V, N 1. — Уложеніе, глава X-я, ст. 153, глава XIII-я. А. А. Э. т. IV, N 50. П. С. З. N 124. — А. И. т. IV, NN 113, 166. С. Г. Г. т. IV, N 34, стр. 128. — А. А. Э. т. IV, N 155. — П. С. З. N 412. А. А. Э. т. IV, N 161. А. И. т. IV, N 215. П. С. З. N 505. А. А. Э. т. IV, N 204. П. С. З. NN 711, 1829, 1848. — А. И. т. V, NN 135, 146, 247. Ср. А. А. Э. т. IV, N 163. П. С З. N 1914.

5) Лица, особенно подчиненныя какому нибудь приказу, по роду ихъ занятій, избавлялись отъ областной инстанціи. Сюда принадлежатъ: кирпичники и каменщики, откупщики и мытчики, владѣльцы заводовъ, подчиненные Оружейной Палатѣ и т. п.

6) Нѣкоторыя лица купеческаго званія тоже судились прямо въ Москвѣ. Торговые иноземцы подчинялись исключительно суду Посольскаго Приказа, а русскіе торговые люди и гости нерѣдко Приказу Большой Казны. Иногда эта привилегія принимала почти сословные размѣры. Въ 1682 году вся московская суконная сотня была изъята, во время разъѣздовъ, отъ воеводскаго суда по городамъ. Еще прежде, Новоторговымъ Уставомъ 22-го апрѣля 1665 г., запрещено было сибирскимъ воеводамъ, въ чемъ бы то ни было, вѣдать купецкихъ людей, какъ на сухомъ пути, такъ и на водяномъ. Послѣ это запрещеніе было неоднократно повторяемо. Есть примѣры и такихъ изъятій, которыя имѣли случайный, временный характеръ. Въ 1665 году, въ слѣдствіе насилія воеводы Голохвастова, велѣно было енисейскихъ посадскихъ лучшихъ людей вѣдать таможенному головѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ присланъ новый воевода [427]).

Устройство особенныхъ вѣдомствъ было слѣдующее.

1) Суды епископовъ. Епископскій судъ, по прежнему, можно разсматривать: а) какъ судъ епархіальнаго начальника надъ всѣми жителями епархіи, б) какъ судъ мѣстнаго главы духовенства, и в) какъ судъ землевладѣльца. Въ первомъ отношеніи, епископъ судилъ и міряиъ, по ихъ религіознымъ дѣламъ. Соборомъ 1675 г. разграничены суды патріарховъ и епископовъ. Обращаться къ патріарху мимо епископовъ позволено только въ случаѣ неудовольствія ихъ судомъ, или по самой крайней нуждѣ, когда почему нибудь истцу нельзя ѣхать въ епархію. Этотъ судъ дается епископомъ въ Разрядѣ, гдѣ также судятся иски міряиъ на

---

[427]) П. С. З. № 1738, ст. 18. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. 20-й. Уложеніе, глава VIII-я, ст. 22. А. А. Э. т. IV, № 202. Доп. къ А. И. т. V, № 9, т. IV, № 136. П. С. З. №№ 803, 1398. А. И. т. V, № 43. Доп. къ А. И. т. IV, № 56. А. А. Э. т. IV, № 252. П. С. З. № 408, ст. 35, 1542, ст. 31, 1545, 1595, ст. 13, 1663. А. И. т. IV, № 182.

духовенствѣ. Для наблюденія за церковнымъ благочиніемъ существовали, въ мѣстахъ пребыванія епископовъ, тіунскія избы, или тіунскіе приказы, а также приказы церковныхъ или духовныхъ дѣлъ. Различіе между ними состояло, повидимому, въ томъ, что тіунскіе приказы вѣдали собственно дѣла епископскаго города, а приказы церковныхъ дѣлъ всѣ вообще дѣла епархіи. Для суда надъ духовенствомъ существовали судные приказы, въ которые однако иногда поступали и дѣла церковнаго благочинія, можетъ быть, по связи ихъ съ судомъ надъ духовенствомъ за нарушеніе каноническихъ постановленій. Для сбора епископскихъ доходовъ съ духовенства и крестьянъ, существовали казенные приказы. Общее названіе всего высшаго епархіальнаго управленія было: епископскій, или патріаршій, дворъ или домъ. Въ слѣдствіе соборныхъ статей 1667 года, свѣтскіе судьи изчезли изъ епископскихъ приказовъ. Соборомъ 1675 г. подтверждено, чтобы всѣ судьи были изъ духовнаго чина. Составъ приказнаго управленія былъ иногда коллегіальный, иногда бюрократическій. Жалоба на патріаршіе приказы приносилась мірянами въ Боярскую Думу.

Въ епархіи, епископы держали, въ различныхъ мѣстностяхъ, десятинниковъ, которые, повидимому, нерѣдко бывали и изъ свѣтскихъ лицъ. Такіе десятинники изъ міряпъ были до 1675 года, когда запрещено назначать въ это званіе архіерейскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и предписано сбирать архіерейскіе доходы посредствомъ архимандритовъ, игумновъ, протопоповъ, поповскихъ старостъ или заказчиковъ, по назначенію епископа, или по выбору низшаго духовенства. Дѣйствительно, съ этого времени характеръ десятиннаго управленія измѣняется. Надобно сказать, что еще въ 1667 году соборомъ сдѣлана перемѣна въ уголовномъ судѣ надъ членами церкви. Для слѣдствій надъ духовенствомъ учреждены заказчики, назначаемые епархіальными архіереями. Къ этимъ заказчикамъ сыщики обязаны представлять всѣхъ членовъ духовенства, заподозрѣнныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ; они одни производятъ допросъ, въ случаѣ несознанія преступника докладывая своему епископу; только по лишеніи священнаго сана преступникъ отсылается къ обыкновенному градскому суду, для наказанія. Если въ преступленіе

замѣшаны, какъ духовныя лица, такъ и свѣтскія, то заказчикъ допрашиваетъ, вмѣстѣ съ сыщикомъ, и тѣхъ и другихъ. Въ съѣзжей избѣ онъ засѣдаетъ выше сыщика. — Въ это время десятинники еще существовали, и даже послѣ 1675 г. они упоминаются. Но мысль собора 1675 г. не осталась безъ исполненія, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго. Въ Новгородѣ вскорѣ мы встрѣчаемъ заказчиковъ во главѣ всего управленія, вмѣсто прежнихъ десятинниковъ. Заказчики избирались здѣсь изъ архимандритовъ. Имъ поручались, какъ наблюденіе за церковнымъ благочиніемъ, такъ и судъ въ религіозныхъ дѣлахъ надъ мірянами, а надъ духовенствомъ во всякихъ дѣлахъ, церковныхъ и гражданскихъ. Жалоба на нихъ шла къ митрополиту. Судили они по Уложенію и по церковнымъ правиламъ. Десятскіе священники и поповскіе старосты, для наблюденія за церковнымъ благочиніемъ и сбора доходовъ, существовали по прежнему. Округъ, завѣдываемый заказчикомъ, назывался заказомъ.

Крестьянъ архіерейскихъ судили прикащики, кромѣ уголовныхъ дѣлъ [428]).

2) Въ монастырскомъ судѣ тоже слѣдуетъ отличать судъ чернаго духовенства и владѣльческій судъ монастыря надъ крестьянами. Въ устройствѣ ихъ замѣтно нѣкоторое различіе, смотря по гражданскому положенію монастыря. Наибольшую опредѣленность находимъ мы въ судѣ привилегированныхъ монастырей, зависѣвшихъ отъ царскаго управленія. Правительство заботилось о развитіи общежительства и старалось разграничить кругъ дѣйствія каждаго изъ членовъ монастырскаго собора. Архимандриту обыкновенно поручался судъ надъ однимъ духовенствомъ; судъ же надъ монастырскими слугами и крестьянами предоставлялся другимъ властямъ: строителю, келарю, или казначею, иногда двумъ изъ этихъ лицъ вмѣстѣ. Эти два суда до того были поставлены независимо одинъ отъ другаго, что архимандриту обыкновенно

---

428) А. А. Э. т. IV, NN 153, 204, 273. Уложеніе, глава II-я, ст. 2. А. И. т. V, NN 100, 152. П. С. З. N 2451. А. И. т. IV, N 203, т. V, N 244, I. А. А. Э. т. IV, NN 105, 228, 285; 161, 237; 225. А. И. т. V, N 244. — А. А. Э. т. IV, NN 198, 73. Котошихинъ, глава XI-я, ст. 2.

предписывалось ни въ чемъ не вѣдать дѣлъ между мірянами, подвластными монастырю; по дѣламъ между монахами и монастырскими крестьянами учреждался смѣстный судъ, изъ архимандрита, келаря и соборныхъ старцевъ. Келарь всегда, кажется, судилъ вмѣстѣ съ соборными старцами. Въ монастыряхъ, зависѣвшихъ и въ гражданскомъ отношеніи отъ епархіальныхъ начальниковъ, положеніе келаря не было, кажется, такъ самостоятельно. Такъ изъ грамоты суздальскаго архіепископа Стефана, 1669 г., видно, что въ юрьево-польскомъ Архангельскомъ монастырѣ, хотя келарь и завѣдывалъ крестьянами, но дѣлалъ это по приказанію архимандрита, слѣдовательно не имѣлъ совершенно самостоятельнаго положенія. Въ монастыряхъ, приписанныхъ къ архіерейскимъ домамъ, вмѣстѣ съ соборомъ, завѣдывалъ иногда хозяйственными дѣлами архіерейскій приказный человѣкъ. Это видно изъ наказа Иверскаго монастыря, 1660 г. Въ приписныхъ монастыряхъ управленіе устроивалось, по возможности, сходно съ главнымъ монастыремъ. Напр. Савво-Сторожевскій монастырь, отправляя строителей въ подчиненныя ему обители, обыкновенно предписывалъ имъ управлять при наблюденіи собора: если строитель ѣхалъ въ городъ по монастырскимъ дѣламъ, то долженъ былъ брать съ собою казначея, или того, «кому онъ казначей вѣритъ»; если же онъ ѣхалъ по крестьянскимъ дѣламъ, то бралъ съ собою изъ крестьянъ старосту, или цѣловальника, или просто выбраннаго ими человѣка. Въ женскихъ монастыряхъ центральное управленіе вотчинами находилось иногда въ рукахъ приказнаго человѣка, который, на съѣзжемъ дворѣ, дѣлалъ всѣ непосредственныя распоряженія.

Въ частности, для управленія своими вотчинами, монастыри назначали особыхъ прикащиковъ, какъ изъ числа монаховъ, такъ и изъ числа монастырскихъ слугъ. Слуги, или служебники монастырей, составляли цѣлое сословіе. Въ XVII вѣкѣ, въ число ихъ поступали иногда и служилые люди съ своими вотчинами. Это дѣлалось или для того, чтобъ отбывать отъ царской службы, или просто отъ бѣдности, чтобъ получать пропитаніе; монастыри же такимъ способомъ распространяли свои владѣнія. Слуга или служка находился въ полномъ распоряженіи монастыря и могъ быть высланъ на государеву службу, даже въ томъ случаѣ,

когда онъ именно договаривался, чтобъ съ нимъ этого не дѣлали. Дѣти его могли однако поступать, въ какую угодно службу. Управленіе какъ монаховъ, такъ и монастырскихъ слугъ, носитъ одинъ и тотъ же характеръ, но особенно въ назначеніи первыхъ ярко выступаютъ черты XVI вѣка, которыя правительство въ это время старалось уничтожить въ свѣтскомъ управленіи. Не только всѣ поборы прикащиковъ сохранились въ прежнемъ объемѣ, но даже самое назначеніе дѣлалось вмѣсто жалованья и замѣняло денежныя выдачи. Въ 1663 году, игуменъ съ братіею Покровскаго монастыря пожаловали одного соборнаго старца «на платье, вмѣсто зажилаго, прикащиковыми и доводчиковыми доходами», въ монастырскомъ селѣ съ деревнями. Прикащику предписывалось судить «по тамошнему смотря»; на судѣ у него засѣдали староста съ цѣловальниками, иногда также сельскій священникъ. Судъ его обыкновенно былъ ограниченъ пятью рублями. Дѣла выше этой суммы отсылались въ монастырь, куда также поступали и жалобы; впрочемъ тяжущіеся во всякомъ случаѣ могли подать челобитную прямо въ монастырь. Управленіе монастырскихъ прикащиковъ, не смотря на общія основанія, было чрезвычайно разнообразно въ подробностяхъ. Оно очень долго избѣгало всякаго прямаго вліянія правительства. Во весь XVII вѣкъ вышло только одно постановленіе: помѣстный соборъ 1681 года приговорилъ, чтобы въ тѣ дѣвическіе монастыри, которые многовотчинники, государь приказалъ послать, для управленія вотчинами, дворянъ старыхъ и добрыхъ. Они подчинены мѣстнымъ архіереямъ. Неизвѣстно, было ли это исполнено.

Жалоба на прикащика, какъ сказано выше, поступала въ монастырь, гдѣ, вѣроятно, дѣло пересматривалось келаремъ. Этою второю инстанціею прекращалось обыкновенное, опредѣленное восхожденіе дѣла. Но случалось также, что на притѣсненія отъ монастырскаго начальства, или на неповиновеніе крестьянъ, жалобы подавались свѣтской власти. Такъ въ 1688 г. архимандритъ Шартомскаго монастыря заявилъ въ суздальской земской избѣ о непослушаніи монастырскихъ крестьянъ: «вотчинные крестьяне, говорилъ онъ,.... пришли на монастырь большимъ собраніемъ къ кельишкѣ моей, и меня.... бранили всякою неподобною скаредною бранью, за то, что ты де хочешь бити че-

ломъ великому государю, чтобъ де у насъ землю смѣтить и окладомъ обложить противъ прочихъ монастырей, и мы тебя скорѣе обложимъ, чтобъ тебѣ головы не потерять». Крестьяне, съ своей стороны, подали явку, что когда они приходятъ къ архимандриту, то онъ ихъ бранитъ, позоритъ, называетъ ворами и въ желѣза сажаетъ; «да онъ же архимандритъ научаетъ зятя своего... съ дѣтьми имать по насъ спротъ монастырскихъ крестьянишекъ зазывные грамоты для своей бездѣльной корысти, и дворы у насъ и полосы отнимаетъ насильствомъ и отдаетъ роднѣ своей». Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это любопытное столкновеніе. Въ случаѣ жалобы вообще на притѣсненія, и монастырскіе слуги обращались къ царскому управленію. Но, при обыкновенномъ ходѣ тяжебнаго дѣла, монастырь, для своихъ подданныхъ, составлялъ послѣднюю инстанцію.

3) О владѣльческомъ судѣ слѣдуетъ только замѣтить, что въ уголовныхъ дѣлахъ господа не имѣли права судить своихъ крестьянъ [429]).

Центральная, приказная администрація не потерпѣла существенныхъ измѣненій въ это время. Въ ней по прежнему проглядываетъ личное начало. Однако въ мѣрахъ и распоряженіяхъ правительства болѣе прежняго видно стремленіе къ внесенію порядка и единства въ это управленіе. Такимъ образомъ исторія приказовъ въ XVII вѣкѣ подробно знакомитъ насъ съ началами и пріемами древней администраціи и въ тоже время показываетъ, какое развитіе могло получить старинное судоустройство.

Приказы безпрестанно умножались въ XVII вѣкѣ. Изъ придворныхъ образовались: 1) нѣсколько Мастерскихъ Палатъ, завѣдывавшихъ личною услугою царицъ и даже царевенъ. Эти палаты, разумѣется, существовали только при жизни того лица, для котораго были учреждены. Въ вѣдомствѣ ихъ состояли тѣ масте-

---

[429]) А. А. Э. т. IV, NN 163, 172; 114; 67. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 22, 81—85. — А. А. Э. т. IV, NN 37, 112, 114, 145. А. И. т. V, N 177. Доп. къ А. И. т. IV, N 43. А. Ю. N 334. А. И. т. V, N 75. Старинные Акты Шуи, NN 105, 106. — Котошихинъ, глава XI-я, ст. 3.

ровые люди, которые должны были работать на царицу. Сверхъ того, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, къ Мастерской Царицыной Палатѣ приписаны были двѣ слободы: Кадашево и Брентово, которыхъ жители были ей подсудны. По словамъ Котошихина, расправу здѣсь чинила боярыня вдова; но изъ Древней Россійской Вивліоѳики видно, что въ Мастерскихъ Царицыныхъ Палатахъ, какъ и въ другихъ приказахъ, были судьи, — окольничіе, стольники и дьяки; иногда ихъ было по нѣскольку. 2) Панафидный Приказъ, или Панафидная Палата, — возникъ около 1663 г. Назначеніемъ его было распоряжаться поминовеніемъ объ усопшихъ царяхъ и членахъ царскаго дома и посылать объ этомъ въ города указы. 3) Сытенный Дворъ, завѣдывавшій царскими погребами. 4) Кормовой Дворецъ, завѣдывавшій расходами по царскому столу 5) Хлѣбный Дворъ, завѣдывавшій расходами хлѣбныхъ запасовъ на столъ государя. — Изъ мѣстныхъ государственныхъ приказовъ возникли. 1) Приказъ Золотаго и Серебрянаго Дѣла и 2) Оружейная Палата. Первый вѣдалъ мастеровъ, дѣлавшихъ разную посуду и церковную утварь, а вторая оружейныхъ мастеровъ. - Центральные приказы частію измѣнились, частію умножились. Изъ нихъ, къ территоріальнымъ прибавились: 1) Малороссійскій 2) Великороссійскій, управлявшій дѣлами Ахтырскаго, Сумскаго, Харьковскаго, и Изюмскаго слободскихъ полковъ; 3) Смоленскій 4) Литовскій, и 5) Лифляндскій. Изъ четвертей остались въ это время: Новгородская, Устюжская, Костромская, Галицкая и Новая. Изъ сословныхъ прибавились: Рейтарскій и возстановленный Монастырскій приказы. Изъ управлявшихъ отдѣльнымъ родомъ дѣлъ образовались: 1) Счетный, повѣрявшій приходъ и расходъ всего Московскаго государства, 2) Хлѣбный, управлявшій тѣми городами и волостями, гдѣ устроена была пашня на царя, 3) Преображенскій и 4) Тайныхъ Дѣлъ, родъ тайной канцеляріи государя.

Распредѣленіе дѣлъ между приказами сохранило прежнюю неправильность. Такъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ завѣдывалъ также гранатнымъ дѣломъ и царскою лѣтнею потѣхой, Хлѣбный Приказъ завѣдывалъ кабаками и таможнями нѣкоторыхъ городовъ, Разрядъ также и т. д. Нѣкоторыя дѣла, такъ сказать, странствуютъ по различнымъ мѣстамъ, напр. гранатное дѣло было и

въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, и въ Приказѣ Большаго Дворца. Мѣры для упрощенія приказнаго управленія были прежнія, но принимались еще чаще. Къ нимъ относятся: а) Соединеніе однородныхъ приказовъ. Такъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ въ 1682 г. соединенъ съ Разрядомъ а въ 1700 г. Владимірскій Судный Приказъ соединенъ съ Московскимъ; Земскій Приказъ былъ соединенъ съ Стрѣлецкимъ, который и прежде завѣдывалъ многими земскими дѣлами; Иноземскій съ Рейтарскимъ; Приказъ Холопьяго Суда съ Суднымъ. б) Учрежденіе присудныхъ приказовъ. Въ эпоху Уложенія, ихъ было очень много, и въ подчиненіи замѣтно болѣе системы. Приказу Большаго Дворца были присудны всѣ т. н. дворы, Посольскому всѣ мѣста. завѣдывавшія новыми пріобрѣтеніями Россіи. Но совершенной однородности между подчиненцыми приказами искать, разумѣется нельзя. Поэтому отъ Посольскаго приказа напримѣръ зависѣли и нѣкоторыя старинныя области. Его присудные приказы были: Великороссійскій, Малороссійскій, Литовскій. Смоленскій, Новгородскій, Устюжскій, Владимирскій, Галицкій, Полоняничный. Тоже для введенія іерархіи, указомъ 23-го февраля 1677 года, велѣно было во всѣ приказы, гдѣ сидятъ думные люди, писать изъ Разряда не памятями, а указомъ. Этимъ всѣ общія административныя мѣста поставлены въ зависимость отъ Разряда: извѣстно, что думные люди обыкновенно управляли приказами завѣдывавшими цѣлою отраслію государственнаго управленія. По словамъ Новикова, Разрядъ стоялъ даже вообще во главѣ всѣхъ приказовъ, пока князь В. В. Голицынъ своимъ личнымъ вліяніемъ не далъ перевѣса Посольскому, что удержалось и впослѣдствіи. Кромѣ общихъ мѣръ, приказы соединялись иногда въ слѣдствіе порученія ихъ одному лицу. Такъ Милославскій завѣдывалъ въ 1682 г. четырьмя приказами: Новгородскимъ, Большаго Прихода, Владимірскимъ и Галицкой Четвертью. Всѣ эти приказы были при этомъ соединены, для того, «чтобъ челобитчикамъ по тѣмъ разнымъ приказамъ лишнія волокиты не было.» Въ слѣдующемъ году Владимірская и Галицкая Четверти и Новгородскій Приказъ снова подчинены Посольскому Приказу Точно также Житный Приказъ былъ соединенъ съ Стрѣлецкимъ, Литовскій Приказъ въ 1666 году съ Разрядомъ, Челобитенный Приказъ въ 1678 году съ Суднымъ.

Иногда и безъ этого окончательнаго соединенія приказовъ управленіе нѣсколькими изъ нихъ поручалось одному лицу. Въ 1657 г. одни и тѣже дьяки вѣдали Земскій Приказъ и Костромскую Четверть, въ 1698 г. послѣднею управляли тѣже судьи, что и въ Стрѣлецкомъ Приказѣ; Литовскій Приказъ и Устюжская Четверть въ 1657 г. находились подъ управленіемъ боярина Стрѣшнева. Какія причины побуждали иногда правительство соединять приказы, объ этомъ любопытное извѣстіе сообщаетъ Татищевъ. «Языковъ, говоритъ онъ, присовѣтовалъ царю Өедору Алексѣевичу Милославскаго дѣлами отяготить, дабы ему для оныхъ удобность часто при дворѣ быть отнять, положили на него труднѣйшіе восмь приказовъ.»

Дѣла, поступавшія въ приказы, какъ въ первую инстанцію, начинались и производились точно также, какъ и прежде. Отношеніе городовъ къ приказамъ не только не сдѣлались опредѣленные, но съ развитіемъ администраціи еще болѣе запутались. Отсутствіе всякихъ началъ видно здѣсь въ каждой мѣрѣ правительства. По словамъ Котошихина, Посольскій Приказъ вѣдалъ пять городовъ «для приказнаго строенья,» т. е. другими словами, для дохода. Едвали не съ этою цѣлію города такъ часто передавались изъ одного вѣдомства въ другое. Разумѣется, столкновенія были неизбѣжны, но они всегда разрѣшались частными распоряженіями. Напримѣръ, въ 1692 г. Ярославль, Ростовъ и Переяславль Залѣсскій были соединены подъ управленіемъ одного воеводы. Изъ этихъ городовъ. Ярославль зависѣлъ прежде отъ Разряда, а Ростовъ съ Переяславлемъ, отъ Костромской Четверти. Возникъ вопросъ, откуда давать воеводскіе наказы? Законъ вовсе не предвидѣлъ подобнаго случая Къ какому отягощенію областныхъ жителей вела эта неопредѣленность, видно изъ многочисленныхъ ихъ жалобъ. Вотъ какъ изображали свое положеніе псковскіе посадскіе люди, въ челобитной 1665 г.: «И въ розныхъ, государь, приказѣхъ, индѣ ратми, индѣ сборами денежными Псковъ вѣдомъ; а намъ сиротамъ твоимъ отъ разныхъ приказовъ и отъ пятинныхъ денегъ тягость не въ мѣру, задолжены у Нѣмецъ и товары на ихъ деньги сбираемъ изъ малаго найму, чѣмъ питаемся, а по запискамъ въ книгахъ на насъ сиротахъ твоихъ изъ того начитаютъ пятинные деньги, будто съ нашихъ животовъ; и мы

государь, не вѣдаемъ, бѣдные сироты твои, гдѣ заступленія искать и кто бъ за насъ сиротъ твоихъ вступился: Разрядъ, государь, рати строитъ и указъ твой великаго государя...., а изъ Новгородцкіе Чети и изъ иныхъ приказовъ денежныхъ сборовъ твоей великого государя казны на насъ, бѣдныхъ сиротахъ твоихъ, спрашиваютъ въ отпускъ изо Пскова къ Москвѣ; а чтобъ, великій государь, въ одномъ приказѣ рати и доходы денежные и хлѣбные псковскаго государства.... были и насъ сиротъ твоихъ вѣдали строеньемъ, псковскому государству лутче бы показалося и напрасныхъ обидъ и разоренія не было». Въ отвѣтъ на эти жалобы, правительство или подчиняло города, по прежнему, одному приказу, или принимало косвенныя мѣры, не всегда удобныя. Кажется, съ этою цѣлію, въ воеводскихъ наказахъ предписывалось иногда не дѣлать исполненія по приказаніямъ другихъ приказовъ, безъ послушной грамоты изъ того, которому городъ подчиненъ въ военномъ и финансовомъ отношеніи; напр. въ 1697 г. казанскому воеводѣ велѣно, по всѣмъ дѣламъ, ждать послушной грамоты изъ Казанскаго Дворца. Но и эта мѣра относилась едва ли не къ однимъ важнѣйшимъ городамъ. Въ 1702 г., изъ Казани даже помѣстныя и вотчинныя дѣла поступали въ Приказъ Казанскаго Дворца [430]).

Составъ присутствія въ приказахъ остался безъ всякой перемѣны. Извѣстія объ этомъ болѣе прежняго, но изъ нихъ трудно сдѣлать какое нибудь новое заключеніе. Не легко даже различить настоящихъ судей отъ канцеляріи. Напримѣръ, дьяки иногда судили, иногда только завѣдывали письмоводствомъ. Число судей, по прежнему, случайно. Правда, Уложеніе вездѣ предполагаетъ ихъ нѣсколько, изъ этого никакъ нельзя заключать о коллегіальномъ началѣ. Хотя и сказано, что когда судьи больны, или въ отпускѣ, то безъ нихъ допускается одно судоговореніе, а рѣшеніе должно быть постановлено вмѣстѣ (вопче); но цѣль здѣсь была другая. Уложеніе не довѣряетъ однимъ судейскимъ това-

---

[430]) **Древняя Рос. Вивліоѳика, т. 20-й, статья о приказахъ. Котошихинъ, глава VII-я. П. С. З. NN 677, 824, 1108. Судебникъ Татищева, стр. 67. — П. С. З. NN 471, 1441. Доп. къ А. И. т. V, N 1; V. П. С. З. NN 1579, ст. 45, 1903.**

рицамъ и позволяетъ имъ рѣшать дѣла безъ судей только въ крайнихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія. Судья долженъ присутствовать въ приказѣ, подъ страхомъ наказанія за нарушеніе этой обязанности. Законными причинами отсутствія названы только: болѣзнь, мѣстническія дѣла и важный недосугъ. Главною цѣлію этихъ законовъ было облегчить производство дѣлъ, возложивъ его на нѣсколько лицъ. Оттого въ числѣ судей нерѣдко бываютъ самые близкіе родственники. Такъ въ 1686 г. Аптекарскимъ Приказомъ завѣдывали двое князей Одоевскихъ; когда въ 1689 г., одинъ изъ нихъ умеръ, то на мѣсто его былъ назначенъ его сынъ. Въ 1666 г. Приказомъ Большой Казны и Лифляндскихъ Дѣлъ управляли окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово да сынъ его стольникъ Иванъ Богдановичъ Хитрово. Въ 1689 г., въ Иноземскомъ Приказѣ были братья Голицыны, князь Василій Васильевичъ и князь Алексѣй Васильевичъ. Случалось также, что приказныя дѣла раздѣлялись между судьями и даже дьяками, и такимъ образомъ, при наружной коллегіальности устройства, управленіе превращалось въ совершенно личное. Извѣстно, напр., что гости и гостиная сотня обыкновенно зависѣли отъ Казеннаго Двора; но въ 1665 г. они были подчинены только одному изъ членовъ этого приказа. Въ 1677 г., по закрытіи Монастырскаго Приказа, всѣ дѣла его предписано вѣдать въ Приказѣ Большаго Дворца, а денежныя его недоимки собирать въ Новой Четверти, думному дьяку Ивану Горохову; между тѣмъ, какъ въ этомъ приказѣ главнымъ судьею былъ тогда бояринъ Милославскій, и другими дѣлами, напр. калмыцкими, дьякъ управлялъ съ нимъ вмѣстѣ. Точно также, и при наружномъ подчиненіи одного мѣста другому, въ дѣйствительности существовали иногда только отношенія между лицами. Вотъ примѣры. Съ 1671 г. Костромская Четверть была подчинена Большому Дворцу. Въ 1677 г. членами этого приказа были: бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, стольникъ Александръ Севастьяновичъ Хитрово, и при нихъ пять дьяковъ; по Костромскою Четвертью, кромѣ главнаго судьи, никто изъ нихъ не завѣдывалъ; при бояринѣ Хитровѣ, въ этомъ приказѣ, состоялъ особенный дьякъ. Въ 1676 г., когда по удаленіи боярина Матвѣева, въ Посольскій Приказъ былъ назначенъ думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, то

присудные приказы вѣдалъ не онъ, а другіе дьяки, его товарищи. Иногда подчиненіе одного мѣста другому носило не только личный, но даже частный и, такъ сказать, домашній характеръ. Напр., въ 1704 г., судья Преображенскаго Приказа, князь Θеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, завѣдуя Сибирскимъ Приказомъ, не только не присутствовалъ въ немъ, но даже не писался въ грамотахъ, хотя и принималъ докладъ отъ дьяковъ.

О внѣшнемъ порядкѣ въ приказахъ вышло много постановленій. Въ Уложеніи перечислены неприсутственные дни для всякихъ дѣлъ, кромѣ великихъ царственныхъ: Рождество Христово, Богоявленіе и другіе господскіе праздники, Сырная недѣля Великаго Поста, Страстная недѣля, семь дней по Пасхѣ и семейные праздники царскаго семейства. Въ 1649 г. не велѣно нигдѣ присутствовать въ субботу, послѣ обѣда, а въ воскресенье, до обѣда, кромѣ Разряда, Посольскаго Приказа и Большаго Дворца; въ 1690 г. запрещено присутствовать съ 24-го декабря по 8-е генваря. Указы послѣ Уложенія назначаютъ ежедневные сроки засѣданій. Указомъ 1658 года велѣно сидѣть въ приказахъ, днемъ и ночью, двѣнадцать часовъ; указомъ 1669 г., декабря 15-го, съ 1-го до 8-го часа ночи; въ 1670 г. просто предписано: въ приказы пріѣзжать повседневно поранѣе, а изъ приказовъ выходить попозже. Въ 1679 г. велѣно, пріѣзжать съ утра за часъ до дня, а выѣзжать въ шестомъ часу дня. Вечернее присутствіе должно было начинаться въ первомъ часу ночи, а оканчиваться въ седьмомъ. Въ 1680 году велѣно, какъ поутру, такъ и вечеромъ, заниматься службой по пяти часовъ. Это огромное количество времени, посвящаемаго службѣ, объясняется тѣмъ, что всѣ дѣла приказные люди обязаны были производить во время присутствія; брать къ себѣ дѣла на домъ было строго запрещено.

Дѣлопроизводствомъ приказовъ завѣдывали дьяки-товарищи. Они скрѣпляли всѣ исходящія грамоты. Упоминовеніе же о нихъ въ началѣ актовъ было вопросомъ чести, дѣломъ мѣстническихъ соображеній. Оттого съ одними изъ судей они писались, а съ другими, нѣтъ. Общаго, однообразнаго правила на это не было очень долгое время. Только въ 1680 году

было велѣно, во всякихъ указахъ и дѣлахъ, писаться одному большому судьѣ съ товарищами, а не поименно. Дьяки управляли всѣмъ. Они выдавали приставныя памяти, держали списки недѣльщиковъ, помѣчали поручныя, выдавали записныя книги для записки суднаго дѣла и распредѣляли дѣла между подъячими. Отвѣтственность ихъ была очень строгая: за промедленіе, кромѣ взысканія въ пользу челобитчика, они подвергались битью батогами; за приказаніе подъячему неправильно записать дѣло, ихъ били кнутомъ. Канцелярія по прежнему раздѣлялась на повытья, или столы, которыми завѣдывали старые подьячіе. Наказанія за взятки, или безпорядокъ, были для нихъ еще тяжеле: за взятіе къ себѣ дѣла изъ приказа «для какія ни буди хитрости» и за понаровку одному изъ тяжущихся, въ ущербъ другому, ихъ били кнутомъ и отставляли отъ должности, также за медленное производство, или за невнесеніе суднаго списка въ книгу, съ цѣлію утаить пошлины; наконецъ, если подъячій записывалъ дѣло неправильно, даже по приказанію дьяка, то подвергался отсѣченію руки. Такъ было постановлено въ Уложеніи, и эти наказанія были не одинъ разъ подтверждаемы. Указомъ 1697 г. подъячимъ велѣно беречь выписки и всякія дѣла и отписки, и ихъ челобитчикамъ, безъ доклада начальныхъ людей, не казать. Въ случаѣ потери акта, или самовольнаго сообщенія его просителю, предписано производить розыскъ «со всякою жесточью» и, по розыску, чинить нещадное наказаніе, или править большія пени, «для того, что за его великого государя годовое жалованье и за подаяніе отъ челобитчиковъ они питаются, и то памятуя надобно старымъ подъячимъ и молодымъ всякія дѣла дѣлать и беречь со всякимъ опасеніемъ и радѣніемъ».

Приставы въ нѣкоторыхъ приказахъ носили особенныя названія: въ Посольскомъ были толмачи, въ Приказѣ Большаго Дворца, трубники. Кромѣ приставовъ, для разсылокъ еще употреблялись деньщики и пушкари. Недѣльщики выбирались изъ боярскихъ дѣтей.

Въ канцеляріяхъ приказовъ по временамъ производили родъ ревизіи. Она состояла въ томъ, что судьямъ предписывалось описать дѣла, счесть подъячихъ и донести объ этомъ къ из-

вѣстному числу государю, подъ страхомъ опалы. Поводомъ къ этому были, кажется, взятки подъячихъ [431]).

Боярская Дума въ настоящее время называлась: Золотою, Золотою Меньшею и Переднею Палатами, иногда Золотою Расправною и просто Палатою. Это были отдѣленія Думы, кажется, постоянныя, потому что о каждой палатѣ есть особые указы. По всей вѣроятности, отдѣленія завѣдывали различными дѣлами. Общее названіе Боярской Думы почти не встрѣчается; вмѣсто этого употребляется выраженіе: «внести въ верхъ къ боярамъ». Въ палатахъ присутствовали не всѣ бояре: большею частію каждою управлялъ одинъ изъ нихъ, или двое, съ думными дьяками. Дума все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значеніе особаго и постояннаго учрежденія. Ей даже, какъ видно, поручалось разсмотрѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ въ первой инстанціи. Такъ, указомъ 22-го сентября 1701 г, велѣно выборныхъ ратныхъ людей, драгунъ, копейщиковъ и рейтаровъ вѣдать службою, судомъ и управою въ Золотой Палатѣ, боярину князю Борису Алексѣевичу Голицыну съ товарищами. Этимъ объясняется, почему, при Петрѣ Великомъ, передъ уничтоженіемъ Расправной Палаты, это высшее государственное учрежденіе могло быть, наравнѣ съ Помѣстнымъ Приказомъ, подчинено Юстицъ-Коллегіи.

Значенія Думы, какъ высшаго ревизіоннаго и апелляціоннаго мѣста, Уложеніе нигдѣ ясно не выражаетъ, но сближая различныя его мѣста, есть возможность опредѣлить характеръ дѣлъ, поступавшихъ въ Думу. Сюда слѣдуетъ отнести всѣ случаи, когда наказаніе не назначено закономъ, но предоставлено выбору государя. По Уложенію, къ такимъ дѣламъ принадлежатъ: 1) преступленія по службѣ, т. е. притѣсненія городовыхъ воеводъ, дьяковъ и приказныхъ людей, и незаконные поступки московскихъ при-

---

431) Древняя Рос. Вивліоѳока, т. 20-й. Уложеніе, глава X-я, ст. 23, 24. П. С. З. N 711. Уложеніе, глава X-я, ст 25. П. С. З. NN 21, 237, 462, 477, 777, 839, 1393 — Уложеніе, глава X-я, ст. 13. П. С. З. N 820. Уложеніе, глава X-я, ст. 11, 12, 13, 16, 123, 129, 142, 147, 148; глава XIV-я, ст. 6, 10. П. С. З. N 1608. — Уложеніе, глава X-я, ст. 142, 143, 146—148, глава XXI-я, ст. 83, 87. Котошихинъ, стр. 97. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. 20-й, стр. 371. П. С. З. N 842. А. Ю. N 376.

казныхъ людей, именно: самовольное неприсутствованіе въ приказѣ, нерѣшеніе дѣлъ изъ корысти и т. п. 2) Ослушаніе власти, или оскорбленіе ея представителей, напр., нанесеніе безчестія судьѣ въ приказѣ, или сопротивленіе приставу со стороны отвѣтчика. 3) Нарушеніе казеннаго интереса, напримѣръ, невнесеніе кабалы въ записную книгу, и въ слѣдствіе того утайка пошлинъ. 4) Нѣкоторыя уголовныя дѣла: утайка за собою помѣстья при просьбѣ о немъ, засвидѣтельствованіе подложнаго крѣпостнаго акта, насильство и завладѣніе, притѣсненіе помѣстныхъ кресьянъ, зажигательство, убійство человѣка, выданнаго съ правежа головою, и опредѣленіе мѣста ссылки для воровъ. 5) Изъ дѣлъ гражданскихъ очень немногія доходили до государя, именно: важнѣйшіе иски о безчестьѣ, отдача купленныхъ вотчинъ, послѣ постриженія бездѣтныхъ вдовъ, родственникамъ мужей ихъ, и наказаніе за поклепный искъ. — Разсматривая каждый изъ перечисленныхъ случаевъ въ отдѣльности, видно, что основаніемъ доклада не всегда была особенная важность дѣла. Доказательствомъ служитъ то, что въ Уложеніи разрѣшены болѣе важные случаи, а нѣкоторые, менѣе важные, предоставлены царскому рѣшенію. Напримѣръ, за обвиненіе по посуламъ, опредѣлено наказаніе, тройная уплата пошлинъ, отнятіе чести, или торговая казнь (X ст. 5), а за промедленіе дѣлъ изъ корысти наказаніе опредѣляетъ государь (X. ст. 24). Въ иныхъ случаяхъ, государемъ назначается только часть взысканія, между тѣмъ, какъ другая опредѣлена закономъ. Напримѣръ, въ случаѣ грабежа, за увѣчье и безчестіе, взыскивали въ пользу истца двойной его окладъ жалованья, а пеню указывалъ государь (X. 136). Иногда наказаніе было опредѣлено, но съ различными степенями, и государю принадлежалъ выборъ между ними. Напр., въ случаѣ обезчещенія судьи въ приказѣ, предписано: «за государеву пеню бити кнутомъ, или батоги, *что государь укажетъ*» (X. 106). Наконецъ случаи совершенно однородные разрѣшаются въ Уложеніи различнымъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ: взысканія за неправильный приговоръ, съ обыкновенныхъ судей, опредѣлены закономъ, а пеня за тоже самое на третейскихъ судей полагается по государеву указу (XV. 5). Ясно, что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ докладъ требовался, смотря по важности дѣла,

или для точнѣйшаго опредѣленія мѣры взысканія, то въ другихъ не могло быть этой причины. Ее слѣдуетъ искать въ самомъ характерѣ Уложенія. Оно не разрѣшало многаго, потому что было чисто историческимъ сборникомъ указовъ и судебныхъ рѣшеній. Между послѣдними боярскіе приговоры занимаютъ важное мѣсто, а потому естественно думать, что и новые случаи, для которыхъ еще не было закона, поступали на рѣшеніе Боярской Думы. И такъ здѣсь основаніе доклада было тоже, какое въ эпоху Судебника.

Вѣроятно, сюда же поступали дѣла, не рѣшенныя въ приказахъ по разногласію, а также по жалобамъ тяжущихся.

О способѣ рѣшенія дѣлъ въ Боярской Думѣ вышли слѣдующіе законы. Уложеніе предписываетъ: «боярамъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ Палатѣ и, по государеву указу, государевы всякіе дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ». По указу 17-го марта 1697 года, бояре, въ обыкновѣнныхъ случаяхъ, рѣшали сами, и тогда только докладывали государямъ, когда имъ «которыхъ дѣлъ.... безъ ихъ великихъ государей именнаго указа вершить будетъ не мочно». Вѣроятно, условія рѣшенія были тѣже, какія въ приказахъ.

О внѣшнемъ порядкѣ засѣданій и дѣлопроизводства было много узаконеній. До 1669 года, какъ видно, Дума присутствовала только по утрамъ. Въ этомъ году, указомъ 3-го декабря, боярамъ велѣно заниматься дѣлами и по вечерамъ, съѣзжаясь въ первомъ часу ночи. Утромъ, по указу 17-го іюня 1674 г., они собирались въ десятомъ часу. Докладъ приказовъ производился въ опредѣленные дни. По указу 1669 года, въ понедѣльникъ поступали дѣла изъ Разряда и изъ Посольскаго приказа, во вторникъ изъ Приказа Большой Казны и Большаго Прихода; въ середу, изъ Казанскаго Дворца и Помѣстнаго Приказа, въ четвергъ, изъ Приказовъ Большаго Дворца и Сибирскаго, въ пятницу, изъ Судныхъ Приказовъ. Въ 1676 г. сдѣлано другое распредѣленіе, но, кажется, временное. Такія росписанія встрѣчаются такъ часто, что едва ли они не выходили каждый мѣсяцъ. Канцелярію Думы составляли, кажется, дьяки и подъячіе Разряда. Когда государь приказывалъ боярамъ собраться въ Золотую Палату, то изъ Разряда посылались къ нимъ подъячіе съ повѣсткою.

Вѣдомство Челобитеннаго Приказа Котошихинъ описываетъ такимъ образомъ. «А вѣдомо въ немъ челобитные: которые люди подаютъ царю въ походѣхъ и на празники, и тѣ челобитные царь слушаетъ самъ и бояре, и по которой челобитной доведется быти указу, или отказу, и на тѣхъ челобитныхъ подписываютъ думные дьяки, и слушавъ царь тѣхъ челобитенъ, отсылаетъ въ тотъ приказъ, и изъ приказу посылаютъ тѣ челобитные съ подъячими, велятъ имъ честь ихъ на площади передъ царскимъ дворомъ всѣмъ людямъ и отдавать именно тѣмъ, чья та челобитная будетъ; а иные люди емлютъ свои челобитные въ приказъ, и кто о чемъ билъ челомъ, смотря по подписи, ходятъ въ тѣ приказы, куды подписано будетъ и гдѣ дѣло его». Это извѣстіе совершенно согласно съ запиской о царскомъ дворѣ 1610 г. Изъ другихъ источниковъ видно, что сюда подавались также частныя жалобы. Въ 1677 г., одинъ рейтаръ, судившійся съ Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ, подалъ въ Челобитенный Приказъ просьбу о переносѣ его дѣла изъ Монастырскаго Приказа въ Рейтарскій, по недружбѣ его съ главнымъ судьею перваго. Кажется, однако, что въ подобныхъ случаяхъ судебное рѣшеніе не пересматривалось. Это можно заключить изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Когда, по тому же дѣлу, Спасо-Прилуцкій монастырь испросилъ оставленіе суда въ Монастырскомъ Приказѣ и билъ челомъ, чтобъ судьямъ велѣно было вершить дѣло безъ проволочки, то, хотя оба прошенія были поданы въ Челобитенный Приказъ, однако судьямъ предписано: «за чѣмъ указу учинить не можно, и тѣ дѣла взнесть къ боярамъ», т. е. въ Думу. Потому-то, въ указѣ 1674 года, о засѣданіяхъ Думы, одинъ день предоставленъ докладу Челобитеннаго Приказа. Изъ этого ясно, что собственно апелляціонныя жалобы въ этотъ приказъ не поступали. Вѣроятно, по неважности его занятій, онъ и былъ закрытъ въ 1677 г. [432]).

---

[432]) Старинные Акты Шуи, N 134. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. 20-й. П. С. З. NN 1869, 3224. Уложеніе, глава X-я, ст. 8, 10, 15, 24, 106, 140, 150, глава XXI-я, ст. 9, 10, 16, 43, 71, 76; глава X-я, ст. 29, 90, 136, глава XX-я, ст. 2; — глава X-я, ст. 2. П. С. З. NN 1491, 461, 582, 656. — Котошихинъ, глава VII-я, ст. 28, стр. 88. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 99—101. П. С. З. N 582.

Къ числу особенныхъ судовъ въ это время принадлежали:

1) Полковые суды. Воеводы въ полкахъ судили обидныя дѣла между служилыми людьми, за исключеніемъ дѣлъ, начавшихся до похода, а также помѣстныхъ и вотчинныхъ. Они могли назначать вмѣсто себя судей. Для вызова къ суду при нихъ состояли приставы. Куда подавалась на нихъ жалоба, неизвѣстно; вѣроятно, въ приказы.

2) Суды, учрежденные для одного отдѣльнаго случая. Такъ судились иногда мѣстническія дѣла, которыхъ разсмотрѣніе цари поручали часто какому-нибудь одному боярину. Этотъ бояринъ только давалъ судъ и дѣлалъ сыскъ, а рѣшалъ самъ государь.

3) Третейскіе суды Уложеніе смотритъ на третейскій судъ, какъ на договоръ, и дѣлаетъ въ немъ различіе, смотря по характеру условія. Если запись съ государевою пеней, то съ тяжущаго, за неповиновеніе единогласному рѣшенію третейскихъ судей, взыскивали эту пеню. При разногласіи, дѣло поступало въ приказъ, вмѣстѣ съ третейскою записью. Съ судьи, рѣшившаго не по дѣлу, взыскивали пеню, по государеву указу, и проѣсти и волокиты, въ пользу лица, несправедливо имъ обвиненнаго. Если въ записи не было сказано о государевой пенѣ, то дѣло въ приказъ не переходило. Въ крестьянскомъ быту сохранилась древнѣйшая форма назначенія третейскихъ судей: ихъ, по челобитью, выбирали прикащики [433]).

Появленіе воеводъ было совершеннымъ переворотомъ въ древнѣйшемъ порядкѣ инстанцій. Въ характерѣ этого порядка была невозможность іерархическаго устройства. Теперь оно стало возможнымъ и даже необходимымъ, ибо самыя административныя потребности вели къ нему. Отчасти это отзывается и на судебныхъ дѣлахъ. Правильныхъ, постоянныхъ отношеній нельзя искать и въ это время, но болѣе прежняго замѣтно стремленіе разграничить дѣла собственно государственныя отъ тѣхъ, которыя относятся къ вѣдомству мѣстныхъ, второстепенныхъ центровъ.

---

[433]) **Уложеніе, глава X-я, ст. 149 и 145. П. С. З. N 1460. — Уложеніе, глава XV-я, ст. 5. А. Ю. NN 66, 67. Акты, отн. до юрид. быта древней Россіи, т. I, N 123.**

Этимъ объясняется раздѣленіе дѣлъ на большія и малыя, повелѣніе писать объ однихъ въ Москву, а о другихъ въ главный городъ. Трудно сказать, относилось ли оно и къ дѣламъ судебнымъ; но очевидно, что въ этомъ отношеніи оно по крайней мѣрѣ лишено было опредѣленности. Другой фактъ этого времени есть появленіе низшей городской инстанціи, учрежденной воеводами. Наконецъ, подчиненіе воеводамъ большей части областныхъ начальниковъ было тоже шагомъ къ болѣе правильному порядку.

Такъ какъ новая инстанція образовалась собственно не для судебныхъ, а для административныхъ дѣлъ, то само собою разумѣется, что нѣсколько правильный переходъ тяжебнаго дѣла былъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда оно переходило въ высшія инстанціи по докладу, а не по жалобѣ. Собственно апелляціонный порядокъ оставался неправильнымъ. Древнѣйшее основаніе, заставлявшее правительство не допускать нарушенія инстанцій, не существовало болѣе при новой администраціи: судъ уже ни для кого, кромѣ государства, не былъ законнымъ доходомъ, а потому и не было препятствія давать судъ въ Москвѣ всякому просителю, которому бы вздумалось обойти первую инстанцію. Такія обращенія къ приказамъ, вмѣсто воеводъ, были поэтому также часты, какъ и прежде, но болѣе прежняго замѣтно противодѣйствіе имъ, и въ народѣ, и въ правительствѣ. Областные жители продолжаютъ испрашивать себѣ привилегію не судиться нигдѣ, кромѣ своихъ воеводъ. Въ 1653 г. шуяне просили государя положить конецъ поклепнымъ искамъ, которые ихъ разоряли. Иногородцы, говорили они, не хотятъ искать противъ нихъ передъ шуйскимъ воеводою, а ищутъ въ Москвѣ, по приказамъ, и приводятъ ихъ въ крайнюю бѣдность своими зазывными грамотами, такъ что посадскіе люди не смѣютъ показаться въ Москву для своихъ дѣлъ. По этой просьбѣ, запрещено давать изъ Приказа Галицкой Четверти зазывныя грамоты на шуянъ, по некрѣпостнымъ дѣламъ менѣе двухъ сотъ рублей. Кромѣ того, посадскіе люди старались обезпечить себя противъ вызововъ въ Москву и своими частными средствами. Такъ въ 1660 г., тихвинскіе посадскіе люди взяли поручную запись съ новаго посадскаго человѣка, въ томъ, чтобы, живя въ Тихвинѣ, онъ ни на кого изъ нихъ не бралъ зазывныхъ грамотъ ни въ Москвѣ,

ни въ Новгородѣ, а судился бы передъ своими монастырскими властями. Этого замѣчательнаго факта нельзя оставить безъ вниманія. Онъ доказываетъ, какая существенная перемѣна произошла во внутреннемъ составѣ русской городской общины. Во все продолженіе XVI вѣка, мы не только не находимъ, чтобы посадскіе люди прибѣгали къ такимъ средствамъ обезпеченія противъ своихъ товарищей, но нерѣдко видимъ даже, что внутренняя расправа городскихъ общинъ оставляется, въ уставныхъ грамотахъ, безъ всякаго опредѣленія. Характеръ тогдашней общины еще исключалъ возможность, внутри ея, важныхъ столкновеній. Въ законодательствѣ, ясное понятіе объ инстанціяхъ выразилось только разъ, подъ вліяніемъ каноническаго права. Соборными статьями 1675 г. предписано подавать челобитныя непремѣнно епархіальнымъ начальникамъ, и къ патріарху позволено обращаться только въ случаѣ, когда «архіереи право въ томъ дѣлѣ не разсудятъ». Исключеніе допущено только при крайней невозможности ѣхать въ епархію и постоянномъ жительствѣ просителя въ столицѣ.

Самою главною причиною неопредѣленности старинныхъ инстанцій было неправильное раздѣленіе территоріи. Въ слѣдствіе этого, въ одномъ мѣстѣ зависимость пригородовъ была болѣе, въ другомъ менѣе тѣсная, а потому, для однихъ городовъ, приказы составляли только вторую, а для другихъ, третью и даже четвертую инстанцію.

Для жителей столицы и тѣхъ лицъ и дѣлъ, которыя по закону были исключены изъ областнаго вѣдомства, инстанціи было только двѣ. Къ водворенію между ними правильнаго отношенія долженъ былъ содѣйствовать Челобитенный Приказъ. Но, видно, эта мѣра была недостаточна, потому что Уложеніе должно было запретить, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, подачу просьбъ государю, мимо приказовъ. За жалобу, поданную ему въ первой инстанціи, безъ челобитья въ приказѣ, просители подвергались битью батогами, а кто изъ нихъ почестнѣе, того сажали въ тюрьму, «чтобы на то смотря, инымъ не повадно было такъ дѣлать». Эта строгость была тѣмъ необходимѣе, что къ царю обращались безпрестанно, всякій разъ, какъ находили къ нему доступъ, не только во время царскихъ походовъ и выходовъ, но даже въ церкви. Также об-

ращались и къ патріарху. Это было запрещено, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія. Въ 1699 г. вышелъ новый, подтвердительный указъ. Опять запрещено подавать государю просьбы въ первой инстанціи, за исключеніемъ однихъ государственныхъ дѣлъ. По судебнымъ дѣламъ, къ государю позволено обращаться только съ жалобою на несправедливое рѣшеніе. Но за то, въ послѣднемъ случаѣ, позволено подавать просьбы невозбранно, во всякое время и во всякихъ мѣстахъ, и государь обѣщалъ судить эти дѣла лично и неотложно. За бездѣльную докуку царю, просители подвергались наказанію. Этотъ указъ исполнялся плохо и черезъ годъ былъ подтвержденъ [434]).

Бо́льшей опредѣленности достигли въ это время начала подсудности. Вмѣсто прежнихъ, запутанныхъ началъ, въ Уложеніи приняты самыя простыя и не сложныя. Подсудность опредѣлялась, въ первыхъ, мѣстомъ жительства. Всѣ жители городовъ и уѣздовъ, не смотря на различіе ихъ званій, были подсудны воеводамъ. Другое начало составляло званіе лица. Поэтому въ Москвѣ, патріаршіе дворовые люди и крестьяне судились на Патріаршемъ дворѣ, дѣла другихъ властей, монастырей и ихъ крестьянъ разбирались въ Монастырскомъ Приказѣ; дѣла стрѣльцовъ и казаковъ, въ Стрѣлецкомъ и Казачьемъ Приказахъ; кормовые иноземцы судились въ Иноземскомъ Приказѣ и т. д. Третьимъ началомъ былъ родъ дѣла. Такъ дѣла по обязательствамъ разсматривались въ Судномъ Приказѣ, помѣстныя и вотчинныя въ Помѣстномъ, иски противъ воровъ, въ Разбойномъ и проч. При столкновеніи различныхъ вѣдомствъ, подсудность всегда опредѣлялась лицемъ отвѣтчика. Только встрѣчный искъ судился тамъ же, гдѣ первый, и потому составляетъ исключеніе [435]). Но на практикѣ эти простыя правила не всегда соблюдались. Начала, принятыя Уложеніемъ, не были въ полномъ согласіи съ

---

[434]) Старинные Акты Шуи, N 79. Описаніе Шуи, N 29. А. Ю. N 304, V. А. А. Э. т. IV, N 204. Уложеніе, глава XX-я, ст. 20, глава I-я, ст. 8 и 9. П. С. З. NN 1707, 1748.

[435]) Уложеніе, глава XIII-я, ст. 3-я; главы XII, XIII, XIX, ст. 40, главы XX, ст. 4, XXI, ст. 49, XVI, XVII, XX, XXI, — главы XII, ст. 1, 3, XIII, ст. 1, 2, XXIII, ст. 2, — главы XII, ст. 3, XIII, ст. 2, XXIII, ст. 2.

запутанною администраціею того времени, и потому въ частныхъ распоряженіяхъ неизбѣжны были отступленія. Сообразуясь съ временнымъ удобствомъ, правительство давало различное устройство совершенно одинаковымъ вѣдомствамъ. Важныя отличія замѣтны, например, въ стрѣлецкихъ и казачьихъ судахъ. Между тѣмъ, какъ одни изъ нихъ были чисто сословными судами, другіе были ими только на половину, потому что въ областяхъ судъ былъ предоставленъ общей администраціи. Многочисленныя исключенія изъ вѣдомства воеводъ, въ пользу приказовъ, нарушали начало подсудности по мѣсту жительства. Подсудность по роду дѣлъ тоже не строго соблюдалась. Для большаго удобства въ управленіи, дѣла переносились иногда изъ административныхъ приказовъ въ территоріальные. Такъ, въ Воронежѣ, большая часть дѣлъ была сосредоточена въ рукахъ Разряда. Отсюда посылались, напр., царскія грамоты о жалованьѣ стрѣльцамъ, между тѣмъ какъ въ другихъ городахъ Разрядъ не дѣлалъ подобныхъ распоряженій. Дѣла о сыскѣ бѣглыхъ холоповъ и кабальныхъ людей производились, въ Воронежѣ, Посольскимъ Приказомъ; о поимкѣ бѣжавшихъ со службы иноземцевъ, грамоты посылались изъ Разряда. Источникомъ такихъ мѣръ было иногда желаніе доставить льготы областнымъ жителямъ и, въ особенности, инородцамъ, но очень часто побудительной причиной была просто царская милость. На этомъ основаніи, подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича, духовенство получило право какъ искать, такъ и отвѣчать противъ мірскихъ людей, въ одномъ Помѣстномъ Приказѣ. Многочисленность и разнообразіе судебныхъ привилегій вели иногда къ затруднительнымъ столкновеніямъ. Напримѣръ, въ 1672 г., въ слѣдствіе иска одного казанца противъ торговаго человѣка гостиной сотни, возникъ вопросъ: гдѣ судить это дѣло? потому что казанскіе жители пользовались, еще со временъ царя Михаила Θеодоровича, правомъ искать и отвѣчать только въ Приказѣ Большаго Дворца, а гостиная сотня имѣла право отвѣчать исключительно въ Приказѣ Большой Казны. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Казани. Были, однако, попытки и послѣдовательнаго проведенія началъ подсудности. Напримѣръ, такъ какъ Уложеніе всѣ вообще дѣла по обязательствамъ отнесло къ вѣдомству Суднаго Приказа, то даже просьбы о выкупѣ закладныхъ

вотчинъ подавались сначала въ этотъ приказъ, а не въ Помѣстный. Уже именнымъ указомъ 5-го августа 1684 г. велѣно было, въ слѣдствіе затрудненій при счетѣ пошлинъ, перенести дѣла о выкупѣ въ Помѣстный Приказъ [436].

---

436) Воронежскіе Акты, часть 3-я, NN CLIX, CLX, CLXI, CLXIII, часть 2-я, N XC, часть 3-я, N CLXXVI. П. С. З. NN 1903, 505, 526, 1085.

ГЛАВА IV.

СУДОПРОИЗВОДСТВО ВЪ ЭПОХУ УЛОЖЕНІЯ.

Нигдѣ Уложеніе не имѣло такаго вліянія, какъ въ сферѣ гражданскаго процесса. Правда, оно только завершило собою постепенный ходъ его образованія и, по своимъ началамъ, принадлежитъ болѣе прежнему періоду, чѣмъ новому. Но въ тоже время оно составляетъ поворотную точку въ исторіи нашего права. Перемѣна во взглядѣ на судъ должна была вскорѣ отозваться во всемъ составѣ древняго судопроизводства. Въ XVI вѣкѣ, верховная власть, смотря на судъ какъ на источникъ доходовъ, оставалась безучастною къ внутренней сторонѣ его. Отсюда проистекала формальность древнѣйшихъ законовъ, которые почти ничего не опредѣляли, кромѣ судебныхъ пошлинъ. Отсюда и это полное предоставленіе процесса собственной волѣ тяжущихся. Въ періодъ времени отъ Судебника до Уложенія, отношеніе закона къ процессу уже измѣнилось. Вынужденное отчасти безпорядками, которые безпрестанно происходили въ судѣ, отчасти большимъ развитіемъ государства, законодательство коснулось самой сущности процесса, освятило обычай, измѣнило его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, подъ вліяніемъ новыхъ понятій. Но на этомъ дѣло не остановилось. XVII вѣкъ былъ обиленъ перемѣнами для русскаго общества. Великій переворотъ, занявшій первую четверть этого столѣтія, далъ большее единство государственному тѣлу. Мѣстный элементъ значительно ослабѣлъ, вліяніе правительства вездѣ усилилось, появилась централизація, и судъ, производившійся прежде или самими общинами, или при ихъ участіи, перешелъ совершенно въ руки царскихъ чинов-

никовъ. Естественно, что, при этой перемѣнѣ условій, русскій процессъ не могъ вполнѣ сохранить свой прежній характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ въ немъ замѣтны новыя явленія. Не только судъ мало по малу изъ частнаго интереса превращается въ государственный, но государственная сторона его вообще все болѣе и болѣе беретъ перевѣсъ надъ его частною стороною. Это направленіе, замѣтное еще до Уложенія, должно было принести рѣшительные плоды при томъ усиленіи законодательной дѣятельности, которое замѣтно въ полвѣка, протекшіе до реформы Петра Великаго. Подъ вліяніемъ новаго взгляда на судъ самыя важныя стороны процесса не остаются въ прежнемъ видѣ. Въ вотчинномъ судопроизводствѣ замѣтно постепенное склоненіе къ слѣдственной формѣ, къ розыску, происходятъ перемѣны въ системѣ доказательствъ, въ способахъ обезпеченія и взысканія исковъ, и даже въ самой апелляціи, не смотря на ея неопредѣленность. Но было бы несправедливо думать, что, въ слѣдствіе перемѣны взгляда, всѣ части процесса подвергались, одна за другою, постепенному, сознательному преобразованію. Древняя Россія была чужда теоретическихъ пріемовъ. Способность къ отвлеченію предполагаетъ большое развитіе въ обществѣ, и такой способъ дѣйствія еще не былъ подъ силу Московскому государству. Перемѣны происходили большею частію по мѣрѣ практической необходимости, главнымъ образомъ въ слѣдствіе того, что важнѣйшія спорныя дѣла были въ это время помѣстныя и вотчинныя, а частная поземельная собственность была проникнута государственнымъ началомъ. Въ этомъ медленномъ, историческомъ ходѣ, въ этомъ отсутствіи сознательнаго поставленія во главу угла какаго-либо теоретическаго начала, заключались и крѣпкая и слабая стороны нашего древняго права. Этимъ объясняется та сила юридическаго мышленія, которая нерѣдко замѣтна въ уложенномъ процессѣ, та казуистическая тонкость опредѣленія, та жизненность каждаго закона, которыя чувствуются на каждой страницѣ Уложенія; но съ другой стороны, неспособность подняться до отвлеченныхъ началъ, до ясной, сознательной теоріи, вела и къ важнымъ неудобствамъ. Изъ этого источника, напр., происходили сближеніе въ практикѣ вотчиннаго процесса съ уголовнымъ, слѣдственнымъ судопроизводствомъ,

колебанія правительства между судомъ и очными ставками, между различными средствами взысканія и т. д., наконецъ страшное усиленіе дѣлопроизводства, завѣщанное эпохою Уложенія нашему времени. Понятно, почему потребность реформы все болѣе и болѣе чувствовалась и въ этой сферѣ. Надобно было привести въ стройный порядокъ накопившіеся матеріалы, извлечь постоянныя, твердыя начала изъ казуистическихъ положеній и разграничить кругъ ихъ дѣйствія. Но для этого нужно было просвѣщеніе, нуженъ былъ Петръ Великій.

Уложеніе содержитъ много новыхъ и важныхъ постановленій о судопроизводствѣ Но ненадобно думать, чтобъ они всѣ были обязаны своимъ появленіемъ законодательной работѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Уже изъ самаго характера нѣкоторыхъ статей можно убѣдиться, что онѣ не могли быть нововведеніемъ. Многое, можетъ быть, было введено другими, не дошедшими до насъ указами; еще болѣе выработано судебной практикою.

Положенія о тяжущихся, высказанныя большею частію довольно случайно, однако полнѣе прежняго. Въ это время они нѣсколько измѣнились. Прежде могли искать всѣ, съ немногими ограниченіями. По Уложенію, право иска прекращается или задерживается слѣдующими обстоятельствами: а) физическою или нравственною невозможностію вообще искать или, по крайней мѣрѣ, искать лично. На этомъ основаніи не могли быть истцами: 1) малолѣтные, которыхъ представляютъ опекуны. Собственно говоря, законъ не устраняетъ малолѣтныхъ отъ суда, но только допускаетъ въ ихъ пользу возстановленіе права (in integrum restitutio), по достиженіи ими совершеннолѣтія, если право было ими потеряно по неимѣнію защитниковъ, или въ слѣдствіе ихъ злоупотребленій. Такъ малолѣтные, придя въ совершенный возрастъ, могутъ просить о передѣлѣ отцовскаго помѣстья, если, во время раздѣла, за нихъ некому было бить челомъ, или о возвращеніи проданной вотчины, если старшій братъ продалъ ее не для платежа отцовскаго долга, и не поговоря съ ними. Сроки для

совершеннолѣтія вообще не опредѣлены. Только по дѣламъ о возвращеніи помѣстья, промѣненнаго обманомъ во время малолѣтства, велѣно давать очныя ставки по достиженіи истцами двадцати лѣтъ; но и здѣсь видно, что въ уваженіе принимали не опредѣленный закономъ возрастъ, но просто физическую возможность, или умѣнье искать и отвѣчать, ибо разрѣшено, по просьбѣ малолѣтныхъ, допускать ихъ къ очнымъ ставкамъ и въ пятнадцать лѣтъ. Въ случаѣ иска противъ недоросля, послѣдній самъ подавалъ просьбу о томъ, чтобъ вмѣсто его былъ допущенъ къ суду его родственникъ. 2) Женщины. Искать лично имъ тоже не было запрещено: между дошедшими до насъ челобитными есть и такія, которыя поданы были женщинами; но онѣ могли, по Уложенію, отговориться неумѣньемъ и передать свою защиту родственникамъ.— б) Другую причину составляло несвободное состояніе. Вмѣсто холопей искалъ и отвѣчалъ ихъ господинъ, не только въ томъ случаѣ, когда самъ холопъ былъ предметомъ спора, но и тогда, когда его обвиняли въ нанесеніи убытковъ, или побоевъ. Въ видѣ исключенія, холопъ могъ однако отвѣчать и лично. По дѣлу о держаніи бѣглаго человѣка, господинъ пользовался правомъ взять отвѣтъ на себя, или предоставить его холопу. Поэтому холопъ, въ одномъ и томъ же дѣлѣ, могъ быть и предметомъ спора и отвѣтчикомъ. Въ слѣдствіе укрѣпленія, крестьяне находились юридически точно въ такомъ же положеніи. Особенные сроки для вызова на судъ пашенныхъ крестьянъ уничтожены Уложеніемъ, на томъ основаніи, что за нихъ ищутъ и отвѣчаютъ во всякихъ дѣлахъ дворяне и дѣти боярскія. Только въ уголовныхъ дѣлахъ крестьяне отвѣчали лично. Но по дѣламъ, возникшимъ изъ гражданскихъ преступленій, можно было, вмѣсто ихъ обратиться къ господину. Послѣдній могъ отговориться тѣмъ, что ничего не знаетъ о происшествіи. Въ дѣйствительности крестьяне нерѣдко искали и отвѣчали сами, не только по дѣламъ о грабежѣ или насильствѣ, но также и о правѣ поземельной собственности. в) Третья причина заключалась въ нравственныхъ условіяхъ, или отношеніяхъ. Сюда относятся: 1) лишеніе права иска тѣхъ, которые три раза вчинали поклепные иски, и 2) давшихъ ложную присягу. То и другое было постановлено еще прежними указами. 3) Запрещеніе дѣтямъ искать противъ роди-

телей. За подачу просьбы на отца или на мать, дѣтей били кнутомъ и отдавали родителямъ [437]).

Судебное представительство. Къ числу необходимыхъ представителей принадлежали: 1) родственники: дѣти, братья, племянники и родимцы. Это былъ главный видъ защиты. Кто былъ человѣкъ безсемейный и безлюдный, тотъ не безъ труда могъ найти себѣ повѣреннаго. Обязанность отстаивать передъ судомъ близкаго человѣка до того почиталась естественною, что иногда сами судьи приказывали отвѣчать за отсутствующихъ ихъ родственникамъ, которыхъ брали къ отвѣту даже *по неволѣ*, если они въ тоже время были за нихъ повѣренными по другимъ приказамъ. 2) Помѣщики, вотчинники и господа, за своихъ крестьянъ и холопей. 3) Обратно, холопи и крестьяне за своихъ господъ. По тѣсной юридической связи между господами и ихъ подвластными, принимались даже просто иски, предъявленные крестьянами о собственности господина, безъ всякой довѣренности, особенно если этотъ крестьянинъ управлялъ помѣстьемъ или вотчиною. Отвѣтъ по неволѣ и здѣсь былъ возможенъ. 4) Монастырскіе стряпчіе и 5) по указу 24 апрѣля 1685 г, дворцовый стряпчій. Кажется, однако, что дворцовые крестьяне не были лишены права искать и лично, ибо изъ указа 30 марта 1691 года видно, что для нихъ существовалъ особый судебный срокъ. Свободное представительство въ Уложеніи ничѣмъ не ограничено. Повѣренные назначались какъ для всего дѣла, такъ и для отдѣльныхъ процессуальныхъ актовъ, напримѣръ, для рукоприкладства къ судной запискѣ и къ межевымъ книгамъ, а также для присяги [438]).

---

[437]) Уложеніе, глава XVI, ст. 23, 54; глава XVII, ст. 13. Соч. г. Кавелина, стр. 30, прим. Уложеніе, глава X, ст. 185; глава XX, ст. 4, 54; — глава XIII, ст. 7, глава X, ст. 142. Старинные Акты Шуи, NN 128, 136, 159, 171. Уложеніе, глава X ст. 188, глава XI, ст. 27, глава XXII, ст. 6.

[438]) Уложеніе, глава X, ст. 108, 109, 149, 156, 157, 185; глава XVI, ст. 59, — глава X, ст. 142, 229, глава XIII, ст. 7, — глава X, ст. 108, 149, 156, 157, 185, глава XIV, ст. 5, 9 и проч. Старинные Акты Шуи, NN 130, 171. П. С. З. NN 1185, 1397. Уложеніе, глава X, ст. 11. П. С. З. N 1178, ст. 4.

Взаимныя отношенія довѣрителей и повѣренныхъ основывались по прежнему не на юридической, но на нравственной связи, на довѣріи съ обѣихъ сторонъ. Уложеніе, собственно говоря, предполагаетъ однихъ необходимыхъ представителей Такой взглядъ высказался, напр., въ отсрочкѣ суда для отвѣтчика, на томъ основаніи, «что онъ безсемейный и безлюдной человѣкъ». Въ другомъ мѣстѣ, за отсутствующихъ отвѣтчиковъ, велѣно быть въ судѣ «братьямъ и дѣтямъ и племянникамъ, или людемъ ихъ, которые послѣ ихъ будутъ на Москвѣ, *или другамъ ихъ*, кому они въ томъ вѣрятъ....» За отсутствіемъ семейной связи предполагается дружба. Мѣръ противъ злоупотребленій со стороны повѣренныхъ не принято никакихъ. Дополнительные указы къ Судебнику не вошли въ Уложеніе, что было послѣдовательнѣе, но въ тоже время и неудобнѣе. — Странно, что, въ этомъ случаѣ, законодательство строго держалось своего начала и не допускало никакихъ обезпеченій. Такъ, въ концѣ XVII-го вѣка, возникъ вопросъ: какъ поступать, когда повѣренный занеможетъ во время процесса, или уѣдетъ изъ Москвы, не окончивъ его. Люди, которыхъ дѣла были такимъ образомъ оставлены, обыкновенно просили о допущеніи къ суду новыхъ повѣренныхъ, вмѣсто прежнихъ; но противная сторона нерѣдко требовала, чтобъ ей дали окончить судъ съ тѣмъ лицомъ, съ которымъ онъ былъ начатъ, и не хотѣла допустить къ нему ни самихъ довѣрителей, ни новыхъ ихъ повѣренныхъ. Въ указѣ 22-го генваря 1685 г. не сказано однако ничего о съѣздѣ повѣренныхъ, но тяжущимся позволено, какъ самимъ оканчивать оставленныя дѣла, такъ и присылать новыхъ повѣренныхъ. Въ томъ же указѣ начало довѣрія высказано было и по другому случаю. На вопросъ, допускать ли возобновленіе дѣла, когда тяжущіеся обвиняютъ своихъ повѣренныхъ въ обманѣ, велѣно такія просьбы оставлять безъ вниманія, «для того, что они истцы и отвѣтчики въ суды посылали людей вмѣсто себя, *вѣря имъ*». Но въ практикѣ поступали иначе. Судьи допускали иногда прежній способъ возстановленія права, по указамъ XVI вѣка: когда злоупотребленіе было доказано, то довѣрителю давали судъ съ головы. Татищевъ видѣлъ самъ, какъ «въ Судномъ Приказѣ въ судѣ Засѣцкаго съ Хованскимъ повѣренный обличенъ, и судъ велѣно дать снова». Кромѣ

того, употреблялось другое средство, прямо запрещенное указомъ 1686 года: тяжущіеся обращались къ суду съ новою челобитной, обвиняя повѣренныхъ въ ошибкѣ. Въ 1696 году власти Спасо-Прилуцкаго монастыря узнали, что искъ монастырскаго стряпчаго не былъ вполнѣ согласенъ съ закладной, на которой они основывали свое право, и подали просьбу объ уничтоженіи приговора, говоря: «и то знатно,.... что противъ той закладной подъячіе о томъ въ подлинность всего не выписали, а тотъ нашъ монастырскій служка Афонька учинилъ самовольственною своею простотою въ челобитьѣ съ закладной росписку, что онъ человѣкъ недѣльной». Приказъ, справясь съ прежнимъ дѣломъ, согласился на просьбу. Не смотря однако на подобные случаи, законодательство долго не вмѣшивалось въ отношенія повѣренныхъ къ довѣрителямъ Только указомъ 27 генваря 1690 г. требуется на исковой челобитной подпись довѣрителя, что онъ поручаетъ такому-то искать, или отвѣчать за себя [439]).

О правѣ иска сохранились прежніе законы, съ небольшими дополненіями. Причины уничтоженія иска были, по Уложенію, слѣдующія:

1) Давность: а) для дѣлъ о выкупѣ проданныхъ или заложенныхъ вотчинъ,—40 лѣтъ. Этотъ срокъ былъ часто нарушаемъ, подъ разными предлогами. Напримѣръ, прибѣгали къ такой уловкѣ: челобитную о выкупѣ подавали до истеченія сорока лѣтъ, но вотчины въ продолженіи этого времени не выкупали, а потомъ, уже по истеченіи срока, иногда спустя пять или десять лѣтъ, просили о допущеніи къ выкупу, ссылаясь на поданную прежде челобитную. Боярскимъ приговоромъ 26-го февраля 1679 г. запрещено допускать выкупъ въ подобныхъ случаяхъ. б) Для просьбъ о передѣлѣ помѣстья,—годовой срокъ послѣ помѣстной дачи. Онъ въ первый разъ встрѣчается въ Уложеніи. в) Для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ и бобыляхъ, годъ составленія писцовыхъ книгъ: кто до этого времени не билъ о нихъ челомъ, тотъ навсегда

---

439) Уложеніе, глава X, ст. 108, 149. П. С. З. N 1158. Судебникъ Татищева, стр. 79. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 34, 152—153. П. С. З. N 1363. Соч. г. Кавелина, стр. 31—33.

лишался права иска. Но прежнія дѣла, рѣшенныя до изданія Уложенія, на основаніи *указныхъ* (десяти) *лѣтъ*, установленныхъ въ 1641 году, или полюбовной сдѣлки, перевершивать не велѣно. 2) Для исковъ о приплодѣ животныхъ, одинъ годъ. Это новый законъ. 3) Для исковъ по заемнымъ кабаламъ, 15 лѣтъ, какъ и прежде. Для исковъ малолѣтныхъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія, пятилѣтній срокъ (съ пятнадцати до двадцати лѣтъ). Это тоже новое постановленіе. [440]).

2) Смерть. — Вещные иски активно всегда переходили на наслѣдниковъ. Что касается до пассивнаго перехода, то, по закону, наслѣдники отвѣчали за долги умершихъ только тогда, когда получили отъ нихъ какое нибудь имущество, «животы или вотчины». Однако въ практикѣ взысканіе иногда производилось и безъ этого условія. Такъ, въ 1657 году, одна вдова нижегородскаго посадскаго человѣка жаловалась патріарху Никону, что поручители взыскиваютъ съ нея кабальные долги ея мужа, между тѣмъ, какъ послѣ него не осталось ни дворовъ, ни движимаго имущества. Патріархъ справился съ градскими законами и, на ихъ основаніи, запретилъ производить взысканіе съ вдовы, если она ничѣмъ не владѣетъ, кромѣ своего приданаго и указной четвертой части. Такія челобитныя были очень часты и нерѣдко доходили до самаго государя. Личные иски переходили на наслѣдниковъ только въ томъ случаѣ, когда судъ о нихъ былъ уже начатъ. Такъ бои и насильство взыскивались съ жены и дѣтей отвѣтчика, если судъ уже постановилъ рѣшеніе, а обвиненный умеръ, не заплативъ иска.

3) Наконецъ и въ этомъ періодѣ встрѣчается такой случай, когда отказъ въ правѣ иска основанъ на предположеніи обмана. Такъ, если по возвращеніи въ тягло посадскихъ людей, жившихъ у закладчиковъ, тѣ, у кого они будутъ взяты, предъявятъ на нихъ кабальные иски, то запрещено давать судъ по этимъ кабаламъ. Извѣстно, что взятіе заемныхъ кабалъ или

---

[440]) Уложеніе, глава XVII, ст. 13 и 30. П. С. З. N 752. Уложеніе, глава XI, ст. 5 и 8; глава X, ст. 285 и 256, глава XVI, ст. 54.

записей было однимъ изъ средствъ укрѣпленія въ древней Россіи [441]).

Въ эпоху Судебника иски, по большей части, были личные. Почти тоже должно сказать объ Уложеніи. Такъ дѣла помѣстныя и вотчинныя, упоминаемыя въ немъ, возникаютъ всего чаще изъ договоровъ, или преступнаго дѣйствія отвѣтчика. Чисто вещный характеръ имѣютъ только дѣла межевыя. Иски о холопахъ и крестьянахъ тоже чаще носятъ характеръ личныхъ, но иногда въ нихъ есть признаки вещныхъ исковъ. Таковы, напр., случаи, когда на одного холопа предъявлены двѣ кабалы, или когда господинъ предоставлялъ отвѣтъ самому холопу [442]).

Раздѣленіе исковъ на крѣпостные и не некрѣпостные имѣло въ это время особенную важность. Крѣпостные иски были самые цѣнные, а потому и защищаемыя ими права были болѣе ограждены закономъ. Въ этомъ случаѣ не винили неявкою въ срокъ и не допускались нѣкоторыя доказательства, какъ-то: присяга и свидѣтели. Къ крѣпостнымъ дѣламъ, по Уложенію, принадлежали: дѣла вотчинныя и помѣстныя, межевыя, дѣла о холопахъ и крестьянахъ, наконецъ почти всѣ иски по обязательствамъ, только поклажа и ссуда въ полкахъ могли быть и словесными договорами. Исключенія допускались только въ крайней необходимости. Напримѣръ, искъ о старинномъ холопѣ можетъ быть и не крѣпостной; споръ о направленіи межи можетъ быть рѣшенъ показаніемъ старожильцевъ и повальнымъ обыскомъ [443]).

---

441) Уложеніе, глава X, ст. 203, 243. П. С. З. №№ 210, 290, 1298. Уложеніе, глава X, ст. 207. — Уложеніе, глава XIX, ст. 18. Ср. А. А. Э. т. IV, № 36.

442) Уложеніе, главы XVI и XVII, вообще глава X и ст. 235, глава XII вообще и ст. 75, также ст. 54. Ср. главы X-й ст. 42. Въ сочиненіи г. Кавелина, стр. 36 и прим. 3.

443) Уложеніе, глава X, ст. 108, 109. Котошихинъ, глава VII, ст. 43. Въ соч. г. Кавелина, стр. 90. Уложеніе, главы XVI, XVII, XX, XI, X, ст. 235, 236, 237; XVII, ст. 51—53, X, ст. 189, 190, 274—276; глава XX, ст. 29, 95, 108; глава XVII, ст. 51. — Вообще о раздѣленіи исковъ на крѣпостные и некрѣпостные, см. гл. XVIII, ст. 34, 36, 37.

Оцѣнка иска на деньги, когда предметъ его опредѣленный, не требовалась. Помѣстья, вотчины и холопи постоянно отыскивались прямо, безъ всякой денежной оцѣнки. Цѣна земли опредѣлялась только для расчета пошлинъ цѣна холопа опредѣлена только на тотъ случай, когда онъ не можетъ быть лично возвращенъ законному владѣльцу. Только тогда, когда законъ имѣлъ въ виду возможность утраты предмета и невѣрнаго показанія истца, цѣна иска была опредѣлена. На этомъ основаніи, напримѣръ, въ Уложеніе вошелъ прежній указъ объ оцѣнкѣ крестьянскихъ имуществъ. Вообще почти всякій искъ о вознагражденіи былъ ограниченъ закономъ. Указная цѣна существовала: для покраденыхъ животныхъ, для бортнаго дерева, для посѣченаго лѣса, сѣннаго покоса и кошенаго сѣна, для яблоннаго дерева. Замѣчательное сходство этихъ опредѣленій съ постановленіями Литовскаго Статута заставляютъ думать, что они образовались подъ его вліяніемъ. Были наконецъ случаи, когда цѣна иска и даже предметъ его вовсе не обозначались. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, иски о сносѣ бѣглыхъ людей и объ убыткахъ. Опредѣленіе происходило тогда въ теченіи самаго процесса. Личные иски были обыкновенно денежные [444]).

Взаимныя отношенія исковъ были слѣдующія.

1) Дѣла гражданскія не были строго разграничены отъ уголовныхъ. Основаніемъ, по которому дѣло принимало тотъ или другой характеръ по прежнему служило чисто внѣшнее обстоятельство: гласность или негласность преступнаго дѣйствія. Поэтому, когда противъ преступника служили доказательствами поличное, язычная молка, или лихованный обыскъ, тогда дѣло отсылалось изъ Суднаго Приказа въ Разбойный. Напротивъ, когда при самомъ началѣ процесса не было еще никакой вѣроятности преступленія, тогда дѣло сохраняло свой гражданскій характеръ.

---

[444]) Уложеніе, глава XI, ст. 23, 26, 34; глава X, ст. 209, 210, 214, 216, 218, 219, 220, 221, 281. Литовскій Статутъ, въ 19-й книгѣ Временника Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос. 1854 г., раздѣлъ десятый, о пущу, о ловы, о дерево бортное, о озера и сеножати. — Уложеніе, глава XI, ст. 24, глава X, ст. 223, 224. Сочиненіе г. Кавелина, стр. 37—38.

Такъ, когда, потерявъ вещь во время пожара, хозяинъ потомъ узнавалъ ее у кого нибудь, то отыскивалъ ее судомъ.

2) Гражданскій судъ и теперь могъ принять уголовный характеръ, то есть самое дѣло производилось гражданскимъ порядкомъ, но изъ него, кромѣ обыкновеннаго взысканія, возникало еще уголовное наказаніе. Сюда относятся: а) искъ о безчестіи, нанесенномъ на государевомъ дворѣ. За это, кромѣ обыкновеннаго взысканія, полагалось еще тюремное заключеніе «за честь государева двора». б) Дѣло о безчестіи, нанесенномъ судьѣ въ приказѣ. Здѣсь также денежное вознагражденіе и битье батогами; тоже за в) побои, нанесенные приставу и понятымъ и г) ложное челобитье на общую ссылку; д) дѣла о насиліи ратныхъ людей, во время похода на государеву службу. Обвиненный платилъ убытки и сверхъ того подвергался наказанію, «смотря по винѣ». е) О взятіи за перевозъ лишнихъ пошлинъ съ служилыхъ людей. Пошлины возвращаются втрое, а мытчиковъ и перевозчиковъ бьютъ кнутомъ. ж) Нарушеніе межевыхъ знаковъ, подвергающее платежу по пяти рублей за грань и битью кнутомъ нещадно. з) Ложное опроверженіе заемной кабалы. Кто, уклоняясь отъ платежа истиннаго долга, подастъ явку о томъ, что будто бы крѣпость фальшивая, тотъ платитъ кредитору безчестіе и подвергается полугодовому тюремному заключенію. и) Искъ противъ того, кто продалъ свою вотчину, въ одно время, двумъ лицамъ порознь. Кромѣ возвращенія денегъ второму покупщику, продавецъ подвергается еще битью батогами. і) Наконецъ всѣ гражданскіе иски противъ воровъ [445])

3) Взаимныя отношенія гражданскихъ исковъ разрѣшаются въ Уложеніи очень просто. Имѣя въ виду меньшую продолжительность процессовъ, оно старается, по возможности, соединять иски въ одно дѣло, допуская раздѣленіе ихъ только въ видѣ исключенія.

---

[445]) Уложеніе, глава XXI, ст. 49, 50, 91. А. А. Э. т. IV, N 237. А. И. т. IV, N 166. П. С. З. N 441. Уложеніе, глава III, ст. 1, 2, 5, глава X, ст. 106, 142, 171, глава VII, ст. 6, 24, 28, 30, глава IX, ст. 2, глава X, ст. 231, 233, 252, глава XVII, ст. 34, глава XXI, ст. 12 и проч.

Соединеніе могло быть: а) на основаніи тождества отвѣтчика. Подобный примѣръ представляетъ одинъ случай иска о бѣглыхъ людяхъ. Когда бѣглые люди, живя у кого нибудь, приходятъ грабить имѣніе своего господина, то послѣдній можетъ отыскивать съ незаконнаго владѣльца и грабежъ, и самихъ бѣглыхъ. Здѣсь слѣд. два иска соединяются въ одинъ: вещный о бѣглыхъ людяхъ, и личный о вознагражденіи. b) На основаніи тождества истца. Сюда относятся слѣдующіе случаи: а) если старшій братъ продастъ, безъ вѣдома младшихъ, ихъ участки въ отцовской вотчинѣ, то младшіе братья вчинаютъ одинъ и тотъ же искъ противъ старшаго брата и противъ покупщика. Здѣсь тоже вещный искъ соединяется съ личнымъ: вещный направленъ противъ покупщика, а личный противъ брата. б) Если кто продастъ обманомъ чужую вотчину, написавъ въ купчей свое имя вмѣстѣ съ именемъ законнаго владѣльца, то послѣдній тоже вчинаетъ одинъ искъ противъ продавца и противъ покупщика, личный и вещный. в) Если кто продастъ спорное имѣніе до окончанія тяжбы и, по судебному приговору, не будетъ оправданъ, то истецъ, которому присуждено имѣніе, вчинаетъ одинъ искъ противъ продавца и покупщика. с) На основаніи близкой связи между предметами исковъ. Такъ: а) искъ о сносѣ вчинался въ одно время съ искомъ о холопствѣ; б) искъ о крестьянскомъ имуществѣ соединялся съ искомъ о бѣглыхъ крестьянахъ; наконецъ в) иски объ убыткахъ большею частію соединялись съ главными исками. Но иногда, впрочемъ, они и раздѣлялись, и убытки отыскивались послѣ главнаго дѣла. Впослѣдствіи, указомъ 7-го мая 1691 года, такое раздѣленіе было запрещено, и не велѣно, по вершеннымъ дѣламъ, подписывать приставныхъ памятей объ убыткахъ.

Раздѣленіе одного и того же иска допускается Уложеніемъ по волѣ ищущей стороны и только въ одномъ случаѣ требуется закономъ. Если обида нанесена нѣсколькимъ лицамъ, то каждое изъ нихъ можетъ искать отдѣльно. Точно также, хотя человѣкъ, обиженный сообща многими лицами, могъ вчинать и одинъ искъ противъ всѣхъ обидчиковъ, которые въ такомъ случаѣ обязаны отвѣчать вмѣстѣ, но каждый изъ отвѣтчиковъ можетъ особо помириться съ истцомъ и этимъ отдѣлиться отъ иска. По

замѣчанію г. Кавелина, «Уложеніе смотритъ на такой искъ не какъ на одно органическое, нераздѣльное цѣлое. но видитъ въ немъ простое соединеніе нѣсколькихъ исковъ въ одинъ. Поэтому и отвѣтчики не составляютъ одного юридическаго лица». По закону, раздѣленіе иска предписано въ слѣдующемъ случаѣ: если кто станетъ называть своею такую лошадь которая при покупкѣ не записана въ таможенную книгу, то лошадь отдается признавшему ее, безъ всякаго суда, но если послѣдній будетъ вмѣстѣ съ нею требовать еще чего нибудь, то объ этомъ дается уже судъ. Здѣсь раздѣленіе иска основано однако не на различіи предметовъ, но просто на томъ, что лошадь отдается истцу не въ слѣдствіе признанія справедливымъ его иска, но въ наказаніе прежнему владѣльцу «за протаможье» [446]).

О формѣ процесса существуютъ различныя мнѣнія:

Сводъ Законовъ предполагаетъ въ эпоху Уложенія тоже самое раздѣленіе судопроизводства, которое онъ признаетъ въ нынѣ дѣйствующемъ правѣ. Редакторы Свода раздѣляютъ наше судопроизводство на вотчинное и исковое. Къ первому они относятъ всѣ дѣла о правѣ собственности, иначе вещные иски, ко второму всѣ споры по неисполненнымъ договорамъ и обязательствамъ и споры по взысканіямъ за нарушеніе правъ обидами, ущербами, убытками и самоуправнымъ завладѣніемъ. Зародышъ подобнаго раздѣленія въ древнемъ правѣ они видятъ въ противоположности тяжбы и иска: «по Уложенію, говоритъ Сводъ, *ищутся истцовы иски* всегда на комъ либо, а объ имуществахъ производится *тяжба*». Существенное различіе между обѣими формами состоитъ, по Своду, въ томъ, что въ вотчинномъ судопроизводствѣ не допускаются доказательства посредствомъ свидѣтелей и присяги. между тѣмъ, какъ тѣ и другіе могутъ быть допущены въ исковомъ судопроизводствѣ [447]). Объ этомъ раздѣленіи г. Кавелинъ спра-

---

446) Уложеніе, глава XX, ст. 4, глава XVII, ст. 13, 35, глава X, ст. 244, глава XX, ст. 57, глава XI, ст. 25, 27, 29, глава X, ст. 139, 140, 141, 142, 155, 199, 208, 229 и проч. П. С. З. N 1403. Уложеніе, глава X, ст. 183, 184. Соч. г. Кавелина, стр. 44. Уложеніе, глава XXI, ст. 52.

447) Сводъ Законовъ, томъ X, по изд. 1842 года, ст. 2172, 2173, 2174, 2676.

ведливо замѣчаетъ, что на одномъ различіи въ доказательствахъ еще нельзя основывать раздѣленія формъ процесса, ибо оно условливается посторонними, или случайными обстоятельствами, и потому не можетъ служить основаніемъ раздѣленія на виды. Такъ напр., бой, брань, грабежъ могли быть совершены при многихъ людяхъ, или при одномъ свидѣтелѣ, или наконецъ безъ свидѣтелей; поэтому одинъ и тотъ же искъ о боѣ, брани, или грабежѣ могъ быть въ одномъ случаѣ доказываемъ обыскомъ, въ другомъ послушествомъ, въ третьемъ крестнымъ цѣлованіемъ: доказательства различны, а форма судопроизводства одна и таже.

Другое мнѣніе, высказанное г. Морошкинымъ, имѣетъ болѣе глубокое основаніе и производитъ формы процесса изъ распредѣленія спорныхъ дѣлъ между двумя приказами, Помѣстнымъ и Суднымъ. Это распредѣленіе свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о томъ различіи, которое полагало наше древнее право между вещными и личными исками, а съ другой стороны естественно развило двѣ противоположныя формы процесса: такъ какъ всѣ дѣла о правѣ собственности были крѣпостныя, то въ Помѣстномъ Приказѣ должна была развиться преимущественно форма судопроизводства *слѣдственная, сыскная, розыскная*. Напротивъ, въ Судномъ Приказѣ, гдѣ судились дѣла, основанныя на всякаго рода доказательствахъ, а не на однихъ крѣпостяхъ, должна была развиться другая форма судопроизводства, процессъ обвинительный, по преимуществу гражданскій и древнѣйшій изъ всѣхъ, — судъ въ технически опредѣленномъ смыслѣ этого слова. Отступленія отъ этого общаго начала раздѣленія дѣлъ между приказами объясняются непослѣдовательнымъ проведеніемъ начала, что однако нисколько не опровергаетъ вѣрности главной мысли.

Г. Кавелинъ приводитъ противъ этого мнѣнія слѣдующія возраженія.

1. Раздѣленіе спорныхъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ Приказами не могло дать происхожденіе различнымъ формамъ процесса, ибо, во первыхъ, оно не было основано на противоположности вещныхъ и личныхъ исковъ, котораго Уложеніе и не сознавало достаточно яснымъ и опредѣленнымъ образомъ; во вторыхъ, главное назначеніе Помѣстнаго Приказа было не су-

дебное, но административное, а потому и противопологать его Судному Приказу нѣтъ никакой возможности.

II. Положеніе, по которому будто бы въ Помѣстномъ Приказѣ никогда не давали суда, совершенно несправедливо. Въ Помѣстномъ Приказѣ вѣдались дѣла: а) о помѣстьяхъ; b) о вотчинахъ; с) о помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ. Всѣ эти дѣла, по мнѣнію г. Кавелина, судились исключительно судомъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ приводитъ ст. 84 Судебника, гдѣ сказано: «о земляхъ судъ», всѣ правыя грамоты, напечатанныя въ Юридическихъ Актахъ; ст. 244-ю X главы Уложенію («А будетъ кто на комъ учнетъ *искати вотчины* или двора, или лавки, или мельницы.... а по суду и по сыску довелется его въ томъ обвинити....»), ст. 58 главы XVIII («А кому будутъ даны правые грамоты всякимъ людемъ о *вотчинахъ* и о всякихъ дѣлахъ.... *написано будетъ въ грамотѣ все судное дѣло* подлинно....»), всю XI главу, которой самое заглавіе есть *судъ о крестьянахъ*, и наконецъ новоуказныя статьи 1683 и 1686 годовъ. Одни помѣстья судились не судомъ, а очными ставками, которыя однако были только видоизмѣненіемъ обвинительной формы.

III Дѣла о правѣ собственности не были исключительно крѣпостными, ибо между способами пріобрѣтенія правъ важное мѣсто занимала между прочимъ давность, слѣд. розыскъ по крѣпостямъ не могъ быть единственною формою процесса.

IV. Наконецъ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Уложенія видно, что и крѣпостныя дѣла судились иногда судомъ.

Собственное мнѣніе г. Кавелина находится въ тѣсной связи съ этими замѣчаніями. Онъ говоритъ, что въ это время «русское гражданское судопроизводство имѣло двѣ формы: *судъ и очныя ставки*. Очными ставками преимущественно судились спорныя дѣла на помѣстья и вотчины, судомъ всѣ прочія гражданскія дѣла». Судъ есть основная, общая, и, по своему происхожденію, древнѣйшая форма русскаго гражданскаго судопроизводства. По своему характеру, это чисто обвинительный процессъ, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Этою формою судопроизводства вѣдались дѣла: а) о правахъ вещныхъ, т. е. о правѣ собственности

на землю или вотчину, строеніе, на крестьянъ и бобылей, домашнихъ животныхъ и вс[illegible] движимыя; о правахъ на чужую вещь; о вещныхъ гражданскихъ повинностяхъ; о закладѣ. b) О правахъ по обязательствамъ, какъ въ слѣдствіе договора, такъ и въ слѣдствіе преступленія Очныя ставки, по мнѣнію г. Кавелина, имѣютъ двоійственный характеръ. По существу своему, онѣ суть не что иное, какъ обвинительная форма судопроизводства, и въ этомъ смыслѣ не различаются отъ суда. Напротивъ, по нѣкоторымъ *внѣшнимъ* признакамъ онѣ должны быть причислены къ формамъ уголовнаго, инквизиціоннаго процесса. Эти признаки слѣдующіе: a) Очными ставками называется форма уголовнаго процесса, которая, вмѣстѣ съ распросомъ и пыткою, образуетъ то, что въ періодъ Уложенія носитъ техническое названіе *розыска*. Въ источникахъ, судъ никогда не называется очными ставками и очныя ставки судомъ; оба эти названія вездѣ различаются. b) По спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, которыя судились очными ставками, не допускалась присяга; а въ дѣлахъ, судимыхъ судомъ, она была обыкновеннымъ и весьма употребительнымъ доказательствомъ. c) Послѣ очныхъ ставокъ истцы и отвѣтчики могли подавать, въ свое оправданіе, дополнительныя челобитныя, и онѣ принимались въ соображеніе при рѣшеніи спорнаго дѣла. Но послѣ суда такихъ дополнительныхъ челобитенъ принимать не велѣно. d) Наконецъ по дѣламъ рѣшаемымъ очными ставками, съ виновнаго не взимались судныя пошлины. По всѣмъ этимъ признакамъ г. Кавелинъ полагаетъ, что очныя ставки перенесены съ уголовнаго процесса на гражданскій, и потомъ мало по малу сами обратились въ форму гражданскаго судопроизводства «Возможность такого измѣненія, говоритъ онъ, заключается въ самомъ существѣ ихъ. Вѣроятно, въ нихъ прежде соединялись оба элемента судопроизводства: обвинительный и слѣдственный. Между тяжущимися происходилъ споръ въ присутствіи судьи. Къ этому обвинительному началу присоединялось и слѣдственное: судья распрашивалъ тяжущихся. Поэтому во многихъ мѣстахъ Уложенія, гдѣ говорится объ очныхъ ставкахъ, упоминается о распросѣ.» Очныя ставки употреблялись, въ эпоху Уложенія, для однихъ помѣстій; но потомъ, когда помѣстья начали мало по малу принимать болѣе частный, гражданскій, вотчинный харак-

теръ, онѣ стали употребляться и въ спорныхъ дѣлахъ о вотчинахъ. Первоначальная причина, по которой онѣ появились въ помѣстныхъ дѣлахъ, состояла въ томъ, что помѣстья были земли государевы, а потому и споры о нихъ имѣли болѣе государственный, нежели частный характеръ.

Въ подтвержденіе своему мнѣнію, г. Кавелинъ опредѣляетъ значеніе слова: *розыскъ* или *сыскъ*. Оно, какъ извѣстно, привело къ заключенію, будто бы крѣпостныя дѣла судились слѣдственнымъ порядкомъ. Но розыскъ имѣетъ различный смыслъ Такъ назывались и простое удостовѣреніе въ дѣйствительности какаго нибудь факта и особенная, уголовная форма судопроизводства. Поводъ къ ошибочному выводу заключается въ выраженіи новоуказныхъ статей, гдѣ о сдаточныхъ записяхъ велѣно разыскивать безъ суда. Это выраженіе не только не означаетъ слѣдственнаго судопроизводства, но даже вовсе не относится ни къ какой формѣ процесса. Въ періодъ Уложенія, крѣпости на недвижимыя только тогда почитались дѣйствительными, когда были внесены въ приказахъ въ записныя книги. Поэтому, когда тяжущіеся представляли документы, то судьи справлялись, записаны ли они въ книгахъ, что̀ и называлось технически: *розыскивать* [448])

Это мнѣніе, основанное на близкомъ знакомствѣ съ формами процесса въ томъ видѣ, какъ представляетъ ихъ Уложеніе, имѣетъ, вмѣстѣ съ основательною и очень вѣрною стороною, въ тоже время и нѣкоторые недостатки. Вопросъ безспорно подвинутъ имъ къ рѣшенію, но не рѣшенъ однако окончательно. Существенная его заслуга состоитъ въ томъ, что: а) показана невозможность провести рѣзкую границу между вотчиннымъ процессомъ и процессомъ по спорамъ на основаніи договоровъ; б) доказано, что исключеніе всѣхъ остальныхъ доказательствъ, кромѣ розыска по крѣпостямъ, не составляетъ признака всѣхъ крѣпостныхъ дѣлъ вообще, но только однихъ дѣлъ помѣстныхъ и вотчинныхъ; в) объяснена причина измѣненія формы въ вотчинномъ процессѣ.

---

448) **Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ, соч. К. Д. Кавелина, М. 1844, глава III-я, отдѣленіе I, стр. 48—65.**

Невѣрная сторона взгляда заключается въ слѣдующемъ: а) въ недостаточномъ объясненіи тѣхъ началъ, которыя лежали въ основѣ двухъ различныхъ формъ процесса. По мнѣнію г. Кавелина, различія въ употребленіи той или другой формы никакъ нельзя объяснять характеромъ самихъ исковъ, ибо, по Уложенію, всѣ иски были личные, вещные составляли только рѣдкое исключеніе. Но хотя совершенно справедливо, что твердаго разграниченія между тѣми и другими нельзя искать въ Уложеніи; однако не надобно забывать, что въ это время наше право находилось въ періодѣ образованія. Въ такія эпохи, относительно многихъ началъ, законодательство можетъ находиться въ колебаніи, и не сознавая ихъ ясно, стремится однако къ ихъ большему опредѣленію. Такъ именно было относительно вещныхъ и личныхъ исковъ. При всей трудности опредѣлить, какіе иски носили тотъ или другой характеръ, нельзя однако не замѣтить, что законодательство видѣло между ними какую-то разницу, и даже полагало въ ней основу для самой формы процесса. Вотъ примѣръ довольно строгаго разграниченія какъ между видами исковъ, такъ и между формами процесса. Когда въ 1683 г. правительство, по финансовымъ соображеніямъ, измѣнило форму процесса въ Помѣстномъ Приказѣ и велѣло, вмѣсто очныхъ ставокъ, давать судъ, то возникли разные вопросы о подробностяхъ судопроизводства. Въ отвѣтѣ на нихъ, Боярская Дума высказала слѣдующее начало: «въ которыхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ объявятся заряды, и въ тѣхъ дѣлахъ ... давать судъ, а на судѣ.... давать вѣра....; а въ которыхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ заряду не объявится, и въ тѣхъ спорныхъ дѣлахъ помѣщикамъ и вотчинникамъ давать очныя ставки, . . . и на очныхъ ставкахъ истцу съ отвѣтчикомъ вѣры не давать.» Здѣсь замѣчательно, что неустойка въ договорѣ рѣшаетъ вопросъ о формѣ процесса. Въ случаѣ неустойки законодательство смотритъ болѣе на договорную сторону крѣпости, а въ случаѣ ея отсутствія, болѣе на актовую. Изъ этого уже видно, что судъ, обвинительная форма, есть исключительная принадлежность личнаго иска, а очныя ставки, слѣдственная форма, принадлежность иска вещнаго. Столь же несправедливо замѣчаніе г. Кавелина, что въ распредѣленіи дѣлъ между Помѣстнымъ и

Судным Приказами вовсе не было мысли о различіи исковъ. Она не только была, но даже проводилась довольно строго; отступленія были вынуждены одной практическою необходимостью. Въ 1682 г. по дѣлу двухъ Хрущовыхъ о розыскѣ и размежеваніи ихъ помѣстныхъ земель, къ которому присоединялся искъ о насильномъ завладѣніи, бояре приговорили: споръ о межахъ рѣшить въ Помѣстномъ Приказѣ, *«а насильнаго владѣнія и бою и грабежу искать.... судомъ съ Судномъ Приказѣ»*, и впередъ всегда поступать такимъ образомъ. До 1684 г. до такой степени дѣлали различіе между чисто-вотчинными дѣлами и тѣми, которыя производились о вотчинахъ на основаніи обязательствъ, что даже просьбы о выкупѣ родовыхъ вотчинъ подавались въ Судномъ Приказѣ [449]). Также несправедлива догадка, будто бы Помѣстный Приказъ столько же зналъ судъ, сколько и очныя ставки. Она основывается, во первыхъ, на предположеніи, что споры о земляхъ вѣдались и судомъ. Это справедливо, потому что такіе споры могли возникнуть не по одному вопросу о правѣ собственности, а также и въ слѣдствіе споровъ по обязательствамъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ всѣ такія дѣла судились въ Помѣстномъ Приказѣ. Ссылка на Судебникъ и правыя грамоты, изъ которыхъ позднѣйшая относится къ 1612 г., ничего не доказываютъ: съ того времени вотчинный процессъ могъ измѣниться, и измѣнился дѣйствительно. Также мало служатъ опорою такія два мѣста Уложенія, гдѣ не видно, въ слѣдствіе чего возникъ самый споръ. Замѣтимъ, что одно изъ приведенныхъ мѣстъ находится въ X главѣ Уложенія, гдѣ по преимуществу говорится объ исковомъ судопроизводствѣ, и которая возникла изъ практики Суднаго Приказа. Притомъ не надобно забывать казуистическій характеръ Уложенія. Оно пополнялось судебною практикою, слѣдовательно по мѣрѣ того, какъ возникали новые вопросы, а поэтому и не представляетъ полной картины тогдашняго процесса. Многое, что давно уже существовало de facto, не попало въ этотъ памятникъ только потому, что не вызвало ни одного указа, ни одного боярскаго приговора ни прежде, ни во время работъ редакціи. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить

---

449) П. С. З. NN 1022, 951, 1085.

законы о прошеніяхъ, о вызовѣ къ суду, или о судоговореніи. Уложеніе нигдѣ не говоритъ о дополнительныхъ прошеніяхъ при очныхъ ставкахъ, между тѣмъ, какъ изъ указа 1683 г. видно, что въ этомъ случаѣ они допускались. Уложеніе винитъ всегда роспискою, а при очныхъ ставкахъ она не вела къ обвиненію. Уложеніе, наконецъ, не говоритъ объ очныхъ ставкахъ по вотчиннымъ дѣламъ, между тѣмъ какъ изъ вотчиннаго дѣла 1644 г. видно, что по дѣламъ этого рода онѣ давно уже были въ употребленіи. Точно также и приведенные г. Кавелинымъ указы 1683 и 1686 гг. нисколько не доказываютъ, чтобы въ Помѣстномъ Приказѣ судъ былъ исконною формою процесса. Во первыхъ, оба они вышли послѣ указа 3-го мая 1683 года; во вторыхъ, въ одномъ изъ нихъ (вѣроятно въ слѣдствіе объяснительнаго указа 13-го іюня 1683 года), судныя помѣстныя и вотчинныя дѣла прямо отличены отъ такихъ дѣлъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, по которымъ давались очныя ставки. Дѣла о помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ вѣдались не исключительно въ Помѣстномъ Приказѣ. Здѣсь крестьянъ только записывали и, можетъ быть, еще розыскивали о крестьянствѣ, когда бѣглый ни за кѣмъ не жилъ, и слѣдовательно не было отвѣтчика, т. е. другими словами, личный искъ былъ не возможенъ. Когда крестьянинъ жилъ у кого нибудь, то искъ противъ его владѣльца предъявлялся по мѣсту его подсудности. Послѣ Уложенія самое укрѣпленіе производилось въ Помѣстномъ Приказѣ не по всякаго рода актамъ. Такъ изъ боярскаго приговора 25-го іюня 1682 года видно, что укрѣпленіе по сдаточнымъ записямъ вѣдалось въ Приказѣ Холопьяго Суда, а отыскивали крестьянъ на основаніи этихъ актовъ, по мѣсту подсудности отвѣтчика [450]).

---

[450]) П. С. З. N 1029, указъ 1683 г. іюня 13-го: «А проѣсть и волокиту съ тѣхъ судныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ, и по которымъ дѣламъ будутъ очныя ставки, на тѣхъ людѣхъ, которые будутъ обвинены, правитъ съ того-ль числа, какъ судъ или очная ставка зачнется, да по то число, какъ по суду и по очнымъ ставкамъ дѣла вершатся, или съ того числа, какъ о тѣхъ дѣлахъ челобитье зачнется, да по то число, какъ тѣ дѣла вершатся, того въ Уложеньѣ и въ новыхъ статьяхъ не напечатано» N 1173, указъ 1686 г. марта 5-го. Воронежскіе Акты, часть 1-я, NN XIII, 1, 2;

Здѣсь опять иски отнесены къ приказамъ сообразно съ своимъ характеромъ. Притомъ и форма судопроизводства по дѣламъ о крестьянахъ и холопяхъ была не чисто-обвинительная, но смѣшанная. Соображая всѣ эти данныя, мы думаемъ, вопреки г Кавелину, что: а) распредѣленіе дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ Приказами имѣло рѣшительное вліяніе на образованіе двухъ различныхъ формъ судопроизводства; б) что въ основаніи ихъ лежала дѣйствительно темная мысль о различіи исковъ личныхъ и вещныхъ, мысль, достигшая уже нѣкотораго сознанія въ указѣ 13-го іюня 1683 года; в) что съ этого времени законодательство постоянно старалось разграничить личные иски отъ вещныхъ, предписывая производить первые судомъ даже и въ Помѣстномъ приказѣ, а вторые всегда очными ставками. Причина такого разграниченія понятна: вещные иски представлялись болѣе важными, а потому и болѣе охранялись государствомъ.

b) Второй, еще болѣе важный недостатокъ въ мнѣніи г. Кавелина заключается въ неправильномъ взглядѣ на характеръ очной ставки. Онъ полагаетъ, что очныя ставки только сначала имѣли значеніе слѣдственнаго процесса, а послѣ были въ сущности однимъ изъ видовъ обвинительный формы, отъ которой отличались только нѣкоторыми частностями. Мы думаемъ, напротивъ, что именно въ эпоху Уложенія очныя ставки были гораздо болѣе слѣдственною формою, чѣмъ обвинительною. Измѣненіе слѣдственной формы въ обвинительную вовсе не въ духѣ нашей старинной юриспруденціи, въ которой вообще замѣтно постоянное усиленіе правительственнаго начала.

c) Третій недостатокъ состоитъ въ маломъ значеніи, не справедливо приданномъ слову: сыскъ. въ гражданскихъ дѣлахъ.

Собственное наше мнѣніе о характерѣ древняго процесса уже было высказано. Постепенное склоненіе отъ формы обвинительной къ слѣдственной еще замѣтнѣе въ эпоху Уложенія, чѣмъ прежде. Составныя части розыска, появившіяся въ гражданскомъ процессѣ, получаютъ перевѣсъ надъ обвинительнымъ элементомъ,

---

часть 2-я, N 2; ср. указатель, стр. 13, часть 3-я, N CLXV. П. С. З. N 946.

и начинают примѣняться въ полномъ своемъ объемѣ, также какъ въ уголовныхъ дѣлахъ; съ другой стороны число гражданскихъ дѣлъ, по которымъ онѣ употреблялись, въ это время умножается.

Въ значеніи очной ставки и сыска замѣтно измѣненіе. Прежде обѣ эти части розыска были, въ дѣлахъ гражданскихъ, пропитаны обвинительнымъ элементомъ. Очная ставка не исключала тогда судоговоренія, пытка при ней, по дѣламъ помѣстнымъ и вотчиннымъ, еще не была, кажется, въ употребленіи; наконецъ, не видно, чтобъ эта форма исключала какія нибудь доказательства. Такимъ образомъ въ сущности она должна была мало разниться отъ обыкновеннаго гражданскаго суда. Во второй половинѣ XVII вѣка судоговореніе было замѣнено допросомъ, появляются улики и пытка [451]). Обвинительный элементъ удержался только въ томъ, что допросъ имѣлъ основаніемъ показанія противной стороны; но дѣло открывалось при этомъ собственною дѣятельностію судьи, производившаго розыскъ. Этотъ розыскъ, который г. Кавелинъ считаетъ за простую справку по записнымъ книгамъ, нерѣдко превращался въ настоящее слѣдствіе, ибо, кромѣ справки, при всякой просьбѣ объ укрѣпленіи производился повальный обыскъ. Самыя очныя ставки допускались только «если доведется» послѣ розыска, т. е. если собственнымъ разсмотрѣніемъ дѣла судья не пріобрѣтетъ никакого убѣжденія. Послѣ допроса тяжущихся судья опять начиналъ дѣйствовать самъ, дѣлая розыскъ о доказательствахъ: противъ всякой улики дѣлали справки, и не по однимъ книгамъ, но всѣми возможными мѣрами, чего въ чистомъ судѣ никогда не было. Конечно, въ очной ставкѣ обвинительный характеръ вездѣ идетъ рядомъ съ слѣдственнымъ, но чистыя формы судопроизводства, безъ всякой разнородной примѣси, нигдѣ почти не встрѣчаются. Для насъ важно то, что судья не былъ безучастнымъ зрителемъ процесса, и слѣдовательно не могъ постоянно оставаться въ кругу, очерченномъ волею тяжущихся. Если сыскъ открывалъ какое нибудь

---

[451]) См. списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 72 — 75. Здѣсь дѣло не вотчинное, а судное, но, какъ увидимъ ниже, въ этой части своей оно принимаетъ характеръ очной ставки.

обстоятельство, неужели же судья могъ оставить его безъ вниманія потому только, что оно не указано въ челобитныхъ? Ясно, что очныя ставки, которыя почти всегда соединялись съ остальными частями розыска, отличались отъ него только тѣмъ, что никогда не начинались пыткою, какъ уголовный процессъ, слѣдовательно первый моментъ суда былъ обвинительный. Только этимъ преобладаніемъ слѣдственнаго элемента и объясняется, почему на очныхъ ставкахъ была запрещена присяга. При ослабленіи довѣрія къ этому доказательству, законъ не хотѣлъ позволить его по такимъ дѣламъ, гдѣ судья могъ другимъ способамъ найти истину. Тоже слѣдуетъ замѣтить о допущени дополнительныхъ прошеній: это было средство для болѣе яснаго хода дѣла. Наконецъ, самое то, что при очныхъ ставкахъ не брали судныхъ пошлинъ, уже указываетъ, что здѣсь правительство смотрѣло на судъ болѣе какъ на свою собственную дѣятельность, нежели какъ на дѣятельность тяжущихся [452]).

Еще болѣе опредѣлилось, въ примѣненіи къ гражданскому процессу, значеніе сыска, который употреблялся и при очной ставкѣ, но нерѣдко также и отдѣльно. Слово: сыскъ, значило вообще удостовѣреніе въ дѣйствительности какаго-нибудь факта [453]). Но кромѣ того оно, въ частности, имѣло еще слѣдующія, ближайшія значенія: a) осмотра на мѣстѣ. Это можно по крайней мѣрѣ заключить изъ нѣкоторыхъ статей Уложенія [454]); b)

---

[452]) Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 50. П. С. З. N 1074. Писцовый наказъ 1684 года, ст. 8. «А будетъ въ такихъ вотчинахъ учинится споръ, и писцамъ *про тѣ вотчины розыскивать, и буде доведется, давать и очныя ставки*, и по розыску и по очнымъ ставкамъ писать тѣ вотчины за тѣми людьми, кому они будутъ правы по наказу». N 1022.

[453]) Уложеніе, глава I, ст. 2, 4; глава II, ст. 1—10, 17, 22; глава III, ст. 1, 2, 9; глава VI, ст. 6; глава VII, ст. 11, 12, 22, 27; глава IX, ст. 3, 4, 7; глава X, ст. 10, 12, 13, 19, 27, 31, 83, 106, 164, 170, 186, 190, 191, 194, 199, 200, 201, 206, 228, 232, 233, 238, 240, 252, 268; глава XVI, ст. 23, 36, 60, 63; глава XVII, ст. 17, 25, 35, 36; глава XX, ст. 15, 23, 24, 64, 70, 74; глава XXI, ст. 22, 104; глава XXII, ст. 7, 10, 11, 14, 16, 19, 20, 24, 25, 26; глава XXV, ст. 4, 6.

[454]) Уложеніе, глава X, ст. 238, 240.

справки по крѣпостнымъ книгамъ и вообще сличенія крѣпостей, для удостовѣренія въ ихъ подлинности [455]); c) допроса свидѣтелямъ и вообще знающимъ людямъ [456]); d) повальнаго обыска [457]). Два послѣднихъ значенія наиболѣе употребительны. Можно даже сказать, что именно въ этомъ смыслѣ сыскъ и былъ техническимъ выраженіемъ. При такомъ употребленіи этого слова, онъ отличался отъ всѣхъ остальныхъ судебныхъ дѣйствій, которыя въ другомъ случаѣ подъ нимъ подразумѣваются. Такъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ Уложенія сыскъ, въ этомъ смыслѣ, противополагается осмотру на мѣстѣ, или справкѣ по писцовымъ книгамъ, а въ другихъ отличается отъ очной ставки и допроса [458]). Сыскъ могъ быть произведенъ: а) по просьбѣ самихъ тяжущихся, которые точно также могли предлагать и пытку [459]); б) безъ

---

[455]) Уложеніе, глава X, ст. 252; глава XVI, ст. 63; глава XVII, ст. 25; глава XII, ст. 23; глава XX, ст. 64.

[456]) Уложеніе, глава VII, ст. 13; глава XX, ст. 4, 45.

[457]) Уложеніе, глава II, ст. 22; глава VI, ст. 3; глава X, ст. 135, 156, 161, 175; глава XVI, ст. 35, 60, 63; глава XVII, ст. 51; глава XX, ст. 29; глава XXI, ст. 28, 29, 54, 55, 59, 77.

[458]) Сыскъ отличается отъ: a) осмотра на мѣстѣ. Уложеніе, глава IX, ст. 16. «и о такихъ новыхъ мостѣхъ дѣлати указъ по *досмотру и по сыску....*»; b) справки по писцовымъ книгамъ. Глава XI, ст. 6. «А изъ за кого бѣглые крестьяне и бобыли *по суду и по сыску и по писцовымъ книгамъ* будутъ отданы истцомъ....»; ст. 7. «А у которыхъ вотчинниковъ *по суду и по сыску и по писцовымъ книгамъ* крестьяне взяты будутъ....»; ст. 10. «и имъ тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей *по суду и по сыску и по переписнымъ книгамъ* отдавати съ женами и дѣтьми....»; c) допроса тяжущихся. Глава X, ст. 7. «А челобитчика, и на кого онъ сказывалъ про посулы, *ставити съ очей на очи и роспрашивати и сыскивати про посулъ всякими сыски накрѣпко....*». — Глава XXI, ст. 15. «и въ приказѣ такихъ воровъ *роспрашивая, сыскивати про нихъ всякими сыски накрѣпко....*»; глава XXV, ст. 19. «*по роспросу и по сыску* чинити наказаніе....».

[459]) Уложеніе, глава XXV, ст. 5. «и учнутъ въ томъ оба иматися за пытку....» Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 75. Уложеніе, глава XVIII, ст. 33.

всякой просьбы, самимъ судьею, для того, чтобъ удостовѣриться въ справедливости приведенныхъ доказательствъ; в) были и такіе случаи, когда законъ непремѣнно требовалъ сыска. На это указываетъ какъ повелительный тонъ Уложенія («сыскивати»), такъ и та статья его, въ которой, при назначеніи повальныхъ обысковъ не по ссылкѣ тяжущихся, не велѣно брать съ сыскныхъ грамотъ никакихъ пошлинъ. Здѣсь сыскъ принималъ характеръ настоящаго слѣдствія. Сверхъ того, въ практикѣ, сыскъ, въ смыслѣ не повальнаго обыска, а общаго изслѣдованія, происходилъ иногда, во первыхъ, безъ всякаго предписанія закона, во вторыхъ, не противъ ссылокъ тяжущихся, но противъ всего суднаго дѣла. Это значило, вѣроятно, что судьи подвергали изслѣдованію всякое обстоятельство, открывавшееся въ дѣлѣ, хотя бы на него нисколько не было указано тяжущимися въ судоговореніи. Въ этомъ случаѣ слѣдствіе постоянно шло рядомъ съ споромъ противниковъ. Понятно, почему Уложеніе никогда не смѣшиваетъ сыска съ судомъ. О судѣ всегда говорится: «до чего доведется», о сыскѣ: «сыщется до пряма» [460]). Этими двумя, почти техническими выраженіями изображается различный характеръ суда и сыска: тяжущіеся могутъ доказать свое право, могутъ и не доказать его; но судья обязанъ, во что бы то ни стало, доискаться истины.

Посмотримъ теперь, насколько распространилось примѣненіе розыска къ гражданскимъ дѣламъ.

Очная ставка употреблялась въ это время: а) въ дѣлахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ, гдѣ съ указа 13-го іюня 1683 года форма процесса зависѣла отъ условія о неустойкѣ; б) по спорамъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, возникшимъ при ихъ засвидѣтельствованіи, слѣдовательно на судѣ святительскомъ; в) по личнымъ искамъ, основаннымъ на нѣкоторыхъ гражданскихъ преступленіяхъ, какъ напримѣръ: обманѣ, подлогѣ и насиліи. Уложеніе приводитъ слѣдующій примѣръ: если кто заставитъ другаго угрозами или принужденіемъ дать себѣ заемную кабалу, то дѣло объ этомъ производится очными ставками. г) По дѣламъ объ

---

460) П. С. З. № 712. Уложеніе, глава VI, ст. 11. глава VII, ст. 6, 22, 25, 30; глава X, ст. 134, 198 и проч.

отыскании свободы изъ холопства, на основании духовнаго завѣщанія прежняго господина; д) по жалобамъ на судей въ лихоимствѣ. По всѣмъ этимъ дѣламъ очная ставка давалась въ связи съ сыскомъ и допросомъ, слѣдовательно за исключеніемъ пытки здѣсь были всѣ формы розыска. Пытка тоже нерѣдко сюда присоединялась. Сверхъ того очная ставка составляла иногда часть обвинительнаго процесса. По искамъ о бѣглыхъ холопахъ и крестьянахъ, которые судились судомъ, очная ставка была иногда дополнительною формою: напримѣръ, въ дѣлѣ о старинномъ холопѣ, давшемъ на себя въ бѣгахъ служилую кабалу, холопа уличаютъ въ несвободномъ происхожденіи, давая ему очную ставку съ отцомъ, матерью и родственниками. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, это не особая форма процесса, а простое доказательство.

Сравнительно съ прежнимъ положеніемъ очной ставки замѣтны слѣдующія перемѣны: а) распространилась сфера ея примѣненія. Въ прежнихъ источникахъ не видно, чтобъ она употреблялась въ спорахъ о духовныхъ завѣщаніяхъ и о бѣглыхъ холопахъ. б) Основаніе, по которому дѣло производилось обвинительною или слѣдственною формою, опредѣлилось гораздо точнѣе, ибо по дѣламъ вотчиннымъ форма процесса условливалась преобладаніемъ въ искѣ личнаго или вещнаго начала. в) Употребленіе очной ставки распространилось и относительно вѣдомства. Прежде она встрѣчалась въ одномъ Помѣстномъ Приказѣ и въ Боярской Думѣ, по дѣламъ о лихоимствѣ. Теперь она употребляется также въ Приказѣ Холопьяго Суда, въ Судномъ, и даже на святительскомъ судѣ. Такое измѣненіе было естественнымъ послѣдствіемъ развитія нашего права: вмѣсто прежняго распредѣленія формъ процесса по приказамъ является распредѣленіе ихъ по различію началъ, лежащихъ въ томъ или другомъ тяжебномъ дѣлѣ. [461]).

Распросъ тяжущихся сопровождалъ непремѣнно всякую очную ставку. Отдѣльно отъ нея и отъ сыска онъ упоминается только въ одномъ случаѣ. Если истецъ приводилъ въ приказъ отыскиваемаго имъ холопа, то передъ судомъ послѣднему дѣлали распросъ;

---

[461]) Уложеніе, глава XVI, ст. 23, 34. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ.— П. С. З. NN 1010, 1022, 1029. А. А. Э. т. IV, N 309. Уложеніе, глава X, ст. 251; глава XVI, ст. 59; глава XVII, ст. 17; глава XX, ст. 14; глава X, ст. 7; глава XX, ст. 24 и 26.

но здѣсь онъ служилъ только къ установленію для суда исходной точки и вовсе не обозначалъ никакой формы судопроизводства.

Отдѣльно отъ очныхъ ставокъ и распроса, въ связи съ судомъ, сыскъ упоминается въ слѣдующихъ дѣлахъ: а) въ личныхъ искахъ, возникшихъ по такимъ преступленіямъ, которыя вѣдались гражданскимъ процессомъ, не допуская уголовнаго. Сюда, по Уложенію, относятся: а) нѣкоторые случаи убійства. Извѣстно, что въ это время уголовнымъ судомъ судилось только такое убійство, которое было совершено гласно, при наѣздѣ или разбоѣ. Остальные его виды подлежали обыкновенному гражданскому процессу. Но здѣсь однако дѣлалось различіе, смотря по большей или меньшей тяжести предполагаемой вины. Такъ, при похвальбѣ убійствомъ, если по жалобѣ обиженнаго, обидчикъ былъ вынужденъ дать ему опасную грамоту съ заповѣдью (штрафомъ) и съ обѣщаніемъ не дѣлать покушенія на его жизнь, а потомъ убивалъ его; то женѣ и дѣтямъ убитаго давали съ убійцею судъ и сыскъ. Напротивъ того, если даже послѣ выдачи заповѣдной грамоты люди двухъ противниковъ, съѣхавшись гдѣ нибудь на дорогѣ или въ корчмѣ, подерутся между собою, и въ дракѣ случится убійство, или будутъ нанесены раны; то противники свободны отъ всякаго штрафа, а дѣло производится просто судомъ. Сообразивъ эти двѣ статьи, нельзя не сознаться, что здѣсь чистый судъ противополагается суду съ сыскомъ. b) Нанесеніе ранъ и побоевъ, когда они отыскивались гражданскимъ судомъ. c) Всякое вообще насильство надъ лицемъ, даже не соединенное съ положительнымъ вредомъ. d) Насильство ратныхъ людей во время похода на государеву службу. e) Воровство, когда оно производилось судомъ, и иски о сносѣ. f) Иски о завладѣніи и объ убыткахъ. g) Иски о безчестьѣ [462]). б) Въ спорахъ по неисполненнымъ обязательствамъ, какъ-то: по дѣламъ о займѣ, наймѣ, поклажѣ и товариществѣ. Какъ видно, и здѣсь сыскъ при-

---

[462]) Уложеніе, глава XX, ст. 54; глава X, ст. 133 и 134; — ст. 200, 201; глава XX, ст. 10 и 11; — глава X, ст. 207; глава XX, ст. 16, 17; — глава XVII, ст. 6, 7, 22, 25, 30; — глава XXI, ст. 54; глава XX, ст. 45, 63, 93; — глава X, ст. 208—211, 214—222, 231—232, 279: — глава X, ст. 27, 28, 29, 30, 31, 83, 85, 90, 91, 93, 94, 99, 106, 142, 146.

соединяется къ суду по предположенію, что обязательство не исполнено въ слѣдствіе какаго-нибудь проступка, и притомъ тогда только, когда самое обязательство представляется безспорнымъ. Въ противномъ случаѣ дается просто судъ. Напримѣръ, если мастеровой запирается въ полученіи какаго нибудь матеріала для обдѣлки, то просители должны искать съ него судомъ [463]).

Всего многознаменательнѣе то значеніе, которое Уложеніе даетъ пыткѣ въ гражданскихъ дѣлахъ. До сихъ поръ она была принадлежностью одного уголовнаго процесса. Какъ скоро дѣло доходило до пытокъ, оно пересылалось въ Разбойный Приказъ. Въ Уложеніи, хотя это правило и удержалось по дѣламъ о воровствѣ, но пытка вкралась и въ нѣкоторые виды гражданскаго процесса: а) по дѣлу о нанесеніи побоевъ противъ свободнаго лица обиженному давали судъ и сыскъ, а несвободныхъ людей подвергалось пыткѣ, ибо было предположеніе, что они дѣйствовали по чьему-нибудь подговору. б) При отреченіи холоповъ отъ родства, ихъ пытали, хотя судъ съ истцомъ производился обвинительнымъ процессомъ: очная ставка давалась только съ родственниками. в) При очной ставкѣ пытка допускалась самимъ закономъ по дѣламъ о насиліи, для полученія заемной кабалы. Такимъ образомъ пытка была возможна не только при очной ставкѣ, но также и при судѣ, когда онъ соединялся съ сыскомъ. Но этого мало. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда законъ требовалъ пытки въ слѣдствіе характера дѣла, она являлась и вообще крайнимъ средствомъ убѣжденія для судьи, по дѣламъ всякаго рода: къ ней обращались, когда другія доказательства были не возможны или не убѣдительны. По дѣламъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, тяжущіеся нерѣдко предлагали ее другъ другу. Законъ требуетъ ея: а) при спорѣ обыскныхъ людей и отсутствіи другихъ уликъ, б) въ замѣну крестнаго цѣлованія, для людей, которые уже присягали три раза въ жизни. Это послѣднее положеніе чрезвычайно важно. Оно доказываетъ, что въ сущности не было уже такаго гражданскаго дѣла, которое, при извѣстныхъ об-

---

463) Уложеніе, глава X, ст. 206, 274, 275, — 190, 191, 194, 195, 276,— ст. 193.

стоятельствахъ, не могло бы принять полнаго характера розыска [464]).

И такъ въ настоящее время всѣ гражданскія дѣла начали склоняться къ слѣдственному процессу, а важнѣйшія изъ нихъ, помѣстныя и вотчинныя, почти совершенно перешли въ область розыска. При такомъ направленіи законодательства не мудрено, что практика не умѣла удержаться на тонкой чертѣ между двумя формами процесса и не рѣдко ее переступала, хотя правительство старалось сохранить различіе между гражданскими и уголовными дѣлами. Такъ въ 1678 году, узнавъ, что въ Судномъ Приказѣ производятъ сыскъ противъ всѣхъ судныхъ дѣлъ, Боярская Дума велѣла подъячимъ писать сыскныя грамоты только противъ истцовыхъ и отвѣтчиковыхъ ссылокъ, потому что такъ предписано Уложеніемъ. Вообще судъ былъ для правительства любимою формою процесса, очныя ставки оно допускало только по необходимости и, такъ сказать, не хотя. Причина понятна: съ суда оно получало болѣе дохода. Увлекаясь финансовою цѣлію, оно сдѣлало, подъ конецъ XVII вѣка, попытку возстановить обвинительную форму во всей прежней ея чистотѣ. Именнымъ указомъ 3-го мая 1683 года очныя ставки были отмѣнены во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, и въ Помѣстномъ Приказѣ велѣно было давать судъ, «чтобъ пошлинные деньги не пропадали, а истцамъ не повадно бы было затѣвать и неправдою исковъ своихъ лишку приписывать.» Замѣчательно, какъ трудно было исполнить этотъ законъ. Въ Помѣстномъ Приказѣ тотчасъ возникли вопросы: допускать ли дополнительныя прошенія и присягу? какъ взыскивать пошлины, съ денегъ по крѣпостямъ, или съ четвертей? Рѣшая эти вопросы, Боярская Дума немедленно отступила отъ новаго распоряженія, принявъ неустойку за основаніе для формы процесса. Такое рѣшеніе едва ли не было вынуждено самимъ положеніемъ судебной практики. Въ Помѣстномъ Приказѣ половина споровъ возникала во время просьбъ объ укрѣпленіи права недвижимой собственности, а наблюдавшіеся при этомъ обряды состояли въ розыскѣ по крѣпостямъ и очныхъ ставкахъ. При

---

[464]) Уложеніе, глава XXII, ст. 11, 12, глава XX, ст. 25; глава X, ст. 251, 163.

тогдашнемъ отсутствіи ясно сознанныхъ началъ въ процессѣ, при постоянномъ стремленіи сокращать число дѣлъ, соединяя ихъ, подъячіе не умѣли разграничить два отдѣльныхъ рода дѣлопроизводства. Но слѣдственная форма укоренилась не въ одномъ Помѣстномъ Приказѣ. До насъ дошло спорное дѣло 1670 года о сельцѣ Погодаевѣ. Дѣло возникло вслѣдствіе просьбы о возвращеніи истцу собственности его отца, укрѣпленной за Прилуцкимъ монастыремъ, на основаніи будто бы подложной закладной, слѣд. искъ былъ личный. Это уже первое основаніе для обвинительной формы процесса. Но кромѣ того было еще и другое: дѣло производилось въ Монастырскомъ Приказѣ, гдѣ эта форма была единственною. Въ приказномъ спискѣ оно дѣйствительно постоянно называется суднымъ, что, какъ извѣстно, всегда противополагалось вотчинному. Тѣмъ не менѣе здѣсь, рядомъ съ обвинительными, замѣтны и чисто-слѣдственныя формы. Весь ходъ процесса былъ слѣдующій. Онъ начался судоговореніемъ. Такъ какъ истецъ опровергалъ дѣйствительность закладной и ссылался на очную ставку своего отца по дѣлу о той же вотчинѣ, то судьи Монастырскаго Приказа, отпустивъ съ суда на поруки истца и отвѣтчика, сдѣлали два распоряженія: 1) о справкѣ въ Помѣстномъ Приказѣ, 2) о допросѣ подъячимъ, писавшимъ закладную. Этимъ окончился *первый* судъ. Когда сыскъ былъ сдѣланъ, и тяжущіеся опять явились къ суду, то судоговореніе возобновилось. Но послѣ судоговоренія истецъ подалъ роспись уликамъ, въ которой, вмѣстѣ съ прямыми доказательствами, были приведены и косвенныя, напримѣръ, что у монастыря есть еще подложныя вкладная и запись съ неустойкою, которыхъ стряпчій не представилъ, для того, чтобъ ими не опорочить своей закладной; что уплату на кабалѣ, если бы этотъ актъ не былъ подложенъ, скорѣе бы отецъ поручилъ надписать сыну, нежели монастырскому дьячку; что монастырь не хотѣлъ содержать матери истца и т. д.; наконецъ въ заключеніе истецъ ссылался на пытку. Отвѣтчику былъ сдѣланъ допросъ о каждомъ пунктѣ уликъ, и за тѣмъ опять начался сыскъ. Монастырскій Приказъ допрашивалъ свидѣтелей, наводилъ справки въ другихъ приказахъ, словомъ производилъ формальное слѣдствіе о каждой уликѣ. Такимъ образомъ обвини-

тельный элементъ состоялъ здѣсь только въ томъ, что указанія для слѣдствія даны были тяжущимися. Внѣшній видъ процесса совершенно отличенъ отъ старинная суда. Стоитъ только сличить съ этимъ спискомъ любую правую грамоту XVI и начала XVII вѣка, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ [465]).

Что касается до внѣшняго хода процесса, то понятно, что при измѣненіи его характера, дѣлопроизводство должно было значительно усилиться. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ судоговоренія, всякій актъ излагался письменно. Недовѣріе къ челобитчикамъ, ихъ безпрестанные отказы отъ собственныхъ словъ заставляли судей записывать каждый шагъ ихъ въ судѣ. Сношенія съ городами и приказами еще болѣе усиливали переписку.

Правила о вызовѣ къ суду необыкновенно развиты въ Уложеніи. Въ нихъ, съ одной стороны, проведена съ чрезвычайною послѣдовательностію прежняя система вызова,—принадлежность чисто-обвинительнаго процесса, съ другой, отразилось и новое направленіе судопроизводства. Отсюда различные способы вызова, колебанія между ними и стремленіе то подвести ихъ подъ одно начало, то положить между ними рѣзкую границу.

Древнѣйшій способъ вызова, посредствомъ приставной памяти, почти исключительно существовалъ для Москвы съ ближайшими городами, и притомъ для дѣлъ, судившихся судомъ. По формѣ, приставная память была по прежнему краткою запискою о дѣлѣ, которая давалась недѣльщику и составлялась или самимъ челобитчикомъ, или другимъ частнымъ лицемъ, по его просьбѣ. Случалось, что ее писалъ и дьякъ, но это не было правиломъ. Напротивъ, значеніе приставной памяти нѣсколько измѣнилось. Она пріобрѣла такую важность, которой не имѣла прежде. Въ эпоху Судебника приставная память нужна была только для того, чтобъ напоминать недѣльщику о возложенномъ на него порученіи. Оттого она была совершенно частнымъ актомъ. Въ настоящее время, по справедливому замѣчанію г. Кавелина, она сдѣлалась первымъ актомъ процесса, предварительнымъ увѣдомленіемъ судьи объ искѣ. Ею устанавливался объемъ будущаго взысканія, характеръ тѣхъ доказательствъ, которыя истецъ обязывался пред-

---

[465]) П. С. З. №№ 742, 1022. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 53—123.

ставить въ теченіи дѣла, однимъ словомъ, весь составъ будущаго иска. Впослѣдствіи нельзя уже было ничего перемѣнить въ немъ. Поэтому законодательство постоянно стремилось дать содержанію приставной памяти большую опредѣленность и устранить всякую возможность противорѣчія между ею и дальнѣйшимъ ходомъ процесса. Это была настоящая формула, въ которой, по составленіи ея, истецъ не могъ уже ничего выкинуть и ничего прибавить. Содержаніе ея опредѣлено слѣдующимъ образомъ. Въ приставной памяти истецъ непремѣнно долженъ былъ обозначить цѣну иска. Челобитчикамъ было велѣно, чтобы они «иски свои..... писали правдою, лишняго ничего отнюдь не приписывали». Сначала, по Уложенію, были еще однако случаи, въ которыхъ не требовалось составленіе приставной памяти. Безъ нея можно было начать судъ: 1) когда, по окончаніи суда, истецъ вчиналъ другой искъ противъ того же отвѣтчика; 2) когда отвѣтчикъ, не сходя съ суда, вчиналъ противъ истца встрѣчный искъ. Подъ конецъ XVII вѣка и эти два случая поставлены въ зависимость отъ приставной памяти. Указомъ 17 ноября 1682 года запрещено давать судъ по разнымъ челобитнымъ, если онѣ не поименованы истцемъ въ приставной памяти; также и отвѣтчики, если хотѣли искать встрѣчно, должны были подавать о томъ приставную память въ то время, когда истецъ «станетъ по себѣ поручную запись забирать». Это распоряженіе сдѣлано было съ тою цѣлію, «чтобъ въ неявленныхъ искахъ истцомъ и отвѣтчикомъ продажи не было». Какъ заявленіе иска, приставная память не могла уже болѣе содержать въ себѣ ничего другаго, кромѣ исковъ одного и того же лица противъ другаго. Истецъ обязанъ былъ собственноручно подписать ее и подать дьяку, который, сдѣлавъ на ней надпись, вносилъ ее въ записную книгу. Указомъ 17 января 1690 года велѣно было истцамъ собственноручно подписывать въ книгѣ подъ запискою, что она сдѣлана совершенно согласно съ приставною памятью. За тѣмъ послѣдняя отдавалась недѣльщику, для вызова по ней къ суду отвѣтчика [466]).

---

[466]) А. Ю. №№ 55, 56. Акты, относящіеся до юрид. быта древней Россіи, изд. Калачовымъ, т. I, N 89. Уложеніе, глава X, ст. 100.

Недѣльщикъ долженъ былъ явиться къ отвѣтчику въ городѣ, или у него на дворѣ, прочитать ему вызовъ и назначить срокъ для явки къ суду. Особенной срочной грамоты, какъ въ эпоху Судебника, въ это время, кажется, уже не было. Обязанность явиться къ суду на извѣстный срокъ устанавливалась для отвѣтчика одною порукою. Судебное поручительство имѣло по прежнему три главныхъ вида. Поручныя записи представлялись: 1) въ статьѣ на судъ, 2) съ суда, о явкѣ къ судебному рѣшенію и вообще по требованію судей, 3) объ уплатѣ исковой суммы по судебному рѣшенію. Обязанности поручителей ограничивались тѣмъ судебнымъ актомъ, въ исполненіи котораго они ручались. Такъ, если отвѣтчикъ умретъ до срока, то Уложеніе запрещаетъ подвергать поручителей какой бы то ни было отвѣтственности, ибо они ручались только въ явкѣ отвѣтчика, а не въ уплатѣ имъ долга.

Поручительство требуется непремѣнно и вынуждается всѣми мѣрами. Уложеніе даже не говоритъ о личномъ арестѣ. Можетъ быть, отъ этого онъ нисколько и не смягчился Отвѣтчика, у котораго нѣтъ поручителей, держатъ въ приказѣ скованнаго. Но къ этому средству прибѣгали только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, иначе оно считалось незаконнымъ. Такъ въ 1668 году вологодскій воевода велѣлъ схватить отвѣтчика на торгу и поставить его передъ собою въ съѣзжей избѣ; но отвѣтчикъ впослѣдствіи указывалъ на это, какъ на злоупотребленіе власти. Поручители принадлежали обыкновенно къ числу родственниковъ. По тому же судному дѣлу, отвѣтчикъ извинялся въ непредставленіи поручительства, говоря: «у меня на Вологдѣ сродниковъ никово нѣтъ, и въ томъ поклепномъ долгу и выручить было меня некому». Кромѣ родственниковъ ручались и другія лица, но большею частію тогда, когда находились къ отвѣтчику въ какихъ нибудь тѣсныхъ юридическихъ отношеніяхъ: посадскіе люди за посадскихъ, монахи за монаховъ, крестьяне за крестьянъ и т. д. Встрѣчается и такое поручительство, которое не основано ни на какихъ юридическихъ отношеніяхъ. Законъ не знаетъ однако

П. С. З. № 271. Уложеніе, глава X, ст. 103. П. С. З. N 968. Уложеніе, глава X, ст. 137. П. С. З. N 1363.

ни родственной, ни общинной поруки. Требуя поручной записи отъ отвѣтчика, онъ ни на кого не возлагаетъ обязанности за него ручаться, кромѣ лицъ подчиненныхъ ему, по праву господской или помѣщичьей власти. Къ послѣднимъ судъ обращается тогда, когда тяжущійся не далъ поруки. Ручательство ихъ вполнѣ обязательно для господина. Напримѣръ, если отвѣтчикъ скроется отъ пристава, то въ судъ забираются его дворовые люди или крестьяне, которыхъ тотчасъ же отдаютъ на поруки. Замѣчательно, что если эти лица представятъ поручительство, а потомъ бояринъ ихъ явится въ приказъ, то судъ начинается немедленно, и поручная запись отъ самаго отвѣтчика уже не требуется; но если люди его не могли собрать по себѣ порукъ и были сами задержаны, то съ отысканнаго отвѣтчика передъ судомъ брали поручную запись. Изъ этого ясно, что судебное обязательство, принятое холопами и крестьянами, безусловно переходило на ихъ господина [467]).

Представить отвѣтчика къ суду было прямою обязанностію поручителей. Такъ, если противъ кого нибудь предъявленъ искъ о деревенской обидѣ, нанесенной истцу людьми или крестьянами, и отвѣтчикъ станетъ просить, чтобъ ему дали время развѣдать про ту обиду, то Уложеніе предписываетъ судьямъ назначить ему поверстный срокъ и отдать его на поруки. Если онъ не явится во время, то судьи обязаны велѣть сыскать его поручителямъ, которые между тѣмъ сами отдаются на поруки. Такой же поверстный срокъ назначался и задержаннымъ людямъ и крестьянамъ, для отысканія ихъ боярина. Сверхъ того, по дошедшимъ до насъ записямъ, поручители обязывались уплатить истцовъ искъ сполна и государеву пеню, а по Уложенію, искъ, проѣсти и волокиты. Но въ обвинительномъ процессѣ взысканіе иска должно было рѣдко падать на поручителей, ибо, до обращенія къ нимъ, употреблялись всѣ средства для отысканія отвѣтчика. Даже протори и убытки большею частію взыскивались прямо съ отвѣтчика, по явкѣ его въ судъ, только въ одной статьѣ

---

[467]) Уложеніе, глава X, ст. 205. Котошихинъ, стр. 94 и 97. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 73, 74. А. Ю. № 307. Уложеніе, глава X, ст. 138, 139, 140.

Уложенія упоминается о немедленномъ взысканіи съ поручителей проѣстей и волокитъ, именно: когда они поѣдутъ съ приставомъ отыскивать отвѣтчика, испросившаго себѣ поверстный срокъ для разузнанія о деревенской обидѣ [468]).

Подобно прежнимъ законамъ Уложеніе запрещаетъ обвинять отвѣтчика безъ поручной записи, по одной приставной памяти. Въ слѣдствіе этого, составъ и способы вынужденія записи опредѣлены очень строго.

Уложеніе предписываетъ въ точности обозначать время составленія поручной записи. Указомъ 17-го января 1690 года велѣно подавать ее дьяку немедленно по составленіи, или, по крайней мѣрѣ, не позже другаго дня. Дьякъ долженъ былъ помѣтить ее, обозначивъ годъ, мѣсяцъ и число; за тѣмъ она вклеивалась въ записную книгу, подъ спискомъ съ приставной памяти; истецъ и отвѣтчикъ удостовѣряли собственноручною подписью въ книгѣ, что поручная запись вполнѣ сходна съ приставною памятью. Съ этой минуты начинались судебные сроки.

Если отвѣтчикъ скрывался и не давалъ поручной записи, то судьи прибѣгали къ разнымъ мѣрамъ принужденія, хотя бы имущество его и было извѣстно. Приставъ долженъ былъ взять съ собою двухъ или трехъ товарищей и стеречь его на дворѣ. Какъ только отвѣтчикъ, или его человѣкъ, показывались изъ дома, ихъ брали и представляли судьѣ, который отдавалъ ихъ на поруки. Если они отбивались у пристава, то послѣдній обязанъ былъ заявить объ этомъ окольнымъ людямъ, которыхъ имена онъ записывалъ, а списокъ подавалъ судьямъ. Судьи производили повальный обыскъ между окольными людьми, и если показаніе пристава подтверждалось, то дѣлали отвѣтчику новый вызовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ приказа отправляли подъячаго, который долженъ былъ взять съ собою понятыхъ, «тутошнихъ сторонихъ людей, сколько пригоже», и съ ними идти на дворъ къ отвѣтчику. Здѣсь онъ читалъ ему приставную память и требовалъ отъ него поруки, не отпуская его безъ этого. Если же отвѣтчикъ, отбившись у пристава, сбѣжалъ изъ Москвы въ свою

---

[468]) Уложеніе, глава X, ст. 229, 140. — А. Ю. N 307. Уложеніе, глава X, ст. 117, 229.

вотчину или помѣстье, то приставъ бралъ у него съ двора людей или дворника и отдавалъ ихъ на поруки въ томъ, что они поставятъ въ приказъ своего боярина. Срокъ для этого назначался поверстный. Явясь къ суду, отвѣтчикъ платилъ проѣсти и волокиту. Если люди его не могли представить за себя поручительства, то задерживались въ приказѣ до явки ихъ боярина. Если послѣдній не являлся долгое время (а по указу 19-го декабря 1678 года, недѣлю), желая *изволочить* своего истца, то, по просьбѣ послѣдняго, судьи посылали за отвѣтчикомъ пристава въ его имѣніе. По пріѣздѣ въ Москву онъ подвергался наказанію и сверхъ того платилъ истцу проѣсть и волокиту, а недѣльщику ѣздъ. Когда отвѣтчикъ скрывался отъ пристава и въ деревнѣ, то вмѣсто его привозили, также за поручительствомъ, его человѣка или крестьянина. Если не было ни людей ни крестьянъ, недѣльщикъ доносилъ объ этомъ судьямъ въ доѣздной памяти. Тогда они опять посылали за отвѣтчикомъ пристава, а къ мѣстному воеводѣ отправляли государеву наказную грамоту, съ приказаніемъ дать для поимки ослушника, сколько нужно, стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ. Отвѣтчикъ, за неявку, подвергался битью батогами и платилъ безъ суда проѣсти и волокиту истцу и ѣздъ недѣльщику. За укрывательство въ третій разъ онъ, сверхъ того, подвергался тюремному заключенію на мѣсяцъ [469]).

Срокъ былъ назначенъ въ Уложеніи недѣльный, а потомъ, судными статьями 11-го ноября 1685 г., распространенъ до цѣлаго мѣсяца. Способъ счисленія послѣдняго обращалъ на себя особенное вниманіе законодательства. Указомъ 23-го февраля 1686 года запрещено считать, въ числѣ дней указнаго мѣсяца, воскресные дни и господскіе праздники, государевы ангелы и вообще время, когда нѣтъ присутствія въ приказахъ. Указомъ 6-го апрѣля 1690 года предписано: если срокъ окончится на Сырной, Первой или Страстной недѣляхъ Великаго поста, или придется

---

[469]) Уложеніе, глава X, ст. 111. П. С. З. NN 1363, 1386. — Уложеніе, глава X, ст. 137, 138, 139, 140. П. С. З. N 740. Уложеніе, глава X, ст. 141, 142. О наказной памяти см. тамъ же, ст. 142 и 161, и главы XVIII ст. 46 и 56.

на Святой недѣлѣ, то исключать эти дни изъ счета, и окончаніе срока полагать въ первый присутственный день послѣ нихъ. Въ 1690 году ноября 30-го подтвержденъ указъ 1686 года, а въ 1691 году января 3-го не велѣно принимать ставочныхъ челобитенъ съ 24-го декабря по 8-е января. До какихъ тонкостей доходили тяжущіеся и подъячіе при счисленіи срока, видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1690 году въ Судномъ приказѣ производилось дѣло по иску князя Степана Шелешпанскаго противъ Ивана Сытина. Приставная память была представлена 31-го марта, поручная запись собрана 1-го апрѣля, а записана въ книгу и помѣчена на другой день, 2-го числа. Считая мѣсяцъ со дня представленія приставной памяти, отвѣтчикъ явился въ приказъ и записалъ свое ставочное челобитье 30-го апрѣля, а истецъ, ведя счетъ отъ представленія поручной записи, явился на другой день, 1-го мая. Возникъ вопросъ: можно ли дать судъ истцу, или слѣдуетъ отказать ему въ искѣ, за неявку въ срокъ? По этому поводу Боярская Дума предписала считать срокъ не иначе, какъ со дня помѣты дьякомъ поручной записи, для того, «чтобъ отъ той неравности мѣсячныхъ дней незнатіемъ исцы въ правыхъ своихъ искѣхъ, такожъ и отвѣтчики напрасно сроками ставочнаго своего челобитья обвинены не были» [470]).

Законными причинами неявки были: 1) болѣзнь Въ этомъ случаѣ тяжущійся долженъ былъ прислать за себя повѣреннаго, если же ему некого было послать, то изъ приказа отправляли подъячаго освидѣтельствовать его и разузнать, точно ли ему некому поручить дѣла. О невозможности явиться больной посылалъ отъ себя челобитную. 2) Государева служба. Подъ этимъ именемъ разумѣлась собственно служба полковая, или посылка «для государева дѣла», однимъ словомъ, такая служба, которая могла застать человѣка въ расплохъ. По этой причинѣ челобитчики освобождались не только отъ явки на судъ, но даже и отъ присылки повѣреннаго. Сюда же, по отдаленности мѣстопребыванія, были причислены воеводы Сибири, Астрахани и Терка. Обыкновенные воеводы обязаны были назначать повѣрен-

---

470) Уложеніе, глава X, ст. 110, 111. П. С. З. NN 1140, ст. 1, 1166, 1369, 1386, 1393. А. И. т. V, N 200. П. С. З. N 1377.

ныхъ изъ числа своихъ людей, родственниковъ или друзей. Чтобъ избѣгнуть недоразумѣній, правительство имѣло обыкновеніе, предъ каждымъ походомъ, назначать тотъ срокъ, послѣ котораго опять можно было требовать къ суду ратныхъ людей. 3) Таможенные и кабацкіе откупы избавляли отъ обязанности отвѣчать въ тотъ годъ, на который взятъ откупъ. Если онъ взятъ на два или на три года, то по каждому иску, вчиненному противъ откупщика, давали судъ спустя годъ послѣ предъявленія. 4) Необходимость явиться на срокъ въ другой приказъ.

Кромѣ этихъ причинъ, безусловно и на долгое время избавлявшихъ отъ явки, были еще другія, въ слѣдствіе которыхъ назначалась менѣе продолжительная отсрочка. Къ числу ихъ принадлежатъ: а) неумѣнье отвѣчать въ судѣ. Вдовы, незамужнія женщины и недоросли, не имѣвшіе родныхъ въ Москвѣ, могли испрашивать себѣ отсрочку для того, чтобъ пріискать родственниковъ, которые бы за нихъ отвѣчали. б) Невѣдѣніе отвѣтчика объ обидѣ, нанесенной его людьми въ деревнѣ. Для разузнанія объ этомъ ему назначали поверстный срокъ. в) Необходимость представить крѣпости, находившіяся не въ Москвѣ, а въ городахъ. Для этого тоже назначали поверстный срокъ. г) Приготовленіе къ отвѣту. Для него отвѣтчику можно было отсрочить судъ на недѣлю.

При всѣхъ этихъ случаяхъ неявки тяжущіеся заранѣе подавали судьямъ челобитныя объ отсрочкѣ; но были сверхъ того и такіе, о которыхъ нельзя было подать просьбу до наступленія срока. Сюда относятся: «пожарное разореніе, иное нестроеніе, внезапная болѣзнь и другія нужныя невзгоды».

Всѣ исчисленныя причины существовали для одного отвѣтчика. Обоюдный способъ отсрочки, для истца и отвѣтчика вмѣстѣ, опредѣлился въ это время гораздо болѣе прежняго. Тяжущіеся могли, по взаимному соглашенію, не ходя въ судъ, подать челобитную, чтобъ имъ было позволено до суда прибѣгнуть къ мирному, несудебному розбирательству («межъ себя сыскиватися»), и только тогда снова обратиться къ суду, когда невозможно будетъ рѣшить споръ другимъ образомъ. Срокъ явки опредѣлялся въ этомъ случаѣ по договору и назывался полюбовнымъ. Полюбовныя прошенія записывались въ книгу, и подъ

запискою оба тяжущихся должны были приложить руки, послѣ чего дьякъ помѣчалъ прошенія и отдавалъ къ дѣлу подъячимъ, подъ ихъ роспиську. Рукоприкладство введено судными статьями 11-го ноября 1685 г. Съ этихъ поръ записка прошенія въ книгѣ получила техническое названіе срочныхъ или отсрочныхъ сказокъ. Любопытно, что казуистическій характеръ эпохи выразился и въ этихъ прошеніяхъ. Не смотря на Уложеніе, тяжущіеся иногда отговаривались тѣмъ, что въ ихъ челобитной не было упомянуто объ обвиненіи за неявку. Поэтому указомъ 4-го марта 1686 г. предписано непремѣнно помѣщать это условіе въ полюбовныхъ прошеніяхъ и винить неявкою и въ томъ случаѣ, когда бы оно было опущено.

Привилегированные сроки для нѣкоторыхъ лицъ были уничтожены Уложеніемъ, въ томъ числѣ даже прежняя привилегія крестьянъ не отвѣчать въ пашенную пору, ибо за нихъ отвѣчаютъ ихъ господа. Но относительно дворцовыхъ крестьянъ это запрещеніе скоро изчезло. Сначала указомъ 24-го апрѣля 1686 г. велѣно, въ случаѣ иска противъ нихъ, давать отсрочку, для приготовленія къ отвѣту, дворцовому стряпчему, и начинать судъ, когда онъ объявитъ, что готовъ; потомъ указомъ 30-го марта 1691 г. запрещено отпускать къ отвѣту дворцовыхъ крестьянъ въ пашенную пору, съ 25-го марта по 1-е ноября, и такимъ образомъ особенные сроки отчасти возстановлены [471]).

Кромѣ этихъ сроковъ, судья могъ самъ назначить отсрочку, напр. для государевой службы или просто для сыска. Въ этомъ случаѣ Уложеніе снисходительнѣе къ неявившемуся отвѣтчику: его не винятъ, но посылаютъ къ нему государеву зазывную грамоту, которую, при вторичной неявкѣ, отправляютъ еще два раза, всякій разъ отбирая у отвѣтчика новую поручную запись. Только за неявку по третьей грамотѣ отвѣтчикъ подвергается обвиненію. Этотъ срокъ технически назывался *отсроч-*

---

[471]) Уложеніе, глава X, ст. 108, 109, 115, 117, 149. П. С. З. №№ 24, 57, 110, 118 и проч. Уложеніе, глава X, ст. 114; глава XVIII, ст. 22, 23. П. С. З. № 1166. Уложеніе, глава X, ст. 185, 229, 22. П. С. З. № 109. Уложеніе, глава X, ст. 108. П. С. З. № 1140, ст. 2, 1185, 1172, — 1183, 1397.

нымъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ обвиненіе слѣдовало немедленно. Истецъ, не ставшій на срокъ, всегда обвинялся безусловно. Неявка не вела къ обвиненію только въ крѣпостныхъ дѣлахъ, которыя тогда рѣшались по крѣпостямъ.

Въ основаніи этихъ законовъ лежитъ одна мысль, строго и послѣдовательно проведенная. Изъ четырехъ возможныхъ случаевъ неявки только два ведутъ къ обвиненію, въ противоположность двумъ другимъ, когда оно не допускается, но узаконяются иные и частію очень строгіе способы наказанія. Именно, неявкою винятъ отвѣтчика: а) по выдачѣ поручной записи. Въ противоположность этому, по одной приставной памяти нѣтъ обвиненія. б) Когда срокъ былъ полюбовный; напротивъ, когда срокъ назначенъ былъ судьею, то посылаютъ зазывную грамоту. Почему же, спрашивается, въ случаяхъ совершенно однородныхъ законодательство то прямо допускаетъ обвиненіе, то употребляетъ различныя, часто затруднительныя средства для того, чтобы принудить явиться? Причина явно заключается въ различномъ положеніи тяжущихся относительно другъ друга. Они могутъ во время наступившаго срока или уже находиться между собою въ договорномъ отношеніи, или еще не имѣть никакого взаимнаго обязательства. Сообразно съ этимъ Уложеніе или винитъ неявкою, или только разрѣшаетъ различныя принудительныя мѣры. Такъ послѣ выдачи поручной записи существуетъ договорное отношеніе, ибо отвѣтчикъ самъ обязался явиться, а потому есть и обвиненіе за неявку; а при одной приставной памяти нѣтъ договорнаго отношенія, и нѣтъ обвиненія. Точно также и при отсрочкѣ: неявкою винятъ только тогда, когда срокъ назначенъ по взаимному соглашенію тяжущихся, ибо только тогда есть неисполненіе договора. Въ этихъ правилахъ древнѣйшій взглядъ на судъ достигъ полнаго своего развитія.

Строгая, послѣдовательная система Уложенія не могла однако продержаться долгое время. Съ одной стороны, самая ея тонкость подавала поводъ къ злоупотребленіямъ, съ другой, взявъ подъ свою опеку нѣкоторыя права, напр. вотчинныя, правительство не могло оставить иные роды тяжебныхъ дѣлъ совершенно внѣ своего вліянія. Отсюда неоднократныя перемѣны въ послѣдствіяхъ

неявки, и подъ конецъ совершенное разрушеніе прежней, логической системы. Вскорѣ послѣ Уложенія, указомъ 4-го ноября 1653 года, запрещено было вообще винить неявкою, въ какомъ бы то ни было случаѣ. Вмѣсто этого предписано было взыскивать съ неявившагося проѣсти и волокиты. Это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы отъ обвиненія безъ суда «служилые люди въ разореньи не были и отъ службы не отбывали». Но если служебныя соображенія вынуждали такую осторожность, то безконечные процессы непремѣнно требовали, чтобъ была положена преграда страшному сутяжничеству. Поэтому черезъ 25 лѣтъ послѣ этого указа правительство должно было усилить мѣры принужденія противъ ослушныхъ отвѣтчиковъ. До сихъ поръ взысканіе было невозможно безъ поручной записи. Въ 1678 г. велѣно было, послѣ указной недѣли, и безъ поручной записи править, съ отвѣтчиковъ или ихъ людей, проѣсть и волокиту. Но этой угрозы было недостаточно. Въ 1685 году били челомъ государямъ разныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскія, жалуясь на свое разореніе отъ ябедниковъ. Какъ видно, оба приведенные выше указа послужили еще къ бо̀льшему отягощенію бѣдныхъ людей. Всего тяжеле было то, что не винили неявкою. Пользуясь этимъ, богачи начинали процессы «не для исковъ своихъ, а для московскія волокиты». Способы судебнаго грабежа были различные. Одни, живя сами въ Москвѣ, сначала нарочно долгое время не искали противъ своихъ иногородныхъ отвѣтчиковъ, а потомъ, когда тѣ принуждены были, прожившись, ѣхать домой, начинали каждый мѣсяцъ подавать ставочныя челобитныя и насчитывали огромное количество проѣстей и волокитъ; другіе подавали ставочныя челобитныя «подставою», черезъ своихъ друзей, а сами преспокойно жили въ деревняхъ. Иногда бѣднякъ и не уѣзжалъ изъ столицы, но не на что было записать ставочной челобитной, которой безъ денегъ подъячіе не записывали. Столь же неудобно оказалось и распоряженіе о взысканіи проѣстей и волокитъ безъ поручной записи: отъ этого еще до суда на отвѣтчикѣ оказывалось большое взысканіе. Разореніе было страшное. Многіе, «не перестоя правежу», поступались своими помѣстьями и вотчинами, другіе были принуждены продавать ихъ и ходить по міру съ женами и дѣтьми. Въ слѣдствіе этихъ жалобъ правительство

должно было возвратиться къ прежнему порядку. Судными статьями 11-го ноября 1685 г. оба указа были отмѣнены и всѣ правила Уложенія возстановлены съ нѣкоторыми перемѣнами: срокъ для явки увеличенъ, время задержанія схваченныхъ, вмѣсто отвѣтчика, людей его положено въ шесть недѣль; но при этомъ прежній порядокъ поколебленъ въ основаніи: для обвиненія уже не требовалось болѣе поручной записи. Если отвѣтчикъ не являлся въ мѣсячный срокъ, или черезъ шесть недѣль послѣ задержанія его людей, то подвергался обвиненію по одной приставной памяти. Также въ случаѣ неявки на отсрочный срокъ разрѣшено обвинять немедленно, безъ предварительной посылки зазывныхъ грамотъ. Такимъ образомъ въ вызовѣ окончательно исчезли слѣды взгляда на судъ, как на дѣло совершенно частное, и правительственное начало и здѣсь получило преобладаніе [472].

Вызовъ къ суду чрезъ зазывную грамоту отличался отъ другаго вызова еще болѣе, чѣмъ прежде. Различіе по прежнему состояло: а) въ характерѣ отвѣтчиковъ, б) въ родѣ дѣлъ, и в) въ послѣдствіяхъ неявки, но эти послѣдствія опредѣлены подробнѣе и вообще обращают на себя особенное вниманіе законодательства. Можно сказать даже, что именно этотъ способъ вызова и былъ первымъ источникомъ тѣхъ перемѣнъ, которыя изложены выше. Такъ какъ вызовъ изъ дальнихъ городовъ былъ сопряженъ съ особенными неудобствами для отвѣтчиковъ, то правительство старалось дать имъ нѣкоторыя льготы. Нерѣдко, по случаю войны, или во время траура въ царскомъ семействѣ, оно запрещало вовсе посылать въ города зазывныя грамоты, разрѣшая однако выдавать въ Москвѣ приставныя памяти. По дѣламъ вотчиннымъ и помѣстнымъ, особенно при очной ставкѣ, зазывная грамота едва ли не была единственнымъ способомъ вызова; она употреблялась и при судѣ, но кажется, по преимуществу, по дѣламъ

---

472) Уложеніе, глава X, ст. 110, 111, 114, 105, 108, 109. П. С. З. N 109. Указъ имѣлъ дѣйствіе для обоихъ родовъ вызова, ибо хотя онъ и состоялся для Разбойнаго приказа, но въ немъ говорится и о судѣ; а изъ судныхъ статей 1685 г. видно, что на основаніи его поступали и въ Судномъ приказѣ, NN 740, 1140.

крѣпостнымъ. Способъ ея составленія остался прежній. Ей предшествовала челобитная, на основаніи которой она и составлялась.

Получивъ зазывную грамоту, истецъ посылалъ ее къ воеводѣ съ своимъ человѣкомъ. Имя этого человѣка, время подачи и число записки въ книгу обозначались въ особенной надписи на грамотѣ. Воевода показывалъ ее отвѣтчику, отдавалъ его на поруки и доносилъ объ этомъ приказу. Если отвѣтчикъ сопротивлялся, то воевода посылалъ за нимъ, «изъ ѣзда», т. е. съ правомъ получить ѣздовую пошлину, многихъ стрѣльцевъ, пушкарей и затинщиковъ, которые приводили его насильно. По явкѣ въ приказъ отвѣтчикъ платилъ, за ослушаніе, проѣсть и волокиту и подвергался битью батогами. Такое-же, но увеличенное взысканіе падало на отвѣтчика и за ослушаніе во второй и третій разъ. Воевода всякій разъ долженъ былъ присылать въ Москву, при новой отпискѣ, доѣздныя памяти, подписанныя тѣми, кто былъ посланъ для вызова, и засвидѣтельствованныя понятыми, сторонними людьми. Послѣ всякой отписки приказъ посылалъ новую зазывную грамоту. Когда всѣ три грамоты были посланы, а отвѣтчикъ не являлся, то отправляли пристава, который долженъ былъ привести его съ собою. За тѣмъ отвѣтчикъ обвинялся безъ суда. Такъ поступали въ томъ случаѣ, когда ослушаніе состояло въ непредставленіи поручной записи. Если же она была прислана воеводою, а отвѣтчикъ все-таки не являлся, то посылали вторую и третью зазывную грамоту, требуя всякій разъ новой поручной записи. Послѣ неявки въ третій разъ отвѣтчикъ былъ немедленно обвиняемъ, безъ предварительнаго отправленія за нимъ пристава. Въ этомъ только и состояла разница. Срокъ для явки продолжался, кажется, цѣлый мѣсяцъ послѣ назначеннаго дня [473]).

Г. Кавелинъ находитъ затруднительнымъ объяснить, какія побудительныя причины заставили законодательство смягчить обычную строгость къ отвѣтчикамъ, не явившимся по поручной записи, и именно къ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ вызывали чрезъ зазыв-

---

473) Уложеніе, глава X, ст. 156. П. С. З. NN 476, 594, 605, 1456. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 33. А. Ю. N 57. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 30 и 33. Уложеніе, глава X, ст. 109, 115, 116, 117, 118, 119, 120.

ную грамоту. Снисходительность объясняется уже и тѣмъ, что такимъ же способомъ вызывали по дѣламъ вотчиннымъ и помѣстнымъ. Но въ сущности законодательство было здѣсь не столько мягче, сколько произвольнѣе. Смотря въ вотчинномъ судопроизводствѣ болѣе на отношенія тяжущихся къ суду, нежели на ихъ взаимныя отношенія, оно не прилагало къ этому вызову договорнаго начала. Это понятно. Вотчинный процессъ былъ дѣломъ государственнымъ, и потому правительство распоряжалось имъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ тѣми дѣлами, которыя, по его мнѣнію, носили болѣе частный характеръ. Потому-то здѣсь и нѣтъ такой строгой послѣдовательности. Впрочемъ, и здѣсь были принудительныя мѣры. Что законодательство легче допускало исключенія по дѣламъ вотчиннымъ, это всего лучше видно изъ одной мѣры, принятой подъ конецъ XVII вѣка. По Уложенію, когда тяжущимся давали поверстный срокъ для представленія крѣпостей, то неявкою винили. Это правило было потомъ подтверждено новоуказными статьями 1685 года. Въ Судномъ приказѣ оно не возбуждало никакихъ недоумѣній, но въ Помѣстномъ, въ 1686 году, возникъ по этому поводу новый вопросъ. По вотчиннымъ, помѣстнымъ и межевымъ дѣламъ тяжущіеся писали иногда въ своихъ отсрочныхъ сказкахъ, что за непредставленіе въ срокъ крѣпостей они согласны лишиться, безъ очной ставки, спорнаго имѣнія. Помня болѣе свободный характеръ вотчиннаго судопроизводства, Помѣстный приказъ не зналъ, обвинять ли въ этомъ случаѣ неявкою, на точномъ основаніи отсрочныхъ сказокъ. Поэтому въ боярскомъ приговорѣ 22-го февраля постановлено новое правило: велѣно у того, кто не явился, отписывать изъ помѣстій или вотчинъ столько четвертей и дворовъ, сколько ихъ находится въ спорномъ имѣніи, и оставлять ихъ въ казенномъ владѣніи впредь до явки тяжущагося [474]).

Позднѣйшіе указы о вызовѣ столько же относятся къ зазывной грамотѣ, сколько къ приставной памяти. Въ этомъ сближеніи двухъ способовъ вызова выразилось сближеніе между исковымъ

---

[474]) Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, соч. Кавелина, стр. 73. Уложеніе, глава X, ст. 115, 120. П. С. З. №№ 1140, 1165.

и вотчиннымъ судопроизводствомъ. Это было признакомъ, что первое начинаетъ проникаться тѣмъ же слѣдственнымъ характеромъ

Явясь на судъ, тяжущіеся подавали ставочную челобитную, посредствомъ которой увѣдомляли о явкѣ своей къ суду, по иску такого-то, и просили записать свою ставку. Эта просьба подавалась письменно отъ обѣихъ сторонъ и вносилась дьякомъ въ записную книгу, съ уплатою извѣстныхъ пошлинъ. Ставка записывалась ежедневно, до тѣхъ поръ, пока не являлся соперникъ [475].

Отводъ судей происходилъ по прежнему. Законными его причинами почитались: личная вражда съ судьею, дружба его, или родство, съ противникомъ Право отвода понималось тогда въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Можно было не только отводить судью отъ сужденія извѣстнаго дѣла, но и вообще просить увольненія отъ подсудности своему обыкновенному начальнику. Въ указѣ 4-го генваря 1662 г. предписано, если областные жители бьютъ челомъ на городовыхъ воеводъ и приказныхъ людей «какимъ нибудь разореніемъ или свойствомъ», подчинять такихъ просителей вмѣстѣ съ ихъ крестьянами суду ближайшихъ городовъ; но въ города, отстоящіе далѣе 150 верстъ, запрещено давать судимыя грамоты. Сверхъ того можно было отводить областныхъ судей и передъ началомъ суда. Въ этомъ случаѣ, дѣло тоже переносилось въ другой городъ. Какъ видно, подобные отводы бывали часто, потому что указомъ 22-го сентября запрещено переносить дѣла изъ города въ городъ болѣе двухъ разъ: одинъ разъ по просьбѣ истца, а другой, отвѣтчика. Челобитная объ отводѣ областныхъ судей, вѣроятно, подавалась въ приказы. Въ приказахъ можно было отводить какъ судей, такъ и подъячихъ. Въ первомъ случаѣ дѣло переносилось въ другой приказъ, но въ избѣжаніе злоупотребленій отводъ былъ нѣсколько ограниченъ.

---

[475]) Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 33. П. С. З. N 1377; «и противъ приставной памяти, апрѣля въ 30-мъ числѣ, отвѣтчиково челобитье въ книгѣ записано......; а исцова челобитья въ томъ числѣ въ запискѣ не объявилось, а записано его исцово челобитье.... маія въ 1-мъ числѣ, а отвѣтчиково челобитье въ томъ числѣ записано жъ....»

Еще въ Уложеніи запрещено бить челомъ объ отводѣ послѣ суда. Подъ именемъ суда здѣсь разумѣлось рѣшеніе. Боярскимъ приговоромъ 1675 г. подтверждено, чтобъ судныя вершеныя дѣла не переносили. Въ 1686 г., указомъ 23-го февраля, запрещено подавать просьбы о переносѣ дѣлъ послѣ рукоприкладства къ отсрочнымъ сказкамъ, ибо своею подписью истцы выразили согласіе на сужденіе дѣла тамъ, гдѣ оно началось. Но смотря однако на эти указы, дѣла переносились очень часто, ибо высшія мѣста не входили, кажется, въ разсмотрѣніе причинъ отвода. Такъ судное дѣло 1677 года, о сельцѣ Погодаевѣ, было сначала перенесено изъ Монастырскаго приказа въ Рейтарскій, по просьбѣ истца, на томъ основаніи, что дѣло не рѣшается девятый годъ, а потомъ, по просьбѣ отвѣтчика, переносъ дѣла запрещенъ, безъ всякаго видимаго основанія, ибо въ челобитноіі было только сказано, что судоговореніе уже кончено, и осталось разыскать о приведенныхъ доказательствахъ. Просьба подавалась въ Челобитенный приказъ. Въ слѣдствіе подозрѣнія на подъячаго производство дѣла поручалось другому. Просьба въ этомъ случаѣ подавалась судьямъ. Въ Боярской Думѣ отведенные судьи оставляли присутствіе. Имъ велѣно выходить самимъ, не дожидаясь челобитья, когда слушаютъ дѣла ихъ свойственниковъ [476]).

Положеніе тяжущихся во время суда было различное въ исковомъ судопроизводствѣ и на очныхъ ставкахъ. Большая часть законовъ относится къ первому, какъ къ болѣе выработанной формѣ.

Судоговореніе, по правилу, должно было начинаться въ указный срокъ, т. е. въ самый день явки; но по множеству дѣлъ, стекавшихся въ приказы, судъ обыкновенно отсрочивался еще на нѣсколько дней, пока слушались дѣла, поступившія ранѣе. Потомъ судьи предписывали «поставить» передъ собою тяжу-

---

[476]) Уложеніе, глава X, ст. 3 и 4. П. С. З. №№ 331, 837, 617, 1166. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 98—100. Уложеніе, глава X, ст. 13. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 52. Древняя Рос. Вивліоѳика, т. 20-й, стр. 360. П. С. З. № 885.

щихся и давали имъ судъ. Само собою разумѣется, что этотъ обычай велъ иногда къ ненужной проволочкѣ и былъ обременителенъ для тяжущихся. Поэтому, судными статьями 11-го ноября 1685 г., было предписано, чтобъ судьи безъ нужды суда не откладывали; если же въ срокъ накопится два или три дѣла, то судили бы ихъ по очереди, наблюдая однако, чтобъ отсрочка каждаго не продолжалась долѣе двухъ или трехъ дней. О внѣшнемъ порядкѣ судоговоренія въ Уложеніи сказано, чтобъ челобитчики вели себя смирно и безъ шума, не говорили передъ судьями никакихъ невѣжливыхъ рѣчей и не бранились между собою. За брань въ судѣ были назначены строгія наказанія. Кто обезчеститъ противника передъ судьею, или же самаго судью, тотъ платитъ безчестье и заключается въ тюрьму. За ударъ рукою безчестіе платится вдвое; кто замахнется ножемъ или другимъ оружіемъ, наказывается батогами; за нанесеніе раны бьютъ кнутомъ. Если рана смертельная, то убійца подвергается смертной казни, изъ его имущества уплачиваются кабальные долги убитаго. Тѣже наказанія полагаются за оскорбленіе, изувѣченіе, или убійство судьи. Но если рана нанесена при собственной оборонѣ то нѣтъ никакой отвѣтственности. Эти строгіе законы достаточно показываютъ, какія страшныя сцены могли происходить въ XVII вѣкѣ въ стѣнахъ московскихъ приказовъ.

Судоговореніе могло быть остановлено по тѣмъ причинамъ, о которыхъ сказано выше. Въ этихъ случаяхъ съ истца и отвѣтчика брали поручныя записи чтобъ они безъ указа изъ Москвы не уѣзжали до приговора. Приставъ долженъ былъ представить записи черезъ три дня. Если онъ допускалъ отъѣздъ тяжущихся, то съ него взыскивали всѣ судебныя пошлины. Между тѣмъ за уѣхавшимъ посылали приставовъ, съ зазывными грамотами, а по пріѣздѣ, съ него взыскивали пошлины и возвращали ихъ оштрафованному приставу. Подъячій, производившій дѣло, подвергался такому же взысканію, если не доложилъ о неполученіи поручныхъ записей. Съѣздъ изъ Москвы на три дня, при добровольномъ возвращеніи, въ вину не ставился. Если дѣло было засужено, а тяжущіеся получали отсрочку для государевой службы, то съѣздомъ ихъ не винили, но дѣло рѣшалось безъ нихъ, а приговоръ объявлялся имъ послѣ. Если поручныя записи ко-

торыя назывались *ставочными* или *съ суда*) были представлены, а тяжущіеся съѣзжали, то пошлины и иски правили съ поручителей [477]).

Ходъ судоговоренія былъ слѣдующій. Дѣло начиналось подачею исковой челобитной. Объ этомъ Уложеніе содержитъ самыя подробныя правила. Исковая челобитная подавалась истцемъ или его повѣреннымъ. Она всегда должна быть подписана. Если подписи на ней не было, то судьи приказывали истцу подписать ее. Боярскимъ приговоромъ 25-го апрѣля 1687 года по неподписаннымъ исковымъ челобитнымъ суда давать не велѣно. Въ подписи обозначались также имена повѣренныхъ. Форма челобитныхъ осталась прежняя. Лица, подсудныя исключительно одному вѣдомству, являясь въ другомъ въ качествѣ истцевъ, приносили просьбы, засвидѣтельствованныя въ своемъ приказѣ. Такія челобитныя назывались *подписными*.

Особенное вниманіе обращали на внутреннее содержаніе исковой челобитной. Она должна быть вполнѣ согласна съ приставною памятью. Здѣсь тоже обозначается цѣна иска. Безъ этого отвѣтчикъ не былъ обязанъ отвѣчать, и челобитная возвращалась истцу для переписанія. Несогласіе въ цѣнѣ съ приставною памятью вело къ потерѣ иска и называлось *роспискою*. Замѣчательно, что этимъ истецъ наказывался именно за двоякое показаніе, а не вообще за несправедливое возвышеніе исковой суммы. За послѣднее, уже при судебномъ рѣшеніи, онъ платилъ пошлины съ приписнаго иска. Сначала *росписка* исключительно относилась къ исковой суммѣ. Уложеніе не велитъ смѣшивать съ нею предъявленіе такихъ исковъ, которые не были заранѣе обозначены въ приставной памяти; но позже, указомъ 17-го ноября 1687 г., и этотъ случай отнесенъ сюда: въ неявленныхъ искахъ совершенно запрещено давать судъ. Трудно рѣшить, для какихъ именно цѣлей требовалось означеніе цѣны въ челобитной, ибо изъ законовъ о судебномъ рѣшеніи видно что судьи вовсе не были обязаны сообразоваться съ показанною суммой. Она

---

[477]) П. С. З. N 1140, ст. 3. Уложеніе, глава X, ст. 105, 106. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 64. Уложеніе, глава X, ст. 123, 112, 113, 155.

всегда могла быть понижена. Можетъ быть, это требовалось въ предупрежденіе поклепныхъ и приписныхъ исковъ, или для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ процесса, какъ-то: числа свидѣтелей и присяги.

Челобитная вычитывалась отвѣтчику. Если, безъ всякой законной причины, послѣдній уклонялся отъ отвѣта, то подвергался обвиненію безъ суда. Число отвѣтовъ опредѣлено не было. Единственнымъ предѣломъ ихъ было истощеніе доказательствъ съ какой-нибудь стороны. Судьи сами побуждали тяжущихся къ дальнѣйшему развитію спора, предлагая имъ вопросы: «есть ли у нихъ еще другія крѣпости»? и т. п. Оттого хотя въ приставной памяти и обозначалось основаніе иска: «по кабалѣ», или «по купчей», но къ этому, въ началѣ высказанному, основанію, могли впослѣдствіи присоединиться и другія. Уложеніе позволяетъ приносить новыя челобитныя и писать въ нихъ «прибылыя статьи для пополнки суднаго дѣла», до конца судоговоренія. Всѣ рѣчи тяжущихся, даже изложенныя ими письменно, записывались подъячими съ малѣйшими подробностями, отчего дѣлопроизводство принимало страшные размѣры. Но эта мелочная точность была необходима при формализмѣ тогдашняго суда. Татищевъ расказываетъ два забавныхъ примѣра тѣхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгали челобитчики. Одинъ истецъ оспоривалъ дѣйствительность завѣщанія тѣмъ, что духовный отецъ, подписавшій его, былъ не бѣлый священникъ, а игуменъ. Въ другомъ дѣлѣ, отвѣтчикъ отводилъ свидѣтелей истца на томъ основаніи, что будто бы самъ истецъ на нихъ не слался, ибо, приводя ихъ, не домолвилъ: «и на тѣхъ шлюся». Понятно послѣ этого, какъ важна была подробная записка. По той же причинѣ велѣно было тяжущимся прикладывать руки къ суднымъ рѣчамъ. Ошибка на судѣ вела къ большимъ неудобствамъ и даже къ потерѣ иска. Изъ боярскаго приговора 9-го января 1651 г. видно, что тяжущихся винили «*промолкою*» [178]).

---

178) Уложеніе, глава XVI, ст. 37. П. С. З. N 1241. Уложеніе, глава XXIII, ст. 2; глава X, ст. 104, 101, 21. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 60. Татищевъ, § 70, прим. (б), стр. 85. П. С. З. N 55.

О томъ, было ли судопроизводство гласнымъ, въ источникахъ нѣтъ прямыхъ указаній, но по всему ходу суда едва ли возможно думать, чтобъ гласность допускалась.

При очныхъ ставкахъ процессъ открывался подачею прошенія, и уже въ слѣдствіе этого истцу выдавалась зазывная грамота. Обозначеніе цѣны въ челобитной, кажется, не требовалось. Вмѣсто этого опредѣлялся количественно самый предметъ спора, т. е. число четвертей спорнаго помѣстья или вотчины. Такъ какъ прошенію не предшествовалъ никакой другой актъ, то не могло быть и росписки въ ея техническомъ значеніи. При очныхъ ставкахъ и вообще въ вотчинныхъ дѣлахъ, роспискою называлось несогласіе въ обозначеніи спорнаго предмета между челобитною и тѣмъ актомъ, на которомъ основано право. Но это не вело къ потерѣ тяжбы, и ошибка могла быть исправлена. Точно также врядъ-ли существовала и промолвка, ибо кромѣ самой очной ставки, остальное производство было письменное и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ судьи. Тяжущіеся подавали ему росписи уликъ и били челомъ, чтобы онъ допросилъ противника, а судья допрашивалъ. Послѣ каждаго прошенія, поданнаго одною изъ сторонъ, отъ нея требовалось изустное его подтвержденіе, которое вносилось потомъ въ записныя книги. Это называлось: «сказать у *выписи*» [479]).

Чрезвычайно важный вопросъ составляетъ положеніе спорной вещи во время процесса. Татищевъ говоритъ, что, по Уложенію, когда возникнетъ споръ о крѣпости, то земли отписываются на государя. Но въ Уложеніи нѣтъ этого закона. Изъ него скорѣе можно заключить, что правиломъ было оставлять спорную вещь, до рѣшенія дѣла, въ рукахъ ея владѣльца, т. е. отвѣтчика. Такъ о спорныхъ холопяхъ есть два постановленія Если кто предъявитъ искъ о холопѣ въ отсутствіе его господина, находящагося въ дальныхъ городахъ на государевой службѣ, но дѣла до возвращенія владѣльца начать не захочетъ, то спорный холопъ отдается пока тѣмъ людямъ, у кого онъ былъ отысканъ. Если эти люди не захотятъ держать его у себя, то онъ отдается на пору-

---

479) Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 30—32 и 54. Котошихинъ, стр. 94.

ки; если же поручителей не найдется, то содержится у пристава на счетъ истца; а по окончаніи дѣла, прокормъ и пожелѣзное платитъ виноватый. Изъ этого закона слѣдуетъ заключить, что и вообще спорные холопы оставались у отвѣтчика. Другая статья опредѣляетъ положеніе ихъ послѣ суда, до рѣшенія дѣла. Въ этотъ промежутокъ времени они отдаются на поруки съ записями, «мимо истца и отвѣтчика», или, если нѣтъ поручительства, содержатся приставомъ. О нахожденіи бѣглыхъ крестьянъ во время процесса ничего не сказано, но, судя по аналогіи, надобно думать, что въ это время они тоже находились у отвѣтчика. Что касается до спорной вотчины, отыскиваемой судомъ, то она, кажется, тоже оставалась за отвѣтчикомъ. Но при очныхъ ставкахъ земли отписывались, хотя закона объ этомъ и не было. Вѣроятно, къ этой формѣ процесса и относится извѣстіе Татищева. Позже судебный обычай, нѣсколько стѣсненный, былъ принятъ и законодательствомъ. Въ 1684 году, по поводу вопроса о способахъ укрѣпленія вотчинъ за покупщиками и заимодавцами, было велѣно, если возникнетъ споръ о купчихъ или закладныхъ, отписывать спорныя вотчины на государя, на время розыска и очныхъ ставокъ. Въ 1685 г. Боярская Дума спрашивала въ докладѣ, не слѣдуетъ ли поступать также со всѣми помѣстьями и вотчинами, но именнымъ указомъ 1-го апрѣля дѣйствіе закона ограничено по прежнему одними купленными и закладными вотчинами. Перемѣна въ способѣ обезпеченія исковъ, хотя и не вполнѣ допущенная законодательствомъ, едва ли однако была случайностію. Она, кажется, соотвѣтствовала измѣненію въ характерѣ русскаго процесса. Старѣйшая его форма, судъ, не знала никакаго обезпеченія: спорная вещь находилась у отвѣтчика до рѣшенія спора и взыскивалась съ него, по обвиненіи, путемъ обыкновеннаго взысканія. Но позднѣйшій процессъ, очныя ставки, въ слѣдствіе своего государственнаго характера, требовалъ настоящаго обезпеченія и далъ начало притѣснительной мѣрѣ [480]).

---

[480]) Татищевъ, § 84, примѣчаніе (г), стр. 106. Кавелинъ, стр. 83—85. Уложеніе, глава XX, ст. 112, 59. П. С. З. XX 1060, 1115.

Развитіе очныхъ ставокъ произвело важную перемѣну и въ судебныхъ доказательствахъ. Еще въ первой половинѣ XVII вѣка видно стремленіе распредѣлить ихъ между различными видами дѣлъ по степени ихъ силы. Въ Уложеніи объ этомъ есть уже довольно твердыя правила. Напримѣръ свидѣтели упоминаются исключительно тамъ, гдѣ говорится объ исковыхъ дѣлахъ, точно также и присяга. Сводъ Законовъ основываетъ различіе въ доказательствахъ на различномъ характерѣ самихъ дѣлъ по ихъ происхожденію, крѣпостному или не крѣпостному. Но въ XVII вѣкѣ послѣднее вовсе не было главнымъ основаніемъ для допущенія тѣхъ или другихъ доказательствъ. Иски о холопахъ были по преимуществу крѣпостные, однако допускали и присягу. Свидѣтели и присяга исключались совершенно только изъ споровъ о недвижимыхъ имуществахъ, судившихся очными ставками. Первоначальная причина, вѣроятно, состояла въ томъ, что эти споры большею частію возникали при укрѣпленіи, но впослѣдствіи основаніемъ было именно различіе въ формахъ процесса, а не характеръ недвижимыхъ имуществъ. Изъ суднаго дѣла о сельцѣ Погодаевѣ 1699 года видно, что когда вотчина отыскивалась судомъ, то рядомъ съ крѣпостными документами возможна была и присяга, хотя, по большему довѣрію къ первымъ, она, кажется, рѣдко допускалась. Исключеніе свидѣтелей и присяги при очныхъ ставкахъ образовалось путемъ судебной практики, ибо въ указѣ 13-го іюня 1683 года сказано, что, послѣ Уложенія, въ Помѣстномъ приказѣ на очныхъ ставкахъ не давали уже присяги. Съ этого указа она устранялась, какъ выше было сказано, по другому основанію [481].

Другой переворотъ въ системѣ доказательствъ составляетъ появленіе уликъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ.

Наконецъ въ это время доказательства представляются съ тѣмъ формальнымъ характеромъ, который въ эпоху Судебника только зарождался.

Виды ихъ остались прежніе.

---

[481] Св. Зак. изд. 1842, т. X, ст. 2671. — Уложеніе, глава X, ст. 95, 96. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 53, 69. П. С. З. № 1022.

I Признаніе. Собственное признаніе окончательно рѣшаетъ дѣло. Прежнее ограниченіе его дѣйствія тѣми пунктами дѣла, къ которымъ оно прямо относится, вошло и въ Уложеніе, съ однимъ только исключеніемъ. Если отвѣтчикъ, по иску о бѣглыхъ и ихъ имуществѣ, сначала запирался во всемъ искѣ, а потомъ передъ присягой признавался въ однихъ крестьянахъ, а не въ имуществѣ, то его винили въ цѣломъ искѣ: здѣсь предполагался обманъ. По указомъ 19-го декабря 1678 г. это исключеніе уничтожено. Велѣно винить отвѣтчиковъ только въ томъ, въ чемъ они признались, а въ остальномъ искѣ давать присягу.

Обязательную силу имѣло не только признаніе, сдѣланное въ отвѣтѣ на судимый искъ, но точно также и всякое заявленіе о спорномъ правѣ, происшедшее въ судебномъ мѣстѣ, даже и по другому дѣлу. Такъ напр. тяжущіеся ссылались иногда на расспросныя рѣчи противника, въ которыхъ содержалось показаніе о спорномъ предметѣ [482]).

II. Положенія о свидѣтеляхъ умножились въ это время и стали опредѣленнѣе. Въ нихъ замѣтно вліяніе какъ судебной практики, такъ и Кормчей Книги. Личныя качества, требуемыя закономъ отъ свидѣтелей, остаются прежнія. Ни полъ, ни званіе лица, ни его несвободное положеніе не составляютъ препятствія. Но за то нравственныя условія опредѣлены съ большею отчетливостію. Уложеніе въ этомъ случаѣ отчасти напоминаетъ новгородское законодательство. На основаніи предполагаемой безправственности не допускаются показанія слѣдующихъ лицъ: а) жены одного изъ тяжущихся по ссылкѣ противной стороны, б) дѣтей противъ родителей и, в) вѣроятно, холоповъ противъ господъ, ибо даже отпущенные на волю не могли быть свидѣтелями противъ бывшаго боярина и его дѣтей. Это правило очевидно заимствовано изъ Кормчей Книги. Право отвода принадлежало тяжущимся почти въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ прежде. Единственное ограниченіе состояло въ томъ, что свидѣтель, допущенный по одному дѣлу, не могъ

---

482) Уложеніе, глава X, ст. 136; глава XI, ст. 29; глава XX, ст. 49. П. С. З. N 741. Уложеніе, глава XX, ст. 39. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 63 и 110.

уже быть отведенъ по другому. Но и здѣсь одинъ случай составлялъ исключеніе. Если кто въ маломъ искѣ допустилъ свидѣтеля дать показаніе, не смотря на стачку его съ противною стороною, то въ другомъ, значительномъ дѣлѣ право отвода чрезъ это не уничтожается: тяжущійся можетъ сказать, что прежде не отводилъ свидѣтеля, «не хотя въ такомъ маломъ иску душевредства учинити». Но во всѣхъ другихъ случаяхъ никакихъ стѣсненій не было. Уложеніе, говоря о свидѣтеляхъ, постоянно предполагаетъ, что противникъ согласенъ допустить ихъ. Въ 1669 г., по дѣлу о сельцѣ Погодаевѣ, истецъ отводилъ даже подъячихъ, совершавшихъ закладную крѣпость, ибо «подъячіе де Ивановскіе площади никакому человѣку не сердцевидцы», и потому не могли знать, что крѣпость была написана подставкою.

Прежніе законы о свидѣтеляхъ, которыхъ нельзя отводить, сохранились въ Уложеніи. Къ нимъ принадлежали: а) въ пятидесяти рублевомъ искѣ, десять человѣкъ стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ и городовыхъ дворянъ, стрѣлецкихъ головъ, подъячихъ и дворовыхъ людей, названныхъ тяжущимся поименно. б) Въ двадцати рублевомъ искѣ, десять человѣкъ изъ гостиной, суконной и черныхъ сотенъ посадскихъ людей, стрѣльцевъ, казаковъ, монастырскихъ служекъ и крестьянъ. Сравнительно съ указомъ 1556 года, въ Уложеніи перемѣна состоитъ только въ пониженіи званія, которое требуется отъ свидѣтелей, и въ болѣе точномъ обозначеніи исковъ. в) Ссылка противной стороны на отца или мать тяжущагося. Это новое постановленіе взято изъ каноническаго права.

Остальныхъ свидѣтелей можно опровергать всякими доказательствами: другими свидѣтелями, крѣпостями, и даже уликами. Показаніе собственнаго свидѣтеля не составляло исключенія: его можно было обвинять во лжи. Безусловнымъ довѣріемъ по прежнему пользовались, для одной изъ сторонъ: ссылка изъ виноватаго, а для обѣихъ, общая ссылка. О той и другой Уложеніе говоритъ очень подробно. Подъ ссылкою изъ виноватыхъ оно по преимуществу понимаетъ ссылку на свидѣтелей. Если челобитчикъ ссылается изъ виноватыхъ на такихъ свидѣтелей, которыхъ запрещено отводить, то показанія ихъ должны быть единогласны; если же хотя одинъ показываетъ противъ него, то

челобитчикъ обвиняется, потому что онъ на нихъ «слался изъ воли». Такое же послѣдствіе влекла за собою отговорка невѣдѣніемъ одного изъ этихъ свидѣтелей. Ссылкѣ изъ виноватыхъ предпочитается только повальный обыскъ, но и то въ одномъ случаѣ: когда одна изъ сторонъ требуетъ обыска, а другая ссылается изъ виноватыхъ на двухъ или трехъ человѣкъ поименно изъ числа тѣхъ же обыскныхъ людей. Ссылка изъ виноватыхъ на лице близкое къ противнику, напр. на его поручителя, считалась обязательною и для послѣдняго, хотя бы онъ ссылался на него просто въ послушество. Здѣсь допускалось однако исключеніе, вызванное изворотами тогдашнихъ ябедниковъ. Случалось, что одинъ изъ тяжущихся заключалъ съ кѣмъ нибудь стачку и подсылалъ его ручаться за своего противника въ явкѣ къ суду; а потомъ ссылался на него изъ виноватыхъ. Разумѣется, и другая сторона, не зная еще о стачкѣ, ссылалась на него въ послушество. Поэтому предписано не вѣрить поручителю, если отвѣтчикъ объявитъ его подставленнымъ. Не сказано, нужно ли было доказывать стачку. Въ одномъ случаѣ ссылка изъ виноватыхъ совершенно запрещена: по дѣлу съ холопомъ нельзя ссылаться на его боярина.

Общая ссылка пользовалась еще большимъ довѣріемъ. Отъ нея требовалось, чтобъ свидѣтель былъ непремѣнно очевидцемъ. Если онъ объявитъ, что знаетъ о дѣлѣ только по слуху, то показаніе его не дѣйствительно. Никакихъ другихъ условій отъ него не требуется. Общая правда можетъ состоять даже изъ одного свидѣтеля. Свидѣтель, не отведенный въ большомъ дѣлѣ обѣими сторонами, не можетъ быть отвергнутъ ими и при судѣ встрѣчнаго иска. Отводъ общей ссылки ведетъ къ обвиненію. Но если между тѣми же лицами возникнетъ другое дѣло на второй или на третій день, или цѣлую недѣлю послѣ перваго суда, то отводъ дозволяется, потому что въ это время могла случиться ссора; однако первый судъ все-таки рѣшается по общей ссылкѣ. При разнорѣчіи свидѣтелей, составляющихъ общую ссылку, изъ трехъ лицъ отдается преимущество двумъ, показавшимъ единогласно. Въ этихъ законахъ еще выражается безусловное довѣріе къ свидѣтелю, приведенному обѣими сторонами, но въ слѣдующемъ постановленіи есть уже отступленіе отъ этого начала. Тяжущимся

разрѣшено обвинять общую ссылку во лжи или подкупѣ со стороны противника и просить объ этомъ розыска. Если по сыску обвиненіе окажется справедливымъ, то свидѣтель подвергается жестокому наказанію, битью кнутомъ и уплатѣ убытковъ просителю; если же, обвиненіе не справедливо, то тяжущійся платитъ безчестіе общей ссылкѣ и самъ подвергается наказанію кнутомъ [483]).

Вообще нельзя не замѣтить, что, не смотря на историческую связь статей Уложенія съ прежними указами, взглядъ его на свидѣтельскія показанія въ сущности уже совершенно другой. Въ эпоху Судебника законъ стремился дать безусловную силу тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ можно было заранѣе предполагать правдивость. Отсюда возникло запрещеніе отводить свидѣтелей, признанныхъ достовѣрными или со стороны закона, или со стороны тяжущихся. Но въ XVII вѣкѣ согласіе противниковъ уже не кажется достаточною гарантіей. Чему же приписать эту перемѣну? Уложеніе само указываетъ на причину: поручитель можетъ дать поруку по стачкѣ съ противникомъ, общая ссылка можетъ солгать «по посуламъ и по чему нибудь преступивъ законъ Божій». И такъ недовѣріе было вызвано ослабленіемъ общественной нравственности. Кромѣ того была другая причина, заключавшаяся въ недостаткахъ тогдашней практики. Присутствіе свидѣтелей даже при совершеніи акта обезпечивало только его дѣйствительность, но нисколько не было ручательствомъ за тождество лицъ. Это давало возможность отводить свидѣтелей всякаго рода, доказывая ошибку въ лицѣ. Съ усиленіемъ формальностей въ крѣпостныхъ актахъ недовѣріе къ свидѣтелямъ не только не уменьшилось, но скорѣе увеличилось, ибо тождество лица оставалось по прежнему сомнительнымъ, а къ тому начался еще обычай, о которомъ упоминаетъ Татищевъ: свидѣтелей набирали по площади и по приказамъ, кто попадется.

---

483) Уложеніе, глава X, ст. 176; глава XXII, ст. 5. Г. Пахманъ, стр. 168. Уложеніе, глава X, ст. 174, 179. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 64. Уложеніе, глава X, ст. 158, 159, 176, 236. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 72. Уложеніе, глава X, ст. 160, 175, 182, 172, 169, 180, 181, 170, 171.

Внѣшнія условія свидѣтельскихъ показаній опредѣлились нѣсколько болѣе прежняго. О числѣ ихъ нигдѣ не сказано прямо, но изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ разрѣшается приводить хотя одного свидѣтеля, видно, что обыкновенно ихъ требовалось не менѣе двухъ. Одинъ свидѣтель допускался только: а) въ качествѣ общей ссылки, или б) при ссылкѣ на отца или мать противника. Свидѣтеля вызывали чрезъ недѣльщика. Издержки вызова падали на того, кто ссылался; при общей ссылкѣ онѣ дѣлились пополамъ. О порядкѣ допроса въ Уложеніи ничего не сказано. Всѣ правила о допросѣ свидѣтелей относятся собственно къ повальному обыску. Ссылка на общую правду въ отдаленные города, напр. Сибирь или Астрахань, вовсе не допускается, въ томъ предположеніи, что она сдѣлана только для волокиты. Иногородныхъ свидѣтелей, кажется, обыкновенно допрашивали на мѣстѣ. Это можно заключить изъ слѣдующаго: а) въ 31-й статьѣ XVIII-й главы Уложенія, о вызовѣ сказано только, что въ города посылаются государевы грамоты, а этимъ названіемъ равно обозначаются грамоты всякаго содержанія. б) Въ боярскомъ приговорѣ 19-го декабря 1678 г. сказано, что, «противъ истцовыхъ и отвѣтчиковыхъ письменныхъ и словесныхъ общихъ ссылокъ и рѣчей» пишутся въ города сыскныя грамоты; а по такимъ грамотамъ допросъ всегда производился на мѣстѣ. в) Въ извѣстномъ судномъ дѣлѣ о сельцѣ Погодаевѣ, допросъ свидѣтелямъ порученъ городовымъ воеводамъ; только тѣ, которые жили въ Москвѣ, допрошены въ приказѣ. Впрочемъ эти свидѣтели были изъ числа подписавшихъ закладную крѣпость и потому, кажется, не присягали. Легко можетъ статься, что по личнымъ искамъ свидѣтелей вызывали, а по вещнымъ, гдѣ вообще было болѣе переписки, допрашивали на мѣстѣ.

Присяга требовалась отъ свидѣтелей, кажется, по однимъ личнымъ искамъ. По крайней мѣрѣ въ упомянутомъ судномъ дѣлѣ не видно, чтобъ свидѣтели присягали. Это было естественно: ихъ показанія относились къ одной формальной сторонѣ дѣла. Допросъ свидѣтелямъ производился «по государеву крестному цѣлованію предъ образомъ Божіимъ для того, чтобъ они сказывали правду, какъ имъ стати на страшномъ судѣ христовѣ». Неопредѣленность этого выраженія заставляетъ думать, что въ

этомъ случаѣ присяга не была облечена обыкновенною формальностію. Лица высшихъ сословій, признанныя за достовѣрныхъ свидѣтелей въ 50 рублевыхъ искахъ, едва ли присягали, потому что въ Уложеніи ихъ велѣно допрашивать просто «по государеву крестному цѣлованію», безъ всякаго намека на особенный обрядъ.

Виды свидѣтелей были тѣже, какъ и прежде. Положенія о старожильцахъ не измѣнились. Споръ ихъ о межахъ по прежнему рѣшается образнымъ хожденіемъ [481].

III. Присяга. Въ XVII вѣкѣ она еще болѣе стѣснена, чѣмъ въ эпоху Судебника. При очныхъ ставкахъ она не допускается вовсе, а въ дѣлахъ исковыхъ, производившихся судомъ, допускается только за неимѣніемъ другихъ доказательствъ, и притомъ большею частію относительно второстепенныхъ пунктовъ дѣла. Такъ напр., по дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ и холопахъ, присяга дается только о сносѣ, въ дѣлахъ межевыхъ, только о порчѣ межи. когда сыскать было нечѣмъ и т. д. Въ 1774 году употребленіе присяги въ межевыхъ дѣлахъ было еще нѣсколько ограничено. При разводѣ городскихъ межей, когда нѣтъ другихъ доказательствъ, не велѣно однако прямо допускать образное хожденіе, но докладывать сначала Помѣстному приказу. Но такъ какъ точныхъ правилъ въ Уложеніи не было, то взглядъ на крестное цѣлованіе, какъ на крайнее доказательство, еще не установился: тяжущіеся нерѣдко просили его и тогда, когда другія доказательства были вполнѣ возможны. Въ судномъ дѣлѣ о сельцѣ Погодаевѣ безпрестанно встрѣчаются ссылки на присягу, но судьи не принимали ихъ въ уваженіе.

Лица, которымъ запрещено давать присягу, опредѣлены въ Уложеніи согласно съ старыми указами. Къ числу ихъ отнесены: а) малолѣтные, моложе 20 лѣтъ; но если присягнуть за

---

[481]) Татищевъ, стр. 122. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 64. Уложеніе, глава X, ст. 144, 167, 176; глава XVIII, ст. 31; глава XX, ст. 109. П. С. З. № 742. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 79 и 113. Уложеніе, глава X, ст. 173. Г. Пахманъ, стр. 175—176. Уложеніе, глава X, ст. 158, 161, 235, 236, 237; глава XVII, ст. 51, 52.

нихъ некому, то они допускаются къ присягѣ и въ 15 лѣтъ; б) наемные люди; в) люди уже присягавшіе три раза. Здѣсь Уложеніе строже указа царя Михаила Ѳеодоровича. Указъ устраняетъ только повѣренныхъ, присягавшихъ три раза, и въ четвертый разъ требуетъ новыхъ. Уложеніе, напротивъ, говоритъ тоже и о самихъ тяжущихся. Присягу замѣняетъ сыскъ, или даже пытка. г) Духовенство, для котораго присяга по прежнему замѣняется жребіемъ, или, по желанію противника, допросомъ отъ духовныхъ властей, священниковъ по священству, а монаховъ по иноческому обѣщанію. Слуги и крестьяне духовенства присягають.

Присяга по довѣренности продолжается. Повѣренные не должны быть моложе двадцати лѣтъ. У кого нѣтъ крѣпостныхъ людей этого возраста, тотъ присягаетъ лично. Порученіе присягнуть можетъ быть дано и вообще судебному представителю, и особо назначенному лицу. Ограниченія присяги опредѣленною суммою, способъ избранія повѣренныхъ и пр. перешли въ Уложеніе, безъ всякихъ перемѣнъ, изъ указовъ 1628 и 1629 годовъ. По каждому иску требуется особая присяга; запрещено присягать въ искахъ, не превышающихъ одного рубля, сохранена прежняя оцѣнка крестьянскаго имущества при крестномъ цѣлованіи. Право давать или отстранять присягу остается за отвѣтчикомъ, кромѣ двухъ случаевъ: дѣлъ съ иностранцами и спора о межѣ старожильцевъ [185]).

Обрядъ присяги измѣнился немного. Она происходила публично въ приказахъ, въ извѣстные часы дня, опредѣленные различно для разныхъ временъ года. Крестъ долженъ быть написанъ на иконѣ. Ежедневная явка къ присягѣ въ теченіи трехъ дней требуется и въ Уложеніи. При совершеніи обряда присутствуютъ дворянинъ, подъячій «для береженья» и цѣловальники изъ сотенъ. Подъячій читалъ *выпись* къ крестному цѣлованію, гдѣ

---

185) Уложеніе, глава XI, ст. 25, 26, 29; глава XX, ст. 96; глава X, ст. 232. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, N 72, IV. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 55, 57, 70. — Уложеніе, глава XIII, ст. 4—6; глава XI, ст. 25, 26; глава XIV, ст. 4, 7, 8, 9.

помѣщалось извлеченіе изъ правилъ св. отцовъ и изъ градскихъ законовъ. Страшныя угрозы церковныя и гражданскія, которыя здѣсь находились, и безпрестанныя клятвопреступленія заставили царя Θеодора Алексѣевича предложить собору 1681 года измѣненія въ чиновной книгѣ, потому что «въ той книгѣ многія страшныя и непрощаемыя клятвы положены, которыя къ тѣмъ дѣламъ и неприличны». Соборъ отвѣчалъ, что изъ обряда присяги можно исключить третью статью, гдѣ говорится о вѣчномъ мученіи, для того, чтобы не убивать клятвопреступниковъ вѣчною смертію, ибо многіе люди грѣшать и не исполняютъ присяги, данной по государевымъ дѣламъ. Соборъ считалъ достаточнымъ гражданское наказаніе, однако обрядъ присяги остался въ прежнемъ видѣ. Послѣ Уложенія онъ былъ облеченъ бо́льшею торжественностію. Указомъ 19-го декабря 1678 г. велѣно отсылать по прежнему истцовъ и отвѣтчиковъ въ Архангельскій соборъ, къ протопопу и священникамъ, которые должны имъ дѣлать увѣщаніе. Кажется, что съ тѣхъ поръ приказные люди не присутствовали при обрядѣ; но въ 1685 г. снова велѣно быть въ соборѣ дьяку и подъячему изъ приказа, «для свидѣтельства». Они составляли записку о тѣхъ сдѣлкахъ, которыя челобитчики могли заключить между собою, избѣгая душевредства. Къ этой запискѣ послѣдніе прикладывали руки. Другая перемѣна состояла въ томъ, что по Уложенію, кажется, присягали передъ однимъ крестомъ, а при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, также и передъ Евангеліемъ [456]).

Послѣдствія присяги состояли въ немедленномъ рѣшеніи дѣла въ пользу присягнувшаго. За возобновленіе иска истецъ подвергался, какъ за вторичную просьбу по рѣшенному дѣлу, наказанію батогами и уплатѣ проѣстей и волокитъ, со дня представленія отвѣтчикомъ поручной записи. Относительно межевыхъ дѣлъ это подтверждено писцовымъ наказомъ 1683 г. За ложную присягу полагалась трехдневная торговая казнь и годовое тюремное заключеніе.

---

[456]) Уложеніе, глава X, ст. 237; глава XIV, ст. 6, 10. А. И. т. V, № 75, стр. 114. Ср. Сводъ Зак. Гр., изд. 1842 г., ст. 2441. П. С. З. №№ 741, 1126.

Вмѣсто самаго акта присяги дѣло нерѣдко рѣшалось признаніемъ истца или отвѣтчика передъ крестнымъ цѣлованіемъ. Признаніе могло произойти слѣдующими тремя способами: а) одинъ изъ тяжущихся могъ не явиться къ третьей ставкѣ «самовольствомъ, безъ челобитья», или не поцѣловать креста въ указные часы. Это принималось за отказъ отъ присяги и влекло за собою совершенное обвиненіе. б) Отвѣтчикъ могъ прямо признаться передъ присягою. в) Оба противника могли, не ходя къ присягѣ, заключить между собою мировую сдѣлку [487].

IV. Жребій былъ въ эпоху Уложенія какъ особымъ доказательствомъ, такъ и средствомъ рѣшенія, кому присягать, если это не было заранѣе опредѣлено закономъ. Первое значеніе онъ имѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда или не допускалась присяга, или нужно было рѣшить споръ между равносильными правами. Сюда можно отнести: а) иски менѣе рубля, гдѣ присяга не допускалась по маловажности дѣла; б) дѣла съ духовенствомъ, которое не присягало; в) дѣла о холопахъ и крестьянахъ, вступившихъ въ бракъ во время бѣгства. Здѣсь, такъ какъ права собственности съ обѣихъ сторонъ равныя, то нужно было только рѣшить, кому взять самихъ бѣглыхъ, и кому получить выводную пошлину. Передъ присягою жребій употреблялся: а) для опредѣленія, кому изъ старожильцевъ отводить землю съ образомъ; б) по дѣламъ между русскими и иностранцами, для указанія, кто будетъ присягать. Жребій былъ привилегіею русскихъ, потому что въ спорахъ между одними русскими истецъ не могъ отклонять отъ себя присяги, предоставленной ему отвѣтчикомъ [488]).

V. Повальный обыскъ, въ эпоху Уложенія, составлялъ необходимую принадлежность всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, когда фактъ преступленія не могъ быть опредѣленъ иначе. Въ гражданскихъ дѣлахъ онъ производился по требованію тяжущихся, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по закону былъ замѣною другихъ, недостающихъ доказательствъ. Такъ по всѣмъ крѣпостнымъ дѣламъ

---

[487]) Уложеніе, глава X, ст. 22, 134; глава XIV, ст. 9; глава XI, ст. 27. П. С. З. № 1013. Уложеніе, глава XIV, ст. 6. П. С. З. NN 741, 1126.

[488]) Уложеніе, глава XIV, ст. 10; глава XIII, ст. 4; глава XI, ст. [illegible]; глава XX, ст. 115; глава X, ст. 237; глава XIV, ст. 4.

имъ замѣняется розыскъ по крѣпостямъ, если, въ видѣ исключенія, допускалось не крѣпостное основаніе иска. Къ числу этихъ дѣлъ принадлежатъ: а) споръ о старинномъ холопѣ, гдѣ обыскъ допускается даже противъ крѣпостей, б) межевыя дѣла, если межа не была проведена прежде. Сверхъ того сами судьи прибѣгали иногда къ этому доказательству и безъ всякой ссылки челобитчиковъ.

Прежнее значеніе повальнаго обыска, бывшаго равно обязательнымъ какъ для тяжущихся, такъ и для обыскныхъ людей, отчасти развито въ Уложеніи, отчасти измѣнено. Недовѣріе къ свидѣтельскимъ показаніямъ вызвало и здѣсь болѣе подробныя правила.

По Уложенію, къ повальному обыску обращаются, когда другія доказательства несостоятельны. Кажется, онъ предшествуетъ пыткѣ, замѣняющей присягу въ четвертый разъ. Тѣ случаи, когда онъ не допускается, основаны или на желаніи ускорить ходъ дѣла, или на подозрѣніи, что ссылка на обыскъ сдѣлана для волокиты. Обыскъ никогда не устраняется, кромѣ двухъ случаевъ: 1) когда одна изъ сторонъ уже сослалась на общую ссылку; 2) когда челобитчикъ ссылается на обыскъ въ дальныхъ городахъ, сибирскихъ и астраханскихъ. Эти законы перешли буквально изъ прежнихъ указовъ; но въ силѣ повальнаго обыска и отношеніяхъ къ нему тяжущихся замѣтны нѣкоторыя перемѣны [489]).

Существуетъ мнѣніе, что обыска нельзя было отводить ни въ какомъ случаѣ. Уложеніе дѣйствительно говоритъ: «повальнаго обыска не отставити, и посылати сыскивати всякихъ чиновъ многими людьми *безотводно*»; но есть обстоятельства, которыя допускаютъ и другую догадку. Черезъ нѣсколько статей Уложеніе выражается иначе: «А будетъ на судѣ истецъ пошлется на повальный обыскъ, на многихъ людей безъимянно, *а отвѣтчикъ того повальнаго обыска отводити не учнетъ...*» и пр. И такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыскныхъ людей можно было отводить. Что дѣйствительно въ практикѣ такой отводъ случался,

---

489) Уложеніе, глава XX, ст. 29, 108; глава XVII, ст. 51. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 88. Уложеніе, глава XIV, ст. 2; глава X, ст. 107; глава XX, ст. 109.

и былъ иногда принимаемъ въ уваженіе, это доказывается суднымъ дѣломъ о сельцѣ Погодаевѣ. Отвѣтчикъ ссылался *изъ виноватыхъ* на цѣлый Знаменскій монастырь и на все подворье ростовскаго митрополита Эта ссылка конечно должна была имѣть значеніе повальнаго обыска, а между тѣмъ истецъ на нее не слался и вмѣсто того подалъ роспись уликамъ, о которыхъ и началось продолжительное изслѣдованіе. Единственный способъ согласить это противорѣчіе есть предположить нѣкоторую неясность въ словахъ Уложенія. Можетъ быть, въ той статьѣ, которая дала поводъ къ общепринятому мнѣнію, оно говоритъ не объ отводѣ цѣлаго обыска, но о томъ, что въ извѣстной мѣстности всѣхъ людей слѣдуетъ допрашивать *безотводно*, т. е. безъ исключенія. Тогда смыслъ обѣихъ статей былъ бы одинаковый.

Когда весь повальный обыскъ не былъ отведенъ, то нельзя уже было отводить никого изъ обыскныхъ людей. Уложеніе запрещаетъ предпочитать цѣлому обыску свидѣтельство нѣсколькихъ лицъ, поименно указанныхъ отвѣтчикомъ изъ числа обыскныхъ людей, хотя бы онъ ссылался на нихъ даже изъ виноватыхъ. Отводъ по родству или дружбѣ съ противникомъ былъ недѣйствителенъ, ибо при многолюдствѣ обыска пристрастное показаніе нѣкоторыхъ должно было оставаться безъ вредныхъ послѣдствій. Исключенія изъ этого общаго правила сдѣланы послѣ Уложенія, и въ нихъ уже выражается недовѣріе къ обыску и сближеніе его съ обыкновенными показаніями свидѣтелей. Новоуказными статьями 22-го января 1669 года запрещено писать въ обыскъ «глухихъ, нѣмыхъ и бѣсныхъ, и которые въ малыхъ лѣтѣхъ, а не въ возрастѣ». Здѣсь для обыскныхъ людей точно также опредѣляются условія, какъ и для свидѣтелей; сверхъ того приняты во вниманіе и личныя ихъ отношенія къ челобитчикамъ: не велѣно допрашивать дѣтей о родителяхъ, вольноотпущенныхъ о прежнихъ боярахъ и работниковъ объ ихъ хозяевахъ [490]).

---

[490]) Уложеніе, глава X, ст. 161, 175. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 72. Уложеніе, глава X, ст. 175, 161. П. С. З. N 441, ст. 28.

Отвѣтственность обыскныхъ людей, способы жалобы на нихъ и повѣрки ихъ показаній опредѣлены строже прежняго. Право жалобы едва ли не было нововведеніемъ, потому что прежнее законодательство вовсе не говоритъ объ опровержени обыскныхъ рѣчей со стороны обвиненнаго, предоставляя всю ихъ повѣрку однимъ судьямъ. Въ Уложеніи, напротивъ, объ этомъ сказано подробно. При единогласномъ отзывѣ дѣло рѣшалось на основаніи его; но тяжущійся могъ отвергать показаніе и требовать другаго, бо̀льшаго обыска. Впрочемъ это правило высказано только относительно уголовныхъ дѣлъ, и притомъ, когда первый обыскъ состоялъ изъ «окольныхъ ближнихъ людей». Вѣроятно однако же, что въ иныхъ случаяхъ оно прилагалось и къ гражданскимъ дѣламъ. Второй обыскъ производился на бо̀льшемъ пространствѣ, и если противорѣчилъ прежнему, то члены перваго обыска подвергались строгому наказанію. Въ случаѣ разногласія обыскныхъ людей преимущество отдавалось бо̀льшей ихъ половинѣ; но тяжущемуся предоставлено право обвинять во лжи бо̀льшую половину и требовать слѣдствія. Оно происходило нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. По указу 1556 года, при неравенствѣ половинъ, производилось слѣдствіе на мѣстѣ, а при равенствѣ ихъ назначался второй обыскъ По Уложенію, если челобитчикъ жалуется на большинство, то изъ обѣихъ половинъ обыскныхъ людей, безъ различія званія, выбирается изъ ста человѣкъ по два, а когда вся половина менѣе ста, то одинъ человѣкъ изъ нея. Выбраннымъ лицамъ дается очная ставка, а если она осталась безъ результата, то обыскнымъ людямъ позволено предлагать другъ другу пытку. За тѣмъ половина, уличенная во лжи, подвергалась тѣмъ же наказаніямъ, какъ прежде. Каждый ея членъ долженъ былъ заплатить пеню, которая соразмѣрялась съ его общественнымъ значеніемъ: чѣмъ выше положеніе, тѣмъ выше и пеня. Самые высокіе штрафы платитъ духовенство: съ архимандрита, напр., взыскивается пятьдесятъ рублей. Люди низшихъ сословій, посадскіе и крестьяне, сверхъ того, подвергаются тѣлесному наказанію: изъ нихъ десятаго человѣка бьютъ кнутомъ. Духовенство отсылается «для смиренія» къ патріарху, митрополитамъ или епископамъ. Частныя взысканія остались также прежнія: на обыскныхъ людей падаетъ

обязанность вознаградить оклеветаннаго ими за всѣ проѣсти, волокиты и убытки. Если въ слѣдствіе ложнаго показанія одинъ изъ тяжущихся подвергся пыткѣ, то ему платили еще за увѣчье и безчестіе.

Способъ произведенія обыска и его порядокъ не измѣнились въ сущности, но опредѣлены точнѣе. Когда дѣло производилось въ одномъ изъ приказовъ, то изъ Москвы посылалась сыскная грамота на имя мѣстнаго начальника, въ вѣдомствѣ котораго долженъ былъ происходить повальный обыскъ. Эта грамота предписывала ему выбрать въ сыщики «кого пригоже», или точнѣе, съ описаніемъ, какаго рода должно быть это лице, напр: «изъ отставныхъ дворянъ людей добрыхъ, кому бы мочно вѣрить»; затѣмъ излагался предметъ обыска, иногда и самыя правила производства. Мѣстный начальникъ давалъ отъ себя сыщику наказную память, въ которой подробно излагались его обязанности и весь ходъ обыска. Иногда воевода и лично производилъ допросъ. Отказъ отъ показанія не допускался. Если обыскные люди ложно отговаривались невѣдѣніемъ, то ихъ за это наказывали, какъ за ложное показаніе. Но безъ прямой улики запрещено ставить имъ въ вину эту отговорку. За двоякія рѣчи ихъ также наказывали, какъ и за ложь. Сыщику было предписано: «обыскивать вправду, по государеву крестному цѣлованію, другу не дружить, а недругу не мстить». Онъ долженъ былъ строго наблюдать, чтобъ обыскные люди говорили правду, и доносить о всякомъ обстоятельствѣ, которое могло навести на мысль объ обманѣ, какъ-то: объ отказахъ отъ показаній, о стачкахъ по семьямъ, о видимой поноровкѣ истцу или отвѣтчику. Всѣмъ подозрѣваемымъ обыскнымъ людямъ составлялись именныя росписи, которыя посылались въ Москву. Сыщикъ обязанъ былъ производить обыскъ такъ, чтобъ съ его стороны не было никакого вліянія. Обыскные люди писали свои рѣчи сами и собственноручно подписывали ихъ; безграмотные должны были лично находиться при запискѣ, а руки за нихъ прикладывали ихъ духовники; иногородцы, если не знали грамоты, прикладывали къ обыскамъ свои *знамена*, т. е. различные знаки вмѣсто подписи. Всѣ обыскныя рѣчи писались въ присутствіи сыщика. Сыщикъ не долженъ былъ допускать ни стачки между обыскными людьми,

ни подговора со стороны тяжущихся или ихъ повѣренныхъ. Для этого велѣно допрашивать не по семьямъ, или по нѣскольку человѣкъ за разъ, но каждаго порознь, и всѣ показанія писались особо. Правительство очень заботилось объ этомъ. Въ 1691 году былъ разосланъ изъ Разряда особый подтвердительный указъ о повальномъ обыскѣ. Запрещено было писать обыскныхъ людей семьями или многолюдствомъ, а также давать имъ для подписанія «порозжіе столбцы», или брать отъ нихъ «заручные столбцы» вмѣсто сказокъ. Порозжіе столбцы обозначали, вѣроятно, такіе общіе списки обыскныхъ людей, въ которыхъ было оставлено мѣсто для показаній, а заручными столбцами должны были называться напередъ заготовленныя общія показанія, подъ которыми подписывались всѣ согласныя съ ними лица. Для того, чтобъ каждый говорилъ отъ себя, не подчиняясь ничьему вліянію, въ Уложеніи не велѣно брать у дворянъ и боярскихъ дѣтей общихъ показаній съ ихъ крестьянами За несоблюденіе всѣхъ этихъ правилъ сыщикъ подвергался великой опалѣ и казни. Въ предупрежденіе подкуповъ и подговоровъ со стороны истца или отвѣтчика, Уложеніе запрещаетъ какъ имъ самимъ, такъ и ихъ повѣреннымъ, находиться на мѣстѣ обыска. Первыхъ или не отпускали изъ Москвы, или, если они жили по деревнямъ, высылали оттуда въ Москву, или другіе города, гдѣ у нихъ есть помѣстья и вотчины Повѣреннымъ запрещалось уѣзжать изъ Москвы подъ страхомъ обвиненія безъ суда. Эта предосторожность, предписанная еще въ эпоху Судебника, была вовсе не лишняя. Повальные обыски давали иногда поводъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ со стороны тяжущихся. Татищевъ сообщаетъ два разительныхъ случая, превосходно характеризующихъ нравы XVII вѣка. Одинъ челобитчикъ созвалъ къ обыску изъ дальнихъ мѣстъ до полутороста человѣкъ, вовсе не знавшихъ спорной пустоши, и цѣлыхъ три дня поилъ ихъ; а въ это время писались обыски; обыскные люди не знали, что писали, а попы и прикащики, къ чему прикладывали руки. Соперникъ не смѣлъ туда и показаться. Другой случай еще любопытнѣе: истецъ собралъ для обыска человѣкъ двѣсти и напоилъ ихъ съ сыщикомъ на спорной землѣ; но когда всѣ лежали пьяные, то от-

вѣтчикъ нагрянулъ на нихъ изъ лѣса съ своими пріятелями и избилъ ихъ до полусмерти [491]).

Сыщики допрашивали бѣлое духовенство по священству, монаховъ по иноческому обѣщанію, остальныхъ людей по государеву крестному цѣлованію, а Татаръ и другихъ инородцевъ по шерти. Свѣтскимъ людямъ изъ христіанъ допросъ производился передъ образомъ, но формальной присяги, кажется, не было. Любопытно, что правило о допросѣ не иначе, какъ передъ образомъ, особенно повторено въ Уложеніи относительно боярскихъ людей, крестьянъ и женщинъ. По окончаніи обыска сказки обыскныхъ людей вносились въ одинъ общій списокъ, который и присылался въ Москву, при отпискѣ мѣстнаго начальника.

Уложеніе различаетъ большой и малый обыскъ, не опредѣляя однако ни того, ни другаго. Число необходимое для составленія повальнаго обыска, было, кажется, не менѣе двадцати или тридцати человѣкъ; ибо, когда на пространствѣ трехъ или четырехъ верстъ оказывалось не болѣе этого числа, то для признанія его за обыскъ нужно было, чтобъ сыщикъ и оба противника объявили, что тамъ болѣе нѣтъ жителей. Пространство, на которомъ слѣдовало производить обыскъ, не было точно опредѣлено закономъ: тяжущіеся ссылались или неопредѣленно — на двѣ или на три версты, или прямо указывали на мѣстность, напр. на такой-то посадъ, или такой-то монастырь. По уголовнымъ дѣламъ законъ постоянно требовалъ большихъ обысковъ на пространствѣ отъ 15 до 20 верстъ. Малымъ почитался, кажется, обыскъ *около житья*, т. е. допросъ сосѣдямъ. Въ случаѣ жалобы на этотъ обыскъ назначался другой, болѣе обширный [492]).

---

[491]) Уложеніе, глава XXI, ст. 76; глава X, ст. 161—163. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 88—89. Старинные Акты Шуи, №№ 111, 152. Уложеніе, глава X, ст. 161, 164, 166. П. С. З. № 1412. Уложеніе, глава X, ст. 156, 157. Судебникъ Татищева, ст. 109, примѣч. (б), стр. 147.

[492]) Уложеніе, глава X, ст. 161, 173. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 90—92. — Уложеніе, глава XX, ст. 95. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 88. Старинные Акты Шуи, № 111. П. С. З. № 441, ст. 28. Уложеніе, глава XX, ст. 28, 76. — Кавелинъ, стр. 96.

VI. Письменныя доказательства, въ слѣдствіе усиленія вотчиннаго судопроизводства, играли главную роль почти въ каждомъ процессѣ и болѣе прежняго получили характеръ безспорныхъ доказательствъ, но въ практикѣ такой взглядъ не скоро утвердился, и потому споры противъ крѣпостей не только не уменьшились, но едва ли даже не умножились. Такъ какъ виды письменныхъ доказательствъ остались прежніе, то остается разсмотрѣть только два вопроса: а) отношенія ихъ къ другимъ судебнымъ доказательствамъ и б) отношеніе различныхъ документовъ между собою.

а) Можно ли было опровергать документы другими доказательствами? Оффиціальные акты не подлежали спору, потому что способы укрѣпленія правъ были подробно опредѣлены закономъ. При всякомъ переходѣ права, какъ передающему, такъ и пріобрѣтателю производился допросъ облеченный строгою формальностію. Почти всѣ договоры были письменные. Всякое принужденіе должно быть заявлено немедленно. Наконецъ подъячимъ, совершавшимъ крѣпостные акты, было поставлено въ обязанность не писать ихъ за очи; за нарушеніе этого закона какъ они, такъ и свидѣтели подвергались уголовному наказанію. При такихъ условіяхъ споръ противъ крѣпостей былъ возможенъ только двоякимъ образомъ. Во первыхъ, можно было, по договорнымъ актамъ, опровергать искъ или сдѣланнымъ уже прежде исполненіемъ договора, или давностію; во вторыхъ, можно было доказывать, что крѣпость взята *подставою*, т. е. съ обманомъ на счетъ тождества лица. Кромѣ того, наслѣдники давшаго крѣпость могли еще утверждать, что онъ не былъ въ это время въ полномъ разумѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ можно было опровергать крѣпости почти всѣми доказательствами: показаніями свидѣтелей, подписавшихся на актѣ, повальнымъ обыскомъ, присягою и даже пыткой. Но за то если оффиціальный актъ не былъ пріобрѣтенъ обманомъ, то почти не допускалъ никакихъ возраженій. Въ одномъ дѣлѣ о бѣгломъ человѣкѣ 1687 г. истецъ опровергалъ ссудную запись отвѣтчика тѣмъ, что будто бы по отпускнымъ запрещено было брать ссудныя записи. Холопій приказъ отвергнулъ это возраженіе безъ всякаго разбора, на основаніи слѣдующаго разсужденія: «ему отвѣтчику то не вина, потому что въ Перея-

славли Залѣсскомъ губной староста далъ тое ссудную запись, а вось будетъ у него на то великихъ государей указу не было, а еслибъ было, и онъ бы не далъ, и то дѣло губнаго старосты, а не сына его отвѣтчикова». Оффиціальные акты, не утверждавшіе перехода правъ, а составленные съ другою цѣлію, могли быть опровергаемы всѣми средствами. Такъ писцовыя книги по прежнему не составляли безспорнаго доказательства, потому что утверждали не право, а фактъ. Въ судномъ дѣлѣ о сельцѣ Погодаевѣ одинъ изъ тяжущихся прямо указалъ на этотъ характеръ межевыхъ актовъ, говоря: «вольно было (противнику) въ переписные книги тое вотчину за собою записать». Къ числу актовъ, совершенныхъ на дому, Уложеніе относитъ только тѣ, которые позволено было писать въ деревняхъ, т. е. заемныя и наемныя записи не свыше 10 рублей, сговорныя свадебныя записи и духовныя завѣщанія. Противъ нихъ, разумѣется, приводились всякія доказательства [493]).

б) Что касается до взаимнаго отношенія письменныхъ доказательствъ между собою, то изъ документовъ одного рода преимущество отдается старшему, за исключеніемъ одного случая: старшая полная грамота уступаетъ новѣйшей, если въ ней не написано, что холопъ укрѣпленъ не только первому пріобрѣтателю съ дѣтьми, но также и всему его потомству. Изъ документовъ разнаго рода преимущество, конечно брали тѣ, которые были достовѣрнѣе. Сомнѣнія судей о томъ, которому изъ двухъ разныхъ актовъ отдать предпочтеніе, разрѣшалось, кажется, царскими указами. Странно, что Уложеніе не заимствовало оттуда ни одного правила и ни слова не говоритъ объ этомъ, хотя о такихъ указахъ есть положительныя свѣдѣнія. Такъ въ одномъ судномъ дѣлѣ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, сказано, что «по государеву указу дачи и писцовые книги крѣпче духовныхъ, а въ духовной что хочетъ, то пишетъ».

---

[493]) **Исторія Росс. Гражд. Законовъ, Неволина, томъ 2-й, стр. 42, 55—57. — Уложеніе, глава X, ст. 251, 252; глава XI, ст. 23; глава XIX, ст. 18; глава X, ст. 256. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 64, 72, 75, 109. Акты, относящіеся до юрид. быта древней Россіи, т. I, N 13. Уложеніе, глава X, ст. 246—250.**

Крѣпостные акты представлялись судьямъ въ подлинникѣ и оставались у подъячихъ до суда. Противнику они прочитывались въ оригиналѣ, потомъ съ нихъ дѣлали списокъ, а подлинники возвращали владѣльцу. На оборотѣ копіи расписывались какъ челобитчикъ, такъ и подъячій, производившій дѣло: первый удостовѣрялъ въ вѣрности копіи и въ томъ, что взялъ подлинникъ къ себѣ, обязуясь представить его по востребованію; а второй надписывалъ: «съ подлинной (крѣпости) челъ такой-то». Для представленія документовъ назначали поверстный срокъ.

За несправедливое опроверженіе документа назначено было наказаніе: если кто *положивитъ* кабалу безъ причины, то подвергается двойной уплатѣ исковой суммы и можетъ избавиться отъ этого взысканія только тѣмъ, что, не сходя съ суда, объявитъ самъ свою вину [494]).

Когда въ числѣ доказательствъ были улики, то дѣло, какъ выше сказано, принимало характеръ слѣдствія и допускало даже пытку. Замѣчательно, что пытка всего болѣе появилась въ судѣ, а не въ очныхъ ставкахъ. Послѣднія, какъ основанныя всегда на документахъ, не столько требовали этого грознаго средства. Любопытны выраженія, въ которыхъ челобитчики просили пытки. Въ извѣстномъ дѣлѣ о селѣ Погодаевѣ каждый проситъ о противникѣ: «кровью велѣлъ бы его..... въ томъ во всемъ пытать». При этомъ объ отвѣтчикѣ сказано, что онъ «на кожу свою не слался, а слался на его истцову кожу»; объ истцѣ, что онъ «на свою кожу въ отцовой бѣдности не слался». Судьи равнодушно слушали этотъ странный споръ, они не допустили пытки, но нигдѣ не выразили, считаютъ ли ее совмѣстною, или нѣтъ, съ характеромъ спорнаго дѣла.

Что касается до отношенія судьи къ веденію доказательствъ въ гражданскомъ процессѣ, то въ XVII вѣкѣ судья произвольно распоряжается ими, объ однихъ производитъ подробное изслѣдованіе, другимъ не даетъ никакаго вѣса. Примѣры есть въ томъ

---

[494]) Уложеніе, глава XVII, ст. 34; глава XX, ст. 101. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 12. — Уложеніе, глава X, ст. 189. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 47, 55—56. Уложеніе, глава X, ст. 22, 105, 79, 259.

же дѣлѣ о сельцѣ Погодаевѣ. Одна изъ ссылокъ отвѣтчика на повальный обыскъ оставлена совершенно безъ вниманія; въ другой разъ, вмѣсто того, чтобъ по просьбѣ отвѣтчика дать истцу очную ставку съ монастырскимъ повѣреннымъ, котораго онъ обвинялъ въ подложномъ составленіи крѣпости, судьи производятъ повальный обыскъ въ самомъ монастырѣ, чтобъ узнать, былъ ли повѣренный въ Москвѣ во время совершенія крѣпости [495]).

До судебнаго рѣшенія дѣло могло прекратиться слѣдующими двумя способами: 1) нехожденіемъ по дѣлу. По Уложенію, если истецъ не ищетъ, или отвѣтчикъ не отвѣчаетъ недѣлю, то проигрываетъ дѣло. Новоуказными статьями 11-го ноября 1685 г. этотъ срокъ измѣненъ вмѣстѣ съ другими и превращенъ въ мѣсячный, а послѣдній подтвержденъ именнымъ указомъ 27-го марта 1688 г.; 2) мировою сдѣлкою. Мировая сдѣлка могла быть по прежнему заключена во всякое время процесса: и не ходя въ судъ, и во время суда, и передъ присягою. Въ формальномъ отношеніи она нѣсколько измѣнялась, смотря по времени заключенія. Если она состоялась внѣ суда, то тяжущіеся были обязаны подать судьямъ мировыя челобитныя, за своимъ рукоприкладствомъ, и заплатить государевы пошлины. Если челобитныхъ не было подано, а судьи между тѣмъ узнаютъ, что тяжущіеся помирились и уѣхали изъ Москвы, то пошлины взыскиваются съ находящихся на лице поручителей. Если же челобитчики мирились во время судоговоренія, передъ какимъ нибудь процессуальнымъ актомъ, напр. передъ присягою, то составляли полюбовную сказку, которую подписывали и отдавали дьяку. Дьякъ скрѣплялъ ее, предъявлялъ судьямъ и прилагалъ къ дѣлу. Послѣ этого помирившимся производили допросъ, который записывался и тоже присоединялся къ дѣлу. До насъ дошелъ очень любопытный допросъ этого рода изъ конца XVII вѣка. Дѣло началось по обвиненію въ кражѣ, основанному на сношеніяхъ отвѣтчика съ извѣстнымъ воромъ. При допросѣ истецъ объявилъ, что подалъ мировую челобитную по слезной просьбѣ матери отвѣтчика, и

---

[495]) Уложеніе, глава X, ст. 163; глава XIV, ст. 2; глава XXII, ст. 11 и 12; глава XXI, ст. 47. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 74, 77, 72, 89.

рѣшительно отказался отъ иска; но въ то же время слово въ слово повторилъ свое обвиненіе, что отвѣтчикъ водится съ воромъ. Прямо въ видѣ договоровъ мировыя сдѣлки заключались только не ходя въ судъ. Тогда онѣ назывались мировыми записями и составлялись у площадныхъ подъячихъ.

Мировыя сдѣлки по уголовнымъ дѣламъ были строго запрещены и признавались недѣйствительными. Истецъ подвергался за это пенѣ, смотря по дѣлу. Новоуказными статьями 22-го января 1669 г., о татиныхъ дѣлахъ, позволено мириться съ разбойниками, но не въ самомъ разбоѣ, а только въ искѣ. Истецъ слѣд. могъ простить своему отвѣтчику пограбленное, но не могъ прекратить дѣла о грабежѣ и насиліи, ибо, по выраженію одного указа, «въ воровствѣ та челобитная не очистка». Но въ дѣйствительности мировыя сдѣлки по уголовнымъ дѣламъ нерѣдко встрѣчаются и въ это время; просьбы не принимались въ приказахъ, но записи составлялись по прежнему, и притомъ у площадныхъ подъячихъ, со всѣми обыкновенными формальностями. Низшіе же судьи, кажется, допускали и просьбы. Такъ въ 1684 году одинъ изъ жильцовъ Тихвинскаго посада заключилъ съ посадскимъ человѣкомъ полюбовную сдѣлку «въ ножевомъ рѣзаньи», послѣ чего истецъ и отвѣтчикъ подали общую мировую челобитную архимандриту Макарію. Истецъ не только отказался отъ своего иска, но обязался даже «не безчестить (отвѣтчика) и денежнымъ платежемъ не попрекать»; въ обезпеченіе чего была назначена неустойка въ десять рублей. Замѣтимъ, что за нанесеніе ранъ Уложеніе опредѣляетъ уголовное наказаніе [496]).

Судебное рѣшеніе постановлялось въ отсутствіи тяжущихся, а потомъ имъ объявлялось, кажется, безъ всякой особенной формальности, и не лично судьями, а черезъ канцелярію. Уложеніе предписываетъ рѣшать дѣла безволокитно. Новоуказными статьями это подтверждено относительно дѣлъ о колодникахъ, для

---

[496]) Уложеніе, глава X, ст. 110; глава XX, ст. 55. П. С. З. NN 1140, ст. 1, 1290. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, N 73. Уложеніе, глава X, ст. 121. П. С. З. N 1126. Старинные Акты Шуи, N 136. Уложеніе, глава XV, ст. 1; глава XXI, ст. 31. П. С. З. NN 441, 1289. А. Ю. N 276.

того, «чтобъ въ тюрьмахъ напрасно не сидѣли». Въ дѣлахъ гражданскихъ цѣль была другая: кромѣ интереса тяжущихся здѣсь былъ еще и казенный интересъ,—немедленное взысканіе пошлинныхъ денегъ. Оттого воеводамъ было велѣно присылать въ Москву какъ самые сборы, такъ и росписи судныхъ дѣлъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности. Приказные судьи, за проволочку въ рѣшеніи изъ корыстолюбивыхъ видовъ, подвергались наказанію по государеву указу. Въ формальномъ отношеніи, приговоры XVII вѣка нѣсколько отличаются отъ прежнихъ подробностію изложенія. По окончаніи всего производства составлялась перечневая выписка изъ суднаго дѣла, впрочемъ, довольно уже подробная. Здѣсь излагались вкратцѣ всѣ обстоятельства дѣла и потомъ приводились законы изъ Уложенія и новоуказныхъ статей. Выслушавъ эту выписку, судьи произносили рѣшеніе въ нѣсколькихъ словахъ и предписывали «написать изо всего суднаго дѣла приговоръ, пошлины взять по Уложенію». Краткое рѣшеніе вносилось въ дѣло подъячими, непосредственно за выпискою изъ законовъ, а потомъ излагался подробный приговоръ, слово, которымъ технически обозначалось рѣшеніе, представляющее полное развитіе дѣла. Оправданному по суду, безъ особенной просьбы съ его стороны, не выдавали никакой копіи съ рѣшенія. Въ слѣдствіе его челобитной ему выдавали правую грамоту, называвшуюся также *правою выписью*. О безсудныхъ грамотахъ въ Уложеніи не упоминается. Приговоръ и правая грамота скрѣплялись дьякомъ и подъячимъ. Когда по рѣшенію надобно было произвести какія нибудь распоряженія на мѣстѣ, то изъ приказа посылали грамоту на имя воеводы.

О послѣдствіяхъ приговора есть много постановленій. Истцу и отвѣтчику запрещено возобновлять рѣшенное дѣло, подъ страхомъ личной и денежной отвѣтственности: за вторичный искъ били батогами и взыскивали, въ пользу противника, проѣсти и волокиты. Но, какъ видно, этотъ законъ мало сдерживалъ тогдашнихъ ябедниковъ, потому что есть много подтвердительныхъ указовъ. Побужденіемъ возобновлять рѣшенныя дѣла было иногда желаніе не платить судныхъ пошлинъ. Съ этою цѣлью обвиненные подавали челобитныя о перенесеніи дѣлъ въ другіе приказы. Неизвѣстно, какіе предлоги просители выставляли въ этомъ

случаѣ, но просьбы были нерѣдки, и въ 1675 году правительство было вынуждено формально запретить ихъ. Еще чаще возобновлялись дѣла, оконченныя въ прежнія царствованія: новому государю какъ будто жаловались на рѣшеніе его предшественника. Просьбы о перевершеніи поступали не только по дѣламъ, оконченнымъ въ приказахъ, но даже и по такимъ, которыя были рѣшены именными указами. Подъ конецъ XVII вѣка было нѣсколько разъ подтверждено, чтобъ Боярская Дума не принимала жалобъ на рѣшенія приказовъ, если споръ противъ нихъ не былъ предъявленъ немедленно по составленіи приговора; челобитныя по дѣламъ, оконченнымъ именными указами прежнихъ государей, запрещены вовсе, подъ страхомъ смертной казни. Нерѣдко, впрочемъ, такія просьбы были просто обманомъ: такъ напр. послѣ московскаго пожара 1626 года, въ который въ Помѣстномъ приказѣ сгорѣли многіе документы, челобитныя по дѣламъ о помѣстьяхъ такъ умножились, что въ Уложеніи особою статьею запрещено ихъ пересматривать. Любопытно, что, при всей этой шаткости взгляда на судебныя рѣшенія, ихъ въ тоже время разсматривали иногда, какъ настоящій источникъ права. Однимъ боярскимъ приговоромъ 1692 года запрещено ссылаться на такіе приговоры, которые постановлены безъ доклада Боярской Думѣ [497]).

Содержаніе рѣшенія состояло: а) въ оправданіи или обвиненіи истца, б) опредѣленіи слѣдующаго ему вознагражденія и в) расчетѣ пошлинъ, слѣдующихъ съ обвиненнаго. Въ вознагражденіи истца судьи слѣдовали отчасти опредѣленіямъ закона, отчасти собственнымъ розысканіямъ. Цѣна, объявленная въ челобитной или въ приставной памяти, служила, какъ было замѣчено, только первымъ указаніемъ. Были случаи, когда судья былъ обязанъ непремѣнно понижать цѣну, объявленную истцемъ. Такъ было, напр., при допущеніи къ присягѣ по дѣламъ о бѣглыхъ крестья-

---

[497]) Уложеніе, глава X, ст. 15, 23. П. С. З. N 441, ст. 128, 66. — Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 100—120. Уложеніе, глава XVIII, ст. 58, 61. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I, NN 9, 23. Кавелинъ, стр. 107. Уложеніе, глава X, ст. 154; глава XV, ст. 4; глава XX, ст. 119. П. С. З. N 617. Уложеніе, глава XVII, ст. 55. П. С. З. NN 1092, 1355, 1447.

нахъ и искахъ противъ разбойниковъ: если разбойникъ не объявилъ самъ, на сколько имъ пограблено, то мѣра вознагражденія полагалась въ четверть противъ показаніи истца. Иногда взысканіе, опредѣленное судебнымъ рѣшеніемъ, простиралось, напротивъ, далѣе исковой суммы. Съ возвращеніемъ бѣглаго крестьянина вознаграждали за государевы подати и помѣщичьи доходы, не уплаченные во время бѣгства. Вмѣстѣ съ платой за убитаго крестьянина платились его кабальные долги и т. д. [198]).

Особенно важную часть взысканія составляли проѣсти и волокиты. Ихъ платилъ всякій, отъ кого произошло замедленіе процесса, а именно: 1) истецъ, за поклепный искъ, за ложное челобитье объ утайкѣ помѣстья и за вторичный искъ о томъ же предметѣ, если отвѣтчикъ былъ по суду оправданъ. Взысканіе состояло изъ гривны за каждый день во все продолженіе процесса. Послѣ Уложенія оно было увеличено до двухъ гривенъ. 2) Отвѣтчикъ платилъ проѣсти и волокиты: а) истцу, когда не давалъ по себѣ поручной записи, или, давъ ее, не являлся къ суду и получалъ зазывныя грамоты. Величина вознагражденія опредѣлялась различно. Въ первомъ случаѣ онъ платилъ по гривнѣ на день, а со времени выдачи поручной записи, по три рубля за каждый мѣсяцъ. Взысканіе производилось только за то время, въ которое отвѣтчикъ уклонялся отъ суда. Боярскимъ приговоромъ 9-го января 1651 г. велѣно было взыскивать проѣсти и волокиты за все время процесса, но за то не велѣно править ихъ тогда, когда «отвѣтчики будутъ обвинены безъ суда указною недѣлею, или инымъ какимъ безхитростнымъ случаемъ». Въ 1685 г. сдѣлано было еще облегченіе: запрещено было править проѣсть и волокиту безъ суда, по однимъ ставочнымъ челобитнымъ. Г. Кавелинъ справедливо замѣчаетъ однако, что нѣкоторое различіе между поклепными и не поклепными исками удержалось и при этихъ указахъ: по первымъ взыскивали съ самаго

---

198) Уложеніе, глава XVII, ст. 25; глава X, ст. 209, 210, 214, 219, 220, 221, 231. П. С. З. N 441, ст. 75. Уложеніе, глава X, ст. 142, 208, 215, 218, 222, 224, 233, 238, 274; глава XX, ст. 91; глава XI, ст. 25, 26; глава XXI, ст. 23, 24. П. С. З. N 441, ст. 23.—Уложеніе, глава XI, ст. 10, 21; глава XXI, ст. 71.

начала процесса, а по вторымъ только со дня подачи приставной памяти. При счетѣ дней проволочки, по Уложенію, изъ числа ихъ исключались всѣ праздничные дни, но въ 1685 г. велѣно считать и ихъ, потому что «и въ тѣ праздничные дни волокита бываетъ же». Проѣсти и волокиты во всѣхъ приказахъ опредѣлялись въ приговорѣ, но въ Помѣстномъ обыкновенно предоставляли ихъ искать судомъ тамъ, гдѣ подсуденъ отвѣтчикъ. Въ 1676 г. этотъ обычай былъ отмѣненъ и велѣно высчитывать ихъ въ приговорахъ Помѣстнаго приказа. Были лица, освобожденныя отъ уплаты этого взысканія, именно: дворцовые посадскіе люди и крестьяне и нѣкоторые инородцы: Мурзы, Татары, Мордва, Черемисы и Чуваши. За возобновленіе рѣшеннаго дѣла отвѣтчикъ платилъ проѣсти и волокиты въ такой же степени, какъ и истецъ; б) поручителямъ, когда съ нихъ было произведено за него взысканіе. 2 Поручители за отвѣтчика, по гривнѣ на день. 3) Приказные люди и судьи: дьякъ, проволочившій дѣло для посула, платилъ по двѣ гривны за день; городовый судья, не приславшій во время поручной записи, по гривнѣ въ день до присылки ея; судьи Помѣстнаго приказа челобитчику, за незаконное утвержденіе помѣстья за другимъ лицемъ, безъ допроса; третейскій судья, несправедливо рѣшившій дѣло [499]).

Судебныя пошлины въ эпоху Уложенія составляютъ цѣлую систему. Основаніемъ ея служили тѣ пошлины, которые образовались еще во время Судебника, но въ подробностяхъ многое измѣнилось. Мы видѣли, что по свидѣтельству Татищева, при Борисѣ Годуновѣ всѣ пошлины были взяты въ казну, и судьямъ велѣно было довольствоваться добровольными приношеніями. Въ Уложеніи, напротивъ, различаются пошлины въ пользу казны отъ пошлинъ въ пользу судей и канцеляріи. Первыя назывались *государевыми*. Въ составъ ихъ входили. 1) *Подписныя и печатныя пошлины*, по полуполтинѣ. Онѣ взимались за печатаніе и

---

[499]) Уложеніе, глава X, ст. 18, 154; глава XVI, ст. 26. П. С. З. NN 653, 687, 700, ст. 10. Уложеніе, глава X, ст. 139, 141, 114—119. П. С. З. NN 55, 1140, ст. 8, 633, ст. 6, 1173, 1180. Уложеніе, глава X, ст. 155, 229, 162, 163, 130. П. С. З. N 700, ст. 16. Кавелинъ, стр. 119—122.

подписаніе наказныхъ памятей, зазывныхъ, сыскныхъ и правыхъ грамотъ и, кажется, съ приставныхъ памятей. Отъ платы ихъ были освобождены, а) жители Сибири, по искамъ ихъ въ Москвѣ противъ жителей другихъ отдаленныхъ городовъ; б) московскіе стрѣльцы всѣхъ приказовъ, в) стрѣлецкіе и казачьи головы, сотники, стрѣльцы и казаки городовые, по искамъ между собою; г) англійскіе и голландскіе гости, въ дѣлахъ съ Русскими; д) бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки; е) Троице-Сергіевъ и Новоспасскій монастыри; ж) кормовые (но не помѣстные) иноземцы, «для ихъ бѣдности и иноземства». 2) Судныя пошлины, по гривнѣ съ рубля исковой суммы. Въ слѣдующихъ случаяхъ пошлины взыскивались вдвое: за представленіе лживыхъ кабалъ и записей, за потраву хлѣба или луговъ, за несправедливое и насильственное задержаніе чужаго животнаго, если оно умерло; за насильственный посѣвъ хлѣба на чужой землѣ; наконецъ за ложное челобитье о насильствѣ. За поклепные иски пошлины взыскивались втрое. Отъ уплаты ихъ были избавлены слѣдующія лица: а) стрѣльцы, въ искахъ не свыше 12 рублей; б) всѣ истцы, въ дѣлахъ съ стрѣльцами, когда искъ не превышаетъ ста рублей; в) атаманы и казаки, въ 12 рублевыхъ искахъ; д) монастыри и всѣ лица духовнаго чина; е) монастырскіе и патріаршіе крестьяне, судя потому, что о нихъ не упоминается въ росписи.

Такъ какъ эти пошлины сбирались въ пользу казны, то Уложеніемъ и новоуказными статьями запрещено судьямъ освобождать тяжущихся отъ уплаты ихъ. Во взысканіи ихъ запрещалось даже дѣлать разсрочку. Для записки ихъ въ приказахъ были особенныя книги, въ которыя подъячіе должны были записывать ихъ тотчасъ по окончаніи суда. За несоблюденіе этого ихъ били батогами у приказа [500]).

Пошлины въ пользу судей и канцеляріи были слѣдующія: 1) хоженое, десять денегъ за вызовъ въ городѣ и двѣ деньги въ

---

500) Уложеніе, глава X, ст. 117, 118; глава XVIII, ст. 31, 38, 47, 49, 51, 56, 59, 60, 63; глава X, ст. 124, 208, 210, 212, 19, 124, 126; глава XXIV, ст. 1. П. С. З. №№ 124, 205. — Уложеніе, глава X, ст. 127. П. С. З. № 1140, ст. 7. Уложеніе, глава X, ст. 128, 129.

полкахъ; по десяти денегъ съ истца и отвѣтчика за вызовъ общей правды; 2) ѣздъ, по полтинѣ за каждые сто верстъ. За вызовъ общаго свидѣтеля ѣздъ уплачивался пополамъ истцемъ и отвѣтчикомъ; но, по окончаніи суда, другую половину обвиненный отдавалъ оправданному; 3) пожелѣзное (3 деньги въ день) и прокормъ (4 деньги въ день), которые приставъ получалъ за содержаніе въ тюрьмѣ отвѣтчика или спорнаго холопа. Взысканіе производилось по окончаніи суда съ виноватаго. Указомъ 1-го марта 1658 г. эти пошлины были отмѣнены, и вмѣсто нихъ приставамъ положено жалованье; 4) пересудъ (6 алтынъ 4 деньги). О точномъ значеніи пересуда въ эпоху Уложенія трудно сдѣлать какое нибудь заключеніе. Кажется, что такъ называлась пошлина въ пользу судей не во второй только, но и въ первой инстанціи; 5) правый десятокъ, четыре деньги. Эта пошлина, по толкованію Татищева, взыскивалась въ пользу сторожа присутственнаго мѣста. Пересудъ и правый десятокъ до того слились съ судными пошлинами, что о нихъ вездѣ упоминается вмѣстѣ [501]).

Взысканіе исковъ и судныхъ пошлинъ иногда пріостанавливалось, въ уваженіе какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствъ, напр. похода, или на время четыредесятницы по кончинѣ одного изъ членовъ царскаго семейства. Отсрочка давалась, въ первомъ случаѣ, иногда по челобитью самихъ служилыхъ людей, иногда по собственному распоряженію правительства. Остановка взысканія относилась иногда ко всѣмъ суднымъ дѣламъ, иногда только къ гражданскимъ и съ исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ.

При конкурсѣ нѣсколькихъ исковъ противъ одного лица взысканіе производилось сначала въ пользу казны, потомъ иностранцевъ, и наконецъ уже Русскихъ [502]).

---

[501]) Уложеніе, глава X, ст. 144, 145, 148; глава XX, ст. 94. П. С. З. N 221. Уложеніе, глава X, ст. 116, 123, 124. Судебникъ Татищева, ст. 51, прим. (б). Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, Иванова, М. 1836, стр. 84. Кавелинъ, стр. 118. Уложеніе, глава X, ст. 136, 223 и проч.

[502]) П. С. З. NN 24, 57, 337, 629, 1259, 1407, 1488, 497, 553, 1398. — Уложеніе, глава X, ст. 275, 203.

Способы исполненія судебнаго приговора въ это время представляли много замѣчательнаго. Взысканіе по вещнымъ искамъ происходило по прежнему [503]; но исторія личнаго взысканія очень любопытна. Оно имѣло широкое примѣненіе, потому что и по вещнымъ искамъ оставалось еще, кромѣ отдачи спорнаго имущества, взыскать убытки и пошлины. Чрезъ это всякое взысканіе въ сущности было гораздо болѣе личное, чѣмъ вещное. Средствомъ личнаго взысканія былъ, по прежнему, правежъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка правительство постоянно стремилось замѣнить его вещнымъ взысканіемъ, но встрѣчало неодолимыя препятствія. Въ самомъ дѣлѣ, перемѣна была затруднительна. Сначала личное взысканіе представляло все-таки болѣе обезпеченія для заимодавца, ибо превратить въ деньги недвижимую собственность можно безъ всякаго затрудненія только при значительномъ развитіи экономическаго быта, при большой подвижности денежныхъ оборотовъ. Потомъ, когда поземельная собственность получила болѣе значенія и стала предметомъ исканій всего служилаго сословія, то препятствіемъ было другое, государственное соображеніе. При характерѣ нашей недвижимой собственности нельзя было разрѣшить ея вполнѣ свободнаго перехода. Допустить вещное взысканіе не значило ли лишить служилыхъ людей того фонда, съ котораго они служили, лишить государство хорошо вооруженныхъ людей, всегда готовыхъ защитниковъ?

Въ порядкѣ взысканія не произошло важныхъ перемѣнъ. Прежнія правила были только пополнены. Такъ, въ эпоху Судебника, избавленіе отъ правежа основывалось на жалованныхъ грамотахъ; а въ Уложеніи оно выражено въ видѣ постояннаго закона, и составляетъ привилегію двухъ высшихъ сословій. Изъ лицъ духовныхъ не ставились на правежъ выше архимандрита, а изъ свѣтскихъ, выше стольника. Сверхъ того, судя по одной

---

[503]) Уложеніе, глава X, ст. 233, 238, 244; глава XI, ст. 2, 5, 7, 9, 11, 18, 31, 34; глава XVI, ст. 22, 23, 29, 54; глава XVII, ст. 13—15, 35; глава XX, ст. 49, 51, 77, 108, 115. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 35—41. Объ исполненіи приговора, см. у Кавелина, стр. 108—113.

статьѣ Уложенія и словамъ позднѣйшаго указа, надобно думать, что всѣ вообще члены служилаго сословія, до жильцовъ включительно, пользовались во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ исковъ о безчестьѣ, правомъ ставить на правежъ вмѣсто себя людей своихъ и крестьянъ. Замѣчательно, что когда служилые люди брали отсрочки въ правежѣ для государевой службы, то вмѣстѣ съ личнымъ освобожденіемъ они избавлялись также отъ обязанности присылать на правежъ и своихъ людей. Понятно, какъ это было неудобно. Случалось, что служилый человѣкъ выпроситъ себѣ отсрочку подъ предлогомъ службы, самъ на службу не поѣдетъ, выславъ за себя сына, брата или племянника; а между тѣмъ, пользуясь привилегіей, людей своихъ въ правежу не присылаетъ, и взысканіе ни съ кого не производится. Въ предупрежденіе такихъ обмановъ велѣно не принимать въ уваженіе отсрочки, если должникъ лично не находится на службѣ, и править въ этомъ случаѣ иски безсрочно.

Отвѣтчика ставили на правежъ, когда онъ объявлялъ, что ему заплатить нечѣмъ. Для этого составлялась, на основаніи судебнаго приговора, *правежная выпись*. За тѣмъ съ должника брали поручную запись, въ томъ, что «ставиться ему за нашею порукою у такаго-то приказа или приказной избы по вся дни, и..... не заплатя тѣхъ денегъ.... ему.... до указу великого государя и до отпуску не съѣхать». Отвѣтственность поручителей, кажется, опредѣлялась различно: въ одной изъ трехъ, дошедшихъ до насъ, записей поручители обязуются заплатить искъ по кабалѣ, «и что доведется на ту кабалу росту», слѣд. не ручаются за уплату судебныхъ пошлинъ; въ другой, обѣщаютъ заплатить деньги «противъ выписи тогожъ Казеннаго приказу»; слѣд. принимаютъ на себя все вообще взысканіе; наконецъ, въ третьей, сказано неопредѣленно: «а кой изъ насъ поручиковъ по сей записи въ лицахъ будетъ, на томъ великого государя пеня, и порука, и истцовъ искъ на насъ же поручикахъ». Вѣроятно однако, что обязанность поручителей была всегда одна и таже, т. е. уплатить все вообще взысканіе. Когда отвѣтчикъ не могъ представить поручительства, то его на все время правежа задерживали въ приказѣ, подъ надзоромъ пристава. По частнымъ взысканіямъ съ преступниковъ, послѣднихъ держали въ тюрьмѣ, не отпуская ихъ на поруки и правили

на нихъ иски изъ тюрьмы; но такъ поступали только въ продолженіи пяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ должниковъ освобождали «на статные поруки». Истецъ обыкновенно присутствовалъ при правежѣ и, по свидѣтельству Татищева, платилъ за него приставамъ.

Срокъ взысканія опредѣленъ въ Уложеніи, сообразно съ указами 1558 и 1628 годовъ. За каждые сто рублей должники стояли на правежѣ цѣлый мѣсяцъ. Послѣ этого позволено было просить о переводѣ. Отсрочка давалась не болѣе, какъ на мѣсяцъ. Но были случаи, когда ея вовсе не давали, въ наказаніе за преступленіе, или за явное злоупотребленіе довѣрія, а именно: 1) если должникъ оправдывался въ неплатежѣ долга какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, пожаромъ, потопленіемъ, или разграбленіемъ имущества, и ему давали продолжительную отсрочку, а онъ, при наступленіи срока, скрывался; то искъ взыскивали съ его поручителей безъ перевода. 2) Если, по чьей либо жалобѣ, съ кого-нибудь взята опасная грамота съ заповѣдью, въ томъ, что онъ не исполнитъ своей угрозы противъ челобитчика, не убьетъ и не ранитъ его, а потомъ нанесена была рана; то взысканіе съ отвѣтчика производилось безъ всякой отсрочки. Въ этомъ случаѣ взысканіе имѣетъ характеръ наказанія: «бити его на правежѣ безо всякіе пощады не для того, что на немъ тѣ достальные деньги взяти, для того, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было такъ воровати»[504].

Послѣ правежа взысканіе падало на имущество. Въ Уложеніи кредиторамъ предоставлено болѣе обезпеченій, чѣмъ прежде. Въ началѣ XVII вѣка, было только два способа имущественнаго взысканія: 1) дворы и движимое имущество должника отдавались, по оцѣнкѣ, въ уплату иска. Изъ этого закона теперь сдѣлано исключеніе: дворы и лавки тяглыхъ посадскихъ людей, задолжавшихъ бѣломѣстцамъ, продаются тяглымъ же людямъ, а бѣломѣстцы получаютъ вырученныя деньги. 2) Если не было движимаго

---

[504]) Уложеніе, глава X, ст. 84—91. П. С. З. N 837. — Уложеніе, глава X, ст. 151. А. Ю. N 316. П. С. З. N 717. Уложеніе, глава XXI, ст. 92. П. С. З. NN 441, ст. 16, 717. Судебникъ Татищева, ст. 131, примѣч. (а). Уложеніе, глава X, ст. 261, 203, 133.

имущества, то взысканіе производилось съ людей и крестьянъ должника, въ его помѣстьяхъ и вотчинахъ. Къ этимъ двумъ способамъ теперь присоединенъ еще третій. Когда отвѣтчику нечѣмъ заплатить иска, то дозволяется взять у него пустую вотчину и передать ее истцу, по оцѣнкѣ. Если истецъ не захочетъ взять себѣ вотчину, а она благопріобрѣтенная, то ее продаютъ стороннимъ людямъ, для уплаты иска вырученными деньгами; если же вотчина родовая или выслуженная, то, прежде продажи, родственники могутъ выкупить ее, тоже по оцѣнкѣ. Деньги, оставшіяся отъ уплаты иска, отдаются отвѣтчику; а если выручки не достанетъ, то продолжается правежъ остальнаго долга. Въ этомъ законѣ вполнѣ выразились тѣ побужденія, по которымъ правительство неохотно допускало имущественное взысканіе. Изъ всѣхъ видовъ недвижимой собственности взысканіе обращено на однѣ вотчины, а не на помѣстья. Здѣсь видно желаніе оградить, сколько возможно, то частное владѣніе, на которое по преимуществу смотрѣли, какъ на средство исправной службы. По той же причинѣ изъ вотчинъ обращены на удовлетвореніе исковъ однѣ нежилыя: съ утратою ихъ вотчинникъ терялъ менѣе, и службу съ него можно было требовать по прежнему.

При невозможности удовлетворить истца такимъ способомъ, взысканіе снова переходило на лице отвѣтчика: его выдавали головою. Этому однако подвергались не всѣ. Высшихъ членовъ служилаго сословія выдавали только по искамъ о безчестьѣ; но это было простою, хотя и унизительною формальностію, имѣвшею вліяніе только на мѣстническіе счеты. По денежнымъ искамъ, изъ служилаго сословія подлежали выдачѣ только «меньшихъ чиновъ люди», да и тѣ съ большими ограниченіями. Дворянъ и дѣтей боярскихъ, кромѣ тѣхъ, «которые ходятъ въ приставахъ», не выдавали головою; стрѣльцевъ также. Вмѣсто этого у нихъ вычитали изъ денежнаго жалованья, по четыре рубля въ годъ, оставляя ихъ на одномъ хлѣбномъ жалованьѣ, до уплаты долга. Передъ выдачею, съ истца брали поручную запись, въ томъ, что ему выданнаго человѣка не убить и не изувѣчить. За убійство полагалось уголовное наказаніе. Заработка долга была настоящимъ рабствомъ, хотя и срочнымъ. Оттого всѣ формальности выдачи похожи на порядокъ записки въ приказахъ холопей и крестьянъ.

Такъ выдача головою производилась всегда изъ того приказа, въ которомъ судилось спорное дѣло. Онъ точно также наблюдалъ за положеніемъ выданныхъ головою какъ Помѣстный приказъ за состояніемъ крестьянъ у помѣщиковъ. Всѣ перемѣны въ положеніи должника совершались подъ его надзоромъ. Если напр. выданные люди бѣжатъ, то о побѣгѣ должно быть заявлено въ приказѣ. Туда же представляются они по отработкѣ урочныхъ лѣтъ. Освобожденіе изъ неволи происходило въ обыкновенномъ порядкѣ: кредиторы давали должникамъ отпускныя.

Особенно важный вопросъ составляетъ степень отвѣтственности, падавшей на семейство должника. По правилу, всякій отвѣчалъ только лично, но при выдачѣ головою измѣнялось гражданское состояніе лица, а потому отчасти терпѣла и семья. По Уложенію, въ рабство поступали только малолѣтныя дѣти отвѣтчика; о женахъ въ Уложеніи не сказано, а новоуказными статьями 1669 г. велѣно разбойниковъ выдавать головою безъ женъ.

Время заработки долга опредѣлялось его величиною. — Уложеніемъ и новоуказными статьями велѣно зачитать въ окупъ иска: мужчинамъ по пяти рублей, а женщинамъ по два съ полтиною въ годъ. Работа дѣтей, начиная съ десяти лѣтъ, полагалась по два рубля въ годъ. Недостигшіе этого возраста не работали. По смерти должника, если онъ не успѣлъ заработать своего долга, дѣти его обязаны были дожить урочные года въ неволѣ. Для лицъ, которыхъ не выдавали головою, правежъ могъ окончиться только мировою сдѣлкою съ кредиторами. Отсюда выраженіе «править безъ всякія пощады» [505]).

Доказывать неудобство такого способа взысканія было бы совершенно излишне но надобно однако указать на тѣ затрудненія, которыя особенно побудили правительство отказаться отъ личнаго взысканія. Главная цѣль правежа, — чтобъ служилые люди не теряли вотчинъ, вовсе имъ не достигалась. Личное взысканіе естественно влекло за собою ускоренную продажу имущества, или даже уступку его истцу ниже настоящей цѣны. Потомъ,

---

505) Уложеніе, глава X, ст. 262, 268, 264, 269, 204. II. С. З. № 441, ст. 16 и 22. — Уложеніе, глава X, ст. 265, 267, 268; глава XX, ст. 40; глава X, ст. 266.

такъ какъ правежъ не прекращался до совершенной уплаты долга, то очень часто, сверхъ продажи или залога имѣнія, служилые люди входили еще въ неоплатные долги; наконецъ, стояніе на правежѣ удаляло ихъ отъ хозяйственныхъ занятій. Всѣ эти причины быстро вели къ обѣднѣнію именно тѣхъ низшихъ чиновъ служилаго сословія, которые составляли самую многочисленную часть войска. Въ 1685 г. они прямо указывали на эти вредныя послѣдствія правежа и для частныхъ лицъ и для государства, выражая опасенія, чтобъ имъ «волочась по приказамъ года по два и по три.... и досталь въ конецъ не погибнуть, и великихъ государей службы не отбыть». Тяглымъ людямъ едва ли не было еще хуже: будучи бѣднѣе служилыхъ людей и не имѣя привилегій, они разбѣгались, и царскія подати не съ кого было править. Случалось и то, что, отстоявъ на правежѣ урочное время, отвѣтчики продолжали сидѣть въ приказахъ и не платили ни копѣйки, хотя имѣли всѣ средства для уплаты. Какъ долго могло тянуться взысканіе, видно изъ помѣтки на одномъ судномъ дѣлѣ XVII вѣка. Въ ней сказано, что отвѣтчикъ стоитъ на правежѣ съ 5-го сентября 1672 г. по 15-е февраля 1673 г., слѣд. цѣлыхъ полтора года, «а уплаты отъ него ничего нѣтъ». Понятно, какъ неизбѣжны были перемѣны. Онѣ начались вскорѣ послѣ Уложенія. Замѣчательно, что при нихъ правительство всегда руководилось своими собственными соображеніями, потому что, не смотря на многочисленныя жалобы, ни въ одной изъ нихъ не просили объ отмѣнѣ правежа. Онъ былъ такъ естественъ, по понятіямъ древней Россіи, что, терпя отъ его послѣдствій, челобитчики просили только или временныхъ льготъ, или средствъ предупрежденія.

Новыя мѣры были двоякаго рода. Онѣ состояли въ распространеніи случаевъ имущественнаго взысканія и въ усиленіи личной отвѣтственности должника.

Вскорѣ послѣ Уложенія вещное взысканіе было обращено и на другой родъ поземельной собственности. Въ 1656 г. велѣно, наравнѣ съ пустыми вотчинами, отдавать, по оцѣнкѣ, въ уплату исковъ и пустыя помѣстья. Выкупъ ихъ родственникамъ отвѣтчика также дозволенъ; но продажа ихъ не допущена. Они могутъ быть переданы только истцамъ или родственникамъ. Но за

то потерею пустаго помѣстья велѣно ограничивать все взыскание и потомъ отпускать отвѣтчика безъ всякой поруки. Всѣ эти мѣры подтверждены указомъ 1678 года. Вскорѣ послѣ того всѣ роды земель одинаково обращены на удовлетвореніе исковъ. Указомъ 2-го октября 1685 года велѣно, послѣ указныхъ мѣсяцевъ, подвергать описи и оцѣнкѣ какъ пустыя, такъ и жилыя вотчины и помѣстья. Для усиленія принудительныхъ мѣръ противъ должниковъ стѣснены были прежнія привилегіи. Въ 1681 г. право служилаго сословія ставить вмѣсто себя на правежъ своихъ людей и крестьянъ было оставлено только за самыми высшими чинами. Этимъ указомъ велѣно, въ случаѣ обвиненія по суду бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, держать въ Московскомъ Судномъ приказѣ (а слѣд. и подвергать правежу) ихъ повѣренныхъ. Такимъ образомъ право присылать къ правежу, кого угодно, было отнято даже у знатнѣйшихъ лицъ въ государствѣ; стольниковъ же, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, жильцовъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей велѣно держать въ приказѣ самихъ. Другою мѣрою устранено то затрудненіе, которое должно было часто встрѣчаться при выдачѣ головою, особенно по дѣламъ уголовнымъ Случалось, что выдаваемыхъ съ правежа разбойниковъ никто изъ истцовъ не хотѣлъ взять къ себѣ въ заработку долга, «для того, что они люди незнаемые». Въ этихъ случаяхъ, указомъ 18-го декабря 1683 г., велѣно неимущихъ разбойниковъ ссылать въ разные города.

Наконецъ третья мѣра, введенная новоуказными статьями, была естественнымъ послѣдствіемъ тогдашняго взгляда на семейныя отношенія. Законъ о невыдачѣ головою женъ вмѣстѣ съ мужьями не могъ всегда исполняться въ дѣйствительности. При тогдашнемъ состояніи кредита долги обыкновенно обезпечивались порукою всего семейства. Еще въ заемныхъ кабалахъ XVI в. жены писались съ мужьями. Сверхъ того нераздѣльность семьи сама по себѣ налагала нѣкоторую отвѣтственность. Оттого, не смотря на запрещеніе, жены иногда выдавались головою вмѣстѣ съ мужьями. Такъ, напр., въ 1667 г. одинъ астраханскій подъячій былъ выданъ головою за долгъ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, грузинскому царевичу Николаю Давыдовичу. О дѣтяхъ сказано въ грамотѣ, что они участвовали въ заѣмѣ своего отца; но о

женѣ этого не сказано, а потому и нѣтъ основанія предполагать, подобно Неволину, что имя ея должно было находиться въ кабалѣ. Вѣрнѣе видѣть здѣсь простое уклоненіе отъ закона, тѣмъ болѣе, что такая выдача вскорѣ была принята за правило: указомъ 14-го марта 1688 г. велѣно отдавать въ заживъ женъ съ мужьями, а мужей съ женами [506]).

Послѣ новоуказныхъ статей всѣ имущества подлежали продажѣ. Почему же личное взысканіе не только удержалось, но даже осталось на первомъ планѣ? Разумѣется, первою причиною было желаніе сохранить, по возможности, поземельную собственность, но отчасти продолженію правежа долженъ былъ также содѣйствовать тогдашній способъ удовлетворенія исковъ, при ихъ стеченіи. Въ этомъ случаѣ, какъ уже было сказано, принято было за правило удовлетворять сперва привилегированные, а потомъ простые иски. Но взысканіе однако не прекращалось за недостаткомъ имущества по уплатѣ главнаго иска. Между простыми исками не дѣлали соразмѣрнаго удовлетворенія. Каждый долгъ взыскивали вполнѣ, наблюдая только очередь между заимодавцами. Вслѣдствіе этого правежъ, для нѣкоторыхъ исковъ, оставался по прежнему единственнымъ средствомъ взысканія. Когда способы вещнаго взысканія были умножены, то изъ этого правила было допущено одно только исключеніе. При столкновеніи съ частнымъ искомъ казеннаго взысканія, пошлинныхъ денегъ за судъ, и при недостаткѣ у должника имѣнія на покрытіе того и другаго, удовлетвореніе производилось слѣдующимъ образомъ: изъ денегъ, вырученныхъ продажею помѣстья, или вотчины, сначала сполна уплачивались пошлины, а потомъ остатокъ суммы шелъ на удовлетвореніе истца; но если выручка даже не равнялась исковой суммѣ, то казна дѣлила деньги пополамъ съ истцемъ, и за тѣмъ должникъ освобождался отъ всякаго преслѣдованія. — Очередь наблюдалась и въ выдачѣ головою: если выданный былъ долженъ нѣсколькимъ лицамъ, то заживалъ у нихъ свои долги поочередно,

---

[506]) П. С. З. N 1140, стр. 693. А. А. Э. т. III, N 100. Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 97. П. С. З. NN 197, 717, 1135, 857, 1035. А. И. т. IV, N 193. Исторія Росс. Гражд. Законовъ, Неволина, томъ 1-й, стр. 105, примѣчаніе. — П. С. З. N 1285.

смотря по старшинству исковъ. Все это было послѣдствіемъ стариннаго взгляда на кредитъ. Уложеніе запрещало ростъ, считая его грѣхомъ, всѣ долги предполагались безпроцентными, а при этомъ естественно было требовать полнаго удовлетворенія для каждаго иска, ибо уплатою его заимодавцу возвращалось только данное имъ, и потому онъ представлялся благодѣтелемъ своего должника. А когда законъ ставилъ такую цѣль взысканію, то обращеніе къ лицу было неизбѣжно: надобно было всѣми мѣрами принудить должника расплатиться. Вотъ почему правежъ, при всемъ его неудобствѣ, оставался въ древней Россіи первымъ и послѣднимъ способомъ взысканія. Только Петръ Великій, совершенно измѣнивъ экономическія понятія, могъ наконецъ разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ [507].

Не смотря на бо̀льшую правильность въ судоустройствѣ и нѣсколько новыхъ законовъ, формы перехода дѣлъ во вторую инстанцію едва ли не запутаннѣе прежнихъ. Законодательство начинало видѣть въ сужденіи второй инстанціи нѣчто иное, нежели судъ между челобитчикомъ и судьею, но новыхъ формъ оно не выработало. Въ Уложеніе вошли цѣликомъ всѣ прежнія постановленія о докладѣ и аппелляціи, между тѣмъ, какъ только немногія изъ нихъ соблюдались еще въ практикѣ.

О докладѣ, въ Уложеніи и новоуказныхъ статьяхъ, сказано очень немного. Случаи его, какъ мы видѣли, не были опредѣлены. Дѣло переносилось въ высшую инстанцію въ полномъ своемъ составѣ. Вмѣстѣ съ суднымъ дѣломъ воевода обязанъ былъ прислать поручныя записи по истцѣ и отвѣтчикѣ. Если онъ не присылалъ ихъ во время, то подвергался взысканію проѣстей и волокитъ; если же оказывалось, что поручныхъ записей вовсе не было при дѣлѣ, то судья уплачивалъ истцу весь его искъ, а въ казну вносилъ судныя пошлины. При докладѣ изъ приказовъ въ Боярскую Думу, эта формальность, кажется, не соблюдалась. О способѣ рѣшенія дѣлъ, по докладу, въ Боярской Думѣ, въ 1694 году было постановлено слѣдующее: приговоры Передней палаты

---

[507]) П. С. З. №№ 197, 717, 497, 553, 1398, 441, ст. 16

подписываются подъ самымъ дѣломъ; вопросы, на которые есть указанія въ Уложеніи и новоуказныхъ статьяхъ, рѣшаются на основаніи ихъ; остальные представляются на докладъ государю.

О судѣ по аппелляціи въ Уложеніи тоже почти буквально повторены статьи Судебника. Частная жалоба по прежнему отличается отъ аппелляціонной. Къ первой можно отнести жалобы на канцелярію и на проволочку дѣла судьею изъ корысти. Ко второй относится собственно жалоба на неправильное рѣшеніе. Въ этомъ случаѣ дѣло переносилось изъ приказа въ Боярскую Думу. Пересмотръ имѣлъ здѣсь двоякое послѣдствіе. При жалобѣ на лицепріятіе, просителю давали съ судьею очную ставку и потомъ производили допросъ свидѣтелямъ, которыхъ обѣ стороны приводили въ свою пользу. Наказаніе судьѣ состояло, во первыхъ, въ тройной уплатѣ иска и судныхъ пошлинъ, во вторыхъ, въ лишеніи чести для думныхъ людей и въ торговой казни для судей низшаго званія. Если, напротивъ, жаловались только на неправильное рѣшеніе дѣла, а при пересмотрѣ его не было доказано, чтобы взятъ былъ посулъ, то судья платилъ пеню по государеву указу, а дѣло перевершалось въ Боярской Думѣ, или, въ случаѣ неполноты производства, истцу давали съ отвѣтчикомъ судъ съ головы. Гдѣ происходилъ послѣдній, неизвѣстно. Могли ли при второмъ судѣ быть представлены новыя доказательства, объ этомъ тоже нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ. Вѣроятно однако, что ихъ можно было представлять только при судѣ съ головы, потому что въ первомъ случаѣ судопроизводство приказа и Боярской Думы составляло какъ бы одно цѣлое. Челобитчикъ, за несправедливую жалобу, подвергался тому самому наказанію, какъ несправедливый судья. Эти законы очевидно были написаны для приказовъ, но одна статья Уложенія распространила ихъ и на областныхъ судей [508]).

Такимъ образомъ, по закону, аппелляціонное судопроизводство всегда было или судомъ съ судьею, или уголовнымъ процессомъ. Но въ практикѣ такъ не поступали. Вмѣсто вызова на судъ областнаго судьи, обыкновенно просто требовали въ приказъ

---

[508]) Уложеніе, глава X, ст. 130, 131.—П. С. З. № 1491.—Уложеніе, глава X, ст. 13—17, 5—10.

одно судное дѣло, и не только по жалобѣ на потворство противной сторонѣ но даже и по жалобѣ на прямое притѣсненіе отъ воеводы. Такъ, напримѣръ, въ 1672 году, по одному судному дѣлу, отвѣтчикъ подалъ челобитную на рѣшеніе вологодскаго воеводы. Въ слѣдствіе этого отъ воеводы было вытребовано все судное дѣло съ документами. Оно было разсмотрѣно во второй разъ въ приказѣ, но безъ всякаго сыска, и рѣшеніе воеводы утверждено вполнѣ. Иногда поступали еще проще: дѣло перевершалось на основаніи одной апелляціонной жалобы, и потомъ уже требовался судный списокъ. Вотъ примѣръ этого. Въ 1670 г. окольничій Волынскій билъ челомъ въ Разрядѣ на воронежскаго воеводу, за то, что при возвращеніи ему бѣглыхъ крестьянъ, онъ присудилъ ему за убытки менѣе, чѣмъ слѣдовало по закону. Разрядъ увеличилъ взысканіе на основаніи одной жалобы и потомъ уже предписалъ воеводѣ прислать судный списокъ. Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что очную ставку давали не всегда, и даже сыскъ производили только въ томъ случаѣ, когда дѣло казалось сомнительнымъ съ перваго взгляда [509]).

Что касается до формальной стороны, то въ этомъ отношеніи есть разница между жалобами на областныхъ судей и челобитьями на приказы. Въ первомъ случаѣ просьба подавалась въ Москвѣ, и проситель получалъ изъ приказа царскую грамоту къ воеводѣ, съ предписаніемъ выслать судное дѣло. Если воевода не высылалъ дѣла, то посылались, одна за другою, еще двѣ грамоты. За ослушаніе и по третьей грамотѣ, указомъ 1700 г., велѣно отписывать въ казну помѣстья и вотчины, и сверхъ того, чтобъ не было злоупотребленій, велѣно просителямъ подавать воеводамъ грамоты не иначе, какъ при свидѣтеляхъ Съ жалобою на приказы знатные челобитчики приходили сами въ Золотую палату, гдѣ думный дьякъ принималъ просьбы и вносилъ въ Переднюю палату; у лицъ низкаго званія челобитныя принимали на площади у Краснаго крыльца. Указомъ 17-го марта 1671 г. въ жалобахъ велѣно было писать, «что послѣ вершенья тѣхъ

---

[509]) Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 95—97. Воронежскіе Акты, часть 3-я, N CLXV.

дѣлъ споръ и челобитье у дѣла есть». На просьбѣ дѣлалась помѣта думнымъ дьякомъ.

Останавливалось ли исполненіе приговора въ слѣдствіе аппеляціи? Кажется, только въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ могъ представить поручителей въ уплатѣ имъ взысканія, ибо изъ одного дѣла видно, что отвѣтчикъ, не нашедшій по себѣ поруки, былъ задержанъ въ тюрьмѣ и долженъ былъ бѣжать, чтобъ подать жалобу. Впрочемъ врядъ ли это было опредѣлено закономъ [510]).

---

510) Воронежскіе Акты, часть 3, N CLXV. П. С. З. NN 1871, 1491, 636. — Списокъ съ приказныхъ дѣлъ, стр. 74.

ГЛАВА V.

ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ВЪ СУДОУСТРОЙСТВѢ.

Преобразованія Петра Великаго начались съ областнаго судоустройства. Для того, чтобы объяснить ихъ ходъ и значеніе, необходимо прежде составить себѣ понятіе о сдѣланномъ имъ раздѣленіи Россіи.

Въ 1708 г. вся Россія была раздѣлена на восемь губерній. Центрами ихъ сдѣланы главнѣйшіе города, къ которымъ приписаны другіе съ ихъ уѣздами. Этимъ главному областному управленію было сообщено нѣкоторое однообразіе, но въ подраздѣленіяхъ сохранилась прежняя неправильность. Старинные разряды не были уничтожены. Они вошли въ составъ новыхъ губерній, и даже округи ихъ остались безъ перемѣны. Оттого уѣзды не имѣли опредѣленнаго объема; напр. въ казанской губерніи, — Казань имѣла тринадцать пригородовъ, а Астрахань только четыре; Симбирскъ имѣлъ ихъ десять; въ азовской губерніи, къ городу Инсару былъ приписанъ только одинъ городъ. Прежнія административныя раздѣленія сохранились не только на дѣлѣ, но даже и по имени: въ кіевской губерніи упоминается бѣлгородскій разрядъ, въ азовской, города сѣвскаго разряда и изюмскаго полка. Позже, въ 1719 г., число губерній было увеличено до девяти, распредѣленіе городовъ между ними измѣнено, и каждая губернія раздѣлена на провинціи; прежніе городовые разряды потеряли административное значеніе, ибо при отпущеніи воеводъ держались провинціальнаго раздѣленія.

Эти безпрестанныя перемѣны объясняются недостаткомъ у правительства статистическихъ свѣдѣній, которыя необходимы для правильнаго административнаго раздѣленія. Объ этомъ есть любопытное извѣстіе въ одной изъ записокъ Татищева. «Какъ большею частію, говоритъ онъ, изъ сенаторовъ и сильныхъ людей въ губернаторы были назначены, — такъ по властолюбію или любоимѣнію, не смотря ни на порядокъ, ни на пользу, города и провинціи въ свою власть захватывали кто которые хотѣлъ, что мнѣ доказуетъ князь Меньшиковъ: Ярославль для богатаго купечества, Тверь для его свойственниковъ, въ посадѣ бывшихъ, приписалъ къ С. Петербургу; Гагаринъ – Вятку и Пермь къ Сибири, и проч».

Въ губерніяхъ были генералъ-губернаторы и губернаторы. При нихъ состояли вице-губернаторы, о значеніи которыхъ довольно трудно составить понятіе, по разнообразію поручавшихся имъ дѣлъ. Обыкновенно они были помощниками губернаторовъ, но иногда сами управляли цѣлою губерніею, и въ такомъ случаѣ носили этотъ титулъ только въ слѣдствіе меньшаго служебнаго значенія: такъ архангельскою губерніею управлялъ, кажется, вице-губернаторъ, который дѣйствовалъ тамъ совершенно самостоятельно. Иногда вице-губернаторы управляли нѣкоторыми городами губерніи; впослѣдствіи, по учрежденіи провинцій, они были иногда ихъ начальниками. Вообще названія главныхъ лицъ въ губерніяхъ были очень разнородны. Напр. начальникъ Москвы въ 1711 г. назывался. «московской губерніи управитель и оберъ-коммиссаръ», а въ 1712 г. носилъ титулъ губернатора. Съ 1711 г. губернаторы назначались по представленію Сената, съ которымъ имѣли постоянныя сношенія чрезъ особенныхъ коммиссаровъ, присылавшихся изъ каждой губерніи въ сенатскую канцелярію.

Въ уѣздныхъ городахъ были оберъ-комменданты и комменданты. Ихъ выбирали начальники губерній, «по своему разсмотрѣнію, годныхъ и умныхъ людей», а утверждалъ Сенатъ. Кажется, сначала Петръ Великій былъ вообще намѣренъ ввести военное управленіе во внутренней Россіи. Это можно заключить изъ того, что въ его указахъ до 1713 г. не говорится о другихъ городовыхъ начальникахъ, за исключеніемъ одной ингерманландской губерніи, а позже, при введеніи ландратовъ, о прежнемъ управ-

леніи было упомянуто, какъ объ отмѣненномъ. Но этотъ планъ не былъ вполнѣ исполненъ: рядомъ съ коммендантами упоминаются городскіе начальники изъ царедворцевъ и дворянъ, подъ которыми, вѣроятно, разумѣлись прежніе воеводы. Комменданты не всегда зависѣли отъ оберъ-коммендантовъ. Кажется, сначала предполагалось ввести эту зависимость, но это предположеніе никогда не было исполнено. Единственный общій случай подчиненія состоялъ въ томъ, что жалобы на коммендантовъ разсматривались начальниками губерній при участіи оберъ-коммендантовъ, какъ видно изъ указа 15-го февраля 1712 г. [511]).

Судъ принадлежалъ по прежнему областнымъ и городовымъ начальникамъ. Единственное отличіе отъ стариннаго суда состояло въ томъ, что высшая областная инстанція сдѣлалась постоянною: не было уже такаго городскаго судьи, который бы прямо зависѣлъ отъ центральныхъ учрежденій.

Въ 1713 году въ областное управленіе было внесено коллегіальное начало. Велѣно было «учинить ландраторовъ въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8». Ландраты составляли коллегію, при помощи которой начальникъ губерніи рѣшалъ всякія дѣла. Всѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ, но губернаторъ имѣлъ два голоса. Ему не велѣно было вѣдать ландратовъ, ни лично, ни по имуществу. О преступленіяхъ ихъ велѣно доносить въ Сенатъ. При вице-губернаторахъ тоже находились ландраты, но ихъ было менѣе одною четвертью; при оберъ-коммендантахъ ихъ было въ половину. Они назначались Сенатомъ, по представленію начальниковъ губерній, изъ двойнаго числа кандидатовъ. Черезъ два года ландратскому правленію было предоставлено еще болѣе участія въ областной администраціи. Вмѣсто прежнихъ военныхъ начальниковъ, оберъ коммендантовъ и коммендантовъ, указомъ 28-го января 1715 г. велѣно въ тѣ города, гдѣ нѣтъ гарнизоновъ, назначать ландратовъ «по разсужденію губернаторскому». Каждому изъ нихъ подчиненъ округъ въ 5536 дворовъ, или болѣе, смотря по удобству. Городовое ихъ управленіе едва ли не было временнымъ порученіемъ, потому

---

[511]) П. С. З. №№ 2218, 3380. Утро, литературный сборникъ, М. 1859, стр. 379. — П. С. З. 2706, 2783, 2484, 2400, 2401, 2409, 2420, 3101, 2673, 3378, 2339, 2484.

что изъ нихъ велѣно оставлять постоянно при губернаторахъ по два человѣка, съ перемѣною черезъ одинъ, или два мѣсяца, а безъ нихъ дѣла ихъ вѣдать коммиссарамъ. По окончаніи года всѣ ландраты съѣзжались къ губернатору съ отчетами. Еще прежде этого указа, въ 1714 г., ландратовъ велѣно назначать по выбору дворянъ каждой губерніи или провинціи. Это управленіе также не вездѣ было введено, ибо въ 1719 г. въ губернскихъ штатахъ встрѣчаются воеводы.

Въ тоже время сдѣлана первая попытка отдѣлить судебную власть отъ административной. Указомъ 24-го апрѣля 1713 г. было предписано: на каждую провинцію (что разумѣлось подъ этимъ словомъ рѣшить трудно, ибо раздѣленіе на провинціи введено позже) выбрать по одному ландрихтеру, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ландратскому правленію. Ландрихтеръ былъ собственно помощникомъ губернатора по судебной части. Онъ не судилъ постоянно въ своей провинціи. Обыкновенная расправа была ввѣрена ландратамъ; но если кто изъ нихъ «впадалъ въ какое прегрѣшеніе», или въ губерніи было спорное дѣло о землѣ, то губернаторъ посылалъ ландрихтера для розыска и межеванія. Въ этомъ только и состояла его обязанность: судъ надъ ландратами принадлежалъ уже самимъ губернаторамъ, вмѣстѣ съ вице-губернаторами и ландратскими правленіями. Вскорѣ, кажется, однако было предположено дать ландрихтерамъ самостоятельное положеніе. Въ 1718 г. Петръ Великій хотѣлъ, по примѣру Швеціи, внести въ управленіе полное раздѣленіе властей. При этомъ, въ каждой губерніи, предполагалось учредить особенныхъ оберъ-ландрихтера и ландрихтера, изъ которыхъ первый долженъ былъ, вѣроятно, составлять высшую инстанцію. Новый порядокъ велѣно было учредить съ 1720 г., а въ с. петербургской губерніи, въ видѣ опыта, уже съ іюля 1718 г. Но и это предположеніе врядъ-ли было исполнено, потому что въ штатахъ с. петербургской губерніи 1719 г. упоминается только объ одномъ ландрихтерѣ. О совершенной независимости этихъ судей отъ областныхъ начальниковъ, по крайней мѣрѣ низшихъ, можно заключить изъ того, что въ Табели о рангахъ 1722 г. оберъ-ландрихтеръ поставленъ въ одномъ классѣ съ воеводою. Судебная власть ландрихтеровъ и ландратовъ не была опредѣлена съ точностію. Въ

1719 г. было предписано, «чтобы они, кромѣ посредственныхъ дѣлъ въ назначенныхъ имъ городахъ не вершили, а описывались о важныхъ и многотрудныхъ и самыхъ спорныхъ дѣлахъ, особенно же о разбойныхъ» въ Юстицъ-Коллегію, къ президенту съ товарищами. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ указѣ не только отозвалась неопредѣленность выраженій прежняго періода, но даже и старинный способъ опредѣленія воеводской судебной власти. Введеніе ландрихтеровъ было, кажется, вообще временною мѣрою, ибо вскорѣ послѣ того Петръ Великій задумалъ совершенно отдѣлить судебную часть отъ административной. Временнымъ характеромъ ландрихтеровъ объясняется также ихъ различное положеніе въ разное время: въ ингерманландской губерніи, гдѣ они были задолго еще до общаго ихъ введенія, это званіе принадлежало въ 1707 г. копорскому комменданту, которому, по суду, были подчинены всѣ остальные комменданты. Онъ долженъ былъ, какъ можно чаще, объѣзжать губернію, и когда находился въ какомъ нибудь городѣ, то судилъ уже самъ, вмѣсто тамошняго комменданта. Въ 1719 г. военнымъ начальникомъ С. Петербурга былъ генералъ-губернаторъ князь Меншиковъ. Онъ командовалъ гарнизонами: петербургскимъ, котлинскимъ и шлиссельбургскимъ; но не имѣлъ никакой власти надъ уѣздами. Уѣзды этихъ городовъ состояли подъ начальствомъ особеннаго воеводы и съ нимъ ландрихтера. Тотъ и другой завѣдывали ими, кажется, на равныхъ правахъ. Иногда ландрихтеры завѣдывали денежными сборами. — Когда именно они были уничтожены, съ точностію сказать трудно; но едва ли не послѣ открытія Надворныхъ судовъ. Въ 1719 г., двумя указами, 19-го марта и 17-го апрѣля, велѣно состоять, для опредѣленія къ дѣламъ, ландрихтерамъ — въ вѣдѣніи Юстицъ-Коллегіи, а ландратамъ, Камеръ-Коллегіи. Послѣ этого они упоминаются въ одномъ Петербургѣ, и при томъ съ исключительнымъ положеніемъ [512]).

Мысль о Надворныхъ судахъ высказана Петромъ еще въ 1718 г., при учрежденіи коллегій. Она была естественна при коллегіальномъ началѣ въ центральномъ судоустройствѣ. Въ указѣ

---

[512]) П. С. З. №№ 2673, 2879, 2762, 3380, 3890, 3282, 2282, 2135, 3380, 3337, 3354.

22-го декабря было объявлено, что для правосуднаго рѣшенія челобитчиковыхъ дѣлъ вездѣ по губерніямъ, провинціямъ и городамъ будутъ учреждены суды и судьи, а надъ ними высшій Надворный судъ въ знатныхъ губерніяхъ, подъ аппелляціею Юстицъ-Коллегіи. Вскорѣ потомъ, указомъ 8-го января 1719 г., велѣно открыть Надворные суды въ слѣдующихъ восьми городахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ и Тобольскѣ. При этомъ распредѣленіи были приняты во вниманіе географическое разстояніе Надворныхъ судовъ и населенность губерній. Это видно изъ того, что во многихъ главныхъ городахъ они не были открыты, и притомъ ихъ было не по равному числу въ каждой губерніи. По всей вѣроятности, впрочемъ, это распредѣленіе было сдѣлано только на первый случай, потому что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вовсе не было судовъ, и гражданскія дѣла по прежнему судились или административною властью, или ландрихтерами.

Въ 1720 г. областное судоустройство довершено учрежденіемъ трехъ судебныхъ инстанцій: высшую составлялъ Надворный судъ, среднюю Провинціальный, а послѣднюю Нижній городовой судъ. Провинціальные суды, кажется, не вездѣ были открыты. О составѣ нижняго городоваго суда мало извѣстій. Судя по тому, что послѣ упоминается о городовыхъ *судьяхъ*, опредѣленныхъ отъ Юстицъ-Коллегіи, надобно думать, что коллегіальнаго устройства не было. Въ нѣкоторыхъ указахъ говорится о высшихъ и низшихъ Надворныхъ судахъ, но едва ли подъ низшими не разумѣлись суды провинціальные. Изъ Надворныхъ судовъ намъ извѣстенъ только составъ московскаго. Въ 1719 г. онъ состоялъ изъ трехъ полковниковъ, одного подполковника и двухъ царедворцевъ. Кромѣ суда, имъ велѣно быть вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ «во управленіи губернскихъ дѣлъ»; но послѣдній, кажется, не имѣлъ участія въ ихъ судѣ. Позже, въ 1720 г., въ московскомъ Надворномъ судѣ былъ оберъ-ландрихтеръ Иванъ Топильскій, но изъ этого не должно заключать, чтобы Надворные суды были всегда подъ предсѣдательствомъ ландрихтеровъ: за три года передъ этимъ Топильскій, въ томъ же званіи, былъ членомъ Юстицъ-Коллегіи, слѣд. его присутствіе въ Надворномъ судѣ не доказываетъ еще общей мѣры. Это было частное порученіе.

Сначала, кажется, Петръ Великій былъ намѣренъ совершенно устранить Надворные суды отъ вмѣшательства областной администраціи. Но позже, въ 1722 г., по приговору Сената, въ нихъ велѣно было присутствовать, въ качествѣ президентовъ, губернаторамъ и вице-губернаторамъ, за исключеніемъ Петербурга и Москвы, гдѣ эти суды сохранили независимый характеръ. Подчиненіе Надворныхъ судовъ областнымъ начальникамъ, вѣроятно, было вынуждено временными потребностями тогдашняго правительства; впрочемъ настоящую причину отгадать трудно, потому что указъ 7-го августа 1722 г. не извѣстенъ въ подлинникѣ [513]). Къ тому же, зависимость Надворныхъ судовъ отъ губернаторовъ не вездѣ встрѣчается и въ провинціяхъ: въ наказѣ астраханскому губернатору 1725 г. ему велѣно только смотрѣть за порядкомъ и справедливостію, не присутствуя въ судѣ и не вступаясь въ дѣла непосредственно.

О преобразованіяхъ Петра Великаго въ областномъ судоустройствѣ вообще надобно замѣтить, что они не извѣстны намъ во всѣхъ подробностяхъ, и полнаго сужденія о нихъ произнести не возможно. Не только нѣтъ никакихъ указаній на дѣятельность новыхъ учрежденій, но даже нельзя составить полнаго понятія о той системѣ, которая лежала въ ихъ основаніи. Извѣстія о нихъ разсѣяны въ отрывочныхъ указахъ, изъ которыхъ часто не видно, что̀ было кореннымъ учрежденіемъ и что̀ временною мѣрой. Инструкціи, которыя должны были получить Надворные суды и многія другія части управленія, не дошли до насъ; въ запискахъ того времени не сохранился планъ задуманной администраціи. Поэтому можно только указать на общія начала. Въ этомъ отношеніи, въ преобразованіяхъ замѣтны двѣ эпохи. Первую составляютъ ландраты и ландрихтеры, вторую Надворные суды. Сначала, повидимому, Петръ имѣлъ только намѣреніе внести коллегіальное начало въ областное управленіе, не отдѣляя отъ него судебной части. Такъ было при введеніи ландрихтеровъ. Своимъ положеніемъ при губернаторахъ они напоминаютъ тѣхъ «дворянъ у судныхъ дѣлъ», которые въ старину находились при воево-

---

513) П. С. З. №№ 3262, 3269, 3577, 3917, 3877, 3536, 3282, 5015, 4700.

дахъ большихъ городовъ. Вообще въ эту эпоху всѣ новыя мѣры были въ сущности только улучшеніемъ стараго порядка. Въ ландратскомъ правленіи соединялись два начала, которыя правительство старалось ввести въ областное управленіе еще въ концѣ XVII вѣка. Ландраты были тѣже выборные воеводскіе товарищи, но отношенія ихъ къ губернаторамъ опредѣлены точно, и оттого администрація въ самомъ дѣлѣ получила коллегіальный характеръ. Во вторую эпоху Петръ Великій совершенно отдѣлилъ судебную власть отъ административной, посредствомъ учрежденія сначала оберъ-ландрихтеровъ, а потомъ коллегіальныхъ судовъ. Но этому началу не скоро было суждено утвердиться на русской почвѣ.

Уже самъ Петръ Великій долженъ былъ измѣнить это управленіе. Въ 1722 г. провинціальные и городовые судьи, опредѣленные отъ Юстицъ-Коллегіи, были отмѣнены, всѣ судебныя дѣла переданы въ провинціяхъ воеводамъ, а «для скораго управленія и чтобъ въ дѣлахъ челобитчикамъ волокиты не было», при воеводахъ опредѣлены ассессоры изъ отставныхъ офицеровъ, или изъ дворянъ, по два человѣка. Въ отдаленныхъ уѣздныхъ городахъ, отстоявшихъ на 200 верстъ отъ провинціальнаго, устроенъ былъ особый низшій судъ: воеводы посылали туда ассессоровъ, по одному человѣку въ каждый городъ и съ нимъ 2-хъ или 3-хъ подъячихъ. Судъ имъ предоставленъ только до десяти или двадцати рублей. Дѣла выше этой суммы начинались прямо въ провинціальномъ судѣ. Съ этого времени судъ провинціальнаго воеводы составлялъ первую обыкновенную инстанцію, и только по исключенію, вторую, слѣд. всѣхъ областныхъ инстанцій было уже только двѣ, а не три. Причина, почему въ нѣкоторыхъ городахъ нужно было сохранить особенныхъ судей, заключается въ административной перемѣнѣ, совершившейся около этого времени. При первомъ преобразованіи областнаго управленія были учреждены особые начальники какъ для большихъ, такъ и для малыхъ городовъ: первыми были комменданты, вторыми оберъ-комменданты. Между ними не всегда существовали отношенія начальства и подчиненія, а потому и не всегда была третья областная инстанція; но за то почти каждый городъ, за исключеніемъ развѣ незначительныхъ, имѣлъ свое особенное начальство.

При учрежденіи ландратовъ губерніи были подраздѣлены на такіе немноголюдные участки (5536 дворовъ), что опять не было надобности учреждать особыхъ судей. Не такъ было при третьемъ преобразованіи губерній въ 1719 г. Въ это время провинціальные воеводы завѣдывали одни всѣми городами своихъ провинцій, въ уѣздахъ не было особыхъ начальниковъ. Такъ, напримѣръ, вся новгородская провинція, состоявшая изъ четырехъ городовъ и 26024 дворовъ, зависѣла отъ одного воеводы; также и тверская, въ которой было шесть городовъ и 15464 дворовъ. Разумѣется, провинціальному воеводѣ было трудно управиться на такомъ пространствѣ, но правительству не хотѣлось увеличить числа областныхъ судей. Въ 1719 г. сибирская губернія была раздѣлена на три провинціи, подъ управленіемъ вице-губернаторовъ, и никакой другой, низшей власти тамъ не было. Въ 1724 г. сибирскій губернаторъ князь Долгорукій просилъ Сенатъ опредѣлить въ его губернію одного оберъ-коммендаита, девять воеводъ и восемь камерировъ. Сенатъ велѣлъ отправить туда одиннадцать чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, но запретилъ опредѣлять изъ нихъ въ воеводы, а велѣлъ избирать изъ ихъ числа въ камериры, рентмейстеры и ассессоры Надворнаго суда. При такомъ крупномъ раздѣленіи губерній естественно была потребность въ низшей, судебной инстанціи. Отсюда сначала городовые судьи, опредѣленные отъ Юстицъ-Коллегіи, а потомъ ассессоры, назначенные отъ воеводъ. Въ учрежденіи послѣднихъ нельзя не замѣтить нѣкотораго отголоска прежнихъ административныхъ формъ: самая сумма, выше которой они не судили, напоминаетъ предѣлы судебной власти прежнихъ второстепенныхъ воеводъ. Городовые ассессоры черезъ мѣсяцъ послѣ своего учрежденія замѣнены судебными коммиссарами, которые судили до 50 рублей и состояли подъ начальствомъ воеводъ, но только въ томъ случаѣ, когда въ провинціи не было Надворнаго суда. Кѣмъ назначались эти коммиссары, не довольно ясно. Изъ сенатскаго указа 22-го сентября 1725 г. видно, что сначала они опредѣлялись самимъ Сенатомъ по представленію герольдмейстера и требованію губернаторовъ и воеводъ. Въ этомъ году Сенатъ велѣлъ герольдмейстеру назначать судебныхъ коммиссаровъ безъ

доклада. Изъ другаго сенатскаго указа 1727 г. видно, напротивъ, что коммиссары определялись местными Надворными судами.

Этимъ заключились реформы Петра Великаго въ областномъ судоустройствѣ. Сдѣлавъ необходимую уступку современному состоянію общества, онъ не рѣшился однако вполнѣ отступить отъ своихъ началъ и удержалъ, между областными судебными инстанціями, одну совершенно отдѣльную отъ высшей административной. Препятствіе, о которое сокрушилась новое управленіе, вело свое происхожденіе изъ старыхъ понятій XVII вѣка. Это было кормленіе, и прежде мѣшавшее всякимъ попыткамъ правительства устранить невыгоды личнаго произвола полновластныхъ чиновниковъ. Кормленіе не замедлило предъявить свои права на новыя должности, не смотря на ихъ государственный характеръ. Еще въ 1716 году Петръ Великій предписывалъ назначать въ ландраты по преимуществу армейскихъ офицеровъ, отставленныхъ за ранами, или по старости, и особенно бѣдныхъ, «ибо не безъ грѣха есть въ томъ, что такіе, которые служили много, тѣ забыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили, тѣ многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное». Вѣроятно, для устраненія этихъ «губернаторскихъ прихотей» Сенатъ долженъ былъ утверждать почти всѣхъ чиновниковъ. Но это не помогало: кормленіе проникало чрезъ всѣ преграды. Посошковъ расказываетъ, что подъ конецъ царствованія Петра два дворянина, братья Чоглоковы, нигдѣ не бывши на службѣ, «какимъ-то случаемъ добились въ судьи, и одинъ сидѣлъ на Устюжнѣ Желѣзной судьею годы съ три и больше, а другой братъ сидѣлъ въ Вышнемъ Волочкѣ, и сказывали о себѣ высоко, будто они по имянному Его Императорскаго Величества указу въ судьи пожалованы. И того ради всякъ ихъ боялся, и на кого ни нападутъ, всякъ имъ уступалъ, и передъ ними не смѣли никто и слова вымолвить». Прежній взглядъ сохранился даже въ техническомъ словѣ, которымъ обозначалась гражданская служба: Посошковъ говоритъ, что многіе дворяне живутъ у *наживочныхъ дѣлъ*. Естественно, что при такихъ понятіяхъ служилыхъ людей,

превратившихся въ чиновниковъ, новыя начала администраціи приносили иногда положительный вредъ вмѣсто пользы. Къ числу важнѣйшихъ неудобствъ принадлежали многочисленность областныхъ начальниковъ и различная ихъ зависимость. Каждая губернія была наполнена множествомъ служащихъ. Это было и невыгодно и для правительства, которому, при тогдашнихъ его средствахъ, трудно было всѣмъ давать жалованье, и до крайности тягостно для народа. Въ 1727 году Верховный Тайный Совѣтъ говорилъ въ своемъ указѣ: «умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной, понеже вмѣсто того, что прежде сего къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ своихъ, нынѣ къ 10, и можетъ быть и больше, а всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдной народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ». Столь же невыгодно было и то, что при раздѣленіи властей областные чиновники зависѣли отъ разныхъ вѣдомствъ, а потому и найти на нихъ скорую управу было довольно трудно. Губернатору, конечно, былъ предоставленъ надзоръ за всѣмъ, что происходило въ губерніи, но такъ какъ онъ долженъ былъ доносить о злоупотребленіяхъ Сенату, то въ этомъ проходило не мало времени, и власть каждаго, даже мелкаго чиновника почти не знала преграды. Въ 1727 г. князь Долгорукій доносилъ Сенату, что судебные коммиссары берутъ по дистриктамъ взятки, пытаютъ и бьютъ кнутомъ по розыскамъ противозаконно, одинъ изъ нихъ отпустилъ церковнаго вора, послѣ чего погорѣла церковь. Надворный судъ, которому обыватели приносили жалобы, не чинилъ резолюціи, и губернаторъ долженъ былъ нарушить законный порядокъ инстанцій и перенести слѣдствіе въ свою канцелярію. Изъ этихъ свидѣтельствъ очевидно, что областныя учрежденія Петра не вынесли столкновенія съ жизнію, но, измѣняя ихъ сообразно требованіямъ вѣка, правительство могло однако сохранить то, что въ нихъ приходилось по времени, однообразіе, относительную простоту формъ. Оно этого не сдѣлало. Въ политическихъ смутахъ, начавшихся послѣ кон-

чины Петра Великаго, затерялась основная мысль его преобразованiй, и дѣйствуя одними частными мѣрами, правительство до Екатерины II нечувствительно возвращалось къ преданiямъ XVII вѣка [514]).

Окончательная отмѣна петровскихъ учрежденiй началась уже при Екатеринѣ I. Прежде всего были уничтожены судебные коммиссары. Поводомъ къ тому послужило самое стѣсненiе ихъ суда незначительною суммою. Въ слѣдствiе этого въ провинцiальный городъ стекалось такое множество дѣлъ, что не было никакой возможности разрѣшать ихъ въ скорости. Поэтому Верховный Тайный Совѣтъ велѣлъ въ 1726 году назначить особыхъ воеводъ во всѣ тѣ города, гдѣ они бывали прежде, и предоставить имъ расправу во всѣхъ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ, безъ всякаго ограниченiя. Аппелляцiя на нихъ поступала къ провинцiальнымъ воеводамъ, а жалобы на послѣднихъ въ Надворные суды. Этимъ въ областномъ судоустройствѣ опять возстановлены три инстанцiи. Судебные коммиссары не вездѣ были однако уничтожены. Въ томъ же году они встрѣчаются въ ревельской губернiи, а въ Сибири упоминаются еще въ 1727 году, когда, по представленiю губернатора, они были замѣнены въ дистриктахъ городовыми воеводами.

Коренное преобразованiе введено указомъ 24-го февраля 1727 г. Всѣ отдѣльныя областныя вѣдомства были уничтожены, въ томъ числѣ и Надворные суды. Судъ во всякихъ дѣлахъ, и даже между крестьянами привилегированныхъ вѣдомствъ, переданъ губернаторамъ и воеводамъ. Въ помощь имъ опредѣлены отставные штабъ-офицеры, но, кажется, назначенные только для финансовыхъ дѣлъ, потому что объ участiи ихъ въ судѣ не сказано. Аппелляцiя на губернаторовъ поступала въ Юстицъ-Коллегiю.

Въ административномъ раздѣленiи Россiи сдѣлана перемѣна. Число губернiй увеличено; когда именно, неизвѣстно; въ росписанiи ихъ при императрицѣ Аннѣ встрѣчаются такiя, которыхъ

---

[514]) П. С. З. №№ 3196, 3201, 3380, 4606, 4880, 3003. Посошковъ, книга о скудости и о богатствѣ, стр. 93. П. С. З. №№ 5017, п. 10, 5015.

не было прежде. При раздѣленіи на провинціи принималось, кажется, въ соображеніе болѣе населенность губерніи, нежели ея пространство. Сибирская губернія, напр., раздѣлялась на три провинціи, а московская на десять. Раздѣленіе городовъ на разряды еще оставалось. Напр. въ одномъ сенатскомъ указѣ 1740 г. упоминается о городахъ тобольскаго разряда. Губернаторы опредѣлялись, по прежнему, государемъ по представленію Сената, а иногда и безъ всякаго представленія. Послѣднимъ способомъ, по преимуществу, назначались генералъ-губернаторы. Управленіе губерніями ввѣрялось безразлично: генералъ-губернатору, губернатору, или вице-губернатору, и административныя права не зависѣли отъ титула. Титулъ былъ только почетомъ для лица или для губерніи. Напр. до 1739 года Москвою управлялъ вице-губернаторъ князь Юсуповъ, но въ этомъ году, по поводу разныхъ безпорядковъ, императрица рѣшила: «Москву, яко первую и главнѣйшую въ государствѣ губернію, генералъ-губернаторомъ паки снабдить», и туда назначенъ былъ генералъ-фельдмаршалъ князь Трубецкой. На отношенія къ нему вице-губернатора нѣтъ никакихъ указаній. Вѣроятно, что онъ сдѣлался его товарищемъ. Единственное преимущество генералъ-губернатора состояло въ томъ, что ему велѣно присутствовать въ сенатской конторѣ, потому что въ Петербургѣ онъ присутствовалъ въ Сенатѣ. Въ 1740 г. въ Москвѣ былъ опять князь Юсуповъ, съ званіемъ губернатора. Онъ получилъ чинъ въ теченіи этого времени, а потому и мѣсто его по названію стало выше. Въ петербургской губерніи одно время вовсе не было губернскаго начальника. Уѣзды подчинялись непосредственно центральнымъ учрежденіямъ, а судебныя дѣла петербургскаго уѣзда прямо начинались въ Юстицъ-Коллегіи. Это смѣшеніе инстанцій произошло вслѣдствіе закрытія Надворныхъ судовъ. Петръ II, въ началѣ своего царствованія, замѣтилъ этотъ недостатокъ и велѣлъ учредить для суда въ Ингерманландіи одного воеводу съ двумя товарищами, подчинивъ ихъ Юстицъ-Коллегіи. Но при императрицѣ Аннѣ ихъ уже не было. Судныя дѣла вѣдались въ Юстицъ-Коллегіи, а розыскныя въ полиціймейстерской канцеляріи. Въ 1732 г. и послѣдния перенесены въ Юстицъ-Коллегію, но не на долго. Черезъ три года обремененіе дѣлами заставило Коллегію войти въ Сенатъ съ докладомъ, что

по множеству дѣлъ ей невозможно разрѣшать ихъ удовлетворительно, и проситъ поэтому объ учрежденіи низшей инстанціи. Сенатъ хотѣлъ открыть въ Петербургѣ Сыскной приказъ, по примѣру Москвы, но резолюціею кабинетъ-министровъ велѣно было учредить воеводскую канцелярію. Только черезъ три года въ воеводскую канцелярію былъ опредѣленъ вице-губернаторъ, вслѣдствіе чего она переименована въ губернскую, а воевода занялъ мѣсто вице-губернаторскаго товарища. Неизвѣстно, былъ-ли новый начальникъ второю судебною инстанціею для всей губерніи, или ее по прежнему составляла Юстицъ-Коллегія. Въ этомъ сліяніи въ ней центральнаго характера съ мѣстнымъ нельзя не замѣтить остатка старинной русской администраціи.

Вице-губернаторы въ губерніяхъ сохранили прежнее значеніе. Они большею частію управляли провинціями. Въ Сибири, при Аннѣ Іоанновнѣ, иркутскій вице-губернаторъ имѣлъ власть самостоятельную, наравнѣ съ сибирскимъ губернаторомъ. [515]).

При губернаторахъ находились губернскія канцеляріи, которыя сначала были немногочисленны. Такъ напр., по штатамъ 1726 года, въ каждой губернской и провинціальной канцеляріи должны были находиться: одинъ секретарь, четыре канцеляриста, восемь копіистовъ и три сторожа. Впослѣдствіи, въ ней были еще губернаторскіе товарищи, которыхъ стали назначать съ 1727 года, т. е. съ указа о штабъ-офицерахъ. Въ столицахъ ихъ было по нѣскольку. Напр. въ 1739 году въ помощь московскому вице-губернатору опредѣлены были четыре совѣтника. Въ началѣ царствованія Екатерины II, при каждомъ губернаторѣ полагались два товарища и три секретаря, сверхъ того увеличился и составъ канцеляріи. Въ Москвѣ и Петербургѣ губернскія канцеляріи были еще многочисленнѣе, потому что при нихъ состояли розыскныя экспедиціи. Канцелярскіе чиновники со времени Петра Великаго назначались Сенатомъ по требованію губернаторовъ, изъ числа дворянъ, представленныхъ герольдмейстеромъ. При Елисаветѣ канцеляріямъ дано право отрѣшать самимъ своихъ чиновниковъ. Канцелярскихъ служителей назначали губернаторы и воеводы. За-

---

515) П. С. З. №№ 4929, 4866, (Книга штатовъ), 5015, 6223, (Книга штатовъ), 5017, 6866, 7819, 8218, 7815, 7819, 8350, 5157, 6876.

прещено было выбирать въ канцеляристы изъ купечества, какъ прежде подъячихъ изъ тяглыхъ людей. Любопытно, что служба ихъ иногда имѣла видъ повинности. Изъ указа 26-го марта 1740 года видно, что ярославское купечество было до этого времени обязано ставить счетчиковъ въ провинціальную канцелярію [516].

Большую часть дѣлъ губернаторы судили вмѣстѣ съ канцеляріями. Наказомъ 1728 года имъ предоставлено право какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго суда, безъ всякаго ограниченія. Даже государственныя преступленія они судили окончательно, имѣя право приговаривать къ ссылкѣ на галеры или въ каторжную работу; только эти дѣла они должны были кончать въ опредѣленный срокъ, отъ двухъ недѣль до мѣсяца. Полная передача губернаторамъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ сдѣлана при Петрѣ II. До него о государственныхъ преступникахъ они докладывали Юстицъ-Коллегіи. Административная власть ихъ была еще значительнѣе. Подобно стариннымъ воеводамъ, въ Сибири губернскія канцеляріи жаловали разночинцевъ въ дворяне и дѣти боярскія. Запрещеніе послѣдовало только при императрицѣ Елисаветѣ. Кромѣ общихъ губернскихъ дѣлъ, губернаторы имѣли въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи нѣкоторые города. Это введено еще Петромъ Великимъ и потомъ соблюдалось постоянно. Прямая зависимость отъ губернской канцеляріи была для городовъ немаловажною привилегіею. Саратовъ, по росписанію 1719 года, былъ приписанъ къ астраханской губерніи, но въ 1728 г. тамъ была зараза, и для прекращенія сношеній онъ былъ подчиненъ казанской и симбирской провинціи. Купечество очень тяготилось этимъ, потому что, не смотря на перемѣну въ зависимости, астраханская губернская канцелярія продолжала требовать прямо отъ ратуши рапортовъ о таможенныхъ сборахъ. Поэтому въ 1739 г., по просьбѣ купцевъ, Саратовъ былъ опять подчиненъ одной астраханской канцеляріи. Кромѣ извѣстныхъ частей губерніи, отдѣльныя лица были также подчиняемы губернскимъ канцеляріямъ, въ видѣ при-

---

516) П. С. З. NN 4866, (Книга штатовъ), 6870, 7815, 11991, (Книга штатовъ, стр. 68—69), 7333, 9298, 7620, 8045.

вилегіи., Въ нихъ напр., судились гвардейскіе офицеры и солдаты во время отпуска. Были и мѣстныя исключенія подобнаго рода [517]).

Отношенія канцеляріи къ губернатору были часто бюрократическія. Дѣла особенной важности поручались ему одному; напр. однодворческіе крестьяне были подчинены собственно губернаторамъ, а не ихъ канцеляріямъ. Но съ теченіемъ времени эти отношенія нѣсколько измѣнились, хотя правительство неоднократно повторяло, что канцеляріи «въ точной губернаторской дирекціи состоять имѣютъ». При многочисленности дѣлъ онѣ получили значеніе особыхъ, хотя и подчиненныхъ мѣстъ. Губернаторы начали сноситься съ ними указами и не всегда лично въ нихъ присутствовали. Только при Екатеринѣ II личное присутствіе вмѣнено имъ въ обязанность, особенно по такимъ дѣламъ, которыя сопряжены съ казеннымъ интересомъ. При этомъ имъ запрещено посылать въ канцеляріи указы, или требовать отъ нихъ рапортовъ. Любопытно, что иногда губернскія канцеляріи считали себя почти самостоятельными мѣстами. Въ 1759 г. воронежскому губернатору было предписано распредѣлить однодворческія селенія по дистриктамъ и назначить туда управителей; но когда онъ предписалъ канцеляріи распорядиться отправленіемъ въ провинціи его указовъ, то никакой резолюціи не было ею постановлено, потому что вице-губернаторъ и губернаторскій товарищъ утверждали будто бы однодворцы подчинены не одному губернатору, но всей канцеляріи. Сенатъ не подтвердилъ ихъ притязаній. Это столкновеніе очень замѣчательно. Оно доказываетъ, что кратковременное существованіе въ губерніяхъ коллегіальнаго управленія не прошло безъ слѣда. Отголоски прежняго порядка слышны даже въ смѣнившихъ его бюрократическихъ учрежденіяхъ. Прежній характеръ губернскихъ канцелярій возстановленъ императрицею Екатериною II, въ изданномъ его наставленіи губернаторамъ 1764 года. Ею же потомъ опредѣленъ порядокъ сношеній губернаторовъ съ губернскими канцеляріями, на тотъ случай, когда первые не могутъ быть въ общемъ засѣданіи. Канцеляріямъ велѣно сно-

---

[517]) П. С. З. №№ 5218, 5333, 9256, 3380, стр. 710, 3146.

ситься съ ними меморіями, а губернаторамъ предложеніями. Въ отсутствіе губернаторовъ изъ губернскаго города, канцеляріи должны были посылать имъ рапорты

Нѣкоторыя губернскія канцеляріи раздѣлялись на департаменты. Такъ, напр., при слободской находился, для размежеванія земель, вотчинный департаментъ, подчиненный Межевой Канцеляріи. Въ губернскомъ городѣ губернатору были подчинены въ судебномъ отношеніи: 1) ратуша, 2) въ Петербургѣ—Розыскная экспедиція, въ Москвѣ—Розыскной приказъ, а потомъ экспедиція, и Раскольническая контора. — Въ города, непосредственно подчиненные губернскимъ канцеляріямъ, назначались иногда коммендапты съ гражданскими правленіями [518]).

Вторую и третью административныя инстанціи въ губерніяхъ составляли провинціальные и городовые воеводы Нигдѣ, можетъ быть, нѣтъ такаго рѣзкаго, наглядного возвращенія къ формамъ древней Россіи. Здѣсь не только повторяется старый взглядъ на администрацію, но, въ добавокъ, онъ даже нисколько не смягченъ новыми понятіями, какъ въ губернскомъ вѣдомствѣ. Указомъ 1726 года, которымъ было возстановлено прежнее областное судоустройство, было велѣно послать воеводъ во всѣ тѣ города, гдѣ они были прежде Этимъ предписаніемъ однимъ словомъ было внесено самое странное смѣшеніе въ низшее областное управленіе. При Петрѣ Великомъ воеводы, съ немногими исключеніями, были въ однихъ провинціяхъ, теперь они снова появились не только въ уѣздныхъ городахъ, но даже и въ пригородкахъ, безъ всякой правильности въ ихъ распредѣленіи. Мы видѣли, что города, какъ Саратовъ, не имѣли особыхъ начальниковъ, а между тѣмъ самые незначительные, иногда даже безъуѣздные, получили ихъ по этому указу, на томъ основаніи, что имѣли ихъ прежде. Къ тому же, и послѣднее обстоятельство не всегда было съ точностію извѣстно. Напр. въ городъ Елатьму былъ назначенъ при Петрѣ II воевода Ермоловъ. Онъ вскорѣ началъ брать взятки, дѣлалъ разныя притѣсненія, наконецъ самовольно запечаталъ въ ратушѣ ящики таможеннаго и питейнаго сбора, отчего въ по-

---

[518]) П. С. З. NN 7963, 1270, 1098, 12137, ст. 2, 12824, 12995, 5333, п. 10, 11871, 11989, 14085.

купкѣ хлѣба произошла остановка. Сенатъ предписалъ воронежскому вице-губернатору произвести слѣдствіе. Воевода, какъ скоро узналъ объ этомъ, тотчасъ бѣжалъ изъ города, и тогда посадскіе люди съ своимъ земскимъ старостой подали просьбу въ Сенатъ о приписаніи Елатьмы къ шацкой провинціи, потому что, по словамъ ихъ, въ этомъ городѣ не было ни служилыхъ людей, ни разночинцевъ, а только одни посадскіе люди. Сенатъ справился въ Герольдмейстерской конторѣ, бывали-ли прежде въ Елатьмѣ воеводы; но Контора не нашла у себя никакихъ указаній. Городъ былъ приписанъ къ шацкой провинціи, а воеводу велѣно сыскать и представить въ Сенатъ, чтобы тамъ взять съ него сказку о немедленной явкѣ къ слѣдствію въ губернскую канцелярію. Между тѣмъ, въ видѣ понудительной мѣры, конфисковано на время его имущество. Къ этой несообразности управленія съ относительнымъ значеніемъ городовъ присоединялось еще другое неудобство. Какъ скоро воеводъ стали назначать по старому порядку, прежнія административныя раздѣленія начали сталкиваться съ новыми, и не имѣя общаго плана въ своемъ управленіи, правительство не знало, которому отдать преимущество. При первомъ назначеніи городовыхъ воеводъ раздѣленіе на провинціи какъ будто было позабыто, ибо хотя провинціальные воеводы и существовали, однако зависимость городовыхъ воеводъ распредѣлена не по провинціямъ, а по разрядамъ. Указомъ 31-го марта 1731 года пригородные воеводы, назначавшіеся въ XVII вѣкѣ не изъ Разряда, а изъ главныхъ городовъ, были подчинены не провинціальнымъ воеводамъ, но тѣмъ, которые управляли «настоящими городами». Это было такъ неудобно, что уже въ слѣдующемъ году надобно было возстановить зависимость городовыхъ воеводъ отъ провинціальныхъ. Но совершенно правильное раздѣленіе долго не могло водвориться, по той причинѣ, что самая цѣль воеводскаго управленія была отчасти такая же, какъ въ XVII вѣкѣ. Воеводы не получали жалованья, а потому для доставленія имъ доходовъ къ ихъ городамъ приписывали иногда уѣзды безъ всякой надобности. Вь слѣдствіе этого, въ началѣ царствованія Екатерины II, уѣздные города иногда находились всего въ 20 верстахъ одинъ отъ другаго, что при тогдашней малонаселенности

было слишкомъ близко. По той же причинѣ, т. е. для кормленія, воеводы часто назначались и въ заштатные, безъуѣздные города. Жалованье воеводамъ введено уже при Екатеринѣ Великой.

Административные пріемы XVII вѣка возвратились какъ въ способъ опредѣленія воеводъ, такъ и въ мѣры относительно ихъ управленія. Обыкновенно, какъ въ провинціи, такъ и въ города ихъ назначалъ Сенатъ; но были исключенія. Такъ, въ 1727 году, велѣно было въ прежніе дворцовые города, гдѣ нѣтъ ни помѣщиковъ, ни синодальныхъ кресьянъ, и которые состоятъ въ завѣдываніи Дворцовой канцеляріи, посылать воеводъ изъ этой канцеляріи, а не изъ Сената. Въ 1731 году городъ Скопинъ отданъ въ вѣдомство Конюшеннаго приказа, не велѣно посылать туда особенныхъ воеводъ, и всѣ подушные сборы возложены на пашенныхъ управителей, которые доставляли ихъ провинціальному воеводѣ. Обыкновенный способъ назначенія былъ тотъ же, какъ при Петрѣ Великомъ. Въ 1733 г. велѣно было представлять избранныхъ воеводъ въ Кабинетѣ Министровъ; но черезъ годъ выборъ по прежнему предоставленъ Сенату. Послѣ, въ тоже царствованіе, этотъ законъ былъ, кажется, возобновленъ; окончательно онъ былъ отмѣненъ только при Елисаветѣ Петровнѣ. Представленіе кандидатовъ дѣлалось сначала за четыре мѣсяца до срока, а потомъ, съ 1762 года, за годъ. Въ царствованіе Екатерины II этотъ порядокъ, кажется, не всегда уже соблюдался: представленіе дѣлалось иногда отъ губернатора. При назначеніи въ воеводы предписано было обращать вниманіе на ихъ нравственность. У опредѣляемыхъ брали, по указу 1761 г., сказки, что «до нихъ казенныхъ и челобитчиковыхъ, кромѣ обыкновенныхъ тяжебъ и дѣлъ, нигдѣ не касается». Въ то же время Сенатъ наводилъ справку, нѣтъ ли на такомъ лицѣ начетовъ по прежней службѣ, и вообще не замѣчено ли за нимъ упущеній. Запрещалось опредѣлять находящихся подъ слѣдствіемъ. При Екатеринѣ II запрещено опредѣлять въ воеводы прокуроровъ. Такъ, повидимому, строго смотрѣли на воеводское званіе. Были однако отступленія, остатокъ стараго быта. Къ числу ихъ принадлежитъ, напр., назначеніе въ отдаленные города государственныхъ преступниковъ. Ссылая въ 1730 году князей Долгорукихъ, императрица Анна велѣла двоихъ изъ нихъ опредѣлить воево-

дами въ отдаленные города. Въ 1731 году Скорняковъ-Писаревъ, сосланный въ Сибирь при Петрѣ II-мъ, былъ опредѣленъ начальникомъ Охотска. Въ то же время Сенатъ предписалъ ссылать въ Охотскъ всѣхъ осужденныхъ на каторгу, или на долговременную заработку частныхъ долговъ, и тамъ содержать ихъ на казенный счетъ, употребляя на различную работу, ремесленную и земледѣльческую. Надзоръ за ними порученъ Писареву. Такимъ образомъ и глава города и его жители были изъ числа преступниковъ.

Сроки областнаго управленія, не существовавшіе при Петрѣ Великомъ, были возобновлены при Аннѣ Іоанновнѣ, въ царствованіе которой особенно замѣтно возвращеніе къ старому времени. Когда, въ 1730 г., въ Сенатѣ оказалось много жалобъ на областное управленіе, то было велѣно посылать воеводъ по прежнему на два года. По окончаніи срока воеводы являлись въ Сенатъ съ отчетами; исправныхъ позволено опредѣлять снова, если только въ теченіи года на нихъ не будетъ челобитчиковъ. Въ 1744 г. изъ этого правила сдѣлано исключеніе для Сибири. Такъ какъ до Петра Великаго сибирскіе воеводы назначались на пять и на шесть лѣтъ, по отдаленности края, то Сибирскій приказъ не зналъ, слѣдовать ли ему прежнимъ указамъ, или указу 1730 года. Сенатъ разрѣшилъ посылать воеводъ на три года. Всѣ эти законы соблюдались не очень строго. Многіе воеводы жили по городамъ безпеременно. Изъ этого возникали разныя неудобства. Одни, отдаляясь отъ своихъ домовъ и деревень, не могли заниматься хозяйствомъ, другіе, подъ предлогомъ воеводской должности, уклонялись отъ военной и гражданской службы. Въ слѣдствіе этого, въ 1760 году Сенатъ велѣлъ смѣнять воеводъ непремѣнно черезъ пять лѣтъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда областные жители сами просятъ объ оставленіи у нихъ начальника, но просьба объ этомъ должна быть подана въ первую четверть послѣдняго года. Случались также и просьбы о смѣнѣ, съ указаніемъ на то лице, котораго желаютъ вмѣсто прежняго воеводы.

Воевода долженъ былъ явиться въ срокъ къ мѣсту своего назначенія, и если опаздывалъ безъ законной причины, то подвергался штрафу. Срокомъ прибытія полагалось 1-го января,

потому что съ этого времени начинались новые счеты. Въ случаѣ неявки новаго воеводы Сенатъ оставлялъ стараго еще на одинъ годъ. Смѣненный воевода обязанъ былъ не уѣзжать изъ города, не сведя прежде счетовъ.

Нѣкоторыя изъ другихъ постановленій XVII вѣка тоже оставались въ полной силѣ. На основаніи указа 5-го марта 1672 г. воеводъ не посылали въ тѣ провинціи, гдѣ у нихъ были деревни. Это запрещеніе было отмѣнено уже Екатериною II, по докладу Сената. Другая мѣра предосторожности, отмѣненная въ 1765 г., возникла при императрицѣ Аннѣ. Указомъ 23-го іюня 1740 г. было запрещено всѣмъ областнымъ начальникамъ покупать, или принимать въ закладъ, недвижимыя имѣнія, а также брать заемныя письма въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они управляютъ [519]).

Воеводскіе товарищи, съ указа 1722 г., назывались также ассессорами Они назначались тоже Сенатомъ по представленію Герольдмейстерской конторы; но въ случаѣ смерти воеводы, или его товарища, для безостановочнаго теченія дѣлъ, указомъ 19-го іюля 1737 года, велѣно губернаторамъ опредѣлять на ихъ мѣсто другихъ и потомъ доносить о томъ Сенату. Въ провинціяхъ и уѣздныхъ городахъ товарищъ, около половины XVIII вѣка, всегда былъ одинъ; прежде ихъ встрѣчается болѣе. Сроковъ для ихъ службы, кажется, не было. Отношенія ихъ къ воеводамъ сохранили прежнюю неопредѣленность.

При воеводѣ находился секретарь. Въ царствованіе Петра Великаго число воеводскихъ секретарей не было опредѣлено. По штатамъ 1726 года, при каждомъ областномъ начальникѣ положено по одному. Послѣ въ губерніяхъ было по три секретаря, а въ провинціяхъ и уѣздахъ, по одному, за исключеніемъ Остзейскаго края, гдѣ ихъ было по два при каждомъ провинціальномъ и уѣздномъ начальникѣ. Замѣчательно, что при Петрѣ II на этихъ секретарей смотрѣли совершенно также, какъ на дьяковъ прош-

---

[519]) П. С. З. NN 5477, 4999, 5053, 5333, 12539, 5053, 5722, 7328, 11476, 13708, 6384, 6553, 6522, 8865, 11476, 11223, 5532, 5753, 5522, 8967, 11131, 9084, 13047, 6553, 9084, 10278, 12181, 8145, 12554.

лаго времени. Указомъ 20-го марта 1727 года велѣно было положить жалованье только секретарямъ, завѣдывающимъ такими дѣлами, за которыя давали жалованье до 1700 г.; гдѣ же дьяки не получали его прежде, и теперь секретари должны были довольствоваться доходами отъ просителей. Въ тоже время секретари были отмѣнены во всѣхъ городахъ, гдѣ при воеводахъ не было дьяковъ, хотя бы эти города были теперь провинціальными. Вмѣсто ихъ, губернаторамъ разрѣшено, по своему разсмотрѣнію, назначать подъячихъ съ приписью. Въ небольшихъ городахъ не было и подъячихъ. Въ 1728 году этотъ указъ былъ однако отмѣненъ, какъ совершенно несогласный съ новымъ административнымъ раздѣленіемъ Россіи. Секретари назначены ко всѣмъ провинціальнымъ воеводамъ, а въ уѣздныхъ городахъ, напротивъ, отмѣнены, даже если бы прежде тамъ были дьяки. Секретари опредѣлялись сначала Сенатомъ, потомъ Кабинетомъ Министровъ, потомъ опять Сенатомъ, по представленію Герольдмейстерской конторы; однимъ словомъ, къ нимъ были отнесены всѣ законы объ опредѣленіи воеводъ. Къ отчету они являлись въ Сенатъ вмѣстѣ съ воеводами. Подъячіе съ приписью остались и послѣ указа 1728 года, но губернаторамъ было запрещено повышать ихъ въ секретари.

Подъ начальствомъ секретаря было нѣсколько канцеляристовъ. Канцелярія раздѣлялась, по роду дѣлъ, на повытья.

Судебная власть воеводской канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ не была стѣснена ничѣмъ. По уголовнымъ дѣламъ, въ наказѣ 1728 г. сдѣлано только одно ограниченіе: если преступникъ подлежалъ ссылкѣ на галеры, или смертной казни, то рѣшеніе воеводы утверждалось губернаторомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ воеводскій судъ былъ окончательный. Кромѣ дѣлъ, о которыхъ просьбы поступали въ воеводскую канцелярію, тамъ производились еще дѣла по порученію губернаторовъ. Тогда окончательное рѣшеніе принадлежало послѣднимъ [520].

Зависимость воеводъ была различная, въ административномъ и въ судебномъ отношеніи. Источникомъ различія были отчасти

---

[520]) П. С. З. №№ 3935, 5017, 13047, 4866, 5039, 5126, 6536, 8530, 11991, 5333, п. 4, 16, 12, 13, 9683.

лишенныя всякаго плана реформы, происшедшія послѣ Петра Великаго. Выше было уже сказано, что, разсылая воеводъ, Верховный Тайный Совѣтъ вовсе не принялъ во вниманіе раздѣленія губерній на провинціи, а напротивъ соображался съ прежнимъ раздѣленіемъ городовъ на разряды. Въ слѣдствіе этого, провинціальный воевода былъ поставленъ совершенно внѣ всякаго порядка инстанцій. Надзоръ за пригородными воеводами и докладъ губернатору объ ихъ злоупотребленіяхъ былъ возложенъ на воеводъ главныхъ городовъ; а такъ какъ провинціи не совпадали съ разрядами, то провинціальные начальники не были даже административной инстанціей. Наказомъ 1728 года прежній, петровскій порядокъ управленія былъ отчасти возстановленъ. Замѣчательно, что, подчиняя уѣздныхъ воеводъ провинціальнымъ, правительство смотрѣло однако на свою мѣру, какъ на уклоненіе отъ нормальнаго порядка, ибо въ XVII вѣкѣ самостоятельные города никогда не были подчиняемы одинъ другому. Въ наказѣ было сказано: «хотя городовые воеводы, какъ и провинціальные, подчинены губернаторамъ, однакожъ имъ губернаторамъ во отдаленныхъ мѣстахъ вскорѣ за тѣми городовыми воеводами всѣхъ усмотрѣть не можно: того ради за тѣми городовыми воеводами смотрѣніе имѣть провинціальныхъ городовъ воедамъ». Отношенія городовъ и пригородовъ не были при этомъ уничтожены: за пригородными воеводами смотрѣли по прежнему воеводы разрядовъ, и потому административныхъ инстанцій было иногда три, иногда четыре.

По суду, городовые воеводы остались въ зависимости отъ однихъ губернаторовъ. Аппелляція изъ города въ провинцію была запрещена. Провинціальному воеводѣ можно было жаловаться на одну медленность городоваго суда, но и то, когда уѣздный городъ былъ далеко отъ губернскаго. По правилу, второю инстанціею былъ одинъ губернаторъ; третью составляла Юстицъ-Коллегія. Этотъ порядокъ аппелляціи не измѣнялся до Екатерины II.

Не за долго до Учрежденія о губерніяхъ сдѣлана была попытка правильнаго административнаго раздѣленія. Во всѣхъ безъуѣздныхъ городахъ воеводы были отмѣнены, а въ тѣ изъ нихъ, которые находились слишкомъ далеко отъ уѣздныхъ,

определены коммиссары, съ подчиненіемъ ихъ городовымъ воеводамъ. Это было уже шагомъ къ преобразованію [521]).

Въ эпоху полнаго соединенія судебной власти съ административною встрѣчается однако одно исключеніе изъ общаго порядка, въ царствованіе императрицы Анны. Обиліе дѣлъ, стекавшихся въ московскую губернскую канцелярію было очень для нея обременительно. Въ 1730 году, въ слѣдствіе большаго съѣзда въ Москву, по случаю пребыванія тамъ двора, оно достигло страшной цифры 21,388 не рѣшенныхъ дѣлъ, кромѣ вновь входящихъ. Особое судебное мѣсто было необходимо. При этомъ, какъ и вообще въ царствованіе Анны, были взяты за образецъ не учрежденія Петра Великаго, но древняя Россія. По сенатскому докладу, были возобновлены два приказа: Судный и Сыскный. Въ нихъ вѣдались гражданскія и уголовныя дѣла, возникшія въ Москвѣ, какъ между постоянными ея жителями, такъ и между пріѣзжими людьми.

Составъ присутствія въ приказахъ не былъ опредѣленъ при ихъ учрежденіи. Первый указъ о числѣ членовъ вышелъ при Елисаветѣ. Въ 1742 г. велѣно быть въ приказахъ: одному главному коммандиру, двумъ совѣтникамъ и двумъ ассессорамъ. Въ 1762 г., при Петрѣ III, Судный приказъ, въ слѣдствіе умноженія въ немъ апелляціонныхъ дѣлъ, былъ раздѣленъ на три департамента, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ трехъ или четырехъ членовъ. Сомнительныя дѣла рѣшались общимъ собраніемъ. Въ 1763 г. Судный приказъ раздѣленъ на четыре департамента. Распредѣленіе между ними дѣлъ предоставлено главному судьѣ. Каждый департаментъ рѣшалъ всѣ дѣла окончательно, апелляція общему собранію на его рѣшеніе запрещена. Общее собра-

---

[521]) П. С. З. №№ 5053, 5157, 5315, 5333, п. 6, 7, 8, 9, 11, 16, 5546, 7815, 7877, 9683.—Г. Кавелинъ (стр. 143) несправедливо полагаетъ, будто бы «въ судебномъ отношеніи воеводы городовые, провинціальные и губернаторы непосредственно подчинены были Юстицъ-Коллегіи», слѣд. не признаетъ, чтобъ на воеводъ можно было апеллировать къ губернаторамъ. Такая апелляція прямо установлена въ наказѣ 1728 года, п. 9.—П. С. З. №№ 12259, 12641.

ніе собиралось только для рѣшенія такихъ дѣлъ, на которыя нѣтъ точныхъ указовъ. Мнѣніе его подносилось на утвержденіе высшаго мѣста. Составъ присутствія въ указѣ Екатерины предполагается коллегіальнымъ, главный судья есть только президентъ, рѣшеніе постановляется единогласно. Присутствіе Сыскнаго приказа не измѣнялось во все время его существованія.

Приказы состояли подъ аппелляціею Юстицъ-Коллегіи. Сыскный приказъ уничтоженъ еще въ 1763 г. и замѣненъ Розыскною экспедиціею при губернской канцеляріи; Судный существовалъ до введенія Учрежденія о губерніяхъ и былъ упраздненъ въ 1782 году [522]).

Особенные суды подверглись важному преобразованію при Петрѣ Великомъ. Въ основу ихъ было положено сословное начало, которое съ такимъ трудомъ вырабатывалось въ древней Россіи. На этомъ основаніи были организованы суды духовнаго вѣдомства, посадскихъ людей и однодворцевъ. Другое начало есть владѣльческій судъ, какъ непремѣнное послѣдствіе крѣпостнаго права. Исключеніе составляетъ судъ у крестьянъ духовенства, въ слѣдствіе стремленій правительства къ секуляризаціи.

I. Духовенство. Нигдѣ, можетъ быть, преобразованія Петра Великаго не имѣли такаго радикальнаго значенія, какъ въ церковномъ судѣ и управленіи. Здѣсь не могло быть колебаній. Направленіе реформы было заранѣе указано всѣмъ прошедшимъ. Въ положеніи тогдашняго духовенства было много неопредѣленнаго. Церковь, какъ гражданское общество, лишена была единства, ибо всѣ ея права были основаны на привилегіяхъ; она стояла внѣ постояннаго надзора свѣтской власти, пользуясь только, въ качествѣ собственника, ея особенною защитою. Когда государство создалось и окрѣпло, это положеніе должно было измѣниться. Наконецъ, въ церковномъ управленіи сохранялось много прежнихъ формъ, давно изчезнувшихъ изъ свѣтской администраціи. Необходимо было внести и въ эту сферу государственныя начала.

---

522) П. С. З. №№ 3521, 3397, 8617, 11422, 11989, п. 7, 8, 10, 11, 20, 13330, п. 11.

Сообразно троякому положенію духовенства, какъ представителя церкви, какъ сословія, и какъ собственника, мѣры Петра Великаго можно подвести подъ три категоріи: во первыхъ, онъ стѣснилъ судъ духовенства надъ мірянами, во вторыхъ, строго различилъ сословную подсудность духовенства отъ его имущественной подсудности, въ третьихъ, передалъ государству владѣльческій судъ надъ церковными крестьянами.

До Петра Великаго церковь, на основаніи Кормчеі Книги и соборныхъ постановленій, вѣдала многія гражданскія дѣла, которымъ, по роду ихъ, слѣдовало бы поступать въ Помѣстный или Судный приказы. Сюда присоединялись нѣкоторыя уголовныя дѣла, возникшія изъ нарушенія христіанскаго образа жизни. Послѣднія было особенно нужно исключить изъ церковнаго суда, потому что на дѣлѣ они производились не духовными судьями, а ихъ свѣтскими чиновниками, которые нерѣдко позволяли себѣ страшныя злоупотребленія Еще не задолго до реформы встрѣчается извѣстіе объ ужасномъ насиліи тобольскихъ десятинниковъ, которые, подъ предлогомъ дѣлъ о прелюбодѣяніи, грабили почти всю Сибирь и поступали съ женщинами звѣрскимъ образомъ. Въ 1697 и 98 гг. правительство было вынуждено разсылать по сибирскимъ городамъ окружныя грамоты, предписывая воеводамъ охранять народъ отъ насилій митрополичьихъ боярскихъ дѣтей. Все это заставило Петра приступить очень рано къ преобразованію церковнаго управленія. При жизни патріарха Адріана онъ еще ограничивался частными мѣрами, но тотчасъ послѣ его смерти приступилъ къ рѣшительной перемѣнѣ. Въ 1700 году, указомъ 16-го декабря, Патріаршій разрядъ былъ уничтоженъ и всѣ судныя и розыскныя дѣла распредѣлены по гражданскимъ судебнымъ мѣстамъ. Таже мѣра была сдѣлана и въ епархіяхъ. Здѣсь, кажется, не обошлось безъ сопротивленія. Такъ, напр., нижегородскій митрополитъ Исаія рѣшительно отказался отослать дѣла въ московскій Судный приказъ. Государь былъ принужденъ послать къ нему дьяка, и велѣть, при вторичномъ сопротивленіи, забрать митрополичьихъ приказныхъ людей и держать ихъ въ Судномъ приказѣ до тѣхъ поръ, пока дѣла не будутъ туда присланы. Другое, практическое затрудненіе, состояло въ трудности установить границу между церковнымъ и гражданскимъ

вѣдомствами, особенно при началѣ преобразованія. Извѣстно, что Петръ Великій хотѣлъ ввести къ намъ маіораты. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, въ Духовномъ Регламентѣ 1721 года велѣно было, въ случаѣ сомнѣнія, разсматривать завѣщанія знатныхъ особъ Духовной и Юстицъ-Коллегіи вмѣстѣ. Такъ какъ обыкновенныя завѣщанія разсматривались одною Юстицъ-Коллегіею, то на другой же годъ существованія Синода всѣ завѣщанія были переданы ей, съ тѣмъ только, чтобъ при сомнѣніи въ ихъ подлинности приглашать туда одного или двухъ членовъ изъ Синода, ибо за подлогъ могъ подвергнуться отвѣту духовникъ. Съ такимъ же трудомъ были распредѣлены уголовныя дѣла. Уже послѣ учрежденія Синода возникъ вопросъ о томъ, которыя изъ этихъ дѣлъ относятся къ церковному суду, и Петръ Великій долженъ былъ подробно ихъ обозначить.

Другая мысль Петра состояла въ совершенномъ раздѣленіи церковной и гражданской подсудности духовенства. Это было большимъ нововведеніемъ. Еще въ 1697 году, въ инструкціи поповскимъ старостамъ, патріархъ Адріанъ строго подтверждалъ, чтобъ духовенство судилось только у церковныхъ властей, и предписывалъ архимандритамъ доносить ему о вмѣшательствѣ воеводъ въ духовный судъ; а въ 1700 году уже началось сильное движеніе къ секуляризаціи. Указомъ 16-го декабря велѣно было всѣ дѣла между духовными людьми и міряниами передать въ свѣтскіе приказы. [523]). Но эта мѣра противорѣчила тогдашнимъ понятіямъ, по которымъ опека каждаго вѣдомства надъ подчиненными ему людьми считалась необходимою. Вѣроятно, поэтому въ 1701 г. велѣно было вчинать въ Монастырскомъ приказѣ иски противъ духовенства [524]). Въ возстановленіи этого приказа именно лежала мысль о различномъ подчиненіи духовенства въ его гражданской

[523]) А. И. т. V, N 273. П. С. З. NN 1601, 1818, 1862, 3718, часть III, ст. II, 3963, 4081, 1612, 1818.

[524]) П. С. З. N 1829. Кажется, указъ 1700 года относился къ одному непривилегированному духовенству, подсудному патріарху, потому что въ указѣ 1701 года говорится о томъ, чтобъ иски противъ духовенства не вчинались въ приказѣ Большаго Дворца. Эта эпоха преобразованій вообще чрезвычайно не ясна.

и церковной дѣятельности, ибо въ тоже время для надзора за церковнымъ благочиніемъ существовалъ Духовный приказъ, гдѣ духовенство судилось за нарушенія должности. Въ томъ же году, желая вѣроятно упростить правила подсудности, Петръ подчинилъ все духовенство и по гражданскимъ дѣламъ одному Духовному приказу. По уголовнымъ дѣламъ духовенство подлежало обыкновенному гражданскому суду.

Съ изданія Духовнаго Регламента отношенія духовенства къ свѣтскому управленію начинаютъ опредѣляться точнѣе. Въ самомъ Регламентѣ о гражданской подсудности духовенства почти не говорится, но въ слѣдъ за нимъ цѣлый рядъ указовъ опредѣляютъ ее. Въ 1721 году Синодъ писалъ, въ докладной запискѣ, что до сихъ поръ духовныя персоны браны были въ разныя канцеляріи и приказы; а отнынѣ, по учрежденіи особаго церковнаго вѣдомства, слѣдовало бы брать ихъ въ свѣтскіе суды только по прямому, личному обвиненію; по оговорамъ же производить слѣдствіе въ церковномъ вѣдомствѣ, пока дѣло не доійдетъ до розыска. Докладъ былъ утвержденъ, и всѣ иски мірянъ на духовенствѣ какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ преступленіямъ, переданы въ Синодъ. Но за то гражданскія дѣла духовенства совершенно исключены изъ церковнаго вѣдомства. Запрещено распространять новый законъ на «тяжебныя дѣла, къ которымъ сами духовные себя привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и прочее тому подобное». Преемники Петра Великаго не соблюли особыхъ правилъ о подсудности духовенства и въ уголовныхъ дѣлахъ. Любопытно, что изъ всѣхъ правленій до Екатерины II особенное стремленіе къ секуляризаціи замѣтно въ царствованіе Анны Іоанновны, которое въ другихъ отношеніяхъ отличалось совершеннымъ забвеніемъ реформы и постояннымъ возвращеніемъ къ до-петровскимъ учрежденіямъ. Никогда вмѣшательство свѣтской власти не было такъ сильно. Такъ напр. хотя самъ Петръ и потомъ Екатерина I повелѣли отсылать, для наказанія, въ Синодъ тѣхъ священниковъ, которые скажутъ за собою «слово и дѣло» въ пьянствѣ, дракѣ или ссорѣ, но императрица Анна и въ этомъ случаѣ предоставила розыскъ свѣтскому суду, потому что Синодъ наказывалъ за это «вмѣсто кнута, за чинъ священства, плетьми». Съ этихъ поръ духовенство от-

сылалось въ Синодъ только для лишенія сана. Эта мѣра еще объясняется отчасти подозрительностію той страшной эпохи, но было и такое вмѣшательство, которое было вызвано однимъ стремленіемъ къ секуляризаціи. Напр., въ слѣдствіе жалобъ на рязанскаго архіерея, при Петрѣ II былъ посланъ въ эпархію для слѣдствія генералъ-маіоръ Грековъ, а при Аннѣ, для разбора челобитныхъ по этому дѣлу, которыя, по Духовному Регламенту, слѣдовало подавать въ Синодѣ, былъ вмѣсто того учрежденъ особый судъ, подъ надзоромъ Сената. Законы Петра были возстановлены Елисаветою. Въ 1742 г. указъ 1733 года былъ уничтоженъ, и велѣно съ священниками, сказавшими за собою слово и дѣло, поступать по прежнему; потомъ возвращены Синоду уголовныя дѣла по жалобамъ на духовенство. Вообще съ этого царствованія, когда секуляризація сдѣлала уже значительные успѣхи, духовенство болѣе прежняго пользовалось защитою правительства. Такъ, въ 1744 г., Сенатъ запретилъ губернаторамъ и воеводамъ, въ противность указу 15-го марта 1721 года, привлекать къ себѣ на судъ «духовныя персоны и чинить имъ смертельные и ругательные побои». Поводы къ гражданскимъ искамъ духовенства, или противъ него, были значительно сокращены синодскимъ указомъ 1743 г. Духовенству запрещено вступать въ торги, подряды или откупы, а также заниматься промыслами, или отдавать деньги взаймы подъ проценты. При Елисаветѣ же было постановлено, чтобъ по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ замѣшаны члены духовенства, были депутаты отъ ихъ начальства, но безъ права участія въ судѣ. При Екатеринѣ этотъ законъ былъ нѣсколько разъ подтвержденъ [525]).

Собственные суды духовенства были тоже совершенно преобразованы Петромъ Великимъ. Попытки преобразованія начинаются еще въ 1700 году. Первыя мѣры коснулись только патріаршеской эпархіи и привилегированнаго духовенства. Онѣ состояли въ учрежденіи Монастырскаго, а потомъ Духовнаго приказа, и въ уничтоженіи зависимости монастырей отъ приказа Большаго Дворца. Монастырскому приказу подлежали одни гражданскія

---

[525]) П. С. З. NN 1876, 3761, 4190, п. 8 и 16, 5056, 8548, 8566, 9079, 8844, 10293, 10988, 12606, 16986.

дѣла, духовныя судились мѣстоблюстителемъ патріаршескаго престола Стефаномъ Яворскимъ, который былъ главою собственно церковнаго управленія.

Трудно сказать, какія были въ это время намѣренія Петра Великаго. Первая мысль о синодальномъ управленіи была выражена имъ еще въ 1718 году, въ резолюціи на докладные пункты Стефана Яворскаго. Здѣсь, по поводу жалобы митрополита на обремененіе дѣлами, которыя присылаютъ къ нему изъ «вдовствующихъ эпархій», Петръ Великій замѣтилъ, что «для лучшаго управленія мнится быть удобно Духовной Коллегіи». Синодъ былъ учрежденъ черезъ три года; въ руководство ему изданъ Духовный Регламентъ.

Областное церковное управленіе осталось прежнее. Сохранилась даже отдѣльная патріаршеская область, хотя въ ней уже не было никакой необходимости. Она была только переименована въ синодальную и состояла въ непосредственномъ управленіи четырехъ отдѣльныхъ приказовъ: 1) Духовнаго, который завѣдывалъ судомъ надъ міранами синодальной области въ дѣлахъ брачныхъ, семейныхъ, о святотатствѣ и постриженіи; 2) Казеннаго, который завѣдывалъ денежными сборами, освященіемъ церквой и рукоположеніемъ священниковъ; 3) Дворцоваго, управлявшаго патріаршими крестьянами, и 4) Приказа церковныхъ дѣлъ, надзиравшаго за церковнымъ благочиніемъ и раскольниками. Онъ замѣнилъ прежній Судный приказъ и тіунскую избу, которая однако потомъ встрѣчается и отдѣльно. Впослѣдствіи, вмѣсто приказа церковныхъ дѣлъ встрѣчается Духовная Дикастерія или Консисторія, состоявшая изъ двухъ ассессоровъ-архимандритовъ, подъ предсѣдательствомъ совѣтника синодальнаго управленія архіепископа сарскаго и подонскаго, то есть того самаго лица, которое, при митрополитахъ и патріархахъ московскихъ, было ихъ намѣстникомъ. Отличіе отъ патріаршескаго управленія заключалось только въ томъ, что центральная администрація совершенно была отдѣльная отъ эпархіальной. Первою Синодъ завѣдывалъ непосредственно, а крестьянами, чрезъ Монастырскій приказъ. Когда была уничтожена отдѣльная синодальная область, съ точностію неизвѣстно. Кажется, она находилась въ личномъ вѣдѣніи Синода до 1742 года, когда былъ назначенъ московскій

архіепископъ, но едва ли даже и послѣ 1742 г. не было особой синодальной области. Можетъ быть, назначеніе архіепископа при Елисаветѣ было временное, ибо синодальная контора въ Москвѣ еще при Екатеринѣ II завѣдывала, кажется, всѣми эпархіальными дѣлами. Старинное управленіе сохранялось не въ одной бывшей патріаршеской области, но также и въ другихъ эпархіяхъ, и даже по введеніи новаго порядка еще долго оставались старыя формы. Архіерейскіе разряды и казенные приказы упоминаются еще въ штатахъ 1740 года. Приказные люди, архіерейскіе дѣти боярскіе, монастырскіе и архіерейскіе стряпчіе встрѣчаются до половины XVIII вѣка. При безпрестанномъ сокращеніи церковнаго вѣдомства, огромное количество людей, состоявшихъ въ вѣдѣніи эпархіальныхъ начальниковъ, оставалось за штатомъ, и правительство должно было принимать различныя мѣры для уничтоженія этого особеннаго, ни на что не нужнаго сословія. Еще Петръ Великій отчислилъ лишнихъ дворянъ изъ церковнаго вѣдомства, и всѣхъ слугъ не дворянскаго происхожденія положилъ въ подушный окладъ. Императрица Анна поступила еще рѣшительнѣе: она подвергала архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ рекрутскому набору, отчисляя ихъ въ посады, въ другія податныя сословія и т. д. Такимъ образомъ отъ огромнаго количества церковныхъ людей осталось только небольшое число штатныхъ служителей. Въ собственно церковномъ управленіи эпархій сохранились до конца XVIII вѣка поповскіе старосты и заказчики, которые только съ этого времени получаютъ названіе благочинныхъ [526]).

Подлѣ стараго управленія возникло въ 1722 г. новое. Указомъ 4-го сентября 1722 г. Синодъ, распредѣляя дѣла между различными степенями церковнаго суда, установилъ по городамъ, въ качествѣ первой инстанціи, «духовныхъ дѣлъ управителей», которымъ были ввѣрены всѣ церковныя дѣла міранъ и судъ между духовенствомъ «въ брани, въ бою, въ кражѣ и въ дру-

---

526) П. С. З. NN 4081, 4818, 2415. Исторія Русской Церкви, епископа рижскаго Филарета, періодъ пятый, М. 1848, стр. 8. П. С. З. NN 6718, 8818 (Книга штатовъ, стр. 5), 3584, 5416, 5834, 7070, 8836, п. 22, 7070, 12531, 17958.

гихъ обидахъ и безчестіяхъ и прочихъ искахъ». Вторую инстанцію составили эпархіальные архіереи, а третью — самъ Синодъ. Этимъ былъ совершенно устраненъ судъ прежнихъ десятинниковъ и заказчиковъ. Послѣдніе упоминаются уже только въ качествѣ благочинныхъ. Но высшее архіерейское управленіе осталось въ томъ же видѣ, какъ до Петра Великаго. Только иногда, вмѣсто приказовъ церковныхъ дѣлъ и тіунскихъ избъ, встрѣчаются и въ эпархіяхъ дикастеріи или консисторіи. Вообще въ архіерейскомъ управленіи старыя названія безпрестанно смѣшиваются съ новыми. Въ Петербургѣ въ 1724 г. была тіунская контора, состоявшая при синодальной канцеляріи. Въ 1727 г. въ Москвѣ была тіунская изба. По штатамъ 1740 года архіерейская канцелярія въ Новгородѣ состояла изъ трехъ отдѣленій: дикастеріи, разряда и казеннаго приказа. Позже ни одно изъ этихъ отдѣленій уже не упоминается. Однообразныя названія въ эпархіальномъ управленіи введены только въ 1744 году. Съ этихъ поръ архіерейскимъ домамъ велѣно называться консисторіями. Внутренній ихъ составъ неоднократно измѣнялся. По штатамъ 1740 года, въ новгородской канцеляріи были: 3 секретаря, 6 канцеляристовъ и 12 копіистовъ; по штатамъ 1764 года консисторіи должны были состоять изъ 2 секретарей, 4 канцеляристовъ, 8 копіистовъ, 3 сторожей и 10 приставовъ. — О духовныхъ управителяхъ по городамъ послѣ Петра Великаго нигдѣ не упоминается.

Монастыри, зависѣвшіе прежде непосредственно отъ патріарха, теперь зависѣли отъ Синода и назывались ставропигіальными. Приписные монастыри сохранились [527]).

Высшую судебную и административную инстанцію составлялъ Синодъ. Учреждая его въ 1721 году Петръ Великій высказалъ многія побудительныя причины, но надъ всѣми преобладаетъ одна: онъ опасался «мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго духовнаго правителя, ибо простой народъ, говорилъ онъ, не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, по-

---

[527]) П. С. З. NN 4081, п. 1—4, 3954, 4190, 4560, 5137, 8118 (Книга штатовъ, стр. 5), 8988, 12060 (Книга штатовъ, стр. 28,, 6333.

мышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати привыклъ». Для устраненія этихъ смятеній, Петръ предпринялъ внести въ церковь свое любимое, коллегіальное устройство. Этою мѣрою онъ вполнѣ отвѣчалъ постоянному стремленію своихъ предшественниковъ. Его Синодъ былъ прямымъ отвѣтомъ на протестъ патріарха Никона.

По Духовному Регламенту, Синодъ состоялъ изъ 12 членовъ, между которыми были только три архіерея; остальные девять были архимандриты, игумны и протопопы, но такіе, которые не были подчинены ни одному изъ засѣдавшихъ въ Синодѣ архіереевъ. Президентами и вице-президентами могли быть одни архіереи; другіе члены назывались совѣтниками и ассессорами. Впрочемъ тѣ и другіе бывали также изъ архіереевъ. Всѣ коллегіаты должны были присутствовать три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу; по одному изъ совѣтниковъ и ассессоровъ должны были пріѣзжать ежедневно, чередуясь между собою. Синодъ завѣдывалъ, въ высшей инстанціи, всѣми церковными дѣлами мірянъ и судебными дѣлами духовенства, по аппелляціи на епископовъ; а въ первой инстанціи вѣдалъ розыскныя дѣла объ оговорныхъ людяхъ. Сверхъ того онъ управлялъ церковными крестьянами, архіерейскими и монастырскими, посредствомъ Монастырскаго приказа, а бывшими патріаршими, посредствомъ Дворцоваго приказа. Въ 1722 году велѣно было выбрать въ оберъ-прокуроры Синода «изъ офицеровъ добраго человѣка, который бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать». Инструкцію велѣно дать ему сообразно генералъ-прокурорской. Въ концѣ года при Синодѣ учрежденъ протоинквизиторъ, а по эпархіямъ, городамъ и монастырямъ инквизиторы, которыхъ должность была фискальская. Въ 1723 году учреждена была, для розыскныхъ дѣлъ между духовенствомъ и по жалобамъ на него, особая коллегія, подъ аппелляціею Синода [528].

---

[528]) П. С. З. №№ 3718, часть I, п. 7, часть III, п. 1, 2; 3734, 3742, 3854, 4001, 4081, 4160.

При Петрѣ Великомъ вопросъ остановился на этихъ мѣрахъ; но его преемники, измѣнявшіе его началамъ въ свѣтскомъ управленіи, продолжали дѣйствовать въ томъ же духѣ относительно духовенства. Уже Екатерина I, измѣнивъ составъ Синода, въ сущности отняла у него всѣ гражданскія дѣла, оставивъ ихъ въ его вѣдомствѣ только по имени. Въ 1726 г. Синодъ былъ раздѣленъ на два «апартамента». Первый состоялъ изъ шести архіереевъ, засѣдавшихъ по старшинству эпархіи, и завѣдывалъ одними духовными дѣлами. Совѣтники и ассессоры были отмѣнены, а членамъ Синода не велѣно управлять эпархіями. Вмѣсто ихъ велѣно быть викаріямъ. Земскія дѣла и экономія были предоставлены исключительно второму апартаменту, къ которому отнесено все вѣдомство бывшаго патріаршаго разряда. Въ немъ было тоже шесть членовъ, всѣ изъ свѣтскаго званія. Каждый изъ апартаментовъ было совершенно независимъ отъ другаго. Синодъ, наравнѣ съ Сенатомъ, подчиненъ Верховному Тайному Совѣту и вскорѣ лишенъ титула «правительствующаго», даннаго ему Петромъ. Такимъ образомъ мысль Петра Великаго была исполнена въ главномъ основаніи: духовный чинъ не только не составлялъ «другаго, лучшаго государства», но едва ли былъ не болѣе подчиненъ свѣтской власти, чѣмъ остальныя вѣдомства. Въ концѣ того же года второй апартаментъ былъ переименованъ въ Коллегію Экономіи Синодальнаго Правленія и съ этихъ поръ имѣетъ свою особую исторію. Коллегія соединялась съ Синодомъ только на время.

Подчиненіе Синода все болѣе и болѣе увеличивалось. Именнымъ указомъ 16-го декабря 1726 года ему велѣно подавать императрицѣ ежемѣсячные рапорты. Даже нѣкоторыя, чисто церковныя дѣла передавались иногда свѣтскому управленію, напр. въ 1727 г. всѣ тяжбы между монастырями и духовенствомъ въ Малороссіи были переданы въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Въ Москвѣ была синодальная контора. Екатерина II, въ 1763 году, сдѣлала изъ нея отдѣленіе Синода, подчинивъ ей всѣ близкія къ Москвѣ эпархіи. Подъ аппелляціею самаго Синода осталось только шесть эпархій, но просителямъ позволено обращаться, по

желанію, и прямо къ нему. Въ концѣ того же года контора возстановлена на прежнемъ основаніи [529]).

Церковные крестьяне. — Исторію ихъ до Екатерины II можно раздѣлить на двѣ эпохи. Первая простирается до 1721 года. Въ эту эпоху Петръ прямо стремился, кажется, къ совершенному отобранію церковныхъ имуществъ. Вторую эпоху составляетъ учрежденіе Синода. Съ этого времени, вмѣсто полной секуляризаціи, правительство старалось отдѣлить зависимость духовенства по имуществу отъ личной его зависимости, и дать церковнымъ имѣніямъ особенную организацію, какъ извѣстному виду государственныхъ имуществъ. Колебанія на счетъ церковнаго вопроса замѣтны только въ мѣстномъ управленіи вотчинами. Здѣсь правительство нѣсколько разъ измѣняло свой взглядъ. Оно то смотрѣло на нихъ какъ на чисто-государственныя имущества, то почти какъ на частныя. Но центральныя учрежденія съ Петра Великаго постоянно были въ рукахъ свѣтской власти.

Высшее управленіе церковными имѣніями сосредоточивалось, съ 1701 года, въ Монастырскомъ приказѣ. Онъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно и управлялъ какъ патріаршими, такъ и монастырскими крестьянами, для которыхъ, въ дѣлахъ между собою, онъ былъ второю инстанціею, въ дѣлахъ же съ лицами другихъ вѣдомствъ составлялъ первую. Въ томъ же году Петръ Великій началъ принимать мѣры противъ распространенія церковныхъ имуществъ, запретивъ патріаршему дому покупать, а духовнымъ властямъ и монастырямъ мѣняться своими вотчинами съ частными людьми. Черезъ это количество церковнаго имущества сдѣлано неизмѣннымъ. Спустя годъ велѣно отдавать просителямъ пустыя земли въ церковныхъ вотчинахъ, въ вѣчное и потомственное оброчное содержаніе, вмѣсто временнаго, какъ это было прежде. По учрежденіи Синода всѣ судебныя дѣла церковныхъ крестьянъ переданы туда изъ Монастырскаго приказа. Синодъ составлялъ для нихъ третью инстанцію, вторую архіереи, первую вотчинные управители. Докладными пунктами 1721 года сдѣлано различіе между синодальными крестьянами и крестьянами архіерейскими и монастырскими. Послѣдніе какъ искали,

---

[529]) П. С. З. №№ 4919, 4995, 4927, 4959, 5146.

такъ и отвѣчали въ Синодѣ, даже по дѣламъ съ лицами другихъ вѣдомствъ; синодальные же крестьяне только отвѣчали въ Синодѣ, а сами искали въ мѣстѣ подсудности отвѣтчика. Между собою они судились въ Дворцовомъ приказѣ, который составлялъ для нихъ первую, или вторую инстанцію. Подчиненіе Синоду церковныхъ вотчинъ было полное: даже денежные сборы съ крестьянъ, не задолго передъ тѣмъ предоставленные Каммеръ-Коллегіи, были вскорѣ перенесены въ Синодъ, который уже самъ доставлялъ ихъ, куда слѣдуетъ. Такимъ образомъ, если различныя церковныя общины перестали быть собственниками, то за то вся церковь не только сохранила право собственности, но даже и право полнаго распоряженія. Въ этой мѣрѣ нельзя не замѣтить нѣкоторой перемѣны направленія, но она была естественна. При полной зависимости Синода отъ свѣтской власти, онъ не могъ имѣть политическаго значенія, и Петръ оставилъ въ его рукахъ церковныя имущества.

Первымъ шагомъ къ отдѣленію вотчиннаго управленія отъ Синода было, какъ выше сказано, раздѣленіе послѣдняго на два апартамента. Въ 1726 году второй апартаментъ переименованъ въ Коллегію Экономіи Синодальнаго Управленія, которая была совершенно независима отъ Синода и зависѣла только отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Позже (когда именно, не извѣстно), Коллегія была подчинена Синоду, но Анна Іоанновна опять отчислила ее къ гражданскому вѣдомству, подчинивъ ее Сенату. Елисавета сначала уничтожила Коллегію Экономіи, но вскорѣ должна была ее возстановить и, оставивъ ее въ вѣдѣніи Синода, назвала Канцеляріею Синодальнаго Правленія. Трудно сказать, была ли Коллегія Экономіи высшею судебною инстанціею для церковныхъ крестьянъ, или высшій судъ принадлежалъ самому Синоду; вѣроятнѣе, однако, что онъ принадлежалъ Коллегіи.

Петръ Великій ввелъ особую среднюю инстанцію въ судѣ надъ крестьянами, предоставивъ, въ 1702 году, епархіальное управленіе церковными вотчинами не архіереямъ или воеводамъ, но особеннымъ стольникамъ, которые были для того разосланы по городамъ. Позже, въ 1722 году, по городамъ надъ архіерейскими и монастырскими слугами и вотчинными крестьянами были какіе-то командиры. Они составляли первую инстанцію по искамъ по-

стороннихъ людей на крестьянахъ, въ дѣлахъ же послѣднихъ между собою, вѣроятно, вторую. Аппелляція на нихъ поступала къ архіерею, а отъ него въ Синодъ. Всѣхъ инстанцій было слѣдовательно три или четыре. Когда, при Екатеринѣ I, все областное управленіе было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, то судъ между крестьянами былъ тоже порученъ воеводамъ и губернаторамъ, которымъ подавались жалобы на синодскихъ прикащиковъ и управителей. Поэтому инстанцій было четыре [530]).

Непосредственное управленіе церковными вотчинами начало измѣняться вскорѣ послѣ учрежденія Монастырскаго приказа. Петръ Великій смотрѣлъ на церковныя имущества, какъ на имущество всей церкви, въ цѣломъ ея составѣ, не признавая права собственности за отдѣльными церковными общинами. Въ этомъ взглядѣ и состоитъ собственно заслуга Петра Великаго, ибо относительно управленія вотчинами въ его мѣрахъ видно сильное колебаніе. Здѣсь нельзя не замѣтить рѣзкой противоположности съ понятіями древней Россіи. Въ XVII вѣкѣ церковь находилась въ полной силѣ. Цѣлымъ рядомъ историческихъ событій она пріобрѣла огромное вліяніе на государственныя дѣла, и въ лицѣ патріарха Никона выразила притязаніе на вполнѣ независимое положеніе. Это было, по словамъ Петра, «другое, лучшее государство». Но не смотря на это, она не могла поставить себя независимо отъ свѣтской администраціи въ имущественномъ отношеніи. Сословныя идеи были до такой степени не въ духѣ древняго русскаго общества, что, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не могло образоваться сословной собственности. Отсюда явленіе особаго рода: богатая, сильная церковь владѣла огромными имуществами не въ качествѣ церкви, а на правѣ частнаго собственника. Никакихъ привилегій, никакого особеннаго управленія не влекла за собою принадлежность вотчины какой-нибудь церковной общинѣ. Всѣ права, вся администрація создались жалованными грамотами—не сословію, а его членамъ. Все это въ одно время составляло и слабую, и крѣп-

---

[530]) П. С. З. №№ 1829, 2108, 1839, 1897, 3718, 3734, п. 5, 3659, 3749, 3854, 4959, 7558, 8993, 9166, 1914, 4081, п. 1 и 2, 5017, 5333, п. 12—13.

кую сторону церкви: слабую, потому что отдѣльные собственники не были нисколько солидарны, связаны между собою, не подлежали надзору своихъ властей и не пользовались ихъ защитой; крѣпкую, потому что государству всего труднѣе коснуться частной собственности, и этотъ характеръ долженъ былъ спасти церковныя имущества отъ окончательнаго посягательства свѣтской власти. Петръ приложилъ сословныя понятія и къ церкви; но, по его взгляду, сословія имѣли болѣе обязанностей, нежели правъ, должны были служить общимъ цѣлямъ и безусловно подчиняться диктатурѣ государства.

Съ учрежденія Монастырскаго приказа всѣ церковныя имущества разсматривались, какъ одно цѣлое. Монастыри и церкви сохранили только владѣніе, которое, въ добавокъ, было вскорѣ подвергнуто ограниченіямъ, потому что за мѣрку была принята потребность. Указомъ 30-го декабря 1701 года велѣно выдавать монахамъ опредѣленное число денегъ и хлѣба «въ общежительство ихъ»; имъ было запрещено владѣть самимъ вотчинами, которыя всѣ отписаны въ Монастырскій приказъ. Въ слѣдствіе этого вотчины разныхъ монастырей были перемѣшаны; доходы съ нихъ шли не на одинъ тотъ монастырь, которому онѣ принадлежали, но также и на другіе; излишекъ употреблялся на призрѣніе нищихъ. Архіерейскихъ вотчинъ Петръ сначала не тронулъ и только измѣнилъ нѣсколько ихъ внутреннее управленіе, запретивъ посылать туда посельскихъ старцевъ, вмѣсто которыхъ было велѣно посылать прикащиковъ. Мѣры относительно архіерейскихъ имѣній начались позже. Подлинный указъ о нихъ не извѣстенъ; но въ инструкціи Коллегіи Экономіи 1763 года сказано, что въ 1711 году, опредѣленіями Монастырскаго приказа, «велѣно всѣ вотчины обложить и причислить къ тому доходъ въ эпархіяхъ съ храмозданныхъ грамотъ и съ вѣнечныхъ памятей пошлины, а на содержаніе архіерейскихъ домовъ и монастырей, исчисляя сколько потребно къ содержанію, выдавать деньги и хлѣбъ; остальнаго же ничего и никуда безъ указа не держать и остаточныя вотчины вѣдать съ ихъ доходами въ томъ Монастырскомъ приказѣ». Съ этихъ поръ только нѣкоторыя изъ церковныхъ вотчинъ назначались на содержаніе духовенства; онѣ не смѣшивались съ остальными, съ которыхъ доходы употреблялись на дру-

гія цѣли. Первыя получили впослѣдствіи названіе *заопредѣленныхъ*, то есть не назначенныхъ по опредѣленіямъ приказа на жалованье церкви. Вотчины, опредѣленныя на содержаніе духовенства, иногда находились въ его владѣніи, по крайней мѣрѣ относительно сборовъ, иногда же нѣтъ; а заопредѣленныя состояли въ управленіи Монастырскаго приказа. Такимъ образомъ создалось два отдѣльныхъ вѣдомства, изъ которыхъ одно было совершенно свѣтское, а другое церковное. Къ этому присоединялось третье, синодальное, сосредоточенное въ Дворцовомъ приказѣ, который уже въ 1738 году былъ присоединенъ къ Коллегіи Экономіи. Заопредѣленными вотчинами правительство распоряжалось свободно. Ими даже жаловали частныхъ людей въ вѣчное и потомственное владѣніе. Въ 1729 году, по ссылкѣ князя Меншикова, было роздано монастырямъ огромное количество принадлежавшихъ ему монастырскихъ вотчинъ.

О непосредственномъ управленіи и судебной власти у крестьянъ мало извѣстій; но нѣтъ однако сомнѣнія, что оно было очень тягостно. Свѣтскіе управители назначались, судя по Духовному Регламенту, не только въ заопредѣленныя вотчины, но и въ тѣ, которыя оставались у духовенства Они грабили до такой степени, что вотчины иногда просили возвратить ихъ въ вѣдѣніе эпархіальнаго начальника. Такъ, напримѣръ, въ 1716 году одна вотчина, приписанная прежде къ вологодскому архіерейскому дому, подала просьбу въ Сенатъ о возвращеніи ея въ прежнее вѣдомство, и Сенатъ согласился, предписавъ архіерею доставлять въ Каммеръ-Контору (бывшій Монастырскій приказъ) всѣ окладные и неокладные доходы. Также было поступлено въ устюжской епархіи. Не за долго до учрежденія Синода, указомъ 16-го октября 1720 года, велѣно было всѣ монастырскія вотчины раздать въ монастыри, которымъ вмѣнено въ обязанность уплачивать въ Каммеръ-Контору окладную сумму.

Этими частными мѣрами была подготовлена общая перемѣна, происшедшая по учрежденіи Синода. Въ Духовномъ Регламентѣ было сказано, что Синодъ обязанъ наблюдать за церковными имуществами. Въ томъ же году Синодъ доложилъ императору о необходимости предоставить ему все управленіе церковными крестьянами, «ибо хотя оные Синоду подчиненные служители и крестьяне

и за равныхъ съ прочими признаваются, но гражданскіе управители не въ равенствѣ ихъ содержатъ». Съ этого времени управители, кажется, опять посылались отъ церковнаго управленія. Тогда, по общему характеру той эпохи, естественно было возвратиться къ прежнимъ формамъ управленія, и дѣйствительно уже при Аннѣ Іоанновнѣ встрѣчаются въ монастырскихъ вотчинахъ управители прикащики и посельскіе старцы, которые, какъ въ XVII вѣкѣ, состояли подъ аппелляціею архимандрита и соборныхъ старцевъ. Одни синодскіе прикащики зависѣли отъ воеводъ и губернаторовъ. Въ указѣ императрицы Анны о составленіи инструкціи для Троице-Сергіева монастыря 1738 года повторяются предписанія старинныхъ царскихъ грамотъ: «чтобъ архимандритъ одинъ, ниже келарь, ни казначей особливой власти отнюдь не имѣли», чтобъ архимандритъ и келари не отпускали «изъ взятковъ.... слугъ на приказы, которые, не боясь Бога, безсовѣстно разоряютъ монастырскія вотчины и сами только богатятся» и т. д. Надзоръ за обыкновенными, не ставропигіальными монастырями и за церквами былъ порученъ мѣстнымъ архіереямъ; но и тутъ старыя формы управленія производили уклоненія отъ общихъ правилъ. Въ слѣдствіе грабительства архіерейскихъ управителей монастыри и церкви, какъ прежде, искали независимости отъ эпархіальной власти. Подобное дѣло было въ 1733 году между псковскими приходскими церквами и архіерейскимъ домомъ. Оно длилось нѣсколько лѣтъ, переходило изъ Сената въ Синодъ и обратно, и было наконецъ рѣшено высочайшимъ повелѣніемъ. Основаніемъ ему служили старинныя жалованныя грамоты, нарушенныя въ эпоху реформы. Приходскія церкви въ Псковѣ были въ старину надѣлены вотчинами отъ псковскихъ посадскихъ людей, и, по старинному обычаю, управленіе было предоставлено жалованными грамотами (уже при Петрѣ Великомъ) самимъ посадскимъ людямъ. Когда началась реформа, это управленіе было измѣнено: въ 1720 году всѣ вотчины приписаны къ архіерейскому дому, и управителей стали посылать оттуда. Псковичи въ 1730 году жаловались на это Сенату, и вотчины снова отданы въ ихъ распоряженіе. Но черезъ два года Синодъ, вспомнивъ Духовный Регламентъ и законы Петра, возвратилъ вотчины въ вѣдѣніе архіепископа. Псковичи подали

новую жалобу въ Сенатъ. Они ссылались на то, что деревни были даны имъ, что «нынѣ надъ нѣкоторыми церковными вотчинами имѣютъ команду управители архіерейскаго дома и тѣхъ церквей протопопы и попы, и крестьянамъ чинятъ несносныя обиды и разоренія и берутъ взятки»; что наконецъ тѣ церкви, которыя находятся въ вѣдѣніи архіерея, «стоятъ въ запустѣніи, безъ церковнаго пѣнія и украшенія, и почти всѣ развалились». Сенатъ, принявъ въ соображеніе, что здѣсь «происходитъ споръ не для чего инаго, токмо для собственнаго интереса», хотѣлъ учредить смѣшанное управленіе изъ двухъ старостъ, одного отъ посадскихъ людей, другаго отъ эпархіи, и подчинить ихъ двойному надзору архіерея и воеводы; но императрица нѣсколько измѣнила рѣшеніе, велѣвъ выбирать старостъ прихожанамъ, а считать въ архіерейскомъ домѣ, при чиновникѣ отъ воеводы.

Итакъ непосредственное управленіе вотчинами и судъ надъ крестьянами были почти тѣже, какъ и въ XVII вѣкѣ. Различіе состояло только въ томъ, что церковное имущество изъ свободнаго обратилось въ податное. Но это различіе очень важно, потому что были такія вотчины, которыя состояли въ управленіи архіереевъ, не находясь даже въ ихъ владѣніи. Стоило правительству перемѣнить взглядъ на управленіе, и огромное количество имѣній переходило въ свѣтское вѣдомство. Такъ дѣйствительно и было. Въ 1740 г. президентъ Коллегіи Экономіи графъ Мусинъ-Пушкинъ представилъ императрицѣ, что при архіерейскомъ управленіи на заопредѣленныхъ вотчинахъ накопилось много недоимокъ, чего не было прежде, при управленіи Монастырскаго приказа. Въ слѣдствіе этого велѣно всѣ заопредѣленныя вотчины отобрать въ Коллегію Экономіи, откуда назначались въ управители отставные чиновники и монастырскіе служки. Но это продолжалось не долго. Въ слѣдующемъ 1741 году Синодъ воспользовался перемѣною правленія и подалъ принцессѣ Аннѣ докладную записку съ подробнымъ опроверженіемъ доклада графа Мусина-Пушкина. Заопредѣленныя вотчины были возвращены архіереямъ. Это не обошлось однако безъ затрудненій. Вторичный переходъ крестьянъ въ вѣдѣніе казны внушилъ имъ мысль о свободѣ, и правительство было вынуждено объяснять, что на-

званіе «заопредѣленныхъ» не освобождаетъ ихъ отъ повиновенія архіереямъ. Вѣроятно, ропотъ крестьянъ и былъ поводомъ къ новой мѣрѣ подъ конецъ царствованія Елисаветы. Указомъ 6-го октября 1757 года велѣно было назначать въ управители, вмѣсто архіерейскихъ служекъ, только отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

Это распоряженіе послужило исходною точкою для окончательной секуляризаціи. Ссылаясь на мнѣніе конференціи 1757 года, Петръ III возстановилъ въ 1762 году Коллегію Экономіи и совершенно преобразовалъ управленіе церковными вотчинами. Подтвердивъ, чтобъ ими управляли отставные офицеры, онъ велѣлъ въ каждую губернію и провинцію назначить по одному штабъ-офицеру, а въ каждый приписной городъ по одному оберъ-офицеру, подъ аппелляціею Коллегіи Экономіи въ Москвѣ и ея конторы въ Петербургѣ. Эти офицеры составляли вторую инстанцію для крестьянъ. Новая мѣра относилась ко всѣмъ вотчинамъ, а не къ однѣмъ заопредѣленнымъ. Екатерина II, при вступленіи на престолъ, опять возвратила церковныя имущества не только архіереямъ и монастырямъ, но даже и бѣлому духовенству. Въ манифестѣ строго порицалось управленіе, введенное Петромъ III, и даже Коллегія Экономія была отмѣнена; но въ тоже время императрица не совсѣмъ отказывалась отъ секуляризаціи; мысль о ней проглядывала въ намѣреніи составить штаты для духовенства и назначить для того коммиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Дѣйствительно, въ маѣ 1763 года Коллегія Экономіи возстановлена, но вотчины еще оставлены, подъ ея надзоромъ, за духовенствомъ. Въ судъ она не вступалась. Почти въ тоже время открыта Духовная Коммиссія, изъ трехъ духовныхъ особъ и пяти свѣтскихъ. Она составила штаты, распубликованные въ 1764 году, при особомъ манифестѣ. Съ этого времени церковь получала на свое содержаніе деньги, а церковныя имущества остались всѣ безъ исключенія въ вѣдѣніи Коллегіи Экономіи. Для надзора за управителями разосланы по городамъ попечители духовныхъ вотчинъ, и имъ подавалась аппелляція. На судѣ съ посторонними лицами крестьянъ защищали

особые депутаты. Такимъ образомъ церковь была совершенно лишена гражданскаго суда [531]).

III. Купцы и посадскіе люди. Главный недостатокъ стариннаго ихъ управленія заключался въ томъ, что, при особомъ вѣдомствѣ, посадскіе люди зависѣли однако и отъ мѣстной власти, а потому распоряжались самостоятельно только раскладкой податей. Земскіе старосты не судили, не распоряжались денежными сборами. Съ другой стороны, высшіе члены сословія, гости и гостиныя сотни, имѣли такія привилегіи, которыхъ у посадскихъ людей вовсе не было. Реформа всего болѣе имѣла въ виду эти два недостатка. Петръ Великій соединилъ купцевъ и посадскихъ людей въ одно сословіе и далъ имъ самостоятельное управленіе. Въ 1699 году уничтожена прежняя различная подсудность и учреждены по городамъ бурмистры, какъ для управленія, такъ и для суда. Бурмистровъ велѣно было выбрать «изо всѣхъ сотенъ и слободъ добрыхъ и правдивыхъ людей». Они перемѣнялись въ управленіи погодно, одинъ изъ нихъ былъ президентомъ; всѣ вмѣстѣ они составляли бурмистерскую палату. Распоряженіе о выборѣ изъ всѣхъ разрядовъ торговаго сословія было очевидно вызвано преобладаніемъ лучшихъ людей надъ средними и младшими. Такъ именно новый законъ и былъ понятъ торговымъ сословіемъ. Въ докладѣ о числѣ бурмистровъ, которыхъ надобно выбрать, гости говорили, что выборъ будетъ сдѣланъ «изо всѣхъ слободъ и черныхъ сотенъ *необходно*». Въ указѣ, разосланномъ по городамъ, введеніе новаго порядка было отдано на волю самихъ посадскихъ людей, «буде они.... похотятъ для многихъ къ нимъ воеводскихъ и приказныхъ людей обидъ и налоговъ и поборовъ и взятковъ выбрать бурмистровъ въ земскія избы какъ для суда, такъ и для денежныхъ сборовъ». Но за то управленіе не вводилось даромъ, какъ въ столицѣ: за царскую милость посадскіе люди должны были платить двойной окладъ. Замѣтимъ, что изъ удвоенія податной суммы видно, какъ велики были воеводскіе поборы. Дру-

---

[531]) П. С. З. NN 1886, 1839, 11844, введеніе, 2597, 2615, 3659, 5371, 2686, 3038, 3632, 3639, 3718, часть III, п. 9, 7680, 6303, 8406, 10168, 10765, 11441, 11481, 11493, 11643, 11814, 11844, 12060, 12226.

гое различіе областнаго управленія отъ московскаго заключалось въ его меньшей правильности. Къ выбору бурмистровъ были допущены не однѣ свободныя общины, но также дворцовыя волости, села и деревни. Наконецъ прежнее земское управленіе не было сначала отмѣнено, а только подчинено новому: земскимъ старостамъ велѣно быть въ послушаніи у бурмистровъ. Позже о первыхъ не упоминается. Число бурмистровъ сначала не было опредѣлено. Въ Москвѣ было просто предписано выбрать, сколько нужно, и гости сами потомъ предложили избрать восемь человѣкъ; въ провинціяхъ велѣно было примѣрно выбрать два-три человѣка, или болѣе. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было установлено общее число—двѣнадцать земскихъ бурмистровъ, и изъ нихъ одинъ президентъ. Зависимость ихъ опредѣлить довольно трудно. Въ Москвѣ бурмистры отдавали всѣ остаточные доходы въ приказъ Большой Казны, но не видно, состояли ли подъ его аппелляціею. Изъ провинціи выборные списки велѣно было высылать въ тѣ приказы, гдѣ вѣдомы посадскіе люди, слѣдовательно въ территоріальные, куда, вѣроятно, поступала и аппелляція Въ маѣ 1699 года бурмистры исключительно подчинены самому государю. Но вскорѣ земское управленіе приведено въ болѣе правильный порядокъ.

Указомъ 27-го октября 1699 года, по управленію купеческимъ сословіемъ, велѣно раздѣлить Россію на провинціи, приписавъ къ большимъ городамъ, каковы напримѣръ Новгородъ, Псковъ, Астрахань и другіе, малые города съ уѣздами. Бурмистры приписныхъ городовъ подчинены бурмистрамъ настоящихъ городовъ, а послѣдніе московской бурмистерской палатѣ. Управленіе было коллегіальное. Указомъ 17-го ноября 1699 года бурмистерская палата переименована въ ратушу. По учрежденіи губерній выборы происходили съ вѣдома губернаторовъ.

Ратушѣ и земскимъ избамъ были подсудны: 1) всѣ гости, 2) гостиная и другія сотни; 3) всякіе посадскіе и промышленные люди, 4) дворцовые крестьяне, 5) иноземцы, по искамъ на русскихъ купецкихъ людяхъ, 6) бѣломѣстцы. По дѣламъ между посадскими и служилыми людьми учреждался общій судъ изъ приказныхъ судей и бурмистровъ. Позже сдѣланы слѣдующія перемѣны. При учрежденіи ландратскихъ правленій въ 1713 году

дворцовые крестьяне были подчинены губернаторамъ, по дѣламъ же ихъ съ посадскими людьми подсудность опредѣлялась по лицу отвѣтчика. Съ учрежденія Коммерцъ-Коллегіи, иностранные купцы подчинены ей, ратуши обязаны были высылать туда къ отвѣту русскихъ купцовъ и посадскихъ людей.

Въ ратушѣ и земскихъ избахъ вѣдались: сборы таможенные, кабацкіе, питейные и подушные, и гражданскія судебныя дѣла; а съ 1706 года также крѣпостныя дѣла, отнятыя у воеводъ. Ратуша имѣла свою печать, съ изображеніемъ руки, держащей вѣсы и «зрительнаго ока», а кругомъ надпись: «правда, на нюже око державствующаго зритъ». Для ревизіи дѣлъ по временамъ назначались инспекторы [532]).

Въ 1720 году все управленіе преобразовано. Указомъ 13-го февраля Петръ Великій повелѣлъ: «учредить по городамъ магистраты и надъ ними объявить Трубецкаго оберъ-президентомъ, чтобъ онъ вѣдалъ всѣхъ купецкихъ людей судомъ, и о ихъ дѣлахъ доносилъ въ Сенатъ и разсыпанную сію храмину паки собралъ». Оберъ-президентъ былъ назначенъ для облегченія сношеній Сената съ магистратами. Въ товарищи ему опредѣленъ президентъ петебургскаго магистрата, который, открытъ первый. Въ концѣ года Сенату было велѣно составить положеніе о петербургскомъ магистратѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ послужилъ образцомъ для всѣхъ прочихъ. Результатомъ этого былъ Регламентъ Главнаго Магистрата, изданный 16-го января 1721 года.

Для правильнаго устройства городоваго сословія велѣно было истребовать отъ губернаторовъ и воеводъ подробныя свѣдѣнія о состояніи городовъ, и на этомъ основаніи раздѣлить послѣдніе на пять частей, т. е. категорій. Къ первой части отнесены большіе города, въ которыхъ считалось отъ 2-хъ до 3-хъ тысячь дворовъ. Сюда причислены: С. Петербургъ, Москва, Новгородъ, Казань, Рига, Ревель, Архангельскъ, Астрахань, Ярославль, Вологда, Нижній Новгородъ и др. т. п. Ко второй категоріи отнесены внутренніе города и средніе приморскіе, въ которыхъ 1000—1500 дворовъ; къ третьей тоже внутренніе города и

---

[532]) П. С. З. №№ 1674, 1683, 1675, 1686, 1706, 1718, 1715, 1808, 1819, 2879, 3596, 2203, 2081, 2099, 2028.

малые приморскіе, съ населеніемъ отъ 500 до 1000 дворовъ; къ четвертой—небольшіе города свыше 250 дворовъ, къ пятой—всѣ остальные и слободы. Вездѣ безъ исключенія введено особое управленіе: тамъ, гдѣ знатные посады, магистраты, а въ другихъ городахъ бургомистры (то есть ратуши). Составъ магистратовъ зависѣлъ отъ величины города. Въ первой части были президентъ и четыре бургомистра, во второй три бургомистра и президентъ, въ третьей и четвертой части по два бургомистра, а въ пятой по одному. Сверхъ того, въ большихъ городахъ при каждомъ бургомистрѣ было по два ратмана, въ среднихъ и малыхъ число ихъ опредѣлялось «по разсмотрѣнію». Для совѣщанія о городскихъ дѣлахъ позволено призывать «изъ первостатейныхъ и изъ среднихъ людей добрыхъ и умныхъ». Всѣ члены магистратовъ избирались самими гражданами. О составѣ Главнаго Магистрата Регламентъ выражается такъ темно, что нельзя сказать навѣрное, сколько тамъ было членовъ. Кажется, что всѣ его члены, за исключеніемъ оберъ-президента, принадлежали въ тоже время къ петербургскому городовому магистрату. Особенной канцеляріи у оберъ-президента не было. Ее замѣняла канцелярія городоваго магистрата. Въ Москвѣ была контора Главнаго Магистрата, уничтоженная при Екатеринѣ I.

Магистраты завѣдывали купеческими дѣлами и городской полиціей. Изъ судебныхъ дѣлъ они производили не только всѣ гражданскія, но также и всѣ уголовныя. Дѣла гражданъ съ людьми другихъ чиновъ розыскивались надворными судами вмѣстѣ съ магистратами; съ каждой стороны отдѣлялось по ровному числу судей. Президентомъ общаго суда былъ главный судья отвѣтчика. При переходѣ дѣла въ высшую инстанцію, судьи каждой стороны посылали докладъ по своему вѣдомству: магистратскіе доносили Главному Магистрату, а надворные Юстицъ-Коллегіи. Приговоръ по апелляціоннымъ дѣламъ произносился по соглашенію обоихъ мѣстъ. Въ 1725 году къ вѣдомству Главнаго Магистрата отнесены также судебныя дѣла крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ купечеству. Что касается до судопроизводства, то по дѣламъ между лицами одного купеческаго сословія судили не всѣ члены магистрата. Для судебныхъ дѣлъ назначался одинъ изъ бургомистровъ, наиболѣе въ нихъ искус-

ный, въ товарищи къ нему выбирались другіе, способные къ тому люди. По уголовнымъ дѣламъ сентенція поступала на утвержденіе Главнаго Магистрата, и безъ этого не проводилась въ исполненіе. По гражданскимъ дѣламъ жалоба на ратуши въ малыхъ городахъ приносилась въ магистратъ средняго города, на послѣдній аппеллировали въ провинціальный магистратъ, а оттуда въ главный. Всѣхъ инстанцій, считая Сенатъ, могло быть до пяти [533]).

Городовое управленіе не пережило своего основателя. Цѣль Петра Великаго была понятна. Но какую цѣль задали себѣ его преемники, уничтожая самостоятельность купеческаго управленія? Въ указѣ 24-го февраля 1727 года было сказано, что магистраты подчиняются губернаторамъ и воеводамъ «для лучшаго посадскимъ охраненія», но едва ли это стояло на первомъ планѣ. Причинъ, вѣроятно, было очень много. Прежде всего надобно замѣтить, что, при введеніи воеводскаго управленія, личное начало и соединеніе властей были приняты за правило, а потому купцы должны были тоже подчиняться общимъ областнымъ начальникамъ. Кромѣ того, въ основаніи магистратскаго управленія лежало то выборное начало, которое Петръ внесъ въ областную администрацію, а его преемники значительно стѣснили. Наконецъ была еще третья причина, финансовая, преобладавшая надъ всѣми остальными. Магистраты были учреждены собственно въ интересахъ городскаго сословія. Сборъ податей не составлялъ ихъ исключительнаго назначенія, а потому и отвѣтственность падала на нихъ, какъ на отрасль государственнаго управленія, а не такъ, какъ она падаетъ на откупщиковъ, обязанныхъ, во что бы то ни стало, доставить государству нужныя деньги. Но, при тогдашнихъ бѣдныхъ средствахъ, правительство не могло пренебрегать ничѣмъ для устройства финансовъ, слѣдовательно было естественно обезпечить, по прежнему, личною отвѣтственностью полноту сборовъ. Не забудемъ, что виновность въ дефицитѣ рѣдко принималась въ соображеніе.

По всѣмъ этимъ причинамъ и сближеніе съ прежнимъ управленіемъ совершилось очень быстро. Хотя, при восшествіи на пре-

---

[533]) П. С. З. №№ 3520, 3690, 3708, 4812, 4933.

столъ, Екатерина I подтвердила, чтобъ губернаторы и воеводы не вступались въ дѣла купечества, но черезъ два года она подчинила имъ магистраты и ратуши. Въ томъ же указѣ сдѣлано было и другое распоряженіе, разрушавшее до конца прежнюю систему. До сихъ поръ на магистратахъ лежали одни городскіе сборы, то есть прямыя подати купцовъ и ремесленниковъ и косвенные налоги. Указомъ 24-го февраля 1727 года обязанности ихъ были распространены. Такъ какъ, при возложеніи всѣхъ областныхъ дѣлъ на губернаторовъ и воеводъ, подушные сборы съ крестьянъ сбирались посредствомъ особой военной команды, при чемъ на одно жалованье солдатамъ выходило до 70 т. рублей, то, для избѣжанія этой издержки, Верховный Тайный Совѣтъ вздумалъ возложить всѣ сборы на магистраты и ратуши. Губернаторамъ велѣно было положить сборы въ посредственный окладъ, а магистратамъ назначить отъ себя сборщиковъ, съ отвѣтственностію за полноту сбора. Недоимку взыскивали съ членовъ магистрата, но за то весь излишекъ противъ положеннаго оклада обращался въ пользу города. Разумѣется, отвѣтственность подобнаго рода не могла распространяться на все управленіе, въ полномъ его составѣ, а должна была падать особо на каждый городъ. Купеческое управленіе распадалось на отдѣльныя звенья. Сверхъ того, указъ 24-го февраля сдѣлалъ еще одинъ шагъ къ старинному порядку. Такъ какъ отвѣтственность за сборъ податей была очень тяжела, то, въ случаѣ отказа магистратовъ принять на себя всѣ сборы, велѣно возлагать ихъ на особо для того выбранныхъ посадскихъ людей. Всѣми этими мѣрами было подготовлено уничтоженіе магистратовъ. Указомъ 17-го апрѣля того же года закрытъ въ Петербургѣ Главный Магистратъ. Вмѣсто его велѣно избрать въ петербургскую ратушу, для суда надъ купечествомъ, трехъ бургомистровъ, къ которымъ для административныхъ дѣлъ присоединены члены прежняго городоваго магистрата. Бургомистры избирались ежегодно изъ «добрыхъ и знатныхъ людей». Дѣла русскихъ купцовъ съ иностранцами предоставлены одной Коммерцъ-Коллегіи. Въ 1728 году, при Петрѣ II, эта мѣра распространена и на областные города. Магистраты вездѣ замѣнены ратушами и подчинены воеводамъ. Въ тоже время отвѣтственность возло-

жена отдѣльно на каждый городъ; недоимку въ пригородѣ не велѣно взыскивать съ ратуши настоящаго города, за города не отвѣчала провинція и т. д. Связь сословія была нарушена. Отдѣльное управленіе не было уже привилегіей торговаго сословія всей Россіи, оно составляло принадлежность купечества каждаго города, и въ сущности сословное начало почти изчезло. Ратуши стали походить на земскія избы до-петровскаго времени, отъ которыхъ отличались только тѣмъ, что имѣли право суда между купцами и посадскими людьми. Разумѣется, и порядокъ апелляціи долженъ былъ измѣниться. Апелляція на ратушу, съ воеводскаго наказа 1728 года, поступала, въ уѣздныхъ и провинціальныхъ городахъ, къ воеводамъ, а въ губернскихъ, къ губернаторамъ. Петровскій порядокъ до того изгладился, что въ 1737 году, изъ вѣдомства петербургской ратуши исключены были всѣ вексельныя дѣла, переданныя Коммерцъ-Коллегіи.

Такъ продолжалось до императрицы Анны. Во весь этотъ промежутокъ времени жалобы ратушъ на притѣсненія воеводъ не прекращались. Въ 1743 году Сенату было предписано имѣть объ этомъ разсужденіе. По докладу его открыты въ городахъ магистраты, а надъ ними учрежденъ оберъ-президентъ, на прежнемъ основаніи. Единственное отличіе отъ петровскаго управленія состояло въ томъ, что, по докладу Главнаго Магистрата, Сенатъ уничтожилъ особенное раздѣленіе Россіи для купеческихъ дѣлъ, введенное Регламентомъ 1721 года. Оно не совпадало съ общимъ раздѣленіемъ на губерніи и провинціи, что̀, разумѣется, представляло большія неудобства. Сенатскимъ указомъ 20-го августа 1744 года возстановленъ и прежній порядокъ аппелляціи. Дѣла иностранныхъ купцовъ, кромѣ англійскихъ, снова перенесены изъ Коммерцъ-Коллегіи въ Главный Магистратъ. Въ этомъ видѣ магистраты оставались до Учрежденія о губерніяхъ [531]).

При магистратахъ вскорѣ были учреждены словесные суды. Они возникли мало по малу. Извѣстно, что наше старинное законодательство сдѣлалось, подъ конецъ XVII вѣка, очень формально.

[531]) П. С. З. №№ 3708, 5017, 5302, 5017, п. 5, 5142, 5302, 5333, п. 10, 7333, п. 8, 7423, 8734, 9018, 8834.

Оно не давало суда безъ крѣпостей, что̀ по торговымъ дѣламъ было очень неудобно. По этому еще при Екатеринѣ I Главный Магистратъ представилъ Сенату о необходимости разрѣшить купечеству судъ о торговыхъ сдѣлкахъ, по частнымъ документамъ, или даже вовсе безъ нихъ. Сенатъ разрѣшилъ производить дѣла такаго рода «по прежнему купеческому обыкновенію таможеннымъ судомъ». Такимъ образомъ возникъ особый торговый судъ. Въ таможенномъ уставѣ, вышедшемъ въ 1727 году, при Петрѣ II, онъ опредѣленъ подробно. Судъ производился словесно, съ запискою въ судебную книгу. Первымъ условіемъ его была скорость, а потому онъ не принималъ даже спора противъ документовъ, предоставляя противникамъ разбираться объ этомъ третейскимъ судомъ. Аппелляція, кажется, не допускалась. Судьями въ таможнѣ были бургомистры съ товарищами. Внутреннія таможни были уничтожены при Елисаветѣ, но въ словесныхъ судахъ чувствовалась такая потребность, что они немедленно были учреждены при магистратахъ. Въ 1754 году Сенатъ предписалъ открыть при каждомъ магистратѣ, или ратушѣ, словесный судъ, подъ ихъ аппелляціею; тамъ же, гдѣ нѣтъ ни магистратовъ, ни ратушъ, учредить словесные суды особо, подъ аппелляціею ближайшаго города. Въ словесномъ судѣ засѣдалъ одинъ изъ бургомистровъ съ двумя выборными изъ мѣстнаго купечества. При таможняхъ словесные суды остались по прежнему. Екатерина II издала въ 1766 г. подробную инструкцію для нихъ. По сомнительнымъ дѣламъ имъ предписано докладывать городовымъ магистратамъ и ратушамъ, а если отъ нихъ не получатъ разрѣшенія, то доносить Главному Магистрату. [535]).

IV. Особенное управленіе и отчасти судъ существовали также для «служилыхъ прежнихъ службъ людей». Когда возникло регулярное войско, то остался огромный разрядъ людей, не находившихъ мѣста въ новомъ порядкѣ. Такъ какъ въ числѣ ихъ были люди самаго разнороднаго происхожденія, то, при уничтоженіи отдѣльныхъ вѣдомствъ, трудно было рѣшить, куда ихъ причислить.

---

[535]) П. С. З. №№ 4828, 5145, 10222, 10486, глава VIII, ст. 1 и 3; 12721, п. 18.

Новыя понятія о дворянствѣ, о шляхетскомъ сословіи, не позволяли включить въ составъ его людей, близкихъ по роду жизни къ низшему сословію, но также нельзя было уравнять служилыхъ людей и съ крестьянами.

Основаніе для новыхъ мѣръ могла дать одна помѣстная система. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро началась реформа, то между служилыми людьми тотчасъ образовались двѣ категоріи: къ одной принадлежали лица, владѣвшія еще помѣстьями, къ другой всѣ, получавшіе жалованье. Первую изъ нихъ составили однодворцы.

Когда именно вошло въ употребленіе слово «однодворцы», изъ источниковъ не видно. Въ первый разъ они упоминаются въ указѣ 22-го января 1719 года, но уже какъ общепринятый терминъ. Исключительное ихъ положеніе началось послѣ первой ревизіи и, вѣроятно, въ слѣдствіе ея. Ревизія 1719 года уравняла помѣстья съ вотчинами. Въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ лицамъ высшихъ чиновъ, это было легко исполнить, ибо личная служба осталась ихъ обязанностію; но служилые люди низшихъ разрядовъ были въ другомъ положеніи. Они не несли болѣе поголовной службы, а потому Петръ Великій смотрѣлъ на нихъ не только какъ вообще на тяглыхъ людей, но еще какъ на такихъ, которые обязаны особеннымъ вознагражденіемъ за владѣніе государственною землею. Въ 1722 году онъ положилъ на однодворцевъ особенный сборъ на ландмилицію, потому что они, сверхъ подушнаго оклада, «никому ничего платить не повинны, не такъ какъ крестьяне дворцовые во дворецъ, а прочіе своимъ вотчинникамъ платятъ». Этотъ платежъ полагался на нихъ въ замѣнъ прежней службы. Точно такъ же на нихъ смотрѣли всѣ правленія. При императрицѣ Аннѣ они были избавлены отъ всякаго другаго сбора, кромѣ подушнаго, но за то изъ нихъ набирались ландмилицкіе полки. Подобно тому, какъ до Петра Великаго помѣстныя права подлежали стѣсненіямъ по границамъ государства, ибо здѣсь помѣстья давались не только въ награду за службу, но и для защиты границъ отъ непріятеля; такъ теперь однодворческія земли составляли неполную собственность своихъ владѣльцевъ: ихъ нельзя было ни продавать, ни отдавать за искъ и т. д. Характеръ помѣстья, исчезнувшій въ

владѣніяхъ высшихъ членовъ служилаго сословія, сохранился здѣсь во всей чистотѣ. Уже императрица Екатерина сравняла ихъ съ крестьянами въ денежныхъ повинностяхъ. До Анны Іоанновны однодворцы, какъ прежніе городовые служилые люди, употреблялись губернаторами и воеводами для разсылокъ.

Въ слѣдствіе исключительнаго положенія, однодворцы имѣли и особое управленіе. Въ селеніяхъ и деревняхъ, заселенныхъ ими, были управители отъ Военной Коллегіи. Они завѣдывали всякими сборами, судили и были притомъ начальниками однихъ однодворцевъ. Крестьяне послѣднихъ не зависѣли отъ нихъ до Екатерины II, когда было признано полезнымъ подчинить ихъ, вмѣсто воеводъ и губернаторовъ, тѣмъ же управителямъ. Управители, кажется, не зависѣли сначала отъ обыкновенной областной администраціи. При Аннѣ жалобы на нихъ поступали въ Военную Коллегію и Конюшенную канцелярію, къ которой, въ иныхъ провинціяхъ, были приписаны ихъ селенія. Зависимость отъ общаго управленія введена при Елисаветѣ. Въ 1758 году учреждена коммисія «для разсмотрѣнія о состояніи однодворцевъ» и, въ данной ей инструкціи, управители подчинены губернаторамъ. Отъ воеводъ, губернскихъ и воеводскихъ канцелярій, они не зависѣли, Какъ видно, самостоятельное положеніе управителей вело къ значительнымъ злоупотребленіямъ, потому что вскорѣ коммиссія нашла нужнымъ замѣнить ихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, выборными начальниками. Въ инструкціи президенту коммиссіи, генералъ-лейтенанту Ушакову, велѣно было опредѣлять управителей по выбору самихъ однодворцевъ. Но эта перемѣна осталась безъ важныхъ послѣдствій. Между однодворцами были партіи, и когда одна изъ нихъ выбирала управителя, то другая жаловалась, и начинался безконечный судъ у губернатора. Въ 1759 г. Сенатъ напрасно старался ввести выборы по большинству голосовъ. Жалобы продолжались. Въ 1761 году управители отмѣнены сначала въ воронежской губерніи, а потомъ въ орловской провинціи. Ихъ замѣнили сотники, пятидесятники и десятники. Спорныя дѣла разбирались мірскимъ сходомъ, аппелляція подавалась губернатору. Въ 1763 году это устройство введено вездѣ; однодворцамъ велѣно выбирать, для разбора ссоръ, старостъ и лучшихъ людей. Въ тоже время были уничтожены

особыя канцеляріи для однодворческихъ дѣлъ, которыя, вѣроятно съ учрежденія коммиссіи, состояли при губернаторахъ [536]).

Остальные прежнихъ службъ служилые люди были по большей части положены въ подушный окладъ, а нѣкоторые поселены на казенныхъ земляхъ, гдѣ управлялись своими старостами.

Подлѣ этихъ старинныхъ служилыхъ людей образовались новые. Къ числу ихъ принадлежатъ пахатные солдаты и лашманы. Первые возникли при императрицѣ Аннѣ, въ слѣдствіе повелѣнія, даннаго въ 1736 году, отвести казенныя земли отставнымъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ въ астраханской и казанской губерніяхъ. Они судились у своихъ управителей. Лашманы образовались въ 1719 году. Такъ назывались казанскіе, воронежскіе и нижегородскіе Татары, приписанные къ адмиралтейству, «для работы карабельныхъ лѣсовъ». При Петрѣ Великомъ ихъ судилъ какой-то «правосудъ», а потомъ воронежскій вице-губернаторъ, позже капитанъ-командоръ, управлявшій въ Казани конторою карабельныхъ лѣсовъ. Въ 1731 году они подчинены по суду губернаторамъ и воеводамъ, въ завѣдываніи же адмиралтейскихъ командировъ осталась только ихъ корабельная работа. Въ 1742 году Татары били челомъ императрицѣ Елисаветѣ, чтобы имъ не состоять въ вѣдѣніи губернскихъ и воеводскихъ канцелярій, отъ которыхъ имъ чинятся многія обиды, но Сенатъ оставилъ ихъ въ прежней зависимости, на томъ основаніи, что они разселены въ трехъ губерніяхъ [537]).

V. Государственные крестьяне тоже имѣли управителей, которыхъ назначали различныя вѣдомства: у дворцовыхъ крестьянъ сначала приказъ Большаго Дворца, а потомъ Дворцовая канцелярія; у крестьянъ, приписанныхъ къ конюшенному вѣдомству Конюшенная канцелярія и т. д. При Петрѣ Великомъ управленіе было сосредоточено въ ратушахъ, а потомъ въ Коммерцъ-Коллегіи, откуда во всѣ дворцовыя вотчины былъ назначенъ особенный начальникъ, царедворецъ Баскаковъ. Но это продолжалось не долго. Вскорѣ послѣ

---

[536]) П. С. З. NN 3287, 3994, 4370, 5673, 7864, 12185, 9672, 6744, 7339, 10813, 10622, 10988, 11285, 11527, 11758.

[537]) П. С. З. NN 5285, 5313, 5673, 6032, 8392, 3312, 5772, 8785, 9814, 10052.

Петра дворцовые управители были подчинены, въ судебномъ отношеніи, губернаторамъ и воеводамъ, хотя по прежнему опредѣлялись дворцовымъ вѣдомствомъ. При императрицѣ Аннѣ, ихъ велѣно было выбирать изъ отставныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ. Въ Сибири управителей къ пашеннымъ крестьянамъ опредѣляли губернаторы и воеводы Иновѣрцы иногда зависѣли отъ одного губернатора и получали отъ него особеннаго судью иногда были подчинены мѣстнымъ воеводскимъ канцеляріямъ. Черносошные крестьяне имѣли выборное начальство, старостъ и сотскихъ, но подъ аппелляціею и сильнымъ вліяніемъ воеводъ и губернаторовъ. По дѣламъ съ посторонними лицами крестьяне судились у своихъ властей только тогда, когда были отвѣтчиками; искали же они по мѣсту подсудности соперника [538]).

Преобразованія въ центральномъ судоустройствѣ начались позже другихъ и состояли въ полномъ приложеніи тѣхъ началъ, которыя отчасти сознавались и прежде. Прежняя администрація колебалась между личнымъ началомъ и коллегіальнымъ, и первою мѣрой Петра Великаго было учрежденіе коллегій. Въ нихъ, говорилъ онъ, «президенты или предсѣдатели, не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли». Но это не было единственною его цѣлію. Въ приказахъ мѣстное значеніе соединялось съ центральнымъ. Петръ отдѣлилъ одно отъ другаго. Наконецъ, въ слѣдствіе различной цѣли при учрежденіи приказовъ, было много разнообразія въ ихъ зависимости: одни изъ нихъ были совершенно самостоятельны, другіе подчинены высшимъ. Петръ Великій ввелъ однообразную систему.

Коренное измѣненіе было неизбѣжно въ силу не однихъ недостатковъ управленія: оно было притомъ необходимымъ слѣдствіемъ новаго порядка въ областномъ судоустройствѣ. Когда между надворными судами и губернскими канцеляріями раздѣлились всѣ дѣла мѣстнаго управленія, то многіе приказы сами собою сдѣлались не нужны, и окончательная отмѣна ихъ не могла замедлиться. Годъ учрежденія коллегій съ точностію опредѣлить

---

[538]) П. С. З. №№ 3295, п. 13, 3737, 4729, 4957, 5333, п. 12 и 13; 7947, 11101, 11152, 5464, 11120.

довольно трудно. Мысль о нихъ встрѣчается въ самую первую эпоху преобразованій. Еще въ 1715 году Петръ Великій поручалъ генералу Вейде достать за границею «ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ». Но открыты онѣ были не скоро. Первое извѣстіе о нихъ встрѣчается въ 1717 году. Въ слѣдующемъ году упоминаются девять коллегій: 1) Иностранныхъ дѣлъ, 2) Каммеръ, 3) Юстицъ и 4) Ревизіонъ-Коллегіи, 5) Воинская, 6) Адмиралтейская, 7) Коммерцъ-Коллегія, 8) Штатсъ-Контора, 9) Бергъ и Мануфактуръ-Коллегія. Это число удерживается потомъ постоянно, съ прибавленіемъ въ 1722 году Вотчинной Коллегіи. Старинное управленіе не вдругъ однако же изчезло. Хотя большая часть приказовъ была закрыта въ 1712 году, но нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе множества дѣлъ или неокончанія прежнихъ, существовали долѣе. Не говоримъ уже о Помѣстномъ приказѣ, который сначала подъ этимъ названіемъ, потомъ подъ именемъ Вотчинной канцеляріи и наконецъ коллегіи, существовалъ до Учрежденія о губерніяхъ. Земскій приказъ въ 1719 году вѣдалъ, подъ аппелляціею Юстицъ-Коллегіи, всякія судныя и розыскныя дѣла, по всей вѣроятности, въ предѣлахъ одной Москвы и ея губерніи. Административные приказы, подчиненные прямо Сенату, также оставались долго, но большею частію были переименованы въ канцеляріи. Таковы были Тайная канцелярія, замѣнившая Преображеній приказъ, Дворцовая, Конюшенная и пр. До 1719 года существовала также Расправная палата съ подчиненіемъ то Сенату, то Юстицъ-Коллегіи. Составъ коллегій и ихъ дѣлопроизводство были въ первый разъ опредѣлены Генеральнымъ Регламентомъ 1720 года. До этого времени онѣ, какъ сказано въ указѣ 12-го декабря 1718 года, управляли «старымъ манеромъ», то есть на основаніи шведскихъ уставовъ, съ отмѣною того, что не приходилось по Россіи.

Относительно личнаго ихъ состава, на Петрѣ Великомъ лежитъ упрекъ, будто бы онъ намѣренъ былъ по преимуществу наполнить высшія присутственныя мѣста одними иностранцами, и вообще охотнѣе предоставлялъ имъ важнѣйшія дѣла управленія. Это едва ли справедливо. Петръ Великій дѣйствительно очень желалъ, чтобъ иностранцы поступали въ русскую гражданскую

службу. Кромѣ порученія генералу Вейде, онъ въ томъ же году предписалъ Веселовскому, нашему резиденту при вѣнскомъ дворѣ, искать для русской службы «изъ шрейберовъ или изъ иныхъ не гораздо высокихъ чиновъ, изъ приказныхъ людей». Въ 1717 году Брюсу было велѣно набрать ассессоровъ изъ шведскихъ плѣнныхъ; въ 1718 и 1719 годахъ подобныя порученія даются разнымъ лицамъ. Но цѣль Петра состояла въ томъ, чтобъ иностранцы пріучили русскихъ къ новому порядку. Для этого, мѣста въ коллегіяхъ наполнялись тѣми и другими, но, по указу 11-го декабря 1717 года, Русскихъ было гораздо болѣе. Высшія, президентскія мѣста предоставлены имъ однимъ. Въ Генеральномъ Регламентѣ уже нигдѣ не говорится, чтобъ между членами были иностранцы. Число членовъ коллегій до Екатерины II было измѣнено три рода. Въ 1717 году присутствіе состояло изъ президента, вице-президента, четырехъ русскихъ совѣтниковъ и одного иностраннаго совѣтника или ассессора. Канцелярію составляли: два секретаря, одинъ русскій, другой иностранецъ, нотарій, актуаріусъ, регистраторъ и переводчикъ изъ Русскихъ; да шрейберъ изъ иноземцевъ; сверхъ того, для переписки, находились еще подъячіе трехъ статей. По Генеральному Регламенту, число членовъ увеличено до десяти. Кромѣ президента и вице-президента присутствовали 4 совѣтника и 4 ассессора. Канцелярія осталась таже, только шрейберъ уже не упоминается. Въ 1726 году Екатерина I уменьшила присутствіе, назначивъ только двухъ совѣтниковъ и двухъ ассессоровъ. Изъ нихъ не всѣ были обязаны постоянно присутствовать: только половина членовъ находилась въ Петербургѣ, а другая жила «для надзиранія деревень въ дѣлахъ своихъ». Обѣ половины чередовались погодно, такъ что въ присутствіи всегда было три члена. Этотъ указъ былъ изданъ въ слѣдствіе того, «что въ такомъ множайшемъ числѣ членовъ въ управленіи дѣлъ лучшаго успѣха не находится, но паче въ разногласіяхъ въ дѣлахъ остановка и помѣшательство происходитъ» [539]).

---

539) П. С. З. №№ 3261, 2928, 3606, 3381, 3282, 3224, 3227, 3279, 3225, 2967, 3101, 3259, 3478, 3129, 3534, глава XI.

Члены выбирались Сенатомъ, по доношенію коллегіи. Въ вице-президенты онъ избиралъ только кандидатовъ, одного изъ которыхъ утверждалъ государь; совѣтники и ассессоры опредѣлялись Сенатомъ безъ доклада. Президентъ, назначавшійся государемъ безъ представленія Сената, былъ начальникомъ канцеляріи и вообще смотрѣлъ за порядкомъ. Онъ имѣлъ право увольнять членовъ и канцелярскихъ служителей въ осьмидневный отпускъ; болѣе продолжительный разрѣшался Сенатомъ. Коллегіи занимались дѣлами во все продолженіе года, за исключеніемъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, іюня, іюля и августа. Кромѣ того онѣ освобождались отъ присутствія съ 25-го декабря по 7-е генваря, въ сырную недѣлю, первую и страстную недѣли Великаго поста и въ свѣтлую недѣлю, также въ воскресные дни, господскіе праздники и государскіе ангелы. Въ обыкновенное время члены съѣзжались четыре раза въ недѣлю: суббота была свободна, а въ четвергъ президенты собирались въ сенатскую палату. Засѣданіе ежедневно продолжалось пять часовъ, начинаясь въ кратчайшіе дни въ шесть, а въ долгіе въ 8 часовъ утра. Для окончанія важныхъ дѣлъ назначались экстраординарныя засѣданія. За отсутствіемъ президента предсѣдательствовалъ вице-президентъ, а если не было и послѣдняго, то старшій изъ совѣтниковъ. Мнѣніе отсутствующихъ спрашивалось только въ самыхъ важныхъ случаяхъ.

Президенты не имѣли никакой особенной обязанности, а только высшій надзоръ за теченіемъ дѣлъ. Они раздѣляли дѣла между совѣтниками и ассессорами, изъ которыхъ каждому ввѣрялись отдѣльная часть и надзоръ за чѣмъ либо въ канцеляріи. Наблюденіе за низшими мѣстами, подчиненными коллегіямъ, также распредѣлялось между ними. Впослѣдствіи, сенатскимъ указомъ 28-го апрѣля 1720 года, совѣтникамъ было позволено рѣшать маловажныя и неспорныя дѣла безъ доклада присутствію. По всѣмъ дѣламъ важнымъ, или спорнымъ, обязанность ихъ по ввѣренной части состояла въ приготовленіи дѣла къ докладу съ изложеніемъ своего мнѣнія. Президентъ не имѣлъ отдѣльной части. Онъ вообще надзиралъ за членами, доносилъ Сенату объ ихъ злоупотребленіяхъ, или неспособности, и просилъ въ такихъ случаяхъ объ опредѣленіи другихъ на ихъ мѣсто. Онъ особенно

былъ обязанъ смотрѣть за исполненіемъ высочайшихъ и сенатскихъ указовъ; передъ нимъ всегда лежали на столѣ двѣ росписи: одна — исполненныхъ указовъ, другая, неисполненныхъ. Для особливыхъ своихъ дѣлъ (то есть, вѣроятно, порученныхъ ему Сенатомъ или государемъ) президентъ имѣлъ въ коллегіи особенную камеру, а также особаго секретаря, который былъ подчиненъ только ему, не завися отъ другихъ членовъ. Во время засѣданія можно было входить въ камеру судейскаго правленія не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Стулъ подавался только просителямъ, которые не ниже полковничьяго чина. Остальные дѣлали свои доношенія стоя.

Канцелярскіе чиновники назначались Сенатомъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ коллегіею. Низшіе изъ нихъ, канцелярскіе служители, опредѣлялись самою коллегіею. Они приходили часомъ ранѣе судей. Время пріѣзда приказныхъ людей, какъ назывались высшіе чиновники канцеляріи, назначалось президентомъ и членами. За всякій день неявки вычитали жалованье за цѣлый мѣсяцъ, а за каждый недосиженный часъ — недѣльное жалованье.

Обязанности чиновниковъ были слѣдующія. — Главою всей канцеляріи былъ секретарь, который, подъ надзоромъ цѣлой коллегіи, смотрѣлъ за всѣми чиновниками. Онъ принималъ всѣ входящіе указы, письма, меморіалы, реляціи и пр., а также прошенія отъ челобитчиковъ, и содержалъ два реэстра: одинъ исполненнымъ, другой неисполненнымъ дѣламъ. Реэстры выставлялись на стѣнѣ въ канцеляріи. Секретарь дѣлалъ докладъ и былъ обязанъ напоминать коллегіи какъ законы, такъ и обстоятельства дѣла. — Вторая канцелярская должность была нотарія, который составлялъ протоколы. Обязанностью переводчика было — переводить на русскій языкъ иностранныя бумаги, поступившія въ коллегію. Актуаріусъ хранилъ у себя бумаги и отвѣчалъ за ихъ сохранность. Регистраторъ держалъ книги реэстровъ входящихъ и исходящихъ бумагъ. Канцеляристы приготовляли дѣла къ докладу, по приказанію секретаря. При канцеляріи находился архивъ.

Дѣлопроизводство подробно опредѣлено Генеральнымъ Регламентомъ. Порядокъ доклада былъ слѣдующій: прежде слушались

государственныя дѣла, а потомъ частныя. На рѣшеніе государственныхъ дѣлъ полагалась недѣля, а на справки по нимъ въ губерніяхъ — поверстный срокъ: по два дня на сто верстъ въ одинъ конецъ, и столько же въ другой. Въ губерніяхъ и провинціяхъ на справку полагался мѣсяцъ; если же въ мѣсяцъ нельзя было ея окончить, то объ этомъ дѣлалось представленіе въ коллегію, и тогда прибавлялись еще двѣ недѣли, но въ шесть недѣль всякую справку, какъ бы она ни была подробна, слѣдовало кончить. Черезъ недѣлю по ея полученіи дѣло должно быть рѣшено, «подъ наказаніемъ смертнымъ, или ссылкою на галеры и лишеніемъ всего имущества по силѣ дѣла и вины». Челобитчиковы дѣла должны быть рѣшены въ теченіи шести мѣсяцевъ. За проволочку, судьи подвергались, въ первый разъ, взысканію по 30 рублей за каждый мѣсяцъ; если отъ медленности произошли убытки, то, въ первый и во второй разъ, взыскивался двойный денежный штрафъ, а за третій разъ судья подлежалъ наказанію, какъ преслушатель закона. Доложенныя дѣла записывались по порядку нотаріемъ. Голоса подавались судьями, начиная съ младшаго. Приговоръ составлялся по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства перевѣсъ имѣлъ голосъ президента. Каждый членъ коллегіи имѣлъ однако право, въ случаѣ разногласія съ большинствомъ, велѣть записать въ протоколъ свое мнѣніе. Всякое нарушеніе правильной подачи голосовъ вело къ наказанію. Въ проступокъ вмѣнялось какъ несогласіе съ справедливымъ мнѣніемъ другаго члена, по упрямству или неправдѣ, такъ и то, если судья подавшій справедливое мнѣніе, не велѣлъ записать его. Наказаніе было тоже, какому подлежалъ подсудимый. Убытки казны взыскивались вдвое, по уголовнымъ дѣламъ и наказаніе было уголовное.

Строгія взысканія «за непорядочное даяніе голосовъ» были, кажется, неизбѣжны. Коллегіальное начало и пренія еще были не привычны тогдашнимъ судьямъ, и безпорядковъ было не мало. Это можно видѣть изъ самихъ указовъ. Такъ, напр., въ 1718 году Петръ предписывалъ коллежскимъ членамъ, чтобъ у нихъ въ засѣданіи «лишнихъ словъ и болтанья не было, но то время ни о чемъ другомъ, только о настоящемъ говорить; также кто станетъ говорить рѣчи, другому не перебивать, но дать окон-

чить и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ». Столько же нужно было охранять и свободу голоса. Майоръ Даниловъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ, во время президентства графа Шувалова, Военная Коллегія превратилась совершенно въ его канцелярію и вовсе лишилась самостоятельности. Потому-то система штрафовъ вообще чрезвычайно развита въ Генеральномъ Регламентѣ. Строгій взглядъ на государственную службу отличалъ эпоху Петра Великаго. За маловажные проступки и нарушеніе порядка, Регламентъ угрожалъ большими денежными штрафами, иногда даже ссылкою. Еще строже наказывались такія нарушенія закона, которыя, по мнѣнію законодателя, прямо вели къ несправедливости. Къ числу ихъ отнесены слѣдующія: 1) если кто на время, или навсегда, унесетъ изъ коллегіи какой-нибудь документъ; 2) если кто сдѣлаетъ ложный рапортъ, или утаитъ полученный указъ; 3) если кто переправитъ фальшиво протоколъ или документъ; 4) если кто прежде времени объявитъ постороннему лицу протоколъ или резолюцію; 5) если кто, по дружбѣ или враждѣ къ просителю, станетъ пренебрегать своими обязанностями. За легкое преступленіе въ этомъ родѣ виновный подвергался конфискаціи всего имѣнія, или части его, лишенію чина, тяжкому штрафу, или временной ссылкѣ на галеры; за тяжкое преступленіе,— вѣчной ссылкѣ на галеры, съ вырѣзаніемъ ноздрей, и наконецъ даже смертной казни.

Во время изданія Генеральнаго Регламента члены и чиновники коллегіи получали жалованье, но уже въ это время Петръ Великій предполагалъ ввести доходы съ дѣлъ. Къ этому его побуждали, вѣроятно, какъ недостаточность финансовыхъ средствъ правительства, такъ и примѣръ Лифляндіи, гдѣ даже при императорѣ Александрѣ I присутственныя мѣста пользовались извѣстнымъ доходомъ съ просителей. Это технически называлось акциденціями (accidentia). Однако Петръ Великій во всю свою жизнь не рѣшился на эту мѣру, которая напоминала древнее кормленіе. Она была исполнена Екатериною I. Въ 1726 году велѣно было въ двухъ коллегіяхъ: Юстицъ и Вотчинной, во всѣхъ надворныхъ судахъ и магистратахъ выдать жалованье однимъ членамъ, приказнымъ же людямъ не давать, «а довольствоваться

имъ отъ дѣлъ, по прежнему обыкновенію, съ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ». При Петрѣ II акциденціи введены въ таможенномъ судѣ, въ опредѣленномъ количествѣ, какъ въ пользу судей, такъ и въ пользу канцеляріи: «со всякаго суда.... по числу иска: отъ 10 до 100 рублей, 50 копѣекъ; а выше 100 рублей, въ какомъ бы числѣ ни было, одинъ рубль, потому что въ среднемъ и въ большомъ иску въ разсужденіи и въ запискѣ трудъ одинъ». Деньги велѣно складывать въ запечатанный ящикъ и, по прошествіи каждой трети года, дѣлить по пропорціи между судьями и приказными людьми. При императрицѣ Елисаветѣ акциденціи допущены и въ Главномъ Магистратѣ. Такъ кормленіе отчасти удерживалось законнымъ образомъ. Только императрица Екатерина II уничтожила наконецъ послѣдніе слѣды его въ законодательствѣ, предписавъ, въ 1763 году, всѣмъ служащимъ безъ исключенія производить отъ казны жалованье [510]).

Судебныя дѣла сосредоточивались собственно въ трехъ мѣстахъ: Юстицъ, Вотчинной и Коммерцъ-Коллегіяхъ, хотя по временамъ и другія, въ видѣ исключенія, завѣдывали нѣкоторыми судными дѣлами. Особенно важное значеніе имѣла Юстицъ-Коллегія. Сначала она была единственнымъ судебнымъ мѣстомъ, пока въ 1722 году отъ нея не была отдѣлена Вотчинная Коллегія. При Юстицъ-Коллегіи была контора, находившаяся въ Москвѣ. Составъ Коллегіи не измѣнялся до царствованія Петра III. Въ 1762 году она была раздѣлена на три департамента, для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, при общемъ собраніи, для важнѣйшихъ процессовъ. Екатерина II поручила президентамъ распредѣленіе дѣлъ по департаментамъ. Вотчинная Коллегія, при Петрѣ III, была раздѣлена на три департамента, а при Екатеринѣ II, на четыре [511]). Это раздѣленіе сохранилось до Учрежденія о губерніяхъ.

Высшее центральное учрежденіе, Боярская Дума, тоже была преобразована. Еще около 1705 года Петръ Великій началъ уже измѣнять ея составъ. Расправная палата была отдѣлена и стала

---

[510]) П. С. З. NN 3534, 9228, 4917, 3231. Записки артиллеріи майора Данилова, М. 1842, стр. 119. П. С. З. NN 4897, 9081, 11988.
[511]) П. С. З. NN 3881, 11422, 11989.

кажется, главнымъ судебнымъ мѣстомъ. Для дѣлъ административныхъ была Ближняя Канцелярія, въ которой засѣдали бояре, или министры. Ей были подчинены всѣ приказы, въ томъ числѣ и Разрядъ. По учрежденіи Сената Ближняя Канцелярія еще долго существовала. Объ ней упоминается въ 1716 году. Отношенія ея къ Сенату, на основаніи существующихъ источниковъ, опредѣлить довольно трудно. Она по прежнему стояла во главѣ всего управленія, но сама зависѣла отъ Сената. Едва ли она не была посредствующимъ звеномъ между имъ и всею остальною администраціею. Въ Ближнюю Канцелярію поступали всѣ денежные отчеты низшихъ административныхъ мѣстъ, но объ ослушникахъ она докладывала Сенату. Въ тоже время это было мѣсто царскаго совѣта, и когда государь въ ней присутствовалъ, то изъ нея выходили именные указы.

Указомъ 22-го февраля 1711 года Петръ Великій учредилъ Правительствующій Сенатъ. При этомъ сказано, что Сенатъ учреждается для отлучекъ государя, но кажется, что и тогда назначеніе его не было временное, потому что Разрядъ былъ тотчасъ уничтоженъ, а этотъ приказъ былъ главнымъ распорядителемъ по всѣмъ дѣламъ управленія. Первая инструкція Сенату предписывала ему, что̀ дѣлать въ отсутствіе царя. Высшій надзоръ за судомъ и управленіемъ былъ тогда же сосредоточенъ въ Сенатѣ. Первоначальный составъ его былъ очень не сложенъ. Сенаторовъ было девять, канцелярія состояла подъ начальствомъ одного оберъ-секретаря и раздѣлялась на шесть столовъ: секретный, приказный, два губернскихъ, фискальскій и разрядный. Столы были подчинены одинъ другому: подъячіе губернскихъ, разряднаго и фискальскаго повытій зависѣли отъ приказнаго, а подъячіе приказнаго стола отъ секретнаго. Распредѣленіе дѣлъ между столами, хотя и было основано на различіи предметовъ, но было не совсѣмъ правильно. Нѣкоторыя дѣла были отнесены не къ тѣмъ столамъ, куда, по роду своему, они принадлежали. Такъ, напр., въ секретномъ столѣ, кромѣ царскихъ указовъ и переписки Сената съ разными государственными людьми, находились еще вѣдомости изъ губерній о приходѣ и расходѣ, иноземческія дѣла и армянскія. Въ приказномъ столѣ, кромѣ сношеній Сената съ приказами, вѣдались еще дѣла

московской губерніи. Причина неправильнаго распредѣленія заключалась отчасти въ остаткѣ старинныхъ началъ управленія, на основаніи которыхъ, напр., мѣстныя дѣла Москвы были поставлены на ряду съ центральными; отчасти и въ томъ, что въ это время сенатскіе подъячіе также кормились отъ дѣлъ какъ прежде подъячіе Боярской Думы. Объ этомъ сохранилось любопытное извѣстіе. Въ 1713 году подъячіе секретнаго стола били челомъ государю, что имъ съ домашними невозможно прокормиться государевымъ жалованьемъ и просили о прибавкѣ. Вмѣсто этого, имъ велѣно было вѣдать въ секретномъ столѣ всѣ иноземческія дѣла и дѣла Строгановыхъ При канцеляріи состояли коммиссары изъ губерній для облегченія Сенату сношеній съ губернаторами. Съ 1715 года при Сенатѣ былъ «генеральный ревизоръ или надзиратель указовъ» который наблюдалъ за исполненіемъ сенаторами ихъ обязанностей. О порядкѣ засѣданій и дѣлопроизводства въ это время извѣстно очень не много. Въ 1716 году велѣно было сенаторамъ съѣзжаться три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. За неявку безъ уважительной причины, велѣно взыскивать, за каждый разъ, по 50 рублей штрафа. Приговоры постановлялись единогласно. Въ нихъ, въ 1717 году, велѣно помѣщать выписку изъ дѣла, которую дьяки должны были скрѣплять по листамъ. Сенаторы подписывали приговоры собственноручно [512]). Въ 1711 году, для тайнаго надзора за правильностію суда и управленія въ государствѣ, при Сенатѣ учрежденъ былъ оберъ-фискалъ, который при каждомъ судѣ держалъ фискаловъ. Но вступаться въ тяжебныя дѣла имъ было запрещено.

Таковъ былъ Сенатъ въ первомъ своемъ видѣ. Онъ мало еще отличался отъ прежней Боярской Думы. Было только то различіе, что онъ имѣлъ не одинъ совѣщательный характеръ, а пользовался полною самостоятельностію. Можно сказать, что Петръ Великій юридически раздѣлилъ власть между собою и своимъ Сенатомъ, который сдѣлался главою всей администраціи въ ея

---

[512]) П. С. З. №№ 2022, 2189, 2206, 2217, 2218, 2239, 2342, 2763, 2321, 2330, 2339, 2342, 2683, 2743, 2967, 2982, 3096.

постоянныхъ отправленіяхъ. Петръ Великій перенесъ на Сенатъ всѣ свои понятія о величіи царской власти. Вотъ почему, въ дальнѣйшихъ своихъ преобразованіяхъ, онъ окружаетъ его все большею и большею властью и тѣснѣе связываетъ его дѣятельность со всѣми отраслями государственнаго управленія.

Когда учреждены были коллегіи, то потребовалось опредѣлить ихъ отношенія къ Сенату. Надобно было сдѣлать его главнымъ и живымъ органомъ всей администраціи, и Петръ Великій немедленно измѣнилъ его составъ. Въ 1718 году изданъ былъ подробный указъ о должности Сената. Вмѣсто прежнихъ девяти членовъ назначено быть сенаторами президентамъ девяти тогда существовавшихъ коллегій, но секретарь и канцелярія были особенные. Всѣ коллегіи подчинены Сенату, и когда въ одной изъ нихъ возникало дѣло, которое тамъ не могло быть рѣшено, то президентъ увѣдомлялъ о томъ сенатскаго секретаря. Секретарь тотчасъ же давалъ знать всѣмъ остальнымъ президентамъ и сзывалъ ихъ на совѣщаніе. Кромѣ того, какъ видно изъ Генеральнаго Регламента, Сенатъ еще постоянно собирался по четвергамъ. Изъ этого состава видно, что главнымъ его занятіемъ считалось разрѣшеніе возникшихъ въ коллегіяхъ недоумѣній; но кромѣ того ему были поручены и дѣла высшаго государственнаго управленія. Сюда, напр., писали всѣ областные правители о каждомъ необыкновенномъ происшествіи. Сенатъ же выбиралъ кандидатовъ во всѣ высшіе чины, посредствомъ балотированія. Что касается до судебнаго значенія, то съ 1718 года онъ не составлялъ прямой судебной инстанціи, въ которую бы дѣла непремѣнно поступали, по всякой аппеляціи на коллегіи. По указу 22-го декабря, аппеляціонныя жалобы на коллегіи подавались, правда, сенатскому секретарю, но онъ не представлялъ ихъ Сенату, а подавалъ самому государю, который, разсмотрѣвъ челобитныя, надписывалъ на нихъ, чтобъ дѣло было разобрано и рѣшено всѣми президентами коллегій. Тогда уже процессъ переходилъ въ Сенатъ. Черезъ два года ему опять возвращено значеніе постоянной судебной инстанціи, ибо въ 1720 году, для пріема челобитныхъ на коллегіи, при Сенатѣ учреждено особое званіе — рекетмейстера. Приговоры, по прежнему, требовались

единогласные. Если хотя одинъ изъ президентовъ былъ несогласенъ, то рѣшеніе считалось недѣйствительнымъ. Дѣло, вѣроятно, докладывалось государю.

Сенатская канцелярія состояла, въ 1718 году, изъ секретаря и подъячихъ, забранныхъ изъ Юстицъ-Коллегіи; но въ слѣдующемъ 1719 году она была увеличена, по образцу прочихъ коллегій. Въ это время ее составляли: одинъ оберъ-секретарь, два секретаря изъ дьяковъ, между которыми были распредѣлены дѣла всѣхъ коллегій. Каждое секретарство было раздѣлено на два повытья. Каждое повытье завѣдывало дѣлами двухъ коллегій и двухъ губерній. Былъ еще, неизвѣстно для какихъ дѣлъ, особый приказный столъ, въ вѣдѣніи канцеляриста. Сверхъ того были особый секретарь и переводчикъ для иностранныхъ дѣлъ, актуаріусъ и регистраторъ. — Все дѣлопроизводство было письменное. При перенесеніи дѣлъ изъ коллегій въ Сенатъ, какъ президенты, такъ и просители скрѣпляли ихъ своею подписью [513]).

Мыслію Петра Великаго, побудившей его къ превращенію Сената въ общее собраніе президентовъ, было составить высшее управленіе изъ людей спеціальныхъ, изъ администраторовъ близко знакомыхъ со всѣми подробностями управленія. Но этотъ составъ вскорѣ оказался неудобнымъ, ибо съ одной стороны онъ отвлекалъ президентовъ отъ ихъ постоянныхъ занятій, съ другой, не давалъ никакой свободы надзору Сената надъ коллегіями: надзоръ производился отчасти тѣми самыми лицами, которыя ему подлежали. Наконецъ, въ слѣдствіе сенаторскаго званія президентовъ, другіе члены коллегій не смѣли не соглашаться съ ними. Такія неудобства заставили Петра Великаго въ 1722 году снова измѣнить составъ Сената. Указомъ 12-го января велѣно было во всѣ коллегіи, кромѣ двухъ воинскихъ и иностранной, выбрать новыхъ президентовъ, а прежнихъ оставить сенаторами, «дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства и правомъ судѣ и смотрѣли бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ сами будучіе во оныхъ какъ могутъ сами себя судить»? Президенты Воинскихъ, Иностранной и Бергъ-

---

513) П. С. З. №№ 3264, 3261, 3581, 3262, 3311, 3776.

Коллегіи уволены отъ постояннаго присутствія въ Сенатѣ. Они обязаны были пріѣзжать туда только въ слѣдующихъ пяти случаяхъ: «1) когда какія нужныя вѣдомости, 2) когда новыйі какой указъ въ государствѣ публиковать надлежитъ. 3) когда судъ генеральной, 4) или какое новое дѣло, рѣшенія требующее; 5) когда присутствуетъ самъ государь». И такъ въ Сенатъ были допущены только тѣ президенты, которыхъ коллегіи носили особенно важный. политическій характеръ. Этимъ, при полной независимости дѣйствіи, Сенатъ пріобрѣталъ всю важность учрежденія, до нѣкоторой степени имѣющаго вліяніе на политическія отношенія имперіи. Чтобъ сдѣлать строже подчиненіе ему всѣхъ остальныхъ учрежденій, Петръ Великій соединилъ съ нимъ Ревизіонъ - Коллегію, завѣдывавшую финансовою отчетностію всего государственнаго управленія. Впослѣдствіи онъ отчасти возвратился къ прежней системѣ, повелѣвъ присутствовать «для малолюдства» всѣмъ уволеннымъ президентамъ; но это было временною мѣрою.

При такой власти необходимо было подчинить надзору собственную дѣятельность Сената. Для этого, тѣмъ же указомъ, учреждена должность генералъ-прокурора, которому ввѣрено и управленіе канцеляріею. О генералъ-прокурорѣ, какъ главѣ всей надзирающей власти въ государствѣ, будетъ сказано ниже; а теперь скажемъ о перемѣнахъ въ составѣ канцеляріи и въ дѣлопроизводствѣ.

Канцелярія измѣнилась немного. Къ прежнимъ чиновникамъ былъ прибавленъ новый, экзекуторъ. Особенное положеніе при Сенатѣ занимали оберъ-фискалъ, герольдмейстеръ и рекетмейстеръ, составлявшіе съ своими конторами родъ особенныхъ канцелярій. Обязанность экзекутора состояла въ разсылкѣ сенатскихъ указовъ и наблюденіи за ихъ исполненіемъ. Онъ держалъ особую книгу, въ которую записывалъ все, что относилось къ исполненію указовъ.

Порядокъ дѣлопроизводства былъ опредѣленъ слѣдующимъ образомъ. Сенатъ собирался безъ повѣстокъ три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу, въ седьмомъ часу утра. Сенаторъ, который не могъ пріѣхать по болѣзни, или по другой законной причинѣ, обязанъ былъ о томъ увѣдомить до урочнаго

часа. Въ понедѣльникъ и пятницу разсматривались государственныя дѣла, а въ середу частныя (челобитчиковы). Сверхъ того были и чрезвычайныя собранія, по повѣсткамъ. На столѣ присутствія лежалъ реэстръ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію, съ означеніемъ, когда они начались. Дѣла предписано было слушать по очереди, а не выборомъ; позволялось однако особенно важныя рѣшать безъ очереди. Голоса подавались, начиная съ младшихъ сенаторовъ. По выслушаніи дѣла позволялось переговорить между собою, но не очень долгое время. Самый крайній срокъ былъ три часа, только въ особенно важныхъ случаяхъ позволялось отлагать приговоръ до слѣдующаго дня. За немедленнымъ рѣшеніемъ дѣлъ наблюдалъ генералъ-прокуроръ, который для этого имѣлъ передъ собою песочные часы, и по нимъ назначалъ сенаторамъ время для совѣщаній. Во время разсужденій сенаторы могли вставать съ своихъ мѣстъ, но по окончаніи ихъ, при подачѣ голосовъ, всѣ должны быть по своимъ мѣстамъ Дѣла рѣшались единогласно. Приговоръ вносился въ протоколъ, и дѣло въ реэстрѣ отмѣчалось рѣшеннымъ. Голоса записывались въ протоколѣ отдѣльно. Всякій сенаторъ подписывался подъ своимъ голосомъ [514]).

Званіе генералъ-прокурора имѣло двоякое значеніе: съ одной стороны ему былъ порученъ надзоръ за дѣйствіями Сената, съ другой, въ его рукахъ сосредоточивалась вся система надзора за всѣми учрежденіями и чиновниками въ имперіи. Мысль объ особенной полиціи для наблюденія за дѣйствіями органовъ правительства естественно вытекала изъ идей Петра Великаго. Взглядъ на всякую дѣятельность съ точки зрѣнія исключительно государственной долженъ былъ необходимо повести къ учрежденію въ родѣ римской цензуры, ибо съ этой точки зрѣнія нельзя было предоставить противодѣйствіе злоупотребленіямъ власти однимъ частнымъ лицамъ. Вотъ почему, еще въ 1711 году, учреждая Сенатъ, Петръ Великій предписалъ ему установить фискаловъ. Обязанность ихъ состояла въ тайномъ надзорѣ за правосудіемъ и интересами казны и въ публичномъ обвиненіи несправедливыхъ судей и начальниковъ. Фискалы не могли прямо ихъ

---

[514]) **П. С. З. №№ 3877. Дневникъ каммеръ-юнкера Беркгольца, пер. г. Аммона, М. 1858, часть 2, стр. 48. П. С. З. №№ 4011, 3979, п. 6 и 8, 4554, 3978, 4847.**

останавливать, но обвиняли ихъ передъ судомъ. Въ поощреніе фискаламъ была предоставлена половина штрафа съ обвиненнаго. Кромѣ этихъ дѣлъ они были еще обязаны возбуждать уголовныя дѣла, по которымъ нѣтъ истца. Фискалы находились во всѣхъ провинціяхъ и сверхъ того «у всякаго дѣла», т. е. при всякомъ вѣдомствѣ. Они назывались провинціалъ-фискалами въ губерніяхъ и провинціяхъ, въ городахъ фискалами, а началь икъ ихъ, оберъ-фискаломъ. Власть ихъ во всѣхъ степеняхъ была одинаковая, только провинціалъ-фискалы и городскіе не могли сами обвинять судей высшихъ инстанцій, о которыхъ они доносили оберъ-фискалу.—Фискалы принимали доношенія о злоупотребленіяхъ чиновниковъ отъ всякаго частнаго лица и всѣми мѣрами должны были ограждать доносителей отъ мести. Самъ фискалъ, за несправедливый доносъ, не подвергался никакому наказанію, и только за частые ложные доносы съ него брали легкій штрафъ, чтобъ онъ былъ впередъ осмотрительнѣе. Одна доказанная злонамѣренность вела къ болѣе тяжкому наказанію. Для обезпеченія фискаламъ полной свободы дѣйствія они не были подчинены никакой мѣстной власти. Губернаторы и ландраты, а потомъ воеводы, ни въ чемъ ихъ не вѣдали. Они были подсудны одной Юстицъ-Коллегіи, а оберъ-фискалъ — Сенату. Доношенія свои они подавали мѣстному начальству, о дѣлахъ же особенной важности, черезъ оберъ-фискала Юстицъ-Коллегіи. Оберъ-фискалъ подавалъ доношенія прямо въ Сенатъ.

Подобно надзору за свѣтскими начальниками былъ учрежденъ, въ 1720 году, надзоръ и за духовнымъ вѣдомствомъ, въ лицѣ провинціалъ-инквизиторовъ, инквизиторовъ и протоинквизитора. Обязанности ихъ въ церковномъ вѣдомствѣ были тѣже самыя, какъ фискаловъ въ свѣтскомъ. Замѣчательно, что въ инструкціи, данной Синодомъ протоинквизитору въ 1721 году, было велѣно «наипаче смотрѣть надъ оными, которые сами на инквизиторство набиваются, каковыхъ за тѣмъ до такаго званія допускать отнюдь не надлежитъ»

Учрежденіе фискаловъ, какъ видно, удовлетворяло нѣкоторой потребности общества, потому что Петръ Великій долженъ былъ запретить имъ даже особымъ указомъ вступаться въ челобитчиковы дѣла, а просителямъ подтвердить, чтобъ они къ нимъ не

обращались. Но введенные для тайнаго надзора за судьями, они, если и содѣйствовали улучшенію административной нравственности, то все-таки не полагали немедленной преграды судейской неправдѣ. Отсюда проистекала необходимость въ такихъ лицахъ, которыя бы имѣли право прямаго протеста и явнаго надзора. Въ этомъ смыслѣ Петръ Великій пополнилъ свою систему учрежденіемъ прокуроровъ [545].

Сначала въ намѣреніи его было только учредить надзоръ за Сенатомъ, но потомъ онъ рѣшился ввести подобныхъ чиновниковъ и во всѣ остальные суды. Въ 1722 году Сенату велѣно было выбрать генералъ-прокурора, оберъ-прокурора, для нахожденія при немъ, и прокуроровъ, состоявшихъ при всѣхъ коллегіяхъ. Петръ до такой степени почиталъ эти должности необходимыми, что разрѣшилъ выбирать кандидатовъ «изъ всякихъ чиновъ, понеже дѣло нужно есть». Въ томъ же году прокуроры введены въ надворные суды. Вообще они были необходимою принадлежностію всѣхъ видовъ управленія Они были и въ Судномъ приказѣ, и въ губерніяхъ, и даже при канцеляріяхъ, хотя, кажется, не при всѣхъ [546].

Петръ Великій придавалъ этому званію важное значеніе. Онъ выразился о генералъ-прокурорѣ, что онъ есть «око государя и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ». Фискалы были немедленно подчинены ему. Они доносили прокурорамъ тѣхъ мѣстъ, при которыхъ находились; если же послѣдніе не дѣлали никакаго распоряженія, то прокурору непосредственно высшей инстанціи. Въ случаѣ его бездѣйствія велѣно было доносить оберъ-фискалу. Если и оберъ-фискалъ ничего не дѣлалъ, то фискалы могли прямо относиться къ генералъ-прокурору. Оберъ-фискалъ подавалъ рапорты Сенату черезъ него же. Генералъ-прокурору предоставлено даже право отдавать фискаловъ подъ судъ за злоупотребленіе власти. Всѣми этими мѣрами фискальская должность сдѣлалась лишнею, ибо могла быть легко соединена съ прокурорскою. Однако фискалы еще долго существовали и изчезли только при введеніи Учрежденія о губерніяхъ, когда вообще строгая дикта-

---

[545]) П. С. З. NN 2330, 2331, 2414, 2786, 2467, п. 5, 3629, 3453, 3778, 3870, 2669.

[546]) П. С. З. NN 3877, 3380, 3951, 3959, 6138, 6475.

тура государства начала смягчаться, и частной дѣятельности было предоставлено болѣе свободы. Послѣ Екатерины II они остались только въ остзейскихъ провинціяхъ, да еще при Павлѣ были введены въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ Россіи ихъ почти вѣковое существованіе не оставило по себѣ доброй памяти Безпрестанный надзоръ за частными людьми, безпрепятственное и тайное вмѣшательство въ дѣлахъ были бы тяжелы во всякое время, а въ бурную эпоху, начавшуюся послѣ кончины Петра Великаго, всѣ страшныя стороны фискальскаго званія должны были выступить еще яснѣе, еще тяжеле [517]).

Лучшую будущность имѣло учрежденіе прокуроровъ. Они надзирали вообще за исполненіемъ законовъ со стороны присутственныхъ мѣстъ, напоминали судьямъ объ ихъ обязанностяхъ и останавливали ихъ несправедливыя распоряженія. Для этого они присутствовали въ засѣданіи тѣхъ мѣстъ, при которыхъ находились. При губернаторахъ сначала не было прокуроровъ, потому что они вообще были введены только для надзора за коллегіальными мѣстами, но когда все областное управленіе было сосредоточено въ рукахъ однихъ губернаторовъ, то прокуроры находились и въ губернскихъ канцеляріяхъ. Въ первый разъ они упоминаются тамъ при императрицѣ Аннѣ, въ 1733 году. Наблюдая за порядкомъ засѣданій, они подавали рапорты о времени пріѣзда членовъ въ присутствіе. Какъ особенные блюстители казенныхъ интересовъ, они принимали всѣ доношенія о казенныхъ дѣлахъ; для удобнѣйшаго надзора съ ихъ стороны, секретарямъ вмѣнено въ обязанность подавать имъ особенные рапорты, когда дѣлаютъ представленіе судьямъ о несообразности приговора съ закономъ. Прокуроры нигдѣ не завѣдывали канцеляріею. Для большаго обезпеченія ихъ независимости они пользовались особенною подсудностію: ихъ могъ судить одинъ Сенатъ, а генералъ-прокурора только императоръ. Въ отсутствіе государя Сенатъ имѣлъ право, за явное нарушеніе закона, арестовать генералъ-прокурора и назначить слѣдствіе, но ни пытки, ни наказанія онъ не могъ предписать самъ собою. За взятки, или другое нарушеніе закона, прокуроры подлежали строжай-

---

[517]) П. С. З. №№ 3979, п. 3, 4, 7; 4036, 18181, 18985, 19218, 30539.

шему взысканію: если они намѣренно сдѣлали преступленіе, то подвергались, смотря по мѣрѣ вины, или смертной казни, или ссылкѣ на каторгу, съ вырѣзаніемъ ноздрей, и конфискаціи всего имущества. За ненамѣренное нарушеніе закона, или простую оплошность, взысканіе было слѣдующее: за первую вину вычетъ жалованья за полгода, за вторую, за годъ, за третью, конфискація половины имущества и ссылка на десятилѣтнюю каторжную работу.

Порядокъ надзора былъ нѣсколько различенъ въ Сенатѣ и въ другихъ судебныхъ мѣстахъ. Генералъ-прокуроръ, останавливая рѣшеніе Сената, немедленно доносилъ государю только о важнѣйшихъ дѣлахъ, но и то имѣлъ право отсрочить на недѣлю, для лучшаго обсужденія. О маловажныхъ дѣлахъ онъ доносилъ государю или во время его присутствія въ Сенатѣ, или помѣсячно, или понедѣльно. Наблюдая вообще за дѣйствіемъ указовъ, онъ обязанъ былъ освѣдомляться объ ихъ исполненіи у тѣхъ, которые ихъ получили, понуждать ихъ къ тому и требовать отъ нихъ отчета. О медленности чиновниковъ въ исполненіи указовъ онъ доносилъ Сенату. Для точныхъ свѣдѣній по этому предмету у него была книга указовъ, гдѣ записывались какъ время изданія, такъ и весь ходъ исполненія. Оберъ-прокуроръ не имѣлъ никакой особенной должности до тѣхъ поръ, пока на него не были возложены обязанности рекетмейстера. Онъ былъ просто помощникомъ генералъ-прокурора и замѣнялъ его въ случаѣ его отсутствія.

Прокуроры дѣйствовали нѣсколько иначе. Они тоже останавливали своимъ протестомъ рѣшенія присутственнаго мѣста, но доносить о томъ генералъ-прокурору были обязаны не позже трехъ дней. Въ важныхъ случаяхъ они отправляли свои донесенія съ нарочнымъ. Сверхъ явнаго протеста они представляли генералъ-прокурору еще и тайныя донесенія о злоупотребленіяхъ. Генералъ-прокуроръ, получивъ рапортъ, переносилъ дѣло въ высшую инстанцію. Замѣчательно, что изъ прокуроровъ никто не былъ подчиненъ другому. Такъ губернскіе прокуроры доносили прямо генералъ-прокурору, а не коллежскимъ, и самое дѣло, минуя коллегіи, переходило въ Сенатъ. Присутственныя мѣста, въ случаѣ протеста, съ своей стороны доносили Сенату. Всѣ

сношенія прокуроровъ съ верховною властію происходили чрезъ посредство генералъ-прокурора, почему законъ и называетъ ихъ его окомъ въ коллегіи или губерніи»[548]).

Въ Сенатѣ была еще особенная должность съ судебнымъ значеніемъ, — рекетмейстера, или какъ онъ послѣ назывался, генералъ-рекетмейстера. Эта должность была учреждена еще ранѣе прокурорской, именно въ 1720 году. Цѣль ея состояла въ облегченіи для просителей принесенія жалобъ. Рекетмейстеръ разсматривалъ жалобы на всѣ мѣста, непосредственно подчиненныя Сенату, и если требовалось только понудить судей къ скорѣйшему рѣшенію, то ходилъ самъ въ коллегіи и канцеляріи, докладывая Сенату только объ ослушаніи судей; если же жалоба была принесена на самую сущность приговора, то переносилъ дѣло въ Сенатъ. Генералъ-рекетмейстеръ имѣлъ при себѣ особую контору.

Должность генералъ-рекетмейстера была нѣсколько разъ уничтожаема и возобновляема, смотря по тому, считали, или нѣтъ, ее нужною для правильнаго порядка аппелляціи. Въ 1727 году она была соединена съ званіемъ оберъ-прокурора, въ 1730 году возстановлена отдѣльно, и съ тѣхъ поръ существовала до царствованія императора Александра I, при которомъ опять уничтожена, въ 1815 году. Въ 1762 году уничтожена рекетмейстерская контора[549]).

Изъ учрежденій, находившихся при Сенатѣ и составлявшихъ какъ бы его отдѣленія, судебное значеніе имѣли слѣдующія:

1) Сенатская контора. До Екатерины II она постоянно существовала въ Москвѣ и по временамъ учреждалась въ Петербургѣ, когда Сенатъ слѣдовалъ за дворомъ въ Москву. Въ первый разъ она была открыта въ 1722 году, въ слѣдствіе неудобства, для отдаленныхъ губерній, обращаться по всѣмъ дѣламъ въ Петербургъ. Въ Москвѣ было оставлено по конторѣ отъ каждой коллегіи, а для надзора за ними учреждена Сенатская контора. Сначала все это московское управленіе было личнымъ: отъ каждой

---

[548]) П. С. З. №№ 3877, 3890, 3979, 3937, 3987, 6475.

[549]) П. С. З. №№ 3581, 3877, п. 4, 3900, 3968, 3978, п. 4, 4803, 5023, 5334, 11817, 11989, п. 1, 12023.

коллегіи было назначено въ конторы по одному совѣтнику, а въ Сенатскую опредѣленъ одинъ сенаторъ; но вскорѣ и конторы получили коллегіальный составъ. Въ Сенатскую контору были назначены два ассесора, прокуроръ и экзекуторъ. Впослѣдствіи составъ ея нѣсколько разъ измѣнялся; иногда въ ней присутствовали коллежскіе члены, президенты конторъ, большею частію вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ. Въ Петербургѣ контора была оставляема, кажется, для исполненія однихъ текущихъ дѣлъ, ибо при Екатеринѣ II аппелляція въ нее изъ новгородской губерніи была допущена только въ видѣ исключенія. Въ Москвѣ она имѣла болѣе самостоятельное значеніе, но тоже не всѣ дѣла рѣшала окончательно. Такъ, напримѣръ, взысканія съ губернаторовъ и воеводъ она производила по указу Сената, а не по собственному распоряженію; по уголовнымъ дѣламъ ея приговоры утверждались Сенатомъ.

2) Остальныя конторы всѣ имѣли временный характеръ. Петръ Великій, въ 1724 году, велѣлъ учредить при Сенатѣ контору розыскныхъ дѣлъ, для тѣхъ уголовныхъ слѣдствій, которыя будутъ происходить въ самомъ Сенатѣ и «особливую палату для случающихся дѣлъ чрезвычайныхъ». Въ примѣръ приведено дѣло Шафирова. Эта палата не имѣла особой канцеляріи. Неизвѣстно, какъ долго существовали оба эти мѣста и даже были ли открыты. По временамъ, когда въ Сенатѣ накоплялось много нерѣшенныхъ дѣлъ, назначалась особая коммиссія для ихъ рѣшенія [550]).

Въ такомъ видѣ былъ Сенатъ при Петрѣ Великомъ. Собираясь, по его выраженію, «вмѣсто присутствія Его Величества собственной персоны», онъ былъ для верховной власти, во всякой ея дѣятельности, необходимымъ посредствующимъ органомъ. Бо̀льшая часть правительственныхъ лицъ опредѣлялась имъ непосредственно, другія, хотя и назначенныя государемъ, подлежали его надзору. Къ этому присоединялась особое, прокурорское вѣдомство, тѣсно связанное съ нимъ. При дружномъ, согласномъ дѣйствіи нѣтъ сомнѣнія, что Сенатъ могъ бы получить важное значеніе. Но этого не случилось. Причина такого явленія заключалась столько же въ степени развитія тогдашняго общества, сколько въ способѣ дѣйствія преемниковъ Петра Великаго. Въ исто-

---

[550]) П. С. З. №№ 3887, 3951, 6434, 6812, 7003, 11806, 4427, 8294.

ріи Сената много примѣровъ, которые показываютъ, какъ московскіе бояре были мало готовы къ государственной дѣятельности. Мы видѣли, что Петръ Великій долженъ былъ убѣждать сановниковъ не браниться подобно бабамъ торговкамъ, не говорить въ засѣданіяхъ лишняго и учить ихъ, когда можно встать съ мѣста, и когда сидѣть смирно. Императрица Екатерина II, при самомъ восшествіи на престолъ, жаловалась на партіи между сенаторами, которые вмѣсто того, чтобь думать объ общей пользѣ, только «стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя». Жалобы на медленный судъ Сената наполняютъ всю его исторію. Разумѣется, при такомъ способѣ дѣйствія, ему трудно было пріобрѣсти твердое положеніе и быть строгимъ блюстителемъ петровскаго управленія. Но нельзя, однако, сказать, чтобъ онъ не имѣлъ нѣкотораго значенія. Это доказывается постояннымъ стѣсненіемъ его правъ въ эпоху переворотовъ послѣ Петра Великаго.

Не прошло года послѣ его смерти, какъ Сенатъ подвергся важному преобразованію. Государственныя дѣла были исключены изъ его вѣдомства и предоставлены Верховному Тайному Совѣту; Сенатъ сохранилъ только судъ и второстепенныя дѣла внутренняго управленія. Права его были ограничены, и его надзоръ за всею администраціею отчасти уменьшенъ, отчасти совсѣмъ уничтоженъ.

Чтобы не стать въ рѣзкое противорѣчіе съ системой Петра, еще во многихъ возбуждавшею сильное сочувствіе, новая мѣра была объяснена въ смыслѣ необходимаго развитія административныхъ учрежденій. Сенатъ, было сказано въ указѣ 8-го февраля 1726 года, состоялъ при Петрѣ Великомъ изъ лицъ двоякаго рода: во первыхъ, изъ личныхъ совѣтниковъ государя, слѣдовавшихъ за нимъ даже въ походахъ; во вторыхъ изъ такихъ членовъ, которыхъ назначеніемъ было наблюдать за отправленіемъ текущихъ дѣлъ. Въ слѣдствіе этого, кромѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, тамъ находились и лица другихъ чиновъ. Позже сенаторы выбирались только изъ числа первыхъ, но при нихъ находились два генералъ-маіора. А такъ какъ дѣйствительные тайные совѣтники имѣютъ много постороннихъ занятій, по управленію коллегіями и совѣщаніямъ о государственныхъ дѣлахъ, то полезнѣе составить изъ нихъ особое мѣсто, а Сенату предоставить только внутреннія дѣла второстепенной важности. Нечего и гово-

рить, что этотъ взглядъ не совсѣмъ согласенъ съ истиною. Сенатъ и въ дѣлахъ государственныхъ имѣлъ не одинъ совѣщательный характеръ. Въ отсутствіе государя его политическое значеніе нисколько не измѣнялось. Новый законъ противорѣчилъ прежнимъ.

Вновь учрежденное мѣсто получило названіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Онъ состоялъ изъ пяти членовъ: генералъ-фельдмаршала князя Меншикова, генералъ-адмирала графа Апраксина, канцлера графа Головкина, вице-канцлера барона Остермана и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: графа Толстаго и князя Голицына. Изъ этого состава Верховнаго Тайнаго Совѣта всего лучше видно его значеніе. Лица, выдѣлившіяся изъ Сената, за исключеніемъ двухъ, всѣ стояли во главѣ отдѣльныхъ управленій. Это было настоящее министерство. Коллегіальнаго начала тутъ не было, хотя между членами и происходили совѣщанія, потому что о важнѣйшихъ дѣлахъ докладывали самой императрицѣ. Такъ поступалъ князь Меншиковъ, въ качествѣ президента Военной Коллегіи. Естественнымъ послѣдствіемъ новаго порядка было освобожденіе отъ Сената административныхъ коллегій, которыхъ президентами по большей части были члены Совѣта. Въ самомъ дѣлѣ, Сенату запрещено было посылать указы въ обѣ военныя коллегіи и въ иностранную; сноситься было велѣно промеморіями, какъ равному мѣсту съ равными. Эти коллегіи тоже потеряли прежній характеръ. Самостоятельность членовъ относительно президента, разумѣется, не могла удержаться, когда этотъ самый президентъ былъ въ тоже время ихъ начальникомъ. Высшее управленіе превратилось въ личное.

Сенатъ потерялъ большую часть своихъ административныхъ правъ. Прежде всего было ограничено право замѣщенія государственныхъ должностей. Безъ доклада Верховному Тайному Совѣту не опредѣлялись даже совѣтники въ коллегіяхъ; кандидаты въ оберъ-комменданты и комменданты выбирались не иначе, какъ по сношенію Сената съ Военною Коллегіею. Право суда въ уголовныхъ дѣлахъ было тоже стѣснено: по всѣмъ важнымъ дѣламъ сенатскій приговоръ поступалъ на утвержденіе Совѣта. Наконецъ, сенаторы лишены даже права присутствовать въ засѣданіяхъ Совѣта, когда приходили туда съ доношеніями. Вмѣсто Правительствующаго, Сенату велѣно было называться Высокимъ.

Сенатъ не принялъ этого равнодушно. Сохранилось извѣстіе, что онъ возвратилъ Совѣту указъ 8-го февраля, говоря, что «оставаясь въ прежнемъ своемъ состояніи и достоинствѣ, принять его не можетъ». Императрица должна была нѣсколько разъ подтверждать свой указъ. До какой степени «верховники» смотрѣли враждебно на учрежденія Петра Великаго, видно изъ того, что они уничтожили даже должности генералъ-прокурора и прокуроровъ. Любопытно, что, по словамъ манифеста 20-го октября 1730 года, кѣмъ именно это сдѣлано, осталось совершенно неизвѣстнымъ [551]).

Императрица Анна Іоанновна, по вступленіи своемъ на престолъ, строго осудила всѣ эти перемѣны и возстановила управленіе въ томъ видѣ, какъ оно было при Петрѣ Великомъ. Но вскорѣ она возвратилась къ мѣрамъ князя Меншикова, только въ другой формѣ. Въ концѣ 1730 или началѣ 1731 года, вмѣсто Верховнаго Тайнаго Совѣта, былъ учрежденъ Кабинетъ Императорскаго Величества, болѣе извѣстный подъ именемъ Кабинета министровъ. Сначала онъ былъ составленъ изъ трехъ лицъ: канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Черкасскаго. Послѣ число членовъ увеличилось Кабинетъ, кажется, былъ мѣстомъ административнымъ, хотя Сенатъ и подавалъ ему рапорты о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ. Нигдѣ, по крайней мѣрѣ, не видно. чтобы Кабинетъ составлялъ судебную инстанцію, въ аппелляціонномъ порядкѣ. Но за то онъ разрѣшалъ, кажется, судебные вопросы по докладу низшихъ мѣстъ. Однако послѣднія испрашивали разрѣшенія не на отдѣльные случаи, а въ видѣ общаго, руководительнаго правила. Вообще учрежденіе Кабинета имѣло мало вліянія на судебное вѣдомство, и Сенатъ остался единственною высшей инстанціей. Для принесенія жалобъ императрицѣ, въ 1740 году, было учреждено званіе придворнаго рекетмейстера, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ въ Сенатѣ, но правительница уничтожила эту должность и велѣла каждому мѣсту

---

551) П. С. З NN 11815, 4830, 4835, 4847, 4964, 5224, 4853; Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. росс., М. 1838, книга III, отд. 2, протоколы Верх. Тайн. Совѣта, стр. 2, 3, 10; П. С. З. N 5625.

докладывать самому. Существованіе при дворѣ особаго рекетмейстера ясно доказываетъ, что Кабинетъ не имѣлъ значенія настоящей судебной инстанціи.

При Аннѣ Іоанновнѣ наружный видъ петровскихъ учрежденій былъ сохраненъ, но въ правленіе принцессы Анны Кабинетъ опять измѣнилъ ихъ. Въ это время дѣла были раздѣлены между кабинетъ-министрами такъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ особый департаментъ. Перемѣны въ составѣ низшаго управленія были прежнія. Всѣ прокуроры были отмѣнены. Замѣчательно, что эта должность была уничтожена не канцлеромъ, который тогда вообще завѣдывалъ внутренними дѣлами, и въ томъ числѣ департаментомъ юстиціи, а графомъ Остерманомъ, носившимъ званіе генералъ-адмирала и управлявшимъ иностранными дѣлами. Изъ манифеста императрицы Елисаветы видно, что объ отмѣнѣ прокуроровъ первую мысль подалъ генералъ-лейтенантъ Хрущовъ. Хрущовъ былъ клевретомъ Остермана, но вовсе не находился подъ его начальствомъ. Онъ управлялъ Красногорскимъ военнымъ корпусомъ. Изъ его участія въ этомъ дѣлѣ можно, кажется, заключить, что прокуроры стѣсняли второстепенныхъ начальниковъ.

Впослѣдствіи надъ Сенатомъ уже не было высшаго учрежденія. Елисавета, уничтоживъ прежній Кабинетъ, замѣнила его кабинетомъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, т. е. сдѣлала изъ него свою личную канцелярію. Но для иностранныхъ дѣлъ при дворѣ была учреждена особая конференція, которая потомъ занималась также и внутренними дѣлами. Въ ней, напр., была рѣшена мѣра о церковныхъ имуществахъ. Власть Сената осталась прежняя. Конференція разсматривала только законодательные вопросы, не вступаясь въ управленіе. Сенатъ не былъ подчиненъ ей и даже сносился съ нею экстрактами изъ журналовъ. Петръ III учредилъ родъ законодательнаго совѣта изъ 9 лицъ, но онъ тоже не былъ высшею инстанціею. Екатерина II, отмѣнивъ его, учредила только коммиссію для пріема прошеній на Высочайшее имя [552]).

---

[552]) П. С. З. №№ 5869, 5871, 5872, 7066, 8288, 8293, 8345, 8506, 7326, 8480, 10621, 11418, 11538, 11867, 11868.

Составъ Сената нѣсколько разъ измѣнялся. Особенно важно послѣднее его преобразованіе. Остальныя имѣли отношеніе только къ порядку дѣлопроизводства. Первое измѣненіе сдѣлано при императрицѣ Аннѣ, въ 1730 году. Оно было вызвано большимъ накопленіемъ дѣлъ въ Сенатѣ, въ слѣдствіе чего они рѣшались медленно, и притомъ на основаніи однихъ канцелярскихъ докладовъ, безъ всякой ихъ повѣрки. Для облегченія занятій, Сенатъ былъ раздѣленъ на пять департаментовъ. Въ первомъ вѣдались духовныя дѣла, по сколько они относились къ Сенату; во второмъ, военныя и сухопутныя; въ третьемъ, дѣла Коммерцъ-Коллегіи, государственные доходы и расходы; въ четвертомъ, дѣла о юстиціи и челобитчиковы; въ пятомъ, купеческія и фабричныя. Въ каждомъ департаментѣ было по пяти сенаторовъ. Департаменты никакихъ дѣлъ не рѣшали окончательно. Они только разсматривали ихъ предварительно, и потомъ докладывали полному собранію, какъ о содержаніи дѣла, такъ и о своемъ мнѣніи. Это было нѣчто подобное дѣлопроизводству коллегій. Довольно странно была устроена канцелярія. Въ каждый департаментъ было назначено по секретарю, слѣдовательно всѣхъ секретарей было пять. Оберъ-секретарей было два. Одинъ начальствовалъ надъ секретарями перваго, втораго и третьяго департаментовъ, другой надъ секретарями четвертаго и пятаго. Петръ III раздѣлилъ Сенатъ на три департамента, которые рѣшали дѣла окончательно и только въ случаѣ разногласія переносили ихъ на разсмотрѣніе полнаго собранія. Екатерина II сдѣлала новое раздѣленіе, которое имѣло важное значеніе. Уничтоживъ Сенатскую контору, она раздѣлила Сенатъ, въ 1763 году, на шесть департаментовъ, изъ которыхъ четыре было въ Петербургѣ, а два въ Москвѣ. Въ первомъ департаментѣ были сосредоточены «всѣ государственныя, внутреннія и политическія дѣла»; во второмъ, всѣ аппелляціонныя дѣла, бывшія до сихъ поръ въ завѣдываніи Рекетмейстерской конторы, въ третьемъ, дѣла малороссійскія, лифляндскія и эстляндскія, а также дѣла нѣкоторыхъ придворныхъ вѣдомствъ, Дворцовой, Конюшенной и Егермейстерской канцелярій; въ четвертомъ, дѣла военныхъ коллегій и вѣдомствъ; въ пятомъ, текущія административныя дѣла въ Москвѣ; въ шестомъ, аппелляціонныя и

герольдмейстерскія дѣла въ Москвѣ. Замѣчательно, что всѣ дѣла высшаго управленія изъяты изъ вѣдомства цѣлаго Сената въ пользу одного перваго департамента. Этою мѣрою, безъ учрежденія особой, высшей административной инстанціи, была достигнута таже цѣль: всѣ наиболѣе важныя дѣла были предоставлены, вмѣсто многолюднаго собранія, въ распоряженіе немногихъ довѣренныхъ лицъ. Генералъ-прокуроръ, глава всего надзора, находился въ первомъ департаментѣ, въ остальныхъ были оберъ-прокуроры, Въ случаѣ разногласія сенаторовъ, оберъ-прокуроры сообщали о томъ генералъ-прокурору, который переносилъ дѣло въ общее собраніе. — Такой же порядокъ наблюдался и въ Москвѣ.

Мало по малу всѣ административныя дѣла, не только важнѣйшія, перешли въ вѣдомство одного перваго департамента. Прочіе сохранили только значеніе высшей судебной инстанціи.

Еще болѣе сдѣлано Екатериной частными мѣрами, которыя, не касаясь состава Сената, измѣняли его отношенія къ низшимъ административнымъ и судебнымъ мѣстамъ. Сенатъ не былъ при ней, какъ при Петрѣ Великомъ, составленъ изъ довѣренныхъ людей государя; а власть его была очень обширна. Судя по одному извѣстію, правда не оффиціальному, онъ прежде имѣлъ даже право избирать своихъ членовъ, или, по крайней мѣрѣ, представлять кандидатовъ правительству. Разумѣется, желая преобразовать управленіе, императрица не могла оставить въ прежнемъ положеніи высшее административное мѣсто. Средствомъ для ея цѣлей послужила должность генералъ-прокурора.

Генералъ-прокуроръ представлялъ бюрократическій элементъ въ петровскомъ, коллегіальномъ управленіи. Можетъ быть, поэтому, если верховники, стѣсненные его надзоромъ, спѣшили уничтожить это званіе, то и въ самомъ Сенатѣ смотрѣли на него не совсѣмъ благопріятно. Волынскаго обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ предлагалъ, въ своемъ проэктѣ: «званіе генералъ-прокурора, какъ соединенное съ весьма обширною властію, отмѣнить, ибо онъ можетъ препятствовать сенаторамъ въ свободномъ дѣйствіи, но быть при Сенатѣ оберъ-прокурору». Вотъ почему, Екатерина всячески старалась усилить власть генералъ-прокурора, который соединялъ при ней значеніе министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Однимъ изъ средствъ, употреб-

ленныхъ для этого, было объявленіе высочайшихъ повелѣній Сенату въ предложеніяхъ генералъ-прокурора; онъ же распоряжался тогда назначеніемъ дѣлъ къ докладу, не обращая вниманія на очередь; наконецъ, предложенія подавались нерѣдко до составленія сенаторами резолюціи. Князь Вяземскій, занимавшій званіе генералъ-прокурора во все царствованіе Екатерины, былъ всемогущъ какъ въ Сенатѣ, такъ и въ областномъ управленіи. Другимъ средствомъ было введеніе новаго способа назначенія сенаторовъ. Сначала Сенату было велѣно избрать новыхъ членовъ по указанію правительства; потомъ сенаторы назначались прямо, безъ всякаго участія прежнихъ членовъ въ ихъ избраніи. Наконецъ, способъ подачи голосовъ былъ также измѣненъ. Мнѣніе сенатора, несогласнаго съ рѣшеніемъ большинства, не докладывалось болѣе особо. Послѣдствіемъ этого былъ, при императорѣ Павлѣ, указъ о рѣшеніи дѣлъ въ общемъ собраніи по большинству голосовъ. Чтобъ оцѣнить эти мѣры, надобно вспомнить прежнее положеніе Сената. О немъ сохранилось мало извѣстій, но вотъ какъ сама императрица изображала его значеніе въ недавно изданномъ «секретнѣйшемъ наставленіи князю Вяземскому»: «Iсѣ мѣста, и самый Сенатъ, вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни; однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ, что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего, однако же, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что симъ радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и Регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пре-

сѣчется; одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежные примѣры прелестны; однакожъ, покамѣстъ я жива, то останется какъ долгъ велитъ».

По изданіи Учрежденія о губерніяхъ Екатерина была намѣрена измѣнить распредѣленіе дѣлъ по департаментамъ, но была удержана совѣтами князя Вяземскаго. Существенное различіе между ея планомъ и прежнимъ распредѣленіемъ состояло въ томъ, что во второмъ департаментѣ сосредоточивались финансовыя дѣла; первоприсутствующимъ туда назначался государственный казначей.

Остальныя мѣры Екатерины касались подробностей дѣлопроизводства [553]).

Изъ тѣхъ перемѣнъ, которыя происходили въ судоустройствѣ въ періодъ отъ Петра до Екатерины II, уже видно, что совершенно правильнаго порядка инстанцій еще не было. Тѣмъ не менѣе, сравнительно съ древнимъ періодомъ, понятія объ инстанціяхъ сдѣлались опредѣленнѣе. Мы видѣли, что въ XVII вѣкѣ было этому два препятствія. Не было никакаго однообразія въ административномъ раздѣленіи Россіи, и самые законы объ аппелляціи имѣли цѣлію только облегчить судебныя обязанности верховной власти. Петръ Великій далъ бо́льшую правильность территоріальному раздѣленію. Въ основаніе инстанцій были положены три степени управленія: центральное, областное и мѣстное. Порядокъ восхожденія дѣлъ былъ опредѣленъ съ точно-

---

[553]) П. С. З. NN 5570, 5587, 11422, 11989. Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. росс. М. 1858, книга II, отд. 5, записка объ Артеміи Волынскомъ, стр. 155. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Siewers, Berlin, 1857 u. 1858, т. I, стр. 147 — 152; т. IV, стр. 239. П. С. З. N 17760; Чтенія, книга I, стр. 103, Наставленіе князю Вяземскому, п. 4.

стію. Въ древней Россіи всегда можно было обращаться къ приказамъ мимо воеводъ. Петръ Великій вообще запретилъ обходить инстанціи. Послѣ каждаго изъ своихъ преобразованій онъ строго опредѣлялъ, въ какомъ порядкѣ просители должны обращаться къ судьямъ. Въ 1714 году онъ повелѣлъ непремѣнно подавать челобитныя областнымъ начальникамъ, и, не дождавшись отъ нихъ рѣшенія, не переносить дѣла во вторую инстанцію. Только въ случаѣ несправедливаго приговора, или если дѣло цѣлые полгода не будетъ рѣшено, «вольно бить челомъ вышнему командиру надъ тѣмъ судьею, а потомъ губернатору». На губернатора, съ тѣми же условіями, жалоба приносилась Сенату, на Сенатъ государю. Итакъ въ планъ Петра Великаго входили три мѣстныхъ инстанціи и двѣ центральныя. Но этотъ планъ не вездѣ былъ соблюденъ, въ областномъ судоустройствѣ было много исключеній. За нарушеніе установленнаго порядка подвергались жестокому наказанію не только просители, но также и сочинявшие для нихъ просьбы (писцы). Въ 1719 и 1720 годахъ подобные указы были изданы для введенія порядка въ жалобахъ на надворные суды. За нормальное число инстанцій было принято четыре. Всѣ эти мѣры долгое время встрѣчали сильное препятствіе въ понятіяхъ тогдашняго общества. Не смотря на то, что Сенатъ всякій разъ публиковалъ указы во всенародное извѣстіе, не смотря на жестокія наказанія, челобитчики не переставали, въ надеждѣ на скорѣйшую расправу, обходить какъ въ старину, низшія инстанціи и даже прямо обращаться къ государю. Въ 1718 году, жалуясь на обремененіе просьбами, Петръ Великій говорилъ, что такаго количества дѣлъ не разобрать «не только человѣку, ниже ангелы, понеже и оные мѣстамъ описаны суть: ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ». Для прекращенія неправильной подачи просьбъ была учреждена должность генералъ-рекетмейстера, но и это не помогало: мимо его все-таки обращались къ самому императору, хотя въ 1718 году жалобы на Сенатъ были совершенно запрещены подъ смертною казнію. Въ 1722 году Петръ былъ вынужденъ объявить, что за нарушеніе порядка инстанцій просители подвергнутся публичному жестокому наказанію, съ ссылкой на каторжную работу. Этими частыми нарушеніями объясняется долгое существованіе

званія рекетмейстера: просьбы не въ надлежащіе суды поступали въ такомъ количествѣ; что для разсмотрѣнія ихъ нуженъ былъ особый чиновникъ. Это былъ Челобитенный приказъ новаго времени [551].

Но мѣрами Петра Великаго далеко не совсѣмъ была уничтожена прежняя запутанность; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она едва ли не была даже увеличена. Учрежденія Петра вообще не представляли совершенно выработанной системы, они скорѣе были первымъ очеркомъ будущаго порядка. Къ тому же, многое въ нихъ было заведено на скорую руку, временно, только для того, чтобъ какъ-нибудь устранить самые главные недостатки стараго управленія. Было много и полныхъ уступокъ духу времени. Напримѣръ, Петръ былъ вынужденъ оставить безчисленное множество отдѣльныхъ управленій, которыхъ нельзя было уничтожить съразу. Поэтому при немъ, и долгое время послѣ него, было нѣсколько отдѣльныхъ порядковъ инстанцій. Съ другой стороны, онъ долженъ былъ сохранить въ областномъ судоустройствѣ соединеніе властей, уничтоженное имъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, и оттого низшій областной судъ рѣзко отличался отъ второй инстанціи. Сюда присоединялись недостатки, возникшіе изъ несовершенной правильности его собственнаго плана. Слишкомъ большой размѣръ губерній требовалъ нѣсколько низшихъ управленій; областныхъ же инстанцій сначала было слишкомъ мало, а потомъ, когда преемники Петра начали дѣлать свои неудачныя поправки, то ихъ сдѣлалось слишкомъ много. Вообще возвращеніе послѣ него къ формамъ XVII вѣка отозвалось страшною безурядицей въ областномъ судоустройствѣ, и въ половинѣ XVIII столѣтія оно представляло самую странную смѣсь разнородныхъ элементовъ. Въ тогдашнемъ порядкѣ судебныхъ инстанцій это было особенно ощутительно. Самое главное неудобство заключалось въ огромномъ ихъ количествѣ, при полномъ отсутствіи общаго плана въ территоріальномъ раздѣленіи. Въ предисловіи къ Учрежденію о губерніяхъ императрица Екатерина такъ указывала на этотъ существенный недостатокъ: «множество дозволенныхъ аппелляцій не малую причиняетъ правосудію оста-

---

[551]) П. С. З. NN 2865, 3103, 3577, 3261, п. 5, 3838, 3947.

новку, какъ-то напримѣръ: по торговымъ, купеческимъ и мѣщанскимъ дѣламъ, кто словеснаго суда рѣшеніемъ не доволенъ, тотъ можетъ съизнова просить въ городовомъ магистратѣ, на сей отзываться въ провинціальный магистратъ, изъ провинціальнаго перенесть въ губернскій магистратъ, изъ губернскаго въ главный магистратъ, а изъ онаго въ Сенатъ». Такимъ образомъ дѣло могло пройти черезъ шесть инстанцій. Это число было самое обыкновенное. Почти всѣ отдѣльныя вѣдомства имѣли ихъ столько. Въ общемъ судебномъ порядкѣ ихъ могло быть до пяти, потому что жалоба на городоваго воеводу приносилась провинціальному, на послѣдняго — губернатору, на губернатора Юстицъ-Коллегіи, а на нее Сенату. Притомъ число инстанцій не для всѣхъ было одинаково, даже и въ общемъ порядкѣ: для всѣхъ городскихъ жителей, напримѣръ, было только три инстанціи: губернаторъ, Юстицъ-Коллегія и Сенатъ. Всѣ эти неправильности требовали кореннаго преобразованія.

Въ 1775 году императрица Екатерина издала первую часть своего Учрежденія для управленія губерній Всероссійскія имперіи. Въ ней излагался составъ общаго губернскаго управленія. Въ 1780 году издана вторая часть — правила о взаимныхъ сношеніяхъ губернскихъ мѣстъ и о двухъ новыхъ надворныхъ судахъ. Учрежденіе вводилось постепенно, такъ что къ концу царствованія Екатерины оно было введено вездѣ. Хотя преобразованіе касалось только областнаго управленія, но оно имѣло значеніе въ цѣлой администраціи, ибо въ слѣдствіе этого бо́льшая часть коллегій была закрыта. Юстицъ-Коллегія, Вотчинная, Бергъ, Мануфактуръ и Камеръ-Коллегіи были уничтожены; оставлены только три: Адмиралтейская, Военная и Иностранныхъ Дѣлъ. Таже участь постигла всѣ отдѣльныя вѣдомства. Изъ этого уже видно, въ чемъ состоялъ планъ императрицы. Она отдѣлила высшія государственныя дѣла отъ текущихъ дѣлъ внутренняго управленія. Послѣднія оставлены въ обыкновенномъ порядкѣ зависимости отъ Сената, котораго департаменты заступали почти во всемъ мѣсто прежнихъ коллегій. Но высшія государственныя дѣла сохранили свое отдѣльное вѣдомство и, составляя

исключеніе; получили большую независимость. Три оставшихся коллегіи превратились въ настоящія министерства.

Главная заслуга Учрежденія о губерніяхъ состоитъ въ томъ, что имъ внесены въ управленіе опредѣленныя и ясныя начала. Власть исполнительная была совершенно отдѣлена отъ судебной. Мы видѣли, что Петръ Великій напрасно стремился къ этому. Въ его время общество еще нисколько не было готово къ подобному разграниченію. Къ тому же, въ его мѣрахъ былъ существенный недостатокъ. Онъ слишкомъ раздробилъ областное управленіе, которое, при бѣдности средствъ правительства и плохой административной нравственности, было очень тягостно. Съ другой стороны, обставивъ всю администрацію коллегіальными формами, онъ недовольно распредѣлилъ занятія между областными правителями и ихъ совѣтниками, а это постоянно вело къ одному изъ двухъ неудобствъ: или на дѣлѣ все управленіе превращалось въ личное, или, какъ въ воронежской губернской канцеляріи, неосновательный протестъ совѣтниковъ останавливалъ быстроту распоряженій Екатерина основала судебное и административное вѣдомства на двухъ различныхъ началахъ: судебныя мѣста были всѣ коллегіальныя, въ управленіи, напротивъ, преобладало бюрократическое устройство. Коллегіальныя мѣста имѣли здѣсь подчиненное значеніе, исполнительное или полицейское. Отдѣленіе безспорныхъ дѣлъ отъ спорныхъ и установленіе порядка въ ихъ производствѣ составляетъ вторую важную сторону въ Учрежденіи. Отчисленіе ихъ изъ вѣдомства чисто-судебныхъ мѣстъ освобождало послѣднія отъ множества дѣлъ и давало единство ихъ занятіямъ, а между тѣмъ частныя лица не лишались гарантіи коллегіальнаго начала. Въ самомъ отношеніи губернскаго начальства къ исполнительнымъ мѣстамъ нельзя не замѣтить основательно обдуманнаго плана. Гдѣ требовалась быстрота, единство распоряженій, тамъ дѣйствовали губернаторы, городничіе, исправники; гдѣ же, напротивъ, надобно было ограничить личный произволъ, тамъ всѣ распоряженія были возложены на коллегіальныя мѣста. Въ судебномъ вѣдомствѣ дѣла уголовныя были отдѣлены отъ гражданскихъ. Доля участія избирательнаго начала опредѣлена ясно.

Россія была раздѣлена, по населенію, на губерніи или намѣстничества. Въ каждой изъ нихъ полагалось отъ 300 до 400 т.

душъ. Губерніи, смотря по надобности раздѣлялись на провинціи. Провинціи, или если ихъ нѣтъ, то непосредственно губерніи, раздѣлены на уѣзды, или округи, съ населеніемъ отъ 20 до 30 т. душъ. Раздѣленіе губерній на провинціи введено было потомъ вездѣ. Отсюда три вида управленія: уѣздное, провинціальное и губернское.

Въ уѣздѣ, управленіе было раздѣлено между слѣдующими мѣстами и лицами. Полицейская часть была ввѣрена городничему, капитанъ-исправнику и нижнему земскому суду. Судебнымъ мѣстомъ былъ уѣздный судъ. Въ нижнемъ земскомъ судѣ присутствовали: земскій исправникъ и два или три засѣдателя изъ дворянъ; къ нимъ присоединялись два засѣдателя отъ сельскаго сословія, присланные изъ верхней земской расправы. Всѣ эти лица избирались своими сословіями на три года и утверждались губернскою властію. Нижній земскій судъ засѣдалъ безсрочно во всякое время года, смотря по надобности. Онъ производилъ слѣдствія о всякомъ нарушеніи закона, но, кажется, только въ томъ случаѣ, когда оно не относилось къ частнымъ лицамъ; потому что слѣдствія о насильствѣ частному лицу, производились капитанъ-исправникомъ. Въ судебную часть ни тотъ ни другой не вступались. Она принадлежала исключительно уѣздному суду. Уѣздный судъ состоялъ изъ уѣзднаго судьи и двухъ засѣдателей отъ дворянъ, избираемыхъ на такой же срокъ. Онъ собирался три раза въ году: первый срокъ засѣданій отъ 8-го января до страстной недѣли, второй отъ Троицына дня до 27-го іюня, третій отъ 2-го октября по 18-е декабря. Здѣсь судились какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Судъ не могъ начать дѣла безъ жалобы частныхъ лицъ, или стряпчихъ, или наконецъ сообщенія другаго суда и высшихъ губернскихъ мѣстъ. Оканчивать дѣла онъ обязанъ непремѣнно въ одинъ срокъ.

Высшую инстанцію составлялъ верхній земскій судъ. Онъ находился въ каждой губерніи, а въ тѣхъ, которыя очень обширны, позволялось учреждать нѣсколько судовъ. Въ немъ присутствовали: два предсѣдателя, первый и второй, и десять засѣдателей. Предсѣдатели избирались Сенатомъ, въ числѣ двухъ кандидатовъ на каждую должность, а утверждались верховною властію. Засѣдатели избирались мѣстнымъ дворянствомъ

и утверждались намѣстникомъ или губернаторомъ. Верхній земскій судъ раздѣлялся на два департамента: уголовный и гражданскій, между которыми члены распредѣлялись поровну. Такимъ образомъ уже во второй инстанціи начинается отдѣленіе уголовнаго суда отъ гражданскаго. Только въ первой они остаются соединенными въ одномъ мѣстѣ. Сверхъ того, сюда поступали и полицейскія дѣла, по жалобѣ на распоряженіе нижняго земскаго суда, и спорныя, по жалобѣ на уѣздный судъ. Сроки засѣданій тѣже. Замѣтимъ, что верхній земскій судъ есть единственное мѣсто въ общемъ судоустройствѣ, соотвѣтствующее предположенному раздѣленію губерній на провинціи; полицейское вѣдомство не имѣло этой инстанціи. Только въ сословныхъ вѣдомствахъ она также существовала. Этимъ объясняется, почему впослѣдствіи верхніе земскіе суды и равныя имъ мѣста были уничтожены. Въ нихъ не было необходимости, они только замедляли теченіе дѣлъ. Нормальными единицами управленія были уѣздъ и губернія.

Въ губерніи управленіе находилось въ рукахъ генералъ-губернатора, или намѣстника. При немъ состояли: правитель намѣстничества, или губернаторъ, и вице-губернаторъ. Изъ нихъ, съ двумя совѣтниками, было составлено намѣстническое или губернское правленіе. Выборныхъ чиновниковъ здѣсь не было. Начальники губерній опредѣлялись верховною властію, а совѣтники утверждались ею, по представленію Сената. Губернское правленіе наблюдало вообще за исполненіемъ законовъ и за порядкомъ въ губерніи. Съ судебнымъ вѣдомствомъ оно соприкасалось въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, по производству безспорныхъ дѣлъ, во вторыхъ, по надзору за отправленіемъ правосудія въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ. Сюда поступали взысканія всякаго рода. Но если дѣло оказывалось не безспорнымъ, то губернское правленіе отсылало его въ надлежащее судебное мѣсто. Сюда же поступали всѣ частныя жалобы на проволочку рѣшенія въ подчиненныхъ мѣстахъ. Губернское правленіе зависѣло отъ одного Сената.

Судебная власть въ губерніи была раздѣлена между двумя палатами: уголовнаго и гражданскаго суда. Какъ та, такъ и другая состояли изъ одного предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и

двухъ ассессоровъ. Всѣ они избирались Сенатомъ, но первый сверхъ того утверждался верховною властію. Палаты замѣнили собою департаменты Юстицъ-Коллегіи. Апелляція на нихъ тоже поступала прямо въ Сенатъ.

Особенные суды, не уничтоженные совершенно, приведены, однако, въ порядокъ. Они сохранились только въ низшихъ инстанціяхъ, въ высшихъ же сливаются съ общими судами. Ихъ было два: для купцовъ, и для государственныхъ крестьянъ.

Для управленія торговымъ сословіемъ, въ каждомъ городѣ былъ магистратъ, а въ посадахъ ратуши. Магистраты состояли изъ двухъ бургомистровъ и четырехъ ратмановъ, изъ которыхъ одному бургомистру и двумъ ратманамъ позволялось быть въ отлучкѣ. Всѣ члены избирались, черезъ каждые три года, купечествомъ и мѣщанствомъ, по балотировкѣ. Магистраты судили какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла купеческаго сословія, но не иначе, какъ по просьбѣ частнаго лица, или стряпчаго, или по предписанію высшаго мѣста. Словесные суды оставлены на прежнемъ основаніи. Вторую инстанцію составляли губернскіе магистраты, состоявшіе изъ двухъ предсѣдателей и шести засѣдателей. Первые опредѣлялись Сенатомъ, по представленію намѣстническаго правленія, вторые избирались, на три года, изъ купцовъ и мѣщанъ губерніи, по балотировкѣ. Губернскій магистратъ раздѣлялся на два департамента, уголовный и гражданскій. Сюда поступали жалобы на городовые магистраты и ратуши; апелляція на губернскіе магистраты поступала въ палаты. Сроки засѣданій для магистратовъ и здѣсь были общіе.

Судебное вѣдомство однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ разнаго наименованія состояло изъ двухъ мѣстъ: нижней и верхней расправы. Нижняя расправа была въ уѣздныхъ городахъ. Въ ней присутствовали: расправный судья, назначавшійся, изъ чиновныхъ людей, намѣстническимъ правленіемъ, и восемь засѣдателей, по выбору крестьянскаго сословія. Изъ послѣднихъ двое отсылались, для засѣданія по крестьянскимъ дѣламъ, въ нижній земскій судъ, и двое въ совѣстный судъ. Нижняя расправа судила какъ гражданскія дѣла, такъ и уголовныя. Сроки засѣданій обыкновенные. Вторую инстанцію составляла верхняя расправа,

въ губернскихъ городахъ. Она была составлена по образцу верхняго земскаго суда. Въ ней присутствовали: два председателя, по назначенію наместническаго правленія, и десять заседателей, выбранныхъ на три года крестьянами. Имъ не запрещалось избирать заседателей также изъ другихъ сословій. Верхняя расправа разделяется на два департамента: уголовный и гражданскій. Ей были подчинены нижняя расправа и нижній земскій судъ, тамъ, где нетъ верхняго.

Особенные суды для известнаго рода делъ въ первый разъ учреждены императрицей Екатериной. Они были следующіе:

1) Надворные суды, нижній и верхній. Они были учреждены въ столицахъ для служащаго и живущаго тамъ дворянства, а также для разночинцевъ, не имеющихъ никакой собственности, по которой бы они были подсудны какому нибудь месту. Нижній судъ состоялъ изъ одного надворнаго судьи и двухъ заседателей, определенныхъ Сенатомъ. Верхній надворный судъ составляли: два председателя, два советника и два ассесора. Онъ разделялся на два департамента, гражданскихъ и уголовныхъ делъ, и состоялъ подъ аппелляціею палатъ. Кажется, что онъ былъ учрежденъ только для пополненія узаконеннаго числа инстанцій, ибо въ сущности въ немъ не было необходимости.

2) Совестные суды. Они судили на основаніи не однихъ законовъ, но также и естественной справедливости (aequitas). Имъ предписано руководствоваться, въ своихъ решеніяхъ, человеколюбіемъ, почтеніемъ къ особе ближняго и отвращеніемъ отъ угнетенія. Совестный судъ состоялъ изъ судьи и шести заседателей, по два отъ каждаго сословія: дворянскаго, городскаго и сельскаго, но заседатели последнихъ двухъ сословій не принимали участія въ решеніи техъ делъ, въ которыхъ замешаны одни дворяне. Дела, поступавшія сюда, были следующія: 1) тяжбы, по которымъ сами противники прибегнутъ къ его разбирательству; 2) дела, переданныя изъ другихъ судебныхъ местъ. Сюда переносились все уголовныя дела, въ которыхъ есть смягчающія обстоятельства, или въ стеченіи внешнихъ происшествій, или въ лице самаго преступника; преступленія безумныхъ, или малолетныхъ, и дела о колдовстве, какъ возникшія

въ слѣдствіе невѣжества подсудимыхъ. 3) Кромѣ того, совѣстный судъ имѣлъ право истребовать на свое разсмотрѣніе дѣло такаго подсудимаго, которому, по трехдневномъ тюремномъ заключеніи, не было объявлено, за что онъ содержится. При этомъ дѣло не разсматривалось, но подсудимый освобождался на поруки, съ предоставленіемъ ему права избрать въ губерніи то мѣсто, гдѣ онъ желаетъ быть судимымъ. Уголовныя дѣла особенной важности въ совѣстный судъ не поступали. Къ числу ихъ отнесены: оскорбленіе величества, измѣна, смертоубійство, воровство и разбой. Разборъ гражданскихъ дѣлъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: сначала судьи требовали отъ тяжущихся указанія на средства къ примиренію. Если согласить ихъ было невозможно, то имъ предлагали избрать посредниковъ, по одному или по два отъ каждой стороны. Это званіе было обязательное, и не принять его никто не имѣлъ права. Посредники, на другой или на третій день послѣ избранія, присоединялись къ совѣстному суду и вмѣстѣ съ нимъ изыскивали средства къ примиренію тяжущихся. Если посредники были одного мнѣнія, то совѣстный судъ утверждалъ ихъ соглашеніе; если же нѣтъ, то предлагалъ имъ собственное мнѣніе. Въ случаѣ несогласія ихъ на это мнѣніе, оно предлагалось самимъ противникамъ. Когда, не смотря на это, послѣдніе не мирились, то ихъ отсылали къ обыкновеннымъ гражданскимъ судамъ. Аппелляція приносилась высшему совѣстному суду. Разумѣется, она была возможна только по дѣламъ уголовнымъ.

Для облегченія прокуроровъ учреждены стряпчіе. Обязанности первыхъ были слѣдующія. Прокуроръ наблюдалъ за порядкомъ и правосудіемъ въ томъ мѣстѣ, при которомъ находился. Въ началѣ каждаго срока засѣданій, онъ предписывалъ прочесть при судьяхъ тѣ статьи законовъ, которыя, по его мнѣнію, относятся къ ихъ обязанностямъ. Онъ доносилъ начальству о неточномъ исполненіи законовъ, учрежденій и указовъ; наблюдалъ, чтобъ одно мѣсто не вступалось въ вѣдомство другаго, давалъ заключенія въ спорѣ о подсудности и въ случаѣ сомнѣнія на счетъ смысла закона; всѣ приговоры по дѣламъ казеннымъ и общественнымъ, прежде исполненія, представлялись на его

заключеніе. — Нравственно-полицейскія его обязанности состояли въ наблюденіи за порядкомъ въ обществѣ: онъ доносилъ о непослушаніи или ропотѣ жителей губерніи, о нарушеніи правилъ благочинія, соблазнѣ и нарушеніи общественнаго спокойствія, о запрещенныхъ торгахъ и т. д. Онъ же наблюдалъ за содержаніемъ въ тюрьмахъ арестантовъ и человѣколюбивомъ обращеніи съ ними. Стряпчіе были помощниками прокурора. Ихъ было двое: одинъ—казенныхъ, другой—уголовныхъ дѣлъ. Сверхъ общихъ съ прокуроромъ обязанностей они имѣли особенную,— вчинать иски въ интересѣ ввѣренной имъ части. Такъ стряпчій казенныхъ дѣлъ отыскивалъ судомъ убытки, понесенные казною; а стряпчій уголовныхъ дѣлъ—возбуждалъ такъ называемыя безгласныя уголовныя дѣла, то есть такія, по которымъ нѣтъ истцевъ. Въ этомъ случаѣ они дѣйствовали совершенно какъ частныя лица, только при аппелляціи были избавлены отъ внесенія залога. При наложеніи пени, по жалобѣ стряпчаго, третья часть ея предоставлялась въ его пользу; но за пустой искъ онъ подвергался уплатѣ проторей и убытковъ и тому наказанію, которому бы подлежалъ обвиненный. За упущеніе изъ виду такаго дѣла, которое слѣдовало начать, онъ подлежалъ лишенію чести и мѣста. По уголовнымъ дѣламъ, когда отвѣтчикъ былъ оправданъ, стряпчій обязанъ былъ представить ему «доносъ и доносителя, дабы ясно и явно было, что стряпчій уголовныхъ дѣлъ не есть поклепатель невинности». Какъ прокуроръ, такъ и стряпчіе, во время рѣшенія дѣла, выходили изъ присутствія. Нравственно-полицейскія обязанности стряпчихъ были почти тѣже, какъ прокуроровъ. Они должны были преслѣдовать судомъ общественную безнравственность. Усмотрѣвъ общій соблазнъ, «отъ какаго явнаго порока или грѣха», стряпчій объявлялъ о томъ прокурору, или вчиналъ искъ, гдѣ по законамъ повелѣно. Если онъ встрѣчалъ въ обществѣ человѣка, опороченнаго по суду, то имѣлъ право вывести и отдать подъ стражу на три дня, «дабы добрые и честные люди не были смѣшаны съ опороченными и безчестными». Кромѣ того, прокуроры и стряпчіе защищали вдовъ и сиротъ. Въ качествѣ истцевъ стряпчіе дѣйствовали самостоятельно, а при совѣщаніяхъ голосъ прокурора давалъ перевѣсъ

мнѣнію одного изъ нихъ. Во всемъ остальномъ они были ему подчинены и подавали донесенія.

Главою всѣхъ прокуроровъ и стряпчихъ въ губерніи сдѣланъ губернскій прокуроръ, подчиненный только генералъ-губернатору и генералъ-прокурору. Онъ надзиралъ за всѣми губернскими мѣстами, въ томъ числѣ и за намѣстническимъ правленіемъ, хотя и доносилъ ему о злоупотребленіяхъ въ губерніи. Въ уѣздѣ такое же значеніе имѣлъ уѣздный стряпчій. Особые прокуроры были только въ верхнемъ земскомъ судѣ, какъ въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ провинціальному раздѣленію, и во всѣхъ сословныхъ учрежденіяхъ, именно: въ губернскомъ магистратѣ, верхней расправѣ и верхнемъ надворномъ судѣ. Стряпчіе находились при всякомъ прокурорѣ.

Планъ императрицы Екатерины состоялъ въ упрощеніи и приведеніи въ систему тѣхъ началъ, которыя уже были въ областномъ управленіи. Вмѣсто безчисленныхъ особенныхъ судовъ теперь образовались только два отдѣльныхъ вѣдомства, связанныхъ притомъ съ общимъ въ высшей инстанціи. Составъ присутственныхъ мѣстъ опредѣленъ вездѣ одинаковымъ образомъ. Въ двухъ первыхъ инстанціяхъ избирательное начало соединено съ правительственнымъ, въ третьей господствуетъ одно послѣднее. Такое же однообразіе замѣтно и въ степени власти, предоставленной судебнымъ мѣстамъ. Уголовный судъ въ первой инстанціи не отдѣленъ отъ гражданскаго, но со второй раздѣленіе постоянно соблюдается. Наконецъ, введено одинаковое дѣлопроизводство во всѣхъ губернскихъ мѣстахъ, съ немногими исключеніями.

При открытіи всякаго изъ срочныхъ засѣданій читался реэстръ дѣламъ, къ рѣшенію принадлежащимъ. Между ними наблюдалась очередь. Сначала докладывались дѣла казенныя и общественныя, а потомъ частныя, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) дѣла должниковъ, для безопасности заимодавцевъ, 2) дѣла о контрактахъ и о купчихъ, 3) дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, 4) тяжебныя дѣла людей, живущихъ въ дальнемъ разстояніи отъ судебнаго мѣста, 5) прочіе споры, по разсмотрѣнію судей; 6) пространныя дѣла. Велѣно, по возможности, оканчивать въ одно засѣданіе дѣла, доложенныя въ этотъ день. Въ каждый изъ сроковъ

слѣдовало рѣшать всѣ поступившія въ этотъ срокъ дѣла. Если спорное дѣло не окончено въ теченіи трехъ сроковъ, и на это были жалобы, то члены суда лишались годоваго жалованья въ пользу потерпѣвшаго, или его наслѣдниковъ, или школъ. По собраніи всѣхъ надлежащихъ, письменныхъ, или словесныхъ, доказательствъ отъ истца и отвѣтчика, начинался докладъ. Всѣ члены суда, не исключая самаго предсѣдателя, бросали жребій между собою, кому изъ нихъ докладывать собранію по этому дѣлу. Остальные члены наблюдали за докладомъ, чтобы въ немъ не было ничего пропущено, чтобъ онъ былъ сдѣланъ съ точностію, чистосердечно и сходно съ истиной. Если дѣло было аппелляціонное, то рѣшеніе низшей инстанціи прочитывалось въ подлинникѣ. Голоса подавались, начиная съ младшаго. Въ мнѣніяхъ сначала излагалась сущность дѣла, потомъ основанія рѣшенія, и наконецъ заключеніе. Приговоръ постановлялся по большинству голосовъ. При равенствѣ ихъ, перевѣсъ получала та сторона, на которой голосъ предсѣдателя. Когда было совершенное разногласіе, то всѣ голоса записывались отдѣльно въ протоколъ, который открывался только при переносѣ дѣла въ высшую инстанцію. Этотъ порядокъ доклада былъ заведенъ для устраненія важнаго неудобства: возложеніе всей приготовительной работы на канцелярію имѣло обыкновеннымъ послѣдствіемъ совершенное незнакомство судей съ сущностію рѣшаемыхъ ими дѣлъ, а это, разумѣется, давало канцеляріямъ самую вредную степень вліянія на ходъ и направленіе дѣлъ.

Еще важнѣе другой результатъ однообразнаго устройства судебныхъ мѣстъ — возможность ввести правильный порядокъ инстанцій. Съ Учрежденія о губерніяхъ всякое дѣло проходило чрезъ одинаковыя степени суда. За обыкновенное число ихъ было принято четыре, три областныя и одна центральная. Первыми инстанціями были: уѣздный судъ, нижній земскій судъ, городовой магистратъ или ратуша, нижній надворный судъ и нижняя расправа. — Судами второй инстанціи были: верхній земскій судъ, губернскій магистратъ, верхній надворный судъ и верхняя расправа. Третью составляли губернское правленіе и палаты; четвертою былъ Сенатъ. Внѣ этого порядка находи-

лись одни совѣстные суды, которые, по своему особенному характеру, не могли быть подведены подъ общій уровень. Каждой инстанціи предоставлено судить окончательно въ предѣлахъ извѣстной суммы. Первая инстанція судила безъ аппелляціи до двадцати пяти рублей включительно, вторая до ста, третья до пяти сотъ рублей [555]).

---

[555]) Учрежденіе о Губерніяхъ, ст. 201, 286, 316, 341, 360, 413—432, 453, 482.

ГЛАВА VI.

ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ВЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

Главные законы о судопроизводствѣ принадлежатъ Петру Великому; его преемники дѣлали только частныя измѣненія, и все послѣдующее развитіе процесса совершалось бо́льшею частію путемъ судебной практики. Такъ было почти до нашего времени. Это явленіе не случайное. Остановиться на мѣрахъ Петра Великаго было довольно естественно послѣ многосложной казуистики XVII вѣка. Ими былъ положенъ конецъ тѣмъ колебаніямъ законодательства, которыя замѣтны въ новоуказныхъ статьяхъ и боярскихъ приговорахъ, выходившихъ въ такомъ изобиліи послѣ Уложенія. Не отличаясь юридическою тонкостію, начала, высказанныя въ Воинскомъ Процессѣ, или въ указѣ о формѣ суда, были, однако, опредѣлены твердо и ясно, при всемъ своемъ несовершенствѣ. Съ другой стороны, при коренномъ переворотѣ въ движеніи государственной жизни, связь между законодательствомъ и тѣмъ источникомъ, которымъ оно питалось прежде, если и не изчезла вовсе, то сдѣлалась менѣе тѣсною. Управленіе XVII вѣка было, по преимуществу, дьяческое. Оно сверху до низу было наполнено практиками, приносившими всюду одни и тѣже пріемы. Въ слѣдствіе этого, все направленіе законовъ было чисто казуистическое, и притомъ основанное не столько на разработкѣ законодательнаго текста, сколько на господствующемъ примѣненіи, на примѣрахъ. Юридическая логика подъячихъ играла едва ли не бо́льшую роль, чѣмъ царскіе указы и приговоры Боярской

Думы. Законъ не успѣвалъ формулировать тѣхъ перемѣнъ, которыя происходили въ судебной практикѣ. Едва Уложеніе записало указы и приговоры, состоявшіеся со временъ Судебника, какъ уже началась переработка прежняго права, и характеръ процесса измѣнился. Такое постоянное движеніе снизу было возможно только при совершенной однородности всѣхъ элементовъ управленія. Но съ Петра Великаго она постепенно изчезаетъ. Правда, дьяки продолжали еще играть важную роль въ юридическомъ бытѣ. Минихъ говорилъ Екатеринѣ II, что вся Россія управляется одними секретарями. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ эпохи, когда правительство не имѣло общаго плана и дѣйствовало частными мѣрами, на всемъ видна рука старинныхъ подъячихъ. Но не такъ было въ общихъ мѣрахъ. Здѣсь старые пріемы встрѣчались съ преданіями петровскаго времени, съ вліяніемъ иностранцевъ и новыми взглядами высшаго сословія. Оттого между частными распоряженіями и общими законами поразительная разница. Въ первыхъ, почти безъ исключенія, преобладаетъ прежняя рутина, въ послѣднихъ замѣтенъ новый духъ, видно стремленіе заимствовать, что казалось удобнымъ, у другихъ народовъ. Въ русскомъ судопроизводствѣ этотъ двоякій характеръ эпохи отозвался особеннымъ образомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ служба сдѣлалась личною повинностію дворянства, помѣстья и вотчины перестали составлять одну изъ главныхъ заботъ правительства. Оттого спорныя дѣла гораздо рѣже прежняго вызывали новые законы, а между тѣмъ тяжбы не уменьшались и рѣшались одними судебными мѣстами, только изрѣдка доходя до законодательной власти. Въ приговорахъ, въ дѣлопроизводствѣ суды безпрестанно возвращались къ старинной практикѣ; даже Сенатъ, занятый политическими переворотами, не всегда противился этому; но практика не вела къ новымъ законамъ. Между законодательствомъ и судебнымъ обычаемъ часто было противорѣчіе, а соглашеніе ихъ, всегда происходившее прежде, сдѣлалось теперь затруднительнѣе, ибо иногда они стояли на разной почвѣ. Это не могло благопріятствовать юридическому быту. Но слѣдуетъ ли, однако, сожалѣть о прекращеніи прежняго способа образованія права? Едва ли отвѣтъ не долженъ быть отрицательный. Законы XVII вѣка совершили возможный для нихъ путь развитія.

Обвинительный процессъ, въ его народномъ, историческомъ видѣ, не могъ удержаться при развитіи государства. Онъ возникъ задолго до государственнаго быта, и въ слѣдствіе отсутствія образованія, способности возвышаться до общихъ началъ, сохранялъ всѣ слѣды своего происхожденія. Его городскія формы были до крайности неудобны. Къ тому же, при всеобщемъ неустройствѣ, опекѣ правительства противополагался одинъ частный произволъ; о той долѣ значенія, которую слѣдуетъ предоставить частной дѣятельности, не было настоящаго понятія. Отсюда происходило стремленіе все захватить въ руки государства. Этимъ и объясняется переходъ отъ чисто-обвинительнаго процесса къ уголовно-слѣдственному, къ розыску. Лишенные пособій просвѣщенія, ни законъ ни судебная практика не умѣли, ихъ разграничить и къ прежнимъ источникамъ права нечего было обращаться. Они не могли бы уничтожить той путанницы, которая возникла въ юриспруденціи подъячихъ. Только въ этомъ и заключается оправданіе позднѣйшей эпохи. Мертвенная формальность, замѣнившая жизненную логику Уложенія, была естественнымъ послѣдствіемъ слабыхъ сторонъ былой юридической жизни. Новый юридическій бытъ еще не могъ образоваться, а запутанныя формы стараго не годились болѣе и были откинуты, какъ ненужное орудіе.

Общія положенія этого времени отличаются отъ прежнихъ только бо̀льшею опредѣленностію и состоятъ въ нераздѣльной связи съ ними.

Тяжущіеся. Право иска, которое уже въ эпоху Уложенія подвергалось, для многихъ, ограниченіямъ, еще болѣе опредѣлено въ новомъ періодѣ. Къ числу лицъ, лишенныхъ этого права, были отнесены: 1) архимандриты, игумны, монахи и монахини. Имъ запрещено было искать лично, а велѣно присылать за себя стряпчихъ. Монахини испрашивали себѣ повѣреннаго у мѣстнаго архіерея; 2) лишенные чести по судебному приговору, или политически-мертвые. О нихъ сказано въ Воинскомъ Процессѣ и Морскомъ Регламентѣ 1720 года. Такимъ преступникамъ не велѣно давать суда даже и съ тѣми, кто ихъ ограбитъ, побьетъ, или ранитъ. Судили только за убійство лишеннаго чести; 3) крѣпостные люди противъ своихъ господъ. Исключеніе ихъ было

опредѣлению выражено только при императрицѣ Екатеринѣ. При ней крестьяне обременяли правительство жалобами на своихъ помѣщиковъ и нерѣдко отказывались отъ повиновенія имъ. Для пресѣченія этого, въ 1767 году, запрещено давать судъ по такимъ просьбамъ, основываясь на 13 статьѣ 2-й главы Уложенія, въ которой не велѣно принимать отъ крестьянъ никакихъ извѣтовъ противъ помѣщиковъ, за исключеніемъ доносовъ о государственной измѣнѣ.

Опредѣленіе взаимныхъ отношеній лицъ, составляющихъ одну изъ спорящихъ сторонъ, пополнено объяснительнымъ сенатскимъ указомъ 11-го іюня 1768 года. Лицу, имѣющему право на участіе въ посторонней тяжбѣ, позволено просить о пересмотрѣ рѣшеннаго дѣла, если его право было утаено прежними истцами [536].

Повѣренные. Въ указѣ 1700 года о розыскѣ законъ о недопущеніи къ суду повѣренныхъ, если въ челобитныхъ не сказано, что просители имъ вѣрятъ, подтвержденъ и дополненъ. Если тяжущіеся не могутъ быть сами у допроса, то велѣно брать у нихъ сказки за рукоприкладствомъ, что они точно довѣряютъ заступить свое мѣсто такимъ-то. Воинскій Процессъ допускаетъ повѣренныхъ по всякимъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, хотя вообще неблагопріятно смотритъ на адвокатовъ, потому что «оные своими непотребными пространными приводами судью болѣе утруждаютъ, и оное дѣло толь паче къ вящему пространству, нежели къ скорому проводятъ окончанію». Это разсужденіе, буквально переведенное съ нѣмецкаго, было однако очень на мѣстѣ относительно русскихъ стряпчихъ, что̀ доказывается, кромѣ прежнихъ извѣстій, еще многими указами Петра Великаго, которыми онъ старался противодѣйствовать судебнымъ хитростямъ современныхъ ему дѣльцовъ. При этомъ надобно вообще замѣтить, что судебное представительство плохо клеилось съ строгою формою розыска. Здѣсь тяжущійся былъ почти подсудимый, и потому требовался на лицо. Вѣроятно, по этой причинѣ, о повѣренныхъ нѣтъ полныхъ опредѣленій до самой формы суда. Въ указѣ

---

[536]) П. С. З. NN 4022, 5135, 7493. Воинскій процессъ, часть III, глава 2, п. 5; N 3485, Морской Уставъ, книга II. глава XX, § 141; NN 12966, 13130.

1723 года позволено тяжущимся «вмѣсто себя посылать къ суду, кого хотятъ, только съ письмами вѣрющими, что оной учинитъ, онъ прекословить не будетъ». Это было первое опредѣленіе судебной довѣренности съ формальной стороны. Другихъ не было до самаго изданія Свода Законовъ въ 1832 году. Совершеніе довѣренности, съ Петра Великаго до этого времени, носило совершенно частный характеръ. Въ 1758 году Юстицъ-Коллегія хотѣла распространить на «повѣренныя письма о хожденіи за дѣлами и бытіи въ судахъ» правила, изданныя въ 1737 году, о довѣренностяхъ на продажу и залогъ недвижимыхъ имѣній, и требовала отъ первыхъ, чтобъ они были засвидѣтельствованы въ Коллегіи; но Сенатъ не утвердилъ ея рапорта, на томъ основаніи что объ этомъ нѣтъ указовъ, а тяжущимся отъ засвидѣтельствованія довѣренностей будетъ излишняя проволочка. Изъ сенатскаго указа видно, что въ это время Коммиссія сочиненія уложенія разсматривала вопросъ о формѣ вѣрющихъ писемъ и способѣ ихъ составленія; но ея разсужденія, какъ извѣстно, не имѣли никакихъ послѣдствій, и потому форма осталась прежняя: назначеніе вмѣсто себя повѣреннаго излагалось въ самой челобитной [557]).

Особенно тщательно были опредѣлены нравственныя качества повѣренныхъ и права ихъ. При введеніи розыска въ 1697 году, истцамъ и отвѣтчикамъ запрещено было нанимать за себя въ суды «свою братью и боярскихъ людей ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душевредцевъ». Всѣхъ ихъ велѣно подвергать строгому наказанію. Право быть повѣренными, кажется, исключительно признается здѣсь за родственниками. Съ цѣлію уничтожить хожденіе по дѣламъ, какъ промыслъ, правительство постоянно старалось устранить отъ частныхъ дѣлъ такихъ людей, которые могли бы употреблять во зло свои познанія. По этой причинѣ, запрещено ходить по частнымъ дѣламъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какія нибудь служебныя обязанности. Архіерейскіе и монастырскіе стряпчіе не могли быть частными повѣренными, потому что «архіереямъ и монастырскимъ властямъ отъ такихъ

---

[557]) П. С. З. N 1755. Воинскій процессъ, часть I, глава 5; NN 3282, 3283, 4344, п. 7, 10888.

ябедниковъ можетъ быть нареканіе». Въ 1746 году Сенатъ циркулярно предписалъ всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ имѣть наблюденіе за такими канцеляристами, которые живутъ праздно и только за дѣлами по приказамъ ходятъ. При Екатеринѣ II изданъ былъ указъ о повѣренныхъ, по одному особенному обстоятельству. Въ 1773 году, до свѣдѣнія Сената дошло, что распущенные депутаты Коммиссіи о сочиненіи проэкта уложенія вступаются въ постороннія дѣла, выставляя себя «народными защитителями», и ходатайствуютъ по частнымъ дѣламъ, опираясь на свое вліяніе, которое преувеличиваютъ ложнымъ толкованіемъ высочайшаго указа, «будто бы они ни чьему суду не подлежатъ, кромѣ Императорскаго Величества». Сенатъ поспѣшилъ разослать указы, чтобъ въ частныя дѣла они никакъ не вступались. — Права повѣренныхъ были ограничены тѣмъ, что со времени Петра Великаго имъ было запрещено присягать за своихъ довѣрителей.

Къ прежнимъ видамъ повѣренныхъ отъ обществъ присоединились новые. Таковы были повѣренные отъ однодворческихъ обществъ. Въ 1761 году, ихъ велѣно выбирать «вольными голосами» изъ тѣхъ селъ и деревень, которыя ведутъ тяжбу. Въ 1762 году, по поводу жалобы арзамасскаго купечества, не велѣно принимать просьбъ отъ имени обществъ безъ мірскаго согласія и правильнаго выбора. Для принесенія аппелляціонной жалобы, при Екатеринѣ II, требовалось особенное полномочіе.

Необходимое представительство пополнено двумя новыми видами. На дворянскую опеку и городовой сиротскій судъ возложена защита вдовъ и сиротъ дворянскаго и купеческаго званій [558]).

Способы уничтоженія права иска остались прежніе, но въ опредѣленіи ихъ произошли отчасти перемѣны.

Давность измѣнена почти для дѣлъ всякаго рода. Для выкупа родовыхъ вотчинъ и для исковъ о нихъ установлена, въ 1737 году, вмѣсто сорокалѣтней давности, трехъ лѣтняя. Срокомъ для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, въ 1754 году, назначена первая

---

[558]) П. С. З. №№ 1572, 5416, 9279, 13617, 13953; 1572, 1755, 11283, 11447, 14382, 14392, Учрежденіе о губерніяхъ, ст. 91, 215, 299, 222, 404 и проч.

ревизія, бывшая въ 1719 году. Иски о бѣглыхъ людяхъ представляли въ это время много затрудненій. Многіе помѣщики отыскивали своихъ крестьянъ за сто лѣтъ, что давало поводъ къ безчисленнымъ тяжбамъ. Общій срокъ давности для спорныхъ дѣлъ установленъ Екатериною II. Сначала въ 1775 году, въ манифестѣ о мирѣ съ Турціею, она велѣла предать вѣчному забвенію всѣ преступленія, которыя не сдѣлались гласны въ теченіи десяти лѣтъ со дня совершенія. Въ 1785 году этотъ срокъ подтвержденъ Дворянскою Грамотой и Городовымъ Положеніемъ; а въ 1787 году, по случаю двадцатипятилѣтія отъ восшествія на престолъ, распространенъ и на гражданскія дѣла [559]).

О наслѣдственности спорныхъ дѣлъ нѣтъ новыхъ указаній, точно такъ же, какъ о характерѣ исковъ, кромѣ нѣсколькихъ подтвержденій — не давать суда по обязательствамъ, совершеннымъ некрѣпостнымъ порядкомъ. Всѣ эти вопросы рѣшались по Уложенію [560]).

Самое важное преобразованіе этого времени относится къ формамъ процесса. Въ концѣ XVII вѣка судъ и очная ставка перемѣшались между собою, и оба почти въ равной степени были проникнуты слѣдственнымъ началомъ. Обвинительный процессъ сохранилъ одну свою невыгодную сторону, усиленіе ябедничества, въ слѣдствіе бо̀льшаго вліянія челобитчиковъ на движеніе спорнаго дѣла; но за то розыскъ давалъ такой просторъ судейскому произволу, что былъ чрезвычайно тягостенъ для частныхъ людей. Выборъ между формами процесса былъ затруднителенъ, и Петръ Великій колебался между ними, но, по свойству своего характера, дѣйствовалъ не частными мѣрами, а рѣшительнымъ введеніемъ той или другой формы, смотря по тому, какой недостатокъ въ судопроизводствѣ обращалъ на себя его вниманіе.

Первая перемѣна произошла въ 1697 году. Указомъ 21-го февраля отмѣнены какъ суды, такъ и очныя ставки. Петру Ве-

---

[559]) П. С. З. №№ 7339, п. 12, 8936, п. 4, 12782, п. 14, 14829, п. 9 и 10; 10233, 14275, 16187, ст. 14, 16188, ст. 89, 16551, ст. 4. Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ, Неволина, т. II, стр. 40; т. III, стр. 95—96.

[560]) П. С. З. №№ 1833, 1838, 1850, 1927, 2080.

лкому не нравились слишкомъ большая свобода, предоставленная частнымъ лицамъ, и происходившія отъ нея медленность и ябеды. Все предисловіе указа наполнено жалобами на истцовъ и отвѣтчиковъ, которые «въ прямыхъ искахъ отвѣчаютъ неправдою, составными вымыслы своими и лукавствомъ». Вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ введенъ розыскъ, въ крѣпостныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ, а въ некрѣпостныхъ по розыску. Розыску дано тоже значеніе, какое въ уголовномъ судопроизводствѣ, но произволъ судьи стѣсненъ ограниченнымъ числомъ допущенныхъ доказательствъ. Улики рѣшительно не допускались, о повальномъ обыскѣ вовсе не упоминается. Всѣ доказательства ограничены двумя: свидѣтелями и присягой. О пыткѣ тоже не упомянуто, но изъ другихъ указовъ видно, что, по крайней мѣрѣ, въ уголовномъ судѣ она была въ употребленіи. Всему судопроизводству приданъ строгій характеръ: за ложное показаніе, или ложную присягу, полагается смертная казнь. Вмѣсто судоговоренія введенъ допросъ, какъ въ очныхъ ставкахъ. Съ истцовъ велѣно такъ же брать поручныя записи, какъ и съ отвѣтчиковъ, «для того, что по многимъ дѣламъ бываютъ истцы виноваты, и съ тѣхъ вершенныхъ дѣлъ великаго государя пошлинъ взять не на комъ, потому что по истцѣ поручной записи въ дѣлѣ нѣтъ». Форма вызова и обезпеченіе явки къ суду остались прежнія, также, какъ сначала и пошлины; потомъ онѣ были измѣнены.

Розыскъ, въ его новомъ видѣ, былъ нѣчто среднее между судомъ и прежнимъ уголовнымъ процессомъ. Отъ суда онъ отличался допросомъ, отъ очной ставки — отсутствіемъ повальнаго обыска, отъ уголовнаго процесса — недопущеніемъ уликъ и пытки. Но вскорѣ гражданское судопроизводство еще болѣе сближено съ уголовнымъ. 30-го марта 1716 года было издано, для военныхъ судовъ, «Краткое изображеніе воинскихъ процессовъ или судебныхъ тяжбъ», которое извѣстно подъ сокращеннымъ названіемъ Воинскаго Процесса. Указомъ 10-го апрѣля оно введено во всѣ судебныя мѣста, «для всѣхъ правителей земскихъ» [561]). Воинскій Процессъ чрезвычайно сходенъ съ указомъ о розыскѣ, и даже съ тѣмъ смѣшаннымъ видомъ судопроизводства, который

---

[561]) П. С. З. №№ 1572, 1631, 2310, 1576, 3006, 3010.

образовался подъ конецъ XVII вѣка. Онъ отличается отъ нихъ только еще большимъ устраненіемъ обвинительнаго начала. Всякое различіе между частными, гражданскими дѣлами и уголовными здѣсь совершенно уничтожено. Опредѣливъ сначала двоякое происхожденіе процессовъ: жалобу челобитчика на отвѣтчика, и собственный розыскъ судьи, «ради своего чину по должности судебной»,—Воинскій Процессъ замѣчаетъ, однако, что въ обоихъ случаяхъ долженъ быть одинъ порядокъ, какъ въ рѣчахъ и отвѣтѣ, такъ въ доказательствахъ и во всемъ прочемъ. Въ слѣдствіе этого, пытка снова вступала въ свои права, и тяжущіеся превращались въ подсудимыхъ. Вмѣсто прежняго, сложнаго порядка, введенъ очень простой, сходный съ нѣмецкимъ краткимъ процессомъ (Summarisches Verfahren). Форма вызова есть *позывъ*, которое судья письменно или изустно даетъ отвѣтчику, объявляя ему, кто истецъ, чего онъ ищетъ, гдѣ и въ какое время будетъ судъ. Отвѣтчикъ ни въ какомъ случаѣ не отпускается на поруки, но, если онъ чиномъ не ниже генерала, то судья можетъ дать ему «салѳъ-кондуктъ или свободный отпускъ», съ назначеніемъ срока явки. Отводъ судей дозволяется. Доказательствъ принято четыре вида: своевольное признаніе, свидѣтели, письменные доводы и присяга; но къ нимъ присоединяется пытка [562]). Отношеніе послѣдней къ присягѣ не ясно. Пытка допускается и въ гражданскихъ дѣлахъ, но съ слѣдующимъ ограниченіемъ: «прежде пытать не можно, пока въ самомъ дѣлѣ злое дѣйство наружѣ необъявится, развѣ когда свидѣтель въ большихъ и важныхъ гражданскихъ дѣлахъ оробѣетъ, или смутится, или въ лицѣ измѣнится, то пытанъ бываетъ». Противъ неполныхъ доказательствъ отвѣтчику предоставлено также прибѣгать къ очистительной присягѣ. Можетъ быть, выборъ между присягою и пыткой зависѣлъ отъ важности и степени подозрѣнія [563]).

Эта форма процесса существовала не долго. Что было причиною ея уничтоженія? Можетъ быть, самые размѣры власти,

---

[562]) Воинскій Процессъ, часть I, глава 2, п. 2; глава 1, п. 2; глава 2, п. 2 и 3, часть II.

[563]) Воинскій Процессъ, часть II, глава 6, п. 3, глава 5, п. 1 и 2.

предоставленные ею судьямъ. Въ 1722 году Петръ Великій предписывалъ Сенату «разсмотрѣть о пыткахъ, понеже и въ малыхъ дѣлахъ пытки чинятъ, и таковымъ, на которыхъ только мнѣніе имѣютъ; чтобъ оное унять». Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, нашихъ судей, привыкшихъ уже въ XVII вѣкѣ къ страшнымъ уголовнымъ средствамъ, надобно было унимать отъ пытокъ; но всего вѣроятнѣе, что поводомъ къ уничтоженію было то обстоятельство, на которое Петръ намекаетъ въ указѣ о формѣ суда: судьи, кажется, продолжали различать судъ и розыскъ, придавая имъ прежнее значеніе. Въ слѣдствіе этого, обвинительный процессъ возстановленъ указомъ о формѣ суда 5-го ноября 1723 года [564]).

Судъ по новой формѣ велѣно начать съ 1724 года. Съ этого времени запрещено различать судъ и розыскъ и велѣно всякія дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, судить однимъ судомъ. За несоблюденіе этого судья подвергался наказанію, какъ нарушитель государственныхъ правъ; за частныя отступленія отъ порядка - въ первый разъ, штрафу въ 500 рублей, во второй, въ 1000 рублей, а въ третій—лишенію половины движимаго и недвижимаго имущества. Порядокъ суда былъ слѣдующій. Дѣло начиналось подачею прошенія, изложеннаго по пунктамъ, потомъ отвѣтчика призывали къ суду, и если дѣло не касалось государственныхъ преступленій («измѣны, злодѣйства, или словъ противныхъ на Императорское Величество и Его Величества фамилію и бунтъ»), то съ прошенія ему выдавался списокъ, на которомъ сами судьи собственноручно отмѣчали число, назначенное для явки къ суду. Отвѣтчикъ давалъ судьямъ реверсъ, что онъ копію получилъ и обязуется явиться въ назначенное время. Копія должна была находиться въ рукахъ его цѣлую недѣлю, кромѣ тѣхъ дней, которые пройдутъ въ пріисканіи поручительства. Истецъ также получалъ билетъ съ обозначеніемъ срока. Поручительство требовалось отъ отвѣтчика только въ томъ случаѣ, когда будетъ усмотрѣно, что у него нѣтъ довольно имущества для покрытія иска. Къ суду являлись въ 8 часовъ утра. Если тяжущійся опаздывалъ, и приходилъ въ 11 часовъ, то судъ

564) П. С. З. NN 3933, 4344.

отлагался до слѣдующаго дня, но если и на слѣдующій день онъ опаздывалъ, то его задерживали въ судебномъ мѣстѣ и не выпускали до начала суда. Законными причинами неявки почиталось: 1) «ежели отъ непріятеля какое помѣшательство имѣлъ, 2) безъ ума сталъ, 3) отъ водянаго и пожарнаго случая и воровскихъ людей какое несчастіе имѣлъ; 4) ежели родители или жена и дѣти умрутъ». Требованіе къ суду въ другое присутственное мѣсто не принималось въ уваженіе. Отъ явки туда, за исключеніемъ государственныхъ дѣлъ, освобождало предъявленіе реверса. Если тяжущійся былъ задержанъ въ другомъ судѣ и по государственному дѣлу, но не увѣдомилъ тотъ судъ, изъ котораго прежде получилъ повѣстку, то обвинялся за неявку. О причинахъ неявки судьи производили изслѣдованіе. Для удостовѣренія въ болѣзни, изъ суда отправляли къ тяжущемуся трехъ членовъ, и съ ними, гдѣ есть, доктора или лекаря. Неявившагося челобитчика «сыскивали» слѣдующимъ образомъ: немедленно публиковался, съ барабаннымъ боемъ, указъ, чтобы онъ явился въ теченіи недѣли. Если онъ не являлся въ это время, то его обвиняли. Когда были поручители, то взысканіе падало на нихъ, если же ихъ не было, то удовлетворялось изъ имѣнія челобитчика. Точно такъ же судьи поступали и тогда, когда отвѣтчикъ являлся чрезъ недѣлю, но не объявлялъ законныхъ причинъ своей просрочки. Для записки судныхъ рѣчей приготовлялись двѣ тетради, прошнурованныя и скрѣпленныя секретаремъ по листамъ. Въ одну изъ нихъ записывались слова истца, а въ другую отвѣтчика. Прежде всего читалось, по пунктамъ, прошеніе. Когда первый пунктъ былъ прочтенъ, начинался отвѣтъ, который былъ непремѣнно словесный, а не письменный; только для памяти позволялось держать записку. Отвѣтчикъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ особо, не касаясь другихъ; точно также и истецъ въ своемъ возраженіи. Не очистивъ одного пункта, запрещалось переходить къ другому, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда требовались справки: тогда позволялось, для скорости, переходить къ другому пункту. Всѣ рѣчи записывались и скрѣплялись рукоприкладствомъ противника. Для представленія документовъ назначался поверстный срокъ; но ни истецъ ни отвѣтчикъ не могли получить отсрочки

для того, чтобъ подумать. По окончаніи допроса, съ обоихъ тяжущихся брали поруки въ томъ, чтобъ до судебнаго приговора они никуда не съѣзжали. Поручительство и въ этомъ случаѣ требовалось только отъ тѣхъ, у кого не было достаточно имущества. Когда дѣло было изслѣдовано, то изъ него составляли выписку, тоже по пунктамъ, подъ которыми тяжущіеся прикладывали руки. Эти пункты исправлялись по ихъ требованію, но послѣ рукоприкладства перемѣны не допускались. Если законы были приведены неправильно, то судьи подвергались упомянутому выше штрафу.

Нечего и говорить, что форма суда была возстановленіемъ древняго обвинительнаго процесса. Въ ней повторились даже нѣкоторыя особенности прежняго русскаго суда, какъ, напримѣръ, почти всѣ законы о поручительствѣ. Петръ Великій самъ говоритъ, что источниками для него служили прежніе указы. Изданный въ отмѣну только нѣкоторыхъ изъ прежнихъ законовъ, указъ 1723 года умалчиваетъ о многихъ, существенныхъ частяхъ процесса: въ немъ ничего не сказано о судебныхъ доказательствахъ, объ исполненіи приговора, опущены способы взысканія и судебныя пошлины. Но, вмѣстѣ съ возстановленіемъ стараго, въ формѣ суда есть и важныя перемѣны. Новый процессъ отличался отъ стараго отсутствіемъ нѣкоторыхъ особенностей, именно: 1) уничтоженъ прежній способъ вызова, носившій вполнѣ частный характеръ; 2) поручная запись лишена прежняго значенія, по которому она была въ сущности главнымъ актомъ процесса; 3) взысканіе обращено прямо на имущество; 4) неявка считается неповиновеніемъ закону, а не нарушеніемъ частнаго обязательства, и потому ведетъ къ обвиненію сама по себѣ, безъ поручной записи. Цѣль всѣхъ этихъ измѣненій понятна. Петръ Великій хотѣлъ положить преграду ябедѣ и проволочкѣ, и строгостію формы замѣнить вмѣшательство въ спорныя дѣла судейской власти. Въ этомъ отношеніи прежнія его преобразованія не остались безъ вліянія; даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ указа судоговореніе названо допросомъ. Наконецъ, самый характеръ процесса существенно измѣнился. Обвинительный процессъ, вмѣсто частной формы, получилъ государственную. Отсюда произошли перемѣны въ поручной записи, новый способъ вызова, сліяніе двухъ порядковъ судопроизвод-

ства, ме́ньшее различіе между крѣпостными и некрѣпостными дѣлами и т. д. [565]).

Причина паденія суда по формѣ до сихъ поръ еще составляетъ вопросъ не разрѣшенный. Она заключалась, вѣроятно, въ укоренившихся привычкахъ нашей судебной практики, которая усвоила себѣ процессуальный взглядъ Уложенія и не понимала никакаго другаго. Къ тому же, простота петровскаго судопроизводства не могла быть принята охотно тогдашними ябедниками и подъячими. Въ многосложныхъ правилахъ Уложенія имъ легче было найти опору. А поводы обращаться къ старымъ законамъ отчасти заключались въ самомъ указѣ 1723 года. Такъ какъ онъ не говоритъ омногихъ частяхъ процесса, которыя, поэтому, должны были остаться въ прежнемъ видѣ, то былъ предлогъ прибѣгать къ Уложенію и для нарушенія формы суда. Что уклоненія были дѣйствительно, видно изъ одного сенатскаго указа 1760 года. Строгія, безусловныя послѣдствія неявки, по формѣ суда, казались очень стѣснительными, и тяжущіеся нерѣдко, чтобъ избѣжать потери иска, ссылались на статьи Уложенія, въ особенности о томъ, чтобъ по крѣпостнымъ дѣламъ не винить неявкою безъ суда. Сенатъ долженъ былъ объяснять, что эти законы уже не имѣютъ силы. Изъ другаго указа видно, что и судьи возвращались къ Уложенію. Въ 1740 году Сенатъ предписывалъ обвинять за упрямство челобитчиковъ, которые не хотятъ отказаться отъ лишнихъ рѣчей, но только въ некрѣпостныхъ дѣлахъ, а крѣпостныя рѣшать по документамъ. Въ формѣ суда, какъ извѣстно, нѣтъ этого различія [566]).

Когда именно форма суда изчезла въ качествѣ главнаго процесса и сдѣлалась дополнительнымъ, тоже недостаточно ясно изъ источниковъ. При Петрѣ Великомъ всѣ суды производились на основаніи указа 1723 года, въ томъ числѣ даже военные; исключены были только дѣла, возникшія по фискальскимъ доношеніямъ и частнымъ доносамъ, «которыя касаются до инте-

---

565) П. С. З. NN 4344. — Рѣчь объ Уложеніи, профессора Морошкина, стр. 57. Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, г. Кавелина, стр. 171—177.

566) П. С. З. NN 11149, 8055.

рсу Его Императорскаго Величества, понеже въ той формѣ упоминается болѣе о челобитчикахъ и отвѣтчикахъ». Объ уголовныхъ дѣлахъ въ это время не встрѣчается указаній, и едва ли они также не судились формою суда. Дальнѣйшія исключенія относились сначала къ извѣстнымъ лицамъ и не зависѣли отъ рода дѣлъ. Они имѣли цѣлію облегчить для нихъ формальности судопроизводства, по неумѣнію этихъ лицъ защищаться въ судѣ, или для бо́льшей скорости. Въ 1726 году введенъ между купцами таможенный судъ, но, по дѣламъ съ разночинцами, купцы еще при императрицѣ Аннѣ судились по формѣ суда. Въ 1727 году исключены шкиперы. Судъ между ними и ихъ противниками установленъ тоже краткій, таможенный. Въ 1760 году изъяты маловажныя дѣла между новокрещенными, которыя велѣно производить не судомъ, а слѣдствіемъ. Тоже исключеніе сдѣлано въ 1763 году для Якутовъ, въ дѣлахъ до 50 рублей; въ 1764 году велѣно производить слѣдствіемъ споры между военными и посадскими людьми. Такимъ образомъ всѣ исключенія были сначала въ пользу болѣе краткаго, словеснаго судопроизводства, а не прежняго письменнаго [567]). Исключенія по роду дѣлъ были очень немногочисленны. Въ 1725 году, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, Сенатъ устранилъ всѣ дѣла уголовныя, посредствомъ толкованія на 5 пунктъ указа 1723 года. Подъ словомъ «злодѣйство», по объясненію Сената, разумѣются, между прочимъ, «смертоубійцы, разбойники и тати, которые пойманы будутъ, или съ поличнымъ приведены, хотя съ казеннымъ или партикулярныхъ людей». Такимъ преступникамъ не велѣно давать копій съ поданныхъ на нихъ прошеній. Этимъ запрещеніемъ, кажется, былъ возстановленъ розыскъ. Замѣчательно, что отношеніе гражданскихъ дѣлъ къ уголовнымъ опредѣлено здѣсь точно такъ же, какъ въ нашемъ старинномъ законодательствѣ. Въ слѣдствіе одного обвиненія въ кражѣ, если при этомъ нѣтъ поличнаго, запрещено подвергать отвѣтчиковъ суду, какъ злодѣевъ, то есть производить дѣло розыскомъ, потому что, сказано въ указѣ, «прежде, пока они въ томъ допрашиваны, а

---

567) П. С. З. NN 4607, 4828, 5145, 8172, 5102, п. 15, 11138, 11827, 12289.

подлинно еще обличены не будутъ, до тѣхъ мѣстъ за злодѣя признавать ихъ не можно». Итакъ розыскъ или былъ возстановленъ, или не былъ уничтоженъ для уголовныхъ дѣлъ. Извѣстія о пыткѣ, относящіяся къ этому времени, подтверждаютъ такое заключеніе. — Дѣла о гражданскихъ преступленіяхъ постоянно производились судомъ по формѣ. До Екатерины II законодательство не допускало по дѣламъ этого рода даже предварительнаго полицейскаго изслѣдованія. Такъ, сенатскимъ указомъ 30-го іюня 1752 года, запрещено было даже принимать просьбы о посылкѣ чиновниковъ для осмотра убытковъ отъ насильственнаго завладѣнія. До суда не велѣно дѣлать никакихъ распоряженій. Полицейское слѣдствіе о гражданскихъ преступленіяхъ введено только Учрежденіемъ о губерніяхъ. По жалобѣ на какое бы то ни было насильство, земскому исправнику велѣно тотчасъ же производить слѣдствіе, возстановлять порядокъ и возвращать отнятое; о правѣ собственности предоставлено истцу начинать дѣло судебнымъ порядкомъ въ уѣздномъ судѣ. Этимъ закономъ спорное судопроизводство разграничено съ безспорнымъ. Изъ дѣлъ собственно тяжебныхъ, во все XVIII столѣтіе, только одни дѣла о выморочныхъ имѣніяхъ велѣно было (въ 1763 году) производить не судомъ по формѣ, а слѣдствіемъ. О всѣхъ остальныхъ гражданскихъ дѣлахъ постоянно встрѣчается подтвержденіе—не толковать, что форма суда «къ тому служитъ а къ другому не служитъ» и прилагать ее ко всѣмъ дѣламъ безъ исключенія [568]).

Очевидно, что законодательство не хотѣло измѣнять порядка, введеннаго Петромъ Великимъ. Измѣненіе произошло путемъ практики, посредствомъ долговременныхъ уклоненій. Выше былъ указанъ одинъ примѣръ этому. Еще яснѣе это высказано въ рескриптѣ императора Александра I графу Завадовскому, назначенному, въ 1801 году, предсѣдателемъ коммиссіи для разсмотрѣнія русскаго судопроизводства. «Правила обрядовъ, говоритъ рескриптъ, бывъ разсѣяны во многихъ законахъ, едва лучшимъ законоискусникамъ во всей подробности ихъ свѣдомы». Поводомъ къ современному употребленію суда по формѣ, въ

---

568) П. С. З. №№ 4713, 10002, 14392, ст. 243, 11913, 11149.

качествѣ дополнительной формы, послужило мнѣніе Государственнаго Совѣта 1812 года, въ которомъ сказано, что искать на основаніи указа 1723 года предоставляется иногда просителямъ опредѣленіемъ присутственнаго мѣста, или высочайшимъ повелѣніемъ [569]). Изъ этого, въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ заключить, что, въ началѣ XIX вѣка, къ суду по формѣ прибѣгали только по исключенію. Но происхожденія этого порядка надобно искать гораздо ранѣе. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что въ теченіи всего XVIII столѣтія, при неполнотѣ послѣднихъ указовъ Петра Великаго, судьи постоянно обращались ко всѣмъ предъидущимъ законамъ. Такимъ образомъ судебная практика, не признаваемая законодательствомъ, продолжала свою работу и мало по малу почти возвратилась къ старинному процессу.

Отводъ судей въ первый разъ подробно опредѣленъ Воинскимъ Процессомъ. Законными причинами отвода признаются слѣдующія: «1) ежели (судья) съ челобитчикомъ, или отвѣтчикомъ, обязанъ свойствомъ, или иною какою особливою дружбою; 2) когда особливую вражду имѣлъ или имѣетъ; 3) ежели судья обязанъ будетъ услугою челобитчика; 4) ежели онъ равное дѣло имѣетъ судить, которое такого жъ есть обстоятельства; 5) или будетъ онъ въ одной компаніи съ отвѣтчикомъ часто бываетъ, или съ онымъ на ухо шептающагося видѣлъ, и прочія причины, о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ, ибо всѣхъ причинъ подробно въ правахъ описать не можно». Но и тѣхъ причинъ, которыя были описаны, судьи, кажется, вовсе не уважали, потому что законы объ отводѣ встрѣчаются безпрестанно. Въ 1720 году подтверждено, чтобъ, во время слушанія дѣлъ ихъ родственниковъ, судьи непремѣнно выходили изъ присутствія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ правила объ отводѣ опредѣлены еще точнѣе. Если истецъ или отвѣтчикъ не отводятъ судью по родству его съ однимъ изъ нихъ, то судья можетъ остаться въ присутствіи; однако, по окончаніи суда, оба тяжущихся должны подписать на выпискѣ изъ дѣла, «что они на того судью никакого подозрѣнія не имѣютъ». Просьба объ отводѣ подается въ высшую инстанцію, которая переноситъ дѣло въ другой судъ.

---

[569]) П. С. З. №№ 19959, 25147.

Указомъ 23-го октября 1723 года опредѣлена степень родства, при которой запрещается принимать участіе въ дѣлѣ: не допускаются родные, двоюродные и внучатные братья. Тоже подтверждено указомъ 20-го мая 1724 года. Рѣшеніе о законности отвода предоставлено въ обоихъ указахъ другимъ судьямъ того же мѣста. По изданіи формы суда вышелъ, 13-го ноября 1724 года, новый указъ объ отводѣ. Причины выставлены тѣже, какія въ Воинскомъ Процессѣ, только опредѣлены подробнѣе. — Вражда съ тяжущимся должна быть *приказная*, то есть въ слѣдствіе тяжбы его съ судьею. Ссора съ его родителями, женою, или дѣтьми также принимается въ уваженіе. Особенныя отношенія судьи къ тяжущемуся пояснены примѣромъ: «когда у кого жилъ или служилъ, или вскормленъ былъ». Запрещено судить дѣло, когда судья самъ имѣетъ такое же въ другомъ судѣ, гдѣ его будетъ судить проситель. Въ предупрежденіе несправедливыхъ отводовъ постановлены слѣдующія правила. Просьба объ отводѣ президента должна быть подана письменно въ высшую инстанцію. Если подозрѣніе окажется основательнымъ, то дѣло переносится или въ высшую инстанцію, или въ другой судъ первой степени. Если, напротивъ, подозрѣніе не основательно, то дѣло оставляется въ прежнемъ судѣ, а проситель можетъ аппеллировать на его рѣшеніе. Остальные члены суда, когда они отведены, просто оставляютъ присутствіе. Въ 1743 году было пояснено, что подозрѣніе, объявленное по одному дѣлу, не ведетъ непремѣнно къ отводу судьи по другому дѣлу того же лица [570]).

О формѣ и содержаніи прошеній первый важный указъ изданъ 19-го іюля 1700 года, которымъ запрещено писать въ нихъ что либо излишнее и говорить про иныя дѣла. До суда исковая челобитная оставалась запечатанною, чтобъ отвѣтчикъ не могъ ее видѣть и заранѣе сообразить съ нею отвѣта. Впослѣдствіи запрещеніе писать въ просьбахъ лишнее было нѣсколько разъ подтверждено. Оно было вызвано обыкновеніемъ тогдашнихъ ябедниковъ прибѣгать къ обвиненіямъ въ разныхъ преступленіяхъ,

---

[570]) П. С. З. №№ 3006, Воинскій Процессъ, часть I, глава I, п. 13; 3480, 3577, 4506, 4593, 8812.

особенно государственныхъ Запрещалось также употреблять бранныя или укорительныя слова. Цѣна иска въ челобитной опредѣлялась непремѣнно. За приписку искъ взыскивался вчетверо. Доказательства обозначались [571]).

Форма прошеній подвергалась слѣдующимъ измѣненіямъ. Челобитныя велѣно писать на гербовой бумагѣ, въ тетрадяхъ, а не въ столбцахъ, за подписью самихъ челобитчиковъ и составителей прошенія, съ обозначеніемъ: мѣста, куда оно подается, года, мѣсяца и числа. Изложеніе прошеній было измѣнено два раза. Въ 1712 году велѣно писать въ началѣ: «державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій», передъ самымъ прошеніемъ: «всемилостивѣйшій государь, прошу Вашего Величества», а въ заключеніи: «Вашего Величества нижайшій рабъ», и за тѣмъ подпись. Въ указѣ 1723 года форма упрощена. Сначала велѣно писать титулъ, потомъ самую просьбу, по пунктамъ, а въ заключеніи: «прошу Вашего Величества о семъ моемъ челобитьѣ рѣшеніе учинить». При возвращеніи челобитной, въ надписи велѣно, при Елисаветѣ, обозначать причину возвращенія [572]).

Судоговореніе опредѣлено многими указами, но бо̀льшая часть изъ нихъ относится только къ внѣшнему порядку. По введеніи розыска опредѣленъ порядокъ допросовъ. Такъ какъ судопроизводство было въ это время письменное, то отвѣтчики нерѣдко составляли свои сказки дома. Это давало имъ возможность обдумать оправданіе и помѣщать въ отвѣтѣ «иныя постороннія дѣла», или же искъ о безчестьѣ. Поэтому, указомъ 1799 года, велѣно давать сказки изустно, противъ истцова челобитья, и въ самомъ судѣ; а говорить о постороннихъ дѣлахъ запрещено. Трудно сказать, въ какомъ объемѣ понималось это запрещеніе, но нельзя не замѣтить, что здѣсь могъ заключаться поводъ къ ограниченію самыхъ способовъ отвѣта. При совершенномъ устраненіи косвенныхъ возраженій отвѣтъ сводился почти на одно прямое опроверженіе. Не сказано даже, можно ли было противо-

---

[571]) П. С. З. NN 1806, 3143, 3261, 7599, 7933, 3417, 10155, 10357, 3251.

[572]) П. С. З. NN 1673, 1703, 1901, 1836, п. 7, 2865, 3068, 3251, 1899, 4344, 10149.

полагать иску другое право, не отвергая, но ослабляя основаніе перваго? Точнѣе опредѣленъ отвѣтъ въ Воинскомъ Процессѣ, который допускаетъ три случая: 1) «когда отвѣтчикъ въ жалобѣ весьма повинится, 2) или въ оной весьма запрется, или 3) оную признаваетъ, токмо при томъ такія обстоятельства представляетъ, по которымъ дѣло противъ челобитчикова доношенія несходно». Но, для сокращенія судопроизводства, объемъ иска и отвѣта ограниченъ тѣми доказательствами, которыя высказаны при началѣ суда. Послѣ перваго изложенія никто изъ тяжущихся не можетъ «болѣе пункты, или какіе приводы предложить». Число отвѣтовъ опредѣлено съ точностію: съ каждой стороны допускается только по два прошенія. Впослѣдствіи это правило не соблюдалось. Поводъ къ этому заключался, можетъ быть, въ указѣ о формѣ суда. Въ немъ ничего не было сказано о количествѣ отвѣтовъ, а потому судебный споръ, по прежнему, сталъ прекращаться однимъ истощеніемъ доказательствъ. Екатерина II, въ 1762 году, жаловалась на умноженіе, въ слѣдствіе этого, «излишняго и непринадлежащаго письма». По одному и тому же дѣлу, отъ одного лица, и объ одномъ предметѣ подавалось по нѣскольку прошеній. Екатерина не сдѣлала, однако, никакаго распоряженія, и число прошеній съ каждой стороны осталось произвольнымъ [573]).

Относительно внѣшняго порядка никогда не было столько узаконеній, сколько въ новомъ періодѣ. Собственно въ движеніе суда они не внесли ничего новаго, но для исторіи правовъ представляютъ замѣчательные факты, тѣмъ болѣе, что служатъ указаніемъ, какіе результаты произвелъ обвинительный процессъ древней Россіи. Указъ 1723 года ограничился общимъ замѣчаніемъ о судныхъ рѣчахъ, запретивъ говорить не только о постороннихъ предметахъ, но даже о другихъ пунктахъ, при спорѣ объ одномъ изъ нихъ, и въ особенности «обличать» противника, или доносить о его «противныхъ дѣлахъ». Этимъ отъ граждан-

---

[573]) П. С. З. N 1679. Воинскій Процессъ, часть I, глава 6, 4344, п. 2—4, 11629. Сводъ Зак. Гражд. изд. 1842 года, примѣчаніе къ статьѣ 2304.

скаго процесса устранялись уголовныя обвиненія. Но какъ мало имѣло силы это запрещеніе, даже при Петрѣ Великомъ, который не затруднялся въ дѣлѣ наказанія, видно изъ дальнѣйшихъ его указовъ. Не только просители, но судьи нарушали порядокъ самымъ неблагопристойнымъ образомъ. Одинъ изъ замѣчательныхъ людей того времени, баронъ Шафировъ, въ 1722 году, произвелъ въ Сенатѣ настоящій бунтъ, бранился, никого не хотѣлъ слушать, и многіе сенаторы держали его сторону. Въ слѣдствіе этого, Петръ Великій издалъ указъ, которымъ, за нарушеніе благоприличія въ присутственномъ мѣстѣ, назначены строгія наказанія. Малѣйшее изъ нихъ состояло въ арестѣ и денежномъ штрафѣ, а высшимъ была политическая смерть. Тому же подвергались и просители. Это происшествіе до того поразило Петра, что черезъ годъ онъ буквально повторилъ свой указъ. Все это доказываетъ, съ какими препятствіями надобно было бороться, и какую картину представлялъ обвинительный процессъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, XVIII вѣкъ наполненъ указами о полицейскомъ порядкѣ въ судахъ. Судьи или сами нарушали законы, позволяя челобитчикамъ говорить лишнее, или не могли сладить съ ними. Тяжущіеся отказывались продолжать судоговореніе и затягивали дѣло, когда судьи напоминали имъ, чтобъ они постороннихъ рѣчей не говорили. Иногда затрудненіе было не въ одной неблагонамѣренности судей, а просто въ томъ, что, при отсутствіи юридическаго образованія, изворотливость ябедниковъ сбивала ихъ съ толка. Это тѣмъ понятнѣе, что со времени Петра во всѣхъ судахъ появились отставные офицеры, вовсе незнакомые съ дѣломъ. Еще при Екатеринѣ II, въ первые годы ея царствованія, все областное управленіе было наполнено ими. Процессы первой половины XVIII вѣка представляютъ любопытные примѣры проволочекъ. Въ царствованіе императрицы Анны долго тянулось знаменитое дѣло княгини Кантемиръ съ ея пасынками. Оно прошло всѣ инстанціи и наконецъ было рѣшено въ особо учрежденномъ для него высшемъ судѣ. Этотъ высшій судъ долженъ былъ долго и подробно разбирать прежнее дѣлопроизводство, чтобы рѣшить, кто виноватъ изъ судей и челобитчиковъ. Открылась цѣлая бездна неправды, и многіе чиновники коллегій и Сената были оштрафованы. Въ приговорѣ высшаго суда есть любопытное признаніе,

которое мы приведемъ буквально. Судьи, сказано тамъ, «ко уничтоженію такихъ непотребныхъ и къ дѣлу неприличныхъ показаній, для собиранія изъ разныхъ мѣстъ справокъ, протоколъ на протоколъ сочиняютъ и не столько думаютъ о прямомъ дѣлѣ, какъ о такихъ представленныхъ непотребныхъ резонахъ (которые отъ ябедниковъ для продолженія и затрудненія судныхъ дѣлъ происходятъ), чтобъ о всѣхъ ихъ о послѣднемъ рѣшительномъ протоколѣ очистить и къ непровержению ихъ резоны сыскать; чего ради иногда и прямаго дѣла надлежащимъ образомъ выполнить и изъяснить забудутъ». Корень такихъ злоупотребленій лежалъ глубоко, въ цѣлой исторіи обвинительнаго процесса, котораго уже не понимало тогдашнее общество, и потому законы о судоговореніи плохо удавались, а примѣнялись еще хуже. Они всѣ носятъ мелочной характеръ, обращены на подробности, ищутъ въ формальной сторонѣ спасенія отъ вѣковой ябеды. Первый указъ подобнаго рода вышелъ въ 1740 году. Юстицъ-Коллегія донесла Сенату, что тяжущихся трудно удержать отъ постороннихъ рѣчей. Они упорно отстаиваютъ ихъ необходимость, хотя и содержатся за свое упрямство подъ карауломъ. Къ тому же, и судьи нерѣдко расходятся въ мнѣніи: что̀ одинъ называетъ лишнимъ, то другой считаетъ за необходимое; а жалобы высшимъ инстанціямъ на неправильность судоговоренія ведутъ еще къ бо́льшей медленности. Въ слѣдствіе этого, Коллегія предлагала записывать въ особую тетрадь лишнія рѣчи, чтобы при аппелляціи можно было тотчасъ видѣть, былъ ли соблюденъ надлежащій порядокъ. Сенатъ отчасти согласился, но съ разными формальностями. Судьи должны сначала объявить челобитчикамъ, что рѣчи ихъ лишнія. Если послѣдніе останутся при своемъ упрямствѣ, то составляется, за подписью всѣхъ судей, протоколъ, въ который вносятся какъ рѣчи, такъ и судейское мнѣніе о нихъ. Упрямый челобитчикъ содержится 30 дней подъ арестомъ, послѣ чего, если онъ остается еще при своемъ требованіи, то въ некрѣпостныхъ дѣлахъ обвиняется безъ суда, а въ крѣпостныхъ, на основаніи розыска по крѣпостямъ; ему предоставлена только аппелляція. Императрица не утвердила сенатскаго доклада. Судоговореніе велѣло оставить въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ указѣ 1723 года. Какая нибудь мѣра была,

однако, необходима. Безпорядки продолжались. Наша судебная лѣтопись представляетъ примѣры не только лишнихъ рѣчей, но даже перебранокъ. Въ 1753 году поведеніе въ судѣ двухъ противниковъ, Пушкина и Крекшина, обратило на себя вниманіе Сената. Оба они были посажены на мѣсяцъ въ тюрьму, о наказаніи ихъ было публиковано особеннымъ указомъ. Во время суда Пушкинъ называлъ Крекшина извѣстнымъ воромъ и проклятымъ матерью сыномъ, а Крекшинъ уличалъ Пушкина въ томъ, что онъ воръ и смертоубійца. Любопытно замѣчаніе сенатскаго указа, что ни тотъ, ни другой не доказали своихъ словъ. Стало быть, обвиненіе могло быть доказываемо, и гражданскій судъ получать уголовный оттѣнокъ? Въ слѣдствіе такихъ-то происшествій, мѣры не утвержденнаго указа 1740 года введены указомъ 1761 года. Судныя рѣчи, признанныя за «не принадлежащія къ дѣлу» велѣно вносить въ ту же тетрадь, но съ изъясненіемъ, что, по мнѣнію суда, онѣ къ дѣлу не относятся. Такими приключеніями было ознаменовано постепенное паденіе суда по формѣ. Безпорядки, кажется, не прекращались, потому что подтвержденія указа 1761 года встрѣчаются безпрестанно [574]).

Что касается до положенія, во время суда, спорнаго имущества, то оно всегда оставалось во владѣніи отвѣтчика, за исключеніемъ одного случая: за неявку къ слушанію дѣла, у тяжущихся отбирали недвижимое имѣніе впредь до рѣшенія [575]).

Законы о судебныхъ доказательствахъ, вышедшіе въ это время, были слѣдующіе.

I. Собственное признаніе опредѣлено въ одномъ Воинскомъ Процессѣ. Это первое, ясное и не случайное, опредѣленіе. «Собственное признаніе, сказано здѣсь, есть лучшее свидѣтельство всего свѣта». Отъ него требуется четыре условія: 1) чтобъ оно

---

[574]) П. С. З. NN 4344, п. 2 и 4, 4337, 4431, 7143 (въ особенности пунктъ 3-й), 7597, 8032, 10155, 11181, 19802, п. 2.

[575]) П. С. З. NN 5665, 6451, 7913, сенатскій указъ 30 сентября 1739 года: «объявлены въ отпискѣ разныхъ чиновъ людей недвижимыя имѣнія, за неявленіе тѣхъ людей для опредѣленія къ тѣмъ дѣламъ, по посланнымъ изъ разныхъ правительствъ указамъ; тако жъ бываютъ въ отпискѣ недвижимыя жъ имѣнія и по челобитчиковымъ дѣламъ у истца или у отвѣтчика токмо до рѣшенія ихъ дѣлъ».

было справедливо и 2) добровольно; 3) чтобъ оно было сдѣлано въ судѣ; 4) чтобъ оно было вѣроятно и простиралось на такія обстоятельства, о которыхъ послѣ него не могло бы уже быть сомнѣнія[576]).

II. Свидѣтели. Правила о нихъ въ новомъ періодѣ почти также многочисленны, какъ въ древнемъ, хотя и по другой причинѣ. Прежде это было лучшее доказательство, теперь оно занимаетъ второстепенное мѣсто, но въ немъ преслѣдуются слѣды ябеды.

Значеніе свидѣтеля опредѣлено въ Воинскомъ Процессѣ такимъ образомъ: «чинъ свидѣтеля есть явный чинъ, и того ради къ сему только безпорочные люди (а не достоинства лишенные) употребляются». Поэтому, въ Воинскомъ Процессѣ и другихъ законахъ, не допускаются слѣдующія лица: 1) раскольники, по дѣламъ православныхъ. Ихъ показанія принимались только другъ противъ друга. Это правило, естественное на другой день послѣ борьбы съ расколомъ, было смягчено только при Екатеринѣ II, и то̀ по случайному обстоятельству. Въ Малороссіи, которая была въ то время главнымъ притономъ раскола, происходили частые поземельные споры между землевладѣльцами и раскольниками, издавна поселившимися на ихъ грунтахъ. Такъ какъ помѣщики, основываясь на указѣ Петра Великаго, не хотѣли допускать раскольниковъ къ свидѣтельству, а послѣдніе, въ отмщеніе, подъ разными предлогами не принимали показаній владѣльцевъ; то часто не было никакой возможности рѣшить спора. По этой причинѣ, Сенатъ уважилъ представленіе кіевской губернской канцеляріи и допустилъ въ Малороссіи свидѣтельство раскольниковъ. Юридическимъ основаніемъ послужилъ Литовскій Статутъ, который принимаетъ показанія всѣхъ христіанъ безъ исключенія и устраняетъ только жидовъ. 2) Клятвопреступники, 3) тѣ, «которые баннизированы или прокляты» 4) которые не были у св. причастія, 5) «изгнанные изъ государства, или у которыхъ преступленія ихъ ради уши и носъ рѣзаны, или знакъ на щекѣ положенъ» 6) которые въ судѣ объявлены нечестными людьми; 7) разбойники и воры; 8) смертоубійцы; 9) явные прелюбодѣи; 10) кто портитъ межевые знаки. 11) Не принимаются

---

576) **Воинскій процессъ, часть 2, глава 2.**

также показанія иностранцевъ, о справедливомъ житіи которыхъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. По особеннымъ отношеніямъ къ тяжущимся не могутъ быть свидѣтелями враги и нахлѣбники одного изъ нихъ, родственники и подкупленые люди. По возрасту, исключаются младенцы и несовершеннолѣтніе, моложе 15 лѣтъ. Кромѣ этихъ лицъ всѣ безъ изъятія могутъ быть свидѣтелями. Полъ не составляетъ препятствія, званіе тоже. Замѣчательно, что Петръ Великій особенными указами разрѣшилъ допускать къ свидѣтельству монаховъ.

Число свидѣтелей долго оставалось безъ опредѣленія. Въ Наказѣ коммиссіи Екатерина II говорила, что «законы, осуждающіе человѣка по выслушаніи одного свидѣтеля, суть пагубны вольности» и предполагала, что свидѣтелей должно быть не менѣе двухъ; но это мнѣніе осталось безъ вліянія на законодательство [577]).

Внутреннія условія опредѣлены Воинскимъ Процессомъ. Свидѣтель, во первыхъ, не долженъ быть прикосновенъ къ дѣлу, во вторыхъ, долженъ быть очевидцемъ событія. Показаніе по слуху не допускается.

Отводъ свидѣтелей, въ первый разъ, опредѣленъ въ указѣ 1697 года. Причинами признаны тяжба и недружба. Болѣе подробныя указанія есть въ Воинскомъ Процессѣ. Тяжущійся обязанъ объявить о своемъ подозрѣніи на свидѣтеля при очной ставкѣ съ нимъ; послѣ отводъ уже не допускается. Но если тяжущійся скажетъ, что сначала не зналъ о порокѣ свидѣтеля, то долженъ присягнуть въ этомъ, и тогда отводить позволяется Если тяжущійся попрекнетъ свидѣтеля однимъ изъ тѣхъ пороковъ, которые, по закону, устраняютъ вообще отъ показаній, то долженъ доказать свое обвиненіе въ самой скорости. Когда вскорѣ этого сдѣлать не возможно, то свидѣтель пока допрашивается на всякій случай, только безъ присяги.

Отказываться отъ свидѣтельства никто не имѣетъ права; это государственная обязанность. Издержки для вызова свидѣтеля падаютъ на того, кто на него сослался. Для представленія его назначается

---

[577]) П. С. З. NN 4009, 4526; Воинскій Процессъ, часть 2, глава 3, п. 1 и 3; 1452, 1878, 12949, Наказъ коммиссіи, §§ 119—121.

новерстный срокъ. Личное присутствіе въ судѣ необходимо. Исключеніе составляютъ три случая: а) отдаленность мѣста жительства. Тогда судьи могутъ отправить къ свидѣтелю допросные пункты; б) полъ и знатность. Если надобно допросить знатныхъ особъ, или шляхетскихъ женъ, то къ нимъ отправляется на домъ ассессоръ съ секретаремъ. Допросу всегда предшествуетъ присяга, которую запрещено допускать послѣ, потому что свидѣтель, давшій ложное показаніе, можетъ потомъ подтвердить его присягою *стыда ради*. Отъ присяги никто не освобождается, даже и духовенство, хотя бы свидѣтелемъ былъ архіепископъ; но, по взаимному согласію тяжущихся, свидѣтель можетъ быть освобожденъ отъ присяги. Впослѣдствіи, сенатскимъ указомъ 10-го іюля 1753 года, эти правила отмѣнены въ гражданскихъ судахъ и оставлены только въ военныхъ. Въ первыхъ возстановлено дѣйствіе Уложенія. — Присяга дается свидѣтелями въ присутствіи тяжущихся, но допросъ производится безъ нихъ. Допросъ долженъ быть произведенъ послѣ изложенія отвѣтчикомъ его отвѣта. Допускается только одно исключеніе: если свидѣтель собрался въ дорогу, и можетъ замедлить возвращеніемъ, или занеможетъ опасною болѣзнію, то позволяется допросить его и прежде отвѣта. Показаніе, данное такимъ образомъ, называется *свидѣтельствомъ всегдашней памяти*. Сначала допрашиваются свидѣтели истца, а потомъ отвѣтчика [578]).

Опровергать свидѣтелей можно было, кажется, всѣми доказательствами. Если противъ нихъ приводились тоже свидѣтели, то давалась очная ставка

О силѣ показаній Воинскій Процессъ постановилъ, что преимущество слѣдуетъ отдавать лучшимъ свидѣтелямъ, именно: мущинѣ передъ женщиной, знатному передъ незнатнымъ, ученому передъ неученымъ, духовному передъ свѣтскимъ. Императрица Екатерина, въ Наказѣ коммиссіи, осудила предпочтеніе знатныхъ, говоря, что при подобномъ законѣ въ Византіи, «о дѣлахъ суди-

---

578) Воинскій процессъ, часть 2, глава 3, п. 2. П. С. З. N 1572, п. 3 и 4. Воинскій процессъ, часть 2, глава 3, п. 3 и 4, 11 и 13, 16, 9, 6, 7. П. С. З. N 10123. Воинскій процессъ, часть 2, п. 6, 8, 10, 14.

ли по лицамъ, а о лицахъ по чинамъ»; однако прежнее правило осталось въ дѣйствіи.

Наказанія за ложное свидѣтельство были очень строги. По указу 1697 года, за это полагалась смертная казнь, что было потомъ подтверждено нѣсколькими указами. По Воинскому Процессу, уличенный во лжи свидѣтель наказывается отсѣченіемъ пальцевъ, которыми онъ присягалъ, публичнымъ покаяніемъ въ церкви, изгнаніемъ изъ земли, или ссылкою на каторгу, и послѣ этого не можетъ быть допущенъ ни къ какой общественной должности. За уговоръ дать ложную присягу, виновный наказывается или тяжкимъ денежнымъ штрафомъ, или тѣлеснымъ наказаніемъ. Изъ другихъ указовъ видно, что священниковъ, за такое преступленіе, отсылали къ архіереямъ для лишенія сана, а потомъ казнили смертію. По крайней мѣрѣ, такъ было до изданія Воинскаго Процесса [579]).

III. Присяга. Въ указѣ 1697 года, которымъ введенъ розыскъ, присяга признается необходимымъ доказательствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ отводитъ свидѣтеля, а другихъ доказательствъ нѣтъ. Кому слѣдуетъ присягать, въ указѣ не опредѣлено, но судя по выраженію: «истцамъ и отвѣтчикамъ.... давать вѣру», надобно думать, что присягать могли они оба, вѣроятно, съ соблюденіемъ тѣхъ условій, которыя постановлены Уложеніемъ. Право посылать за себя повѣреннаго уничтожено. Передъ присягою священникъ, по прежнему, дѣлалъ увѣщаніе. За ложное показаніе подъ присягою полагается смертная казнь.

Воинскій Процессъ дозволяетъ присягу одному отвѣтчику и называетъ ее очистительною, въ отличіе отъ предварительной присяги свидѣтелей. Поводомъ служитъ не вполнѣ доказанное истцемъ обвиненіе: «когда челобитчикъ отвѣтчика нѣкоторою причиною обвинитъ, которую онъ токмо полуявнымъ основаніемъ (Scheingrund) доказать можетъ». Другимъ поводомъ могутъ быть оскорбительныя для истца слова отвѣтчика, произнесенныя имъ въ публичномъ собраніи. Истецъ можетъ отъ него требоватъ, чтобъ

---

[579]) Воинскій процессъ, часть 2, глава 3, п. 12. П. С. З. №№ 12949, Наказъ коммиссіи, § 119; 1572, 1612, п. 10, 1860, 1893. Воинскій процессъ, часть 2, глава 3, п. 17.

онъ подтвердилъ свои слова присягою. Сильное подозрѣніе противъ отвѣтчика возбуждается слѣдующими обстоятельствами: 1) «когда отвѣтчикъ бѣжать вознамѣрится; 2) когда съ другими злодѣями въ компаніи былъ; 3) ежели напередъ сего равныя же чинилъ злыя дѣйства», 4) когда онъ прежде дѣлалъ истцу угрозы, 5) если онъ далъ двоякое показаніе; 6) если внѣ суда онъ признавалъ свое преступное дѣйствіе, или хвалился имъ, а при этомъ былъ достовѣрный свидѣтель. Очистительная присяга совершенно освобождаетъ отъ иска. Однако «въ смертныхъ дѣлахъ», то есть въ уголовныхъ, судья долженъ смягчить наказаніе, когда, кромѣ присяги, нѣтъ другихъ, убѣдительныхъ доказательствъ, «понеже лучше есть десять винныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить». Вообще присяга допускается съ крайнею осторожностію. Есть случаи, въ которыхъ она вовсе не допускается. Если судья, напримѣръ, имѣетъ причины подозрѣвать отвѣтчика въ намѣреніи сдѣлать клятвопреступленіе, то прямо назначаетъ пытку. Сказано даже, что, «во многихъ мѣстахъ» употребляютъ пытку преимущественно предъ присягою по всѣмъ дѣламъ особенной важности. Отношеніе присяги къ крѣпостнымъ дѣламъ не опредѣлено. Оно, кажется, осталось прежнее [580]).

Въ Воинскомъ Процессѣ пытка находится въ такомъ же отношеніи къ присягѣ, въ какомъ прежде были къ ней ордаліи. Это явленіе было естественно. При изчезновеніи ордалій въ кругѣ судебныхъ доказательствъ оказывается сначала пробѣлъ, который необходимо восполнить; почти всѣ народы обратились, въ слѣдствіе этого, къ пыткѣ, иные также и къ повальному обыску. Древняя Россія прибѣгла сначала къ одному повальному обыску; но на этомъ доказательствѣ нельзя было остановиться: оно не представляло достаточныхъ залоговъ справедливости, а потому наше судопроизводство все болѣе и болѣе склонялось къ пыткѣ. Воинскій Процессъ завершилъ это стремленіе. Смотря на пытку съ точки зрѣнія средневѣковыхъ германскихъ юристовъ, онъ сходился въ этомъ и съ русскою судебною практикою; а при-

---

580) П. С. З. NN 1572, 1612. — Воинскій Процессъ, часть 2, глава 5.

ложеніе его ко всѣмъ дѣламъ безъ исключенія не противорѣчило понятіямъ приказныхъ людей. Такимъ образомъ застѣнокъ на нѣсколько лѣтъ водворился и въ гражданскихъ судахъ.

Пытка употреблялась различно въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ первыхъ она допускалась даже тогда, когда преступленіе совершенно доказано, и только для полноты производства требуется еще признаніе преступника; а въ гражданскихъ дѣлахъ она требовалась при сильномъ подозрѣніи и отсутствіи всѣхъ другихъ доказательствъ. Отъ пытки избавлены слѣдующія лица: шляхта, служители высокихъ чиновъ (vornehme Bediente und Standes-Personen), семидесятилѣтніе старики, недоросли и беременныя женщины. Только по государственнымъ дѣламъ и убійствамъ позволено пытать и эти лица, но не иначе, какъ при достаточныхъ доказательствахъ преступности. Степень пытки соразмѣряется, — во первыхъ, съ важностію дѣла: по важнымъ дѣламъ велѣно пытать съ бóльшею жестокостію, чѣмъ по маловажнымъ; во вторыхъ, съ тѣлосложеніемъ и нравственнымъ характеромъ преступника. Людей твердыхъ, безстыдныхъ и худыхъ пытаютъ сильнѣе, а тѣхъ, которые «деликатнаго тѣла и честные люди», — легче. Между нѣсколькими лицами, обвиненными въ одномъ преступленіи, наблюдается слѣдующій порядокъ. Прежде всѣхъ пытаютъ того преступника, отъ котораго, по всей вѣроятности, легче узнать правду. Если невозможно рѣшить этого, то пыткѣ подвергается сначала главный преступникъ. Когда всѣ одинаково учавствовали въ преступленіи, то сына пытаютъ прежде отца, жену прежде мужа. Пыткѣ предшествуетъ «распросъ съ пристрастіемъ», т. е. съ угрозами. Она не повторяется, кромѣ слѣдующихъ случаевъ: 1) если противъ того же лица откроется другая улица, неизвѣстная прежде; 2) если первая пытка была слишкомъ легка; 3) если кто, повинившись, потомъ откажется отъ своего показанія. Въ этомъ случаѣ пытку позволено повторять до трехъ разъ; но если и послѣ третьяго раза обвиненный повторитъ свой отказъ, то освобождается на поруки. Передъ этимъ онъ присягаетъ, что никому не будетъ мстить за свое истязаніе. Освобожденный остается, однако, въ подозрѣніи и можетъ быть, при новой уликѣ, опять потребованъ къ суду и пытанъ. Пытка оговорныхъ людей допускается, какъ сказано,

по обычаю, «хотя права повелѣваютъ, чтобъ безъ довольнаго свидѣтельства, или подозрѣнія, никого по оговоркѣ отъ другихъ къ пыткѣ не приводить». Черезъ нѣсколько дней послѣ пытки, когда пройдетъ болѣзнь, преступника снова допрашиваютъ, остается ли онъ при своемъ признаніи. За неосновательную пытку, «безъ причины и подозрѣнія», судья лишается жизни въ случаѣ смерти преступника; но если пытка была произведена «безъ обману и вымыслу», а преступникъ умеръ, то наказаніе судьѣ опредѣляется по приговору высшей инстанціи, соразмѣрно съ тѣмъ, которому бы подвергся обвиненный; если же преступникъ остался живъ, то судья долженъ уплатить ему денежное вознагражденіе. Что изъ всѣхъ этихъ правилъ приходилось именно на долю гражданскаго процесса, опредѣлить не возможно [581]).

VI. Два старинныхъ доказательства нашего судопроизводства, — жребій и повальный обыскъ, въ новое время потеряли прежнее значеніе. Жребій былъ такимъ остаткомъ старины, который почти не имѣлъ уже смысла, особенно когда присяга употреблялась рѣдко. Поэтому о жребіи нѣтъ ни одного закона послѣ Уложенія. Что касается до повальнаго обыска, то, кажется, Петръ Великій былъ не расположенъ къ этому доказательству. Вообще подъ конецъ XVII вѣка оно не пользовалось довѣріемъ. Вотъ слова Посошкова о тогдашнемъ обыскѣ: «А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а божія правды ни слѣда нѣтъ: всѣхъ свидѣтелей пишутъ заочно; а и попы и дьяконы не видятъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался, и на словахъ не слыша, да руки къ обыскамъ прикладываютъ». Единственный новый законъ объ обыскахъ есть указъ 1766 года. Въ немъ опредѣлены строгія наказанія сыщикамъ за составленіе образцовыхъ писемъ и другія злоупотребленія: чиновныхъ дворянъ велѣно понижать однимъ чиномъ, не чиновныхъ, сажать подъ крѣпкій караулъ на шесть мѣсяцевъ; людей другаго происхожденія, не имѣющихъ чина, велѣно наказывать кнутомъ, отдавать въ солдаты, или ссылать въ работу въ дальные города. Опредѣлены наказанія и за сопротивленіе сыщикамъ. Вообще съ

---

[581]) **Воинскій Процессъ, часть 2, глава 6.**

Петра Великаго обыскъ болѣе употреблялся въ уголовныхъ дѣлахъ, хотя и не былъ исключенъ изъ гражданскихъ [582]).

V. Письменныя доказательства опредѣлены въ Воинскомъ Процессѣ. Здѣсь допущены какъ крѣпостныя, такъ и некрѣпостныя. Къ послѣднимъ отнесены купеческія книги, духовныя, мирныя письма и рукописаніе (Verträge, Obligationen) реверсы и проч. Въ дѣйствительности представленныхъ документовъ, отъ предъявителя ихъ требуется присяга. Тѣ письменныя доказательства, въ которыхъ есть ссылка на другіе документы, не имѣютъ никакой силы до представленія послѣднихъ, если сами не содержатъ полнаго объясненія обстоятельствъ. Признаніе документовъ со стороны противника даетъ имъ безусловную силу. Купеческія книги только тогда признаются за доказательства, когда ведены въ порядкѣ, и купецъ имѣетъ репутацію честнаго человѣка. Подписанные должниками счеты не могутъ быть ими опровергаемы [583]).

Докладъ спорныхъ дѣлъ происходилъ при тяжущихся. Записка суднаго дѣла имъ прочитывалась, и полнота ея удостовѣрялась ихъ рукоприкладствомъ. При вершеніи дѣлъ тяжущіеся должны были находиться на лицо; если ихъ не было, то за ними отправлялся «нарочный посыльщикъ». Если тяжущіеся не могутъ быть лично по какому-нибудь препятствію, то должны прислать за себя повѣреннаго. Если же они находятся на государственной службѣ, то судъ вызываетъ ихъ повѣренныхъ («людей ихъ, которые за дѣлы ходятъ») [584]).

О судебномъ рѣшеніи всего болѣе постановленій также въ Воинскомъ Процессѣ. Дѣло рѣшается по большинству голосовъ, а при равенствѣ ихъ перевѣсъ даетъ мнѣніе президента. До объявленія приговора, судьѣ позволяется перемѣнить мнѣніе. Приговоръ излагается письменно, съ указаніемъ на его основаніе, подписывается членами и секретаремъ и объявляется тяжущимся. Онъ не можетъ простираться ни на кого другаго, кромѣ истца и от-

582) П. С. З. № 1891. Книга о скудости и о богатствѣ, стр. 56, П. С. З. № 12710, §§ 9—10.
583) Воинскій Процессъ, часть 2, глава 5.
584) П. С. З. №№ 5689, 3282.

вѣтчика, хотя бы къ дѣлу и были прикосновенны посторонніяя лица. Причинами недѣйствительности приговора и поводомъ къ аппелляціи почитаются слѣдующія обстоятельства: 1) когда истецъ изложилъ въ своемъ прошеніи болѣе пунктовъ, нежели сколько ихъ было предложено судомъ отвѣтчику; 2) если рѣшеніе касается такого предмета, который не заключался въ предѣлахъ спора, 3) если оно постановлено прежде отвѣта; 4) если оба противника единогласно требовали присяги, а судьи рѣшатъ дѣло безъ нея; 5) если приговоръ противорѣчитъ большинству тѣхъ мнѣній, на которыхъ онъ основанъ; 6) если онъ противозаконенъ. При объявленіи приговора тяжущіеся, недовольные имъ, должны сказать о томъ судьямъ [585]).

Главнѣйшіе изъ остальныхъ законовъ этого времени были слѣдующіе. Указомъ 5-го апрѣля 1767 года подтверждено, что опредѣленія присутственныхъ мѣстъ, безъ согласія на нихъ прокуроровъ, не действительны. Сенатскимъ указомъ 3-го октября 1768 года постановлены правила на тотъ случай, когда въ присутственномъ мѣстѣ не состоится большинства голосовъ. Судъ докладываетъ о томъ Сенату, который, для одного этого дѣла, назначаетъ въ судъ члена изъ другаго мѣста. Въ мѣстахъ, раздѣленныхъ на департаменты, приглашаютъ одного члена изъ другихъ департаментовъ. Въ низшихъ мѣстахъ, гдѣ не болѣе двухъ членовъ, велѣно въ такомъ случаѣ поступать по мнѣнію старшаго. Если же прокуроръ согласенъ съ мнѣніемъ младшаго, то онъ доноситъ отъ себя высшей инстанціи.

Срокъ судебнаго рѣшенія опредѣленъ указами 8-го декабря 1714 года и 4-го мая 1720 года. Если судьи не рѣшатъ дѣла въ полгода, то тяжущіеся имѣютъ право жаловаться на медленность. При императрицѣ Аннѣ, дѣла о колодникахъ велѣно рѣшать въ мѣсяцъ. Срокъ рѣшенія въ Сенатѣ дѣлъ, по которымъ кто либо изъ сенаторовъ не согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, назначенъ, при Елисаветѣ, двухъ-недѣльный [586]).

Въ судныхъ пошлинахъ происходили слѣдующія перемѣны. Въ 1698 году, вскорѣ по введеніи розыска, пошлины по Уло-

---

[585]) Воинскій Процессъ, часть 3, главы 1 и 2.

[586]) П. С. З. №№ 12867, 13172, 2865, 3977, 7013, 7127, 1089.

женію были отмѣнены. Вмѣсто нихъ велѣно было взыскивать съ обвиненнаго по три алтына съ рубля; по дѣламъ, оконченнымъ до суда мировою сдѣлкою, пошлины велѣно брать по договору тяжущихся, а если нѣтъ условія, то взыскивать пополамъ съ обоихъ. По вотчиннымъ дѣламъ, указомъ 1699 года, пошлины за земельное владѣніе велѣно брать по Уложенію. Указомъ 1700 года возстановлены также пошлины, опредѣленныя Уложеніемъ, съ мировыхъ сдѣлокъ, по гривнѣ съ рубля. Въ 1715 году предписано, при рѣшеніи въ первой инстанціи, брать «за труды на канцелярію съ денежнаго числа съ праваго по алтыну, а съ виноватаго по гривнѣ съ рубля, а съ земляныхъ дѣлъ.... брать по деньгѣ съ четверти». Въ 1727 году всѣ эти пошлины отмѣнены и опять возстановлены прежнія, по Уложенію. Съ этого времени указъ 1715 года относился только къ розыскнымъ дѣламъ. Въ 1763 году велѣно съ исковыхъ прошеній брать по три рубля, а съ явочныхъ по 25 копѣекъ [587]).

Въ судебномъ взысканіи Петръ Великій сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Въ 1700 году, не уничтожая еще правежа, онъ велѣлъ, послѣ личнаго взысканія, подвергать оцѣнкѣ «дворы и животы и всякіе промыслы» должника, и распредѣлять ихъ, по разверсткѣ, между заимодавцами, «сколько на чей долгъ по расчету имѣется». Этою мѣрою была уничтожена невыгода прежняго порядка, при которомъ иные изъ кредиторовъ вовсе ничего не получали. Если, однако, и послѣ этого оставались еще неудовлетворенные долги, то правежъ допускался. Неоплатный должникъ ссылается въ Азовъ, гдѣ три года употребляется на каторжную работу, а потомъ остается на жительствѣ. Каждому изъ заимодавцевъ позволено брать къ себѣ должника со всѣмъ имуществомъ, подъ условіемъ полнаго удовлетворенія остальныхъ кредиторовъ. Выдача головою отмѣнена. Въ 1718 году правежъ совершенно уничтоженъ и замѣненъ, для мущинъ, ссылкою на галерную работу въ адмиралтействѣ, для стариковъ и малолѣтныхъ, какою нибудь другой работой, а для женщинъ — заключеніемъ въ прядильный домъ въ Петербургѣ. Замѣчательно, что Петръ Великій долго не могъ отучить судей отъ правежа. Въ

587) П. С. З. №№ 1639, 1754, 2879, 5177, 8134, 11988, п. 6.

одномъ изъ своихъ указовъ онъ прибѣгаетъ для этого къ принудительной мѣрѣ: за первое нарушеніе закона о взысканіяхъ судья платитъ 500 рублей, а за второе самъ подлежитъ ссылкѣ. Должникамъ зачитается за работу по рублю въ мѣсяцъ. Отсрочку позволено давать на полгода. При императрицѣ Аннѣ, въ 1736 году, вышелъ новый указъ о должникахъ. По рѣшеніи дѣлъ, велѣно брать съ нихъ сказки, могутъ ли должники заплатить долгъ въ указное время, и если они скажутъ, что могутъ, то отпускать ихъ на вѣрныя поруки. По истеченіи срока допускается еще льготный мѣсяцъ. Послѣ этого начинаются принудительныя мѣры. Если должники объявятъ, что заплатить сами не могутъ, но идутъ въ заработку къ частнымъ лицамъ, то у послѣднихъ отбираются письменныя свѣдѣнія, по скольку они обязываются уплачивать ежегодно; во всякомъ случаѣ не велѣно зачитать въ годъ менѣе 24 рублей. Должникъ, который, немедленно по рѣшеніи дѣла, объявилъ себя несостоятельнымъ, или, обѣщавъ уплатить, не удовлетворилъ кредиторовъ въ указное время, ссылается на каторжную работу въ Петербургъ, къ Кронштадскому и Ладожскому каналамъ. Въ заработку зачитается, въ этомъ случаѣ, по 12 рублей въ годъ. При Екатеринѣ II взысканіе съ несостоятельныхъ должниковъ ограничено пятилѣтнимъ содержаніемъ въ тюрьмѣ, послѣ чего они освобождаются.

Служащіе не подвергались этимъ мѣрамъ. Вмѣсто того у нихъ дѣлали вычетъ изъ жалованья [568]).

Совершенно особенный видъ процесса, отличающійся не частностями, но всѣмъ своимъ характеромъ, составляетъ словесное таможенное судопроизводство. Особенное его свойство состоитъ въ краткости. Прошеніе здѣсь излагается словесно. Въ слѣдствіе его, отвѣтчику посылается повѣстное письмо. Если онъ не является, то повѣщаніе дѣлается еще два раза. Послѣ третьяго раза отвѣтчикъ, или его прикащикъ, приво-

[568]) П. С. З. NN 1805, 1863, 3140, 3685, 3950, 4093, 7013, 3006, Воинскіе Артикулы, § 67; 3485, книга V, ст. 39; 10789, книга III, ст. 8.

дятся къ суду насильно. Судопроизводство все словесное и только записывается въ книгу вкратцѣ. Доказательства допускаются всевозможныя, но споръ противъ ихъ дѣйствительности не разсматривается въ таможенномъ судѣ, ибо это повело бы къ медленности. Когда отвѣтчикъ отводитъ свидѣтелей истца, то, вмѣсто ихъ, тотчасъ же дается присяга. Если въ общей ссылкѣ свидѣтели разнорѣчатъ, то за это обвиняется тотъ, кто первый на нихъ сослался. На присягу отвѣтчикъ имѣетъ преимущественное право, но можетъ предоставить ее истцу. Передъ присягою судьи должны склонять тяжущихся къ мировой сдѣлкѣ. Судебное рѣшеніе исполняется немедленно. Если обвиненный отвѣтчикъ откажется уплатить взысканіе, то у него отбираются товары, или пожитки, по мѣрѣ долга. Съ незначительными измѣненіями такое же судопроизводство введено Екатериною II въ словесныхъ судахъ [589]).

Въ порядкѣ аппелляціи произошли важныя перемѣны. Различіе между слѣдственнымъ и аппелляціоннымъ порядками, въ нынѣшнемъ ихъ значеніи, обозначилось еще при Петрѣ Великомъ, когда, по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, рѣшенія низшихъ инстанцій начали поступать на утвержденіе высшихъ. Существенное различіе съ стариннымъ докладомъ состоитъ въ томъ, что прежде низшая инстанція, не дѣлая никакаго заключенія, испрашивала рѣшенія у высшей, а теперь приговоръ составлялся, но подлежалъ пересмотру. Съ особенною ясностію опредѣлено это въ Учрежденіи о губерніяхъ [590]).

Частная жалоба, при Петрѣ Великомъ, еще не вполнѣ отличалась отъ аппелляціонной, но уже было положено основаніе этому различію, при учрежденіи званія рекеттмейстера, который дѣйствовалъ различнымъ образомъ по жалобамъ на медленность низшихъ инстанцій, и по жалобамъ на несправедливость рѣшенія. Тоже различіе замѣтно въ позволеніи приносить Сенату жалобы

---

589) П. С. З. NN 5145, 12721.

590) П. С. З. NN 3294, п. 6, 3536, 3708, глава IX, 3847, 3935, 5017, п. 5; 5033, 5069, 5333, п. 16, 10650. — Учрежденіе о губерніяхъ, ст. 108 и 110.

на коллегіи, что они не дѣлаютъ никакихъ распоряженій по челобитнымъ на низшія инстанціи. Въ этомъ случаѣ отъ коллегіи требуется только объясненіе, а не самое дѣло. Сенатъ вообще строго отличалъ частную жалобу отъ аппелляціонной, запрещая брать нерѣшенныя дѣла въ высшія инстанціи изъ низшихъ, но областныя судебныя мѣста нерѣдко руководствовались прежними понятіями о пересмотрѣ дѣла. Поводомъ къ перенесенію дѣлъ по частной жалобѣ всего болѣе служило право отвода Около 1760 года, въ слѣдствіе этого, одно дѣло переходило изъ устюжской воеводской канцеляріи въ бѣлозерскую провинціальную, отсюда въ новгородскую губернскую канцелярію и въ Юстицъ-Контору, не получая ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ окончательнаго рѣшенія, не смотря на всѣ жалобы истца. Наконецъ уже Сенатъ долженъ былъ положить предѣлы этому странствованію, предписавъ, чтобъ, для разсужденія о подозрѣніи, предъявленномъ на судей низшихъ инстанцій, высшія не брали къ себѣ всего дѣла, а только экстрактъ изъ него, и также поступали бы по жалобамъ на безпорядки, если они не относятся къ сущности рѣшенія. Къ такому же смѣшенію разныхъ видовъ жалобы вело сопротивленіе ябедниковъ строгимъ законамъ о судоговореніи. На непомѣщеніе въ судныя тетради постороннихъ рѣчей тяжущіеся нерѣдко подавали аппелляцію, пока это не было запрещено указомъ 4-го января 1761 года. Окончательное разграниченіе частной жалобы отъ аппелляціонной сдѣлано въ Учрежденіи о губерніяхъ, которымъ всѣ жалобы на медленность и безпорядки судебныхъ мѣстъ въ губерніи отнесены къ вѣдомству губернскихъ правленій, между тѣмъ, какъ аппелляціонныя прошенія велѣно подавать въ палаты [591]).

Сущность пересмотра дѣлъ по аппелляціи состояла въ томъ, что онъ основывался во всемъ на дѣлопроизводствѣ первой инстанціи. Новыя, дополнительныя прошенія были запрещены, ибо, въ такомъ случаѣ, въ высшей инстанціи вторично бы производился судъ, а не повѣрялся бы прежній. Судопроизводство вообще считалось какъ бы оконченнымъ, а потому рѣшеніе первой ин-

---

[591]) **П. С. З. NN 3900, п. 4 и 5, 3643, 9107, 11142, 11181. — Учрежденіе о губерніяхъ, ст. 97, 98, 405, §§ 4—6 и проч.**

станціи, хотя бы и предвидѣлась аппелляція, нисколько, однако, отъ этого не теряло своего дѣйствія. До 1733 года спорное имущество, отданное истцу, по приговору низшей инстанціи, возвращалось отвѣтчику, если онъ подавалъ аппелляцію, но въ этомъ году Сенатъ, по доношенію прокурора Юстицъ-Коллегіи, повелѣлъ не возвращать отданныхъ имѣній, для того, чтобъ аппеллирующіе отвѣтчики «прилежнѣе по прошеніямъ за тѣми дѣлами хожденіе имѣли». До какой степени это было неудобно, видно изъ одной жалобы 1755 года. По приговору Вотчинной Коллегіи имѣніе, бывшее въ спорѣ, было, еще до рѣшенія, отдано просительницѣ; а она, не проча его себѣ, разоряла имѣніе, и крестьянъ била и мучила. — Относительно взысканія пошлинъ въ первой инстанціи, когда дѣло переходитъ во вторую, были колебанія. Въ практикѣ былъ прежде обычай не взыскивать пошлинъ въ этомъ случаѣ, но Петръ Великій отмѣнилъ это. Послѣ, при императрицѣ Аннѣ, Сенатъ замѣтилъ, что такимъ взысканіемъ прекращается возможность аппелляціи для неимущихъ, которые иногда не могутъ заплатить пошлинъ съ большаго иска. Поэтому пошлины велѣно было взыскивать по окончаніи дѣла во второй инстанціи, за первое и второе рѣшеніе вмѣстѣ. Въ 1737 году, однако, надобно было допустить исключеніе. Челобитчики пользовались прежнимъ закономъ, подавали жалобы для одного отбывательства пошлинъ, и потомъ не ходили по дѣламъ. Сенатъ велѣлъ взыскивать за это судебныя пошлины по первому рѣшенію неослабно [592]).

Порядокъ аппелляціи былъ постепенно опредѣленъ слѣдующимъ образомъ. По указу 1720 года, въ аппелляціонныхъ челобитныхъ должно быть обозначено, что̀ рѣшено неправо и противно указамъ. Безъ этого они не принимаются. Не принимаются также жалобы на мнѣніе одного изъ членовъ суда: аппеллировать можно только на все рѣшеніе. Нехожденіе по дѣламъ челобитчиковъ вызвало также особую мѣру при подачѣ аппелляціи. Съ нихъ по указу 1745 года, велѣно брать сказки съ подтвержденіемъ, чтобъ они, во время суда, никуда не отлучались и имѣли

[592]) П. С. З. NN 3900, п. 2, 6451, 10397, 3403, 3438, 5646, 6476, 7462.

бы ходатайство по дѣлу. При переходѣ въ высшую инстанцію, по указу 1719 года, велѣно присылать какъ самое дѣло, такъ и выписку изъ него, съ изложеніемъ приличныхъ указовъ и за рукоприкладствомъ какъ самихъ судей, такъ и истцовъ. Въ наказѣ 1722 года, рекетмейстеру предписано, при жалобѣ на рѣшенія коллегіи, брать дѣло къ себѣ и, составивъ изъ него выписку, велѣть приложить къ ней руки тяжущимся и коллежскимъ членамъ. При императрицѣ Аннѣ это было измѣнено. Тяжущіеся нерѣдко предъявляли споръ противъ полноты выписокъ и отказывали въ рукоприкладствѣ, отчего происходила медленность. Поэтому, указомъ 30-го іюля 1730 года, рекетмейстеру не велѣно дѣлать новыхъ выписокъ, а докладывать Сенату на основаніи подлинныхъ дѣлъ и прежнихъ выписокъ, сдѣланныхъ въ коллегіяхъ и уже скрѣпленныхъ челобитчиками [593]).

Сроки для аппелляціи не были опредѣлены. Петръ Великій назначилъ полугодовой срокъ для принесенія частной жалобы, но о жалобѣ на самое рѣшеніе ничего не было сказано [594]).

Послѣдствіями справедливой аппелляціи были штрафы съ судей низшей инстанціи. По указу 1715 года, если жалоба оказывалась справедливою, то во второй инстанціи не взыскивали никакихъ пошлинъ ни съ праваго, ни съ виноватаго, но брали двойныя пошлины съ судей и дѣлили штрафныя деньги пополамъ между судьями и канцеляріей второй инстанціи. За неправую аппелляцію, съ челобитчика взыскивались двойныя пошлины. За вторую, несправедливую аппелляцію пошлины взыскивались втрое. Изъ нихъ половина шла судьямъ первой инстанціи, а половина судьямъ второй и третьей. Если вторая аппелляція была справедлива, то низшія инстанціи уплачивали весь искъ и пошлины. При императрицѣ Аннѣ было пояснено, что этимъ штрафамъ подлежатъ всѣ судьи вмѣстѣ, а не каждый порознь [595]).

Особенно тяжкія послѣдствія влекла за собою жалоба на Сенатъ. Сначала она была позволена; но въ 1718 году, послѣ долгихъ

---

593) П. С. З. NN 3643, 8328, 3315, 3900, п. 5, 5600.
594) П. С. З. NN 1714, 3577.
595) П. С. З. NN 2879, 7446.

и напрасныхъ усилій водворить порядокъ въ подачѣ прошеній, Петръ Великій издалъ указъ, которымъ было запрещено приносить жалобы на Сенатъ, подъ страхомъ смерти. Императрица Анна, возстановляя права Сената въ 1730 году, позволила, однако, приносить на него жалобы, но, за неосновательную аппелляцію, просители подвергались жестокому наказанію. Въ чемъ оно состояло, неизвѣстно Екатерина II разрѣшила, въ видѣ исключенія, жалобы на Сенатъ, однако съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ въ нихъ не было никакихъ непристойныхъ словъ, оскорбляющихъ честь судейскую, и вообще ничего, кромѣ одного дѣла. Изъ указовъ по частнымъ дѣламъ, относящихся къ этому царствованію, видно, что несправедливые аппелляторы выдавались головою Сенату, и что отъ воли его зависѣло наказать или простить ихъ. Такъ, въ 1766 году, проситель Березинъ, за несправедливую аппелляцію, былъ «отданъ Сенату съ такою полною властію, что Сенатъ можетъ съ нимъ поступить за то, какъ заблагоразсудитъ». Въ сенатскомъ указѣ было сказано, что, по законамъ, Березинъ, за неправое челобитье, подлежалъ бы смертной казни, но подражая человѣколюбію императрицы, Сенатъ его милуетъ. Березинъ былъ посаженъ на недѣлю въ крѣпость, въ тюрьму, на хлѣбъ и на воду. Другое дѣло подобнаго рода было рѣшено милосерднѣе. Въ 1768 году выдана головою маіорша Бухарова. Сенатъ призвалъ ее въ присутствіе для выслушанія высочайшаго указа. Бухарова стала на колѣна, со слезами просила прощенія «въ преступленіи», и была избавлена отъ всякаго наказанія. О своихъ распоряженіяхъ Сенатъ увѣдомлялъ императрицу и, въ рапортѣ, приносилъ всеподданнѣйшую благодарность за высочайшую милость, оказанную въ «защищеніи отъ несправедливыхъ челобитчиковъ» [596]).

Въ такомъ положеніи находилось судопроизводство по аппелляціи, когда императрица Екатерина приступила къ своимъ преобразованіямъ, которыя легли въ основаніе существующаго порядка. Прежде всего измѣненъ былъ аппелляціонный обрядъ, то есть порядокъ перехода спорнаго дѣла изъ одной инстанціи въ другую. Въ 1762 году, указъ 1730 года, о составленіи выписокъ, былъ от-

---

596) П. С. З. №№ 2787, 2863, 3261, п. 5.

мѣненъ, по той причинѣ, что, при разсмотрѣніи экстрактовъ, составленныхъ въ низшихъ инстанціяхъ, Сенатъ обремененъ множествомъ внесенныхъ туда, по требованію просителей, не нужныхъ подробностей и принужденъ узнавать и такія обстоятельства дѣла, которыя уже получили удовлетворительное рѣшеніе. Поэтому велѣно снова составлять, у рекетмейстерскихъ дѣлъ, краткіе экстракты, а челобитчикамъ и коллежскимъ членамъ — прикладывать къ нимъ руки. Кто изъ нихъ не доволенъ экстрактомъ, тотъ можетъ въ рукоприкладствѣ указать на опущенныя обстоятельства. По этимъ указаніямъ Сенатъ велитъ прочесть изъ подлиннаго дѣла только то, что признаетъ необходимымъ. Такъ какъ прежде дѣло присылалось изъ низшей инстанціи только по полученіи указа о томъ изъ высшаго суда, то переходъ дѣла былъ сопряженъ съ большою медленностію. Для ускоренія его, указомъ 1762 года, предписано, при объявленіи рѣшенія, давать съ него копіи тяжущимся, и объявлять имъ, чтобъ, въ случаѣ неудовольствія, они подписали въ теченіи недѣли, на подлинномъ дѣлѣ, о намѣреніи бить челомъ въ высшей инстанціи. Когда неудовольствіе объявлено, судъ, не дожидаясь никакаго требованія, самъ дѣлаетъ опись дѣлу на простой бумагѣ и, запечатавъ его, пересылаетъ въ высшую инстанцію, гдѣ оно остается не распечатаннымъ до подачи аппелляціи. Дѣло должно быть отослано въ продолженіи отъ трехъ до десяти дней. Для прекращенія жалобъ на давнишнія рѣшенія, опредѣленъ крайній срокъ аппелляціи. Она должна быть подана въ теченіи года со дня объявленія приговора. Исполненіе пріостанавливается на мѣсяцъ. Если въ теченіи этого времени аппелляція не подана, и нѣтъ указа, чтобъ не исполнять приговора, то онъ исполняется. Необъявленіе неудовольствія не лишаетъ права подать аппелляцію [597]).

Другимъ указомъ позволено приносить жалобу на одну часть рѣшенія [598]).

Совершенное измѣненіе въ прежнемъ порядкѣ произошло съ Учрежденія о губерніяхъ. Мѣрою положившею преграду прежнимъ,

---

597) **П. С. З. NN 5510, 11718, 12673, 12881.**
598) **П. С. З. NN 11629, 13520.**

безчисленнымъ жалобамъ, былъ *залогъ правой апелляціи*. Каждый проситель долженъ внести въ судъ, гдѣ рѣшено дѣло, извѣстную денежную сумму, равную той, до которой этому суду разрѣшено постановлять окончательныя рѣшенія. Сверхъ того, аппелляторъ даетъ подписку, вмѣсто присяги, что почитаетъ свое дѣло правымъ. Деньги хранятся въ низшей инстанціи и отдаются для приращенія процентами. Отъ внесенія ихъ освобождаются одни неимущіе, подъ условіемъ присяги или росписки Если, хотя въ чемъ нибудь, рѣшеніе низшаго суда будетъ измѣнено, то деньги возвращаются просителю. Въ противномъ случаѣ они составляютъ штрафъ за неправое вчиненіе иска и отдаются на содержаніе школъ [599]).

Этими законами заключается собственно исторія апелляціи. Послѣ Учрежденія о губерніяхъ изданы были только частные указы: о выдачѣ аппелляторамъ свидѣтельствъ изъ низшихъ инстанцій, въ удостовѣреніе, что слѣдующія съ нихъ деньги точно представлены, о формѣ этихъ свидѣтельствъ, о порядкѣ объявленія рѣшеній, вызовѣ для этого тяжущихся и срокѣ явки; измѣненъ мѣсячный срокъ неисполненія рѣшенія, на четырехъ-мѣсячный. Самые важные изъ указовъ относятся къ окончательному разграниченію частной жалобы отъ аппелляціонной [600]).

Законы императрицы Екатерины объ аппелляціи представляютъ то важное достоинство, что приводятъ въ порядокъ всѣ неясныя понятія новаго періода о пересмотрѣ дѣла. Въ нихъ судъ второй инстанціи получаетъ настоящее значеніе повѣрки перваго суда и утрачиваетъ старинный характеръ тяжбы съ судьею. Это, такъ сказать, теоретическая сторона преобразованія. Въ практическомъ отношеніи оно устранило возможность безпрепятственно нарушать порядокъ инстанцій, что̀, какъ мы видѣли, составляло одно изъ главныхъ затрудненій нашего старинпаго судопроизводства.

---

[599]) Учрежденіе о губерніяхъ, ст. 131, 132, 174 — 179 и 200 — 204, 285—290, 316—321, 341—345, 360—365, 453—458, 482—485.

[600]) П. С. З. NN 14741, 16558, 18097, 19749, 18926, 19940.

Не смотря на ея исключительно національный характеръ, или, лучше сказать въ слѣдствіе его, исторія русскаго права должна со временемъ занять важное мѣсто въ юридической исторіи европейскихъ народовъ. До сихъ поръ славянскій элементъ не объясненъ въ ней достаточно, можетъ быть, потому именно, что русское право, какъ наука, едва начинается. А между тѣмъ оно представляетъ любопытное явленіе, которое можетъ пролить новый свѣтъ на законы развитія юридическаго быта. Едва ли можно найти народъ, котораго юридическая жизнь слагалась бы подъ меньшимъ вліяніемъ постороннихъ элементовъ. Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ мы были въ столкновеніи только съ Греціей и Польшею, но вліяніе той и другой было такъ слабо, что отъ него сохранились только немногіе отголоски. Вліяніе германскаго права, начавшееся при Петрѣ Великомъ, было довольно обширно только въ судоустройствѣ, но и тамъ до такой степени было ослаблено прежнимъ юридическимъ бытомъ, что иногда не легко отгадать, что́ было просто заимствованіемъ, и что́ вытекало изъ собственныхъ потребностей тогдашней Россіи.

Въ русскомъ судопроизводствѣ это самостоятельное развитіе особенно замѣтно. На Западѣ ничто не подвергалось такой переработкѣ, какъ форма процесса. Даже тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, во многомъ сохранился древнѣйшій, народный взглядъ на судъ, онъ облекся, однако, чуждою терминологіею, и приведеніе въ порядокъ различныхъ частей процесса, ихъ опредѣленіе и разграниченіе совершилось подъ сильнымъ вліяніемъ не только каноническаго, но и римскаго права. Въ Германіи послѣднее было признано за общегерманскій источникъ права наравнѣ съ имперскими постановленіями, проникло во всѣ мѣстныя законодательства и до того слилось съ юридическимъ бытомъ, что въ наше время требуется археологическая работа, чтобъ опредѣлить, на сколько въ немъ сохранились народныя понятія. У насъ, напротивъ, весь процессъ развился самостоятельно. Въ XVIII вѣкѣ правительство напрасно старалось измѣнить его сообразно своимъ видамъ. Прежнія понятія продолжали себя отстаивать, и безъ борьбы, безъ прямыхъ столкновеній съ законодательствомъ, уцѣлѣли почти вполнѣ до сихъ поръ, хотя, при перемѣнѣ условій, и потеряли прежнее значеніе.

Такимъ образомъ элементы, которые мы находимъ въ русскомъ правѣ, рѣдко могутъ быть объяснены заимствованіемъ, или общеніемъ съ другими народами въ историческое время. То, что въ нихъ есть сходнаго съ чужеземнымъ юридическимъ бытомъ, мы должны признать за проявленіе общаго историческаго закона для всѣхъ европейскихъ племенъ. Это сходство поразительно и встрѣчается не только въ первоначальномъ взглядѣ на судъ, но и во многихъ подробностяхъ. Сличая французскій судебный приговоръ XII вѣка съ любою изъ нашихъ правыхъ грамотъ, нельзя не замѣтить одинаковыхъ пріемовъ въ судоговореніи, въ произнесеніи суда, въ способѣ удостовѣренія судебнаго рѣшенія [601]). Это тѣмъ замѣчательнѣе, что ленное право отчасти измѣнило уже въ это время процессуальныя формы. Въ древнѣйшую эпоху германскаго судопроизводства есть сходство съ нашимъ правомъ даже въ тѣхъ мѣрахъ, которыя принимались для ограниченія поединка, ордалій и т. д. Оно не всегда можетъ быть объяснено вліяніемъ церкви, иногда это просто послѣдствіе одинаковаго положенія. Итакъ источника общихъ явленій мы должны искать въ общемъ воззрѣніи на судопроизводство. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ изученія древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ, все яснѣе выказывается основный взглядъ на судъ нашихъ предковъ, который легъ въ основаніе всего дальнѣйшаго развитія. У насъ, какъ и во всей остальной Европѣ, первоначально смотрѣли на судъ, какъ на совершенно частное дѣло, какъ на борьбу двухъ сторонъ, или частный договоръ между ними. Отсюда проистекали всѣ формы древнѣйшаго процесса, свободный элементъ, который въ немъ замѣтенъ, и крайняя его неопредѣленность. Судъ былъ рѣшеніемъ спора, а не возстановленіемъ права. Оттого въ немъ господствовалъ *личный* способъ доказательства (persönlicher Beweis), основанный на довѣріи къ показаніямъ тяжущихся, или на побѣдѣ одной изъ сторонъ. Судья былъ обязанъ высказать право, изслѣдованіе факта было дѣломъ второстепеннымъ, и только при явной сомнительности доказательствъ судъ входилъ въ ихъ разсмотрѣніе. Въ слѣдствіе этого,

---

601) Französische Staats-und-Rechtsgeschichte, v. L. Stein und Warnkönig, т. II, стр. 362 — 364.

древнѣйшій способъ доказательства имѣлъ цѣлію не сдѣлать фактъ очевиднымъ, а внушить судьѣ довѣріе къ лицу тяжущагося, или его свидѣтелей. Вотъ почему сначала, и у насъ и на Западѣ, первымъ доказательствомъ было требованіе поединка [602]). У насъ это продолжалось такъ долго, что еще въ XVI вѣкѣ были истцы, которые «опричь поля доводу не чинили». Тоже мы видимъ въ аппелляціи Вездѣ она является сначала въ видѣ суда съ судьею, потому что при господствѣ обычая ошибка въ правѣ не предполагается; жалоба всегда состоитъ въ прямомъ обвиненіи судьи: это доносъ на его неправосудіе. Во весь древнѣйшій періодъ русской исторіи до XVI вѣка различіе съ народнымъ процессомъ Запада есть болѣе количественное, нежели качественное. У германскихъ народовъ частыя столкновенія, борьба различныхъ элементовъ производятъ многообразныя формы, у насъ онѣ однообразнѣе, но содержаніе ихъ почти тоже. Тѣже причины произвели различіе и по времени: на Западѣ старинный процессъ уже въ XIII вѣкѣ начинаетъ уступать новымъ понятіямъ каноническаго и римскаго права, у насъ онъ держится дольше и начинаетъ измѣнятся только съ появленіемъ государства.

Этотъ важный переломъ въ жизни народа вездѣ имѣлъ вліяніе на судопроизводство. Юридическія потребности высказываются сильнѣе при организаціи общества, право требуетъ для себя гарантіи, достовѣрности. Въ процессѣ это стремленіе выражается переходомъ отъ личнаго доказательства къ *матеріальному*, вещественному (sachlicher Beweis), основанному на достовѣрности факта, составляющаго право истца или отвѣтчика. Неизбѣжное послѣдствіе этого состоитъ въ томъ, что дѣятельность судьи усиливается. На него возлагается обязанность удостовѣриться въ бытіи права независимо отъ показаній тяжущихся. Этимъ новый обвинительный процессъ существенно разнится отъ стараго. Въ первую пору государственнаго быта шаткость юридическихъ отношеній внушаетъ недовѣріе къ частному лицу, и оттого государство стремится дать вліянію судьи на ходъ процесса, какъ можно болѣе, простора. Казенный, полицейскій элементъ старается проникнуть въ судъ, и превратить его почти въ слѣдствіе. На За-

---

602) Stein, ibid. стр. 226: «s'il le nie, je le voil prover de mon cors contre le sien». А. Ю. N 18: «крестъ цѣлую и на поле съ ними битися лѣзу».

падѣ это направленіе замѣтно не въ однихъ уголовныхъ дѣлахъ, но и въ гражданскихъ. Краткое судопроизводство (summarisches Verfahren, matières sommaires) вездѣ обязано этому своимъ происхожденіемъ. Имъ судились даже дѣла о собственности, какой бы характеръ она ни имѣла. Въ старинномъ процессѣ слѣдственное начало вездѣ появляется подлѣ обвинительнаго. Судьи наряжаютъ слѣдователей, производятъ безпрестанные допросы свидѣтелей, осматриваютъ спорные предметы. Наконецъ, правительства берутъ на себя преслѣдованіе преступленій, охрану нѣкоторыхъ правъ; появляются чиновники для защиты государственнаго интереса въ судахъ.—Тоже происходило и въ Россіи, въ полтора вѣка отъ Судебника до Уложенія, но съ особеннымъ оттѣнкомъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ Германіи и Франціи обвинительное начало сохранилось почти во всей чистотѣ. Власть по временамъ стѣсняло его сферу, но не вытѣснило его совершенно. Причинъ этому много Между ними, разумѣется, самая главная — раннее появленіе науки. Слагавшееся государство искало опоры въ рядахъ людей, давно знакомыхъ съ римскимъ правомъ и усвоившихъ себѣ его воззрѣнія. Юристы не могли не дѣлать яснаго различія между уголовнымъ и гражданскимъ процессомъ, и, при всей наклонности къ произвольному способу дѣйствія, не могли, какъ у насъ, допустить безпрепятственное вторженіе пытки въ спорныя дѣла. Къ тому же, самостоятельное положеніе сословій должно было ревниво охранять старинный обычай. Въ народныхъ пѣсняхъ средневѣковой Франціи сохранились жалобы даже на уголовное слѣдствіе. Рыцарь XIII вѣка горько плакалъ объ этомъ и говорилъ, что Франція потеряла свое имя и должна называться рабскою землею. Когда королевская власть сломила наконецъ средневѣковыя преграды, она встрѣтилась, лицемъ къ лицу, съ другою силою—значеніемъ парламентовъ. Разсѣянные по всей Франціи, они до конца XVIII столѣтія сохраняли даже нѣкоторыя особенности судебной практики. Въ Германіи обвинительный процессъ сохраненъ былъ наукой. Изъ слѣдственнаго элемента, который начиналъ къ нему примѣшиваться, она выработала правила о степени вмѣшательства судьи въ ходъ процесса и грѣшила скорѣе излишнимъ его стѣсненіемъ.

Древняя Россія находилась въ другихъ условіяхъ Народный процессъ тоже не могъ сохраниться при развитіи государства. Къ потребности бо́льшей достовѣрности присоединялась еще одна причина Появилось особое юридическое сословіе, котораго главная дѣятельность сосредоточивалась въ московскихъ приказахъ. Безъ пособій образованія, безъ преданій римскаго права, оно показало, однако, замѣчательную юридическую способность. Процессъ, выработанный ею, отличается послѣдовательностію, цѣльностью и простотою. Но двинуться далѣе народнаго воззрѣнія, внести въ него другіе, новые элементы, оно не съумѣло. Оттого, послѣдствіемъ централизаціи, сосредоточенія всѣхъ судебныхъ дѣлъ въ рукахъ дьяковъ, было только то, что процессъ постепенно терялъ свой національный характеръ, не оживляясь новыми началами, въ виду другихъ потребностей. Оттого въ судьбѣ нашего народнаго процесса замѣтно явленіе совершенно противоположное съ тѣмъ, которое было на Западѣ. Верховная власть явилась у насъ сохранительницею обвинительнаго начала. Отчасти въ финансовыхъ видахъ, отчасти по естественному чувству справедливости она старалась положить границу между различными формами процесса: но ни судьи, ни челобитчики ея не соблюдали. Въ такомъ положеніи засталъ наше судопроизводство Петръ Великій.

Эпоха, въ которую онъ началъ свои преобразованія, не была благопріятна для юридическаго быта. Почти вездѣ казуистика юристовъ, за которою иногда скрывалась сомнительная честность, вызывала сильное противодѣйствіе. Сверхъ того, и теорія нѣмецкаго права не была въ лучшей порѣ своей Слишкомъ теоретическимъ взглядомъ, излишнимъ удаленіемъ отъ практической жизни, она не внушала къ себѣ довѣрія. Формальная сторона процесса развивалась на счетъ внутренней справедливости; письменное дѣлопроизводство страшно увеличивалось. Правительства начинали прибѣгать ко всевозможнымъ мѣрамъ для сокращенія процессовъ и для обезпеченія правосудія [603]). Это было время фискаловъ. Естественно, что Петръ Великій, окруженный подъячими, сталъ именно на сторону враждебную адвокатамъ.

---

[603]) Bluntschli, Staatslexicon, статьи: Civilrechtspflege и Fiskal.

Когда потомъ онъ измѣнилъ свой взглядъ и возстановилъ прежній судъ, послѣдній началъ опять склоняться къ формамъ XVII вѣка; но не могъ перейти къ нимъ совершенно. Кромѣ препятствія, которое было въ законодательствѣ, — самая сфера, гдѣ развивалась прежняя практика, постепенно разлагалась въ новое время. Отъ прежняго значенія старинные подьячіе сохранили однѣ темныя стороны и возбуждали къ себѣ сильнѣйшую ненависть во все XVIII столѣтіе. Не было среды, гдѣ бы могло выработываться новое право, и законодательству оставалась одна формальная дѣятельность.

Это было, однако, важнымъ шагомъ впередъ, и если, изучая исторію нашего права въ ближайшій къ намъ періодъ, невольно останавливаешься на темной сторонѣ его, то не надобно забывать и того успѣха, который состоялъ въ приведеніи въ порядокъ разнороднаго, въ теченіи вѣковъ накопившагося матеріала. Оно никогда не происходитъ безъ мысли, и потому-то эпохи организаціи суть обыкновенно эпохи сознанія. То, къ чему народъ стремился прежде безсознательно, въ силу присущихъ ему потребностей, становится тогда руководительнымъ началомъ. Въ этомъ состоитъ особенное значеніе царствованія Екатерины II, озареннаго мыслію и отличавшагося практическимъ тактомъ. Неудача многихъ стремленій этого времени не должна, въ глазахъ изслѣдователя, уменьшать ихъ важности. Чѣмъ менѣе идей въ обществѣ, тѣмъ болѣе противодѣйствія встрѣчаютъ новыя идеи; но возбужденіе ихъ никогда не остается безплоднымъ. Оно будитъ въ народѣ потребности, которыя, рано или поздно, находятъ себѣ удовлетвореніе. Въ наше время онѣ высказываются съ особенною силой, и наука права можетъ имъ содѣйствовать дѣятельнымъ образомъ. На ней лежитъ обязанность опредѣлить историческія особенности русскаго судопроизводства, показать, что̀ въ нихъ было случайнаго, и что̀ существеннаго. Труды подобнаго рода могутъ со временемъ имѣть благотворное вліяніе на самую практику, которая только въ сближеніи съ наукою можетъ заимствовать новыя силы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТЕЗИСЫ.

1. Въ древнѣйшемъ судоустройствѣ не замѣтно никакой іерархіи. Всѣ областные судьи зависѣли прямо отъ приказовъ, не подчиняясь одинъ другому. По ревизіи суда даже тіунъ не зависѣлъ отъ назначившаго его кормленщика.

2. Управленіе и судъ разсматривались сначала съ точки зрѣнія частнаго права. Тотъ же взглядъ замѣтенъ и въ первыхъ мѣрахъ, которыми ограничено кормленіе. Онѣ болѣе всего были вызваны финансовою цѣлію,— желаніемъ не отчуждать въ частныя руки казенныхъ доходовъ.

3. Общинное управленіе было вызвано стремленіемъ самихъ общинъ освободиться отъ кормленія и потомъ уже развито правительствомъ въ финансовыхъ видахъ. Въ основаніи выборнаго суда легли начала, уже существовавшія фактически.

4. Такимъ же образомъ возникли судебные цѣловальники.

5. Въ исторіи судебныхъ привилегій городовъ и общинъ замѣтны двѣ эпохи: до XVII вѣка они стремились освободиться отъ областнаго суда, съ этого же времени предпочитаютъ мѣстный судъ суду приказовъ. Это объясняется перемѣнами въ областномъ управленіи, отчасти въ составѣ самихъ общинъ, и наконецъ развитіемъ ябеды.

6. Переходомъ отъ намѣстниковъ къ воеводамъ были разныя мѣры, которыми иногда судъ совершенно отдѣлялся отъ управленія.

7. Древнѣйшее опредѣленіе подсудности основывалось на податной зависимости и жалованныхъ грамотахъ. Общія правила начинаютъ образововаться послѣ Судебника, но постоянно нарушаются привилегіями.

8. Въ духовенствѣ замѣтно двоякое стремленіе: высшая іерархія старалась дать церковному суду самостоятельность, низшее духовенство, напротивъ, искало независимости отъ церковнаго начальства.

9. Въ церковномъ судѣ формы XVI вѣка сохранились отчасти до окончательной секуляризаціи.

10. Въ XVII вѣкѣ появляются зачатки сословнаго суда, которыхъ не было прежде.

11. Приказы не были сначала государственными учрежденіями и не имѣли постояннаго характера. Съ половины XVII вѣка правительство старается дать имъ болѣе правильное устройство.

12. Въ древней Россіи не было яснаго понятія ни о бюрократическомъ, ни о коллегіальномъ началѣ.

13. Въ концѣ XVII вѣка замѣтны слабыя попытки возвратиться къ мѣстному и выборному элементу въ высшемъ областномъ управленіи.

14. Правильнаго понятія объ инстанціяхъ не было во весь древній періодъ. Первые зачатки его появляются вмѣстѣ съ воеводскимъ управленіемъ.

15. Нарушенія подсудности и инстанцій преслѣдовались гораздо строже въ эпоху кормленій, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, потому что въ первомъ случаѣ соединены были съ уменьшеніемъ доходовъ кормленщика.

16. Въ древнѣйшемъ судѣ послѣдовательно проходитъ начало частнаго договора. Этотъ характеръ суда есть

общій у всѣхъ европейскихъ народовъ до появленія государственной власти.

17. Древнѣйшій судъ имѣлъ основаніемъ поединокъ.

18. Судебныя доказательства въ старинномъ, народномъ процессѣ имѣли цѣлію не доказать бытіе факта, а внушить судьѣ довѣріе къ тяжущемуся или его свидѣтелямъ. Настоящее значеніе доказательствъ они пріобрѣтаютъ подъ вліяніемъ государства.

19. Различіе между гражданскими и уголовными дѣлами не было ясно сознаваемо во весь до-петровскій періодъ русской исторіи.

20. Степень вмѣшательства судьи въ ходъ процесса (Untersuchungsmaxime) никогда не была опредѣлена съ точностію, также какъ и способъ приведенія доказательства (Eventualmaxime). Это имѣло вліяніе на все развитіе судопроизводства.

21. Исторія судопроизводства до Петра Великаго представляетъ постепенное склоненіе отъ обвинительнаго начала къ слѣдственному. Въ концѣ XVII вѣка, какъ судъ, такъ и очныя ставки были проникнуты послѣднимъ и приближались къ розыску.

22. Развитіе процесса послѣ Судебника совершалось подъ исключительнымъ вліяніемъ судебной практики, которая не всегда была согласна съ законодательствомъ.

23. Докладъ былъ сначала произвольнымъ совѣщаніемъ о правѣ, а потомъ ограниченіемъ областной юрисдикціи. Въ XVII вѣкѣ основаніемъ для него служила недостаточность закона; поэтому о случаяхъ, когда требуется докладъ, не было точныхъ опредѣленій.

24. Аппелляція имѣла сначала характеръ суда съ судьею. При воеводахъ судъ во второй инстанціи рѣдко

былъ пересмотромъ рѣшенія. Вмѣсто того, или дѣло доканчивалось въ высшей инстанціи, или производилось слѣдствіе о взяткахъ.

25. Жалоба на судебное рѣшеніе въ XVII вѣкѣ не отличалась отъ доноса.

26. Въ преобразованіи судоустройства Петръ Великій постоянно имѣлъ въ виду старинное управленіе. Его мѣры были направлены противъ главнѣйшихъ недостатковъ послѣдняго.

27. Въ судоустройствѣ Петръ Великій держался системы трехъ инстанцій, но она не была строго проведена въ слѣдствіе не совершенно правильнаго областнаго дѣленія.

28. Мѣры Петра въ судоустройствѣ имѣли цѣлію упростить его посредствомъ исключительнаго признанія одного изъ господствовавшихъ въ немъ началъ. Колебанія относительно формы процесса объясняются положеніемъ его до реформы.

29. Судъ по формѣ потерялъ прежнее значеніе подъ вліяніемъ судебной практики.

30. Управленіе XVIII вѣка нельзя рѣзко отдѣлять отъ прежняго. Окончательное устраненіе началъ XVII столѣтія произошло только при Екатеринѣ II.

31. Главная задача XVIII столѣтія относительно судопроизводства состояла въ приведеніи въ порядокъ старинныхъ формъ. Мѣрами этого времени положенъ предѣлъ неправильному развитію процесса.

32. Исторія русскаго процесса находится въ тѣсной связи съ развитіемъ государства.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.			*Должно читать.*
Стран.	Строка.		
21	11	но	не
22	1	Сентября	сентября
27	5	48)	43)
30	18	30)	50)
	31	35)	55)
46	8	сулнымъ	суднымъ.
53	10	судебной власти	судебной власти 111)
58	28	Московскихъ	московскихъ
59	13	прежней	прежней,
60	19	вслѣдствіе	въ слѣдствіе
64	4	дозволено	дозволено 132)
65	1	начало	начало 137)
73	4	не относясь	не относясь къ
82	9	видѣнъ	виденъ.
86	24	проруки	прорухи.
88	въ примѣч.	66) 67)	166) 167)
93	15	такъ и стороны	такъ и со стороны
106	15	великой княгини Мароы	великой княгини инокини Мароы
117	33	Областной	областной
129	25	Приказа	приказа
	30	Указа	указа
151	12	но	но тогда
153	25	Приказу	приказу
175	9	пять лѣтъ	пять лѣтъ 266)
186	7	нѣмцы	Нѣмцы
537	15	путанницы	путаницы

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ: «привиллегія» вмѣсто «привилегія», «апелляція» вмѣсто «аппелляція»; въ главѣ V, по ошибкѣ, названія губерній напечатаны въ иныхъ мѣстахъ съ маленькою буквой.

